

И.И. КАЛИГАНОВ

Веков связующая нить

ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ И ПОЭТИКИ
СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР И КУЛЬТУР

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

И.И. Калиганов

ВЕКОВ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

**(ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПОЭТИКИ
СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР И КУЛЬТУР)**

МОСКВА, 2006

80
ББК 63.3 (4)
К 17

Ответственный редактор:

академик РАН, доктор исторических наук, профессор Л.В. Милов

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор С.В. Никольский

доктор филологических наук, профессор В.В. Калугин

Художественное оформление, верстка: Ю.Г. Кучмаева

Калиганов И.И. Веков связующая нить. – М.: Институт

К 17 славяноведения РАН, 2006. – 602 с.

ISBN 5-7576-0193-0

80
ББК 63.3 (4)

В сборнике рассматривается широкий спектр проблем истории и поэтики литератур и культур ареала Slavia Orthodoxa с IX по XX век включительно. В центре внимания ученого – специфика литературных связей между Болгарией, Русью и Сербией в средневековый период, истинные объемы и хронология южнославянского литературного влияния на Руси, вопросы методологии их исследования. В цикле работ по-новому представлены процессы развития сербской и болгарской культур на протяжении многих столетий, проанализированы малоизвестные страницы ряда крупных писателей славянского юга.

Автора волнуют судьбы славянских культур в глобализирующемся мире и возможные сценарии их развития, большое место отводится значению национальных культурных традиций в быстро меняющейся современной действительности.

Книга рассчитана на филологов, историков культуры, преподавателей, студентов и широкий круг читателей, интересующихся культурой славянства.

© И.И. Калиганов, 2006

© Государственная академия славянской культуры, 2006

© Институт славяноведения РАН, 2006

© ООО Научно-издательский центр “Инженер”, 2006

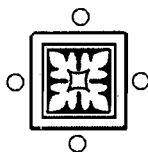

СОДЕРЖАНИЕ

Веков связующая нить (предисловие акад. Л.В. Милова)	6
Некоторые черты литературного общения болгар, русских и сербов в эпоху Средневековья	11
Несколько соображений о методике изучения болгаро-сербско-русских средневековых литературных связей	31
Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Руси	52
Вопросы поэтики древнеболгарской литературы и литературные связи	69
Литература православного славянского Средневековья в трудах российских ученых за 1993–1994 гг. (обзор содержания и критические замечания)	77
Болгаро-русские литературные связи эпохи Средневековья (критический обзор мнений и задачи изучения)	105
Регионализм в древних литературах ареала Slavia Orthodoxa (вопросы терминологии и методологии исследований)	132
Тысячелетние традиции болгарской литературы	143

Жанры в болгарской литературе IX–XII вв.	172
Размышления о македонском “срезе” палеоболгаристики	208
Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы	220
Типологические особенности балканских мартириев в XV–XVIII столетиях	257
Поэтика балканских мартириев конца XV – начала XIX в.	266
Книги московской печати XVII в. в библиотеке Рильского монастыря	276
Из истории болгарской литературы и культуры (основные черты литературной жизни первых десятилетий XIX в.)	283
Болгарская культура эпохи национального Возрождения	308
Вена в судьбе и творчестве болгарских писателей последних десятилетий XIX – середины XX в.	348
Малоизвестные страницы из “неровного” творчества Антоня Страшимирова 10-х–20-х годов XX в.	367
Национальная история в романах Димитра Талева	389
Сербская культура эпохи Средневековья	398
Конец ордынского ига и немеркнувший свет Куликова поля	466

Изменение культурного ландшафта на территории бывшего СССР (современная ситуация, интегрирующие и дезинтегрирующие факторы, возможные сценарии)	483
О роли Русской Православной Церкви в строительстве новой России	501
Не останется ли Россия без Ивана Вазова в XXI в.?	509
Славянские Культуры: Корни и Крона	520
Справка о помещенных в сборнике материалах.....	528
Справка об авторе.....	531
Указатели:	
- именной	533
- географических названий (включая названия монастырей, скитов, церквей, часовен)	564
- памятников письменности, произведений литературы и искусства	582

ВЕКОВ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Сегодня редко увидишь сборник избранных работ даже какого-либо известного ученого. Предпочтение отдается коллективным или индивидуальным научным монографиям. Но бывают особые случаи, когда сборник исследователя создается по определенному общему замыслу, когда анализируемые в нем материалы рассматриваются под предварительно обдуманном углом зрения. Мы имеем дело именно с таким случаем. К этой мысли мы вернемся вновь в конце предисловия, а пока попытаемся вкратце охарактеризовать содержание сборника.

Помещенные в нем работы свидетельствуют о незаурядной эрудиции автора. Он обладает способностью свободно перемещаться по временной вертикали и анализировать целые эпохи или отдельные их явления с древнейших времен до современности. Ему присущи зоркий взгляд и точность характеристик, причем последние надолго запечатлеваются в памяти читателя в силу своей образности. Ошибочно думать, что родовые признаки научной истины только сухость и строгость – гораздо чаще она открывается благодаря новому подходу к проблемам и эвристичности исследовательского мышления. Именно они помогают ученому уловить значение ряда, казалось бы разрозненных, фактов и осознать, что в действительности эти факты образуют собой некую важную совокупность, являют собой некий важный фактор. Но это лишь одна сторона дела. Истину мало открыть – ей следует дать яркую, точную, запоминающуюся характеристику. И.И. Калиганов щедро наделен этими ценными для исследователя качествами. Нестандартность мышления и дар точного, крылатого слова пронизывают практически все его научные работы.

Ученый умеет увлекательно говорить о сугубо профессиональных, вообщем-то скучных, научных материях. Возьмем хотя бы текстологию и технику критического издания средневековых славянских литературных памятников... Десятки лет в нашей науке успешно действуют правила, разработанные под руководством патриарха отечественной медиевистики,

акад. Д.С. Лихачева. Но применительно к изданию попадавших на Русь и распространявшихся у нас литературных памятников южных славян эти правила оказались мало эффективными. По причине малого числа разночтений, возникавших при работе русских переписчиков над такими памятниками, изучать их рукописную традицию было крайне затруднительно. И.И. Калиганов разработал новые, более строгие правила критических изданий, позволяющие преодолеть упомянутое узкое место. Это, на первый взгляд, небольшое усовершенствование эдичионной техники, на самом деле, как показывает ученый, связано с гораздо более широкими проблемами: уточнением времени попадания многих южнославянских литературных произведений на русскую почву, прояснением авторства ряда памятников, считающихся анонимными, возможностью подвергать памятники текстологическому анализу при помощи ЭВМ и так далее (“Несколько соображений о методике изучения болгаро-сербско-русских средневековых литературных связей”).

Эта же особенность, – великолепное умение устанавливать связь частного с более общим, – проявляется и при обращении исследователя к иным сложным вопросам современной медиевистики. Важный вклад вносит он в изучение литературных и культурных связей между Болгарией, Сербией и Русью в эпоху Средневековья. Их периодизация и объем литературных влияний вызывали давние споры между литературоведами, лингвистами и историками книги. Но, как показывает И.И. Калиганов, противоречия между представителями данных областей науки порождались главным образом неоднородностью принимаемых во внимание материалов. Лингвисты ставят акцент на языковых изменениях, привлекая к анализу так называемые “памятники традиционного содержания” (богослужебные книги). Книговедов интересуют сами факты проникновения книг в инославянскую среду без учета их содержания. А для литературоведов главное – воздействие произведений славянских авторов на творчество местных писателей. Именно это обстоятельство и приводило к разному мнению о хронологии и объеме болгаро-русско-сербских взаимовлияний (“Некоторые черты литературного общения болгар, русских и сербов в эпоху Средневековья”).

Ученый убедительно показывает, что в эпоху Средневековья контакты, влияния и связи между болгарами, русскими и сербами в указанных сферах имели несовпадающую периодизацию и объемы воздействия. Ему удалось внести ясность в вопросы о характере и хронологии второго южнославянского влияния на Русь, поставленные много лет назад акад. Д.С. Лихачевым на Международном съезде славистов в Софии. Выводы И.И. Калиганова оказались несколько неожиданными, в особенности для тех, кто привык

оперировать традиционными представлениями. Остановимся хотя бы на некоторых из них. В средневековую эпоху литературное воздействие одной славянской страны на другую могло быть односторонним; русское литературное влияние в болгарских землях началось только в XVIII столетии. Характер литературного воздействия в период первого и второго южнославянских влияний на Русь оставался по сути одинаковым, второе южнославянское влияние в русских землях накладывалось на первое, неразрывно с ним переплетаясь; до XV столетия литературное влияние, шедшее на со славянского юга на Русь, было болгарским – ни одного случая воздействия оригинальных сербских произведений на творчество русских писателей до указанного века в науке не зафиксировано. Оригинальные сочинения, созданные на славянском юге, попадали на русскую почву не сразу, а спустя большой промежуток времени: от полувека то полутора столетий (“Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Русь”).

Очень ценными представляются и наблюдения И.И. Калиганова о специфике болгаро-русско-сербского средневекового литературного общения. Благодаря его разысканиям литературная общность ареала *Slavia Orthodoxa* получила более ясные очертания. Ученый установил такие важные особенности межславянского литературного взаимодействия как “ансамблевость” проникновения литературных памятников в инославянскую среду, взаимодополняемость жанровой сетки в литературах православных славянских народов, негласный запрет на разработку инославянских сюжетов, не распространявшийся на сочинения византийских авторов, и др. Подобные выводы могли бы выглядеть спорными, если бы они не опирались на огромные массивы рукописных и печатных первоисточников. Прежде чем прийти к каким-то умозаключениям, автор обычно проводит фронтальный опрос соответствующих источников, стремясь, по возможности, охватить их во всей полноте. Именно это дает ему моральное право на обращение к таким широким темам, как типология и поэтика балканских маририев конца XIV – начала XIX вв. или книги Московской печати XVII в. в библиотеке болгарского Рильского монастыря.

Следует упомянуть также не только о научных работах И.И. Калиганова, но и о его преподавательской деятельности. Вот уже более четверти века читает он лекции, ведет спецкурсы и семинары в авторитетнейших вузах Москвы (см. справку об авторе в конце сборника). Начав трудиться рядовым преподавателем, он постепенно вырос до профессора, зав. кафедрой и декана филологического факультета Государственной академии славянской культуры. Ученый передал и продолжает передавать свои знания сотням российских и зарубежных студентов: он выступал не только перед московскими студентами,

но и в качестве гость-профессора читал лекции в университетах Италии, Болгарии, Чехии и Словакии.

В какой-то мере представление о лекторском даре И.И. Калиганова дает публикуемая в сборнике лекция “Конец ордынского ига и немеркнувший свет Куликова поля”. Она была произнесена ученым перед студентами и преподавателями Государственной академии славянской культуры непосредственно перед посещением ими Куликова поля летом 2005 г. К сожалению, многое из того, что блестяще читается в стенах наших вузов, со временем безвозвратно утрачивается. Существовавшая прежде традиция издания лекций известных профессоров (В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, Е.В. Тарле и др.) в России, увы, заметно ослабела. Поэтому помещение в данном сборнике лекции И.И. Калиганова – дело оправданное и полезное. Слово лектора воскрешает в нашем сознании события давно минувших дней, воссоздает атмосферу духовного подъема наших предков накануне и в ходе битвы с сильным и жестоким врагом.

Своеобразным логическим продолжением этой лекции воспринимаются работы И.И. Калиганова о современной России, переживающей, как известно, далеко не лучшие времена (см., например, статью “Изменение культурного ландшафта на территории бывшего СССР: современная ситуация, интегрирующие и дезинтегрирующие факторы, возможные сценарии”). Ученого живо интересует судьба нашей родины и ее культуры, неизбежное изменение культурного ландшафта в ее бывших границах, возможные повороты дальнейшего хода русской национальной истории. Данная работа подтверждает старую истину о том, что талантливый человек бывает талантлив во всем, за что бы не брался. Здесь И.И. Калиганов проявляет себя не только как историк культуры, но и как политолог. Он показывает, что облик грядущей российской культуры будет зависеть от того, чем станет Россия в ближайшие десятилетия, сумеет ли она снова политически объединиться хотя бы с частью бывших союзных республик, и с кем будет возобновлен политически прочный союз. Важную роль в становлении новой России, по справедливому мнению И.И. Калиганова, призвана сыграть Русская Православная Церковь, чей огромный духовный потенциал все еще используется недостаточно полно (“О роли Русской Православной Церкви в строительстве новой России”).

Не меньше волнует его и судьба болгарской культуры, ее нынешнее плачевное состояние, ослабление ее связей с генетически родственной русской культурой. Ученый ищет выход из сложившегося бедственного положения, обменивается посланиями с президентом Болгарии Петром Стояновым, поднимает свой голос в защиту традиционных болгарских культурных

ценностей (“Не останется ли Россия без Ивана Вазова в XXI в.?”). Эта работа построена на примере судьбы произведений болгарского литературного классика Ивана Вазова в России и служит доказательством важности для развития болгарской литературы русского языкового посредства, находящегося ныне на грани полного исчезновения. Читатель вдруг явственно ощущает незримую связь времен и начинает осознавать, что жизнеспособность современной национальной культуры всецело зависит от неразрывности последней со своими вековыми корнями.

Необходимости сохранения национальных славянских культур в современном глобализирующемся мире посвящена заключительная статья сборника – “Славянские Культуры: Корни и Крона”. Она повторяет название научно-исследовательского центра, который был создан в Государственной академии славянской культуры по инициативе И.И. Калиганова, ставшего его первым директором.

Таким образом, поэтическое заглавие книги И.И. Калиганова – “Веков связующая нить” – было выбрано им не случайно. Практически во всех помещенных в ней материалах (которые охарактеризованы здесь лишь частично) просматривается единый системообразующий стержень. Автор ни на минуту не забывает об обусловленности поступательного движения культуры предшествующим цивилизационным развитием и того факта, что сама она становится очередной ступенью для дальнейшего духовного восхождения. Отсюда и проистекает стремление И.И. Калиганова оперировать целыми культурными эпохами или даже проследивать эволюцию славянских православных культур на протяжении целого тысячелетия. Но стремление это не придает наблюдениям и выводам ученого налет некой недосказанности или поверхностности – его научная эрудиция, вдумчивость и умение найти нужное, точное слово делают книгу заметным научным явлением. Думается, у нее найдется много благодарных читателей.

Академик Л.В. Милов

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЩЕНИЯ БОЛГАР, РУССКИХ И СЕРБОВ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Литературное общение болгар, русских и сербов и степень его интенсивности в эпоху Средневековья определяло значительное количество факторов. Среди них огромную роль, несомненно, играли следующие: а) принятие тремя народами христианства в его “восточном” византийском варианте; б) наличие или отсутствие между их государствами смежных политических границ; в) иноземные нашествия на их земли, приводившие к тотальным опустошениям и утрате политической независимости: византийское владычество в Болгарии в XI–XII столетиях, политическое подчинение русских земель Орде в XIII–XV вв., захват Балкан османскими завоевателями и уничтожение болгарской и сербской государственности в XIV и XV столетиях; г) существование общего литературно-книжного языка, который несмотря на наличие его болгарского, русского и сербского изводов, был понятен славянским книжникам без переводчиков; д) расцветы литератур и письменности в Болгарии в эпоху царя Симеона и патриарха Евфимия Тырновского (конец IX – начало X в. и XIV столетие), в Киевской Руси и Московском централизованном государстве (вторая половина XI в. – 1240 г. и XV–XVI столетия), в Сербии в XIII–XV вв., и другие факторы.

Подробно проанализировать их в небольшой работе практически невозможно. В ней делается попытка выделить некоторые иные обстоятельства литературного общения болгар, русских и сербов в XI–XVII вв. Очевидно, их также следует принимать во внимание при рассмотрении славянских литературных связей эпохи Средневековья. В статье речь идет только об оригинальных памятниках болгарской, русской и сербских литератур. Взаимообмен литературными памятниками неславянского происхождения – предмет другого исследования. Анализу подвергается преимущественно движение южнославянских литературных сочинений на Русь.

Литературное общение болгар, русских и сербов по своим формам и видам в период Средневековья существенно отличалось от современного. Большое воздействие на него оказывал преобладающий рукописный способ существования средневековой славянской книги. Ручной труд господствовал на всех этапах создания рукописей, и работа над ними обычно продолжалась по несколько месяцев, а порой и более одного – полутора лет. Книжники нередко совмещали функции редактора, составителя, художника-оформителя и непосредственного переписчика. Допускалось разделение труда. В работе над рукописью могли участвовать несколько переписчиков. Заставки и миниатюры мог выполнять книжник, приглашенный со стороны, а сшить и одеть в переплет готовые и украшенные тетрадки могли даже за границей¹.

Медленные темпы изготовления средневековой рукописной книги сужали возможности для ее интенсивного распространения и широкого охвата читателей. Каждый манускрипт являлся своего рода “изданием” тиражом в один экземпляр. Каждая рукопись была уникальной: невозможно найти две абсолютно одинаковые средневековые рукописные книги. Современники усматривали в них не только значительную культурную, но и материальную ценность. Цены на книги были сравнительно высокими и не снижались даже тогда, когда бумага постепенно вытеснила более дорогой пергамен, и с одноэкземплярными рукописными “тиражами” стали конкурировать старопечатные славянские издания, выпускавшиеся по 1–2,5 тысячи экземпляров. Еще дороже были рукописные славянские книги в период раннего средневековья. На Руси в XI–XIII столетиях средняя книга оценивалась в несколько гривен серебра и являлась практически недоступной мелким ремесленникам, не говоря уже о крестьянах – основной части населения русских земель².

Для интенсивного распространения древнеславянских рукописных книг имелось и другое препятствие. В XI–XV столетиях они обычно изготавливались не на собственные средства копииста с целью свободной продажи на книжном рынке, а после конкретного заказа состоятельного церковного или светского лица. И здесь возникал некий замкнутый круг. Прежде чем заказать копию произведения, с ним следовало ознакомиться, а это было не так-то легко, поскольку средневековый владелец книги предпочитал не расставаться со своей драгоценной собственностью и ограждал ее от посторонних глаз охранительно-заклинательными надписями. Конечно, это препятствие касалось в первую очередь произведений светских. Книги богослужебные были хорошо известны подавляющей массе населения Болгарии, Руси и Сербии по причине своего постоянного употребления в церковном обиходе. После принятия христианства наиболее интенсивно в

болгарских, русских и сербских землях переписывались богослужебные тексты. Не случайно на них приходится более 90% сохранившегося древнеславянского рукописного фонда XI–XIV вв. Однако то обстоятельство, что от древнейшего периода дошли главным образом книги богослужебные, объясняется не только их значительной распространенностью в прошлом, но и иными причинами. Большая степень их сохранности, очевидно, вызвана тем, что они находились в каменных церквях, служивших хорошим укрытием от частых в эпоху Средневековья вражеских нашествий и пожаров.

Вероятность попадания светских и внебогослужебных памятников южных славян в древнерусскую книжность была несравненно меньше, чем текстов, потребных в церковной и монастырской практике. Тем не менее такие памятники на Русь попадали. Средневековая славянская книга, особенно богато украшенная миниатюрами и заставками и одетая в нарядный переплет с полудрагоценными камнями, иногда становилась военным трофеем. Знаменитый Изборник, своеобразная энциклопедия, переведенная с греческого в Болгарии в эпоху царя Симеона, возможно попал на Русь после походов князя Святослава на Балканы в конце 60-х – начале 70-х годов X в.³ Оригинал рукописи до нашего времени не дошел, но его русская копия, выполненная в 1073 г., свидетельствует об огромной художественной и материальной ценности протографа. Южнославянские книги могли оказаться на Руси и в результате русско-византийских династических браков и заказываться как подарки в константинопольских монастырях, где наряду с греками трудились болгарские и сербские переводчики. Они, наконец, могли покупаться русскими паломниками. Уже в XI столетии в Византии побывали основатель Киево-Печерского монастыря Антоний Печерский, Варлаам Хутынский, игумен Даниил и, видимо, другие духовные лица. Паломничество совершали также русские князья и княгини, бояре и богатые купцы. Однако преувеличивать роль походов, династических браков и хождений не следует. Случаи попадания южнославянских светских и полусветских произведений подобным путем, по всей вероятности, все-таки были единичными.

Проникновению болгарских и сербских оригинальных памятников способствовало наличие центров межславянского общения, где книжники сравнительно быстро знакомились с литературными новинками родственных славянских народов: ими являлись Киев, Константинополь и Афон. Первый из них просуществовал в качестве места общения древнеславянских авторов относительно недолго. Пик литературных контактов между книжниками в этом межславянском центре приходится на конец X – первую четверть XI в. В конце первого тысячелетия болгарские книжники принесли на Русь готовые переводы богослужебных текстов⁴.

Однако болгарские светские памятники попали в Киев, вероятно, спустя полтора-два десятка лет, когда на Русь устремилась волна болгарских беженцев, гонимых растущей византийской экспансией. Киев был хорошо знаком болгарским духовникам по предшествующей миссионерской деятельности, и, очевидно, именно здесь они и их светские покровители обрели пристанище. Во время этой вынужденной миграции и попали на русскую почву памятники симеоновской эпохи – “золотого” века болгарской литературы.

Спустя несколько десятилетий они сыграли роль своеобразного катализатора в зарождении самобытной русской литературы. Она стала крепнуть, и во второй половине XI–XII в. в ней создавалось гораздо больше светских произведений, чем в утратившей политическую независимость Болгарии. В XII столетии в Киеве предпринимается грандиозное мероприятие: перевод с древнегреческого пролога⁵, в который были включены южно- и восточнославянские статьи. На завершающей стадии работы, очевидно, принимали участие не только русские книжники, но и переводчики со славянского юга. К тому времени Болгария сумела сбросить византийское ярмо и восстановить книжные традиции. Успела окрепнуть и оформиться и древнесербская литература, зародившаяся, по-видимому, одним или двумя веками ранее⁶. Поэтому предположение о совместном характере деятельности болгарских, русских и сербских книжников над прологом не выглядит преувеличением.

Роль Киева как крупного центра межславянского общения оборвалась после разорения его в 1240 г. В более поздних исторических источниках нет никаких сведений о том, что древнерусской столице удалось возродить свою межславянскую функцию.

Более стабильным центром межславянского общения являлся Афон, где еще в период раннего средневековья существовали греческие, армянский и грузинский монастыри. Позднее к ним присоединились славянские: болгарский Зографский (X–XI в.), русский Пантелеймонов (вторая половина XII в.) и сербский Хиландарский (конец XII в.). Афон пользовался статусом экстерриториальности, не подчинялся византийским властям, сохранив свое особое положение и после падения Византии. Османские завоеватели ни разу не подвергали Святую Гору опустошению.

Славянские монастыри на Афоне располагали библиотеками и книгописными мастерскими, обменивались рукописями; болгарские, русские и сербские монахи переходили на жительство из одной обители в другую. Помимо этого монастыри также получали дарения от крупных феодалов и властителей, дававшие возможности постоянно контактировать с родственными славянскими странами. Например, в конце XIV в. русский Пантелеймонов монастырь получил от вельбуждских деспотов земельные угодья и храмы, в

1466 г. заключил договор о сотрудничестве с Рильской обителью и обрел подворье на болгарской земле⁷, афонские южнославянские монастыри имели самостоятельные сношения с Новгородом и т. д. Установление связей за пределами Афона, где преобладала церковно-религиозная книжность, увеличивали вероятность знакомства русского духовенства со светскими памятниками южных славян, а тех, в свою очередь, с русскими.

В эпоху позднего Средневековья централизованное русское государство превратилось в главный моральный и материальный оплот поработенных православных болгар, сербов и греков. В XVI в. в Москве недалеко от Кремля открываются подворья для южных славян и греков, приехавших за сбором пожертвований на церковные нужды и, как правило, получавших в дар и книги, преимущественно церковно-религиозного содержания.

Центром межславянского общения в X – первой половине XV в. являлся и Константинополь, в чьих монастырях постоянно обитали монахи славянского юга и востока. Славянские монахи-переписчики копировали болгарские, русские и сербские оригиналы: в 1388 г. русский писец Зиновий переписывает Диоптру, русский книжник Сергей в 1392 г. сборник житий и поучений. В первой половине XV в. в константинопольских обителях работают русские книжники Афанасий, Тимофей, Евсевий, Ефрем и другие. Церковно-монастырские каналы играли важную роль в распространении рукописной книги и не зависели от военнополитической или дипломатической ситуации. По этим каналам рукописные книги преимущественно церковно-религиозного назначения сравнительно быстро попадали из одной славянской страны в другую.

Одной из особенностей культурного общения между южными славянами и русскими в средневековый период являлась “ансамблевость” проникновения литературных сочинений из страны в страну. Д.С. Лихачев⁹ вводит это понятие применительно к хронографам, летописям, житиям и другим древнерусским произведениям для обозначения разностильности составляющих их компонентов. В нашем случае это понятие имеет несколько иной смысл. Многие сочинения средневековых авторов очень невелики по объему (от 3 до 20 страниц). Средневековые славянского юга и Руси почти не знает микроформ рукописного бытования литературных памятников. Исключение составляли лишь образцы деловой письменности, предназначенные для конкретных практических нужд. Они не только не попадали на инославянскую территорию – сфера их бытования даже на родной почве ограничивалась стенами конкретного монастыря, княжеской или царской канцелярии и т.п.

Памятники литературного предназначения распространялись обыкновенно в составе более объемных рукописных книг, соседствуя здесь с сочинениями

других, иногда и неславянских, авторов. Например, древнейший русский список “Сказания о письменах” болгарского писателя X в. Черноризца Храбра объединен в рукописи XV в. с “Шестодневом” Иоанна Экзарха – болгарского книжника, современника Черноризца. В этой же рукописи имеется и экзарховский перевод сочинения Иоанна Дамаскина “Небеса”¹⁰. Другой список “Сказания” в Чудовском сборнике XV в. помещен с религиозно-учительными словами на христианские праздники, посланием болгарского патриарха Евфимия Тырновского (1373–1393) афонскому монаху Киприану, “индексом” запрещенных книг Киприана¹¹.

Южнославянские памятники, наподобие “Сказания” Черноризца Храбра, очень необычны и нетрадиционны по жанровым и идейно-тематическим характеристикам. По этой причине коэффициент их идейно-тематического сцепления с сочинениями других авторов сравнительно невелик. И на своей родной почве, и на инославянской они свободно переходили из одного вида сборников в другие, являя собой типичный пример кратковременных “ансамблей”. Достигая русских пределов, “ансамбль” мог довольно быстро распадаться, а его составляющие – разбредаться по Руси вплоть до Соловков или Сибири. При этом обычно использовались “перекладные”: минеи сменялись на торжественники, торжественники на прологи, прологи на сборники смешанного содержания или пален, цветники, измаргады и т. д. Инославянское произведение на русской почве могло пролежать втуне около полувека или, наоборот, за тот же промежуток времени распространиться в десятках копий и достичь противоположного конца государства.

Некоторые “ансамбли” проявляли большую спаянность, объединяя небольшие произведения в устойчивые циклы. Они могли принадлежать одному и тому же или нескольким авторам. Спаянными “ансамблями” были некоторые сочинения Климента Охридского, Константина Преславского, Григория Цамблака и других южнославянских книжников. Клименту Охридскому, например, принадлежит более сотни сочинений, зафиксированных в русской рукописной традиции в определенных циклах.

Сравнительно устойчивыми по составу было Учительное Евангелие Константина Преславского – цикл из 51 учительной беседы, предназначенный для прочтения на протяжении христианского календарного года. Древнейший русский список Учительного Евангелия относится к концу XII в.¹², а его устойчивая рукописная традиция продолжалась почти пять веков. Двадцать две проповеди Григория Цамблака, объединенные в цикл чтений от недели мытаря и фарисея¹³, появились в русской рукописной традиции по крайней мере с 30-х годов XV в.¹⁴.

Аналогично этому циклы произведений других южнославянских писателей порой составляли своеобразные устойчивые “ядра” со значительным

внутренним сцеплением. Со временем оно могло ослабевать, и тогда осколки “ядер” разлетались, попадая в разнообразные рукописные формирования. В русские торжественники, праздничные минеи, сборники смешанного содержания и другие рукописные книги включались отдельные произведения Климента Охридского, Константина Преславского, Иоанна Экзарха, Пахомия Серба и других книжников. Процесс “расщепления” происходил иногда на родине писателя, а иногда и в инославянской среде. Например, Торжественник как тип сборника сформировался еще в XIV в. на славянском юге в Болгарии¹⁵. И, видимо, тогда же южнославянские книжники включили в него несколько слов Климента Охридского. Чуть позже Торжественник проник в древнерусскую книжность, уже заключая в себе “осколочные” сочинения этого писателя¹⁶. Это не противоречило тому факту, что климентовские произведения еще раньше бытовали в древнерусской письменности в виде относительно стабильных “ядер”.

В редких случаях, когда произведения южнославянских авторов были достаточно пространными, они могли проникать в древнерусскую литературу как отдельные рукописи. Таким, вероятно, было житие Саввы Сербского, написанное монахом Хилендарского монастыря Феодосием в конце XIII – начале XIV в. и привезенное в Московское государство в 1517 г.¹⁷. Видимо, рукопись содержала одно житие Саввы Сербского, поскольку оно достаточно объемно (в XVII в. русские переписчики даже стали разбивать его на главы)¹⁸. Но не исключено, что оно сопровождалось Похвалой Симеону и Савве Сербским. В русской рукописной традиции эти два памятника обычно встречаются вместе и, очевидно, они впервые появились на русской земле, образуя своеобразный дуэт. Таким образом, переход южнославянских литературных памятников на русскую почву по отдельности осуществлялся крайне редко и составлял скорее исключение, чем правило. “Ансамблевость” способствовала проникновению светских и внебогослужебных оригинальных произведений славянского юга в древнерусскую литературу даже посредством сугубо церковных книжных связей.

Медленные темпы распространения средневековой рукописной книги приводили к тому, что находившиеся в разных странах болгарские, русские и сербские писатели-современники почти не вступали между собой в непосредственные контакты. Пока сочинение того или иного южнославянского автора достигало русских земель, его самого, как правило, уже не было в живых. История взаимного проникновения славянских литературных памятников не дает примеров, когда какое-либо литературное произведение становилось общим для русских, болгар и сербов на протяжении одного или двух-трех десятилетий. Промежутки между временем создания и

временем проникновения памятников в инославянскую среду составляли от полувека до двух столетий. Древнейшие из уцелевших русских списков южнославянских литературных памятников обычно отстают от времени их создания по крайней мере на 40–50 лет (например, древнейший русский список “Слова похвального Константину и Елене”, написанного Евфимием Тырновским в 70-е–90-е годы XIV в., датируется приблизительно серединой XV в.)¹⁹.

Османское нашествие, как известно, вызвало миграцию болгарских книжников. Однако неверно было бы думать, что единственной землей обетованной они считали Московское государство, значительно от Болгарии удаленное. Османская экспансия на Балканах осуществлялась постепенно и продолжалась около двух веков. Последний болгарский оплот – Видинская крепость – пал в 1396 г., но еще около 60 лет неподвластной османам оставалась Сербия; не были тотально разорены Валахия и Молдавское княжество, сумевшее сохранить свою самостоятельность до XVI в. Оба эти феодальные государства связывали тесные культурные узы с соседней Болгарией. До падения столицы Второго Болгарского царства Тырнова в 1393 г. они в церковном отношении находились в тесном контакте с тырновской патриархией. Именно в Сербию и эти страны, очевидно, устремлялись болгарские книжники²⁰, а не в Литовско-русское княжество с его тогдашним церковным центром в Киеве, Новгородскую республику или северо-восточные русские княжества. И именно из Сербии, Молдавского княжества, Валахии и Афона впоследствии исходили рукописные “ветви” болгарских и сербских литературных памятников, дошедшие до России лишь в XV–XVI вв.

Крайне малая вероятность “прижизненного” проникновения литературных памятников южных славян на Русь, а русских в Болгарию и Сербию по причине рукописного способа существования книг исключала возможность корреспонденции между древними славянскими авторами из разных стран, полемики или творческой оппозиции, наблюдаемых лишь в литературе отдельно взятых стран. Контакты между древними славянскими книжниками в международном масштабе возникают главным образом лишь при получении политического убежища, либо церковно-служебного назначения. Так, русский князь Яков-Святослав, спасаясь от монголо-татарского нашествия в Болгарии, приобрел там значительное влияние и даже титул “деспота”. Яков-Святослав не порывал связи с родиной, переписывался с владимирским митрополитом Кириллом III и в 1261 г. удовлетворил его просьбу прислать Кормчую – свод церковных и гражданских законов, переведенных с древнегреческого. Впоследствии с этой рукописи в русских землях неоднократно снимались копии. Следы ее влияния явственно ощущаются в Софийско-новгородской (1282) и Рязанской (1284) Кормчих²¹.

Переписывались между собой болгарский патриарх Евфимий Тырновский и монах одного из афонских монастырей Киприан, ставший позднее всероссийским митрополитом. Последний, поднявшись на высшую ступеньку церковной иерархии, в свою очередь посылал письма своему племяннику Григорию Цамблаку в Сербию. Об одном из них, написанном в 1405–1406 гг., упоминается в “Слове надгробном митрополиту Киприану”, созданном Григорием Цамблаком²². Как и в случае с Яковом-Святославом, здесь, очевидно, мы имеем дело с формами деловой письменности. Вряд ли письма Киприана или митрополита Кирилла III были памятниками эпистолярного жанра, написанными в соответствии с правилами литературного этикета. Логичнее предположить, что они представляли собой конкретные записки, поскольку адресовались близким людям. Их тексты до нашего времени не дошли, что объяснимо не только беспощадностью времени, но и, возможно, скрытым дипломатическим характером этих писем, отсутствием литературных достоинств и деловым характером.

Упомянутое обращение патриарха Евфимия к афонскому монаху Киприану²³ носит иной характер. Его писание – не деловое письмо, а послание – иной жанр средневековой литературы и письменности, обладающий определенными законами. Послание Евфимия было рассчитано на более широкий круг читателей. Фактически оно адресовалось всем славянским духовникам Афона и содержало в себе наставления и поучения о правилах монастырской жизни. Благодаря своим литературным достоинствам и тесной связи с практикой монастырского быта, евфимиевское послание дошло до нас во многих списках, среди которых имеются несколько довольно ранних²⁴.

В период Средневековья писались и послания со славянского юга на восток. Адресатами обычно выступали всем хорошо известные исторические личности: Великие князья, государи Московской Руси или патриархи. Послания, как правило, носили коллективный характер и составлялись группами лиц, монастырской братией или Афонской монашеской республикой (послания святогорцев Великому русскому князю Василию III²⁵, Ивану Грозному, царю Михаилу Романову²⁶ и др.). В Московском государстве подобные документы оседали в архивах Посольского Приказа, патриаршей или великокняжеской канцелярии и были недоступны для посторонних глаз. Достоянием русской литературы они становились позднее, когда копии посланий уже неофициальным образом достигали русских земель.

Как бы то ни было, памятники деловой письменности обладали большими преимуществами по сравнению со светскими литературными произведениями в смысле быстроты попадания на инославянскую почву.

Эпоха Средневековья знает примеры миграции болгарских и сербских писателей в русские земли. В XIV–XV вв. на Руси творили южнославянские книжники Киприан, Григорий Цамблак и Пахомий Серб. Они создали более сотни литературных произведений, получивших богатейшее отражение в русской рукописной традиции.

Эти писатели, до конца своей жизни остававшиеся на Руси, попали сюда посредством церковно-религиозных “коридоров”. Киприан с благословения Константинопольской патриархии добился титула всероссийского митрополита; по киприановым стопам пошел и Григорий Цамблак, но достичь высшей ступени в русской церковной иерархии не сумел – он занял киевский митрополичий престол. Пахомий Серб прибыл впервые в русские земли в 1438 г., по всей вероятности, через Афон.

Эти замечательные писатели славянского юга развернули на новой родине бурную литературную деятельность. Находясь в Киеве и Вильно, Цамблак написал более трех десятков произведений жанра ораторской прозы. Самым плодовитым агиографом древнерусской литературы стал Пахомий Серб. Он написал около десяти житий русских подвижников и почти два десятка похвальных слов на ту же тему. Вклад Киприана сравнительно скромнен: цикл произведений о первом русском митрополите Петре (две версии жития, служба, похвальное слово) и пять посланий. Южнославянские авторы на русской земле проявляют исключительную литературную гибкость и обладают поразительной способностью к быстрой литературной адаптации. Жанровые различия и специфика в манере изложения материалов в болгарской, русской и сербской книжности в период раннего Средневековья все-таки имелись. А к XIV и XV вв. они еще больше углубились. Достаточно сравнить агиографический жанр в славянских литературах того времени: в болгарской он тяготел к слиянию жития и похвального слова, в Сербии продолжал развиваться в русле династических биографий крупнейших феодалов, все больше походя на своеобразные родословы, а в Московском государстве усложнился орнаментальными описаниями прижизненных и посмертных чудес местных подвижников.

При перемещении из одной славянской страны в другую в границах православного региона книжники довольно тонко улавливали эти различия и чутко на них реагировали. Второе житие Стефана Дечанского, написанное Цамблаком в Сербии еще до его приезда на Русь, полностью соответствует сербской агиографической традиции. Оно не похоже на болгарские жития IX–XIV вв., и ближе по своим особенностям, скорее, к сербским жизнеописаниям XIII–XIV вв. То же самое можно сказать и о житии Стефана Лазаревича, составленном после 1427 г. болгарским писателем Константином

Костенецким. Ему едва ли можно найти аналог в древней болгарской литературе, но оно прекрасно ложится в канву сербской агиографической традиции. Житие митрополита Петра в редакции Киприана лишено особенностей (элементы исихазма, обилие стилистических приемов в духе “плетения словес”²⁷), привязывающих этот памятник к болгарской литературной школе патриарха Евфимия Тырновского. Киприан создал его на основе анонимного русского жития 1327 г., учитывая вкусы древнерусского читателя и имея целью оправдание своего восхождения на русский митрополичий престол.

Учет местных особенностей сказывается и в творчестве Пахомия Сербя. Многие его жития и похвальные слова древнерусским святым не имеют сходства с сербскими агиографическими памятниками. В них не только использована русская житийная традиция, но и тонко уловлены оттенки культовых чувств местного населения к своим подвижникам. Наверное, по этой причине многие жития Пахомия по своей стилистике и тону настолько несхожи, что кажется, будто они написаны разными авторами²⁸.

В судьбе и деятельности этих книжников в XIV–XV вв. можно выделить некоторые общие черты: духовное звание, прибытие в русские земли через Афон и Константинополь, литературная плодовитость (жития и слова Пахомия Сербя, проповеди Григория Цамблака), широкое распространение их произведений еще при их жизни в русской рукописной традиции. До нашего времени дошли современные Киприану житие митрополита Петра и служба ему²⁹ и более сотни списков XV–XVII вв.³⁰. Количество русских списков некоторых произведений Пахомия Сербя колеблется от 150 до 200. Деятельность южнославянских писателей-мигрантов на Руси помогала преодолевать медленные темпы проникновения литературных памятников в инославянскую среду – их сочинения сразу же становились достоянием русской литературы. Но чаще всего они принадлежали только ей и не стали известны на славянском юге в период Средневековья. Следует отметить и еще один принципиальный факт: само миграционное движение было направлено главным образом со славянского юга на восток. Видимо, это обусловлено тем, что Русь находилась в более благоприятных условиях для литературного развития по сравнению с указанными славянскими странами, испытавшими византийское и османское иго.

На самом славянском юге также происходит миграция писателей. После падения Болгарии под ударами османов местные книжники смещаются к западу, на территорию тогдашнего сербского государства (Григорий Цамблак, Константин Костенецкий). С конца 50-х годов XV в., когда Сербию постигает подобная участь, между двумя бывшими государствами стираются политические

границы. Перемещения болгарских и сербских книжников на территории друг друга можно считать уже не эмиграцией, а движением по Румелийскому бейлербейству – европейской провинции Османской империи. Их произведения зачастую нельзя назвать только болгарскими или сербскими, ибо они в равной мере принадлежат обоим литературам. Книжники второй половины XV в. Владислав Грамматик и Димитр Кантакузин предназначают свои произведения не для какого-то одного определенного народа, а в одинаковой мере и для болгар, и для сербов. Водораздел проходит уже не между болгарской и сербской литературами, а более глубоко, разделяя порабощенных славян и иноземных завоевателей. В условиях османского ига литературные связи болгар и сербов становятся еще более тесными.

Иллюстрацией может служить “Рильская повесть” Владислава Грамматика, написанная в конце 60-х годов XV столетия и рассказывающая о возвращении мощей Ивана Рильского из бывшей болгарской столицы Тырнова в основанную подвижником Рильскую обитель. Это развернутое повествование, рассчитанное не только на болгарского, но и на сербского читателя. Оригинальных сочинений подобного плана, не дифференцированных строго по народностному признаку в смысле авторства или читательской аудитории, в XV–XVI вв. на славянском юге отыщется немало.

В отличие от литературы нового времени, в период Средневековья существовал запрет на разработку сюжетов, созданных в родственных славянских странах. Средневековая эпоха выработала довольно много запретов в области литературы. Они распространялись как на переводные канонические, так и на оригинальные самобытные литературные пласты, закреплялись письменно в виде “индексов” запрещенных произведений и бытовали негласно как часть эстетического сознания древнеславянских книжников. В “индексы” входили главным образом нетрадиционные варианты книг Священного Писания, произведения, произвольно трактующие ветхозаветные и новозаветные сюжеты или несущие в себе пережитки языческих верований. В них включались названия запрещенных произведений или имена их авторов. Состав “индексов” определялся постановлениями церковных соборов, предававших анафеме литературных вольнодумцев и анонимные “богомерзкие” книги (евангелия Никодима и Фомы, “Хождение Богородицы по мукам” и “Видение Исаиево”, “Детство Иисусово”, “Сказание о крестном дереве” и другие апокрифы). Иногда в “индексах” просто перечислялись имена запретных авторов: попа Богомила, Исидора, Варуха, Василия и других еретиков³¹. Сочинения многих из них не дошли до нашего времени или сохранились лишь в отрывках. Мы часто даже не знаем первоначального названия таких произведений и догадываемся об их содержании только по цитатам и антитезисам противников.

Вопреки запретам своевольной трактовки сюжетов Священного Писания, она имела место. Болгарские, русские и сербские апокрифы составляют в древних славянских литературах внушительный пласт. Несмотря на систематическое уничтожение апокрифов воинствующими церковниками, количество списков некоторых из них исчисляется многими десятками.

Более свободно чувствовали себя болгарские, русские и сербские авторы при обыгрывании тех или иных фактов из текстов Священного Писания. Однако эти факты не выстраивались ими в новый сюжетный ряд. Примером может служить жанр учительного красноречия у православных славян. В средневековых литературах Болгарии, Руси и Сербии существуют многочисленные варианты похвальных слов, посвященных одной и той же библейской теме: Слово на Рождество Христово, Слово на Преображение, Слово на Вознесение и т.д. Южнославянские писатели Иоанн Экзарх, Климент Охридский, Григорий Цамблак, русские книжники Кирилл Туровский, Серапион Владимирский и другие иногда по нескольку раз возвращались к любимым темам, создавая все новые и новые варианты слов. Но в сочинениях подобного рода в действительности создается не какой-то новый сюжет, а облачается в разнообразные словесные одежды один из общеизвестных библейских фактов. Авторы подобных слов ставят целью не создание принципиально новой трактовки факта, а облачение его в более нарядное кружево слова. Фактический стержень всего остается неизменным – меняется лишь его эпитетная “аура”. Крайняя степень превосходности эпитетов нередко выступает как мерило писательского таланта.

Запрет на разработку сюжетов, таким образом, распространяется и на жанр учительного красноречия. Хотя в нем и допускается известное варьирование, оно не ведет к изменению сюжетной канвы текстов Священного Писания. Неоднократные реформы языка и “правки” канонических книг в эпоху славянского Средневековья (Симеоновская и Евфимиевская в Болгарии, Ресавская в Сербии или Никоновская в России) всегда имели целью достижение ортодоксальной чистоты текстов и снятие с них “еретических” наслоений, возникавших с течением времени в результате неточностей в переводах.

Менее скованно чувствовали себя древние болгарские, русские и сербские авторы при переводе светских памятников неславянского происхождения. Русский и сербский переводы “Александрии” значительно разнятся между собой, что вызвано не только неодинаковостью протографов, но и разным отношением русских и сербских книжников к оригиналам³². Два перевода отличаются между собой вставками, обильными интерполяциями и пропусками отдельных частей текста. Переводя византийскую хронику Константина

Манассии (XIV в.), болгарский книжник Филипп добавил к ней многочисленные вставки, касающиеся национальной болгарской истории³³. Изложение некоторых исторических событий византийским хронистом с “ромейской” точки зрения, видимо, не удовлетворяло болгарского автора, сделавшего их более приемлемыми для местных читателей. Подобные примеры свободного обращения славянских книжников с материалами неславянского происхождения можно множить. Главное здесь то, что запрет на переработку сюжетов в период средневековья не распространялся на переводную литературу Византии и памятники других неславянских стран.

Переработке подверглись произведения как полусветско-полурелигиозного жанра, так и сугубо канонического. В древнерусской литературе бытовали повесть о перенесении мощей св. Николы из Мир Ликийских в Бари, ряд сказаний о чудесах Георгия Победоносца и другие памятники, развивающие соответствующие византийские сюжеты³⁴. В “Чуде святого Георгия с болгаринном” анонимного болгарского книжника X в. можно уловить такую же тенденцию, как и в древней русской литературе. Во второй половине XIV в. патриарх Евфимий Тырновский создает житие Петки Тырновской, переработав греческое агиографическое произведение, написанное еще в период раннего Средневековья и т.д.

Более строго относились книжники к текстам оригинальных сочинений, попавшим к ним из родственных славянских стран. Обмен оригинальными памятниками между болгарами, русскими и сербами в эпоху Средневековья был достаточно оживленным. И хотя в нем были периоды затишья и всплесков, на протяжении почти семисот лет он не изменял своей сути, состоявшей в крайне бережном отношении к фактам из текстов. Болгарские и сербские памятники не претерпевали существенного изменения на Руси, и, наоборот, русские литературные произведения не перерабатывались на славянском юге. Литературная история трех стран не знает случаев развития инославянских сюжетов. Текстологическое изучение болгарских и сербских памятников, бытовавших в русской рукописной традиции, показывает их инвариантный характер. Изменения затрагивают главным образом язык, свидетельствуют о постепенном языковом “обрусении” южнославянских произведений, но не касаются их сюжетов. Аналогичная картина наблюдается и в истории бытования русских памятников в Болгарии и Сербии. Их сюжеты остаются неприкосновенными и не развиваются местными книжниками.

В русской рукописной традиции зафиксированы редакции жития Ивана Рильского³⁵, Саввы Сербского³⁶, Стефана Дечанского, Стефана Лазаревича, неизвестные на славянском юге, но они представляют собой не развитие инославянских сюжетов, а их усечения.

Запрет на развитие инославянских сюжетов являлся частью эстетического сознания древнеславянских книжников. Хотя из южнославянских памятников на Руси и из русских в Болгарии и Сербии могли компилироваться отдельные куски, пассажи или предложения, но разработка самих сюжетов была своего рода “табу”. Этот неофициальный запрет не был закреплен в качестве особого пункта в “индексах”. Тем не менее он соблюдался довольно строго и почти не знает отклонений. Он объясняется не отсутствием дополнительных материалов, а эстетической целостностью болгарского, русского и сербского Средневековья. В противном случае неимение дополнительных сведений к неславянским сюжетам давало бы аналогичный результат, а этого, как мы видим, не происходило.

Развитию литературных связей между тремя народами в эпоху Средневековья способствовала их эстетическая цельность. Она охватывала главным образом произведения, создававшиеся в официальных скрипториях, и способствовала свободе эстетического перехода литературных памятников из одной славянской страны в другую. Этот переход облегчался и благодаря общности взглядов на мир, место в нем человека и литературного слова.

В отличие от западноевропейского “латинского” мира, в греко-славянском регионе не было общего языка-посредника. Древнегреческий язык не стал общелитературным для греко-византийской и славянской части *Raх Orthodoxa*. Фактически болгары, сербы и русские не пошли по пути, проторенному греко-византийской литературой. Их самобытный литературный путь имел свои особенности. Отсутствие языка-посредника между византийским и славянскими мирами в значительной степени задержало литературное развитие южных и восточных славян. Большинство литературных сокровищ Византии, ее великолепные светские памятники с сильными ренессансными веяниями (византийский тип культуры в IX–XII вв. был гораздо ближе к античному, чем западноевропейский) не стали известны в Болгарии, Руси и Сербии в IX–XVII столетиях. Периоды мирного сосуществования указанных славянских стран с Византией чередовались с продолжительными военными конфликтами, во время которых возможности знакомства болгарских, русских и сербских книжников со светскими византийскими произведениями значительно уменьшались. В центрах международного общения – Афоне, Константинополе и Киеве – литературные контакты осуществлялись главным образом в церковно-религиозном русле и обмен в них светскими памятниками становился возможным преимущественно благодаря “ансамблевости” рукописных средневековых книг. Число светских лиц, владевших греческим языком в Болгарии, на Руси и в Сербии в эпоху средневековья, по всей вероятности, было не так уже велико, а их путешествия в

Византию совершались не столь часто и, конечно, не с целью литературного образования.

И все же у болгар, русских и сербов сложился пласт византийских литературных памятников, общий для трех народов³⁷. Он создавался совместными усилиями болгарских, русских и сербских книжников, подключившихся по мере развития местных национальных литератур. В него входили переводные греческие памятники, служащие для них отправными точками: о христианской модели мира, его истории, морали и праве, физическом и духовном устройстве. Болгарскими, русскими и сербскими книжниками переводятся “Историческая Палея”, “Физиолог”, “Номоканон”, “Патерики” и т.д. Преимущество отдается произведениям раннехристианских писателей, и почти не обращается внимания на сочинения византийских авторов – современников.

Интерес будят и творения эстетического толка, написанные грекоязычными писателями в предшествующие исторические периоды. В эпоху царя Симеона в Болгарии переводится трактат Георгия Хировоска “О поэтических фигурах”, во второй половине XIV в. серб Исаия переводит сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита. Общим достоянием славян являлся и переводной труд Константина-Кирилла “О восьми частях речи” и т.д.

В X–XI столетиях значительную посредническую роль в деле формирования болгаро-русско-сербской средневековой литературной общности сыграла древняя болгарская литература. Имевшиеся в ней оригинальные и переводные византийские памятники способствовали быстрому становлению самобытных литератур русских и сербов. По верному определению Д.С. Лихачева, ее можно считать “литературой-посредницей”³⁸, однако ее монополярная посредническая функция, на наш взгляд, не простирается далее XI в. Начиная со следующего столетия на протяжении всего Средневековья вклады русских и сербов в общее дело не только не уступали, но порой и заметно превосходили болгарский. Пласт-посредник между славянским и греко-византийским мирами являл собой устойчивую, крепкую ось, вокруг которой происходило “круговращение” древних болгарской, русской и сербской литератур. Спираль их развития в эпоху средневековья была гораздо менее крутой, чем в позднейшие периоды. Ее условные витки в силу религиозного характера эстетического сознания книжников принимались за некий круг, служивший символом божества. По кругу, согласно представлениям средневековых писателей, осуществлялось движение мира, по нему должно было идти и движение литературы.

В этом круге каждая из упомянутых литератур имела свои собственные сегменты, излюбленные жанры, обжитые уголки. При попытке выделить

доминирующие жанры в литературах трех указанных стран сегментарность в их развитии сразу становится очевидной. В древней болгарской литературе таким жанром было учительное красноречие. Проповедники Климент Охридский, Иоанн Экзарх и Константин Преславский развили творческую активность приблизительно через тридцать лет после христианизации страны. По количеству созданных произведений этот жанр в эпоху Первого Болгарского царства превосходит все другие (жития, гимнография, летописи и т.д.). В Киевской Руси в качестве ведущего оригинального жанра на начальном этапе утверждается летописание, по интенсивности жанрового развития не имеющее аналога на славянском юге. А в Сербии после зарождения национальной литературы почти сразу же на первое место выдвигается жанр агиографии. Ее памятники, посвященные высшим духовным и светским феодалам, создаются для утверждения верховной государственной и церковной власти. Богоизбранность, святость и правомерность власти в силу династической преемственности житийных героев – основные темы сербских средневековых агиобиографий. Этим ярко выраженным особенностям сербской агиографии едва ли можно найти параллели в других литературах стран православного региона. При попадании на инославянскую почву литературные памятники доминирующих жанров не вызывают изменений в местной литературной жизни. Их функция заключается не в активном воздействии, а в дополнении. Появившись на русской почве, проповеди и похвальные слова Климента Охридского, Иоанна Экзарха и Константина Преславского не изменяют направленности древней русской литературы – они обогащают ее контекст, дают местным книжникам обильную духовную пищу. Точно так же обстоит дело и с русскими оригинальными памятниками, проникавшими в Болгарию и Сербию. Жития Бориса и Глеба (XI в.), Феодосия Печерского (XI в.), слова Кирилла Туровского (XII в.) и другие сочинения древнерусских авторов, достигнув славянского юга, не вносят изменений в родственные славянские литературы. Благодаря понятности языка подобные памятники легко читаются, понимаются и принимаются, но никогда не переосмысливаются.

Принцип литературной сегментарности был неотъемлемой частью эстетической цельности болгарского русского и сербского средневековья. Условные границы национальных сегментов не пересекались, хотя и обозначены в эстетическом сознании древнеславянских книжников. Но работа на уже эстетически освоенных “территориях” представляется им излишней. Это происходит лишь тогда, когда они волею судеб оказываются в родственных славянских странах и могут включиться в местный литературный процесс. По мере освоения новых эстетических территорий площади

болгарского, русского и сербского сегментов неизменно увеличиваются. Постепенно они заполняют все пространство средневекового литературного “круга” и пересекают его границы. Происходит выброс накопленной эстетической энергии в эпоху нового времени. Этот выброс протекает асинхронно.

Эстетическая цельность болгарской, русской и сербской литератур имеет свои хронологические рамки. Она возникает по мере появления литератур у русских и сербов и нарушается в XVI в. Нашествие османов существенно изменяет модели литературного развития болгар³⁹ и сербов, перекрывает естественные русла. Некоторое время литературное движение в этих странах идет по инерции в традиционном направлении. В литературе Московского государства эстетическая цельность продолжает ощущаться еще и в XVI в., поскольку ряд памятников литературы южных славян XIV–XV вв. достигает его пределов спустя столетие. Но это было уже лишь эхо былого единства литературной триады болгар, русских и сербов.

Таким образом, в культурном ареале Pax Orthodoxa вычленился самостоятельный регион Pax Slavia Orthodoxa, обладавший собственным литературно-книжным славянским языком, опиравшийся на основополагающие памятники раннехристианской, а не современной ему византийской литературы, относительно быстро создавший свои литературные традиции и успешно развивавший их на протяжении почти всего славянского средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, Евангелие, написанное для новгородского князя Мстислава Владимировича в 1117 г., обрело оклад в Константинополе, куда его возил Наслав. См.: *Симони П.К.* Мстиславово Евангелие начала XII в. в археологическом в палеографическом отношении. СПб., 1910. С. 2, 3.

² *Сапунов Б.В.* Книга в России XI–XIII вв. Л., 1978. С. 221.

³ *Жуковская Л.П.* Изборник 1073 г. Судьба книги, состояние и задачи изучения // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 11.

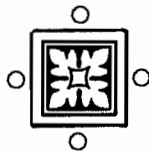
⁴ *Лавровский П.А.* Исследование о летописи Якимовской // Уч. зап. II отделения имп. Академии наук, кн. 2. СПб., 1856. С. 147. *Mošin V.* Slavenska redakcija prologa Konstantina Mokisijskog v svjetlosti vizantijsko-slavenskih odnosa XII–XIII vijeka // Zbornik Historijskog Institute Jugoslovenske Akademije T. II. Zagreb, 1959. P. 57.

⁶ *Шишић Ф.* Летопис попа Дукљанина. Београд; Загреб, 1928; Сабрана дела Георгија Острогорског. Београд, 1970. Кн. 4; *Наумов Е.П.* Формирование этнического самосознания древнесербской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 181, 190, 193.

⁷ *Снегаров И.* Културни и политически врзки между България и Русия през средните векове (X–XV в.). София, 1950; *Дылевский Н.М.* Договор 1466 г. между болгарским Рыльским монастырем и обителем Пантелеймона (Руссиком) на Афоне // *Etudes balkaniques. Cinquième année.* София, 1969. С. 81–98.

- ⁸ *Вздорное Г.И.* Роль славянских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV–XV вв. // ТОДРЛ. Т. XXI. 1968. С. 176.
- ⁹ *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979. С. 141.
- ¹⁰ *Леонид (Кавелин).* Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилищ Св. Троицко-Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой Духовной семинарии в 1747 г., ныне находящихся в библиотеке Московской Духовной академии. Вып. 2. М., 1887. С. 158–159.
- ¹¹ *Петров П.Н.* Книгохранилище Чудова монастыря // Памятники древней письменности. Вып. IV. СПб., 1879. С. 179.
- ¹² *Горский А.И., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Т. II. Ч. 2. М., 1857. С. 409–434, № 163.
- ¹³ *Сивкова А.* Русско-болгарские литературные связи XV в. (Литературная история слов Григория Цамблака) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1983.
- ¹⁴ *Никольский Н.* Постатейное описание книг Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. // ОЛДП. Т. СХШ. СПб., 1897. С. 204–205.
- ¹⁵ *Орлов А.С.* Сборник Златоуст и Торжественник. Памятники древней письменности и искусства. Вып. 158. СПб., 1905.
- ¹⁶ *Черторицкая Т. В.* К вопросу о литературной истории древнерусского Торжественника // Древнерусская рукописная традиция и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 5–27.
- ¹⁷ *Богдановић Д.* Нека запажања о руској редакцији Теодосијевог житија светог Саве // Зборник Матице Српске за књижевност и језик. Књ. XXIII / 2. Нови Сад, 1975.
- ¹⁸ *Гаврюшина Л.К.* Русская рукописная традиция жития Саввы Сербского // Советское славяноведение. М., 1984, № 1. С. 73.
- ¹⁹ *Рыков Ю.Д.* Собрание рукописных книг М.И. Чуванова. (Краткие сведения) // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1983, № 44. С. 114–115.
- ²⁰ *Jufu I.* Despre prototipurile literaturii slavo-române din secolul al XV-lea // Mitropolia Olteniei. Ur. 7–8, 1963. P. 511–535.
- ²¹ *Ангелов Б.С.* Из старата българска, руска и сръбска литература. Кн. II. София, 1967. С. 139.
- ²² *Яцимирский А.И.* Григорий Цамблук. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904; (Позднее в науке утвердилось мнение о духовном, а не о кровном родстве Киприана и Цамблака. – И.К.).
- ²³ *Kalužniacki E.* Werke des Patriarchen von Bulgarien Eutnymius (1375–1393). Wien, 1901. С. 225–228.
- ²⁴ См.: *Леонид (Кавелин).* Описание славянских рукописей Св. Троицко-Сергиевой лавры. Ч. III. М., 1878. С. 145, 170; *Калайдович К. и П.М. Строев.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей графа Ф. А. Толстого. М., 1825. С. 124 и другие списки.
- ²⁵ *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858.
- ²⁶ *Леонтьев Л. А.* Дополнительные известия о Рильской обители, что на Балканах // Московские ведомости. № 64. М., 1853.
- ²⁷ *Дмитриев Л.А.* Роль и значение митрополита Киприана в истории древней русской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV–XV вв.) // ТОДРЛ. Т. XIX. М.-Л., 1963. С. 215–254.
- ²⁸ *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.
- ²⁹ *Прохоров Г.М.* Древнейшая рукопись с произведениями митрополита Киприана // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1978.
- ³⁰ *Дончева-Панайотова Н.* Цикъл произведения за митрополит Петър от Киприан // Търновска книжовна школа. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. Втори Международен симпозиум – Велико Търново, 20–23 май 1976. София, 1980. С. 143–255.

- ³¹ *Тихонравов Н.С.* Памятники отреченной русской литературы. Т. I. СПб., 1863; *Иванов Й.* Богомилски книги и легенди. София, 1925.
- ³² *Веселовский А.Н.* Из истории романа и повести. Вып. 1. Греко-византийский период. СПб., 1886 // СОРЯС. Т. XV, № 2. С. 129–511.
- ³³ Летописца на Константин Манаси. София. 1963. С. 11.
- ³⁴ *Спасский Ф.Г.* Русское литургическое творчество. Париж, 1951. С. 21.
- ³⁵ *Дылевский Н.М.* Житие Иоанна Рыльского русских древлехранилищ и их болгарские источники // ТОДРЛ. Т. XXIII. Л., 1968. С. 287.
- ³⁶ *Турилов А.А.* К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей XV – начала XVI вв. // В кн.: Русско-балканские культурные связи в эпоху средневековья. София, 1982. С. 71.
- ³⁷ *Гудзий Н.К.* Положения, которые вызывают споры. (По поводу статьи Д.С. Лихачева) // Вопросы литературы. М., 1965. № 7. С. 158.
- ³⁸ *Лихачев Д.С.* Размисли за националното своеобразие и европейското значение на старобългарската литература // Литературна мисъл. София, 1970. № 2. С. 73–85.
- ³⁹ См.: *Калиганов И.И.* Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы // Литература эпохи формирования наций. М., 1982. С. 171–206.

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ О МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ БОЛГАРО-СЕРБСКО-РУССКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ*

Процессам литературных контактов и взаимообмена между Болгарией, Сербией и Россией в средневековый период посвящено огромное количество исследований. Начиная с зарождения научной славистики, литературное общение южных и восточных славян становится одним из центральных направлений, в котором велись и ведутся разыскания в данной области науки. Среди множества научных публикаций на эту тему можно выделить несколько основных разделов: а) работы об отдельных конкретных литературных памятниках, созданных в одной из названных стран и проникавших в родственные (православные) славянские литературы; б) исследования, в которых рассматриваются переводные византийские, восточные или западноевропейские произведения, появившиеся вначале в одной из литератур восточных или южных славян и вливавшиеся затем в родственные литературы в уже готовом и понятном болгарском, сербском или русском переводе; в) научные публикации о совместном литературном творчестве русских и южнославянских книжников в крупных международных культурных центрах: Константинополе, Киеве, на Афоне; г) статьи и монографии о деятельности средневековых писателей-иммигрантов, творивших в родственных славянских странах: Киприане, Григории Цамблаке, Пахомии Сербе и др.; д) работы, в которых делаются попытки обобщить конкретные материалы литературного общения между Болгарией, Сербией и Россией с целью установления его хронологии, периодов и более глубокого понимания сути.

За более чем полтора десятилетия палеославистикой были достигнуты ощутимые успехи. Литературно-исторический рельеф Болгарии, Сербии и России начинает приобретать все более ясные очертания, все зримее

---

* Ряд положений этой статьи прозвучал в докладе автора "Основные проблемы изучения древнерусского рукописного наследия" на советско-итальянском симпозиуме в Москве в июле 1988 г.

постепенно становится и рельеф литературных связей между южными и восточными славянами. Однако цель нашей статьи состоит не в фиксации достижений в данной области медиевистики, которые и без того достаточно хорошо известны специалистам. Ее следует расценивать как попытку наметить дальнейшие возможные пути изучения болгаро-сербско-русских средневековых литературных связей.

Главным отличием литературоведения, занимающегося проблемами изучения средневековой литературной истории, по сравнению с литературоведением, концентрирующим свое внимание на новом и новейшем периодах, являются комплексность подхода в исследовании даже узкой конкретной темы и стремление к некоей “математической” точности. Для успешной работы медиевисту необходимо обладать разносторонней подготовкой и уметь использовать данные истории, лингвистики, палеографии, дипломатики, филигранологии, текстологии и ряда других научных дисциплин, которые иногда нельзя исчерпать одним лишь понятием “источниковедение”. Они нередко выходят за пределы этого понятия, приобретая статус самостоятельных научных дисциплин или даже отдельных разделов палеославистики. В медиевистике чаще всего борьба ведется не за доказательство какой-либо общей идеи или остроумной гипотезы, а за конкретные факты, подтверждающие или опровергающие идеи и гипотезы. В комплексности состоит сила и, одновременно, слабость современной литературоведческой медиевистики. Сила заключается в том, что совокупность данных различных областей науки и научных дисциплин, привлекаемых медиевистикой при установлении какого-либо отдельного факта или суммы фактов, препятствует их искажению и придает им более объективный “строгий” характер. Слабость же состоит в том, что не вся совокупность используемых “древниками” дисциплин обладает одинаковым уровнем развития и степенью соответствия современным “точным” наукам.

Наши соображения о некоторых задачах и перспективах дальнейшего изучения одной из древнеславянских литератур – болгарской, мы в тезисной форме уже изложили в докладе на I Всесоюзной конференции болгаристов во Львове¹. В данной статье мы хотели очертить возможные пути исследования не только средневековой болгарской, но также древнерусской и древнесербской литератур и взаимосвязей между ними.

Одной из главных проблем изучения древней болгарской, древнерусской и древнесербской литератур остается проблема изучения всей совокупности рукописных и старопечатных источников, содержащих литературные памятники указанных славянских народов. Этих источников имеется огромное количество, и они рассеяны по различным архивам, библиотекам,

музеям, монастырям, городам и странам. Болгарские, сербские и русские рукописи хранятся в НРБ, СФРЮ, СССР, Греции, ПНР, ЧССР, Великобритании, Франции, Испании, Италии, Швеции и других государствах. Еще в 60-е годы XX в. академик М.Н. Тихомиров поставил перед Археографической комиссией СССР задачу по созданию сводного каталога славяно-русских рукописей². За истекшие 20 лет была проделана интенсивная работа и составлен предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV и XV в.³. Издание первого предварительного списка каталога было приурочено к очередному съезду славистов в 1983 г. в Киеве. Энергично ведется и работа по описанию славянских рукописей XVI–XIX вв., входящих в состав частных собраний, монастырских библиотек, отдельных рукописных фондов. Описания осуществляются энтузиастами-одиночками и целыми научными коллективами как в СССР, так и за рубежом⁴. Однако достигнутые сдвиги в области славянской археографии еще далеки от того, чтобы признать состояние дел удовлетворительным. До настоящего времени не имеют научного описания 2/5 рукописей Государственного Исторического музея (ГИМ)⁵, ряд фондов Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ГБЛ) имеют лишь краткие машинописные описания, с которыми исследователи не могут ознакомиться заочно⁶. Аналогичная ситуация складывается и в Центральном Государственном Архиве древних актов⁷, не говоря уже о рукописных собраниях многочисленных областных архивов, некоторых городских музеев и библиотек, где хранятся тысячи необследованных славянских рукописей XVI–XIX вв. Значительные массивы рукописных источников в нашей стране до сих пор продолжают оставаться неописанными.

Подготовка предварительного списка славяно-русских рукописей X–XIV вв., насчитывающего около 1500 ед. хранения, и предварительного списка для XV в., составляющего более 3200 рукописей и рукописных отрывков, велась Археографической комиссией АН СССР более 20 лет. Количество же славянских рукописей XVI–XIX вв. выражается несоизмеримо большими цифрами и исчисляется несколькими сотнями тысяч единиц хранения. Малочисленность специалистов и медленность темпов работ по описанию рукописей указанного исторического периода приводят к неутешительному заключению, что мы вряд ли станем свидетелями целостного сводного каталога в ближайшие 30–50 лет. Очевидно, следует предпринять комплекс мер для повышения интенсификации археографической работы. Хорошо известно, что при издании памятников древнеславянской литературы и письменности (далее – ПДПП), существующих в одном лишь списке – например, Добромирова Евангелия⁸, Норовской псалтыри⁹, Супрасльского сборника¹⁰, Успенского сборника XII–XIII в.¹¹ они сопровождаются тщательным

описанием рукописи, по которой издается текст. Она характеризуется с точки зрения языка, палеографии, иллюминаций и т.д. Если текст издается по единственному списку по какой-либо рукописи XIV–XVII вв., то, помимо перечисленного, в описание включается полистное расположение филиграней, их датировка, воспроизводятся и неидентифицированные водяные знаки или отсутствующие в известных исследователю филигранологических справочниках.

Иначе обстоит дело при издании ПДЛП, существующих во множестве списков. Здесь обычно даются лишь беглые указания на места хранения рукописей, их шифры, самая общая характеристика содержания и датировка, как правило, с точностью лишь до века¹². Текстологические методы издания памятников древнерусской литературы были разработаны в Отделе по изучению древней русской литературы Пушкинского дома¹³ под руководством академика Д.С. Лихачева. Фундаментальная “Текстология”¹⁴ этого крупнейшего исследователя стала настольной книгой и пособием для нескольких поколений литературоведов-медиевистов. Однако, если принять логику лихачевской текстологии до конца, необходимо в качестве обязательного правила принять следующее: при критическом издании ПДЛП каждая рукопись со списком издаваемого памятника должна быть тщательно описана исследователем в соответствии с требованиями, предъявляемыми к описанию рукописей Археографической комиссией¹⁵. Если рукопись имеет устаревшее описание или современное краткое машинописное, она должна быть описана заново. Неукоснительное соблюдение этого правила позволит повести наступление на неописанные или неудовлетворительно описанные славянские рукописи с разных сторон многочисленными литературоведами-медиевистами, ныне уклоняющимися от “черновой” археографической работы.

Большие трудности и неоправданные траты времени возникают у литературоведа-медиевиста и по причине слабой систематизации рукописных материалов. Существует около трех тысяч печатных и машинописных описаний рукописных собраний¹⁶. Большинство описей, особенно XIX – начала XX в. не имеет указателей ПДЛП. Каждый литературовед-медиевист составляет личные картотеки, просматривая тысячи археографических изданий, статей и небольших публикаций, буквально по крохам собирая необходимые указания о местах и шифрах хранения рукописей с текстами исследуемого ПДЛП. При изменении научных интересов и темы исследования процесс повторяется снова, так как данные о всех ПДЛП удержать в памяти или письменно зафиксировать в личной картотеке практически сложно, если не невозможно.

В палеославистике давно назрела необходимость создания сводного указателя ПДЛП, содержащихся в советских архивах¹⁷. Подобный указатель

можно создавать постепенно: по отдельным собраниям, музеям, библиотекам и городам, чтобы свести его впоследствии в единое целое. Сводный указатель ПДЛП нужен и историкам, и литературоведам, и лингвистам, и представителям других областей медиевистики. Однако работа по его созданию нигде до сих пор не ведется. Краткие обзоры отдельных собраний рукописей и публикации на страницах Трудов отдела древнерусской литературы не могут претендовать на полноту и исчерпывающую информацию¹⁸.

Еще одной проблемой, с которой сталкивается литературовед-медиевист при обращении к славянским рукописям XVI–XIX вв., является сравнительно слабая развитость современной филигранологии. Эта проблема была поднята в ценной статье А.А. Амосова¹⁹, и с выводами автора мы можем лишь быть солидарными. Альбомов филиграней существует множество, также как и статей, посвященных истории отдельных водяных знаков. Большая часть филигранологических справочников содержит многочисленные разновидности водяных знаков и не имеет указателей. Исследователям приходится порой перелистывать сотни страниц альбомов в поисках какого-то одного встречающегося в рукописи водяного знака, информация о котором займет в научной публикации в лучшем случае одну строчку. Для облегчения работы с идентификацией филиграней и, следовательно, точной датировки рукописей важно создать дифференцированные справочники, в которых будут собраны все имеющиеся ныне сведения о том или ином типе филигрании. Сдвиги здесь уже имеются. В Голландии начали выпускаться издания с воспроизведением по возможности большего числа разновидностей некоторых водяных знаков. Ценную инициативу проявил и В.М. Загребин – научный сотрудник Рукописного отдела Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). Он составил сводные каталоги некоторых типов филиграней: “рука”, “кувшин” и др., которые, к сожалению, существуют лишь в нескольких экземплярах и находятся в ГПБ и ЦГАДА.

В целом же работ по филигранологии в нашей стране за последние 15–20 лет было выпущено очень мало²⁰. Этот факт объясняется крайне ограниченным кругом специалистов, занимающихся изучением данной важной области истории рукописной книги. Едва ли можно надеяться, что в науку придут многочисленные молодые энтузиасты, посвятившие себя филигранологии. Она требует очень кропотливой работы, не балующей исследователя быстрым достижением результатов. Кроме того, возможности для публикаций у филигранологов сравнительно невелики.

Древники во многом могут помочь себе сами. По нашему мнению, следует сделать непреложным законом воспроизведение в научных публикациях

всех обнаруженных исследователями филиграней, которым не удастся отыскать соответствия в доступных альбомах водяных знаков. Это правило должно распространиться на встречающиеся в рукописях типы и подобию филиграней, которые отличаются деталями от водяных знаков, зафиксированных в печатных филигранологических альбомах. На примере водяного знака „герб г. Амстердама” видно, что датировка рукописи с таким типом филигранны допускает интервал почти в 60 лет²¹. Если удастся охватить все типы и разновидности водяных знаков, встречающихся в кирилловских рукописях XVI–XIX вв., то станет возможным датирование подавляющего большинства наших рукописных книг с точностью до 3–5 лет. Решить эту задачу быстрым образом, по-видимому, возможно единственным путем: при ссылке исследователя на ту или иную приблизительно датированную рукопись, следует сделать обязательной полистную проверку ее водяных знаков с обязательным воспроизведением в публикациях тех филиграней, которым не удастся отыскать соответствия в справочниках.

Сравнительно небольшими достижениями за последние четверть века может похвалиться и палеография, касающаяся славянских средневековых рукописей XV–XVII вв.²² Исследователи обычно затрудняются сказать, принадлежат ли данные рукописи или их части одному писцу или нет. Почерки книжников данного исторического периода варьировались гораздо менее чем почерки наших современников. Рука писца выводила буквы именно так, как его обучали в книгописных центрах или скрипториях. Принадлежность к определенной книгописной мастерской сказывалась значительно сильнее, чем в более позднее время принадлежность ученика к определенной школе или манере конкретного учителя. Сильнее были и традиции. Иногда на протяжении нескольких десятков лет из одного и того же скриптория выходили книжники и переписчики, обладавшие удивительно схожими почерками. Кроме того, почерк писца, как правило, слегка менялся с течением времени.

Разобраться в сложной истории книгописных центров, идентифицировать почерки отдельных книжников и таким образом сравнительно точно датировать некоторые рукописи в тех случаях, когда филигранология оказывается бессильной в силу плохой просматриваемости водяных знаков, помог бы сводный альбом всех образцов почерков русских писцов. Их, очевидно, набралось бы в конечном итоге несколько десятков тысяч. Сводный альбом можно было бы выпустить небольшим тиражом, и снабдить его экземплярами крупнейшие библиотеки и архивы.

Пока же исследователь при идентификации почерков рассчитывает лишь на собственную память, но он нередко не имеет возможности сопоставить

схожие почерки, поскольку рукописи одного и того писца могут быть рас-средоточены по различным древлехранилищам. По причине неудовлетворительной систематизации указанного рода палеографических материалов, многие автографы даже известных древнерусских и древнеславянских писателей остаются “неузнанными” исследователями²³.

Трудности палеографии славяно-русских рукописных книг XVI–XIX вв. заключается также в слабой разработанности принципов и системы научных критериев идентификации почерков писцов указанного исторического периода. Известны случаи, когда литературоведы обращаются за помощью к криминалистам²⁴. Вопрос состоит в том, насколько методы, применяемые специалистами по графической экспертизе, приложимы к письменности позднего средневековья и нескольких последующих столетий. Во всяком случае, ясно одно: чем полнее будет исходный материал (пока несуществующий сводный альбом почерков русских писцов XVI–XIX вв.), тем более широкие возможности откроются для успешной разработки принципов дифференциации манер письма древнеславянских книжников и продолжателей их рукописной традиции.

Очевидно, настало время подвергнуть некоторой модернизации и уже упомянутые современные правила издания текстов средневековых литературных памятников, разработанные Отделом по изучению древнерусской литературы Пушкинского дома. Они сыграли очень важную роль в быстрейшем и подлинно научном критическом издании ряда произведений древнерусской и древнеболгарской литератур²⁵. Их можно признать почти оптимальными по причине простоты средств фиксации и ясности для исследователей всех главных изменений в истории текста того или иного литературного памятника. Технология современных изданий средневековых памятников хорошо известна специалистам. За основу издания берется один из наиболее близких к авторскому тексту древнейших списков памятника (разумеется, если сам оригинал до нашего времени не дошел), и по нему подводятся разночтения, встречающиеся в других более поздних списках произведений. В том случае, когда в них встречаются редакционные отклонения по сравнению с основным списком, в последнем над теми словами, которые дают разночтения, ставятся цифровые обозначения арабскими цифрами от 1 до 100. По истечении первой сотни разночтений, последующие маркируются римскими цифрами на боковых полях: II, III, IV, V и т. д. Внизу приводятся разночтения по другим спискам, и их можно легко отыскать по закодированной цифровой и буквенной маркировке. Например, 10, “нет”, T. Подобное кодирование говорит специалисту, что слово основного списка, обозначенное цифрой 10, относящееся к первой сотне, отсутствует в списке,

зашифрованном буквой “Т” – это может быть список из Титовского, Тихо-
нравовского, Типографского или какого-то другого собрания, начинающегося
с данной буквы.

Для наглядности приведем отрывок из недавно опубликованного
критического издания “Повести о Петре и Февронии Муромских”²⁶. Отрывок
выбран нами абсолютно произвольно и приводится не с целью критики
именно этой публикации, а лишь как образец ныне утвердившегося типа
литературоведческих изданий текстов средневековых памятников.

И глаголя девица: “Нелепо есть быти дому безо ушию и храму безо очию!”
Юноша же той не внят во ум глагол тех, рече¹⁰⁰ к девице III¹: “Где есть человек
мужеска полу, иже зде живет?” Она же рече: “Отец и мати моя поидоша
взаем плакати. Брат же мой иде² чрез ноги в
л. 139 нави зрети”. //

Юноша же той не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну
чудеси, и глагола к девицы³: “Внидох к тебе, зря ты делающу, и видех заец
пред тобою скача, и слышу⁴ ото устну твоею глаголы⁵ странны некаки⁶ и
сего не⁷ вем, что глаголеши. Первые бо рече⁸: нелепо есть быти дому безо
ушию и храмы безо очию. Про отца же твоего⁹ и матерь рече, яко¹⁰ идоша
взаим плакати, брата же своего глаголя, “чрез ноги в нави зрети”. И не
единого слова от тебе не разумех!” Она же глагола ему: “Сего ли не разумеши?
Прииде в дом сий¹¹ и в храмину мою вниде и видев мя сидящу в простоте.
Аще бы был в дому наю¹² пес и чюв ты к дому приходяща, лаял бы на тя; се
бо есть дому уши. И аще бы было в храмине моей отроча и видев ты к храмине
приходяща¹³, сказало¹⁴ бы ми; се бо¹⁵ есть храму очи¹⁶. А еже¹⁷ сказах ти про
отца и матерь и про брата, яко отец¹⁸ мой и мати моя идоша¹⁹ взаем плакати –
шли бо суть на погребение мертваго и тамо плачют.

л. 139 об. // Егда же²⁰ по них смерть приидет, инии²¹ по них учнут плакати:
се есть заимованный плач. При брата же ти глаголах²², яко отец²³ мой²⁵ и
брат древолазцы²⁵ суть, в лесе бо мед²⁶ от древия²⁷ возьмут²⁸. Брат же мой
ныне на таково дело иде, и яко же лести²⁹ на древо и высоту через ноги³⁰
зрети к земли, мысля, абы³¹ не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сей³²
живота гонзнет. Сего ради рех, яко иде чрез ноги³³ в нави зрети”.

¹⁰⁰ Нет В. III, ¹ Нет В; девицы ПДО. ² пошел В. ³ Доб. юноша той Д.
⁴ слыша А. ⁵ речи Т. ⁵⁻⁷ страшны, никакo сего Д. ⁶ некакы С. ⁸ рекла си еси Т.
⁹ своего П А. ¹⁰ Нет В. ¹¹ мой В. ¹² моем В. ¹³ пришедша Д. ¹⁴ сказал С;
сказах В. ¹⁵ Доб. ми В. ¹⁶⁻¹⁷ И яже О. ¹⁸ отець Х. ¹⁹ иде Т. ²⁰ бо Т. ²¹ ино и В.
²² сказах В. ²³ оетць Х. ²⁴⁻²⁶ Нет Д. ²⁵ древолисцы О. ²⁷ древ всяк Т. ²⁸ взимают О;
емлют В. ²⁹ Доб. ему Д. ³⁰ ноги С; доб. в нави В. ³¹ кабы ВОТ; абие О. ³² той В.
³³ ноги С.

Как явствует из приведенного нами образца, нумерация слов текста основного списка идет не сплошная, а выборочная. Она проставляется лишь тогда, когда в других списках памятника обнаруживается какое-либо разночтение или редакционное изменение. Такой тип издания можно охарактеризовать как “замкнутый”. Он обслуживает лишь группу списков памятника, выявленных исследователем в древлехранилищах. Однако большинство современных критических изданий древнеславянских литературных произведений в силу неудовлетворительной систематизации архивных материалов, как правило, не бывают исчерпывающими. Впоследствии обычно открываются новые списки уже изданного памятника, разночтения которых подключить к изданию очень сложно, в особенности, если они относятся к непронумерованным словам основного списка. Бывает, что обнаруживаются более древние списки ранее критически изданного памятника, а тогда работу приходится проделывать практически заново.

Мы предлагаем несколько иной тип издания. В нем должна идти сплошная нумерация слов текста основного списка от единицы до ста. Первая сотня на полях обозначается буквой “А”, вторая – “Б” и так далее в порядке расположения букв русского алфавита. Если текст издаваемого памятника достаточно пространен, то после истечения тридцать первой сотни слов произведения, на полях ставится обозначение римскими цифрами перед литерой IА, IБ, IВ. . . IЯ; после шестьдесят второй сотни – IIА, IIБ, IIВ. . . IIЯ, после девяносто третьей сотни – IIIА, IIIБ, IIIВ, IIIЯ и т. д.

В качестве иллюстрации приводим отрывок из подготавливаемого нами критического издания русской “Повести о Георгии Новом” по открытому нами Барсовскому списку № 313 конца 30-х – начала 40-х годов XVI в.²⁷

В⁹⁷ царство⁹⁸ благочестиваго⁹⁹ и¹⁰⁰

В христолюбиваго¹ Великаго² князя³ Ивана⁴ Самодръжца⁵ всея⁶ Великыя⁷ Руси⁸, того⁹ же¹⁰ убо¹¹ правяшу¹² кормила¹³ церковная¹⁴ в¹⁵ Великом¹⁶ Новегороде¹⁷ святейшею¹⁸ архиепископу¹⁹ Макарью²⁰, к²¹ сему²² приидоу²³ в²⁴ Великыи²⁵ Новъград²⁶ от²⁷ Святыя²⁸ Горы²⁹ Афонъ (л. 526) //: ѿ я³⁰, от³¹ монастыря³² святого³³ великомученика³⁴ Христова³⁵ Георгія³⁶, иже³⁷ от³⁸ Каподокия³⁹, глаголемаго⁴⁰ Протатія⁴¹, два⁴² мниха⁴³, именем⁴⁴ Митрофан⁴⁵, а⁴⁶ другый⁴⁷ Прохор⁴⁸. Архиепископ⁴⁹ же⁵⁰ сих⁵¹ любовно⁵² прият⁵³, якоже⁵⁴ бе⁵⁵ ему⁵⁶ обычай⁵⁷ странныя⁵⁸ примати⁵⁹ и⁶⁰ почти⁶¹ их⁶². Бе⁶³ бо⁶⁴ въсих⁶⁵ добродетелех⁶⁶ сей⁶⁷ муж⁶⁸ свершен⁶⁹ святейший⁷⁰ Макарие⁷¹ и⁷² в⁷³ миру⁷⁴ възраста⁷⁵ исполнениа⁷⁶ Христова⁷⁷ пришед⁷⁸: не⁷⁹ токмо⁸⁰ бо⁸¹ странныя⁸² примая⁸³ и⁸⁴ ницая⁸⁵ одевая⁸⁶ и⁸⁷ кормя⁸⁸, но⁸⁹ и⁹⁰ мучениколюбец⁹¹ сый⁹². Понеже⁹³ бо⁹⁴ изрядно⁹⁵ бе⁹⁶ дело⁹⁷ его⁹⁸, яко⁹⁹ пчеле¹⁰⁰

Г сладость¹ от² всюду³ приносите⁴ и⁵ въ⁶ едино⁷ събирати⁸ житиѧ⁹, иже¹⁰ в¹¹ постех¹² просиявших¹³ древних¹⁴ // (526 об.) святых¹⁵ и¹⁶ мучения¹⁷, иже¹⁸ за¹⁹ Христа²⁰ кров²¹ свою²² проливших²³, иже²⁴ и²⁵ не²⁶ пред²⁷ многими²⁸ леты²⁹ бывших³⁰. Мнози³¹ бо³² от³³ святых³⁴ забвеню³⁵ преданы³⁶ быша³⁷ и³⁸ яко³⁹ слънцу⁴⁰ светозарному⁴¹ мраком⁴² помрачающися⁴³, и⁴⁴ на⁴⁵ вселенную⁴⁵ светящу⁴⁶, яко⁴⁷ звездам⁴⁸ небесным⁵⁰ на⁵¹ высоте⁵² облаком⁵³ покрываемым⁵⁴, и⁵⁵ яко⁵⁶ злату⁵⁷ и⁵⁸ бисеру⁵⁹, и⁶⁰ камению⁶¹ многоценному⁶² перьстию⁶³ и⁶⁴ прахом⁶⁵ погребену⁶⁶. Сих⁶⁷ убо⁶⁸ святитель⁶⁹ под⁷⁰ студом⁷¹ не⁷² кривает⁷³, но⁷⁴ на⁷⁵ свещник⁷⁶ добродетели⁷⁷ их⁷⁸ възлагает⁷⁹.

Якоже⁸⁰ и⁸¹ выше⁸² рехом⁸³, и⁸⁴ почтив⁸⁵ два⁸⁶ оныя⁸⁷ мниха⁸⁸, и⁸⁹ простре⁹⁰ с⁹¹ ними⁹² слово⁹³ к⁹⁴ беседе⁹⁵, н⁹⁶ нача⁹⁷ их⁹⁸ въпрашати⁹⁹, // (л. 527) како¹⁰⁰
 Д стоит¹ христьянство² и³ не⁴ велика⁵ ли⁶ нужда⁷ от⁸ поганых⁹. Они¹⁰ же¹¹ многа¹² сказаша¹³ безбожных¹⁴ онех¹⁵ скверных¹⁶ срачин¹⁷ насилия¹⁸ и¹⁹ гонения²⁰ на²¹ христьяны²² и²³ поведаша²⁴ ...

В¹ Нет Пс; христолюбива Х; Доб. и Ув. В⁴ Иоанна Гп Ц А Е О Е₁ Е₂ Е₃ Ув (Иванна другим почерком Бр₁) Т Е₄ У; Доб. Василиевича Гп Ц А Н Ар Пг Е Пс Ув Ув₁ М У. В⁷ Нет Е₄. В⁸ Руси Гп Ц А Пг С₁ О Пог Е₂ Пс Е₃ Бр₁ Ун; Русы С Е₄; Росии Ар Бр Е₁ Б Бр₂ Т Ув₁ М У К; Росия Д. В⁹ тогда Гп Ц С А Н Е₁ Ар Пг Пог Ув. В⁹⁻¹¹ тогда Е Бр С₁ О Пог Е₂ Б Пс Е₃ Д Бр₁ Бр₂ Т Ун Х Ув₁ М Е₄ У Пс₁ К. В¹¹ Нет Е₁. В¹⁵⁻¹⁷ Нет Ув₁ М. В¹⁷ Новегороде Е. В¹⁸ святейшему Гп Ц С А Е Н Ар Бр Пг С₁ О Е₁ Пог Е₂ Б Пс Ув Е₃ Д Бр₁ Бр₂ Т Ун Х Ув₁ М Е₄ У Пс₁. В²⁰ Доб. в Великом Новъграде Ув₁ М. В²¹⁻²² Нет Ув₁ М. В²² нему Ув. В²³ Доб. к нему Ув₁ М. В²⁹ Нет Ув. В³⁰ Афона Гп; Доб. Горы Ув. В³³ Доб. Георгия С Пог Д. В³⁴ мученика Пс; и великаго мученика Е₄. В³⁴⁻³⁵ Нет С₁ Бр₁. В³⁵ Нет Пг К; над строкой Ц. И т.д.

Такой тип издания представляется нам открытым. Он будет работать не только на группу известных исследователю списков памятника, по которым готовятся разночтения, но и на те его списки, которые наверняка будут найдены в будущем в результате археографических экспедиций на север СССР и описи малоизвестных архивов. Разночтения списков можно будет легко подключить к любому слову текста основного списка издания. Например, №№ ПБ²⁸ – Доб. ничтоже будет означать, что после 66-й сотни + 28 слова изданного текста “Повести” во вновь обнаруженном списке памятника добавлено указанное слово.

При критическом издании ПДЛП литературоведы-медиевисты также не учитывают частицу “же”, наличие или отсутствие соединительного союза “и”; перестановки отдельных слов или их групп, если последние не вносят в текст новых смысловых значений. Не обращается также должного внимания

и на имеющиеся в списках языковые разночтения и варианты лексем. С точки зрения поэтики текста отдельного произведения и его изучения как художественного целого, они, по-видимому, действительно, не имеют принципиального значения.

Не играют они существенной роли и при исследовании различных редакций ПДЛП как историко-культурных явлений в контекстах древних славянских литератур. Однако их весомость трудно переоценить в тех случаях, когда историк литературы пытается создать более точную стемму списков изучаемого ПДЛП, в особенности, если сам объект изучения дошел до нас в сравнительно поздних списках и время проникновения его в контекст родственных славянских литератур неизвестно.

Пока более тщательные текстологические исследования ПДЛП, дошедших до нас во многих списках, пытаются проводить лингвисты. Здесь мы можем упомянуть работы Л.П. Жуковской о Евангелии – апракосе²⁸ и Г.С. Баранковой о русской рукописной традиции болгарского “Шестоднева” Иоанна Экзарха²⁹. В них списки памятников подвергаются “лингво – текстологическому” анализу, при котором они сравниваются не только с точки зрения смысловых разночтений, а вариативности лексики, повторяемости необычных словоформ или их групп. В своей рецензии Ю.К. Бегунов подверг критике данный метод³⁰, но насколько он перспективен, мы постараемся показать ниже.

Среди других проблем, связанных с изучением истории древних славянских литератур и взаимосвязей между ними, относится недостаточная изученность языка древних славянских писателей и истории славянских языков на основе письменных источников со времени зарождения славянской письменности и на протяжении столетий. До настоящего времени появился лишь один словарь-указатель древнеболгарского писателя X в. Козьмы Пресвитера. Заслуга его подготовки и издания принадлежит болгарской науке³¹. Важность выпуска таких словарей очевидна. Науке уже давно необходимы словари отдельных древнеславянских писателей с фиксацией в них совокупной лексики, частоты употребления отдельных слов и словосочетаний, орфографических и синтаксических особенностей текстов. Они смогут пролить свет на многие спорные вопросы авторства анонимных древнеславянских литературных памятников. Пока же слависты нередко вынуждены решать проблемы атрибуции посредством случайно выбранных языковых характеристик: сопоставляются отдельные синтаксические конструкции, сравниваются варианты употребления любимых писателем имен прилагательных, композиционные приемы и т.д. Такой метод атрибутирования заведомо порочен и ведет к неверным выводам.

Еще в конце 50-х годов академик В.В. Виноградов указывал на отсутствие “всестороннего описания грамматических свойств и лексического состава наиболее важных памятников древнерусского языка оригинальных и переводных”³². Эту констатацию в полной мере можно распространить и на степень изученности древнеболгарского и древнесербского языков. Большинство лингвистических работ этого раздела палеославистики посвящено отдельным частным случаям, связанным с употреблением определенной лексики или лексических групп, отдельным грамматическим, морфологическим или синтаксическим параметрам в том или ином ПДЛП³³. По возможности круг привлекаемых источников стремятся расширить, но это не способствует получению строгих объективных научных выводов, поскольку не используется вся совокупность содержащихся в ПДЛП фактов.

Задача состоит в построении фундаментальных историй развития древнеболгарского, древнерусского и древнесербского языков с хотя бы приблизительно обозначенными хронологическими границами по векам. Однако ее решение, видимо, не под силу одному исследователю или даже сравнительно большому научному коллективу, если работа будет вестись прежним методом. Оно заключается, главным образом, в предварительном картотечировании и потребует создания сотен миллионов карточек. Работа растянется на многие десятки лет и для него необходимо привлечь значительные силы лингвистов.

Возможен и другой путь, основанный на применении ЭВМ. Причем вводить в нее материал должны не отдельные высококвалифицированные специалисты, а по возможности наибольшее число исследователей, занимающихся изучением грамматики, морфологии и синтаксиса ПДЛП. Для этого необходимо перестроить сам исследовательский процесс, что представляется нам следующим образом. В крупнейших научных центрах начинают действовать курсы переквалификации, в которых пройдут переподготовку уже сложившиеся специалисты по грамматике, морфологии и синтаксису ПДЛП с целью обучения их кодированию научной информации, предназначенной для ЭВМ. Аналогичный курс в обязательном порядке проходят и аспиранты. Создаются специальные пособия с правилами кодирования указанного рода научной информации. Исследования, посвященные частным вопросам грамматики, морфологии и синтаксиса ПДЛП, к публикации не принимаются. За единицу научной публикации принимается определенный объем закодированных текстов отдельных ПДЛП (ряд списков или же один в зависимости от размеров текста). Принципом производства становится коллективный труд, поскольку не все лингвисты в одинаковой степени являются специалистами по грамматике, морфологии и синтаксису

ПДЛП. Закодированный текст не публикуется, а вводится в ЭВМ после двойной его сверки с оригиналом в рукописи соответствующими экспертами. Конференции проводятся лишь по спорным вопросам датировки рукописей и проблемам усовершенствования принципов кодирования информации.

Предлагаемый нами путь столкнется с рядом трудностей, среди которых первое место занимает необходимость коренной перестройки процесса научных исследований в данной области палеославистики. Во-вторых, он явится полной психологической неожиданностью для нынешних авторов научных публикаций, привыкших ставить свои фамилии перед заглавиями научных статей или монографий. В-третьих, он повлечет за собой проблемы критериев по присуждению ученых степеней и размеров гонорара за проделанную работу. Последнее можно будет поставить в зависимость от объема и качества закодированной информации по решению соответствующих экспертов.

Одним из ответвлений палеолингвистики, взявшей на вооружение ЭВМ, может стать также составление частотных словарей отдельных древнеславянских произведений, писателей и исторических эпох в развитии древнеславянских языков. Успехи здесь пока очень скромные. Кроме упомянутого словаря-указателя Козьмы Пресвитера, можно назвать словарь “Слова о полку Игореве”, словарь “Шестоднева” – произведения болгарского писателя X в. Иоанна Экзарха, некоторых его учительных слов, “Азбучной молитвы” и другие³⁴. Насколько трудоемка эта работа, видно на примере создания словаря “Беседы против богомилов” Козьмы Пресвитера, выполненного болгарским исследователем А. Давидовым³⁵. Как показал анализ ученого, в этом сравнительно небольшом произведении содержится 17688 словоупотреблений. Крайне важно то, что в словаре приводятся все словоформы употребляемых автором слов с точной фиксацией места их употребления в тексте. На подготовку этого издания исследователь, по его собственным словам, затратил 8 лет, однако значение данной публикации трудно переоценить.

Необходимость создания подобных словарей диктуется проблемой анонимности или спорности авторства многих древнеславянских произведений. В корпусе памятников литературы древней Болгарии, Руси и Сербии имеется множество неатрибутированных произведений. Так, например, во втором, самом объемном томе собрания сочинений болгарского писателя IX–X вв. Климента Охридского содержится 37 приписываемых ему слов и поучений: Слово Похвальное Козьме и Дамяну, Слово Похвальное Николаю Чудотворцу, Слово Похвальное Рождеству Христову, Слово о Пасхе, Поучение о неделе мясопустной, Поучение о Великом Четверге и т.д.³⁶. Аналогичная

ситуация сложилась и при издании слов и поучений Иоанна Экзарха – видного болгарского книжника и просветителя эпохи царя Симеона (IX–X вв.). Ему приписывается ряд произведений, которые, возможно, принадлежат другим древнеславянским авторам или же являются переводами с греческого³⁷.

Сопоставление частотных словарей произведений древнеславянских авторов, на наш взгляд, будет способствовать атрибуции приписываемых им произведений при помощи методов математического анализа. Сравнение текстов, заведомо принадлежащих тому или иному книжнику, произведений с текстами произведений, ему приписываемых, возможно проводить с использованием ЭВМ, причем сравниваемые материалы должны относиться к одному и тому же литературному жанру, а отправной “авторский” материал желательно иметь наиболее полный. Если исследователь, например, ставит перед собой задачу атрибуции одного из приписываемых Иоанну Экзарху слов, ему вначале, очевидно, следует уточнить частотно-языковые характеристики всех принадлежащих тому же книжнику сочинений того же жанра и уже только потом проводить сравнение. Весьма перспективным, по нашему мнению, является метод стилистико-статистического анализа, разрабатываемый в трудах М. Янакиева³⁸. Применение его для атрибуции ряда произведений, приписываемых известным древнеславянским книжникам, выглядит многообещающим, в особенности при использовании электронно-вычислительной техники.

Неспециалисту может показаться, что применение ЭВМ для решения ряда проблем палеославистики, в частности, для разрешения споров об авторстве многих “приписываемых” произведений – дело отдаленного будущего. Однако это не так. Методы количественного анализа с использованием электронно-вычислительной техники для текстологической обработки текстов и атрибуции авторства древних памятников уже с успехом применяются как в зарубежной, так и отечественной науке. Здесь можно вспомнить работы Мак-Грегора и Мортонна о библейских посланиях, приписывавшихся апостолу Павлу (проверка показала, что из 14 посланий, носящих его имя, лишь пять можно считать принадлежащими одному и тому же лицу)³⁹, исследование Л.В. Милова и Л.И. Бородкина, проанализировавших при помощи ЭВМ историю текста “Закона Судного людем”⁴⁰, публикации Б.М. Клосса⁴¹ и др. Инициатива в этом направлении продолжает развиваться. Свидетельством тому – сборник научных статей, недавно выпущенных Институтом истории АН СССР⁴² и публикации проблемной группы по экспериментальной и прикладной лингвистике, действующей в Институте русского языка АН СССР⁴³. Это направление палеославистики, однако, еще не утвердилось в науке: работы его энтузиастов издаются пока небольшим

тиражом ротопринтным способом. Но его роль, по нашему глубокому убеждению, будет неуклонно возрастать при решении многих узловых проблем, связанных с изучением ПДЛП южных и восточных славян.

Перспективы использования математических методов и электронно-вычислительной техники в палеославистике начали вырисовываться сравнительно недавно. Одним из первых их уловил покойный историк А.А. Зимин, несколько лет назад писавший: “Применение математических методов в палеографии и текстологии может привести к существенным сдвигам в методике этих дисциплин”⁴⁴. Очень многообещающим виделось ему и использование этих методов в изучении источников, имевших длительное бытование в рукописной традиции. Пока исследование многих памятников, распространенных в десятках или даже сотнях списков, наталкивается на большие трудности. Это видно на примере изучения Л.П. Жуковской русских списков Евангелия-апракоса⁴⁵. В своей работе она проанализировала 150 содержащих данные памятники рукописей X–XIV вв., или приблизительно 40% всех его имеющихся списков данного исторического периода. В качестве метода исследования Л.П. Жуковская использовала “зондирование”. Ею был подвергнут сравнению один из стихов Евангелия-апракоса, т.е., подобно другим ученым, она на свой страх и риск выбрала своеобразный “шурф” и провела лингво-текстологические “глубинные пробы”. Целью такого зондирования является установление приблизительной истории текста памятника, вычленение его редакций и локализация мест их создания. Для анализа всех стихов списков Евангелия-апракоса исследовательнице не хватило бы ни сил, ни времени. По собственным подсчетам Л.П. Жуковской, для этого ей пришлось бы увеличить свои усилия в 100 000 раз⁴⁶.

Помимо метода лингво-текстологического исследования ПДЛП, длительно бытовавшего в русской рукописной традиции, существует и другой путь исследования. Он основан на сравнении статейного состава сборников с относительно устойчивым содержанием. Его иллюстрацией могут служить работы О.В. Творогова о древнерусских хронографах, Т.В. Черторицкой о торжественниках и Л.П. Жуковской о редакциях пролога и др.⁴⁷. Провести текстологическое сравнение подобных “левиафанов”, учитывая их распространенность в русской рукописной традиции XII – XVIII вв., не в состоянии не только отдельные ученые, но даже крупные научные коллективы, разумеется, если работа будет вестись прежним “ручным” способом. И здесь проблема автоматизации текстологических исследований при помощи ЭВМ уже давно назрела. Разработка машинной обработки текстов и практическое применение электронно-вычислительной техники в палеославистике является задачей текущего дня. Без решительного перелома в методике

текстологических исследований современная текстология многих ПДЛП постепенно заходит и тупик, из которого традиционное “ручное” сличение текстов не может указать выхода.

Перечисленные нами проблемы, на первый взгляд, мало связаны с задачами изучения болгаро-сербско-русских средневековых литературных связей. В действительности же они имеют к ним самое непосредственное отношение. На VI Международном съезде славистов известный медиевист академик Д.С. Лихачев выдвинул идею единой истории славянских литератур⁴⁸. Однако при всей соблазнительности рассмотрения славянских литератур как некоего единства или “системы” (разумеется, в рамках славянского православного региона) эта идея пока не осуществима по трем причинам:

а) время создания и авторство многих литературных памятников южных и восточных славян остаются проблематичными;

б) время проникновения ряда южнославянских ПДЛП на Русь и русских в обратном направлении до конца не выяснено;

в) место появления первоначальных славянских переводов многих византийских памятников не локализовано.

Нерешенность указанных вопросов влечет за собой еще более сложные проблемы. Во-первых, это расплывчатость хронологических контуров контекстов отдельных древних славянских литератур, во-вторых, нечеткость временных границ и объема взаимных литературных влияний.

Насколько серьезны до сих пор невыясненные проблемы болгаро-сербско-русских литературных взаимоотношений эпохи средневековья можно понять, проследив судьбы южнославянских ПДЛП в древнерусской книжности.

На примере “Сказания о письменах” – произведения болгарского писателя X в. Черноризца Храбра, бытовавшего в русской рукописной традиции, видно, что оно могло проникнуть на русскую почву, начиная с X по XV в.⁴⁹. Выявление в русской рукописной традиции списков жития Саввы Сербского показало, что на русской почве распространялась не первичная Доментиановская редакция данного памятника, как это указывается во многих русских списках и ошибочно утвердилось в науке, а созданная в конце XIII – начале XIV в. его Феодосиевская версия. К тому же анализ и датировка по водяным знакам русских списков жития Саввы позволили установить, что древнейший из них относится к первой трети XVI в., а не к последней четверти XV столетия⁵⁰. В связи с этим сразу же обостряется вопрос о времени появления первой редакции русского Хронографа, в который, как известно, вошло Феодосиевское житие Саввы. Некоторые исследователи

относили его создание к 1442 г., затем к 1512 г., а теперь возникло мнение, что он, по-видимому, появился в промежутке между 1516–1522 гг.⁵¹. Аналогичных примеров проблематичности времени проникновения литературных памятников южных славян в контекст древнерусской книжности отыщется не так уж мало. Более того, их существует гораздо больше, чем точно установленных наукой фактов в этой области.

К сожалению, многие исследователи оставляют эти сложные вопросы открытыми. В критических изданиях южнославянских ПДЛП ученые обычно ставят перед собой две основные задачи: выявление по возможности большего количества списков исследуемых памятников и публикации текстов. Но при всем стремлении исследователей к полноте освещения архивных материалов (главным образом русских, поскольку они сохранились значительно лучше в сравнении с южнославянскими), такого типа издания можно охарактеризовать как предварительные или “черновые”. Спискомания и текстомания заслоняют в них другие, не менее важные проблемы: авторство памятников, уточнение времени их создания и проникновения в контексты родственных славянских литератур. Решение этих проблем – задача далеко нелегкая. Она требует кропотливой работы по тщательному описанию и датированию рукописей со списками южнославянских ПДЛП, а не беглых указаний на шифры архивных единиц и их приблизительной датировки, основанной на нередко устаревших и ошибочных оценках археографии XIX – начала XX в. Для нее необходимо изучать “конвой” исследуемых ПДЛП и не только с точки зрения одной лишь его идейно-художественной стороны и содержания, а с точки зрения его текстологии. Эта задача, наконец, требует и исследования истории крупных рукописных формирований с относительно устойчивым содержанием, наподобие прологов, торжественников, четьи и служебных миней, измаргадов и т. д. Многие южнославянские ПДЛП попали на русскую почву в их составе или же были почти сразу же в них включены. Реконструкция первоначальных статейных “ядер” южнославянских сборников с относительно устойчивым содержанием сможет пролить свет на авторство и время создания ряда анонимных сочинений, приписываемых известным болгарским и сербским книжникам.

Таким образом, при изучении болгаро-сербско-русских средневековых литературных связей, по нашему мнению, целесообразно соблюдать несколько правил:

1. Неописанные или неудовлетворительно описанные русские рукописи со списками южнославянских ПДЛП при введении их в научный обиход должны непременно получать описание и тщательно датироваться с полистным указанием филиграней; водяные знаки, которым не найдено

соответствия в доступных исследователю филигранологических альбомах, необходимо воспроизводить в научных публикациях с целью создания сводного каталога филиграней русских рукописей XV–XVII вв.;

2. “Конвой” списков южнославянских ПДЛП в одной и той же рукописи всегда следует расчленять на истинный (соответствующий по времени создания списка южнославянского ПДЛП) и ложный – рукописи-конволюты;

3. При описании рукописей необходимо отмечать количество встречаемых в них почерков и таким образом накапливать материалы для истории деятельности русских книгописных мастерских и отдельных писцов XV–XVIII вв.

4. Критические издания южнославянских ПДЛП по русским рукописям целесообразно осуществлять согласно предложенной нами разновидности эдиционной техники, принимая во внимание инвариантный характер списков южнославянских сочинений в русской рукописной традиции.

Перспективной, на наш взгляд, является разработка следующих проблем:

а) атрибуция анонимных и приписываемых южнославянским книжникам сочинений при помощи ЭВМ на основе метода математического анализа их частотных характеристик;

б) применение ЭВМ в изучении текстологии „конвой” южнославянских ПДЛП в русской рукописной традиции;

в) обработка с помощью ЭВМ текстов русских рукописных сборников с относительно устойчивым содержанием (прологов, миней, торжественников и др.), в которые включались южнославянские ПДЛП; цель обработки – реконструкция статейного содержания архетипов южнославянских сборников, уточнение времени их создания и проникновения на Русь, получение косвенных свидетельств об авторстве многих анонимных южнославянских сочинений.

От успешной реализации поставленных задач зависит степень объективности научных выводов об объеме и периодизации южнославянского влияния на древнерусскую литературу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Калиганов И.И. Об изучении древней болгарской литературы // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. М., 1983. С. 172–176.

² Доклад М.Н. Тихомирова 1960 г. о составлении Сводного каталога древних рукописей см.: Археографический ежегодник за 1971 год. М., 1972. С. 368–372.

³ Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966. С. 171–172. (Здесь было отмечено 1494

рукописи, а впоследствии добавилось еще 10. См.: Совещание по составлению сводного каталога славяно-русских рукописей XI–XIV вв. // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 385).

⁴ Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI–XVI веков. Сост. *Н.Ю. Бубнов, О.П. Лихачева, В.Ф. Покровская*. Л., 1976; *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978; *Иванова К.* Български, срѣбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М.П. Погодин. София, 1981. И др.

⁵ *Левочкин И.В.* Описание рукописей Государственного Исторического музея (XIX – начало XX в.) // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Л., 1981. С. 151–159.

⁶ За последние 10–15 лет появились, например, дополнительные машинописные описания Пискаревского, Троицкого, Волоколамского и других собраний, выполненных сотрудниками отдела рукописей ГБЛ. Аналогичные описания имеются в ЦГАДА, ЦГИА и др. древнехранилищах.

⁷ *Морозов Б.Н.* Описанная коллекция “Рукописное собрание ЦГАДА” // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. С. 188–197.

⁸ Добромирово Евангелие. Български паметник от началото на XII век. Подготви за издаване *Боряна Велчева*. София, 1975.

⁹ Норовская псалтырь (сдана в печать в Издательство БАН).

¹⁰ Супрасълски или Ретков сборник. Т. 1–2. София, 1982–1983.

¹¹ Успенский сборник XII–XIII вв. Изд. подготовили *О.А. Князевская, В.Г. Демьянов, М.В. Ляпон*. М., 1973.

¹² *Давидов А., Данчев Г., Дончева-Панайотова Н., Генчева П.* Житието на Стефан Дечански от Григорий Цамблак. София, 1983. Редкое исключение в этом смысле представляет исследование *В.А. Кучкина* “Повести о Михаиле Тверском” (М., 1974), в котором дается превосходный археографический обзор списков памятника.

¹³ ТОДРЛ. Т. XI. 1955. С. 494–498.

¹⁴ *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII вв. Изд. 2-е. Л., 1983.

¹⁵ Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. I. М., 1973; Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Вып. II. Ч. I и 2. М., 1970.

¹⁶ *Бельчиков Н.Ф., Бегунов Ю.К., Рождественский Н.П.* Справочник-указатель печатных описаний славянорусских рукописей. М.–Л., 1963.

¹⁷ Идея о создании указателя указателей была выдвинута нами на I Всесоюзной комплексной конференции болгаристов во Львове в январе 1981 г. См.: *Калиганов И.И.* Об изучении древней болгарской литературы // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. М., 1983. С. 172–176; Текст доклада появился значительно раньше в болгарском переводе (см. „Антени”, № 5 от 4 февр. 1981 г., с. 13), а затем вошел в юбилейный сборник по случаю 1300-летия болгарской государственности: *Българистика и българисти*. София, 1981. С. 293–299.

¹⁸ См., например, *Бегунов Ю.К.*: Древнерусские рукописи фонда Синода в Центральном Государственном историческом архиве СССР в Ленинграде // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 332–338.

¹⁹ *Амосов А.А.* Проблема точности филигранологических наблюдений. I. Терминология // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. С. 70–72.

- ²⁰ *Клепиков С.А.* Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XIX вв. М., 1959; *Его же:* Филигранология на службе архивиста // Советские архивы. М., 1967. № 3; *Его же:* Использование филигранных в работе с недатированными и печатными книгами XIII–XVI вв. // Советские архивы. М., 1968, № 5; *Герасимов А.А.* Филигранные XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963; *Дианова Т.В., Костюхина Л.М.* Водные знаки рукописей России XVII в. М., 1980. И др.
- ²¹ *Клепиков С.А.* Бумага с филигранью “Герб города Амстердама” // Записки Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 20. М., 1958. С. 315–352.
- ²² Имеющиеся крайне редкие публикации на эту тему в основном носят либо очень частный характер, либо повторяют материалы палеографов XIX – начала XX в.
- ²³ Только в последние годы был “узнан” ряд автографов Максима Грека, Киприана и некоторых других славянских книжников. См. *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977; *Прохоров Г.М.* Памятники культуры. Новые открытия. М., 1978. С. 17–30.
- ²⁴ *Моисеева Г.Н.* Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 50–53.
- ²⁵ Повесть временных лет. Под ред. чл.-корр. АН СССР *В.П. Адриановой-Перетц.* Ч. 1–2. М.–Л., 1950; Послания Ивана Грозного. Подг. текста *Д.С. Лихачева* и *Я.С. Лурье.* М.–Л., 1951; *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.–Л., 1955. И др.
- ²⁶ Повесть о Петре и Февронии Муромских. Подготовка текстов и исследование *Р.П. Дмитриевой.* Л., 1979. С. 214.
- ²⁷ Этот список “Повести” по всем признакам является автографом ее создателя новгородского пресвитера Ильи и подготавливается нами для публикации в ежегоднике “Памятники культуры. Новые открытия”. Ведется работа и над подготовкой сводного критического издания “Повести”, отрывок из которого мы здесь приводим. Он показывает как можно эффективно использовать компьютерные технологии для удобства читателей: слова текста издаваемого памятника можно, например, напечатать курсивом, буквенное обозначение списков – жирным шрифтом, обозначения разночтений – шифром обычным, и т.д.
- ²⁸ *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
- ²⁹ *Баранкова Г.С.* Лексика русских списков “Шестоднева” Иоанна Экзарха Болгарского. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1977.
- ³⁰ *Безунов Ю.К.* “Шестоднев” Иоанна Экзарха (К вопросу об изучении болгарского памятника X в.) // Советское славяноведение. М., 1979. № 4. С. 116.
- ³¹ *Давидов А.* Речник-индекс на презвитер Козма. София, 1976.
- ³² *Виноградов В.В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского языка. М., 1958. С. 21.
- ³³ *Скупский Б.И.* Дательный самостоятельный и вопросы истории славянского перевода Евангелия. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1975; *Новикова А.С.* Падежные отношения в Саввиной книге Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1969; *Линчук В.В.* Староукраинская лексикография. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев, 1981; *Муталимова М.А.* Причастие в Марииинском кодексе и соответствия в Евангелии В. Тяпинского. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Минск, 1970; И др. По поводу подобных работ ученый *А.В. Михайлов* еще до революции писал: “Возможно большее число примеров из рукописного материала в такого рода исследованиях для науки гораздо важнее самих выводов автора, которые на основании того же материала, но при ином освещении, иной оценке серьезная критика может изменить к лучшему” // Опыт изучения текста Книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч.1. Паримейный текст. Варшава, 1912. С. CCCXII.

- ³⁴ Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”. Составитель *Виноградова В.Л.* Вып. 1–6. М.–Л., 1965–1983; *Кувев К.* Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974. С. 169–180.
- ³⁵ *Кувев К.* Указ. соч. С. 8.
- ³⁶ *Климент Охридски.* Събрани съчинения. Т. 2. Обработили *Б.Ангелов, К.Кувев, Х.Кодов, К.Иванова.* София, 1977:
- ³⁷ *Иванова-Мирчева Д.* Йоан Экзарх Български. Слова. Т. 1. София, 1971.
- ³⁸ *Янакиев М.* Записки по стилистика на българския език. София, 1965; *Его же:* Стилистика на българския език. София, 1972.
- ³⁹ К сожалению, мы не располагаем точными библиографическими данными об этой работе. Она без ссылки упомянута в книге *З.Косидовского* “Сказания Евангелистов” (М., 1977. С. 77–78).
- ⁴⁰ *Бородкин Л.И., Милов Л.В.* О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования (Закон Судный людем) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977. С. 235–280.
- ⁴¹ *Клосс Б.М.* О формализации понятия неравенства // Математические методы в исследовании по социально-экономической истории. М., 1975. С. 75–82.
- ⁴² Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983.
- ⁴³ Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике уже издала более 130 выпусков. Ею, в частности, был проанализирован отрывок “Песни песней” и установлено, что они восходят к переводу ветхозаветных книг, выполненному славянским первоучителем Мефодием (см. вып. 133).
- ⁴⁴ *Буганов В.И., Зимин А.А.* О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников русского средневековья // “История СССР”. № 1. М., 1980. С. 125.
- ⁴⁵ *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.
- ⁴⁶ *Жуковская Л.П.* Указ. соч. С. 50.
- ⁴⁷ *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975; *Черторицкая Т.В.* О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников Златоуст и Торжественник (триодного типа) // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 96–115; *Жуковская Л.П.* Текстологическое и лингвистическое исследование Пролога (Избранные византийские, русские и инославянские статьи) // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 110–119.
- ⁴⁸ *Лихачев Д.С.* Древнеславянские литературы как система. // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. Прага, август 1968. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 5–48.
- ⁴⁹ *Кувев К.* Черноризец Храбър. София 1967. С. 172.
- ⁵⁰ *Гаврюшина Л.К.* Русская рукописная традиция Жития Саввы Сербского // Советское славяноведение. М., 1984. № 1. С. 68–82.
- ⁵¹ *Шахматов А.А.* Пахомий Логофет и хронограф // Журнал Министерства народного просвещения. 1899, № 321. С. 2. *Его же:* К вопросу о происхождении хронографа. СПб., 1899; *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975; *Клосс Б.М.* “О.В. Творогов «Древнерусские хронографы»” [Рецензия] // История СССР. № 3. М., 1977. С. 181–183.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮЖНОСЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ НА РУСИ*

Говоря о южнославянском средневековом влиянии на Русь, прежде всего нужно определить границы самого понятия “влияние”. В него можно включать воздействие одной страны на другую в разных областях культуры: архитектуре, иконографии, музыке, фольклоре, языке, палеографии, художественном оформлении рукописей, литературе и т.д. Все эти разнообразные сферы культурных воздействий, разумеется, не являются предметами нашего рассмотрения. В статье речь пойдет об историко-литературных проблемах южнославянского влияния на Русь. При этом посредническая функция болгарской и сербской книжности в передаче неславянских литературных произведений нами не учитывается. Во внимание принимаются лишь те оригинальные памятники Болгарии и Сербии, которые нашли отражение в русской рукописной традиции и частично использовались русскими книжниками при создании собственных сочинений. Такой подход представляется нам целесообразным, поскольку при затушевывании границ между оригинальной и переводной (неславянской) литературой¹ уточнить объем литературного воздействия одной страны на другую очень сложно. Это запутывает суть дела, хотя ясность здесь желательна полная. Смещение акцента с вопроса “что проникло?” на проблему “каким образом проникло?” уводит исследователя от главного. Ведь устанавливая факт творческого использования древнерусским книжником какого-либо византийского памятника, ученый должен говорить о воздействии литературы Византии на русскую, независимо от того, что данное византийское произведение могло попасть на Русь в болгарском или сербском переводе.

Концентрация нашего внимания на оригинальных произведениях болгар, русских и сербов как бы сама собой очерчивает круг вопросов, на которые надо ответить. Когда и как зародились самобытные литературы в

* Данный материал был изложен в виде доклада на X Международном съезде славистов в Софии в сентябре 1988 г.

Болгарии, Сербии и на Руси? С какого времени начинается воздействие литератур южных славян на русскую? Какова периодизация этого воздействия и какие формы оно принимало? Мы постараемся дать на них ответы, но ввиду небольшого объема статьи они будут изложены в тезисном порядке.

Первый вопрос неотделим от проблемы появления у болгар, русских и сербов развитой системы письма и прохождения этими народами стадии ученичества. Он принуждает нас также коснуться некоторых обстоятельств миссии солунских братьев Кирилла и Мефодия в Великую Моравию, потому что именно там впервые возникли ростки самобытной литературы на славянском языке. Но вначале следует пояснить, что мы понимаем под стадией ученичества. Это своеобразный “долитературный” период, в продолжение которого мораване, болгары, русские и сербы овладевают навыками чтения и письма, знакомятся с каноническими книгами, необходимыми для богослужения, соприкасаются с литературными произведениями других народов и вплотную приближаются к тому моменту, когда в процессе усвоения чужого опыта рождается потребность в написании собственных литературных сочинений. Ученики перешагивают незримый порог и сами становятся творцами, не переставая при этом почитать творения своих учителей. С этого времени, собственно, и начинается самобытная литература того или иного славянского народа.

Появление у мораван, болгар, русских и сербов развитой системы письма и зарождение самобытной литературы оказались связанными с принятием христианства², но в каждой стране эти процессы протекали по-своему. В Великой Моравии период ученичества завершился сравнительно быстро по нескольким причинам.

1. Во главе византийских миссионеров, отправленных в эту страну по просьбе моравского князя Ростислава в 863 г., стояли одаренные филологи – солунские братья Кирилл и Мефодий. Они в совершенстве владели славянским и греческим языками и являлись литературно образованными людьми. Последнее, видимо, было характерно и для некоторых их помощников.

2. Славянская азбука (вероятнее всего, глаголица) была создана Кириллом для мораван заблаговременно в процессе подготовки к предстоящей миссии. Тогда же он осуществил и перевод части обязательных для богослужения книг.

3. Солунские братья не являлись первопроходцами в деле распространения христианства и борьбы с язычеством в Великой Моравии. Еще до их прихода в эту страну там действовало латино-немецкое духовенство, усиленно насаждавшее новое вероучение.

4. Кирилл и Мефодий еще до моравской миссии были сформировавшимися книжниками, успевшими проявить себя на литературном поприще.

Им принадлежали такие произведения, как “Молитва Григорию Богослову”, “Слово на Перенесение мощей Климента Римского” и др. Они подавали пример творческой работы своим ученикам в Моравии и Паннонии. Очевидно, там Мефодий написал свой канон Димитрию Солунскому, а после смерти Кирилла († 869) в результате совместных усилий Мефодия и его помощников было создано пространное житие славянского первоучителя.

Благодаря стечению этих обстоятельств период ученичества продолжался в Великой Моравии всего 10–20 лет. Тем не менее самобытные моравские литературные ростки не получили своего дальнейшего развития. Они не превратились в литературу в полном смысле этого слова – литературу с развитой системой жанров, традициями, разнообразной тематикой и богатством идей. Этому помешали неблагоприятные факторы, приведшие к провалу моравскую миссию:

- 1) географическая удаленность Великой Моравии от своего политического союзника Византии и отсутствие с ней смежных границ³;
- 2) препятствия, чинимые Кириллу и Мефодию латинско-немецким духовенством;
- 3) отсутствие среди византийских миссионеров духовного лица высокого ранга, обладавшего правом рукополагать моравских учеников в священники⁴;
- 4) безвременная смерть Кирилла;
- 5) изменение религиозно-политической ориентации Великой Моравии после захвата власти князем Святополком, занимавшим проримскую позицию.

Иная историческая ситуация сложилась в Болгарии. Очень интересным, на наш взгляд, является наблюдение Д.С. Лихачева о том, что болгарская литература сразу же достигла зрелости⁵. Эта мысль, однако, нуждается в пояснении. Она верна в том смысле, что первые болгарские оригинальные памятники обладали большими литературными достоинствами. Но ее нельзя трактовать как констатацию возникновения зрелой литературы на голом месте. Болгарские книжники также не избежали периода ученичества. Как известно, после санкционирования христианства в 865 г. князем Борисом I в стране в качестве богослужебного начал использоваться греческий язык. В болгарские земли прибыли многочисленные византийские миссионеры, составившие на первых порах корпус священнослужителей новообращенного христианского народа. Греческий язык широко использовался в Болгарии около трех десятков лет, а точнее – до знаменитого Преславского собора (893), который возвел в ранг церковного и государственного язык славянский. За этот период многие болгары прекрасно овладели греческим. Некоторые из них, наиболее талантливые и одаренные из числа послушников и церковных служек, посылались в Константинополь и византийские монастыри для получения богословского образования.

В целом, по сравнению с Великой Моравией в Болгарии существовали лучшие условия для зарождения и дальнейшего развития самобытной литературы.

1. Болгарское государство граничило с Византией, и это облегчало культурные контакты между двумя странами, способствовало их интенсивности.

2. В продолжение почти трех десятилетий греческий язык в Болгарии стал языком-посредником и делал доступными для болгарских книжников сокровища богатейшей византийской литературы. И впоследствии знание греческого языка было неизменной чертой большинства крупнейших писателей болгарского средневековья.

3. В отличие от Великой Моравии в Болгарии не велась политическая борьба против распространения христианства в его восточновизантийском варианте.

4. Еще в дохристианский период в Болгарии появилась прослойка населения, приобщенного к новой вере. Она увеличивалась по мере отторжения византийских территорий болгарскими ханами Крумом (803–814), Омуртагом (814–831), Маламиром (831–836), Пресианом (836–852) и Борисом (852–889). На завоеванных ими землях жило немало людей, начавших добровольно исповедовать христианство без каких-либо организованных миссионерских акций со стороны Византии. На этих территориях находилось и значительное число христианских храмов, построенных еще в IV–VIII вв.

5. Государственная власть в Болгарии в конце IX – первой трети X в. характеризовалась стабильностью и последовательностью в насаждении христианства в его восточновизантийском варианте. Редкие исключения составляли попытки возврата к языческим верованиям в годы кратковременного правления болгарского князя Владимира-Расате (889–893)⁶ и дипломатическое заигрывание Бориса I с Римом для достижения церковной независимости от Константинополя и учреждения в стране собственной архиепископии (870)⁷.

6. Переход от греческого к славянскому богослужебному языку осуществлялся сравнительно быстро благодаря деятельности учеников солунских братьев, бежавших из Великой Моравии после смерти Мефодия († 885) и неудачи византийской религиозно-политической миссии. Обретя надежное пристанище в болгарских землях, они за небольшой срок (886–893) сумели восстановить и размножить частично утраченные кирилло-мефодиевские переводы Священного Писания, а также обучить значительное число болгар славянской грамоте.

7. Среди учеников солунских братьев имелись весьма одаренные в литературном отношении личности, которые выросли в творцов именно в

конце IX – начале X в.: Климент Охридский, Константин Преславский, Наум Охридский и др. До 893 г. они успели пройти стадию ученичества в Великой Моравии и созрели для создания самобытных произведений. Другие, возможно, были готовы к этому и раньше, но занимались оказанием помощи Кириллу и Мефодию при переводах Священного Писания и переписывании богослужебных книг.

Таким образом, быстрому зарождению и развитию оригинальной литературы в Болгарии предшествовал период ученичества. Он продолжался около 30–40 лет. Надо думать, что в первые годы своего пребывания на болгарской земле ученики Кирилла и Мефодия не занимались созданием собственных произведений, а обучали болгар славянской грамоте и восстанавливали частично утраченные кирилло-мефодиевские переводы. Видимо, некоторая заминка произошла и в связи с заменой глаголицы более привычным для болгар греческим унциальным алфавитом, который они пытались использовать еще в дописьменный период. Эта замена, скорее всего, произошла на Преславском соборе в 893 г. и вызвала необходимость в транслитерации уже подготовленных глаголических книг.

Зарождение и формирование древнесербской литературы осложнялось рядом исторических обстоятельств. Они являются доказательством того, что введение одного лишь христианства не обязательно должно привести к быстрому возникновению оригинальной литературы. По свидетельству исторических источников, христианизация сербов произошла, по-видимому, в 867–874 гг.⁸ Однако этого было недостаточно для появления самобытной сербской литературы. Ее быстрому возникновению помешали:

1) феодально-племенная раздробленность и княжеские усобицы. В IX – начале X в. Сербия находилась на раннем этапе политической и этнической консолидации, еще не достигшей степени, достаточной для создания сербского централизованного государства. Славянские племена, из части которых впоследствии сформировалась древнесербская народность, в то время образовывали ряд княжеств под различными названиями: Дукля, Травуния, Захумье, Пагания, Сербское княжество и Конавли, вошедшее затем в Травунию. Сербские князья Прибеслав, Петр, Бранк, Клонимир, Павел и Чеслав вели между собой многолетнюю борьбу, вызывавшую политическую нестабильность и отрицательно сказывавшуюся на развитии культурной жизни;

2) отсутствие сербской церковной автокефалии. После крещения и распространения христианства в его восточновизантийском варианте славянские племена, составившие в дальнейшем ядро древнесербской народности, не обладали собственной церковной независимостью и добились ее спустя значительное время;

3) последовательный захват сербских земель политическими противниками. На протяжении X – начала XI в. Болгария, а затем и Византия овладели значительной частью территорий, на которых тогда обитали сербские племена. Занята ими была и внутренняя Сербия (Рашка);

4) переносы политических и культурных центров в результате болгарской и византийской экспансии. Занятие внутренней Сербии войсками противника повлекло за собой смещение политических и культурных центров к Адриатическому побережью, в Дуклю (Зету). В 30-е–40-е годы XI в. средоточием сербской культурной жизни становится г. Бар – религиозная столица Барской архиепископии;

5) непостоянство в использовании какого-то одного богослужебного языка и системы письма в IX–XI вв. Следует думать, что в продолжение указанного периода в зависимости от превратностей истории, изменения политических границ на Балканах и регионов своего обитания сербы попеременно использовали в качестве богослужебного греческий, латинский и славянский языки, прибегая к глаголице, латыни и кириллице.

В результате перечисленных обстоятельств зарождение оригинальной литературы в Сербии отчасти походит на появление первых литературных ростков в Великой Моравии. Вслед за возникновением первого памятника оригинальной сербской литературы (по нашему мнению, им было житие Владимира Зетского, созданное в первой половине XI в., а не гипотетическая “хроника сербских князей”, согласно точке зрения Г. Острогорского⁹) не последовал сразу поток других литературных произведений – самобытное литературное начало было продолжено лишь в начале XIII столетия после формирования мощного сербского централизованного государства.

В иных условиях протекало зарождение самобытной древнерусской литературы. Оно предварялось введением на Руси христианства князем Владимиром в 988 г., утверждением славянского языка в качестве богослужебного и восприятием развитой системы письменности от болгар. Киевская Русь по сравнению с Великой Моравией и Болгарией находилась в менее выигрышном положении. Это объяснимо рядом причин, среди которых можно выделить главные.

1. Киевская Русь располагалась вдали от Константинополя – главного духовно-религиозного центра Византийской империи. Столицы двух государств разделяло несколько тысяч километров, что затрудняло культурные связи между двумя государствами. С введением нового вероисповедания русская земля фактически превратилась в северо-восточную ойкумену европейского христианского мира.

2. Греческий язык в Киевской Руси знало весьма ограниченное число людей. Он не стал языком-посредником среди ее населения даже на короткий срок. В результате первого и второго обстоятельств возможности быстрого ознакомления русских книжников с византийскими памятниками светского и полусветского содержания были крайне ограниченными.

3. Материальная база и организационная структура для отправления христианских ритуалов Киевской Руси к 988 г. отсутствовала почти полностью. Не были построены здания церквей, не сформировались приходы, не налажено производство пергамента, необходимого для создания корпуса богослужебных книг, не имелось церковной утвари, икон и всего того, что наличествовало в Болгарии к 893 г. (материально-организационное строительство института церкви у болгар до Преславского собора в основных своих чертах уже успело приобрести известную завершенность).

4. Прослойка людей, исповедовавших христианство до официальной на него санкции, была намного меньше, чем в сопредельном Византии болгарском государстве. Прецеденты крещения княгини Ольги, видимо, некоторых купцов и других русских людей до введения нового вероисповедания все-таки были единичными, а не массовыми.

5. Великокняжеская власть в Киевской Руси к 988 г. не достигла такой степени концентрации, как в Болгарии при введении богослужения на славянском языке в 893 г.

6. Даже если разделить точку зрения некоторых ученых, предполагающих активную роль болгарских проповедников в приобщении Киевской Руси к славянской письменности сразу же после 988 г., нельзя не заметить, что среди них не было литературных талантов ранга Кирилла, Мефодия, Климента Охридского, Константина Преславского и других писателей, стоявших у истоков зарождения оригинальных литератур в Великой Моравии и Болгарии. Во всяком случае, ни одного имени болгарского книжника, творившего в Киевской Руси на рубеже X–XI столетий или одними-двумя веками позднее, славистам не известно.

Итак, условия для быстрого прохождения стадии ученичества и формирования самобытной литературы в Киевской Руси выглядят не особенно благоприятными. К перечисленным замедляющим факторам можно добавить и другие. В конце X столетия древнерусское государство по численности населения (приблизительно 5 млн чел.) и по территории (около 1,5–1,8 млн кв. км)¹⁰ в несколько раз превосходило Великую Моравию и Болгарию ко времени введения там христианства. В нем имелось около 25 городов, не уступавших по своей величине тогдашним западноевропейским: Киев, Новгород, Псков, Ладога, Ростов, Полоцк, Муром и др.¹¹. Однако подавляющее

большинство русских людей жили не в городах, а в деревнях, как правило не связанных с остальным миром проезжими дорогами. Если исходить из расчета, что в период средневековья средний церковный приход насчитывал пятьсот человек¹², то для приобщения всего населения Киевской Руси к христианству следовало построить свыше 9000 церквей и часовен. В свою очередь, каждый церковный приход нуждался минимум в восьми богослужебных книгах¹³, и это создавало потребность более чем в 72000 рукописях. Решить подобные задачи в кратчайшие сроки без предварительной подготовки было бы нелегко даже при наличии огромной армии строителей, мастеровых по выделке пергамента, переписчиков книг, миссионеров и священнослужителей. По этой причине христианизация русских земель без преувеличения растянулась на века. Судя по данным археологии, в X – первой половине XII столетия сельское население Древней Руси продолжало целиком оставаться языческим¹⁴.

После введения христианства церкви первоначально возводились только в крупнейших древнерусских городах, и на протяжении X – первых десятилетий XI в. их насчитывалось не более одного-двух десятков¹⁵. Надо полагать, что именно в них и появились первые русские рукописные книги. В соответствии с предписаниями для культовых отправлений требовался вполне определенный состав богослужебной книжности: евангелие-апракос, апостол-апракос, триодь постная, триодь цветная, миная общая, псалтырь следованная, служебник и требник. По всей вероятности, на первоначальном этапе строительства русской церковной жизни этими книгами и исчерпывался репертуар чтения древнерусского книжника. В то время переписчики едва ли осмелились бы переписывать на свой страх и риск какие-либо иные книги без специального на то поручения. Пергамен, краски и переплеты были недешевы, настоящий читатель еще не родился, корпорация писцов, работающих на свободный рынок, как таковая еще не сложилась. В силу этих обстоятельств говорить об активном переписывании тогда на Руси каких-либо светских или полусветских книг будет преувеличением.

Такое заявление может показаться “еретическим”, поскольку в науке утвердилось мнение об активной деятельности болгарских миссионеров на Руси сразу же после введения там христианства. Считается, что они привезли с собой множество славянских книг, и не только богослужебных, но и светского и полусветского характера. Это мнение столь часто повторялось в научных статьях и монографиях, что постепенно стало восприниматься как некая непреложная истина. Между тем конкретные доказательства в его пользу не приводятся и по степени своей аргументированности оно мало чем отличается от умозрительного суждения историка русской церкви

Макария Булгакова, писавшего в середине XIX в.: “Откуда, если не из Болгарии, могли быть принесены к нам вначале славянские богослужебные книги, и притом в том количестве, в каком требовалось? Откуда могли прийти первые пастыри, которые способны были преподавать нашему народу христианские истины на понятном ему языке, – первые учителя, которые начали учить русских славянской грамоте и письму?...”¹⁶

Очевидно, проблема переноса болгарских литературных памятников на русскую почву является более сложной, чем кажется на первый взгляд. Для ее решения в первую очередь следует рассмотреть вопрос о том, каким образом болгарские книжники могли оказаться в Киевской Руси. В медиевистике по этому поводу допускается несколько версий.

А. Часть болгарской знати и болгарских книжников бежали на Русь еще в 70-е годы X в. в связи с неудавшимся походом князя Святослава на Балканы и последующей военной экспансией Византии, захватившей Восточную Болгарию¹⁷.

Б. Болгарские книжники начали перебираться на Русь во время дальнейшего завоевания Болгарии, предпринятого византийским императором Василием II Болгаробойцей с 1001 по 1018 гг.

В. Киевская Русь обратилась к Болгарии с просьбой прислать болгарских миссионеров в помощь византийским духовным лицам.

Каждая из этих версий становится крайне уязвимой при анализе конкретных исторических фактов. Болгарские книжники едва ли могли покинуть свою родину и уйти с отрядами Святослава в языческую Русь. Они имели представление о крутом норове русского князя, посадившего на кол после взятия Филиппополя (Пловдива) двадцать тысяч его жителей¹⁸. Кроме того, военно-политический союз Святослава с болгарскими к моменту его ухода из страны был разорван¹⁹. Если они и стронулись с насиженных мест, то двинулись не на Русь, а в Северную Болгарию, куда еще не ступила нога неприятеля. Последнее произошло в 1001 г., когда император Василий II Болгаробойца овладел болгарскими дунайскими крепостями. По наблюдению В. Мошина, тем самым был вбит клин между Киевской Русью и Болгарией, препятствовавший прямым контактам двух государств²⁰. Надо полагать, что и тогда болгарские книжники отправились не на Русь, а в Западную Болгарию, продолжавшую вести с Византией отчаянную борьбу, исход которой оставался неясным. Сопротивление Западной Болгарии было окончательно сломлено в 1018 г. В эти годы миграция болгарских книжников в Киевскую Русь также едва ли могла иметь место. И не только потому, что неприятель отрезал к ней путь, но и по причине ее военного союза с Византией: в состав византийских войск входили русские отряды²¹.

Проблему миграции следует перевести и в другую плоскость рассмотрения, задавшись вопросом: а происходила ли она в действительности? Ведь из исторических документов известно, что в первые годы после завоевания Болгарии византийцами привилегии болгарского духовенства (а именно оно составляло костяк книжно-образованных людей) нисколько не урезались, а, наоборот, заметно возрастали. Этот глубоко продуманный ход Византии легко объясним ее стремлением сделать болгарское духовенство опорой своей власти во вновь завоеванных землях.

Маловероятной является и третья версия. После введения христианства Киевская Русь не обладала достаточным церковно-юридическим статусом, чтобы самостоятельно обращаться к Болгарии с просьбой о присылке миссионеров. Она могла сделать это только через посредничество Византии, чье духовенство направляло процесс христианизации русского населения. Константинополь, естественно, самым острым образом отреагировал бы на любую попытку князя Владимира вступить без ведома византийцев в контакты с церковниками Болгарии – страны, чей патриарший статус они столь упорно отказывались признать, при первой возможности понизив его в “табели о рангах” до архиепископства²³. К тому же Византия в тот период находилась в состоянии перманентной войны со своим северным соседом, твердо укрепившись в намерении сломить его до конца.

Более вероятно, что византийское духовенство, на которое была возложена задача христианизации Киевской Руси, для преодоления языкового барьера и приобщения русского населения к основам христианской догматики предприняло следующие шаги:

а) после тщательной фильтрации отобрало небольшое число болгарских священнослужителей из недавно покоренных восточноболгарских земель и переправило их на Русь;

б) послало будущих русских священнослужителей для обучения в Константинополь и византийские монастыри, обеспечив им учителей из все той же Болгарии.

Надо полагать, что славянские книги, предназначавшиеся для обучения русских учеников на рубеже IX–XI вв., подвергались строгой византийской цензуре с целью исключения из них “вредоносных” еретических сочинений. Кроме того, их содержание первоначально, видимо, не выходило за рамки уже упоминавшихся восьми богослужебных книг. Другое было излишним и не входило в намерения византийских миссионеров. Они не ставили себе задачей в сжатые сроки поднять уровень духовно-религиозного сознания своей русской паствы. В их памяти свежим был пример Болгарии, которая, быстро добившись церковной автономии, вновь превратилась в воинственного соседа Византии.

Таким образом, проникновение в Киевскую Русь болгарских книг, менее связанных с практикой богослужения, относится к более позднему времени, нежели рубеж X–XI столетий. Таковыми являлись две их разновидности: четьи-сборники и книги для “келейного” чтения. В число первых входили многочисленные поучения отцов церкви, златоустники, толковые псалтыри, служебные минеи, патерики и т.п. Вторую разновидность составляли исторические палеи, хронографы, измарагды, золотые цепи и др. Необходимость в таких книгах росла по мере роста любознательности древнерусского книжника и развития в Киевской Руси монастырской жизни. Первые монастыри начали строиться у нас еще с конца X в.в. в Киеве, Новгороде²⁴, а затем и в других древнерусских городах. Однако их облик существенно разнится от наших сегодняшних представлений о “среднем” монастыре. Тогда они еще не успели превратиться в истинных феодалов: не обзавелись земельными угодьями и смердами, каменными постройками и стенами, богатыми библиотеками и помещениями для многочисленных монашеских келий. Это были скромные церквушки, обнесенные тыном, с небольшими деревянными постройками внутри, в которых жило от трех до пяти монахов. Порядок монастырской жизни еще не регламентировался уставами – сводами предписаний, предусматривавшими наличие у братии четьи-сборников. В первые десятилетия существования русских монастырей количество находящихся в них книг едва ли превышало обязательную цифру богослужебных, а литература светского или полусветского характера у монахов полностью отсутствовала.

Коренные сдвиги в церковно-религиозной жизни Киевской Руси наблюдаются с 30-х годов XI столетия. В культурной истории русского государства произошли важные события: учреждение митрополии (1037), начало строительства киевского кафедрального собора св. Софии²⁵, создание первой русской библиотеки. Эти события во многом обязаны политической и культурной инициативе князя Ярослава Мудрого, способствовавшего также и организации киевского переводческого центра. Летописцы сообщают, что Ярослав “собра писце многы и прекладаше от грек на словенское писмо, и списаша книги многы”²⁶. Очевидно, среди переводчиков, кроме знавших славянский язык византийцев, были и выходцы из болгарских земель. Здесь тогда все начинает хорошо увязываться. Известно, что после смерти болгарского архиепископа Иоанна Дебырского († 1037) его престол занял византиец Лев Пафлагонский, предпринявший массовую замену греками высшего и даже низшего болгарского духовенства вплоть до священников и иподьяконов²⁷. Именно с конца 30-х годов поток болгарских книжников стихийно (или искусственно направляемый византийскими церковными иерархами) устремляется на Русь. На этот раз, уходя навсегда в далекие русские земли,

болгарские книжники берут с собой не только богослужебные книги, но и четьи-сборники и сборники для “келейного” чтения. Обилие такой литературы, которая все шире стала использоваться в русской монастырской практике, вызвало в середине XI в. принятие Студийского типика – первого монастырского устава²⁸.

Приведенные данные, выстроенные нами в определенной последовательности, в известной мере объясняют сравнительно долгий период ученичества у русских книжников. По подсчетам некоторых исследователей, он продолжался 50–70 лет²⁹.

Количество привезенных на Русь болгарским духовенством четьи-сборников и книг для “келейного” чтения, видимо, было немалым, но в их составе преобладали славянские переводы византийских памятников. Сам тип первых самобытных литературных произведений на Руси – таких, как гипотетическая “Киевская летопись 1037–1039 гг.”, “Повесть временных лет”, “Чтение о Борисе и Глебе” и др., – подсказывает мысль о том, что образцами для них служили сочинения не болгарских, а византийских и западославянских авторов. “Повесть временных лет” представляет собой летописный свод, какие в Болгарии не создавались, а “Чтение о Борисе и Глебе” по своему характеру является “мученической агиографией”. В литературе Первого Болгарского царства маририи, т.е. жития мучеников, не обнаруживаются.

В целом картина проникновения оригинальных сочинений южных славян в древнерусскую рукописную традицию оказывается более сложной, чем это принято считать. В медиевистике преобладает мнение, что чуть ли не все произведения болгар и сербов сразу же после своего создания становились известными в Киевской Руси, не говоря уже о памятниках, принадлежавших перу болгарских писателей IX – начала X в. Проникновение последних стереотипно воспринимается едва ли не как некий одноразовый акт, свершившийся в конце X – начале XI столетий. В действительности все, видимо, обстояло иначе. Если исходить из конкретных данных, а не умозрительных гипотез, то получится, что значительная часть сочинений южных славян попала на русскую почву гораздо позже своего появления на свет. Асинхронность между созданием древнеславянских литературных памятников и их проникновением в инославянскую среду объясняется не только хронологическими различиями в возникновении болгарской, русской и сербской литератур и медленными темпами распространения средневековой рукописной книги³⁰. Она вызывалась также различием памятников по своему статусу и зависела от наличия или отсутствия “режима благоприятствования”. Трудно допустить, что такие сочинения, как житие Иоанна Рильского, служба царю Петру и другие болгарские агиографические и

гимнографические памятники, прославляющие местных подвижников, могли появиться в Киевской Руси в X–XIII вв. Этому бы несомненно воспротивилась церковная цензура византийцев, отказывавшая южным славянам в праве канонизировать собственных угодников. Тот факт, что произведения болгар и сербов подобного рода не встречаются в русских рукописях XI–XIII вв.³¹, по-видимому, не случаен. Исключение составили только имена славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, которые хотя и не были официально возведены в ранг святых тогдашней греческой церковью³², но могли считаться “своими” византийскими подвижниками.

Характер проникновения самобытных южнославянских памятников в русскую литературу XI–XVII вв. можно прояснить, сопоставив время и место создания этих памятников со временем появления их на Руси и зафиксировав случаи их использования древнерусскими книжниками при написании собственных сочинений. Большое значение имеет также учет русских списков южнославянских произведений и распределение их по векам. Это сопоставление дает несколько неожиданные результаты и заставляет задуматься над правомерностью ряда положений, которые превратились в стереотипы мышления большинства славистов-медиевистов. В качестве примера приведем иллюстрирующие бытование на Руси самобытные произведения, созданные крупнейшими писателями славянского юга IX–X вв. – Климентом Охридским, Иоанном Экзархом и Константином Преславским.

Первый из писателей являлся одним из самых плодовитых авторов раннего славянского средневековья. Ему принадлежит свыше восьмидесяти поучительных слов и наставлений. Кроме того, наряду с другими книжниками он принимал участие в составлении Пространного жития Кирилла³³. Из всех Климентовых слов и наставлений в русской рукописной традиции XI–XIII вв. зафиксировано только 17, причем большая часть уцелевших списков тяготеет к концу этого периода. Почти 3/4 слов Климента Охридского обнаруживается в русских рукописях, датируемых XIV–XVII столетиями, в основном в сборниках XVI–XVII вв. К этому же времени относится и большинство первых русских обработок произведений упомянутого книжника.

Пространное житие Кирилла известно в 39 русских списках³⁴, из которых самый старший датирован XV в. Тем не менее житие славянского первоучителя было хорошо знакомо книжникам Киевской Руси значительно раньше. Имя Кирилла встречается в первой русской датированной рукописи – Остромировом Евангелии 1056–1057 гг., Архангельском Евангелии 1092 г. и других наших манускриптах XII–XIII вв. Житие знал автор “Повести временных лет”, летописец Нестор. Отрывок из памятника с пророчеством Соломона о

Христе читается и в одной из русских рукописей XIII в. – в сборнике толкований из Ветхого и Нового завета.

Иоанн Экзарх зарекомендовал себя в истории древнеславянской книжности главным образом как переводчик и создатель слов и поучений, автор оригинальных предисловий к переводному “Шестодневу” – сборнику сочинений раннехристианских писателей и “Небесам” Иоанна Дамаскина. Из восьми приписываемых этому книжнику поучений в русских рукописях XI–XIII столетия встречается только одно – “Слово на Вознесение” в знаменитом Успенском сборнике XII–XIII вв. Остальные семь поучений распределяются по векам следующим образом: “Похвала кресту” – XIV в., “Слово на Преображение” – XV в., а другие пять слов – XVI–XVII вв.

Древнейший русский список “Шестоднева” датируется 1414 г. Остальные (а их насчитывается более шестидесяти) были созданы в XVI–XVIII столетиях. Экзарховский перевод “Небес” с оригинальным предисловием известен у нас по древнейшему русскому списку конца XII – начала XIII в. Остальные русские списки относятся к XV–XVII вв.

Константин Преславский вошел в историю древнеславянской книжности в качестве создателя “Учительного евангелия”, автора “Прогласа к Евангелию” и “Азбучной Молитвы”. Древнейшие русские списки первых двух произведений относятся ко второй половине XII в. В русской рукописной традиции XIII столетия они не обнаруживаются – их переписывание ведется в основном тремя-четырьмя веками позднее. “Проглас к Евангелию” Константина Преславского известен лишь в одном русском списке – он помещен в сборнике “Златая цепь” XVI в. из собрания Троице-Сергиевой лавры.

Конечно, судить о времени проникновения южнославянских литературных памятников в русскую литературу XII–XVII вв. только по уцелевшим русским спискам было бы неверно. Многие ранние русские списки оригинальных сочинений южных славян до нас не дошли. Так, например, знакомство с переводом “Шестоднева” Иоанна Экзарха прослеживается в “Почении” Владимира Мономаха (XII в.) и “Слове о погибеле русской земли” (XIII в.), хотя, как уже отмечалось, старейший из уцелевших списков перевода Экзарха датируется XV в. Однако нельзя впадать и в другую крайность, чрезмерно апеллируя к слабой сохранности русского рукописного фонда XI–XIII вв. по причине частых пожаров, монголо-татарских погромов и гибели рукописей из-за обветшания. Русская рукописная традиция все-таки была довольно живучей и донесла до нас почти все то, что пришло к нам со славянского юга в эпоху раннего средневековья. К тому же при анализе болгаро-русско-сербских средневековых связей и литературного влияния на нас южных славян в первую очередь нужно говорить не просто о присутствии

в русской рукописной традиции того или иного оригинального болгарского или сербского произведения, а о том, когда и как он оказал воздействие на древнерусских книжников в процессе написания ими собственных сочинений.

Результаты нашего фронтального сопоставления всей совокупности оригинальных южнославянских памятников, попавших на Русь, разумеется, не являются окончательными. Они отражают научный уровень, достигнутый славистами в изучении болгаро-русско-сербских литературных связей. Со временем в них будут вноситься известные коррективы. Тем не менее уже сейчас можно сделать ряд предварительных выводов о периодизации, хронологии и особенностях влияния на древнерусскую литературу книжности славянского юга.

1. Периодизация средневековых литературных связей не совпадает с периодизацией развития отдельно взятых славянских литератур. Ряд литературных памятников, созданных в Болгарии и Сербии в IX–XIV столетиях, мог попасть на русскую почву гораздо позднее – в XV, XVI и даже XVII вв. По этой причине традиционное деление южнославянского влияния на первое и второе приобретает проблематичность.

2. Сопоставление показывает, что в русской рукописной традиции XI–XIV вв. до сих пор не зафиксировано ни одного русского списка самобытных сербских литературных памятников, равно как и следов влияния таковых на творчество древнерусских книжников того времени. Это обстоятельство ставит под сомнение целесообразность употребления утвердившегося научного клише “первое южнославянское влияние”. Со славянского юга в литературу Киевской Руси, очевидно, вливались только самобытные литературные сочинения болгар, но не сербов. Поэтому применительно к данному периоду следует говорить о болгарском, а не южнославянском влиянии.

3. По нашим наблюдениям, пики южнославянского литературного влияния на Русь – болгарского в XI–XIV столетиях и болгаро-сербского в XV–XVII вв., если судить о них по степени использования древнерусскими писателями самобытных произведений южных славян, не совпадают с пиками развития собственных литератур болгар и сербов. Здесь почти всегда имеет место хронологическая сдвинутость от полувека до полутора столетий.

4. Само понятие “пик влияния” в данном случае вмещает в себя исключительно количественные характеристики. Качественные характеристики при взаимодействии оригинальных литератур Болгарии, Сербии и Руси применяться не могут. Их употреблению противоречит неизменный континуитет и повторяемость одинаковых приемов “заимствования – воздействия” с одинаковым знаком на всем протяжении славянского литературного средневековья. За новое “качество” здесь ошибочно принимаются лишь новые

комбинации количественных характеристик. Но от перестановки слагаемых в общем итоге сумма не изменяется.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В литературоведческой медиевистике незаметно стали превращаться в аксиомы следующие положения: четкие границы между письменностью и литературой отсутствуют; нельзя провести границу между оригинальной и переводной литературой; границы между отдельными славянскими литературами православного региона в эпоху средневековья были размытыми. Подобное “безграничье” ведет к исследовательскому тупику. Установить границы между данными явлениями и понятиями, действительно, порой нелегко. Однако это не означает, что ученые должны отказываться от продвижения в этом направлении. В науке индуктивный метод всегда прекрасно дополнялся дедуктивным, синтез сочетался с анализом, обобщение с конкретизацией. Проникновение в суть явления обычно сопряжено с необходимостью выделить и отграничить его от других сходных явлений, даже имеющих с ним “пограничные зоны”.

² Из этого не следует выводить некую историческую закономерность. В Армении, например, христианство было введено в 303 г., а письменность на армянском языке появилась около века спустя. См.: *Абемян М.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 53.

³ Кроме того, в первые годы кирилломефодиевской миссии Великая Моравия была отрезана от Византии враждебной Болгарией, заключившей союз с Восточно-франкским королевством. См.: *Флоря Б.Н.* Сказание о начале славянской письменности. М., 1981. С. 25; *Гюзелев В.* Князь Борис първи. С., 1969. С. 65–74.

⁴ *Бернштейн С.Б.* Константин-Философ и Мефодий. М., 1984. С. 94.

⁵ *Лихачев Д.С.* Размисли за националното своеобразие и европейското значение на старобългарската литература // *Литературна мисъл.* София, 1970. Кн. 2. С. 73–85; *Он же:* Развитие русской литературы X–XVII вв., Л., 1973. С. 35–39.

⁶ *Златарски В.* Избрани произведения. София, 1972. Т. 1. С. 352–353.

⁷ *Гюзелев В.* Указ. соч. С. 209–256.

⁸ *Наумов Е.П.* Формирование этнического самосознания древнесербской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 188.

⁹ Сабрана дела Георгија Острогорског. Београд, 1970. Кн. 4. С. 79–86.

¹⁰ *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941. С. 84, 86.

¹¹ *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956. С. 15.

¹² *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI–XIII вв. Л., 1978. С. 58.

¹³ Там же. С. 77, 79.

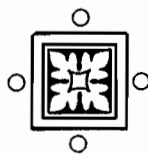
¹⁴ *Седов В.В.* Распространение христианства в Древней Руси: (По археологическим материалам) // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы: Сб. тез. М., 1987. С. 40.

¹⁵ По данным летописей, на Руси в это время были построены церкви св. Василия, Богородицы (Десятинная) и Георгия Победоносца в Киеве, Преображения в Васильеве и Берестье, Рождества Богородицы в Суздале, Успения Богородицы в Ростове и др.

¹⁶ *Макарий [Булгаков].* История русской церкви. СПб., 1857. Т. 1. С. 72.

¹⁷ *Жуковская Л.П.* Изборник 1073 г. Судьбы книги, состояние и задачи изучения // Изборник Святославов 1073 г. М., 1977. С. 12.

- ¹⁸ *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. София, 1971. Т. 1. Ч. 2. С. 573.
- ¹⁹ *Мутафчиев П.* История на българския народ (681–1323). София, 1986. С. 220; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 170, 182.
- ²⁰ *Мошин В.* О периодизации русско-южнославянских литературных связей X–XV веков // ТОДРЛ. М.–Л., 1963. Т. XIX. С. 53–54.
- ²¹ *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. София, 1971. Т. 1. Ч. 2. С. 725.
- ²² *Литаврин Г.Г.* Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1961. С. 351–352.
- ²³ *Николов Й.* Православната църква през епохата на феодализма (IX–XIV в.) // Православието в България. София, 1974. С. 105–106.
- ²⁴ Первые десятилетия после введения христианства монастырей на Руси возводилось значительно меньше, чем церквей, – считанные единицы. См.: Монастыри Российской империи / Сост. В.В Зверинским. СПб., 1887.
- ²⁵ Повесть временных лет: Текст и перевод. М.–Л., 1950. Ч. 1. С. 102–103.
- ²⁶ Там же. С. 103.
- ²⁷ *Литаврин Г.Г.* Указ. соч. С. 367–368.
- ²⁸ *Мансветов И.Д.* Церковный устав. СПб., 1885.
- ²⁹ *Сапунов Б.В.* Указ. соч. С. 208.
- ³⁰ *Калиганов И.И.* Некоторые черты литературного общения болгар, русских и сербов в эпоху средневековья // Литературные связи. Литературный процесс. М., 1986. С. 197–198.
- ³¹ См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI–XIII вв.). М., 1984.
- ³² В греческом богослужении имена Кирилла и Мефодия появились только в XX в. См.: Кирил патриарх Български. Как бе отпразнувана 1000 годишнината от смъртта на св. Методий // Константин-Кирил Философ. София, 1971. С. 53. Данный факт не исключал однако местный культ первоучителей в тех областях, где обитали славяне (Афон, болгарские и русские земли).
- ³³ Это подтверждено путем обработки текста памятника на ЭВМ. См.: *Романкова Н.В.* Формально-количественные методы и проблемы атрибуций нарративных источников по истории южных славян IX–XIV вв.: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1985.
- ³⁴ *Рогов А.И.* Великая Моравия в письменности Древней Руси // Великая Моравия. М., 1985. С. 277–288.

ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ ДРЕВНЕБОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ*

Поэтика древнеславянских литератур – один из сложнейших разделов палеославистики. Как правило, ученые подступают к нему лишь после накопления известного исследовательского опыта, знакомства с довольно широким кругом средневековых нарративных памятников и достижения сравнительно высокого уровня собственных научных разработок.

Можно также заметить, что при сопоставлении, например, “Поэтики древнерусской литературы” Д.С. Лихачева¹, “Поэтики ранневизантийской литературы” С.С. Аверинцева² и “Поэтики древнеболгарской литературы” К. Станчева³ сразу обнаруживается разительное несходство. Оно объясняется не только разницей в возрасте, опыте и предметах изучения данных ученых, но и неодинаковостью подхода к самим источникам, различностью методологических установок исследователей. Если Д.С. Лихачева более привлекают “мегатемы” (микро и макрожанровые структурные образования в древнерусской литературе, ее многообразные связи с фольклором и другими славянскими литературами, стилевая дифференциация жанров, их взаимопереливы и т.д.), то К. Станчев концентрирует свое внимание главным образом на философско-эстетической стороне дела: принципе “отражения отражения”, византийских философско-эстетических истоках древнеболгарской литературы и т.п. Совсем иной исследовательский подход проявляется в “Поэтике” С.С. Аверинцева. Автор делает свои обобщения после ввода в научный оборот малоизвестных или полузабытых средневековых произведений, он открывает перед нами их непреходящее поэтическое значение и эстетическое совершенство, фактически выстраивает шкалу древневизантийских эстетических ценностей.

---

* Данный материал был прочитан в качестве доклада на Международном симпозиуме в сентябре 1988 г. в Шумене.

В целом вопросы поэтики и эстетики сильно взаимосвязаны, переплетены и порой почти неразделимы. В исследовании В.В. Бычкова о византийской эстетике⁴ найдут для себя много полезного не только те, кто решит заняться эстетическими проблемами средневековья, но и те, кто отдает предпочтение вопросам поэтики. Цель нашей небольшой работы состоит, однако, не в аналитическом разборе указанных трудов, а в раскрытии некоторых принципов средневековых литератур Pax Slavia Orthodoxa. Они имеют и эстетическую, и поэтическую стороны и являлись основополагающими для славянского литературного средневековья как с точки зрения поэтики, так и специфики древнеславянских литературных связей. Здесь мы хотели бы обратиться к “Шестодневу” болгарского писателя IX–X в. Иоанна Экзарха. Данное произведение неоднократно привлекало к себе взгляды ученых, писавших о проблемах древнеславянской эстетики. И, видимо, не только потому, что “Шестоднев” – “один из самых поэтических памятников мировой литературы”⁵, но и по той причине, что перед нами именно тот случай, когда обычно молчащие древнеславянские авторы внезапно “проговариваются” на эстетические темы⁶. Большинство материалов в “Шестодневе” появились в результате перевода с греческого. Он вобрал в себя слова Василия Великого, Иоанна Златоуста, сочинения Северина Гевальского и ряда других древних авторов. Однако в нем есть и оригинальные части, написанные самим Иоанном Экзархом. Наибольшей ценностью из них обладает “Пролог” (Вступление), имеющий, на наш взгляд, огромное значение для понимания эстетических и поэтических принципов, возникавших при зарождении древнеболгарской литературы. Древнейший южнославянский список “Пролога” Иоанна Экзарха еще не переводился на современный русский язык⁷, поэтому мы позволим себе привести наиболее интересный отрывок из него в собственном переводе:

“А эти шесть слов, господин мой, – пишет Иоанн, обращаясь к своему меценату, болгарскому князю Симеону, – не сами мы сочинили, но взяли что-то и переписали теми же словами из “Шестоднева” святого Василия, а иное позаимствовали у него по смыслу, а также из Иоанна и из кого, нам в разные времена читать приходилось. Вот так и собрали мы целое, подобно человеку, мимо которого прошел бы его господин, и тот бы пожелал построить господину своему дворец, но не имея из чего строить, пошел бы он к богатым людям и попросил бы у них – у одного мрамор, у другого кирпичи и так возвел бы стены, а мрамором, выпрошенным у богатых, выложил бы пол. Когда же захотел бы он тот дворец покрыть, не имея материала для кровли, достойного кирпича, стен и мрамора, сплел бы сетку над тем дворцом и покрыл бы его соломой, а двери сплел бы из прутьев, так

соорудив затвор. Так ведь приходится поступать не имеющему в своем доме ничего.

Столь же беден и наш ум: не имея в своем доме ничего, строит он из чужого, добавляя кое-что из своего нищего дома. Приписал я здесь некие слова, но они вроде соломы и прутьев. И если повелителю будет угодно, да воспримет он это как дело рук моих. Да продлит Господь Бог Владыка из владык дни владетелю тому, да угодит он Ему и попадет он в рай со всеми преподобными мужами. А Богу нашему слава во веки веков. Аминь”.

Текст этого отрывка, казалось бы, не допускает иных толкований кроме как: произведения Василия Великого, Иоанна Златоуста и других авторитетов церкви – кирпичи и мрамор дворца, скромные приписки и добавления к этому огромному сборнику, сделанные самим Экзархом, – непотребные “солома и прутья”. Во всяком случае, крыша и двери, даже будучи сооруженными из соломы и прутьев, должны быть определенным образом пригнаны к стенам и другим частям постройки, дабы не нарушать единства целого. Закономерен поэтому вывод известного слависта Р. Пиккио о том, что одним из поэтических принципов древнеславянских книжников стало “искусство композиции”⁸. В процессе компилирования перед ними неизбежно вставала проблема выбора: у кого позаимствовать, что позаимствовать и как расположить компилируемые материалы для достижения композиционного совершенства. В равной мере это затрагивало не только создание какого-либо одного произведения, но и составление более крупных рукописных формирований. Как известно, рукописная средневековая книга обычно содержала в себе множество сочинений, притом нередко самых различных авторов. В этой связи было бы ошибкой изучать отдельные средневековые, литературные памятники изолированно от их рукописного окружения. Более того, по справедливому замечанию Р. Пиккио, “можно только изумляться, почему внутренняя история сборников, их тип и их воздействие на психику славянских православных авторов не стало центральным направлением современных исследований”⁹.

Наличие компиляций в большинстве средневековых литературных памятников отмечает и голландский ученый У. Федер. Применительно к процессу компилирования он предлагает свой термин: “*excerptio*”¹⁰, т.е. выборка отрывков, подбор цитат. На наш взгляд, по сравнению с термином, предлагаемым Р. Пиккио, он менее удачен, поскольку несколько механистичен и как бы лишен эстетической сердцевины. Он не учитывает элементов творческой инициативы древнеславянских книжников, бравшихся за перо и сочинения других авторов. Другой, вводимый У. Федером термин касается характеристики оригинальных частей, которые создавались древнеславянскими писателями

и входили в состав сводов переводных памятников или же отдельных переводных произведений. Ученый определяет их как “just aposition”, т.е. простейшее дополнение. Последнее наблюдение исследователя верно лишь отчасти, ибо данная дефиниция не покрывает собой все разнообразие видов сотворчества древнеславянских книжников. Видимо, даже процитированный нами отрывок “Пролога” и сравнение Иоанном Экзархом собственных добавлений с “соломой и прутьями” не следует воспринимать буквально. Перед нами – обычное средневековое клише, дань славяно-византийской традиции смиренности автора – книжника, кающегося, сокрушающегося из-за своей неискренности, проклинающего себя за гордыню, которая побудила его, скудоумного, взяться за перо. Иоанн Экзарх фактически опровергает собственное утверждение о “соломе и прутьях”, поместив далее в “Шестодневе” перед шестым словом описание дворца своего мецената Симеона. Это великолепное описание по своим литературным достоинствам ничуть не уступает “соседнему” материалу сборника и по праву вошло в сокровищницу древнеславянских литератур Pax Slavia Orthodoxa.

Определение “простейшее дополнение” едва ли правомерно для характеристики первоначального этапа вступления древнеболгарских авторов на стезю творчества. “Шестоднев” – не самый древний славянский памятник с оригинальными дополнениями. Он был составлен скорее всего между 893 и 913 гг., поскольку книжник называет Симеона “князем” (напомним, что в 893 г. Симеон был возведен на княжеский престол своим отцом князем Борисом I, а в 913 г. он первый из болгарских князей добился международного признания титула “кесарь”). Первоначальными типами книг, переведившихся славянскими книжниками с греческого, были литургические и конфессионально-гимнографические сборники. Очевидно, анализ именно подобных текстов может пролить свет на характер первых оригинальных произведений и дополнений, выполненных славянами. К сожалению, гимнография длительное время находилась на периферии научных интересов литературоведов. Число литературоведческих работ о гимнографии, вышедших у нас за последние годы, без преувеличения можно пересчитать на пальцах. Между тем конфессионально-гимнографический жанр исключительно важен для понимания специфики древнейшего литературного облика Pax Slavia Orthodoxa.

Одним из первых славянских гимнографических сборников стала “Триодь” или “Триодион”, что в переводе с греческого означает “Трипеснец”. Этот сборник складывался в греко-византийском мире в течение нескольких столетий задолго до появления у славян собственной письменности: в VII, VIII и даже IX в. Входившие в него культовые песнопения создавались в разное время, в различных концах огромной Византийской империи, широком кругом

лиц, различных по своему социальному положению. Культовые песнопения сочиняли Роман Сладкопевец, Иерусалимский патриарх Софроний, Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, Козьма Маюмский, Андрей Пир, патриарх Сергей, монахиня Касия, патриарх Фотий, Феодор Студит, Иосиф Песнописец и другие авторы. До IX в. гимнографические сборники назывались тропологионами и составлялись по микрожанровым признакам и своему функциональному назначению: в одни сборники включались каноны, в другие кондаки, в третьи ирмосы, в четвертые акафисты, в пятые седалны, подобны, самогласны... Это причиняло неудобство в богослужебной практике, поскольку отдельные микрожанры песнопений обладали большим коэффициентом внутреннего сцепления и были связаны между собой строго фиксированной последовательностью, непрерывностью исполнения и вхождением одних микрожанров в другие. Однако составление единого Триодного сборника произошло не сразу по причине постоянно совершенствовавшихся текстов богослужения.

Изучение славянской Триоди велось со значительными перерывами русскими дореволюционными и западными учеными почти полтора столетия. Качественно новый этап исследования приходится на конец 70-х – начало 80-х годов нашего столетия, и здесь прежде всего следует сказать об открытиях болгарского лингвиста Г. Попова¹¹. Они еще требуют дальнейшего осмысления как в историко-культурном, так и литературно-эстетическом аспекте. Попытаемся суммировать основные выводы ученого, перемежая их с важными для нас соображениями и других исследователей этого памятника:

1) Состав греческой Триоди сложился из тропологионов после смерти славянского первоучителя Кирилла в 80-е годы IX в.;

2) Триодь переводилась в Плиске на славянский в 886 г. еще до того, как ученики солунских братьев Климент и Константин были отправлены болгарским князем Борисом I из столицы: первый – в Кутмичевицу, а затем в Охрид, второй – в Преслав;

3) Климент и Константин работали над переводом Триоди совместно, так как отдельные ее части особым образом дополняют друг друга;

4) Большая часть славянской Триоди – плод оригинального творчества Константина и Климента, что доказывается наличием акростихов в 440-ка тропарях, указывающих имена авторов¹².

Значение этих выводов трудно переоценить, они имеют первостепенную важность для уяснения сущности первых славянских сборников и зарождения новых эстетических принципов. Если в Великой Моравии солунские братья и их ученики вначале занимались коллективными переводами, то на

болгарской земле впервые сразу же был явлен пример коллективного творчества, на новой родине ученики Кирилла и Мефодия впервые со ступени “искусство композиции” (в качестве примера здесь можно привести загадочный “Отечник” – патерик или свод житий и слов “отцов церкви”, составленный Мефодием в Великой Моравии из переведенных греческих статей) шагнули ступенькой выше. Константин и Климент в самом начале зарождения оригинальной болгарской литературы составили первый славянский сборник, огромную часть которого представлял оригинальный славянский материал. Этими творениями Константин и Климент стали вровень с признанными авторитетами греко-византийской церкви, чьи произведения вошли в состав славянской Триоди. Впервые на практике славянами была принята творческая эстафета, осуществленная на самом высоком сакральном уровне – церковной литургике.

Создание первого славянского сборника такого типа свидетельствует о зарождении у древнеславянских книжников нового эстетического и поэтического принципа, который можно назвать “мозаичностью”¹³. Отдельные “цветовые пятна” сборника – своеобразного “мозаичного панно” – вполне завершены, обладают различной гаммой и имеют различную степень яркости, но вместе образуют единое целое. Принцип “мозаичности” при составлении одного целого из различных разновременных, разножанровых, разностилевых и принадлежавших разным авторам произведений, отрывков и частей, пассажей и кусков станет одним из главных на протяжении всего славянского литературного средневековья. Этот принцип в полной мере распространяется и на взаимодействие средневековых литератур южных и восточных славян.

Взаимодействие, а, следовательно, и связи между литературами в *Pax Slavia Orthodoxa* осуществлялись на всех перечисленных нами уровнях: “искусства композиции”, “элементарного дополнения” и поэтической “мозаичности”. Данные принципы для указанного региона являлись универсальными. Они действовали не только в рамках национальных литературных границ, но и за их пределами – на обширных территориях, населенных славянскими и неславянскими православными народами. Примеров здесь можно привести великое множество. Искусство композиции, в частности, прекрасно иллюстрируется на “Златоструе” – сборнике сочинений “отцов церкви”, переведенном в Болгарии в эпоху царя Симеона. Довольно быстро после крещения Руси он попадает на русскую почву, где местные книжники начинают подвергать его переработке: опускают отдельные статьи, помещают в сборнике новые главы, меняют местами отдельные из них, фактически создавая новое композиционное целое¹⁴.

Весьма распространенным в процессе средневековых литературных связей был и прием “элементарного дополнения”. Русские книжники, переписывающие древнеболгарские переводные сочинения, нередко оставляют нам свои замечания и дополнения, свидетельствующие о времени, месте и обстоятельствах заказа на изготовление книги. Уже в первой датированной русской рукописной книге – Остромировом Евангелии 1056–1057 гг. писец сообщает нам ряд интересных сведений. Однако приписки подобного рода мало связаны с основным содержанием рукописи и эстетически не могут быть в него интерполированы. Поэтому в использовании вышеупомянутого термина надо проявлять известную осторожность. Более уместным, видимо, будут отсылки к русским летописным сводам, испытавшим на себе воздействие сначала болгарских, а затем и сербских летописей. Отдельные пассажи в них весьма напоминают вполне завершённые разделы, очевидно, целиком позаимствованные из недошедших до нас исторических сочинений южных славян. В особенности это относится к древнерусским хронографам, в составе которых имеются композиционно обособленные главки о событиях болгарской и сербской истории¹⁶. Подобные компиляции, если допустить возможность их обработок, уже приближаются к реализации принципа “мозаичности”. Классическим же примером последнего могут служить многочисленные случаи заимствования отдельных тропарей, стихир и славословий у южных славян при создании канонів и служб русскими книжниками¹⁷.

Таким образом, вопросы поэтики в период средневековья тесно смыкаются с проблемами межславянских литературных связей. Более того – они порой неотделимы от них.

Упомянутые нами поэтические принципы становятся традицией, обладающей свойствами непрерывности и транстерриториальности. Она присуща всему ареалу *Pax Slavica Orthodoxa* и хронологически не ограничена рамками средневековья, а продолжается и в “новое” время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е доп. М., 1979.

² Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

³ Станчев К. Поэтика на старобългарската литература. Основни принципи и проблеми. София, 1982.

⁴ Бычков В.В. Византийская эстетика: Теоретические проблемы. М., 1977.

⁵ Лихачев Д.С. “Слово о погибели Руския зѣмли” и “Шестоднев” Иоанна Экзарха Болгарского // Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения академика М.П. Алексеева. М.–Л., 1966. С. 94.

⁶ Бычков В.В. К вопросу о древнерусской эстетике (методологические заметки) // Старобългарска литература, кн. 16. София, 1984. С. 21; Из других работ об эстетике “Шестоднева” см. также: Панченко А.М. Некоторые эстетические постулаты в “Шестодневе” Иоанна Экзарха. Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Т. I. Л., 1986. С. 32–41; Лихачев Д.С. “Шестоднев” Иоанна Экзарха и “Поучение Владимира Мономаха” // Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь профессора Б.А.Ларина. Л., 1963. С. 187–190.

⁷ Ныне существующий перевод “Пролога” был выполнен Г.М.Прохоровым по русскому списку XV в. См.: Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 185–195. В нашем переводе использован южнославянский список XIII в., опубликованный в издании: Шестоднев, составленный Иоанном Экзархом Болгарским. По харатежному списку Московской Синодальной библиотеки. Издание Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1879.

⁸ Picchio R. Compilation and Compositions: Two Levels of Authorship in the Orthodox Slavic Tradition. *Cyrrillomethodianum*. 5. 1981. P. 1–4.

⁹ Ibid. P. 2.

¹⁰ Feder V. Elementary compilation in Slavic. *Cyrrillomethodianum*. 5. P. 41.

¹¹ Попов Г. Триодни произведения на Константин Преславски. Кирило-Методиевски студии. Кн. 2. София, 1985.

¹² Станчев К., Попов Г. Климент Охридски, София, 1988. С. 115.

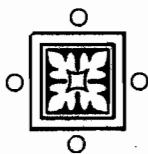
¹³ Беглое определение “мозаичность” по отношению к жанру церковной службы дано в работе С.Кожухарова: Към въпроса за обема на понятието старобългарска поезия // Литературна мисъл. София, 1976, № 7. С. 45.

¹⁴ Новейшее исследование о русских редакциях “Златоструя” принадлежит М.С. Фоминой. См.: “Сборник “Златоструй” и его судьба в русской рукописной традиции XII–XVI вв.” (в печати).

¹⁵ Сводный каталог славяно-русских рукописных книг в СССР. XI–XIII вв. М., 1984. С. 33–34.

¹⁶ Срезневский И.И. Древнейшие памятники русского письма и языка. Спб., 1861. С. 46; Наумов Е.П. Свидетельства сербских летописей в составе русского хронографа. “Советское славяноведение”. М., 1976, № 4; Его же: Сербские главы и разделы русского Хронографа // Русско-болгарские литературные связи в эпоху Средневековья. София, 1982. С. 102–122.

¹⁷ Спасский Ф.Г. Русское литургическое творчество. Париж, 1956.

ЛИТЕРАТУРА ПРАВОСЛАВНОГО СЛАВЯНСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ТРУДАХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ ЗА 1993–1994 ГГ. (ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ И КРИТИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

Писать обзоры – неблагодарное дело. И не только потому, что в них должны содержаться элементы критики, которые могут задеть научное самолюбие исследователей. Уже одно непопадание в обзор работы того или иного автора способно вызвать у него чувство обиды, ибо каждый из них считает свою работу важной. И в этом они абсолютно правы, так как в науке нет мелких тем. Порой даже небольшая публикация способна поколебать чашу весов в пользу (или во вред) какой-либо, на первый взгляд, серьезной научной концепции. Другой “подводный риф”, подстерегающий составителя обзора, – размытость профессиональных границ в палеославистике. Интересы литературоведов в ней часто пересекаются с интересами археографов, лингвистов, историков и искусствоведов в силу обращения этого рода специалистов к одним и тем же рукописным источникам, текстам и историко-культурным фактам. И, наконец, последняя сложность – современный издательский хаос в России и скудность финансирования центральных научных библиотек. В результате этого интересующие нас научные книги зачастую попадают в библиографическую “Книжную летопись” лишь через полтора-два года, а сами библиотеки не всегда имеют средства на их приобретение. Таким образом составителя обзора при желании легко можно упрекнуть в субъективности и неполноте привлечения материала. Тем не менее мы взяли за исполнение этой неблагодарной задачи, поскольку следить за нашей научной литературой, находясь в России, все-таки легче, чем пребывая за ее пределами.

В обзоре анализируются прежде всего монографические исследования. По понятным причинам в него не вошли работы российских ученых, опубликованные за границей, переиздания, материалы ежегодников, сборников статей, справочников, продолжающихся многотомных изданий, учебники и учебные пособия, статьи из научной периодики.

Одна из главнейших задач палеославистики – атрибуция авторства ряда памятников средневековых славянских литератур. В этой области на смену весьма сомнительному методу идентификации авторства, основанному лишь на выявлении сходства лексики, стиля и тональной окраски, постепенно приходят новые с использованием точных математико-статистических критериев и обработкой данных на ЭВМ. Активно разрабатывают это направление и российские ученые, о чем свидетельствует выход коллективной монографии “От Нестора до Фонвизина” [1]. Оно зародилось в России еще в 70-е годы в Институте истории АН СССР, а затем развивалось на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ под руководством проф. Л.В. Милова. После многолетних исканий была отшлифована алгоритмическая программа для проверки авторской принадлежности средневековых литературных памятников. Подробное описание этой программы и ее методик превысило бы объем данного обзора. Отметим лишь, что она существует в двух версиях (для БЭСМ-6 на языке ФОРТРАН – 1973 г. и для IBM PC/AT совместимых компьютеров – 1989 г.) и значительно отличается от программ, использующихся при решении проблемы авторства произведений новой литературы. Она рассчитана на анализ не менее 1000 знаменательных слов атрибутируемого произведения и применение двух систем кодов: 150 – для всех грамматических классов слов и 135 – с учетом лишь знаменательных слов, то есть без союзов, предлогов и частиц. В ее основу положен тезис “о возможности существования подсознательной индивидуальной манеры реализации синтаксических связей в речевом потоке, проявляемой по-своему каждым автором” (с. 14). Эта манера может быть выявлена после предварительной очистки текста от “общего ядра жанра” – то есть от общих мест произведения, присутствующих в нем в силу его стилевой принадлежности к определенному литературному жанру. Удалению также подлежат цитаты из Священного Писания, диалоги, компиляции из сочинений других писателей.

Методологическая и математическая стороны программы изложены в двух главах теоретического раздела книги, написанных Л.В. Миловым и Л.И. Бородинским. Второй раздел состоит из XIII-ти очерков и отведен конкретным исследованиям. В I-ом из них (Л.В. Милов) излагаются материалы электронного тестирования статей *Повести временных лет* (ПВЛ) на предмет их авторства. Согласно выводам ученого, *Чтение о Борисе и Глебе*, *Житие Феодосия Печерского*, *Печерская повесть* и *Летописная статья 1015 г.* принадлежат перу Нестора. Версия о несторовском авторстве Введения к ПВЛ, по заключению Л.В. Милова, не лишена основания, но нуждается в дополнительной проверке. Другие статьи ПВЛ, типа *Выбора веры* под 986 г., не относятся к творчеству Нестора.

Электронному “испытанию” во II-ом очерке подвергся и текст *Слова о Законе и Благодати* митрополита Илариона. Исследовательница И.В. Полянская задалась вопросом, являются ли *Похвала князю Владимиру*, *Молитва* и *Исповедание веры*, находящиеся в ряде рукописных сборников вместе со *Словом*, его истинными составными частями и принадлежат ли они перу указанного писателя. Положительный ответ получен только в отношении *Похвалы князю Владимиру*. Что же касается *Молитвы* и *Исповедания веры*, то они имеют иные формально-количественные характеристики, которые однако могли появиться из-за принадлежности их к другому литературному жанру. Из ряда поучений, приписываемых митрополиту Илариону, было протестировано только *Почтение к брату столпнику*, поскольку объем остальных составляет менее 1000 знаменательных слов. Эксперимент показал ошибочность атрибуции данного *Слова* Илариону.

В III-м очерке (И.В. Полянская) рассматриваются особенности творческой манеры Кирилла Туровского. Тестирование сочинений этого книжника выявило неоднородность его авторского стиля. Методами точных наук была опровергнута точка зрения некоторых ученых (В.В. Колесов, Б.И. Зотов) о якобы свойственном Кириллу Туровскому ярком писательском почерке и подкреплено мнение Г. Подскальского и В. Водова о компилятивном характере творчества писателя и равнении его на образцы византийской патристики.

Не обошли вниманием участники труда (очерк IV-ый: Л.В. Милов, И.В. Полянская, Н.В. Романкова) и жемчужину древнерусской литературы – *Слово о полку Игореве*. Его создание приписывалось самым различным историческим лицам: певцу Митусю, черниговскому воеводе Ольстину Олексичу, Владимиру Ярославичу, епископу Кириллу Туровскому и др. Наиболее вероятной выглядела давно выдвинутая и развиваемая ак. Б.А. Рыбаковым гипотеза о том, что автором *Слова* был боярин Петр Бориславич – создатель так называемой *Мстиславовой летописи*. Последняя читается в *Ипатьевской летописи* и отчасти присутствует в текстовых переложениях “Истории Российской” В.Н. Татищева. Эксперимент продемонстрировал правомерность предположения Б.А. Рыбакова, так как выявил коэффициенты близости между текстами. Крайне важен и другой вывод исследователей, поскольку тестирование подтвердило древность *Слова*. В заключении к очерку ученые пишут следующее: “Глубинные подсознательно существующие стереотипы письменной речи автора “Слова о полку Игореве”, помимо личностных качеств, отражают и особенности нарративного изложения, свойственные вообще литературе, культурно-языковой среде второй половины XII в.” (с. 122). И далее: “Подобного эффекта не может достигнуть ни одна подделка. Таким образом, статистические характеристики формальных

параметров стиля “Слова о полку Игореве” беспристрастно констатируют факт принадлежности этого гениального творения древнерусской культуре XII в.”

Автор V-го и VI-го очерков (Е.В. Неберекутина) проанализировала *Степенную книгу царского родословия*. Составителями этого разновременного памятника называли митрополита Киприана, митрополитов Макария и Афанасия, Пахомия Сербя, наставника Ивана Грозного священника Сильвестра и известного псковского агиографа Василия-Варлаама. Методом проб и ошибок исследовательница попыталась выявить авторов *Степенной книги*. На основании анализа произведений, достоверно принадлежащих перу Сильвестра и Василия-Варлаама (сильвестровское *Послание и наказание от отца к сыну из Домостроя* и *Жалобница попа Сильвестра*, а также варлаамовские *Житие князя Всеволода Псковского* и вторая редакция *Жития Александра Невского*), она установила формально-количественные характеристики стилей указанных книжников. Дальнейшее использование этих данных позволило ей заключить, что в приписываемых Сильвестру *Послании к князю Александру Борисовичу* и *Отписке утешительной* авторский стиль книжника прослеживается только на уровне редакторской правки. Что же касается *Послания к царю Ивану Васильевичу* и читаемого в *Степенной книге* жития княгини Ольги, то они, судя по результатам эксперимента, не относятся к творчеству грозневского наставника. Значительное число статей в *Степенной книге* оказалось принадлежащими перу Василия-Варлаама. Ученая установила, что помимо написания жития княгини Ольги этот книжник является автором *Похвалы Василию III*, *Сказания о Даниле Переяславском* и *Чудес* (титла 24-27 из десятой главы XVII грани). Эти данные опровергают мнение о единоличном составлении *Степенной книги* митрополитом Афанасием.

Очерки VII–X-ый (Г.И. Саркисова) затрагивают творчество писателей XVI–XVII вв.: Ивана Грозного, Андрея Курбского, Ивана Пересветова, И.А. Хворостинина, С.И. Шаховского и И.М. Катырева-Ростовского. В них показано, что послания Ивана Грозного и А. Курбского написаны двумя различными авторами (то есть еще раз опровергнута концепция Э. Кинана о создании переписки князем С.И. Шаховским в 20-х годах XVII в.), перечеркнута гипотеза об идентичности Ивана Грозного и Ивана Пересветова (С.А. Авалиани, И.И. Полосин, Д.Н. Альшиц), а также установлено, что такие произведения Смутного времени, как *Словеса дней и царей и святителей московских*, *Повесть книги сея от прежних лет*, *Повесть известно сказуема на память великомученика благоверного царевича Димитрия* и *Повесть о некоем мнисе* были написаны тремя различными писателями, а не одним С.И. Шаховским, как полагала М.В. Кукушкина.

Последний XIII-ый очерк (Н.В. Романкова) посвящен атрибуции некоторых сочинений, приписываемых древнеболгарскому книжнику Клименту Охридскому. Взяв за основу произведения, считающиеся доподлинными творениями этого писателя (*Похвала Димитрию Солунскому* и *Слово похвальное архангелам Михаилу и Гавриилу*), исследовательница провела тестирование авторства *Общей похвалы Кириллу и Мефодию*, нередко атрибутируемой славистами то Константину Преславскому (Э. Георгиев), то анонимному болгарскому книжнику (М. Богданов). Итог эксперимента однозначен: принадлежность последнего памятнику перу Климента бесспорна. Много дискуссий велось в науке и об авторстве *Пространного жития Константина-Кирилла*. Проверка показала, что памятник был составлен группой авторов, в число которых, вероятно, входил и Климент Охридский.

Мы не случайно перескочили через XI–XII-ый очерки, потому что рассматриваемые в них произведения выходят за хронологические рамки нашего обзора. Отметим лишь вкратце, что спор об авторстве *Писем Фалалею* (Н.И. Новиков или Д.И. Фонвизин ?) решен в них в пользу последнего, а анонимное *Деревенское Зеркало или Общепародная книга* – огромный свод знаний по сельскому хозяйству, написанный в конце XVIII в., атрибутирован писателю А.Т. Болотову.

Вклад создателей этого труда в палеославиистику не подлежит сомнению. Опубликованные ими результаты будут учитываться всеми специалистами-медиевистами. Отрадно и то, что авторы книги не абсолютизируют значение своего метода и не подменяют им другие методики атрибуции авторства. Их выводы лишены налета категоричности и порой даже излишне академически осторожны. Являясь давнишним сторонником использования ЭВМ в палеославиистике (текстология и атрибуция авторства)¹ и приветствуя выход данного издания, одновременно не могу не высказать и некоторых критических замечаний. Наиболее “узким местом” в работе ученых является текстология. Они иногда словно забывают о важнейшей аксиоме “электронщиков”, гласящей: “что заложишь – то и получишь”. От правильной подборки тестируемых материалов зависят результаты их обработки компьютером. Авторы похвально стремятся к максимальной точности текстового анализа и учитывают мельчайшие нюансы анализируемых текстов. Для них, как уже говорилось, имеют значение даже такие детали, как соединительные союзы, частицы и предлоги. Однако выбор списков памятников для эксперимента не всегда достаточно обоснован – он зачастую продиктован старшинством списка или безоговорочным приятием мнений научных авторитетов о наиболее полном отражении каким-либо из списков текстов неуцелевших оригиналов.

В этом месте о математической точности, к которой стремятся авторы, на момент словно забывается. Однако это принципиальный момент и послабление здесь влечет за собой непоследовательность. Проиллюстрируем свою мысль на конкретных примерах. Вывод о создании переписки между Иваном Грозным и Андреем Курбским двумя авторами, на наш взгляд, выстроен очень нечетко. Ученая Г.И. Саркисова устанавливает, помимо прочего, наличие между двумя корпусами текстов “совпадение графов по ряду признаков”, “стилевую близость”, существование определенных “коэффициентов близости”. Эти факты объясняются ею сохранностью переписки только в более поздних списках, помещением ее в одних и тех же сборниках, а также результатом деятельности переписчиков, “которые своей работой могли оказывать вольное или невольное воздействие на текст и таким образом нивелировать в нем в какой-то степени авторское начало” (с. 266). Еще одно объяснение стилевой близости корпусов текстов *Переписки* приводится в Заключении к книге Л.В. Милова. Он также констатирует, что “коэффициенты близости (между *Посланиями* Ивана Грозного и Курбского – *И.К.*) настолько высоки, что спокойно можно было бы утверждать, что эти тексты написаны одним автором” (с. 340). Согласно его точке зрения, после объединения корпусов текстов в одних и тех же сборниках снятие с них копий “производилось переписчиками так, что привычные для каждого переписчика стереотипы в чередовании членов предложения попадали путем произвольных инверсий и в тексты А. Курбского”. Более того, “если сборник был переписан 5–10 раз разными переписчиками, каждый из которых вносил в каждый текст лишь по 3–4 стереотипных, привычных для него сочетаний членов предложения, то в итоге накапливается уже от 15 до 40 общих для посланий И. Грозного и А. Курбского парных встречаемостей грамматических классов слов. При этом содержание текстов остается без всякого изменения, а коэффициенты близости резко повышаются” (там же).

Это соображение верно, но после ознакомления со всей книгой возникает закономерный вопрос: почему оно же не учитывается, например, применительно к тестируемым текстам сочинений Климента Охридского? Ведь их уцелевшие списки отделяет от оригиналов 4–6 столетий², переписчики часто помещали климентовские слова в сборниках вместе со словами Иоанна Златоуста и нередко путали авторство произведений из-за сходства тематики и стиля этих творцов.

Другая опасность поджидает экспериментаторов при работе со средневековыми литературными памятниками, созданными по “мозаичному” принципу³. Этот один из основополагающих поэтических принципов

славянского литературного Средневековья хорошо прослеживается на примере *Пространного жития Константина-Кирилла*. В памятник, вероятно, вошли видоизмененные “подогнанные” отрывки произведений самого славянского первоучителя (к тому же относящиеся к различным жанрам литературы: полемические слова против магометан и иудеев, молитвы перед поездкой в Константинополь и Григорию Богослову), а также трансформированные тексты папских булл, посланий, которыми обменялись моравский князь Ростислав и византийский император Михаил III, и др. Не исключено и выявление в тексте этого памятника отрывков сочинений других авторов, как это произошло с *Написанием о правой вере*, приписывавшемся перу Константина-Кирилла (недавно было установлено, что в сущности оно является фрагментом из Большого Апологетика константинопольского патриарха Никифора)⁴. В таком случае вывод Н.В. Романковой о создании *Пространного жития Константина-Кирилла* не одним лицом, а коллективом авторов, фактически был предопределен.

Таким образом, несмотря на явную эффективность данного метода при атрибуции древнеславянских нарративных произведений (большинство выводов в книге обладает огромной доказательной силой), для развития этого научного направления палеославистики потребуются усилия в достижении максимальной “чистоты” экспериментов. Она заключается не только в тщательно продуманной очистке тестируемых текстов от постороннего информационного “шума” в виде цитат, диалогов и компиляций из других произведений. Для нее потребуется подготовка новых критических изданий ряда памятников, которые будут приспособлены для проведения электронного тестирования. К сожалению, российская славистика таковыми сегодня не располагает, а предложенная нами методика сводных критических изданий памятников (с учетом соединительных союзов, частиц, перестановок слов в тексте и др., а также с пословной маркировкой издаваемого текста)⁵ пока не получила распространения. Между тем она могла бы служить подспорьем в создании более точных стемм и реконструкции утраченных авторских текстов. Особенно это касается южнославянских литературных сочинений, которые бытовали в русской рукописной традиции, и история текста которых носит преимущественно инвариантный характер. Как бы то ни было, со временем число сторонников применения методов точных наук в палеославистике несомненно будет расти. Начнет активнее реализовываться и широкомасштабная задача, которую ставят перед наукой авторы рецензируемого труда: создание сводной картотеки известных и анонимных древнеславянских авторов с формально-количественными характеристиками их индивидуальных стилей.

Продолжалась в России эти два года и работа по изданию древнеславянских литературных памятников. Главный герой монографии Р.А. Седовой [Ш] – первый московский митрополит Петр (1308–1326), активно поддерживавший политику московских князей и перенесший русскую митрополицию кафедру из Владимира в Москву. Этому святому было посвящено в древнерусской литературе немало агиографических и гимнографических сочинений, авторами которых выступали не только местные книжники, но и такие известные выходцы со славянского юга, как всероссийский митрополит Киприан и Пахомий Серб. Образ митрополита Петра запечатлевался и русскими иконописцами XV–XVII вв., причем, создавая иконы святителя с клеймами, изографы прибегали к литературным источникам о жизни и деятельности этого святого. Надписи в клеймах нередко являются прямыми компиляциями из агиографических и гимнографических текстов. Поэтому использование их для интерпретации содержания клейм и уточнения датировки самих икон выглядит весьма многообещающим.

Автор книги стремилась охватить почти все литературные и иконографические материалы о митрополите Петре, и это заслуживает одобрения. Однако стремление к всеохватности имеет и негативные стороны. Оно приводит к дробности исследовательских усилий и становится причиной композиционной рыхлости монографии и расплывчатости границ между научной строгостью и научной популярностью. Около половины труда составляют издания текстов литературных памятников о митрополите Петре и их переводы на современный русский язык. Здесь издаются первоначальная редакция *Жития митрополита Петра*, приписываемая русской рукописной традицией ростовскому епископу Прохору, по Академическому списку конца XV – начала XVI в. (БРАН, 21.3.3 (Нов. 982); *Житие и Служба митрополиту Петру*, написанные Киприаном, по Харьковскому списку (ГНБ им В.Г. Короленко, № 816281), текст *Похвального слова митрополиту Петру* по Погодинскому списку первой половины XVI в. (РНБ, собр. М.П. Погодина, № 866 с разночтениями по двум спискам XVI в. из Софийского собрания РНБ, № 1500 и Новосибирского из собр. М.Н. Тихомирова, № 280, хранящегося в ГПНТБ г. Новосибирска); *Слово на Перенесение мощей митрополита Петра*, написанное Пахомием Сербом в 1472 г., по списку XVI в. (РГБ, собр. Е.Е. Егорова, № 921); *Служба* святителю, созданная этим же книжником, по списку из минеи конца XV в. (РНБ, собр. ОЛДП, Q, 228); *Молитвы* митрополиту Петру некоего афонского монаха Феофана по списку XVII в. (РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 124 / 381), и *Сказание о чудесах митрополита Петра*, созданное книжником “любомудрецом” Кифой, по списку из Торжественника последней четверти XV в. (РГБ, собр. Е.Е. Егорова, № 950).

Эти издания, к сожалению, по большей части вторичны⁶ и осуществлены по единичным спискам. В крайне лаконичных вступлениях к разделам изложена авторская позиция на историю литературных текстов, связанных с жизнью и деятельностью митрополита Петра. В соответствии с ней, вскоре после смерти святителя ростовский митрополит Прохор написал краткое *Житие* святого и небольшое *Слово на преставление митрополита*, которые чуть позднее были объединены в так называемую первоначальную редакцию жития митрополита Петра. (Здесь исследователь фактически оппонирует В.А. Кучкину, который отвергал версию о создании этой редакции Прохором и приписывал ее анонимному русскому автору XIV в. При этом Р.А. Седова опирается на данные о принятии Прохором монашества после 1327 г. и до 1332 г.). В 80-е годы XIV в. появляется киприановская редакция жития митрополита Петра, в которой использовалось произведение Прохора. В свою очередь киприановское сочинение в середине XVI в. было обработано митрополитом Макарием, обогатившим его новыми нюансами и дополнениями. К киприановской редакции восходит и проложная редакция памятника, которая позднее, будучи соединенной с макариевской, привела к созданию особой редакции. В отношении киприановской службы Петру, исследователь полагает, что стиль “плетения словес”, характерный для славянского юга, отражен только в нескольких ранних списках произведения, а затем подвергнулся редактированию и нивелированию (с. 53). Своя позиция сложилась у нее и в отношении киприановских похвальных слов митрополиту Петру. В отличие от Н. Дончевой-Панайотовой она считает, что это не два отдельных сочинения, которые были написаны в разное время (в 1381 и 1390 гг.), а вступление и заключение к киприановскому житию, отражавшему южнославянскую тенденцию слияния жанров жития и похвального слова. Аргументом здесь служит факт подобного расположения слов в упомянутом Харьковском списке. И, наконец, заслуга создания новых произведений, посвященных митрополиту Петру, принадлежала Пахомию Сербу, который создал *Слово на Перенесение мощей* святителя в 1472 г., опираясь на творения Киприана.

Эти наблюдения не лишены интереса, однако им не доверяешь из-за нарушения исследователем двух главных правил палеослави́ста в отношении памятников с богатой рукописной традицией: а) делай выводы об истории текста только после изучения всей полноты рукописного материала; б) взял в руки источник – проверь его датировку. Опубликованный Р.А. Седовой археографический обзор (с. 194–200) более чем скромнен. Судя по нему, ей известно всего 55 списков киприановской редакции жития митрополита Петра, тогда как Н. Дончева-Панайотова за время непродолжительного

пребывания в России выявила 94 списка этого памятника⁷. Автором не учтены многие печатные описания рукописей, в частности, Иосифо-Волоколамского и Чудовского монастырей⁸ (где фигурируют списки жития XV–XVII вв. и их отрывки) и других хранилищ. Аналогична картина и со списками службы (28, а Н. Дончевой-Панайотовой известно 47)⁹ и канонов святителю¹⁰. Кроме того, излишняя доверчивость Р.А. Седовой к датировке рукописей другими учеными без учета роли филиграней и иных датирующих палеографических признаков иногда приводит к казусам. В качестве иллюстрации обратим внимание на ошибочное отнесение ею трех рукописей к первой половине XVI в. и атрибуции их руке иеромонаха Илии на основании свидетельства “о написании” в 1539 г. (см. ее обзор, с. 196, №№ 12, 13 рукописи из РГБ, собр. Д.В. Пискарева, № 121, 122, собр. В.М. Ундольского, № 563). В действительности же, фигурирующий здесь год есть дата написания русского жития Георгия Нового. Открытый нами автограф иеромонаха Илии давно издан¹¹, а указанные три рукописи относятся не к XVI в., а к концу 30-х – началу 40-х годов XVII в.¹². Насколько датировка манускриптов важна при изучении истории текстов видно на следующем примере. Вывод Р.А. Седовой о характере двух киприановских слов митрополиту Петру и времени их возникновения (оба написаны в 80-х годах XIV в. и являются вступлением и заключением к киприановскому житию святителя) всецело зиждется на такой датировке Харьковского кодекса Г.М. Прохоровым¹³. На самом же деле данная рукопись по палеографическим признакам датирована специалистами первой четвертью XV столетия¹⁴, что сразу же обесценивает седовскую гипотезу. И так далее.

Сказанное не перечеркивает значение рецензируемой монографии. Исследователь собрала и свела в книге корпус литературных памятников о митрополите Петре и сделала объемной фигуру этого святителя. Она опубликовала (хоть и неполный) перечень их списков с указанием шифров рукописей¹⁵. Изданы и открытые ею *Сказание о чудесах* книжника Кифы и молитвы митрополиту Петру афонского монаха Феофана. Исследовательница раскрыла содержание иконных клейм святителя, вскрыла их связь с письменными источниками и уточнила датировку ряда икон. Но все же можно сожалеть, что поддавшись соблазну всеохватности, ученая не сумела вовремя сузить границы своего исследования и сосредоточиться на чем-то одном. В результате и после выхода в свет ее монографии славистика не располагает критически изданными текстами ни житий, ни служб, ни канонов, посвященных митрополиту Петру.

К разряду текстологических относится и монография А.Г. Боброва о *Сказании Афродитиана* – новозаветном апокрифе, бытовавшем в древнерусской

книжности [III]. В этом произведении в качестве персонажей выступают и языческие божества, поэтому его чтение вызывало резкую реакцию русской церкви. В XVI–XVII вв. *Сказание* неоднократно включалось в “индексы”, против него яростно ополчался в XVI столетии Максим Грек. Сложность задачи ученого состояла в том, что данный византийский апокриф V в. был распространен не только на Руси, но также в Болгарии и Сербии, и вопрос о месте и времени первоначального перевода памятника на славянский язык оставался спорным. Ряд ученых полагал, что впервые *Сказание* было переведено с греческого на Русь еще в домонгольский период, а затем попало на славянский юг (П.А. Лавровский и П.Е. Щеголев). Кроме того, в Сербии или на Афоне появился и свой южнославянский перевод этого апокрифа. Согласно другой точке зрения, первый его перевод с греческого принадлежал южным славянам, а точнее болгарским переводчикам X–XI вв., и из Болгарии проник на Русь (Ф. Томсон). Именно эти проблемы и стали главными в работе А.Г. Боброва.

Благодаря археографическим разысканиям он выявил дополнительно 20 новых списков русской и 13 списков сербской редакций (по сравнению с данными труда Сантоса Отеро А. де¹⁶, уточненными Ф. Томсоном)¹⁷, доведя число известных списков соответственно до 58-ми и 34-х. Основной акцент автор естественно сделал на списках российских хранилищ, поскольку зарубежные были для него малодоступны. Тем не менее он сумел ознакомиться с некоторыми южнославянскими списками, а также критическим изданием греческой версии памятника, осуществленным Е. Братке¹⁸. Более того, в результате тщательного анализа А.Г. Бобров сумел идентифицировать открытый К. Станчевым¹⁹ фрагмент апокрифа, как вторую часть текста памятника по рукописи, опубликованной В. Макушевым²⁰ (с. 21–22). Вывод исследователя после текстологического сравнения всех привлеченных им списков однозначен. Оно дает, по его словам, “все основания считать первый перевод произведения южнославянским, а не русским, сделанным, возможно, еще в эпоху Первого Болгарского царства” (с. 40). Время проникновения этого перевода на русскую почву не уточнено, а старейший из русских списков датируется второй половиной XIII в. По предположению ученого, болгарский перевод появился на Руси уже в XII столетии (с. 93).

Второй южнославянский перевод, согласно выводу А.Г. Боброва, был выполнен в Сербии или на Афоне еще до Косовской битвы (1389) и стал известен на Руси не позже второй половины XV в. Оба перевода претерпевали на русской почве языковые изменения, на их основе со второй половины XIV столетия составлялись новые редакции: Интерполированная, Сводная, Чудовская, Усть-Цилемская. Один из списков Интерполированной

редакции не позднее XVII в. перевели на украинский язык. Текстологический анализ при таком обилии списков, казалось бы, должен был занять в исследовании много места, однако он крайне лаконичен. Автор быстро переключается на сборники и библиотеки, в которых бытовал апокриф. Их истории хотя и интересны сами по себе (особенно сборника “Золотой матицы” или кодикологическое обследование манускриптов библиотеки новгородского Лисицкого монастыря конца XIV – начала XV в.), но имеют косвенное отношение к теме монографии. Кратка и главка об образно-тематической близости апокрифа к таким памятникам, как *Сказание о Вавилонском царстве*, *Слово о полку Игореве* и некоторым другим.

В разделе “Тексты” (с. 97–157) издаются сербская редакция по списку XIII в. Белградской Народной библиотеки, скомпонованного со списком Афинского университета, и с восполнениями лакун по Загребскому списку XV в. (Югослав. Акад. IV f. 114); Новгородская редакция по списку 90-х годов XIV в. (РНБ, Ф. I. 202), переиздается Интерполированная редакция и ее украинский перевод по публикации В.П. Адриановой-Перетц²¹. Основной вид 2-ой группы списков (под-редакция первого перевода) по Архивному списку первой половины XV в. (РГИА, ф. 834, оп. 2 (Архив Синода), № 1504) с разночтениями по 6 спискам; отдельно публикуется Толстовский список второй половины XIII в. (РНБ, Ф. п. I. 39) и список, отражающий второй перевод XIV в. (РНБ, собр. М.П. Погодина, № 873) с разночтениями по Софийскому (НБКМ, № 432 / 634), Погодинскому (РНБ, собр. М.П. Погодина, № 892) и Пражскому (Нац. музей, собр. П.Й. Шафарика 19 IX. Н. 16) спискам; кроме того, здесь переиздается текст перевода апокрифа на современный русский язык, выполненный П.Е. Щеголевым²², публикуются *Слово обличительное Максима Грека против Афродитиана* по списку конца XVI – начала XVII в. (РНБ, собр. М.П. Погодина, № 1142), а также описание одного из сборников 70-х–80-х годов XV в. под названием “Золотая матица”.

Исследование А.Г. Боброва выгодно отличается от монографии Р.А. Седовой в смысле результатов археографических разысканий и научной ценности многих наблюдений, но, к сожалению, и в нем присутствует ряд недостатков, характерных для последней. Непонятно, зачем автору нужно было приниматься за изучение южнославянской рукописной ветви при заведомой недоступности для него большинства южнославянских списков. Не лучше ли было оставить эту часть работы зарубежным ученым, могущим провести ее более эффективно? Очевидно, ему следовало вложить все силы в подготовку сводного критического издания всех редакций русской рукописной ветви апокрифа, что позволило бы в будущем надежно состыковать их с ветвями южнославянскими. Вместо этого русские редакции (за одним лишь

исключением) публикуются по отдельным спискам, а авторское внимание переключается на второстепенные вопросы. Заявление А.Г. Боброва о том, что “разночтения более поздних списков XVI–XVII вв. (новгородской редакции – И.К.) практически всегда вторичны”, читателя не убеждает, потому что их в издании просто нет. Еще более настораживает дальнейшая оговорка автора, что в тех случаях, когда у него “нет полной уверенности в первичности чтений” издаваемого списка, это комментируется в подстрочных примечаниях (с. 100). Построить детальную стемму со своим местом для каждого из списков было возможно, если бы А.Г. Бобров уточнил их датировку по филиграммам и провел бы более тщательное текстологическое сравнение, используя пословную маркировку издаваемых списков. Однако этого сделано не было. Итак, после публикации его монографии изучение *Сказания Афродитиана* продвинулось вперед, но не столь далеко как хотелось бы.

Еще одна монография, связанная с изучением и исследованием истории текста одного из древнерусских литературных памятников, принадлежит С.А. Семячко [IV]. В ней рассматривается *Повесть о Тверском Отроче монастыре* – одно из интереснейших произведений русской литературы переходного периода. Это легендарное сказание второй половины XVII в. повествует о женитьбе брата Александра Невского, князя Ярослава Тверского на “премудрой” девице Ксении из низшей социальной среды. Оно давно было известно в науке, неоднократно издавалось по отдельным спискам и четырежды переводилось на современный русский язык. Однако история текста памятника, время его создания, связь произведения с фольклором и контекстом древнерусской литературы оставались до конца непоясненными. Именно эти проблемы легли в основу книги исследователя, и она решает их довольно успешно.

Благодаря археографическим разысканиям ей удалось добавить 13 новых списков произведения к 5-ти известным первому научному публикатору *Повести* В.Ф. Ржиге²³. Анализ этих материалов опроверг вывод упомянутого ученого о неизменности текста памятника. В результате текстологического сопоставления списков С.А. Семячко выявила краткую и “распространенную” редакции, а также два варианта в рамках последней. Создание первичной краткой редакции, датированной учеными то рубежом XVI–XVII в. (У. Петерс), то концом XVII – началом XVIII в. (В.Ф. Ржига), убедительно отнесено исследователем к 70-м–80-м годам XVII столетия, а возникновение распространенной редакции к последним десятилетиям XVII или, что менее вероятно, к началу XVIII столетия. Выстроила она и подробную стемму, иллюстрирующую взаимоотношения списков памятника с учетом их хронологической иерархии.

Важным является и историко-литературное наблюдение С.А. Семячко о том, что первичная и вторичная редакции *Повести* представляют собой произведения разного литературного ряда. Переделка неизвестным книжником конца XVII в. первоначального варианта памятника, обогатила его текст многими новыми чертами. Они проступают в усилении психологического начала, привнесении в ткань произведения элементов занимательности, тяге обработчика к развитию сюжетных линий за счет нарушения канонов жанра. Ценно и другое наблюдение исследователя: на примере *Повести* она показывает, что тенденции переходного периода имели место не только в крупных культурных центрах России но и в отдаленных от них регионах. Таким образом на конкретном материале ею подтверждена мысль, высказывавшаяся и другими учеными: проведение границы между метрополией и “провинцией” в древнерусской литературе переходного периода не является правомерным.

Повесть вводится исследователем в историко-культурный контекст древнерусской литературы. Она сопоставляется с древнерусскими сказаниями об основании монастырей, читающимися в текстах житий Григория Пелшемского, Авраамия Чухломского, Павла Обнорского, Корнилия Комельского, Лазаря Муромского и других подвижников, а также с такими самостоятельными памятниками, как повести о зачале Владычного Серпуховского, Троицкого Устьшехонского и Оранского монастырей, *Словом о зачатии пустыни Дедовского острова* и др. Обращаясь к фольклору, С.А. Семячко прослеживает и связь памятника с народной устнопозитической традицией, в особенности, отражение в нем древнерусского свадебного обряда. Не забыта ею и проблема усвоения “новой” русской литературой средневекового творческого наследия. В одном из разделов книги анализируются факты использования сюжета и мотивов *Повести* С.Н. Глинкой, В.К. Кюхельбекером, Н. Третьяковым и другими писателями XIX–XX вв.

В Приложении помещаются археографический обзор списков памятника и критически издаются все его редакции и варианты. Оно выполнено более тщательно, чем соответствующие разделы в монографиях Р.А. Седовой и А.Г. Боброва. Во-первых, С.А. Семячко датирует по филиграммам все привлекаемые ее рукописи со списками *Повести* и дает необходимые о них археографические сведения. Во-вторых, издание охватывает все известные исследователю списки произведения. В качестве замечаний отметим все же, что статейное содержание ряда рукописей, впервые получающих научное описание, расписано фрагментарно, а в перечне входящих в них произведений не указываются листы рукописей, на которых они расположены. Вызывает недоумение и использование С.А. Семячко термина “распространенная”

редакция. Подобная дефиниция в первую очередь наводит на мысль о большей репрезентативности вторичной редакции в рукописной традиции, а не о большем ее объеме по сравнению с первичной. Точнее было бы охарактеризовать ее общепринятыми медиевистическими терминами: “пространная” или “расширенная”. Просматривается в книге С.А. Семячко и частичное отступление от опубликованных в ТОДРЛ правил для критических изданий памятников. При подведении разночтений исследователь прибегает к маркировке слов текста не арабскими цифрами, а буквами кириллического алфавита. Цифровые же обозначения употребляются ею при комментировании отдельных слов и выражений текста. Учитывая грядущую компьютерную обработку текстов и автоматизацию текстологических исследований, такую методику нельзя признать рациональной. При вводе текстовых данных в память ЭВМ буквенная индексация будет идентифицироваться компьютером как флексии слов издаваемого списка и плодить ошибки. Кроме того, такая методика неудобна чисто технически: интересно как бы маркировала учена 100–102-ое разночтения, будь ее памятник большего объема? “АААА, ББББ, ВВВВ” и т.д.? Другим недостатком издания С.А. Семячко является его “закрытость” по отношению к тем спискам *Повести*, которые могут быть обнаружены в будущем. Подключить выявленные в них разночтения к изданным ею спискам не удастся из-за выборочной, а не сплошной маркировки слов опубликованных текстов.

Наши замечания не умаляют научного значения монографии – она является заметным вкладом в изучение древнерусской литературы старшей поры.

К числу немногих книг российских ученых за 1993–1994 гг., посвященных изучению целых литературных эпох, относится труд Е.К. Ромодановской [V]. В центре внимания исследователя – русская литература переходного периода (XVII – начало XVIII в.), анализируемая под двумя главными углами зрения: а) динамика изменения содержательного наполнения литературных произведений и классификация вторгающегося в них художественного вымысла; б) проблема осознания писателями XVII в. литературной формы как самостоятельной ценности. Второй план исследования, по свидетельству автора, еще недостаточно разработан и носит постановочный характер. Оно, по ее словам, написано как попытка ответить на вопросы, “чем же все-таки характеризуется слом литературной традиции в целом?” и “чем же новая литературная традиция отличается от средневековой?” (с. 3).

Автора занимают не столько индивидуальные особенности того или иного произведения, сколько общие тенденции литературного развития. В качестве объекта исследования ею избраны преимущественно беллетристические прозаические жанры: беллетристическая повесть, исторические,

агиографические и летописные сочинения, а также драма и притча, в которых также активно протекали процессы беллетризации. Жанр силлабической поэзии при этом не затрагивается не только потому, что в последнее время ему было посвящено немало фундаментальных работ (А.М. Панченко, С.И. Николаев и Л.И. Сазонова), но и по той причине, что стихотворное творчество конца XVII в. было достоянием элиты, элементом придворной культуры. В отличие от него повесть во всех своих модификациях, наряду с житиями, была наиболее массовым видом художественной литературы. Кроме того, проследить механизм слома старого в литературе, по мнению исследователя, легче на примере литературных жанров, имевших многовековую традицию. Совсем другое место по сравнению с силлабической поэзией занимала драма. Невзирая на свою стихотворную форму и почти одновременное появление на Руси вместе с поэзией (последняя треть XVII в.), она была тесно связана с прозой и близка жанру повести сходными принципами сюжетостроения.

Автор делает свои выводы на обширном материале русской литературы XVII–XVIII вв., и ее монография настолько богата наблюдениями и соображениями о механизме литературного “слома”, что любой пересказ только обеднит ее содержание. Поэтому ограничимся лишь ознакомлением читателя с основными разделами книги и краткими сведениями о выводах ученой. Главное внимание Е.К. Ромодановской направлено на анализ русских повестей о царях, проблему вымысла в русской литературе XVII в., таких его аспектов как герой и его имя, вымышленные обстоятельства, вымышленные события, соотношение вымысла и документальности, притчи и вымысла, мифа и вымысла. Ее также интересуют сказочный вымысел, пародия как осознание литературной формы и соотношение западноевропейских сборников с оригинальной русской повестью XVII–XVIII вв.

Одним из важных наблюдений автора является вывод об уходе в беллетристику “царской” темы древнерусской литературы в связи с окончанием Смутного времени и воцарением на троне представителей династии Романовых. Именно в повестях о царях 1630-х – первой половины 1640-х годов, возникших среди деятелей Печатного Двора и приказных кругов (*Слово о благочестивом царе Михаиле, Сказание о древе, злате и златом попугае, Повесть о разуме человеческого, Повесть о царе Газие*), по мнению Е.К. Ромодановской, проявились такие общие принципы сюжетного построения (острая сюжетность, занимательность повествования, опирающаяся на столкновение характеров, остроумные диалоги, ситуации с непредсказуемым исходом, сочетание внешней историчности с художественным вымыслом и др.), которые станут ведущими для последующего развития русской беллетристики переходного периода.

Учитывая теоретические положения своих предшественников о своеобразном вынесении вымысла и фантастики в древнерусской литературе за пределы русской земли (*Александрия, Повесть об Индийском царстве, Стефанит и Ихнилат*) и наличии лишь “государственно-политического” вымысла в национальной исторической литературе (Д.С. Лихачев), а также наблюдения о “вневременности” русской беллетристической повести XVII в. (*Повести о Фроле Скобееве, Я.С. Лурье*), исследователь приступает к детальной классификации разновидностей вымысла в русской литературе эпохи “слома” традиций. Одной из важных его ипостасей являются имена псевдоисторические, притчевые, пословичные, а также значимые (имена с переносным значением, образованные при помощи обыгрывания греческой этимологии или получающиеся в результате соединения нескольких греческих слов). Тенденция их использования наиболее четко прослеживается в жанре “царских” повестей и, в частности, в найденной исследовательницей *Повести о царе Льве*. Она продолжается и в XVIII в., но функция значимых имен меняется: от обозначения сюжетной роли героя она со времен А. Кантемира смещается в сторону фиксации характера персонажей или определенных черт их поведения (Лекомыслов, Щедров, Вспышкин).

В разделе о вымышленных обстоятельствах анализируется проникновение в русскую историческую литературу XVII в. “баснословия” – тенденция, подмеченная еще историками последующего столетия. Иллюстрируя появление этих новаций в русском летописании, Е.К. Ромодановская подвергает литературоведческому анализу Забелинскую редакцию Есиповской летописи. Исследователь показывает как анонимный летописец вводит в текст беллетристические элементы с целью оживить повествование: он конструирует прямую речь, выдумывает новых персонажей, выписывает мелкие детали, чтобы достичь картинности изображения. Ростки этой тенденции, по наблюдению ученой, присутствуют и в гораздо более ранних памятниках, в частности, в *Степенной книге, Лицевом Летописном своде и Никоновской летописи*), но ее развитие было прервано из-за исторических катаклизмов.

Беллетризация усиливалась и за счет использования книжниками вымышленных событий. Они вносили их в повествование с целью восполнения пустот в событийной канве и служили не расцветиванию картины, а устранению пунктирности сюжетных линий. Нагляднее всего, согласно исследователю, это иллюстрирует текст Иоакимовской летописи, которая писалась явно не X–XI, а в XVII столетии при патриархе Иоакиме, бывшем до 1673 г. новгородским владыкой. На явственное присутствие вымысла в русской литературе XVII в. указывает его осознанность как литературного феномена современниками. Об этом свидетельствует *Послание стольника*

Ивана Бегичева, осуждающее “баснословие”. Это подтверждает и дело Анны Кашиной, чья канонизация была отклонена из-за “несогласия и неприличия” по отношению к реальным событиям ее жизни.

Интересным аспектом исследования является и рассмотрение проблемы соотношения вымысла и документальности. В книге прослеживаются многочисленные случаи использования авторами XVII в. форм деловой письменности и других жанров. Они наиболее четко отразились в произведениях демократической сатиры, воспроизводящих структуры статейного списка, челобитной, церковной службы, судного дела, подметного письма, грамоты. Документальная основа в 1620-х – 1630-х годах ощущалась в житиях, повестях о перенесении мощей и сказаниях о чудесах. Документальность усиливалась авторами с целью преодоления недоверия читателя, стоящего на пороге нового времени, а также по причине проведения духовных судов на предмет рассмотрения достоверности святости. В этой связи в ряде литературных жанров происходит маскировка вымысла под документ – тенденция, получившая затем продолжение в сочинениях старообрядцев XVIII–XX вв.

Важной чертой переходного периода являлось и движение от притчи к вымыслу. Исследователь рассматривает главным образом сюжетные виды древнерусских притч, поскольку они необходимы для раскрытия ее темы. Здесь Е.К. Ромодановская выделяет: а) притчу-басню (*Эзон, Стефанит и Ихнилат*); б) назидательные и нравоучительные притчи (повести о царях); в) притчи классические из Евангелия и близкие к ним по характеру тексты (*Повесть о Варлааме и Иоасафе, Дионтра, Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского*). Ученая выступает против необоснованного причисления к басням *Физиолога*: статьи этого произведения статичны, они лишены действия и в них отсутствуют морализаторские выводы. Нельзя, по ее мнению, считать притчами и такие произведения, как “*Рассказ о смерти Олега*”, “*Выбор веры князем Владимиром*” и многие др. Имеющиеся в них аналоги с мировой историей не есть содержание рассказа, а авторский комментарий летописца, стремящегося уловить общие закономерности в мировых событиях. Подобный комментарий может использоваться в любом типе повествования.

Особую роль в процессе слома старой традиции сыграла трансформация мифа в нарратив, использование книжниками XVII в. мотивов договора человека с дьяволом, тенденция к энциклопедизации сюжета. Последняя представляла собой объединение в одном произведении разных сюжетных версий, рассмотрение одного и того же явления как бы с различных сторон. В отличие от циклизации, характерной для тематических сборников (в которые включались произведения, могущие существовать и отдельно вне

пределов цикла), энциклопедизация не есть форма бытования произведения, а “принципы его внутренней структуры, видоизменения и усложнения сюжетной схемы за счет простейших вариаций сходного сюжета, причем вся эта структура выстраивается вокруг одного героя или группы героев” (с. 123–124). По мысли исследователя, энциклопедизация как бы подводит итог предыдущего художественного развития сюжета памятника перед окончательным омертвлением темы. В переходный период в ряде произведений наблюдается усиление мифологического начала (*Повесть о Савве Грудцыне*) по причине ослабления мифологических верований, хотя и не всегда осознанном.

В разделе о сказочном вымысле прослеживается история его возникновения и бытования в русской литературе конца XV–XVIII вв., начиная с *Повести о Дмитрие Басарге* и ранних записей об Иване Грозном и кончая такими произведениями, как *Повесть о королевиче Валтасаре*, *Гистории о Франце Мемзонзиллусе* или *Повести о царице и львице* – русской переработке одного из сюжетов западноевропейского романа об Оттоне и Олунде. Большое внимание уделяется и западно-европейским сборникам, часто служивших для русских писателей образцом для подражания и основой для создания собственных произведений.

Касаясь явления пародии, исследователь спорит с Д.С. Лихачевым, отрицавшим ее наличие в русской литературе XVII в. Она разбирает имеющиеся в литературоведении различные определения пародии (М.Я. Поляков, А.А. Морозов, Ю.Н. Тынянов) и склонна разделить точку зрения последнего. “Изначальная вторичность пародии как жанра, – пишет ученоя, – и есть то главное, что объединяет средневековые пародии с памятниками нового времени”. Для нее характерна изначальная соотнесенность с уже имеющимися “положительными” произведениями, и без этой внутренней соотнесенности пародия как жанр не существует. По мнению Е.К. Ромодановской, нельзя противопоставлять пародию средневековую и новую только на основе их стилевых или структурных особенностей. Это единый жанр, отличающийся одинаковостью своей направленности. Согласно ее точке зрения, говоря о древнерусской литературе, следует употреблять термин “пародийность”, а не “пародия”. Она отмечает также, что пародия была определенным образом связана со скоморошеством, которое, уходя с исторической сцены, как бы освобождает для нее место.

В заключении Е.К. Ромодановская подводит итоги и пытается ответить на вопросы, поставленные в начале книги. “Анализируя массовый материал русской повести XVII в., – пишет она, – можно достаточно твердо установить, что первые признаки сочетания трех важнейших аспектов литературы нового

времени (четкая авторская позиция, вымысел как содержание литературы, осознание формы как самоценной величины) наблюдается уже в 40-е годы XVII в.” (с. 182). И чуть далее: “По-видимому, с 1640-х, а не 1660-х – 1670-х годов, как было принято до сих пор, и следует вести отсчет явлениям новой литературной традиции” (там же).

В Приложении (с. 190–225) издаются малоизвестные и неизвестные памятники XVII–XVIII в.: *Послание стольника И. Бегичева к боярину С.Т. Стрешневу* по списку 1670-х годов (РГАДА, ф. 188, оп. I, д. 1077) с подведением разночтений по списку, изданному А.И. Яцимирским в конце XIX в., *История о начале Русской земли* по списку РНБ, собр. М.П. Погодина, № 1405, опубликованная ранее вместе с Холмогорской летописью (ПСРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 139–142); исследователь впервые полностью издает текст *Летописных преданий о первых князьях киевских* по списку XVII в. (РНБ, Q XVII. 72) и *Повесть о царе Льве* по рукописи XIX в. (ГПНТБ, собр. М.Н. Тихомирова, № 285); переиздает ранее ею же опубликованную *Повесть об иноке, снявшем иноческий образ* по списку 1670-х – 1680-х годов (РГБ, собр. Т.Ф. Большакова, № 88).

В качестве небольшого замечания к книге отметим некоторое смещение в ней акцентов. Автор несколько преувеличивает роль “царской” повести в процессе формирования новой русской литературы при одновременном невольном принижении роли в нем других жанров и, в частности, силлабической поэзии XVII в. Ссылки Е.К. Ромодановской на “кружковую замкнутость” и “придворный” характер последней в русской культуре того времени звучат неубедительно. Ведь степень отражения того или иного произведения или литературного явления в рукописной традиции не всегда соответствует их истинному месту в истории русской литературы. Примеры *Слова о полку Игореве*, *Жития* протопопа Аввакума и многих других памятников, существовавших в единичных или крайне ограниченном числе списков, говорят сами за себя. Неудачным видится и термин “значимые имена” – любое имя что-нибудь да значит. В целом же монография является важным вкладом в изучение русской литературы переходного периода.

Более общие вопросы древнерусской литературы волнуют и автора монографии А.С. Демина [VI]. Однако в отличие от Е.К. Ромодановской цель его труда состояла не в анализе какого-то конкретного периода развития словесности Древней Руси, а проникновении в духовный мир литературных авторов, живших много веков тому назад. Он пытается уловить “то, что ускользает от строгой филологической науки, – художественные миры древнерусской литературы”, или, перефразируя Д.С. Лихачева, “разлитое в жизни художественное начало на Руси”. Автор опирается на работы А.А. Потебни и

В.В. Виноградова и их понимание формы как языкового явления и сути семантической структуры образа. В то же самое время он использует и свои “рабочие” термины, идя по восходящим ступеням своеобразной триады: форма – образ – мироотношение. При этом ученый сосредоточивает свое внимание на “малых” художественных образах древнерусских памятников. Совокупность этих образов, по его мысли, составляет “образ мира” древнерусских авторов, демонстрирует особенности мироотношения, мироощущения, мировосприятия, мирозерцания, миропонимания писателя (с. 4).

В монографии в той или иной степени затрагивается огромное количество древнеславянских литературных памятников IX–XVII вв., от *Поучения Кирилла Философа*, *Шестоднева Иоанна Экзарха*, *Житий Саввы Сербского* и *Бориса и Глеба* до басен М.В. Ломоносова, слов Стефана Яворского и сочинений В.К. Третьяковского. Она представляет собой россыпь микротем, присутствующих в художественном контексте древнерусской литературы. Автора интересуют внешность человека в древнейших славянских житиях, оппозиция “своего” и “чужих” этносов в *Повести временных лет*, мир животных и пейзаж в *Слове о полку Игореве*, женские загадки в древнерусской литературе, специфические облики авторов (“строевик”, “служебник”, “организатор”, “гид”, “хозяйственник”) в *Галицко-Волынской летописи*, *Житии Александра Невского*, *Послании о рае* Василия Калики, *Задоницине*, *Хождении Стефана Новгородца*. Он пишет об “опасливости” сказочников в *Слове о Вавилоне* и *Стефаните и Ихнилате*, зарождении фантазмагии в *Житии Авраамия Ростовского*, сумрачности гонимого в житии протопopa Аввакума, жажде материального богатства в *Повести о Фроле Скобееве*, мотиве меда и мух в раннем творчестве М.В. Ломоносова и других микротемах.

В заключении книги А.С. Демин приводит некоторые свои предварительные обобщения. Он отмечает в древнерусской литературе “некую закономерность развития писательского мироощущения, которое пульсировало в течение семисот с лишним лет” (с. 178). По его наблюдению, в XI–XII вв. художественное внимание древних писателей было направлено на отражение действительности во всей ее широте, в XIII–XIV вв. произошло его сужение до эстетически более узкой хозяйственной и служилой сфер, в XV–XVI вв. писатели перешли к переосмыслению книжного и языкового наследия, а затем “художественный процесс повторился в ускоренном виде; эмоции от бурной жизни в XVII в., хозяйственный рационализм в самом конце XVII – начале XVIII в., стилистические поиски в первой трети XVIII в.” (там же.).

Сказанного достаточно, чтобы понять – перед нами новаторская, хотя и очень спорная книга. Перед тем как выпустить ее в свет исследователь излагал содержание своих “микротем” в докладах и сообщениях, он учел

критические замечания и пожелания около 50-ти своих коллег, фамилии которых скрупулезно перечисляются им в предисловии. Первоначальный вариант проспекта этой монографии, по свидетельству автора, получил одобрение Д.С. Лихачева. И, действительно, в труде имеется множество тонких наблюдений, способствующих углублению наших представлений о поэтике литературы Древней Руси. Удачным, например, видится выявление разницы в оценках “своего” и “чужого” у Нестора в *Повести временных лет* и Козьмы Пращского в его *Хронике*. А.С. Демин констатирует осознание чешским хронистом чуждости и порой даже враждебности сторонних этносов по отношению к своему собственному. Совсем другая позиция у Нестора, который тяготеет к категории “всеобщности” и не проводит резкой разграничительной черты между “своим” и “чужим”. “Нестор и Козьма Пращский, – пишет исследователь, – кажутся как бы двоюродными братьями, но первый еще сохранил детскую или отроческую гармоничность и ласковость мировосприятия, а второй уже приобрел юношескую резкость взглядов” (с. 47). То же самое относится, например, и к тонко подмеченной А.С. Деминым склонности одного из книжников-составителей *Галицко-Волынской летописи* (статьи под 1249, 1251, 1252 и 1256 гг.) изображать строящееся войско. Безымянный писатель-”строевик” неоднократно фокусирует свое внимание на состоянии воинского строя: кто стоит спереди, кто выставлен “стражем” или кто находится в “заднем” полку. Таких наблюдений в тексте монографии рассыпано немало и они составляют главные ее достоинства.

К сожалению, не все “микротемы” бесспорны и многие трактовки ученым отдельных выражений из древнеславянских литературных памятников грешат субъективизмом. Автор нередко видит то, что хотел бы увидеть, невольно “приращивая” дополнительный смысл цитируемым им отрывкам произведений. Так, в той же микроглаве об авторе-”строевике” исследователь останавливается на знамени перед битвой: скопище множества орлов и воронов, которое появилось над одним из полков войска Даниила Галицкого. По характеристике А.С. Демина, книжник намеренно “утеснил изображаемое”, обрисовав “дружную” птичью стаю, “ясно очерченную и тесно сгрудившуюся” (с. 74–75). Трудно представить себе “сгрудившуюся” (стиль!) стаю – летописец пишет лишь об образованном птицами “облоке великом” и никаких намеков на “дружность” быстро меняющей свои очертания птичьей небесной круговерти у него нет.

Еще один недостаток книги А.С. Демина (уже чисто методологический) заключается в хронологической прерывности при рассмотрении “малых” художественных образов. Из историко-литературного контекста древнерусской

литературы им выделяется какой-либо хронологический отрезок, вслед за этим анализируется парадигма “малого” образа на протяжении 1–2 столетий, а затем следует не всегда оправданное обобщение. В микроглавке о женских загадках, в частности, А.С. Демина подробно анализирует четыре загадки древлянам княгини Ольги, мстящей им за смерть своего мужа (с. 48–49). Используя этот и другие примеры из древнерусской литературы XI–XII вв., исследователь делает вывод о том, что загадки в ней обычно задаются женщинами, которые по сравнению с мужчинами обладают большим чувством языка и более предрасположены к игре со словом, иносказаниями и двусмысленностями. Чуть раньше ученый утверждает, что загадки, как правило, ставятся перед “чужими”, а не “своими” (с. 43). Но ведь можно привести и другие историко-литературные факты, противоречащие подобным выводам ученого. Прекрасный образчик женской загадки имеется и в *Житии Петра и Февронии Муромских*, созданном не XI–XII вв., а в начале XVI столетия. Загадки и иносказания были свойственны не только персонажам женского пола, но и мужчинам (написанное в IX в. *Пространное житие Мефодия*: фраза святителя “Стерегите меня, дети, до третьего дня”²⁴ – иносказательное предупреждение о своей близкой кончине; или первоначальная редакция *Михаила Клонского*, составленная в конце 70-х годов XV в.: фраза “Молим Бога о всем миру, не токмо о Григории”²⁵ – фактический завуалированный отказ святого молиться за обидчика монастыря посадника Григория Посахно). Иносказания адресуются не только “чужим”, но и “своим”: славянский первоучитель Мефодий обращает упомянутые слова не к посторонним, а к своим ученикам. Список аналогичных примеров, идущих вразрез с указанными обобщениями А.С. Демина, можно продолжить.

И, наконец, последнее. В монографии делаются многочисленные отсылки к инославянским (моравским, болгарским, сербским) и византийским переводным памятникам. Материалы из них, видимо, следовало использовать для создания контрастного фона, оттеняющего особенности “пульсирующего” мировосприятия древнерусских авторов. Однако в большинстве случаев они демонстрируют сходство художественного видения писателей ареала “*Slavia Orthodoxa*”. И здесь напрашивается и другой логичный вопрос. Почему стержнем ряда микроглавок являются византийские произведения *Стефанит и Ихнилат*, *Слово о Вавилоне*, *Сказание об Индийском царстве* и какое они имеют отношение к миропониманию или мирозерцанию древнерусских авторов?

Таким образом новаторская линия монографии А.С. Демина нуждается в более продуманной методологической основе. Она требует и более строгих

установок для проведения научного структурно-типологического анализа. Это касается как необходимости расширения хронологических границ, в которых будет проследиваться движение “малых” художественных образов (или иных структурно-типологических единиц), так и привлечения всей совокупности древнеславянских литературных текстов, в которых они присутствуют. Только при этом условии обобщения исследователя приобретут научную объективность. Применение же некоего “нефилологического”, “ассоциативного” метода – очень скользкий путь. Он заводит нас дебри еще слабо разработанной исторической лексикологии и семантики древнеславянских литературных языков. Реконструировать ассоциативный мир древнерусского писателя, переписчика и читателя на нынешнем этапе развития науки пока невозможно. И, вообще, это уже область лингвистики и психолингвистики, а не литературоведения. Поэтому улавливание “ассоциаций” литературоведом XX столетия в большинстве случаев будет оборачиваться созданием ассоциативных “фантомов”, не имеющих к древности никакого отношения.

Материалы о древнеславянских литературах ареала “*Slavia Orthodoxa*” можно обнаружить и в содержательной монографии *Византийское юродство* [VII] российского ученого С.А. Иванова. В седьмой главе этого исследования, называющейся “Русское похабство” (с. 137–156), приводятся богатые сведения о юродивых у южных и восточных славян. Автор справедливо полагает, что поиски следов житий юродивых у болгар и сербов, очевидно, не лишены перспективы. Так, в житии сербского деспота Стефана Лазаревича, написанном Константином Костенецким во второй четверти XV в., присутствуют данные о некоем юродивом, пришедшем в сербские земли из Болгарии. С.А. Иванову удалось также найти грузинский текст жития болгарского юродивого Феодора, чья память праздновалась 16 марта. Судя по приписке в рукописи, памятник был переведен с греческого языка на Афоне архимандритом Иоакимом²⁶.

В дальнейшем внимание автора переключается на древнерусскую литературу, богатую житиями юродивых. Он тщательно проследживает развитие этого жанра на Руси, начиная с XI в. (*житие Исаакия Печерского*) и до конца XVII в. (*житие Андрея Тотемского*), а также функции института юродства и отношение к нему русской церкви и общества от древности до настоящего времени. Автор верно констатирует, что установить точное число канонизированных юродивых на Руси (цифры здесь колеблются от 23 до 50) просто невозможно из-за полуполегалного характера юродства и неформализованности ритуала самой канонизации. Здесь следует согласиться и с его мнением об ошибочности толкования идеологии “похабов” как отражения

неких “демократических” тенденций в эволюции русской общественной мысли (достаточно вспомнить тот факт, что известные севернорусские юродивые Николай Кочанов, Феодор Новгородский и Михаил Клопский были яркими противниками существования Новгородской республики). Интересна и интерпретация автором юродства как феномена русской культуры. В противоположном мнению Е. Трубецкого, Е. Томпсон, А.М. Панченко, считающих, что юродивый в русском сознании сплавился с фольклорным героем Иванушкой-дурачком, он занимает другую позицию. “Фольклорный дурак, – пишет С.А. Иванов, – принципиальный бездельник. Он “лежит на печи”, а мир к нему пристаёт то с одним, то с другим. Ивану же нет до мира никакого дела. В этом смысле он скорее подобен европейскому “святому простецу”. С юродивым все наоборот: миру ничего не нужно от этого безумца, а он постоянно себя миру навязывает. Юродивый неугомонен, агрессивен, суетлив. Другое дело, что его деятельность с рациональной точки зрения нелепа” (с. 155).

Тяга русской культуры к юродству, по словам исследователя, “объясняется присущим ей бескомпромиссным стремлением к Абсолюту” и явственной тенденцией “отбросить все то, что мешает раскрытию великой тайны человеческого предназначения” (там же). Последнее утверждение автора, несмотря на свою внешнюю привлекательность, однако вступает в некоторое противоречие с теми обширными материалами о распространении юродства в самой византийской метрополии, которые он приводит в своем исследовании. Противоречивость еще более усиливается тем, что С.А. Иванов устанавливает византийское влияние даже в ряде русских “народных” житий юродивых, не говоря уже об “официальных” агиографических памятниках о “похабах”. В таком случае “стремление к Абсолюту” имеет византийские корни.

Не очень убедительными выглядят и обобщения ученого в Заключении монографии (с. 182–190). Расцвет юродства в тоталитарной Византии VI в. и авторитарной Руси XVI столетия, согласно его выводу, были вызваны закабалением церкви государством. В этих условиях даже “благодатная” свобода, предоставлявшаяся ранее христианской церковью человеку, не оставляла ни малейшего зазора для выражения свободы индивидуальной. Юродство поэтому было единственным, хотя и парадоксальным, выходом из создавшейся ситуации. Оно представляло собой как бы “пародию на индивидуалистический бунт”, воплощая в действительности “полнейший отказ от собственной воли, разума и просто индивидуальности”, и было предельным вариантом “индивидуализма без свободы”, который, по мысли А. Каждана, лежал в основе византийской культуры (с. 188–190).

Однако, следуя за ходом авторской логики, сталкиваешься со своеобразной загадкой: почему юродство не привилось в последней трети X–XII столетий

в болгарских землях, когда они находились под властью Византии? Ведь в самой византийской метрополии культ юродивых Андрея Юродивого и Симеона Эмесского достигает тогда своего апогея, а болгары живут в условиях государственной и церковной несвободы, фактически превратившись в жителей провинции Византийской империи. Если допустить, что выходом здесь послужило богомилство – учение, отрицавшее институты государства и церкви (к тому же подвергшиеся эллинизации), то снова возвращаешься к проблеме русской ментальности, характеристики которой различными исследователями С.А. Иванов называет оценочными, но не объясняющими суть дела (с. 155). Кроме того, “закабаление церкви государством” плохо увязывается с расцветом юродства в новгородских землях XIV – первой половины XV в., которое, кстати, отмечает и сам автор. Новгород, как известно, в тот период не подчинялся Москве и централизованный русский государственный аппарат еще не сформировался. Таким образом круг снова замыкается и для его “отвержения”, очевидно, требуется проникновение в какие-то иные глубинные пласты русской культуры и привлечение дополнительных историко-культурных фактов.

КНИГИ, АНАЛИЗИРУЕМЫЕ В ОБЗОРЕ

- I. *Милов Л.В., Бородкин Л.И.* и др. От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М., 1994. 445 с.
- II. *Седова Р.А.* Святитель митрополит Петр Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993. 202 с.
- III. *Бобров А.Г.* Апокрифическое “Сказание Афродитиана” в литературе и книжности Древней Руси. СПб., 1994. 169 с.
- IV. *Семячко С.А.* Повесть о Тверском Отроче монастыре: Исследование и тексты. СПб., 1994. 135 с.
- V. *Ромодановская Е.К.* Русская литература на пороге нового времени. Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994. 231 с.
- VI. *Демин А.С.* Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. 224 с.
- VII. *Иванов С.А.* Византийское юродство. М., 1994. 240 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Калиганов И.И.* Электронна техника и старобългаристика // “АБВ” от 24 мая, София, 1981; *Его же:* Об изучении древнеболгарской литературы // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. М., 1983. С. 172–176.

² См. *Климент Охридски*. Събрани съчинения. Т. I. София, 1970. С. 222, 241.

³ *Калиганов И.И.* Жанры в болгарской литературе IX–XII вв. // Развитие прозаических жанров в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 19–21, 33. См. также *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. I. Москва, 1995. С. 55–59, 195 (наша публикация, возможно, не попала в поле зрения ученого).

⁴ *Юрченко А.И.* К проблеме идентификации “Написания о правой вере” // Балто-славянские исследования. 1985. М., 1987. С. 221–232.

⁵ *Калиганов И.И.* Несколько соображений о методике изучения болгаро-сербско-русских средневековых литературных связей // “Старобългарска литература”. Кн. 18. София, 1985. С. 58–73.

⁶ Так, например, текст киприановского жития по Харьковскому списку был уже издан: см. *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. Приложение II. С. 205–215; киприановское *Слово похвальное митрополиту Петру* по Погодинскому списку № 886 с разночтениями по Софийскому тоже было издано, см. *Дончева-Панайотова Н.* Неизвестно Похвално слово за митрополит Петър от Киприан Цамблак // Старобългарска литература. Изследвания и материали. Т. II. Българо-руски литературни връзки през Средновековието. София, 1977. С. 147–155 и т.д.

⁷ *Дончева-Панайотова Н.* Цикъл произведения за митрополит Петър от Киприан // “Търновска книжовна школа”. Т. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. София, 1980. С. 144.

⁸ См. Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь. Л., 1991. С. 196, № 108 (171); Описание рукописей Чудовского собрания. Сост. *Т.Н. Протасьева*. Новосибирск, 1980. С. 80, 81, 149, № 146 (96), 152 (99), 264 (62).

⁹ Еще 5 списков службы см., например, в нашей статье: *Калиганов И.И.* Археографический обзор русской службы Георгию Новому // “Старобългаристика”. № 4. София, 1984. С. 25, 28, 29, 31, 34, №№ рукописей в Обзоре – 1, 2, 3, 4.

¹⁰ См. Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь. С. 285, 295, 298, № 220 (297), 221 (298), 241 (324), 246 (329).

¹¹ *Калиганов И.И.* Древнейший список русской “Повести о Георгии Новом” // Памятники культуры. Новые открытия. 1987. М., 1988. С. 7–19.

¹² Филлигранные рукописи Пискарев, № 122 – на лл. с житием митрополита Петра – “кувшин” (*Герасимов*, № 908 – 1633 г.); Ундольский, № 563 – “гербовый щит” (*Дианова*, № 917–1638 г.); “голова шута” (*Герасимов*, № 1177–1642 г.) и др.

¹³ *Прохоров Г.М.* Древнейшая рукопись с произведениями митрополита Киприана // Памятники культуры. Новые открытия, 1978. Л., 1979. С. 17–30.

¹⁴ *Турилов А.А.* Сборник отрывков пергаменных рукописей из Уваровского собрания ГИМ // “Старобългаристика”. № 4. София, 1994. С. 20, примечание 10.

¹⁵ *Дончева-Панайотова Н.* называет лишь число известных ей списков без указания шифров рукописей.

¹⁶ *A. de Santos Otero.* Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. Berlin – New York, 1981. Bd. 2. S. 33–48.

¹⁷ *Thomson F.J.* Review article [Rec. ad. op.: Santos Otero A. de] // “The Slavonic and East European Review” 1985. Vol. 63. № 1. P. 73–98.

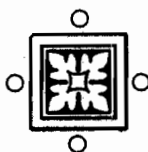
¹⁸ *Bratke E.* Das sogenannte Religionsgespräch am Hof der Sasaniden. Leipzig, 1899.

¹⁹ *Станчев К.* Един неизвестен фрагмент от апокрифен сборник и някои проблеми на апокрифната литература // “Старобългарска литература”. Кн. 15. София, 1984. С. 126–143.

²⁰ *Макушев В.* О некоторых рукописях Народной библиотеки в Белграде: II. Рукописи сербского письма // “Русский филологический вестник”. 1882. Т. 7. № 1. С. 9–12.

- ²¹ *Адрианова-Перетц В.П.* Из истории русско-украинских литературных связей в XVII веке // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Москва, 1961. С. 292–299.
- ²² *Щеголев П.Е.* Очерки истории отреченной литературы: Сказание Афродитиана // “ИОРЯС”. 1899. Т. 4. Кн. I. С. 179–185.
- ²³ *Ржигза В.Ф.* Из истории повести // “Известия Тверского педагогического института”. Тверь, 1928. Вып. 4. С. 97–116.
- ²⁴ *Калиганов И.И., Польшванный Д.И.* Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков. М., 1990. С. 133.
- ²⁵ *Дмитриев Л.А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973. С. 193.
- ²⁶ *Такайшвили Е.С.* Описание рукописей библиотеки Общества распространения грамотности среди грузинского населения // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 34. 1904. С. 22–23.

К XII Международному съезду славистов

БОЛГАРО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР МНЕНИЙ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ)

Задача данной статьи состоит не в обзоре научных работ, посвященных отдельным литературным памятникам, мигрировавшим на Русь из Болгарии в эпоху Средневековья. В славистике их накопилось огромное количество, и даже простой их перечень занял бы здесь неоправданно большое место. Цель этой работы заключается в попытке вскрыть основные проблемы и методологические аспекты разысканий в названной области палеославистики, в отыскании наиболее эффективных направлений самого исследовательского процесса и определении стратегических целей, которые представляются нам самыми важными¹.

Основные вопросы, которые встают перед учеными, обращающимися к проблематике болгаро-русских литературных средневековых связей, напрашиваются сами собой. Каков был действительный объем древнеболгарского письменного наследия и какая его часть проникла в древнерусскую рукописную традицию? Какова периодизация этого проникновения? Каким образом это сказывалось на древнерусской литературе? Сложность и многоаспектность данной темы принуждает автора излагать свою точку зрения в виде развернутых тезисов, каждый из которых подкрепляется его аргументацией в случае несогласия с позицией других ученых.

I. Сведение Ф. Томсоном гипотетического общего репертуара переводной болгарской книжности IX–X вв. к наличности средней византийской монастырской библиотеки (типа книгохранильницы обители св. Иоанна Предтечи на Патмосе) и мнение ученого об исключительно религиозном

---

¹Основные положения этой статьи были изложены в докладе на Международном симпозиуме «Аспекты балканской культуры XIV–XIX вв.» в Миланском университете (май 1996 г.).

характере [1] репертуара этой книжности не могут быть приняты по нескольким причинам: а) материальные возможности Болгарского государства и церкви как заказчиков, благодаря которым создавался национальный фонд переводной славянской книжности, были несоизмеримо выше материальных ресурсов упомянутого монастыря; б) в период завоевательных войн болгарского царя Симеона (893–927) после захвата византийских городов в руки победителей попадали греко-византийские рукописи не только религиозно-аскетического, но и светского содержания; в) получивший светское образование в Константинополе царь Симеон (он обучался в знаменитой Магнавской школе), стремившийся во всем подражать византийским василевсам, несомненно, не ограничивался чтением только религиозно-аскетической литературы; г) недавние открытия Д.М. Буланина, установившего факты перевода в Болгарии IX–X в., греческого философского трактата “Энхиридйон” и светского “Письма Сосипатра Аксиоу” [2], являются яркими свидетельствами реального существования болгарской светской переводной литературы в древнюю эпоху.

II. Бытующее в славистике, начиная с Н.К. Гудзия [3], представление о преимущественно церковно-религиозном характере древнеболгарской литературы IX–X вв. и попытка объяснить этот феномен как результат книжной самоцензуры Болгарии, которая якобы доказывала чистоту своей христианской веры Византии, чтобы добиться церковной самостоятельности [4], вряд ли соответствуют исторической действительности. Древняя болгарская переводная книжность дошла до нас преимущественно в русских списках XII–XIII и более поздних веков. Не исключено, что завоевание Византией Болгарии во второй половине X – первых десятилетиях XI в. привело к византийской ревизии болгарской переводной книжности на предмет устранения из нее источников “ересей” и “дьявольской гордыни”: претензии Болгарии стать доминирующей на Балканах военной и политической силой; восставание ее на свою “крестную мать” Византию; поставление собственного болгарского патриарха, несмотря на длительное сопротивление Константинополя. Урок, извлеченный Византией из развития отношений с Болгарией, впоследствии не прошел даром, и в новокрещенную Русь через византийское церковное “сито” (в первые русские митрополиты поставлялись греки, присланные из Константинополя) попадала главным образом религиозно-аскетическая болгарская переводная литература.

III. Термин “трансплантация” применительно к переносу болгарских литературных памятников на русскую почву после введения христианства на Руси (Д.С. Лихачев) [5], с самого начала вызывал у нас внутреннее несогласие. Позаимствованный из области медицины, делавшей в 70-е годы

успехи в пересадке сердца, этот термин неточно и неверно отражает процесс движения переводных и оригинальных литературных памятников со славянского юга на восток. (Согласно концепции Д.С. Лихачева, “все или почти все, что было создано в Болгарии в IX–X вв., стало известно на Руси после ее крещения”). Употребление подобного термина заведомо предполагает наличие “донора” (Болгарии) и “реципиента” (Руси) – двух пассивных объектов, и “хирурга” активного субъекта, т.е. фактически Византию. Его использование практически означало бы исключение активности русской воспринимающей стороны, да и возможности болгарской миссионерской роли тоже.

IV. На концепцию “трансплантации” работает гипотеза об одномоментном переносе на Русь библиотеки болгарского царя Симеона целиком. Активным ее сторонником недавно выступил А.А. Турилов, утверждающий, что “в любом случае не позднее последнего десятилетия X в. она (библиотека – И.К.) уже находилась в Киеве” [6. С. 33]. Категоричность такого утверждения является неоправданной, тем более, что в качестве одного из главных доводов в его пользу становится ссылка на устное мнение А.А. Алексева о привозе Симеоновой библиотеки на Русь в результате похода князя Святослава на славянский юг в 971 г. Допускается, правда, и вероятность того, что находившаяся в Преславе библиотека царя Симеона стала трофеем завоевавшего Восточную Болгарию византийского императора Иоанна Цимисхия, а затем попала на Русь в качестве приданого византийской принцессы Анны, выданной замуж за русского князя Владимира I. По данному вопросу в славистике давно высказывались подобные предположения [7] и, кроме упомянутых двух путей, здесь можно добавить такие факты, как брак русского князя Всеволода Ярославича с византийской принцессой (1042–1052) [8], миграция болгарских книжников и период завоевания Болгарии в 1001–1014 гг. византийским императором Василием II и др.[9].

В целом, здесь уместно вести речь не о *всей* Симеоновой библиотеке, якобы разом попавшей на Русь, а об отдельных, генетически связанных с этой библиотекой болгарских кодексах. Время их проникновения на русскую почву остается проблематичным. Так, например, знаменитое Учительное Евангелие Константина Преславского с миниатюрой, изображающей болгарского князя Бориса-Михаила, известное в русском списке XII–XIII вв., или Слово Ипполита Римского об Антихристе с “портретом” царя Симеона, сохранившееся в русском списке XII в., могли быть изготовлены в афонском монастыре Ксилургу (существование в котором русской колонии с 1071 г. отмечает и сам А.А. Турилов) с болгарских протографов, находившихся в Зографской обители. Причем, не исключено, что в руки русских копиистов

попали не “парадные” экземпляры древних кодексов из Симеоновой библиотеки, а их более поздние, скромные списки, хотя и со скопированными из первоисточников миниатюрами. Такими были, в частности, протографы знаменитого русского Изборника Святослава 1073 г., представлявшие собой две скромные, лишенные украшения рукописи небольшого формата [10].

Тремя указанными кодексами исчерпываются фактические материалы, которыми оперирует А.А. Турилов в поддержку гипотезы о “трансплантации” Симеоновой библиотеки в Киев в конце X в. Если разделить точку зрения о наличии готового фундамента из переводной и оригинальной болгарской литературы IX–X вв., “трансплантированного” на Русь сразу же после ее крещения, то остается только посочувствовать умственной лености и интеллектуальной инертности русских, которые, располагая огромным количеством славяно-византийских литературных образцов, подвиглись на создание первых оригинальных произведений древнерусской литературы лишь спустя полвека или даже более (Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона, написанное между 1037 и 1050 гг.). Вероятнее всего, процесс перенесения на Русь после ее крещения памятников переводной и оригинальной болгарской литературы IX–X вв. осуществился не разом, а растянулся на многие десятилетия, происходил постоянно, хотя и с неизбежными неодинаковыми по длительности паузами, и распадался на множество независимых друг от друга эпизодов с участием болгарской, русской и византийской сторон, как вместе, так и порознь, или в различных комбинациях этих сторон [11]. К аналогичному выводу пришел и Ф. Томсон, пишущий следующее: “Каким образом византийская культура в той ее славянской форме, в какой она была получена Болгарией, была перенесена в Киевскую Русь, остается загадкой из-за отсутствия свидетельств в исторических источниках. В их молчании, возможно, нет ничего удивительного, поскольку перенесение не вызывалось какими-либо великими событиями, а представляло собой длительный незаметный процесс, который временами становился более интенсивным, но никогда не прерывался” [12].

V. Ошибочной можно считать, *концепцию единства в развитии древнеславянских литератур православного региона и возможности создания их единой истории до XVI в.* (Д.С. Лихачев) [13]. То самобытное и оригинальное, что рождалось в литературах болгар, русских и сербов, возникало при принципиально различных исторических, политических и культурных обстоятельствах. Не совпадают не только хронологические отметки, с которых начиналось самостоятельное литературное творчество в трех названных странах (Болгария – конец IX в., Русь – середина XI в., а Сербия – рубеж XII – XIII вв.), но и имевшиеся у них стартовые возможности. Русские

книжники ко времени написания собственных оригинальных сочинений могли уже опираться на созданные в Болгарии славяно-византийские литературные образцы, а первые сербские писатели располагали не только последними, но частично усвоили и русский литературный опыт XI–XII вв. Различными в период зарождения оригинальных литератур в Болгарии, на Руси и в Сербии были степень централизации государства, взаимоотношения государства и церкви, характер соотносительности национальных церковных институтов с Константинопольским патриархатом, число местных книжников, владевших греческим языком, осознание болгарскими, русскими и сербами своего места в христианском и славянском мире и др. Потому-то первые оригинальные литературные памятники в трех указанных странах столь непохожи друг на друга даже при наличии у них известного типологического сходства.

Концепция Д.С. Лихачева строилась на выводе о *приблизительно одинаковом составе памятников в средневековых литературах Болгарии, Сербии и Руси*, но она не подкрепляется совокупностью реально существующих фактов. Огромный корпус греко-византийских памятников общехристианского содержания, переведенных в Болгарию и перешедших к русским со славянского юга (и представленных в значительно меньшей мере и Сербии по той простой причине, что сербы в конце XII–XIII в. могли пользоваться книжными сокровищами Афона, где тогда уже существовали болгарский Зографский, русский Пантелеймонов и сербский Хиландарский монастыри), не уравновешивался русским и сербским вкладами в литературу Болгарии XI – первой половины XV в. Усматривать, следовательно, наличие некоей единой “системы” в развитии древних литератур Болгарии, Сербии и Руси [14], будет явным преувеличением. Понятие “система” предусматривает взаимосвязанность основных образующих ее частей и такое гибкое их взаимодействие, при котором изменение функционирования одной из них неизбежно влечет за собой замедление, ускорение или сбой в работе других ее частей. Подобные процессы в развитии древних литератур болгар, русских и сербов не наблюдаются.

VI. Воспринявший идею Д.С. Лихачева о возможности создания общей истории литератур болгар, русских и сербов до XVI в. включительно А.В. Липатов распространил ее и на западнославянские литературы, занявшись разбивкой литератур на “общности”, “макрорегионы”, “регионы” и “подрегионы” с “общей периодизацией” [15]. Хронология существования этих регионов и сами принципы их выделения вызывают у нас серьезные возражения. Оперируя, в частности, двумя критериями – конфессиональная ориентация па Рим или Константинополь и наличие параллелизма

письменностей латинская/славянская, А.В. Липатов безоговорочно зачисляет Болгарию в гомогенный регион [15. С. 76], забывая о возможности параллелизма письменностей греческая / славянская.

После введения в Болгарии христианства там почти три десятилетия (865–893) господствовала греческая письменность, которая вслед за переходом к славянскому богослужению, разумеется, не была уничтожена, а определенным образом соотносилась со славянской. Еще большая “гетерогенность” имела место в болгарских землях в период византийского ига (XI–XII вв.), когда грекоязычная литература пришлых византийцев и литература, создававшаяся на славянском языке на периферии, представляли собой неразрывный симбиоз и образовывали единое “литературное поле” [16]. Непонятно также, почему в предлагаемой схеме не учитывается “гетерогенность” средневековых центров славяно-византийского общения – Афона и Константинополя. Итак, критерий сосуществования письменностей неславянская/славянская при проверке конкретикой оказывается несостоятельным. Крайне уязвим и критерий конфессиональной ориентации на Рим или Константинополь, ибо до XII в. содержание корпуса латинских и греческих памятников, известных южным, западным и восточным славянам, было схожим и реального культурного разделения на “*Pax Latina*” и “*Pax Orthodoxa*” еще не было [17]. Слависты, в том числе и итальянские, не используют эту терминологию Р. Пиккио по отношению в древнейшем периоде. Более уместным представляется здесь употребление нейтрального понятия “*Slavia Christiana*” [18].

По нашему глубокому убеждению, вскрыть закономерности развития и взаимодействия древних славянских литератур можно не посредством втискивания их в прокрустово ложе “общей периодизации” [15. С. 76–77; 19], а благодаря тщательному структурно-типологическому анализу всей совокупности конкретных славянских литературных материалов. Чрезвычайно важен здесь и учет общих греко-византийского и латинского литературных фонов.

VII. С концепцией “трансплантации” Д.С. Лихачева неразрывно связано положение о явлении “приживания” средневековых литературных памятников, попадавших к славянам из Византии или со славянского юга на Русь. Согласно указанному положению, “приживание” заключалось в том, что произведения при перенесении в новую среду претерпевали определенные изменения, выливающиеся в создание новых редакций, сокращение или расширение материалов протографов, приобретение новых смысловых нюансов и т.п. Отсюда логически следовал вывод об отсутствии четких границ между литературой переводной и литературой оригинальной,

между создателем византийского произведения и славянским переводчиком этого произведения, между болгарским переводчиком и переписывавшим и перелаживавшим его перевод русским книжником.

Эти рассуждения с незаметной подменой понятий можно выразить следующим уравнением: условный византийский памятник литературы → перевод его в Болгарии с “приживлением” = памятник болгарской переводной литературы = памятник оригинальной болгарской литературы → переписывание его на русской почве с “приживлением” = памятник оригинальной литературы Древней Руси (ведь переводным этот памятник на Руси вроде бы считаться не должен, ибо его переложили в Болгарии на славянский язык, понятный древнерусским копиистам без всякого перевода). В лучшем случае подобный памятник именуется памятником болгарской литературы (без уточнения – оригинальной или переводной. – *И.К.*), но если называть его таковым, то в результате приходишь к парадоксальному выводу, что византийского влияния в Древней Руси фактически не было, а было сплошь болгарское.

Использование термина “приживление” к переводной болгарской и русской литературе IX–XV вв. граничит с научной мистификацией. Болгарские переводчики времен царя Симеона, так же как и знатоки греческого языка из Тырновской переводческой школы, неукоснительно следовали принципам пословного, буквального перевода уже потому, что переводимые ими византийские сочинения имели сакрально-религиозный характер, изменение содержания и смысла которых приравнивалось к тяжкому греху. Точно так же бережно и скрупулезно относились к переводным болгарским текстам и переписывавшие их русские копиисты, а происходившую по мере распространения их списков постепенную языковую русификацию нельзя считать “приживлением”.

Романтические представления о “приживлении” в период раннего славянского литературного Средневековья подпитывают слабая текстологическая изученность и отсутствие сводных критических изданий греко-византийских памятников, избиравшихся славянскими книжниками для перевода. Они начинают основательно подтачиваться при обращении к зарубежным архивам и отыскании списков, служивших протографами для славянских средневековых переводчиков. В своих ценных работах итальянский славист М. Капальдо и отечественный ученый М.В. Бибииков показали ошибочность мнения о том, что болгарский книжник Иоанн Экзарх творчески перерабатывал слова Иоанна Златоуста, становясь таким образом соавтором этого авторитетнейшего византийского писателя, или что переводившие Изборник болгарские книжники эпохи царя Симеона выступили в качестве

редакторов и составителей данного флорилегия. Благодаря обнаружению ряда греческих списков М. Капальдо сумел доказать, что сохранившиеся славянские списки ряда Слов Иоанна Экзарха более чем на 80–95% текстуально совпадают с грекоязычными списками, близкими к протографам соответствующих произведений Иоанна Златоуста [20]. Не исключено, что в ходе дальнейших разысканий процент текстуальных совпадений еще больше возрастет. К сходному заключению пришел и М.В. Бибииков, исследовавший рукописную традицию греческих списков прототипа Изборника и установивший, что данный компендиум в том его виде, в каком он был переведен в Болгарии в эпоху царя Симеона, сформировался в Византии до 920 г. [21].

VIII. Концепция Д.С. Лихачева о существовании некоей единой, общей литературы православного региона до XVI ст. недавно обрела свое новое продолжение в работе Д.М. Буланина [22]. По словам ученого, если несколько изменить модальность упомянутой концепции Д.С. Лихачева, то можно говорить о наличии общей истории переводной литературы у православных болгар, русских и сербов до указанной верхней хронологической отметки. Более того, далее Д.М. Буланин пишет следующее: “Возможность создания самостоятельной истории переводной литературы Древней Руси или других стран – носителей культуры “*Slavia orthodoxa*” следует отбросить как научную фикцию. Если не считать эпохи разложения средневековой культуры, у славянских переводов была общая история” [22. С. 22–23]. Модальность здесь, действительно, следовало изменить, но в прямо противоположном смысле: создание историй болгарской и сербской переводной литературы эпохи Средневековья невозможно без изучения русской рукописной традиции, поскольку большинство памятников, переведенных на славянском юге, дошли до нас только в более поздних русских списках.

В подходе Д.М. Буланина явственно прослеживается соблюдение уже упоминавшихся “правил игры” с аксиоматическими представлениями об ослаблении чувства авторства у средневековых славянских книжников, о зыбкости границ между литературой переводной и оригинальной, об отсутствии границ между творцами, переводчиками и копиистами, о размытости границ между православными славянскими литературами в эпоху Средневековья. Отсюда закономерно напрашивается вывод исследователя о том, что “значительная часть сочинений и переводов, появившихся на свет и рамках “*Slavia orthodoxa*” принадлежала всем (курсив мой. – И.К.), кто входил в эту культурную общность: не нуждавшиеся в переводе тексты свободно перемещались из одной части славянского мира в другую” [22. С. 19]. Модальность процитированного высказывания, на наш взгляд, также

нуждается в изменении: переводные памятники, появившиеся на свет на славянском юге и вливавшиеся в русскую рукописную традицию, играли в духовной и литературной жизни Древней Руси такую же важную роль, какую они играли у болгар и сербов. Искусственное же устранение границ между создателями подобных памятников, их переводчиками, копиями и пользователями ничем не оправдано. Можно не сомневаться, что болгарские и македонские ученые как занимались прежде, так и будут заниматься далее изучением деятельности Преславской, Охридской и Тырновской переводческих школ, не помышляя ни об “общей истории” переводной литературы “Рах Orthodoxa”, ни о возможном обвинении в ненаучности. Эта “общая история” есть очередной миф, ибо число русских переводных памятников, предположительно проникших в Болгарию и Сербию до XVI в., не превышает и десятка² и несопоставимо с количеством переводных произведений, которые попали на Русь со славянского юга.

IX. В связи с проблемой переводной литературы в славянских странах православного региона следует остановиться на общеславянском литературно-книжном языке-посреднике. Здесь прежде всего следует заметить, что старославянский язык-посредник создавался не в одночасье и развивался не *вне* и не *над*, а *внутри* каждого народа, воспринявшего и обогащавшего письменное и литературное кирилло-мефодиевское наследие, и кроме того, он не исключал использование инославянского опыта. В этой связи анекдотичным казусом выглядит заявление А.В. Липатова, что старославянский язык был создан в 863 г. св. Кириллом и стал наднациональным “койне” и что первые литературные памятники у славян на “родном” языке появились в XII столетии в Чехии [19]. 863 г. нельзя отнести не только к созданию, [19. С. 80], а даже к зарождению будущего языка-посредника, ставшего общим для славян “Slavia Orthodoxa”. В указанном году Кирилл и Мефодий были отправлены византийским императором Михаилом в Великую Моравию с проповедью учения Христова, но зачатки литературно-книжного языка были заложены первоучителем Кириллом еще до упомянутой даты, ибо, по единодушному мнению палеославистов, главное христианское кредо “Символ веры” и потребное для зачала христианского богослужения Евангелие-Апракос были переведены им еще в Константинополе. При их переложении с греческого первоучитель Кирилл принял за основу диалект солунских славян, наиболее близкий диалекту славян, обитавших в Северо-Восточной Болгарии.

---

² В число русских переводных памятников, проникших на славянский юг, традиционно включались Пандекты Никона Черногорца, но, как показало недавнее исследование К.А. Максимовича, [23] более предпочтительным выглядит предположение о переводе данного свода на Афоне, хотя и книжником восточнославянского происхождения.

В формировании и становлении этого языка затем четко прослеживаются стадии, которые играют определяющую роль для понимания генезиса его основы [24]. В великоморавский период солунские братья и их ученики при переводах и создании оригинальных сочинений учитывали местные особенности языка мораван. После вынужденного бегства кирилло-мефодиевских учеников в Болгарию (и, вероятно, в незначительном количестве в Хорватию) частично сохранившиеся славянские переводные и первые оригинальные славянские сочинения усваиваются на новых территориях постепенно, по мере переписывания, приобретая все больше местных языковых черт. Затем картина значительно усложняется: после крещения Руси и возникшей потребности здесь в славянских богослужебных текстах и церковно-религиозных книгах, последние попадают и новокрещенную страну не только из Болгарии, но и из Чехии, принявшей кирилло-мефодиевскую эстафету от канувшей в Лету Великой Моравии (906). В свою очередь, становление сербской письменности и литературы и XII–XIII вв. проходило благодаря усвоению памятников письменности и литературы, позаимствованных у болгар, хорватов и отчасти у русских. Последующий процесс развития ставшего общим для славян “*Slavia Orthodoxa*” старославянского языка отмечен не менее сложными переплетениями болгарского, русского и сербского языковых изводов и неоднократной сменой их доминант в рамках упомянутого ареала [25].

Подробное рассмотрение этого процесса не входит в пашу задачу – здесь мы коснемся лишь одной принципиальной особенности старославянского языка: генезиса его народностной основы. Огромный корпус памятников, присутствующий в древнерусской письменности и составляющий до 99 % наличных в ней произведений [26], является византийским по своему происхождению и был переведен в Болгарию в эпоху царя Симеона. Если учитывать, что при переводе первых византийских богослужебных текстов Кирилл использовал славянский солунский диалект, генетически близкий восточноболгарскому, и что абсолютно преобладающая масса византийских памятников, влившихся затем в письменности Руси и Сербии, была переведена в Болгарию, нельзя не признать того очевидного факта, что *в основе общего для “Slavia Orthodoxa” старославянского языка лежал язык древнеболгарский*. Отрицать право этой основы называться “древнеболгарской” только по той причине, что этноним “болгары” не имел отношения ни к одному из славянских племен, живших на территории Первого Болгарского царства, а обозначал протоболгар (тюрков), державших в руках государственную власть, исторически неправомерно. В таком случае литературно-книжный язык Киевской Руси XI–XIII вв. также нельзя называть древнерусским,

ибо слово “русь” имеет скандинавское происхождение и не служило для обозначения какого-либо восточнославянского племени.

Принимая во внимание сравнительно большой исторический период функционирования этого общего для славян “Slavia Orthodoxa” языка-посредника и происходившие в нем изводные наслоения, целесообразнее всего называть данный язык классическим термином “старославянский”.

Х. Отвечая на ставший почему-то спорным вопрос, было ли южнославянское влияние на Руси, скажем со всей определенностью: разумеется, было. Но заводя речь о его объеме, хронологии и степени интенсивности в различные исторические периоды, здесь сразу же нужно уточнить: какое влияние подразумевается? Южнославянское культурное влияние, ширившееся на Руси и различных формах и видах, распространялось с неодинаковой быстротой и широтой охвата. Если обратиться к особенностям средневековой культуры и миграции ее различных форм из одной страны в другую, то нетрудно заметить, что сюжеты изобразительного искусства перенимались болгарами, русскими и сербами от Византии и друг от друга значительно ранее, чем связанные с этими сюжетами литературные произведения. Так, например, изображение полета Александра Македонского на небеса в корзине, влекомой грифонами, проникло к южным славянам и на Русь (Преславская диадема IX–X вв., Киевская диадема XI в. и деталь экстерьера Дмитриевского собора XII в. во Владимире) [27] на несколько веков раньше, чем в литературах Болгарии, Сербии и Руси появились редакции переводных “Александрий” с этим сюжетом³.

То же самое относится к памятникам письменности и литературы, распространявшимся у славян в период Средневековья в рукописном виде. После введения христианства на Руси (конец X в.) и в период так называемого “второго южнославянского влияния” в XIV–XVI вв. в первую очередь появлялись и переписывались переведенные на славянском юге и на Афоне богослужебные тексты. Подражание и усвоение русскими писцами и книжными оформителями почерков, орфографии и орнаментики, представленных в южнославянских рукописях, вне всякого сомнения, началось гораздо раньше, чем усвоение древнерусскими авторами южнославянского стиля “плетения словес” и отражение его в творческом наследии Древней Руси. Смешивать эти разнородные явления, указывая на присущий славянскому Средневековью пресловутый “синкретизм”, на наш взгляд, недопустимо.

---

³ Разумеется, в церковно-религиозном искусстве здесь не было очень жесткой закономерности: изображения славянских святых появлялись в церквях других православных стран обычно даже не до, а после проникновения в эти страны житий и служб подвижников.

Разновременность усвоения различных аспектов южнославянской культуры па Руси наблюдается даже в памятниках письменности с неславянским по своему характеру содержанием. Формы средневековой культуры, распространявшиеся благодаря визуальному восприятию и зрительной памяти, мигрировали из одной страны и другую быстрее, чем подражание и следование южнославянским нормам орфографии древнерусскими переписчиками. Русский книжник, поживший на Афоне и читавший тамошние греческие и славянские рукописи, мог позаимствовать из них орнаментику, не копируя при этом нормы южнославянской орфографии при переписывании рукописных книг на Святой Горе или по возвращении на Русь. Не исключено было также и известное влияние греческого письма (почерков) на славянское в силу схожести начертания большинства греческих и славянских графем.

XI. Смешение различных понятий при рассмотрении болгаро-русских (и шире – русско-южнославянских) культурных связей в эпоху Средневековья – явление широко бытующее в отечественной палеославистике. Один из знатоков славяно-русских средневековых рукописей, историк А.А. Турилов, вступая в пределы литературоведения, неправомерно ставит знак равенства между литературными связями и литературными взаимосвязями⁴, между памятниками письменности и памятниками литературы, между книжными связями и литературными связями, между переводной литературой и оригинальной литературой, между проникновением литературных произведений в инославянскую среду и влиянием литературных произведений в инославянской среде⁵, между влиянием литературы и литературным влиянием.

А.А. Турилов сосредоточивает свое внимание на распространении в русских рукописях южнославянских типов почерка, орфографии и орнаментики в XIV–XVI вв., останавливается на хронологии этого *книжного влияния*, а затем абсолютно необоснованно пытается перенести эти выводы на южнославянское *литературное влияние* – понятие, отнюдь не адекватное первому.

Проникновение болгарских оригинальных литературных памятников на русскую почву не есть начало болгарского *литературного влияния* на Русь. Факты попадания их на Русь относятся к истории литературных связей и

⁴ Отсюда проистекает более чем странный упрек исследователя в “полном игнорировании” русского влияния в Болгарии, незатронутого в нашем докладе на X Международном съезде славистов (см. [11]), хотя название этого доклада ясно говорит, что такая задача не ставилась.

⁵ Отождествление этих двух понятий у А.А. Турилова настолько полное, что он незаметно для себя приписал нам другую хронологию болгарского литературного влияния на Русь: X–XIV и XV–XVI вв., в то время как мы писали о XI–XIV и XV–XVII вв. (ср.: [28. С. 36] и [II. С. 64]). В X столетии болгарская оригинальная литература не могла влиять на оригинальную русскую, ибо последней еще попросту не было.

области *литературных контактов*, но эти контакты нередко заканчивались ничем, поскольку они не вызывали никаких творческих импульсов у древнерусских книжников при написании ими собственных сочинений. Точно так же не следует отождествлять понятия *влияние литературы (литературное присутствие)* и *литературное влияние*. В истории русско-болгарских литературных связей, например, давно известно о попадании в Болгарию русских житий Бориса и Глеба, княгини Ольги, князя Владимира, князя Мстислава и некоторых слов Кирилла Туровского. Эти литературные памятники *присутствовали* в болгарских землях XII–XIII вв., они стали элементами местной духовной культуры, они влияли на сознание болгар и иногда находили отражение в религиозной живописи Болгарии (жития Бориса и Глеба, в частности, без сомнения, способствовали созданию фресок этих русских святых в болгарских средневековых монастырях и церквях). Отрицать, следовательно, *влияние русской литературы* на сознание и духовно-религиозную культуру болгар здесь невозможно. Но *присутствие* упомянутых литературных памятников в Болгарии не означает русского *литературного влияния* в данной стране в тот период. Тиражирование их в болгарских списках свидетельствует лишь о расширении на славянском юге русского *литературного присутствия*, но на развитии болгарской литературы это никак не сказывалось. Болгарские книжники не перерабатывали эти русские произведения, не создавали их новые редакции и не избирали их литературными образцами при написании собственных сочинений. *Под литературным влиянием следует понимать непосредственное воздействие оригинальных литературных произведений одного народа на литературные сочинения, создаваемые представителями другого народа.* Присутствие русского переводного сборника Пчела в средневековой Болгарии, которое А.А. Турилов считает фактом русского влияния [28] (какого и в какой области? – И.К.) в болгарских землях, не имеет никакого отношения к влиянию русскому литературному, ибо данный кодекс есть памятник славянской письменности, византийский по своему происхождению.

Приводя в своих публикациях массу ценных наблюдений о путях проникновения, распространении и влиянии южнославянской книжности на Русь в конце XIV и XV вв. (и здесь А.А. Турилову нет равных, ибо в качестве активнейшего члена Археографической комиссии, готовящей очередной том Сводного каталога славяно-русских рукописей XV в., он обладает уникальной возможностью фронтального просмотра манускриптов, которые рассредоточены по многочисленным архивам и хранилищам), ученый, на наш взгляд, делает несколько поспешные выводы. Просмотренные им и другими членами Археографической комиссии славяно-русские

рукописи XV в. пока обследованы крайне бегло и поверхностно. В результате последующей их проверки было внесено более 150 поправок к датировкам рукописей этого периода [29], предварительный список которых был опубликован на шесть лет раньше [30. С. 6, 8]. Дальнейшее их изучение, наверняка, потребует от А.А. Турилова в будущем новых самокорректировок и критических “саморецензий”.

Но дело даже не в этом: заключение исследователя о том, что распространение южнославянских почерков, орфографии и орнаментики имело в древнерусской книжности 1400–1430 гг. “революционный”, “взрывной характер” [29. С. 13], по нашему мнению, является сильно преувеличенным. Медленные темпы распространения книг в XV в., бытовавших на Руси, как и прежде, в своем средневековом рукописном виде, относительная их дороговизна и длительность исполнения писцами исключали какую-либо “революционность”. Несколько десятков русских рукописей 1400-х–1430-х гг. с признаками южнославянского книжного влияния составляют ничтожный процент по отношению к рукописям, писанным на Руси тогда же, но без установки книжников на подражание письму и орнаментике южных славян.

XII. Обмен литературными памятниками между болгарями, русскими и сербами и эпоху Средневековья не представлял собой некую полноводную реку, несшую свои воды то со славянского юга на восток, то с востока на юг, как это мыслит А.А. Турилов, который выделяет следующие периоды древних болгаро-русских взаимовлияний: болгарское влияние на Руси в X–XII вв., а затем с конца XIV–XVI вв., и русское влияние в Болгарии – конец XII–XIII в. и XVI – первая половина XVIII в. [6. С. 32]. Движение на Русь памятников болгарской переводной и оригинальной литературы, действительно, сопоставимо с полноводной рекой, но обратное движение русских литературных произведений по сравнению с болгарским выглядит скудными, часто пересыхающими ручейками. Число переводных и оригинальных сочинений Древней Руси, попавших и болгарские земли, не превышает и десятка, и их буквально можно пересчитать по пальцам.

Предложенная А.А. Туриловым периодизация не сопровождается какими-либо весомыми аргументами. Особенно это касается русского литературного влияния в Болгарии XVI – первой половине XVIII в. На протяжении первого столетия в выделяемый ученым исторический период развитие болгарской литературы проходило под знаком мартирологической линии. Создание житий софийских подвижников Георгия Нового и Николы Нового – мучеников, пострадавших за отказ принять ислам, гармонично вписывается в балканскую мартирологическую традицию, основы которой были заложены Константинополем и Афоном с конца XV в. (за три с

половиной века на Балканах было затем написано свыше 70 житий “новомучеников”, обладавших рядом сходных типологических черт: простотой изложения материалов, активной ролью авторов в описываемых событиях, элементами неожиданности и непредсказуемости в развитии действия, наличием некоего “авантюрного” начала и др.) [31]. Точно так же чисто местным балканским явлением было и господство в Болгарии целой эпохи “дамаскинов”. Дважды переведенные там в конце XVI ст. сборники слов и поучений греческого проповедника Дамаскина Студита превратились позднее в сборники смешанного содержания “дамаскины” и составили главный круг чтения болгарина XVII–XVIII вв. В этот круг вошли произведения и некоторых других греческих писателей XVII в., и литература Болгарии таким образом, бесспорно, была втянута в орбиту греческого литературного влияния [32]. Ни малейших следов русского литературного воздействия на оригинальное творчество болгарских книжников XVI – первой половины XVIII в. до сих пор не обнаружено.

Не поможет здесь А.А. Турилову и уточнение, что в своей периодизации он подразумевал присутствие в болгарских землях русских и украинских старопечатных книг XVI–XVII вв. В результате широкомасштабного обследования подобной литературы, хранящейся в болгарских архивах, библиотеках, музеях, монастырях и церквях нами было установлено, что подавляющее большинство из них проникло на славянский юг не ранее XVIII ст. Примером здесь может служить экземпляр Львовского Апостола Ивана Федорова 1574 г., идентифицированный нами в библиотеке Врачанской митрополии. Помещенные на полях его листов приписки свидетельствуют о том, что он мог оказаться в Болгарии не раньше конца XVIII в. [33]. *Присутствие* русскоязычных религиозных книг, изданных в Московском государстве и на Украине в XVI–XVII вв., стало нарастать в Болгарии с конца XVII в.⁶, а их непосредственное воздействие на литературное творчество болгарских книжников фактически начинается с создания знаменитой “Истории славяноболгарской” Паисия Хилендарского (1762). Принимая во внимание и то обстоятельство, что русское литературное присутствие в Болгарии в XII–XIII вв. осталось неиспользованным в творчестве местных писателей ни тогда, ни одним-двумя столетиями позднее, следует признать тот очевидный факт, что *русское литературное влияние в Болгарии на всем протяжении XI – первой половины XVIII в. практически отсутствовало*. Это не исключает, однако, возможности создания периодизации истории

---

⁶ Украинские и русские старопечатные книги, находящиеся в архивах Болгарии, были описаны болгарским ученым П. Атанасовым [34]. Однако он практически не затрагивал проблему времени проникновения их в болгарские земли.

книжных связей между Болгарией и Россией в эпоху Средневековья, ибо они относятся к иной сфере духовного взаимодействия болгарского и русского народов.

XIII. В целом, искусственное уравнивание степени участия болгарской и русской сторон в средневековом литературном взаимодействии подпитывал миф об особой духовной связи между двумя народами с древнейших времен. Этот миф зародился не в советскую эпоху, а еще в первой половине XIX в., по мере становления славистики. Напомним, что выходы в свет одного из первых фундаментальных славистических изданий – труда К.Ф. Калайдовича о Шестодневе болгарского книжника Иоанна Экзарха [35] и славянофильско-романтического эссе Ю.И. Венелина о древних болгарях [36] – разделяло всего несколько лет. Тогда казалось, что в отечественных и зарубежных книгохранилищах таятся несметные, никем не тронутые рукописно-книжные сокровища, которые дадут неопровержимые свидетельства о теснейшей духовной связи славян с глубокой древности и особенно между болгарями и русскими уже хотя бы потому, что азбука и средневековый литературно-книжный язык у двух народов столь удивительно схожи. На самом же деле, если проанализировать результаты более чем полутора вековых научных исследований, то к общности азбуки, литературно-книжного языка, православной веры и двум-трем болгарским и русским святым, почитавшимся в обеих странах, добавить сегодня вообще-то нечего. В эпоху Средневековья болгары и русские знали друг о друге не больше, чем о других народах Европы и Азии. Древнерусский читатель имел об Александре Македонском более ясное представление чем, например, о болгарском царе Симеоне, а болгарские книжники ничего не ведали о Ярославе Мудром или Димитрии Донском.

XIV. Утверждение о “постоянной циркуляции памятников” между славянскими литературами и сравнение последних с “резервуарами” (А.В. Липатов) [37] не могут быть приняты медиэвистами, ибо они противоречат реальным фактам. Взаимосвязи между болгарской, русской и сербской литературами не походили на механизм функционирования “сообщающихся сосудов” ни в одну из исторических эпох. Реальная картина развития и взаимодействия славянских литератур православного региона складывается совсем иная: различные скорости и разнонаправленность у них литературного движения, несходство изменения конфигурации литературно-жанровых “сеток” на протяжении истории, наличие длительных пауз и неравноценность в литературном взаимодействии, редко преодолеваемое равнодушие к тому местному литературно-оригинальному, что создавалось болгарями, русскими и сербами по отдельности.

XV. При рассмотрении вопросов, связанных с так называемым вторым южнославянским влиянием на Русь, нельзя обойти вниманием ключевые

фигуры митрополитов Киприана († 1406) и Григория Цамблака († 1420) – болгарских писателей, творивших на русской земле в конце XIV – первых десятилетиях XV в. Здесь, однако, медиевисты, как правило, допускают две характерные ошибки: а) все творчество этих книжников воспринимается как однородное целое, несущее в себе черты южнославянского стиля “плетения словес”; б) забывается о том, что эти авторы, даже творя непосредственно на Руси, являлись все-таки проводниками внешних по отношению к древнерусской литературе традиций. Творчество Киприана и Цамблака не было однородным ни в стилевом, ни в жанровом аспектах – оба церковных деятеля не просто меняли стиль своих произведений в зависимости от законов жанра, к которому они обращались, но и учитывали особенности читательской аудитории, которой адресовались создававшиеся ими произведения.

Написанное Григорием Цамблаком в Молдавии житие Иоанна Нового Белгородского – первого святого молдавского национального пантеона – не отличается словесным “извитием”, риторической пышностью и сложностью стилистических фигур, поскольку оно было рассчитано на неопитов с невзыскательными литературными вкусами⁷. Точно так же некоторые соданные этим книжником проповеди, в бытность его митрополитом Киевским и Виленским, отмечены печатью безыскусности, ибо они предназначались для паствы, которая едва ли была способна оценить замысловатые словесные эксперименты. Совсем иной характер носят такие цамблаковские произведения, как Слово похвальное патриарху Евфимию Тырновскому и Слово надгробное митрополиту Киприану. Они являлись вершиной творчества Цамблака, и в них сполна реализовалась цамблаковская виртуозность владения стилем “плетения словес”. Однако эти произведения адресовались совсем другому кругу читателей: первое, вероятно, было составлено для болгарской эмиграции в молдавских и южнорусских землях, а второе – московскому митрополиту Фотию с целью продемонстрировать свои писательский и проповеднический таланты [39].

Аналогична картина и с творчеством митрополита Киприана. Его послания не могут быть сопоставимы с созданным им же житием митрополита Петра уже хотя бы потому, что они принадлежат к различным жанрам. Оценки учеными последнего произведения крайне противоречивы. Л.А. Дмитриев, в частности, сначала полностью отрицал наличие в нем каких-либо признаков стиля “плетения словес”, но затем изменил свое мнение на прямо

---

⁷ Это заметно даже при беглом знакомстве с текстом памятника. Попытка болгарского ученого А. Давидова [38] доказать наличие в Мучении Иоанна Нового стиля «плетения словес» выглядит неубедительной из-за полупроизвольно выбранных статистических параметров текста для анализа.

противоположное [40]. Основанием для этого послужило установление того факта, что вместе с житием упомянутого святителя Киприан поместил в рукописи и похвальное ему слово. Тем самым писатель как бы объединил в одном произведении два указанных жанра, а это было одним из приемов Тырновской книжной школы, культивировавшей литературный стиль “плетения словес”. Киприановское Слово похвальное митрополиту Петру, бесспорно, яркий образец такого стиля, но для понимания истории усвоения подобных литературных приемов на Руси принципиальное значение имеют другие обстоятельства. Во-первых, русские переписчики стали отделять киприановское Слово похвальное митрополиту Петру от киприановского жития святителю и помещать их в рукописях по отдельности [41]. Во-вторых, в отличие от жития, Слово похвальное не получило широкого распространения в древнерусской литературе. Не пользовались популярностью на Руси и цамблаковские Слово похвальное патриарху Евфимию Тырновскому и Слово надгробное митрополиту Киприану, что было связано с внелитературными факторами: оба святителя в период Средневековья не были провозглашены святыми ни в Болгарии, ни на Руси.

XVI. Но здесь важно и другое: южнославянские оригинальные сочинения становились литературными образцами для древнерусских книжников спустя большой промежуток времени после своего рождения или даже своего появления в русской рукописной традиции. Так, например, Слово надгробное Киприану впервые было использовано одним из древнерусских книжников лишь в конце XV – начале XVI в.: оно послужило образцом Иосифу Волоцкому при составлении им Послания вельможе Иоанну о смерти князя [42]. Большой хронологический интервал наблюдается и между присутствием в русской рукописной традиции цамблаковского Слова в Великий петок и использованием его епископом Григорием Суздальским при написании Молитвы новым свв. русским чудотворцам (1549–1550) [43]. Все это свидетельствует о том, что привнесенные извне в древнерусскую книжность южнославянские литературные явления усваивались далеко не сразу, а только по мере созревания соответствующих потребностей внутри нее самой.

XVII. Говоря о болгарском литературном влиянии на Руси, следует отметить и другую особенность, заключающуюся в полном отсутствии какого-либо предпочтения при переписывании и творческом использовании памятников оригинальной болгарской литературы в зависимости от того, создавались они в период Первого или Второго Болгарского царств. “Пролог” – оригинальное вступление к Шестодневу, сочиненное Иоанном Экзархом, вызывало одинаковый интерес как у Владимира Мономаха, который использовал его при составлении своего знаменитого Поучения в

XII в. [44], так и пять веков спустя у протопопы Аввакума, сочинявшего свою “Автобиографию” в XVII в. [45].

XVIII. В истории средневекового литературного влияния южных славян на Руси четко просматриваются два периода: I) XI–XIV вв. – болгарское литературное влияние (ибо ни одного оригинального сербского литературного памятника, проникшего на Русь в тот период и повлиявшего тогда же на литературное творчество древнерусских книжников, науке не известно); II) XV–XVII вв. – болгаро-сербское литературное влияние с известным перераспределением удельного веса и степенью интенсивности в рамках указанных трех веков.

При этом необходимо отметить, что в течение этих двух периодов *болгарское, а позднее и сербское, литературные влияния на Руси никогда не были доминирующими, а осуществлялись лишь наряду с литературным влиянием византийским, которое и было преобладающим, хотя оно и приходило в русские земли через болгарское, а позднее – частично сербское, переводное литературно-книжное посредство.* В XVII в. византийское литературное влияние оттесняется на задний план новыми западноевропейскими литературными веяниями. С точки зрения методологии, по-другому следует подходить и к *влиянию болгарской литературы на русскую духовную культуру.* Оно осуществлялось непрерывно на всем протяжении русского литературного Средневековья, начиная с XI в., ибо *присутствие болгарской литературы на Руси постоянно оказывало воздействие на духовный мир древнерусских писателей и читателей.*

XIX. Одно из главных мест при изучении болгаро-русских литературных связей эпохи Средневековья должна занять кодикология. Ее значение пока, к сожалению, еще слабо сознается нашими палеославистами. Название одной из статей голландского ученого В. Федера “Двести лет бессистемных славистических исследований”, равно как и слова ее эпитафия о том, что она “призвана показать необходимость кодикологического изучения рукописей” [46], очень символичны в этом смысле. Хотя публикация В. Федера касается путей изучения только одного древнеславянского памятника – Изборника Святослава, ее можно воспринимать как постановку более широкой проблемы. Несмотря на то, что содержание понятия “кодикология” было еще в конце 60-х годов исчерпывающе раскрыто в работах Б.Л. Фонкича [47], она нередко смешивается нашими учеными с палеографией или другими более привычными понятиями. Дадим здесь краткую формулировку своего понимания понятия “кодикология” и преследуемых ею целей: *кодикология есть комплексная наука, призванная для извлечения явных и скрытых данных о времени и месте создания рукописей, их авторах, переписчиках, оформителях,*

заказчиках, владельцах и бытовании рукописей в читательской среде. Кодикология опирается на результаты филигранологического, палеографического, лингвистического, исторического, текстологического и искусствоведческого анализов. Она может также учитывать данные, полученные посредством методов, используемых в других гуманитарных науках, и не исключает применения технических средств для расчитывания смытых или выскобленных слов, проведение графологической экспертизы и др.

XX. Одна из трудностей, возникающих при изучении болгаро-русских литературных связей эпохи Средневековья, связана с проблемой авторства. Многие из сочинений, подписанных именами известных византийских или славянских средневековых писателей, на самом деле вышли из-под пера других книжников. Это хорошо видно на примере более чем двух десятков слов и поучений, приписываемых Клименту Охридскому – плодовитому болгарскому писателю IX–X вв. [48]. И, наоборот, в качестве автора некоторых климентовских сочинений этого жанра древнерусская рукописная традиция называет Иоанна Златоуста. Ослабленность чувства авторства, а порой и полное пренебрежение им у средневековых творцов и переписчиков не должны приводить к растерянности палеославистов⁸. При исследовании проблемы литературных влияний важна не степень осознанности творцом того, болгарскому, сербскому или византийскому писателю принадлежало то произведение, которое он избрал для себя литературным образцом, а объективность факта самого влияния. В этой связи проблема прояснения авторства и уточнения, в какой славянской (или неславянской) стране было создано анализируемое произведение, имеет принципиальное значение.

XXI. Отрадно, что на смену крайне уязвимым филологическим методам атрибуции авторства, основанным на сопоставлении отдельных лексических групп, фраз, образов, литературных приемов или композиции, ныне приходят точные методы математико-статистического анализа с обработкой текстовых данных на ЭВМ. В отечественной палеославистике это направление уже много лет успешно разрабатывается историками МГУ под руководством российских ученых Л.В. Милова и Л.И. Бородкина, которые опубликовали недавно коллективный труд под названием “От Нестора до Фонвизина” [49]⁹.

⁸ Такое чувство, похоже, испытывает А.А. Турилов, пишущий: “Но для реальной оценки ситуации с древнейшими болгарскими памятниками в книжности Московской Руси нельзя упускать из виду, что русский книжник XV–XVII вв. имел дело с анонимными текстами и псевдоэпиграфами, переписывая их в поистине журденовском неведении о их древнеболгарском происхождении...” Далее ученый фактически ставит под сомнение правомерность употребления понятия “влияние”, хотя одновременно сам его использует [6. С. 37].

⁹ Подробный разбор этого труда см. в нашем обзоре [50].

Являясь давнишним сторонником этого направления [51], не могу, однако, не отметить, что для достижения “чистоты” эксперимента при тестировании необходимо проводить тщательнейшую предварительную текстологическую работу по реконструкции древних текстов славянских памятников.

XXII. Особое внимание при изучении болгаро-русских литературных связей эпохи Средневековья нужно обратить на правила критических изданий памятников с богатой рукописной традицией. Твердое следование опубликованным в “Трудах Отдела древнерусской литературы” принципам выборочной фиксации разночтений к основному издаваемому списку произведения, на наш взгляд, крайне неплодотворно. По такому пути пошли, в частности, болгарские издатели сочинений Климента Охридского [52], не приняв во внимание то обстоятельство, что русская рукописная традиция литературных произведений южных славян обычно отличается инвариантностью. В результате стеммы списков творений Климента Охридского построить не удалось, ни на шаг не продвинулись ученые и к прояснению времени проникновения на русскую почву ряда климентовских сочинений. То же самое относится к решению вопроса об авторстве многих приписываемых этому книжнику слов и поучений. Без стемм их списков и реконструкции древнейших текстов приписываемых этому писателю произведений анализ текстовых данных более поздних списков при помощи ЭВМ не даст надежного и объективного ответа. Кроме того, главный недостаток упомянутого издания заключается в его “закрытости” по отношению к вновь открываемым спискам климентовских творений. Подключить их разночтения к текстам опубликованных списков сочинений Климента Охридского, положенных в основу издания, практически невозможно из-за выборочной цифровой индексации только тех слов списков, к которым при публикации были даны разночтения. Издание довольно быстро устарело по причине обнаружения ряда новых списков в болгарских и зарубежных хранилищах [53].

Наиболее целесообразной в данной области палеославистики мы считаем технику критических изданий с цифровой индексацией всех слов издаваемого списка памятника, независимо от того, имеются ли к ним в данный момент разночтения в других привлекаемых к изданию списках или нет. Подобные публикации превратятся в “рабочие”, и их смогут использовать в будущем другие поколения славистов, которые будут продолжать текстологическое изучение памятников с учетом новых, ранее неизвестных списков. В то же самое время, очевидно, не стоит последовательно обозначать цифрами подряд все разночтения публикуемого списка, например от 1-го до последнего 391-го, как это делает А. Милтенова [54]. При пространности текста памятника в процессе подведения разночтений оперирование четырех – пятизначными

цифрами создаст технические неудобства и увеличит вероятность ошибок в цифровой маркировке.

Видимо, лучше нумеровать первую сотню слов от единицы до ста, обозначая начало сотни на полях слева буквами кириллическою алфавита по порядку, исключая Ё, Ъ и Ы. В случае объемности издаваемого текста после 28-й сотни слов последующие можно снова обозначать теми же буквами кириллического алфавита, но уже в сопровождении римских цифр, помещаемых слева от соответствующего буквенного обозначения: IA, IB-IA, затем IIА-IIЯ и т.д. Эта техника маркирования была предложена нами более 15 лет назад [55] и реализована на практике в наших сводных критических изданиях житий и службы Георгию Новому. Ее использование позволило эффективно вскрыть историю текстов памятников, идентифицировать автограф Василия-Варлаама (служба мученику) и выстроить стеммы списков произведений, несмотря на инвариантный характер их русской рукописной традиции.

XXIII. Нынешняя ситуация диктует необходимость изменения стратегии и тактики проведения российской палеославистикой конкретных разысканий в области средневековых болгаро-русских литературных связей. Распад СССР, превращение многих его архивов в зарубежные, скудность финансирования науки и невозможность получения командировок учеными даже в другие российские города должны привести к отказу от невыполнимого для текстологов требования охватывать всю совокупность списков памятника, имеющих широкий географический диапазон хранения. Очевидно, следует ограничиваться тщательнейшим кодикологическим изучением только тех рукописей со списками исследуемого памятника, которые находятся, так сказать, под рукой. То же самое относится и к подготовке сводных критических изданий литературных памятников. Достаточно издать один раз древнейший список изучаемого памятника с его пословно-цифровой индексацией (сделав тем самым его “рабочим”) и подвести разночтения к нему по доступным для исследователя спискам. Приняв за основу такое издание, иногородние и зарубежные ученые смогут продолжать работу по текстологическому изучению данного памятника – кодикологически исследовать доступные им рукописи с его списками, публиковать описания этих рукописей и выявленные разночтения к уже изданному списку. Таким образом палеославистика постепенно будет продвигаться к конечным результатам в области текстологического изучения памятников, имеющих богатую рукописную традицию: завершению сводных критических изданий этих памятников.

XXIV. Очевидно, исследователям не стоит избирать и непомерно широкие темы для придания названию своих работ бесспорной диссертательности [56].

Даже опытному ученому не хватит жизни, чтобы основательно изучить, например, всю русскую рукописную традицию Шестоднева Иоанна Экзарха и осуществить сводное критическое издание памятника. Метод лингвотекстологического анализа, предложенный в свое время Л.П. Жуковской (он зиждется на “шурфовом” подходе, т.е. лингво-текстологическом анализе небольших отрывков текста памятника, изучаемых по хронологической вертикали его списков) [57], на наш взгляд, не оправдывает себя. Исследовательские “буры” могут встретить на своем пути не только ценные текстовые пласты, но и “пустоты”, образуемые в результате погрешностей в датировках рукописей, существования “конволютов” – манускриптов, состоящих из разновременных частей, различия орфографических установок, работавших над рукописью писцов, и т.п. Более целесообразно, с нашей точки зрения, в подобном случае ставить перед собой сравнительно скромные задачи: например, изучение истории текста и критическое издание одной из глав Шестоднева. Такие публикации при взятии на вооружение описанной нами пословно-цифровой индексации позволили бы постепенно продвигаться к конечному результату: сведению воедино всех отдельных критически изданных различными исследователями глав памятника и осуществлению сводного критического издания текста всего Шестоднева. То же самое относится к таким объемным переводным древнеславянским памятникам, как Изборники, Пандекты Никона Черногорца, разновидности Патериков и др.

XXV. Подведем итоги и сформулируем задачи, стоящие перед палеославистикой и области изучения болгаро-русских литературных и книжных связей в эпоху Средневековья:

1) кодикологическое изучение русских рукописей со списками болгарских оригинальных и переводных памятников;

2) подготовка и осуществление сводных критических изданий с пословно-цифровой индексацией – методике, которая кажется нам оптимальной;

3) прояснение стыков южнославянской и русской рукописных традиций этих памятников (в том случае, если первая из них не сохранилась, а древняя часть второй утрачена, здесь необходимо привлекать данные “макротекстологии”: стеммы списков “конвоя”) и уточнение времени их попадания на русскую почву;

4) выявление по возможности всех русских списков этих памятников и локализация их бытования на Руси; составление карт такого бытования;

5) решение проблемы авторства ряда анонимных и приписываемых древнеболгарским писателям сочинений при помощи обработки текстовых данных на ЭВМ;

б) фиксация всех случаев воздействия оригинального творчества болгарских авторов на древнерусских книжников при написании ими собственных сочинений; классификация типов этого воздействия;

7) уточнение датировки русских рукописей XIV–XVI вв. со следами влияния южнославянской орфографии, почерков и орнаментики; прослеживание путей и темпов распространения этого влияния на Русь;

8) разработка проблемы автоматического ввода непосредственно из рукописей текстовых данных в память ЭВМ и обработки их с целью построения стемм.

В этом перечне задачи 3-я и 7-я относятся к области книжных связей, задача 3-я, кроме того, – литературных контактов; 4-я и 5-я – влияния болгарской литературы, 6-я – болгарского литературного влияния. Выполнение этих задач прояснит несовпадающие хронологию, формы и объемы болгарского литературного и книжного (письменность) влияния на средневековой Руси, а также то, какую, когда и где несла болгарская литература древнерусскому читателю культурную и литературную информацию.

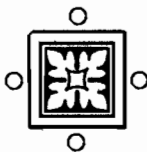
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Thomson F. The Nature of the Reception of Christian Byzantine Culture in the Tenth to Thirteenth Centuries and Implications for Russian Culture // Belgian Contributions to the 8-th International Congress of Slavists. Zagreb-Ljubljana. September 1978. Slavica Gandensia. 5. 1978. Pp. 107–139.
2. Буланин Д.М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен, 1991.
3. Гудзий Н.К. История древней русской литературы. М., 1956. С. 142.
4. Буланин Д.М. Древняя Русь. Глава I // История русской переводной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб., 1995. С. 40.
5. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв. М., 1973. С. 22.
6. Турилов А.А. Болгарские литературные памятники эпохи Первого Болгарского Царства в книжности Московской Руси. XV–XVI вв. (заметки к оценке явления) // Славяноведение, № 3. М., 1995.
7. Vlasto A. The Entry of the Slavs into Christendom. An Introduction to the Medieval History of Slavs. Cambridge, 1970. P. 252.
8. Щеткина М.В. К вопросу о просвещении Руси // Плиска-Преслав. Проучвания и материали. Т. I. София, 1979. С. 202–203.
9. Жуковская Л.П. Изборник 1073 г. Судьба книги, состояние и задачи изучения // Изборник Святославов 1073 г. М., 1977. С. 12.
10. Whitman R. The 1073 Izbornik: the Manuscript and its sources // Indiana Slavic Studies. № 4. 1967. P. 252–267; Lunt H.G. On the Izbornik of 1073 // Harvard Ukrainian Studies. Vol. VII. 1983. P. 359–376.
11. Калиганов И.И. Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Русь // Славянские литературы. X Международный съезд славистов. София, сентябрь, 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 51–65.

12. *Thomson F.* The Bulgarian Contribution to the Reception of Byzantine Culture in Kievan Rus': The Myths and the Enigma // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. XII/XIII. 1988/1989. P. 241.
13. *Лухачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е дополнительное. М., 1979. С. 8.
14. *Лухачев Д.С.* Древнеславянские литературы как система // *Славянские литературы: VI Международный съезд славистов*. М., 1968. С. 5–48.
15. *Липатов А.В.* Проблемы общей истории славянских литератур от Средневековья до середины XIX в. (Европейский контекст, типологическая дифференциация и национальная специфика, формирование основ современного развития) // *Славянские литературы в процессе становления и развития. От древности до середины XIX в.* М., 1987.
16. *Калиганов И.И.* Болгарская литература в IX–XII столетиях // *Очерки истории культуры славян*. М., 1997. С. 327–341.
17. *Birnbaum H.* On the Slavic Share in Western Civilization: Early Period. Some Definitional Considerations // *Studia slavica mediaevalia et humanistica Riccardo Piccio decata*. Vol. I. Roma, 1986. P. 43–53; *Marti R.* "Slavica orthodoxa" als literar und sprachkritischer Begriff // *Studia Slavica-byzantina et mediaevalia europensia*. Vol. 1. Studies on the Slavo-Byzantina and West European Middle Ages. In memorium Ivan Dujcev. Sofia, 1989. P. 193–200.
18. *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // *Ricerche Slavistiche*. Vol. XLII. Roma, 1995. С. 14.
19. *Липатов А.В.* Славянские литературы и общеевропейский литературный процесс. (История, типология, связи) // *Славянские литературы. XI Международный съезд славистов*. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады советской делегации. М., 1993. С. 80, 77, 81.
20. *Capaldo M.* Jean l'Exarque en tant que compilateur et traducteur // *Полата књигописнаа*. 3. 1980. P. 69–89; *Capaldo M.* Pour l'édition des sermons attribués à Jean l'Exarque // *Linguistique balkanique*. 25. 1982. 1. P. 19–39; *Capaldo M.* La source principale du Sermon sur la Nativité attribué à Jean l'Exarque // *Polata knjigopisnaja*. 9. 1984. P. 3–29.
21. *Бибиков М.В.* Рукописная традиция греческих списков прототипа "Изборника Святослава 1073 г." // *Византийский временник*. Т. 54. Ч. I. М., 1993. С. 105–126.
22. *Буланин Д.М.* Древняя Русь // *История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век*. Т. I. Проза. СПб. 1995.
23. *Максимович К.А.* Терминология церковно-канонического и гражданского права в древнейшем славянском переводе "Пандектов" Никона Черногорца. М., 1996. АКД.
24. *Калиганов И.И.* О значении древнеболгарской письменности // *Болгарская культура в веках. Сборник тезисов международной конференции*. М., 1992. С. 19–22.
25. *Толстой Н.И.* История и структура славянских языков. М., 1988.
26. *Соболевский А.И.* Древнерусская переводная литература. Литографический курс лекций. СПб., 1892–1893. С. 5.
27. *Банк А.В.* Моливодул с изображением полета Александра Македонского на небо // *Государственный Эрмитаж. Труды отдела Востока*. Л., 1940. С. 189–190.
28. *Туршиов А.А.* Памятники древнерусской литературы и письменности у южных славян в XII–XIV вв. (Проблемы и перспективы изучения) // *Славянские литературы. XI Международный съезд славистов*. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады советской делегации. М., 1993. С. 34.
29. *Туршиов А.А.* Предисловие (опыт саморецензии) // *Дополнения к "Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР"*. М., 1993.
30. *Предварительный список славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР*. М., 1986.
31. *Калиганов И.И.* Типологические особенности балканских маририев в XV–XVIII столетиях // *Герменевтика древнерусской литературы*. Вып. 2. XVI – начало XVIII в. М., 1989. С. 125–137.
- Калиганов И.И.* Поэтика балканских маририев конца XV – начала XIX в. // *История. Культура*.

- Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. (Салоники, сентябрь, 1994). М., 1994. С. 155–167.
32. *Петканова-Тотева Д.* Хилядолетна литература. София, 1974. С. 190–210.
33. *Калиганов И.И.* Книжовна находка. Лвовският “Апостол” на Иван Фьодоров в България // АБВ от 8/XII 1987 г. С. 2.
34. *Атанасов П.* Българо-руски литературни връзки през XVII и XVIII в. София, 1986.
35. *Калайдович К.Ф.* Иоанн, ексарх Болгарский. М., 1824.
36. *Венелин Ю.И.* Древние и нынешние болгары. М., 1829.
37. *Липатов А.В.* Славянское просвещение и общеевропейский контекст // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное Возрождение. М., 1982. С. 29, 30.
38. *Давидов А.* Към лексикалната характеристика на “Похвално слово за Евтимий” и “Мъчение на Йоан Нови” от Григорий Цамблак // Търновска книжовна школа. 1371–1971. Международен симпозиум. Велико Търново, 1–14 октомври 1971 г. София, 1974. С. 477–199.
39. *Калиганов И.И.* Болгарская литература // История литературы западных и южных славян. М., 1997. Т. 1. С. 112, 135–141.
40. *Дмитриев Л.А.* Роль и значение митрополита Киприана и истории древнерусской литературы (к русско-болгарским литературным связям XIV–XV вв.) // ТОДРЛ. Т. XIX. М.; Л., 1963. С. 215–254; *Дмитриев Л.А.* Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиция Великотърновской книжной школы // Търновска книжовна школа. Т. II. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. София, 1980. С. 64–70.
41. *Седова Р.А.* Святитель Петр митрополит Московский в литературе и изобразительном искусстве Древней Руси. М., 1993.
42. *Ангелов Б.* Проникване на старобългарските съчинения в старата руска литература // Старобългарска литература. Изследвания и материали. Кн. 2. Българо-руски книжовни връзки през Средновековието. София, 1977. С. 34–35.
43. *Сивкова А.* “Слово за преподобните отци в Сирната събота” в руската ръкописна традиция // Старобългарска литература. № 12. София, 1982. С. 54–69.
44. *Лихачев Д.С.* “Шестоднев” Иоанна Экзарха и “Поучение” Владимира Мономаха // Вопросы теории и истории языка. Л., 1963. С. 187–190.
45. *Сарафанова-Демкова Н.С.* Иоанн Экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума // ТОДРЛ. Т. XIX. М.; Л., 1963. С. 367–372.
46. *Veder W.* Two hundred years of misguided philological research // *Recherche slavistiche*. Vol. XLII. Roma, 1995. P. 103–109.
47. *Фонкич Б.Л.* Греческая кодикология. На материале рукописей X–XVII вв. собраний Москвы и Ленинграда. М., 1969. АКД; *Фонкич Б.Л.* Греческо-русские культурные связи XV–XVII вв. М., 1977.
48. *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. Живот и творчество. София, 1988.
49. *Милов Л.В., Бородкин Л.И.* и др. От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М., 1994.
50. Литература православного средневекового славянства в трудах российских ученых за 1993–1994 гг. (Обзор содержания и критические замечания) // *Recherche slavistiche*. Vol. XLIII. Roma, 1997. P. 467–492.
51. *Калиганов И.И.* Електронна техника и старобългаристика // АБВ от 24 май. София, 1981; *Калиганов И.И.* Об изучении древнеболгарской литературы // Советская болгаристика. Итоги и перспективы. М., 1983. С. 172–176.

52. *Климент Охридски*. Събрани съчинения. Т. I–II. Обработили *Б. Ангелов, К. Кувев, Х. Кодов, К. Иванова*. София, 1971, 1977.
53. *Милтенова А.* Ръкописната сбирка на Свищовското читалище // Старобългарска литература. София, 1980. Кн. 8. С. 68–104; *Томова Е.* Кирилски ръкописи с български сюжети в полски хранилища // Старобългарска литература. София, 1992. Кн. 25–26. С. 218–225; *Станчев К.* Слова на Климент Охридски в неизвестни и в неизползувани преписи // Старобългарска литература. София, 1993. Кн. 28–29. С. 125–130.
54. *Милтенова А.* “Разумник-указ” (Текстологическо проучване, издание на старобългарския текст) // Старобългаристика. № 4. София, 1986. С. 20–44.
55. *Калиганов И.И.* Несколько соображений о методике изучения болгаро-русско-сербских средневековых литературных связей // Старобългарска литература. София, 1985. Кн. 18. С. 58–83.
56. *Дончева-Панайотова Н.* Търновска книжовна школа и Русия в края на XIV и началото на XV в. Киприан и Григорий Цамблак. АКД. Велико Търново, 1974. С. 159–162; *Баранкова Г.С.* Лексика русских списков “Шестоднева” Иоанна Экзарха. М., 1977. АКД; *Иванова К.* Агиографската продукция на Търновска книжовна школа. София, 1979. АКД; *Сивкова А.* Русско-болгарские литературные связи XV в. (Литературная история слов Григория Цамблака). Л., 1983. АКД.
57. *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976.

РЕГИОНАЛИЗМ В ДРЕВНИХ ЛИТЕРАТУРАХ АРЕАЛА *SLAVIA ORTHODOXA*

(ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЙ)*

В наличии явлений литературного регионализма вряд ли сомневается кто-либо из ученых. Однако в процессе научной практики литературоведы задумываются об их сути крайне редко. Эти явления как воздух: все им дышат, признают его как материальную субстанцию, но не утруждают себя анализом его состава. Между тем, аер первого дня Творения, эпохи Средневековья или периода Ренессанса не есть одно и то же... Не говоря уже об атмосфере нашего современного мира, который раздражается воинствующим этническим сепаратизмом, стремящимся непременно разделить даже неделимое. В выделившейся из Советского Союза Украине спешно пишутся учебники и научные труды, в которых из общей литературы Киевской Руси исключаются даже упоминания о таких крупнейших древнерусских литературных центрах как Новгород, Ярославль, Ростов и других древнерусских городах¹. Точно также в Республике Македония ученые пишут о “древнемакедонской литературе”, которая якобы существовала в Охриде, начиная с IX столетия, и развивалась независимо от литературы Первого Болгарского царства². Теперь после упразднения Республики Югославия и образования конфедерации республик Сербия и Черногория, наверняка, усилятся тенденции изображать общую литературу единого в прошлом народа как две изолированные друга от друга части на основе принципа современного территориального деления.

Не менее пагубен для национальных культур и безудержный глобализм с его восхвалением неких общечеловеческих ценностей, которые якобы неизбежно отодвинут на задний ставшие анахронизмом национальные культуры. И здесь поневоле напрашивается вопрос: на чем же будут строиться подобные ценности, если они не совместимы с культурным богатством

---

* Данный материал был изложен в виде доклада на XIII Международном съезде славистов в Любляне в августе 2003 г.

европейских народов? Нельзя противопоставлять правила общественного поведения в многонациональной Европе и права народов на развитие собственных национальных культур. Частное в данном случае не отрицает общее, поскольку последнее строилось и продолжает строиться на фундаменте, выложенном из блоков национального частного. Поэтому развитию национальных культур правительства постсоциалистических стран должны оказывать повышенное внимание и не забывать о своевременных в него финансовых вливаниях. Иначе культуры в этих государствах не выдержат рыночного самотека и, пройдя через стадию все усиливающегося коллапса, окажутся вытесненными даже не культурой одного из европейских народов, наиболее сильного в экономическом и политическом отношениях, а попкультурой агрессивного трансконтинентального американизма.

Между двумя этими взаимоисключающими тенденциями особое место занимала позиция акад. Д.С. Лихачева, сформулированная им в 60-х годах прошлого века. Она возникла явно под общественным воздействием растущей политической, экономической и культурной интеграции социалистических стран, развивавшихся на основе соглашения об интеграции экономической деятельности посредством СЭВ (1949) и Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и военной взаимопомощи (1955). Ее контуры начали вырисовываться сначала в одной из статей ученого³, через некоторое время в его основополагающей работе о древнерусской поэтике⁴, а затем зазвучали в полную силу на VI Международном съезде славистов в Москве⁵. В докладе Д.С. Лихачева приводились достаточно хорошо известные славистам факты, но будучи умело подобранными и изложенными ученым в его традиционно блестящей манере, они произвели глубокое впечатление на собравшихся. Стержнем выступления являлась концепция единства литературного развития Болгарии, Сербии и Руси по XVI век включительно и об отсутствии между этими литературами четких национальных границ. Квинтэссенцией в данной славянской литературной общности, по мысли Д.С. Лихачева, выступала древнеболгарская литература, игравшая роль посредницы между византийским и славянским мирами и не обладавшая по этой причине ярко выраженными национальными чертами.

Положения Д.С. Лихачева вызвали не только большой интерес, но и справедливую критику, в особенности, со стороны болгарских ученых по поводу неожиданного определения древнеболгарской литературы как посредницы, у которой якобы отсутствовали черты национальной самобытности⁶. Впоследствии Д.С. Лихачев отказался от многих выдвинутых им концепций, но лозунг литературного “безграничья” при рассмотрении трех литератур не утрачивал своей популярности и неизменно присутствовал

в виде прямой или косвенной цитаты в работах наших и зарубежных ученых о литературных связях болгар, русских и сербов в эпоху Средневековья. Признание постулата о “расплывчатости” национальных границ и стремление укрепить тезис о прочности исконных культурных связей между южными и восточными православными славянами еще со времен Средневековья приводили к сознательному и неосознанному стиранию границ между различными терминологическими понятиями: литература оригинальная и литература переводная, литература и книжность, литература и письменность. Наиболее часто подобное стирание границ и подмена одного понятия другим происходили с целью заполнения неизбежно возникающих лакун, охватывающих целые хронологические периоды. Например, при отсутствии фактов обмена православных славян оригинальными литературными памятниками обычно приводились данные о двусторонней миграции переводных памятников богослужебного характера, являющихся византийскими по своему происхождению. В результате незаметного манипулирования и перестановки понятий “литература” и “книжность” и “литература” и “письменность” возникала устойчивая иллюзия об интенсивном и непрерывном болгаро-русско-сербском литературном взаимодействии. На этом основании выстраивалась и хронология русско-болгарских и русско-сербских средневековых литературных связей, хотя имеющиеся данные позволяют говорить только о связях “книжных”⁷.

Мы уже затрагивали эту проблему и попытались показать, что начало болгарского *литературного влияния* на Русь нельзя датировать X столетием⁸, поскольку русской литературы в тот период еще не существовало. Было также показано, что само попадание даже оригинального славянского памятника на инославянскую почву не есть начало влияния – оно осуществляется только тогда, когда находит конкретное отражение в литературном творчестве местного книжника, запечатлеваясь в создаваемом им оригинальном или полукOMPIлятивном произведении. Кроме того, ученым следует отдавать себе ясный отчет, что *литературное присутствие* не есть *литературное влияние*, ибо сам по себе факт попадания оригинального литературного памятника в рукописную традицию родственного славянского народа еще ничего не значит. Этот памятник может и не вызвать в дальнейшем интереса стороны местных книжников и не послужить им образцом для подражания или источником для компиляций. Насколько важно проведение границы между понятиями *литературное присутствие* и *литературное влияние*, видно из развенчания нами мифа о русском литературном влиянии в Болгарии в эпоху Средневековья: на самом деле оно практически отсутствовало⁹.

Таким образом, при употреблении терминов исследователи должны быть крайне внимательны, ибо терминологическая четкость есть залог беспристрастной и объективной оценки реальной ситуации в области и межнациональных литературных связей, и литературных влияний, и, разумеется, литературного регионализма. Мы затронули сферу литературных средневековых связей, поскольку она напрямую сопрягается с проблемами регионализма, а также и по той причине, что наши попытки ввести терминологические раграничения пока остаются недопонятыми. В одной из своих последних работ известный сербский ученый Д. Трифунович ошибочно полагает, что мы придерживаемся мнения, будто *сербская письменность* возникла только в XII–XIII и *сербская литература* не участвовала “в первом южнославянском влиянии” на Руси¹⁰. Эти ошибочные констатации являются результатом невнимательного прочтения исследователем наших работ на упомянутую тему. Речь в них ведется о том, что возникшая в конце XII – начале XIII *оригинальная сербская литература* ни в этот период, ни веком позднее не оказала своего влияния на древнерусских книжников, ибо ни одного случая такого воздействия до сих пор не зафиксировано.

Что же касается первоначального появления сербской письменности, то его, разумеется, нельзя привязывать ко времени написания древнейших из дошедших до нас памятников сербского письма: Темничской надписи (X–XI вв.), грамоте боснийского бана Кулина, составленной диаком Радославом (1189), Евангелию, переписанному двумя писцами для Хумского князя Мирослава (конец XII в.) и Евангелию, созданному для князя Вукана – одного из сыновей Стефана Немани (между 1197–1202 гг.). Возникновение сербской письменности, несомненно, следует связывать с деятельностью кирилло-мефодиевских учеников, развернувшейся в конце IX столетия на части сербско-хорватских земель, а последующее ее развитие – с вхождением их в диоцез Охридского епископства в результате войн болгарского царя Симеона (893–927) и закреплением этого диоцеза после установления византийского владычества в первых десятилетиях XI в. Все это способствовало усвоению сербами огромного количества болгарских переводных и оригинальных литературных памятников, активному их переписыванию и распространению.

При этом древняя сербская письменность X–XII вв. была исключительно богатой и разнообразной: создававшие ее писцы и книжники использовали не только кириллицу, но и первоазбуку Константина-Кирилла глаголицу и поддерживали глаголические традиции в течение гораздо более длительного времени, чем болгарские книжники. Кроме того, в сербском Приморье в

широко употреблялся латинский язык и знаменитая “Летопись попа Дуклянина” (при всей спорности ее датировки) не может не приниматься учеными во внимание. Даже если летопись была составлена не в XI–XII столетиями, а значительно позже, она все равно является оригинальной попыткой реализации творческого сербского духа в иноязычном культурном пространстве. Однако начинать с нее отсчет оригинальной сербской литературы будет едва правомерным. И дело здесь не только в проблематичности датировки памятника. Конечно, это сочинение есть и остается ценнейшим источником по сербской национальной истории, разумеется, оно есть свидетельство прекрасной образованности его автора, но один уже факт использования последним неродного, неславянского языка служит серьезным препятствием для того, чтобы превращать летопись в начальную веху национальной сербской литературы. Следовательно, появление этого произведения должно рассматриваться преимущественно как доказательство многомерности культурной жизни сербов в древнейший период и его уместно сопоставлять с наличием, например, в болгарских землях IX–XI вв. большого количества билингвов-книжников, одинаково хорошо владеющих как славянским, так и греческим языками.

О богатстве и разнообразии сербской письменности в древнейшую эпоху говорит также то обстоятельство, что ее памятники создавались как на высоком, “сакральном” литературно-книжном кирилло-мефодиевском языке (“Мирославово Евангелие”), так и языке, передававшем особенности народной разговорной речи (“Грамота бана Кулина”). Помимо этого, в силу хода исторических событий на Балканах сербская письменность неожиданно для самой себя превратилась в хранилище значительной части корпуса переводных и оригинальных памятников, созданных в Болгарии в конце IX – начале XI столетий. В самой Болгарии большинство из них погибло в процессе ожесточенного сопротивления Византии, ведшей против своей соседки непрерывные войны в течение сорока лет. И именно из сербских земель и ставшей одной из любимых “задужбин” Неманичей афонского Хиландарского монастыря эти памятники впоследствии вновь возвращались в Болгарию и подпитывали расцвет литературы и письменности восточных славян. Есть прямые доказательства того, что в XII–XIII вв. многие болгарские средневековые литературные произведения проникли на русскую почву в их сербских списках – то есть через сербское книжное посредство.

Однако подобные факты еще не свидетельствуют о том, что *сербская литература* тем самым участвовала в *первом южнославянском литературном влиянии на Русь* (XI–XIV вв.). К сожалению, Д. Трифунович, подобно большинству ученых, не ощущающих границу между понятиями “*литература*” и

“письменность”, воспринимает их как равнозначные, и это придало его высказыванию (см. выше) видимость полемики с нами. Названные понятия, действительно, воспринимаются в сознании медиевистов словно одно неделимое целое – “литература и письменность”, – и в этом смысле напоминают превратившееся в научный штамп выражение “язык и литература”. На первый взгляд, такой подход выглядит само собой разумеющимся. Действительно, большинство славянских средневековых памятников распространялись в рукописном виде и уже в силу одного этого обстоятельства являются памятниками письменности. Кроме того, почти все они имели непосредственное отношение к литературе, в том числе и памятники, связанные с литургикой. И в самом деле: Псалтырь являет собой сборник древнееврейской поэзии, Послания апостолов – образчики эпистолярного жанра, Деяния апостолов – разновидности первохроник... Целое созвездие жанров заключали в себе службы святым и праздникам, содержащиеся в славянских служебных минеях. Все это, без сомнения, не может быть исключено из сферы литературы, оно нередко вдохновляло и продолжает вдохновлять авторов “нового времени”, создающих различные творческие вариации на вечные библейские темы и образы.

Таким образом, нельзя опровергнуть наличие известной слитности двух данных понятий при первичной характеристике Псалтыри. Но существуют определенные ситуации, при которых подобная слитность нарушается. В таком случае одна из составляющих частей двучлена приобретает нулевую значимость и требует замещения новым понятием. Здесь все зависит от избираемого исследователем угла зрения и метафорически может быть проиллюстрировано на фактах биографии А.С. Пушкина. Любому прекрасно известно, что он – гений русской (и не только русской) поэзии, нежно любящий супруг Натальи Гончаровой, непримиримый дуэлянт, ненавидящий подлецов и стрелявшийся поэтом с Дантесом. Указанные три черты исключительно богатой личности А.С. Пушкина реализуются строго избирательно и проявляются только относительно определенного объекта или субъекта приложения. Проставление знака равенства между тремя этими чертами или изменение направленности их реализации привело бы к полному абсурду: Пушкин выступает по отношению к Наталье как непримиримый дуэлянт, а к Дантесу относится как нежно любящий супруг!

Точно также нельзя ставить знак равенства между функциями многих памятников, бытовавших в рукописной традиции Древней Руси. В конце XIV столетия выходец из Болгарии иерарх Киприан († 1406) сумел стать митрополитом Московским и всея Руси. В числе привезенных им рукописных книг находилась знаменитая Псалтырь Киприана, созданная на славянском

юге или Афоне. Несмотря на то, что оригинал до нашего времени не дошел, снятые с него копии дают о данном кодексе полное представление¹¹. Попытаемся дать этому утраченному оригиналу разнообразные характеристики, выбирая различные углы зрения. Прежде всего, это *памятник южнославянской письменности*, в орфографии которого, бесспорно, присутствовали новшества, составлявшие суть “исправления книг” в Болгарии в XIV столетии и оказавшие влияние на русских переписчиков – изготовителей его копии в третьей четверти XV столетия. Попадание данного кодекса на русскую почву есть *факт истории книжных связей между Русью и славянским югом*, а воздействие его орфографии на русских писцов *относится к истории влияния южнославянской письменности на русскую*.

С точки же зрения истории литературных связей и литературных воздействий, значение Псалтыри Киприана на данном этапе русского литературного развития равно нулю. Как памятник литературный (свод образцов древнееврейской поэзии) Псалтырь была известна русским писателям со времени крещения Руси, а компиляции из нее начали производиться по мере зарождения древнерусской оригинальной литературы. Можно, конечно, двигаться по иному пути и доказывать значимость Псалтыри Киприана для истории русско-южнославянских литературных связей, делая акцент на том обстоятельстве, что она являет собой новую редакцию перевода Псалтыри и в данном плане есть *новый переводной памятник*. Однако в этом случае возникает явное противоречие: смысл псалмов Давида не мог быть произвольно переиначен переводчиком и в соответствии с жестким требованием неизменности сакральных богослужебных текстов должен был оставаться прежним. Никак нельзя обыграть здесь и факт наличия в месяцеслове Псалтыри Киприана имен ряда южнославянских святых: Ивана Рильского, Илариона Мыгленского (праздник Перенесения мощей из Мыглена в Тырново), Иоакима Осоговского, Саввы Сербского, Симеона Сербского и др. Их упоминание, конечно, способствовало усилению внимания русских иерархов к этим подвижникам, но его следует считать фактором внелитературного воздействия на сознание книжников, а отнюдь не иллюстрацией литературного воздействия одной литературы на другую. И другие переводные богослужебные книги, неоднократно проникавшие на Русь в южнославянском, болгарском или сербском переводе или языковом изводе, подобно Псалтыри Киприана, должны рассматриваться как *памятники письменности и свидетельства об истории средневековых книжных связей между южными славянами и Русью*.

Более сложной выглядит, на первый взгляд, ситуация с южнославянскими памятниками нелитургической переводной литературы,

попадавшими на Русь из Болгарии, Сербии или Афона. Классическим примером здесь является византийский “Шестоднев”, проникший на русскую почву в переводе болгарского писателя X в. Иоанна Экзарха и оказывавший воздействие на многих древнерусских творцов. Влияние указанного переводного произведения Иоанна Экзарха было установлено исследователями при анализе текстов “Слова о Законе и Благодати” митрополита Илариона (XI в.), “Поучения” Владимира Мономаха (XII в.), “Слова о погибели Русской земли” (XIII в.) и “Автобиографии” протопопа Аввакума (XVII в.) – то есть почти с самого зарождения древнерусской оригинальной литературы и до наступления в ней переходного периода к “новому” времени¹². Причем в большинстве случаев на древнерусских авторов наибольшее впечатление производили небольшие оригинальные добавления самого Иоанна Экзарха к переводимому им огромному византийскому памятнику. Это, прежде всего, поэтический “Пролог” болгарского писателя – Вступление к “Шестодневу”, проникнутое восхищением от созданного Богом гармоничного мира, который Он даровал человеку. Не вызывает сомнения, что факты воздействия “Пролога” на древнерусских творцов безоговорочно должны относиться к области *болгарского литературного влияния на Руси*.

Но тот же “Шестоднев” Иоанна Экзарха может выступать не только как произведение болгарской литературы, оказывающее влияние на литературу древнерусскую. Это – “памятник-кентавр”, преобладающую часть которого составляют переводные подборки книжника из основополагающих византийских источников: “Шестодневоу” Василия Великого и Севериана Гевальского, сочинений Феодорита Кирского “О материи и мире” и “Истории животных” философа Аристотеля и др. Отрывки из этих подобранных и переведенных Иоанном Экзархом трудов, в особенности природно-научного характера, часто распространялись в древнерусской книжности как самостоятельные статьи без указания источника. Здесь правомерно говорить уже не о болгарском литературном влиянии, а о *взаимодействии болгарской и русской письменностей*. Более точными в упомянутом ракурсе рассмотрения представляются следующие формулировки: “Шестоднев” Иоанна Экзарха – памятник византийской литературы и памятник переводной болгарской литературы, миграция выбранных из него компиляций на русскую почву и снятие с них списков есть *факты истории южнославянско-русских книжных связей*. И даже, если будет обнаружено, что один из древнерусских книжников обыграл в своем творчестве пассажи из сочинения “О материи и мире” Феодорита Кирского в переводе Иоанна Экзарха, мы не в праве приписывать здесь главную заслугу болгарской литературе. В действительности, перед нами – *влияние*

византийской литературы на русскую через византийский памятник, проникший на Русь через болгарское переводное посредство. Отрицание этого очевидного факта и смещение акцентов в болгарскую сторону равносильны утверждению, что византийского литературного влияния на Руси вообще не существовало, ибо подавляющее количество византийских памятников пришли к нам через болгарское языковое посредство.

Невольная путаница постоянно возникает в статьях медиевистов и с такими понятиями, как “литература” и “книжность”. Последняя дефиниция может употребляться в более широком и более узком смысле, чем понятие “литература”. Например, выражение *рукописная книжность Древней Руси*, которое часто используется для наименования научных сборников, предполагает возможность привлечения к исследованию не только литературных произведений, но и рукописи делового предназначения, содержащие инвентарные описи монастырских библиотек и церковного имущества, синодики, писцовые и разрядные книги и т.д. Вместе с тем, *книжность* уступает по широте охвата понятию “письменность”, ибо последняя может включать в себя не только рукописные источники, но и памятники эпиграфики, сфрагистики, берестяные грамоты и все то письменное, что не связано с книгой. Но наряду с отмеченным широким значением, понятие *книжность* гораздо чаще используется учеными для обозначения существенно меньших рукописных массивов, ограниченных рамками конкретной обители, средневекового города или отдельного географического региона. В этом случае оно, разумеется, имеет более узкие границы, чем понятие “литература”, создающаяся и бытующая в какой-то определенной стране: Болгарии, Руси, Сербии и др.

Необходимость приведенных нами терминологических разграничений уже давно назрела. Во-первых, они могут стать барьером на пути тех ученых, которые следуют общественно-политическим заказам и, манипулируя понятиями, пытаются делить общее культурное наследие в соответствии с конфигурацией современных государственных границ. Во-вторых, они позволят по-новому взглянуть на проблемы литературного регионализма и установить параметры литературных регионов, которые можно (и даже необходимо) проверять, соотнося их с системой других историко-культурных координат, в частности, с изобразительным искусством. Оно, как известно, было наиболее тесно связано в прошлом с литературой и быстрее всего реагировало на появлявшиеся культурные новшества.

Явления регионализма не сводятся к существованию литератур различных удельных княжеств в период феодальной раздробленности того или иного государства. Они присутствуют в литературе и письменности на

протяжении всего Средневековья, но уловить их современному специалисту чрезвычайно трудно из-за гибели большинства средневековых рукописных источников. От некогда кипучей, богатой литературной и культурной жизни – этого океана с его глубинными и поверхностными течениями, чередующимися приливами и отливами, мощными волновыми накатами и периодами полного штиля или мертвой зыби – до нас дошли реликтовые окаменелости, лишенные внутренней энергии и движения. Но все-таки даже на основании фрагментарно уцелевших средневековых историко-культурных материалов, можно прийти к некоторым заключениям, которые позволяют уловить специфику процессов в культуре Средневековья, столь непохожих на то, что стало происходить в “новое” время.

При рассмотрении истории национальных литератур и истории книжности в широком смысле этого слова в основу обычно кладутся два основополагающих принципа: а) географические границы расселения этноса; б) государственно-политические границы, ограждающие доминирующий этнос от не всегда дружелюбных соседей. Для истории же литературы, книжности и всей культуры в целом у южных и восточных славян в эпоху Средневековья *гораздо большее значение имели границы церковных диоцезов*. Их роль была особенно сильной, когда национальные славянские литературы еще только начинали зарождаться и оригинальные славянские произведения еще не были созданы. Изменение этих границ также имело принципиальное значение во время османской военной экспансии на Балканах в XIV–XV столетиях и одним-полутора веками позднее после учреждения в 1577 г. сербской Печской патриархии, включившей в свой диоцез часть западноболгарских земель вместе с Кюстендилом, Самоковым и Рильским монастырем. Проведенные нами терминологические разграничения и принятие во внимание важность фактора диоцезов позволяют по-новому рассмотреть конкретные историко-культурные ситуации в сербских и болгарских землях в XI – первой половине XVII вв. Этой теме и конкретным проявлениям культурного регионализма в указанной части Балкан будет посвящено продолжение нашего доклада, который мы не имеем возможности опубликовать здесь целиком.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kaliganov I. I. Die Veränderung der Kulturlandschaft in der ehemaligen UdSSR (gegenwärtiger Zustand, desintegrierende und integrierende Faktoren, mögliche Perspektiven)// Veränderungprozesse in den Literaturen und Kulturen Osteuropas (der ehemaligen UdSSR). Hrsg. von R.-D. Kluge. Tübingen, 1997. S. 25–42.

² Особенно обострилась эта тенденция в связи с изложением нами материалов в болгарском разделе многотомной истории славянских литератур: *Калиганов И.И.* Болгарская литература // История литератур западных и южных славян. Т. I. От истоков до середины XVIII века. М., 1997. С. 111–187, 807–833. Она вызвала недовольные рецензии в Македонии за отсутствие отдельного раздела, посвященного древней македонской литературе. См., например: *Поповски А.* Македонска икона и руска секира // Нова Македонија. 1997. 5. X. С. 11. Развернутое изложение нашей позиции по этому вопросу прозвучало в докладе на российско-македонском симпозиуме в Москве: *Калиганов И.И.* Размышления о македонском “срезе” палеоболгаристики // Македонија: Проблеми историји и култури. М., 1999. С. 32–45.

³ *Лихачев Д.С.* В чем суть различий между древней и новой русской литературой // Вопросы литературы. М., 1965. № 5. С. 170–188.

⁴ *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1967.

⁵ *Лихачев Д.С.* Древнеславянские литературы как система. // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 5–48.

⁶ См., например: *Диневков П.* Общность и различия в развитии у старших славянских литератур // Славянская филология. Т. XI. Доклады и статьи за VI Международный конгресс славистов. София, 1968. С. 49–62.

⁷ *Калиганов И.И.* Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Русь // Славянские литературы. X Международный съезд славистов. София, сентябрь, 1988. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 51–66.

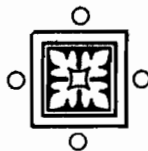
⁸ *Калиганов И.И.* Болгаро-русские средневековые связи эпохи средневековья (Критический обзор мнений и задачи изучения) // Славяноведение, № 2. М., 1998. С. 27–45.

⁹ Там же. С. 36–37.

¹⁰ *Трифуновић •.* Ка почецима српске писмености. Београд, 2001. С. 143–144.

¹¹ *Князевская О.А., Чешко Е.В.* Рукописи митрополита Киприана и отражение в них орфографической реформы Евфимия Тырновского // Тырновска книжовна школа. Т. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. Втори Международен симпозиум. Велико Търново. 20–23 май 1976. София, 1980. С. 282–292.

¹² *Лихачев Д.С.* “Шестоднев” Иоанна Экзарха и “Поучение” Владимира Мономаха // Вопросы теории и истории языка. Л., 1963. С. 187–190; *Его же:* “Слово о погибели Русской земли” и “Шестоднев” Иоанна Экзарха Болгарского // Русско-европейские литературные связи. Сборник статей к 70-летию со дня рождения академика М.П. Алексева. М.–Л., 1966. С. 92–96; *Сарафанова-Демкова Н.С.* Иоанн Экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума // ТОДРЛ. Т. XIX. М.–Л., 1963. С. 367–372.

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЕ ТРАДИЦИИ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

В истории культуры славян болгарская литература занимает особое место. Это первая славянская литература, обладавшая богатством жанров, устойчивыми традициями, одаренными творцами и блестящими для Средневековья памятниками. Она возникла почти одиннадцать столетий тому назад и является более древней, чем литературы других славянских народов. Ее зарождению способствовал ряд благоприятных исторических обстоятельств, среди которых можно выделить главные. Это, прежде всего, наличие сильного государства, которое появилось на Балканах в 681 г. как союз славянских племен и пришедших из глубин Азии кочевых тюрков-протоболгар (от них впоследствии и стало называться данное славянское государство Болгарским, а его население – независимо от этнического происхождения – болгарами). Это и удачное географическое местоположение Болгарии, близость ее к Византии – хранительнице античного и римского культурного наследия. Это и введение у болгар в 865 г. христианства в его восточном византийском варианте. Это, наконец, и принятие ими культурной эстафеты от учеников Кирилла (827–869) и Мефодия (ок. 815–885) – создателей азбуки для славян и их великих просветителей.

Последнее обстоятельство было самым важным для успешного развития самобытной болгарской литературы. Во многих других славянских государствах, например, в Чехии и Польше, где на первых порах возобладали письменность на латыни, литература на родном языке появилась лишь спустя несколько столетий. Не вылилась в истинную литературу и деятельность книжников в Великой Моравии – древнем славянском государстве, включавшем в себя большую часть территории современной Чехословакии. Именно туда были отправлены в 863 г. проповедники Кирилл и Мефодий – солунские братья, выходцы из среды византийской аристократии. Прекрасное знание славянского языка (поскольку в Солуни жило много славян) и, самое главное, – гений

* Данная статья была написана как предисловие к вышедшей в 1990 г. антологии “Родник златоструйный. Памятники болгарской литературы IX–VIII веков” – свода текстов произведений древнеболгарской литературы, переведенных нами на русский язык по древним спискам.

младшего из братьев, Кирилла, дали миру первую славянскую азбуку. Это стало событием огромного культурно-исторического значения. С созданием собственной азбуки славяне приобщились к великому источнику знаний – книге. Слово письменное имело неизмеримо больше преимуществ, чем слово устное. Оно сообщило языку славян материальность, устойчивость, фиксированность. Оно обладало способностью переноситься на далекие расстояния и, не утрачивая своей целостности, входить в любое славянское жилище. После его появления рассказы очевидцев событий, странников и сведущих людей уже не были единственным источником, из которого славяне черпали представления об окружающем мире. С созданием собственной азбуки славяне вошли в сообщество народов, обладавших по-настоящему устойчивой исторической памятью – первой и необходимой предпосылкой цивилизованности. Поэтому вполне закономерно, что дело Кирилла и Мефодия рассматривается мировой общественностью как великое культурное свершение. Юбилеям славянских первоучителей посвящались и посвящаются многочисленные научные и общественные форумы, конференции, торжества. В 1969 и 1985 гг. по программе ЮНЕСКО отмечалось 1100-летие годовщины смерти Кирилла и Мефодия.

Сегодня ученые уже не сомневаются, что первой славянской азбукой, которую изобрел Кирилл, была глаголица. Глаголицей написаны древнейшие из сохранившихся памятников славянской книжности X–XI веков: Ассеманиево Евангелие, Синайский Требник, Зографское Евангелие, Синайская Псалтырь и другие. О первенстве глаголицы по сравнению с кириллицей (которой мы пользуемся с небольшими изменениями и поныне) свидетельствуют и палимпсесты – древние пергаменные рукописи, где первичный текст, написанный глаголицей, смыт или выскоблен и на месте его написан кириллический. Глаголица – явление уникальное. На протяжении двух столетий ученые тщетно пытались обнаружить ее прообраз в еврейской, самаритянской, сирийской, арабской, армянской, грузинской, албанской и других древних азбуках. Кроме того, она удивительно гармонична. Ее графемы отличаются графической уравновешенностью, симметричностью, сбалансированностью правой и левой частей. В основе начертаний ее отдельных букв, вероятно, лежали главные христианские символы: крест (искупление грехов), треугольник (Святая Троица) и круг (Божество). Гений Кирилла сказался не только в нахождении им совершенной формы для букв первой славянской азбуки, но и в самом ее содержании. В процессе работы над ней наиболее трудным было выделение из потока древнеславянской речи специфических фонем, отсутствовавших в греческом языке, и закрепление за ними соответствующих графических обозначений.

Солунские братья отправились в Великую Моравию по просьбе моравского князя Ростислава и по распоряжению византийского императора Михаила III с вполне определенной миссией: распространять христианское вероучение среди населения этой страны – военно-политической союзницы Византии. Для этой цели, помимо создания первой славянской азбуки, Кириллу и Мефодию следовало переложить с греческого на славянский Евангелие, Апостол, Псалтырь и другие канонические книги Священного Писания. Солунские братья и их помощники блестяще справились с этой задачей. Перевод канонических книг Священного Писания имел огромное значение для развития славянской культуры, для появления самобытных славянских литератур. У этих книг были не только утилитарные богослужебные функции: они вбирали в себя огромный пласт литературных традиций древних народов. Псалтырь, например, содержала великолепные образцы древнееврейской поэзии, Деяния и Послания апостолов служили прообразами будущих хроник и сочинений эпистолярного жанра.

Миссия Кирилла и Мефодия в Великой Моравии не увенчалась успехом. Почти с самого начала их деятельность вызвала сильное противодействие немецко-латинского духовенства, проводившего религиозно-политическую линию соперников Византии – Рима и Восточно-Франкского королевства. Основное обвинение, выдвигаемое против Кирилла и Мефодия, было связано с нарушением ими так называемого догмата “триязычия”, согласно которому богослужение могло осуществляться только на трех “священных” языках: древнееврейском, греческом и латинском. (Именно на этих языках Понтий Пилат якобы приказал сделать надписи на табличке, прибитой к кресту с распятым Иисусом Христом). Солунских братьев вызвали в Рим для судебного разбирательства. Но здесь Кирилл в блестящей полемике с «триязычниками» в присутствии самого римского папы отстаивал право на славянское богослужение и добился официального признания Римом равенства славянского языка среди других “священных” языков мира. Однако чрезмерный труд, непрерывные странствия и напряженная борьба с противниками славянской письменности подорвали его жизненные силы. В возрасте сорока двух лет Кирилл скончался в Риме, где и был торжественно погребен.

Борьбу за славянскую письменность продолжил его старший брат Мефодий. На протяжении шестнадцати лет после смерти Кирилла он оставался в Великой Моравии и Паннонии, стойчески переносил нападки немецко-латинских церковников: по их наговору его на несколько лет заточили в тюрьму в Баварии. Через двенадцать лет после освобождения он умер и был похоронен в великоморавской столице Велеграде. Смерть

Мефодия активизировала действия недругов славянской письменности. При прямом попустительстве князя Святополка, занимавшего пронемецкую позицию, они расправились с учениками Кирилла и Мефодия. После глумления и издевательств одни были проданы в рабство, другие, с позором изгнанные из страны, переправились через Дунай в Болгарию.

С появлением учеников Кирилла и Мефодия на болгарской земле в развитии славянской письменности и культуры начинается качественно новый этап**. После введения христианства страну за два десятилетия наводнили византийские священнослужители. Они вели богослужение на непонятном народу греческом языке и не были заинтересованы в духовном росте своих воинственных соседей. Включив Болгарию в орбиту своего церковно-религиозного влияния, Византия стремилась подчинить болгар и политически. Отсутствие славянской письменности препятствовало культурному развитию страны и достижению ею церковной и политической самостоятельности.

Еще до появления учеников Кирилла и Мефодия в Болгарии предпринимались неоднократные попытки приспособить греческий алфавит для надписей на протоболгарском языке. Болгарские владетели – хан Омуртаг (814–831), Маламир (831–836), Пресиан (836–852) и другие пытались оставить след в истории, высекая на скалах и колоннах греческими буквами памятные сообщения о строительстве дворцов, военных победах и заключении мирных договоров. Иногда подобные надписи выполнялись по повелению ханов византийскими пленниками и на греческом языке. Но такая практика не могла заполнить пустоту, вызванную отсутствием собственной письменности. Греческий язык в стране знали немногие, а алфавит его не передавал точного звучания славянского и протоболгарского устного слова.

После прихода учеников Кирилла и Мефодия ситуация в Болгарии резко изменилась. Славянское письменное Слово попало здесь на благодатную почву, чтобы прорасти и дать обильные всходы. Острый ум и политическая прозорливость князя Бориса (852–889) позволили ему понять, какое сокровище волею судьбы оказалось в его руках. Введение славянского богослужения и формирование книжности на славянском языке стало важным политическим инструментом для сглаживания религиозных и языковых различий между составляющими большинство населения славянами и тюрками-протоболгарами. Даже после введения христианства многие славяне продолжали следовать своим языческим обычаям. Они по-прежнему поклонялись верховному языческому божеству громовержцу Перуну, покровителю домашних животных Велесу, лесным феям-самодивам, деревьям, камням и

** Здесь и далее см. Г.П. Мельников. Культура зарубежных славянских народов. Программа «Обновление гуманитарного образования в России». М., 1994. С. 27, 34–41.

различным другим идолам. Придерживаясь языческих обрядов, славяне за несколько веков обитания на Балканах восприняли и некоторые верования исконного населения балканских земель, фракийцев. От них перешли к ним такие праздники, как избрание виноградного царя (Трифун Зарезан), культ коня и фракийского всадника (Герос) и прочие. Христианство не могло пустить глубокие корни среди славян, пока богослужение совершалось на непонятном греческом языке. Не могло проникнуть оно и в сознание протоболгар, уступавших славянам по численности и стоявших во главе славяно-болгарской державы. Большинство из них не знало ни славянского, ни тем более греческого языка. Они продолжали оставаться верными своему верховному богу Тангре, принося ему жертвы. Таким образом, принятие славянского богослужения и письменности становилось действенным способом преодоления языковых и религиозных различий между славянским и протоболгарским населением в масштабах всего государства.

Провозглашение славянского языка церковным, а следовательно, и государственным, могло служить важной предпосылкой для единения населения страны на основе новой единой религии и единого языка. Понимая это, князь Борис оказал радушный прием ученикам Кирилла и Мефодия и создал им идеальные условия для просветительской деятельности. Из-за боязни преждевременно раскрыть свой политический замысел перед византийским духовенством князь Борис отослал учеников солунских братьев подальше от столицы Плиски, в Преслав и Кутмичевицу – историческую область, охватывавшую часть современных территорий Македонии и Албании. Благоприятным для Болгарии было и то, что нашедшие в ней пристанище ученики Кирилла и Мефодия оказались достойными своих учителей. Особенно одаренными книжниками среди них показали себя Климент и Константин. Климента можно без преувеличения считать создателем славянского университета. Обосновавшись в Кутмичевице, а затем в Охриде, он развил энергичную просветительскую деятельность. По свидетельству пространного жития Климента, он в продолжение семи лет (886–893) вместе с помощниками обучил около 3 500 учеников. Наряду с преподаванием славянской грамоты, Климент интенсивно восстанавливал утраченные кирилло-мефодиевские переводы Священного Писания. Не отставал от него и его сподвижник – Константин, занимавшийся просветительской деятельностью в Преславе.

Наступление славянской письменности, а вместе с ней и христианства, не могло не вызвать ответной реакции сторонников язычества. В 893 г. в стране вспыхнул бунт, возглавляемый Владимиром-Расате (889–893) – старшим сыном князя Бориса, принявшим бразды правления государством после добровольного ухода отца в монастырь. Попытка возврата к язычеству

и угроза перечеркнуть далеко идущие политические замыслы Бориса заставили последнего сбросить монашескую рясу и, взявшись за меч, ополчиться против родного сына. Владимир был свергнут с престола, ослеплен и выслан из столицы. Жестоко подавив бунт, Борис созвал знаменитый Преславский собор, постановивший – признать официальным языком славянский и перенести столицу из Плиски в Преслав. На престол был возведен младший из Борисовых сыновей Симеон.

В годы правления Симеона (893–927) Болгария добилась выдающихся военных, политических и культурных успехов. Она превратилась в крупную балканскую державу и выступала основным политическим и военным соперником Византии. В результате Симеоновых войн границы Болгарского государства значительно расширились – до Адриатического моря на западе и Эгейского моря на юге. Симеон провозгласил себя первым болгарским царем и добился международного признания этого титула. Болгарская церковь стала автокефальной, то есть независимой от византийской, и в 919 г. избрала первого болгарского патриарха. При Симеоне расцвели славянская письменность и книжность. Три десятилетия его правления вошли в историю славянской культуры как “золотой век” болгарской литературы. Способный политик и талантливый полководец, Симеон был и блестяще образован. В юности он окончил в Константинополе прославленную Магнаврскую академию, в которой некогда учился славянский просветитель Кирилл. За прекрасное знание греческого языка хронисты называли его “полугреком”. Понимая значение славянской письменности, Симеон всячески поддерживал ее развитие. Он выступал щедрым меценатом, содействовал созданию книжных центров, побуждал книжников делать новые переводы с греческого. По его инициативе был составлен “Златоструй” – сборник произведений раннехристианского писателя Иоанна Златоуста. Существует предположение, что в подготовке переводов для этого сборника принимал участие и сам Симеон.

Литература Первого Болгарского царства, отличавшаяся жанровым богатством и разнообразной тематикой, дала миру блестящих средневековых славянских писателей. В ней представлены такие жанры, как летописный, ораторский, житийный, гимнографический, эпистолярный, публицистический, поэтический, похвального слова, учительной беседы и др. Летописный жанр в болгарской литературе складывался главным образом на основе переводных хроник византийских авторов, причем имена большинства переводчиков в соответствии со средневековой традицией анонимности до нас не дошли. Однако доподлинно известно, что Константин Преславский перевел с греческого сочинение “Историкии” – краткую летопись с перечислением важнейших исторических событий и периодов правления земных

властителей от Адама и до IX в. Оригинальным памятником болгарского летописания можно считать “Именник болгарских ханов”, испытавший на себе влияние библейских ветхозаветных книг.

Самым плодовитым писателем раннего болгарского Средневековья, без сомнения, является Климент Охридский, сочинивший несколько десятков похвальных слов и поучений – прекрасных образцов ораторского красноречия. Согласно гипотезе ряда ученых (и недавно она была подтверждена анализом соответствующих текстов при помощи ЭВМ), Климент Охридский входил в круг книжников, составивших пространное житие славянского первоучителя Кирилла. На этом памятнике следует остановиться особо. Он мало походит на традиционные жития. Для него не характерны традиционная трехчастность композиции или некое стилистическое единство. В нем имеются стилистически и композиционно обособленные элементы полемических бесед, ораторской прозы, похвалы. Есть и молитвы, тексты которых, вероятно, представляют собой оригинальные сочинения, созданные самим первоучителем Кириллом. В известном смысле этот памятник включает в себе прообразы целого ряда литературных жанров, которые впоследствии будут долго бытовать в болгарской средневековой литературе. Истинным шедевром Климента является “Слово похвальное Кириллу” – одна из вершин первозданного славянского литературного слова.

Свою дань апостолам славянского просвещения отдал и Константин Преславский, составивший гимнографическое сочинение в честь Мефодия.

Значение кирилло-мефодиевской письменности для просвещения и культурного развития славян прекрасно сознавалось древнеболгарскими книжниками. Воспевая апостольское дело солунских братьев, они ощущали себя прямыми его продолжателями. В “Прогласе к Евангелию” Константин Преславский, подобно апостолу, провозглашает:

Слушай, славянский народ!

Слушайте Слово, ибо оно от Бога!

Слово, что питает души человеческие,

Слово, что укрепляет сердца и умы...

По мысли Константина Преславского, душа не знающего грамоты человека – мертва. Гимн славянскому письменному слову рождается у него из понимания того, что без собственной азбуки народ остается в чем-то ущербным, так как слово на чужом языке ничего ему не говорит, являясь лишь набором бессмысленных звуков. Видимо, для быстрого усвоения славянской азбуки Константин Преславский создает знаменитую “Азбучную молитву” – стихотворное произведение, написанное в виде акростиха. Каждый новый стих начинается буквами, следующими в алфавитном порядке.

Благодаря своему стихотворному размеру “Азбучная молитва” легко запоминалась учениками и слушателями.

Слава Кирилла и Мефодия, пиетет к ним и восхищение славянскими первоучителями в Болгарии распространились и на их учеников. Вскоре после смерти учеников солунских братьев, Климента Охридского и Наума, создаются жития, прославляющие этих подвижников.

Триумфальное шествие славянской письменности в Болгарии, очевидно, не обходилось без противодействия некоторых книжников, получивших образование в Византии и превозносивших греческий язык. Именно против них было направлено “Сказание о письменах” – публицистическое сочинение болгарского писателя X в. Черноризца Храбра. Оно как бы продолжает борьбу Кирилла против “триязычников” и отстаивает апостольское дело солунских братьев. “Славянские письмена святы, – пишет Черноризец Храбр, – потому что их создал святой муж”. В защиту созданной Кириллом азбуки он приводит весомые доводы. Греческая азбука более проста, но не столь совершенна, как славянская. Хотя первая состояла из 24 букв, а не из 38, грекам тем не менее пришлось добавить к ней 11 дwoегласных. Кроме того, ее составляли три человека и усовершенствовали многие другие, а славянскую азбуку создал один книжник – Кирилл.

Черноризец Храбр защищал глаголицу, которая, как уже говорилось, являлась гениальным творением Кирилла и первой славянской азбукой. Она была совершенной как по точности фонетики, так и по гармоничности графики. Однако существовало и одно большое “но”... Глаголица оказалась малоудобной для быстрого репродуцирования рукописных книг. Даже опытному переписчику было трудно и почти невозможно вывести отдельную глаголическую букву, не отрывая пера от пергамента. Видимо, это обстоятельство стало одной из причин того, что уже в конце IX–X столетий болгарские переписчики постепенно возвратились к более привычному для них греческому унциальному письму. В реформированную славянскую азбуку, разумеется, влились и те буквы, которые Кирилл создал для специфических славянских звуков, отсутствовавших в греческом языке. Они вошли в нее в несколько видоизмененном варианте. Реформа начала осуществляться в Северо-Восточной Болгарии, по всей вероятности, под руководством Константина Преславского. Таким образом, Кирилл имеет отношение к той азбуке, которая с небольшими изменениями используется нами до сих пор, и название – “кириллица” – оправданно.

Формировавшаяся в Болгарии литература принципиально отличалась от устного народного творчества, монополюбно бытовавшего до ее появления. Проникнутая новым сознанием, она раздвинула культурные границы прежнего

языческого мира и вбирала в себя культурный и литературный опыт других европейских и неевропейских народов, которые составляли религиозно-доктринальное сообщество на почве христианства в его восточном византийском варианте. Болгарская литература предлагала читателю принципиально новый взгляд на создание мира, его устройство и взаимодействие образующих его компонентов: земли, небес и небесных светил, воды и суши, человека и окружающей природы. Ортодоксальные библейские представления о создании Господом мира за шесть дней не могли удовлетворить пытлившую мысль средневекового человека. Его богатое воображение дополняло, обогащало и детализировало те общие сведения, которые содержались в книгах Священного Писания. Этот процесс был двояким. Большие усилия здесь прилагали известные христианские писатели, которые стояли на высших ступеньках церковной иерархической лестницы, такие, как Григорий Богослов – любимый учитель славянского просветителя Кирилла, Василий Великий, Иоанн Дамаскин и др. Их труды, развивавшие основные библейские догмы, со временем приобрели ореол святости, а сами авторы стали именоваться отцами церкви. Над переводами подобных церковно-официальных произведений в эпоху царя Симеона много потрудился болгарский книжник Иоанн Экзарх.

С другой стороны, в средневековую литературу врывается неуправляемый поток сочинений на аналогичные темы, принадлежащих анонимным авторам. Они, видимо, не занимали высокого общественного положения и не были сведущими в богословии. Их произведения называли апокрифами – то есть “сокровенными”, “тайными”, “отреченными”. Им были свойственны большая, по сравнению с официальной литературой, живость, остроумие, поэтичность. В них давалась стройная модель устройства земли и небес, их своеобразный вертикальный срез: земля покоится на воде, а та на огромном плоском камне; тот, в свою очередь, держат на спинах золотые киты, плавающие в огненной реке; река же течет по огню, польхующему в ветвях железного дуба, корни которого опираются на Божью силу.

Сложное устройство, по апокрифам, имеют и небеса, представляющие некий семислойный “пирог”. Каждое из семи небес имеет свое строение, размеры и своих обитателей. Над землей, за воздухом следует аэр, а затем первое небо. Его населяют двести ангелов, ведающих движением облаков и обращением звезд. На втором дожидаются Страшного Суда блудники. Третье небо отводилось раю с благоухающими деревьями и двумя источниками: один источает млеко и мед, другой – елей и вино. Посреди рая растет дерево, на котором почивает Бог, когда спускается туда с седьмого неба. Райские кущи охраняют триста ангелов, неумолчно поющие песни. В северной

стороне третьего неба помещен ад. Там пылает мрачный огонь, царит непроглядная мгла и немилосердные слуги дьявола мучают грешников страшными орудиями пыток. По четвертому небу шествуют солнце и луна, здесь расположены и звезды. Солнце и луна выходят и уходят через огромные врата и в урочные часы появляются над землей. Пятое небо – место обитания мрачных исполинов григореев, отправленных сюда за кровосмешительство. В апокрифической Книге Еноха пишется, что они ведут свое происхождение из страны Ермони. Шестое небо предназначено для архангелов, ведающих движением звезд, луны и солнца. Они также пишут поучения и заповеди для людей и ведут счет всем их добрым и злым делам. Седьмое небо – самое верхнее и принадлежит Всевышнему, восседающему на престоле, сплошь покрытом шестикрылыми созданиями. Рядом в строгом порядке стоят архистратиги, херувимы и серафимы, великие архангелы и бесплотные силы. К ним присоединяются и десять полков многоокого светлостояния...

В апокрифах можно уловить стремление к точности. В отличие от официальной догматической литературы со свойственной ей расплывчатостью формулировок, слов и понятий, апокрифы преподносили читателю якобы конкретные цифры, точные сведения, выверенные данные. При сравнении солнца и луны автор “Книги Еноха” не преминул отметить, что яркость солнечного света превосходит яркость пунного в семь раз. Читателю следовало также знать, что солнце несут сто пятьдесят тысяч ангелов, что число григореев – двести тысяч, что каждый день рождается и умирает двенадцать тысяч двадцать четыре человека, что расстояние от Иерусалима до рая – пятьдесят тысяч шестьдесят три поприща, не больше и не меньше, что звезд на небе восемь тысяч и т.д.

И в официальной, и в апокрифической литературе проводилась мысль о гармонии, царящей в природе. Мир рассматривался как Божье творение, и поэтому все в нем представлялось продуманным, уравновешенным, совершенным. Количество людей на земле не изменяется, потому что одинаковое их число ежедневно рождается и умирает. Горы крепят землю, чтобы та не расшаталась. Огромная змея ежедневно выпивает из морей воды по локоть, чтобы море не переполнило вливающиеся в него реки. Облака орошают землю пресными дождями, потому что берут воду из огромного пресного озера (если бы они получали влагу из морей, земля бы засолилась и перестала давать плоды). Над небесной твердью – вода, чтобы твердь земная не воспламенилась от жара солнца. Птицы соединяют воду, землю и воздух, потому что произошли из воды, ходят по земле, а летают по воздуху. “О, чудо из чудес!” – восклицает Иоанн Экзарх в прологе к “Шестодневу”, восторгаясь окружающим миром – дивным творением Создателя.

Наиболее совершенным среди всех живых тварей, созданных Господом, считался человек. Как в официальной, так и в апокрифической литературе ему посвящалось много поэтических строк. Поэзия наполняла душу анонимного автора “Разумника”, писавшего о сотворении первого человека – Адама: тело его – из земли, кровь – из моря, кости – из камня, душа – из ветра и божьего духа, разум – из облака, очи – из солнца и росы, мысль – из ангельской быстроты, смеха и плача. Большой интерес у средневекового человека вызывала, конечно же, и душа. В ее существовании он был уверен, но пытался уяснить, что это такое. Определение души он мог найти в “Небесах” Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха: “Душа есть живая сущность, простая и бесплотная, в естестве своем невидимая глазу; бессмертная, одаренная умом и рассудком; имеющая органом своим – плоть, которая способна чувствовать и воспроизводиться; у души есть ум, представляющий собой не нечто особое, а самую чистую часть ее самой”.

Не меньший интерес у средневекового человека вызывало и устройство собственного тела. Во времена язычества о нем было известно сравнительно мало. С возникновением письменности болгарский народ получил возможность ознакомиться с теми знаниями, которые накапливались в трудах ученых еще с античности. Составляя свой “Шестоднев”, Иоанн Экзарх включил в него, в частности, описание человеческого тела, принадлежащее Аристотелю. В эпоху славянского Средневековья труд этого древнегреческого философа служил важным источником знаний по анатомии и медицине. В нем объяснялось предназначение и функционирование различных частей и органов человеческого тела, особенности их расположения и взаимодействия между собой. По Аристотелю, в организме человека нет ничего ненужного и случайного: каждый орган жизненно необходим, без любого из них жизнь становится менее полноценной или невозможной. Все органы гармонично “прилажены” друг к другу и подчинены некоей первоначальной норме. Отклонение от нормы несет в себе определенный смысл, который следует разгадать. Например, если у человека широкий лоб – он труслив, если круглый – назойлив. Прямые брови говорят о доброте и милосердии, а изогнутые и спускающиеся к переносице свидетельствуют о раздражительном, упрямом или робком характере. И так почти о всяком наружном органе.

В эпоху Средневековья человеческий мир воспринимался не только как совершенный, но и как иерархичный, соподчиненный. Этот принцип был одним из главных в системе средневековых философских воззрений. В строго установленном порядке располагались семь небес с их обитателями – иерархичным, следовательно, должно было быть и общественное устройство

на земле. На верхней ступеньке иерархической лестницы, разумеется, стоял царь, восхождение на престол которого не могло происходить без Божьей воли. Идея богоизбранности земных царей, князей и владетелей пронизывает всю средневековую официальную болгарскую литературу и письменность. Она явственно присутствует в наскальных надписях и летописных записях, исполнявшихся по приказу болгарских владетелей. В них также отразились и представления о качествах, которыми надлежало обладать идеальному феодалу: сила, милосердие, мудрость. В “Похвале царю Симеону”, сочиненной анонимным книжником, эти достоинства отодвигаются на задний план, акцент же переносится на ученость и любовь к книгам. Симеон, “словно добродетельная пчела”, заполнил книгами свой дворец, он – “новый Птолемей”, оставивший по себе вечную память “многочестными божественными книгами”, он вразумляет бояр, изливая перед ними свои мысли, как некий сладкий мед. Не преминул упомянуть о царе Симеоне и его дворце при составлении “Шестоднева” и Иоанн Экзарх. Во вступлении к шестой части этого переводного труда он отвел Симеону подобающее место в земной иерархии. Трепет и восхищение охватывают простолудина, когда тот приближается к великолепному царскому дворцу и зрит самого царя, восседающего в роскошной мантии на троне в окружении бояр в богатых облачениях.

Одно из устойчивых заблуждений относительно средневековой литературы в том, что она якобы мало соприкасалась с реальной жизнью, не пыталась решать насущные проблемы, витала в заоблачных высях и не желала спускаться на землю. В действительности все обстояло иначе. Средневековая болгарская литература всегда стремилась отвечать на самые животрепещущие жизненные вопросы, подходить к ним масштабно, решать их в некоей целостности. Однако в силу специфики средневекового сознания эти вопросы и ответы несли на себе печать религиозности. Яркой иллюстрацией тому служит движение болгарских богомилов и создававшаяся ими книжность. Богомилство возникло при сыне Симеона царе Петре (927–969) и довольно быстро приобрело широкий размах. Это было умеренное дуалистическое учение, уходившее “корнями” в еще более древние “ереси”: павликианство, манихейство и массалианство. Оно было идейной основой антифеодального движения, хотя выступления против государства и церкви носили религиозный характер. Богомилы выдвинули свои самостоятельные космогонические, христологические и эсхатологические концепции, отличавшиеся от церковно-официальных. Они разработали свои версии происхождения мира, человека, появления Христа на земле и конечной судьбы человека после второго пришествия. В них мы наблюдаем полное разрушение

принципа небесной и земной иерархии. Все видимое и материальное – земля, ее физическое и общественное устройство с царем, боярами, церковью – богами объявляли плодом деятельности дьявола, низвергнутого с небес со своими подручными за заговор против Бога. Ими признавалось только духовное, и, прежде всего, душа, которую сатана не смог вдохнуть в созданные им тела Адама и Евы, упросив сделать это Бога. На земле, таким образом, фактически царит власть сатаны, конец которой наступит лишь после второго пришествия.

Богомилы подвергали острой критике духовенство, официальные религиозные символы и церковные обряды. Они не признавали церкви, храмы, отвергали литургию, крест, иконы, крещение, причастие, церковный брак. Они отрицали культ христианских святых, почитание Богородицы, существование чудес. Из всего Священного Писания богомилы чтили только Евангелие и “Отче наш”.

Богомилы проповедовали идею всеобщего имущественного, правового и социального равенства. Отвергая миф о создании Евы из ребра Адама, они уравнивали женщину в правах с мужчиной – факт исключительный по своей значимости для христианского средневековья. Социальная и антифеодальная направленность этого движения явственно вырисовывается в пространной “Беседе против богомилов” Козьмы Пресвитера (X в.). “Они учат своих последователей, – писал он, – не повиноваться господам, хулят богатых, царя ненавидят, ругают старейшин, укоряют бояр, считают богопротивными слуг царских и всякому рабу не велют работать на своего господина”. Естественно, что богомилы подвергались преследованиям со стороны правящих классов. Наиболее ярых проповедников богомилства сжигали на кострах, их имена предавались анафеме на церковных соборах, их книги повсеместно запрещались и уничтожались. Не удивительно поэтому, что большинство богомильских трактатов до нашего времени не дошло. Об их существовании мы узнаем преимущественно из сочинений их оппонентов. Реконструировать богомильское учение в деталях помогает его широкая распространенность не только в Болгарии, где оно зародилось, но и в других странах. Преследования официальных властей вынуждали богомилов покидать родную землю и искать убежище далеко за ее пределами. В дальнейшем богомилство распространилось в Сербии, Боснии, Италии, Франции, отчасти на Руси и в других государствах. По этой причине часть богомильских трактатов уцелела на латинском, греческом и других неславянских языках.

Таким образом, литература Первого Болгарского царства довольно быстро развивалась и приобретала зрелость. Она обладала известным преимуществом

по сравнению с литературами многих европейских народов, пользовавшихся латынью, ибо являлась литературой, написанной на языке, не отделенном пропастью от народного. Она отточила и обогатила кирилло-мефодиевский язык и превратила его в язык истинной литературы, начав отсчет многих важных жанров и тем, которые станут основополагающими на протяжении всего славянского Средневековья.

Блестящий взлет литературы Первого Болгарского царства, к сожалению, оказался недолгим. Близость к Византии и ее культурным сокровищам оборачивалась не только великим благом, но и великой бедой. Во второй половине X века Византия заключила мир со своим давнишним врагом – арабским халифатом – и обрушила свою военную мощь на Болгарию. При императоре Иоанне Цимисхии византийские войска приступили к методичному завоеванию земель своего северного соседа. В 971 г. они опустошили и заняли Восточную Болгарию. Ее столица Великий Преслав была переименована в Иоаннополь, болгарского царя Бориса II лишили престола, дав ему, в знак унижения, невысокий византийский титул магистра; болгарская церковь вновь попала в зависимость от византийской, получив статус архиепископства. На этом, однако, борьба не завершилась. Непокоренной оставалась Западная Болгария с центром в Охриде. Она продолжала отчаянно сопротивляться и даже переходила в наступление. Развязка наступила через сорок с лишним лет, когда византийскому императору Василию II удалось разбить болгарскую армию у горы Беласицы (1014) и захватить в плен пятнадцать тысяч человек. По приказу императора они были ослеплены и отправлены к болгарскому царю Самуилу. Не вынеся горя, тот скончался от сердечного приступа. За неслыханную жестокость Василия II прозвали Болгаробойцей. Жестоким было и установившееся после этого в стране византийское иго (1018–1186).

Превратившись в слабо охраняемую северную провинцию Византийской империи, Болгария не раз подвергалась опустошительным набегам задунайских кочевников-печенегов, узов и половцев. В конце XI и в середине XII века страну разграбили двигавшиеся на восток армии крестоносцев. Болгарское население попало под двойной гнет, поскольку к собственным феодалам присоединились византийские. Налоги и повинности болгар увеличились в несколько раз в связи с постоянной нехваткой денег у Византии для ведения непрерывных войн с врагами империи. В стране неоднократно вспыхивали восстания против чужеземного ига. Подобная экономическая и политическая атмосфера мало способствовала развитию болгарской литературы и письменности. Не благоприятствовала этому и атмосфера духовная. Болгарских иерархов вытесняют византийские, в богослужении

снова господствует греческий язык. Из-за отсутствия меценатства светских и духовных феодалов почти не переписываются славянские рукописи. Поэтому вполне естественно, что за полтора века византийского владычества в болгарской литературе создано значительно меньше оригинальных сочинений, чем в предшествующие семь-восемь десятилетий.

Лишенная поддержки “сверху”, болгарская литература развивалась благодаря усилиям “снизу”. В народной среде возникло житие пустынника Ивана Рильского. Имя этого подвижника X в. со временем превратилось в Болгарии в святыню, подобно именам Феодосия Печерского и Сергия Радонежского на Руси или Саввы Сербского в Сербии. Иван Рильский не имел духовного сана и не занимал высокого светского положения. Народное житие свидетельствует, что у Ивана не было ничего, “кроме брата и вола”. Покинув отчий дом, герой повествования удаляется в Рильскую пустынь и ведет отшельническую жизнь. Незамысловатый рассказ о его подвигах, лишениях и борении с бесами – один из ярких примеров «низовой» литературы периода византийского ига.

Создавали жития болгарских подвижников и обосновавшиеся в стране греческие церковные и светские иерархи. Насаждая в Болгарии греческую культуру, они стремились противопоставить “варварскому” творчеству свои витиеватые произведения, написанные на “изысканном” греческом языке. Феофилакт Охридский, архиепископ Западной Болгарии (1084–1107) составляет пространное житие Климента Охридского, а византиец Георгий Скилица, бывший софийским наместником в 1143–1180 годах, пишет житие Ивана Рильского. Другие охридские архиепископы, греки по происхождению, написали на греческом языке житие Наума, службу Клименту и ученикам славянских первоучителей – Клименту, Науму, Горазду, Савве и Ангеларию.

Византийская культурная экспансия вызвала в болгарской литературе закономерный отпор. В ней усиливаются патриотическое начало и идеализация независимого прошлого. В “Солунской легенде” проводится идея богоизбранности болгар – единственного народа, способного передать Господу христианскую веру незапятнанной. В ней излагается фантастическая история о крещении болгар Кириллом, которого коварные византийцы первоначально от них скрывают. Только после трехлетней осады Солуни и страшного кровопролития греки отдают болгарам Кирилла, создавшего для них славянские письмена. Большое распространение в этот период получает апокрифическая литература, в которой явственно ощущаются отголоски жестокого экономического угнетения со стороны византийцев. В “Тайной книге богомилов” Сатане удается организовать заговор против Господа среди ангелов, недовольных слишком высокими поборами в божью пользу.

Идеализация болгарских царей, как правило, предполагает и утверждение того, что взимаемые ими с населения дани были чисто символическими. Так, в “Болгарской апокрифической летописи” говорится, что при царе Симеоне ежегодная дань не превышала мотка пряжи, ложки масла и одного яйца, а при его сыне Петре было изобилие всего – пшеницы, масла, меда, молока и вина. “И не было оскудения ни в чем, – повествует неизвестный автор этого сочинения, – но были изволением Божиим сытость и изобилие всяческое”.

В это же время через греко-византийское посредство в страну попадают такие новозаветные и ветхозаветные апокрифы, как “Слово об Адаме и Еве”, “Видение Исаиево”, “Откровение Варухово”, “Детство Иисусово”, “Хождение Богородицы по мукам” и другие. Тогда же в Болгарии появляются и многие светские произведения с “бродячими” сюжетами: “Повесть о Варлааме и Иоасафе”, представляющая собой христианизированную биографию Будды, “Повесть об Акире Премудром”, легенда о древнееврейском царе Соломоне и его жене, “Стефанит и Ихнилат” – повесть, связанная своим происхождением со сборником древнеиндийских сказаний “Панчатантра” (“Пятикнижие”), и другие. Произведения подобного рода приобщали болгар к мировой культуре, помогали усваивать культурный опыт иных народов, ставили перед болгарской литературой новые эстетические ориентиры.

В конце XII столетия Болгария, после долгой вооруженной борьбы, возглавляемой тырновскими боярами, братьями Асенем и Петром, сбросила ненавистное византийское ярмо. Восстания против поработителей вспыхивали и раньше, но обычно оканчивались неудачей. На этот раз оно победило, поскольку Византия была ослаблена из-за столкновения с крестоносцами – участниками III Крестового похода, которые, после разделения христианской церкви на католическую и православную, рассматривали византийцев как богоотступников. В 1187 г. византийцы были вынуждены заключить с Болгарией мир и признать ее независимость. Но с трудом завоеванная свобода вскоре подверглась угрозе со стороны западноевропейских рыцарей, предпринявших IV Крестовый поход. Вместо того чтобы отправиться в Палестину, крестоносцы весной 1204 г. неожиданным ударом захватили Константинополь, создали Латинскую империю и поставили своего императора – Балдуина Фландрского. Приблизительно через год латиняне вторглись в Восточную Фракию, отвергнув предложения брата Асеня и Петра – болгарского царя Калояна о мирных переговорах. Решительное сражение с неприятелем произошло 14 апреля 1205 г. под Адрианополем. Войска крестоносцев были наголову разбиты, император Балдуин Фландрский попал в плен и окончил свои дни пленником в одной из башен Тырновской крепости.

Военно-политические перипетии и предшествующее им византийское владычество способствовали оживлению еретических движений, в первую очередь богомилства. После относительной стабилизации власти церковь и государство предприняли шаги по искоренению ересей. В 1211 г. при племяннике Калояна Бориле был созван церковный собор, составивший Синодик болгарской церкви. Предав еретиков анафеме, он узаконил официальные славословия в честь тех, кто укреплял Болгарское государство, – прославлялись не только болгарские цари и патриархи, но и славянские первоучители Кирилл, Мефодий и их ученики.

Наибольшего могущества Второе Болгарское царство достигло при царе Иване Асене II (1218–1241). Его победоносные войны с латинянами, венграми и Эпирским деспотством, образованным после падения Константинополя и временного распада Византийской империи, значительно расширили границы Болгарского государства. После включения в него всей Македонии, части албанских, сербских и греческих земель, оно превратилось в крупнейшую державу на юго-востоке Европы. Была восстановлена при Иване Асене II и самостоятельная болгарская патриархия (1235). Политические и военные успехи возрожденной Болгарии придали “второе дыхание” болгарской литературе, блеск которой в период византийского владычества заметно потускнел. Она начала набирать новую силу и в XIV столетии пережила невиданный расцвет. Ее взлету предшествовал рост экономической мощи Болгарского государства. В стране строилось множество крепостей, городов и дорог. Вокруг новой столицы Тырново поднялись неприступные стены и башни. На Царевце, одном из ее холмов, гордо возвышались царский и патриарший дворцы. Заново отстраивались старые и возводились новые монастыри – главные очаги славянской литературы и письменности в эпоху Средневековья.

Болгарская литература XIV в. развивалась в обстановке, которую можно назвать Предвозрождением. Оно не было тождественным западноевропейскому Ренессансу. Прежде всего болгарское Предвозрождение развивалось не в светском, как в Западной Европе, а в религиозном русле. Его следует рассматривать как попытку избавиться церковно-религиозную ритуальность от рутины и схоластики. Оно обращалось к человеку узаконенным и освященным церковью путем: не через отход от религиозности, а через ее новую интерпретацию. Одним из направлений этой интерпретации стал исихазм. Лежавшее в его основе понятие “исихия”, то есть “покой”, “молчание”, “безмолвие”, не было чем-то новым и прежде неизвестным. Оно имело давнюю историю и широко бытовало в жизненной практике монахов-отшельников. Однако в Византии XIV столетия это понятие приобрело новое содержание. Его стали

трактовать в плане самосовершенствования, углубленного понимания высшей истины. Этому во многом способствовали религиозные деятели – Григорий Синаит (ок. 1280–1346) и Григорий Палама (1296–1359) – главные апологеты обновленных исихастских идей.

Исихастам противостояли их идейные противники варлаамиты – последователи рационалистического учения Варлаама Калабрийского (1290–1348) и болгарина Григория Акиндина. Разница между течениями, однако, оказалась менее существенной, чем драматизм идейного противоборства, которое привело к созыву в Константинополе в 1351 г. особого церковного собора. На нем варлаамитство было предано анафеме, а учение Григория Паламы возведено в ранг религиозной догмы. Варлаамитство и в самом деле выглядело более светским, гуманистическим, ренессансным по духу. Уже то, что Варлаам был учителем Петрарки и о его знаниях похвально отзывался Боккаччо, говорит само за себя. Но на поверку варлаамитство и паламитство обернулись двумя сторонами одной медали. Если варлаамиты ценили Аристотеля и античное наследие, то паламиты выступили приверженцами идей неоплатонизма. Обе противоборствующие стороны благоговейно относились к греческому языку. Общим объектом интересов у тех и у других в конечном итоге являлась человеческая личность, хотя они шли к ней из различных отправных точек. По свидетельству члена-корреспондента АН СССР С.С. Аверинцева, в Византии не произошло резкого отграничения Ренессанса от Средневековья. Античное наследие всегда являлось составной частью ее средневековой культуры, находилось, как говорится, “под рукой” и в любой момент могло быть извлечено на свет, словно драгоценность из тщательно оберегаемой сокровищницы. Фактически Византия испытала несколько подъемов гуманистической мысли еще до возникновения западноевропейского Ренессанса. Последний из них, Палеологовский (названный по царствовавшей династии Палеологов), начался со второй половины XIII в.

Связь болгарской культуры с этим подъемом гуманистической мысли была несомненной. Фрески Боянской церкви, Земенского монастыря, башни Хрелё в Рильской обители, некоторых тырновских церквей и пещерных монастырей вдоль реки Русенски Лом красноречиво свидетельствуют о гуманистических тенденциях в культуре Второго Болгарского царства. Исихазм проникал в Болгарию через Константинополь, Афон, Парорийскую обитель и другие византийские культурные центры. Его распространителями в стране были религиозные деятели Феодосии Тырновский и Ромил Видинский, а главой нового “умственного” движения стал их единомышленник Евфимий Тырновский (ок. 1330–1401).

Исихазм преломлялся в болгарской литературе своеобразным образом. Это учение ставило своей целью совершенствование человеческой личности, поднятие нравственной и духовной жизни на качественно новую ступень. Безмолвие служило исихастам способом достижения концентрированного состояния духа. Только в таком состоянии, согласно их учению, можно было приблизиться к глубинному смыслу вещей и явлений. Идея нравственного и духовного восхождения была не нова для болгарской литературы. Уже славянский первоучитель Кирилл в своей “Молитве Григорию Богослову” разделил в этом подвижнике земное и небесное. Григорий – “человек телом, но душою ангел”, ценой непрестанного совершенствования он “явил себя ангелом”. О возможности уподобления человека ангелу писал и Климент Охридский, сравнивая с ангелом своего учителя в “Слове похвальном Кириллу”. Аналогичную параллель можно провести и при рассмотрении другого принципиального исихастского положения – учения о несотворенном “Фаворском” свете. В его основе лежал евангельский эпизод о свете, излучаемом Христом и увиденном его учениками во время Преображения на горе Фавор. В соответствии с идеями исихастов, при достижении высшей степени духовного совершенства человек приобретал способность узреть Фаворский свет, отблески которого могли пасть и на него самого. Нечто подобное наблюдаем мы и в Климентовом “Слове похвальном Кириллу”. Достигнув высшей степени совершенства, Кирилл сияет, “словно солнце трипостасного божества”; совершив очередной подвиг – крещение фульского народа в Причерноморье, – он сияет “трибезначальным светом”. Усвоение византийского исихазма в Болгарии, таким образом, значительно облегчалось наличием в предшествующей болгарской литературе некоторых идеологических моментов, имеющих с ним общие точки соприкосновения. Более того, под их воздействием исихазм трансформировался и приобрел новые черты.

Противоречие между молчанием и словом у исихастов было чисто внешним и кажущимся. Молчание не исключало слово, а подготавливало его появление. Слово для исихастов – “святая святых”, произнести его или тем более запечатлеть его письменно следовало только после духовного очищения и обретения внутреннего совершенства. Назвать вещь словом для исихастов означало придать ей сущность, отгадать которую нельзя без постижения “невещественного” смысла вещественного. Одно-единственное слово не в состоянии передать всю глубину этого смысла – его возможно отразить словесным “извитием”, синонимическими повторами однокоренных слов, игрой его различных словесных граней. Исихазм как бы весь соткан из противоречий. Необходимость раскрепощения человеческого духа

причудливо соединяется в нем с жесткой регламентацией духовной жизни. Молчание, безмолвие, неожиданно соседствует с “очищенным” словом, многоглаголием и “плетением словес”. Идеал отшельничества и отрешенности от земного уживается в исихазме с повышенной духовной и социальной активностью.

Все эти противоречивые стороны болгарского исихазма хорошо отражаются на примере жизни и творчества Евфимия Тырновского. Сведения об этом подвижнике содержатся преимущественно в “Слове похвальном Евфимию”, написанном его учеником Григорием Цамблаком (1364–1419). После многолетнего пребывания в Византии Евфимий в 1371 г. возвращается на родину и, стремясь к “безмолвному житию” и “душевному любомудрию”, уединяется неподалеку от Тырнова в основанном им монастыре св. Троицы. Однако довольно быстро уединение нарушается – Евфимия окружает рой учеников, притом не только болгарских, но и “из всех северных стран до самого Океана, и из западных до Иллирика”. Боязнь осквернить слово сочетается у него с интенсивной книжной деятельностью. Евфимий продельывает огромную работу по сверке старых славянских переводов с греческими оригиналами с целью их правки и редактирования. Под его руководством осуществляется ряд новых переводов и происходит их переписывание. Его перу принадлежат многие жития, похвальные слова, послания и службы.

Нравственный авторитет, редкая начитанность и эрудиция помогают Евфимию в 1375 г. взойти на болгарский патриарший престол и затем провести свою реформу письменности по всей Болгарии. В деталях мы, к сожалению, ее не знаем: письменные руководства самого Евфимия к реформе не уцелели. Некоторые сведения о ней имеются в грамматическом трактате “Разъясненное сказание о письменах” Константина Костенецкого – евфимиевского ученика, творившего в первой половине XV столетия. Из этого трактата становится ясно, что реформа Евфимия предусматривала введение единого правописания и унификацию литературно-книжного языка во всей болгарской земле, возрождение кирилло-мефодиевского языка, “испорченного” несколькими поколениями славянских переписчиков, нерадиво относившихся к своему труду. Особое место уделялось в ней и переводному слову. Точность перевода, нередко переходящая в буквализм, служила главным критерием качества переводческого искусства. Это требование привело к появлению в литературно-книжном болгарском языке многочисленных калек с греческого, обилию сложных слов и порой громоздких грамматических конструкций. Написание слова и его отдельных букв связывалось непосредственно с моралью и нравственностью. Отклонения от правил написания букв считались недопустимыми.

Наибольший вклад в развитие болгарской литературы Евфимий внес созданием житий и похвальных слов. Им были написаны жития Ивана Рильского, Петки Тырновской, Илариона Мыгленского и Филофеи. Жизнеописания некоторых этих подвижников составлялись древнеболгарскими писателями и ранее, но к концу XIV века они уже устарели. Создавая житие Ивана Рильского, Евфимий отмечал, что предыдущие авторы писали об этом подвижнике “как-то неискусно и грубо” и поэтому он попытается описать подвиги своего героя “прилично”. В житиях, подвергавшихся евфимиевской правке, явственно ощущаются исихастские моменты, на поведении житийных героев лежит печать “исихии”. Проявляется в творчестве Евфимия и тенденция к “плетению словес”; особенно сильна она в похвальных словах Константину и Елене, Михаилу Воину, Ивану Поливотскому и Неделе. Границы жанра в произведениях Евфимия нарушаются, становятся словно бы размытыми. Жития включают в себя элементы похвальных слов, а последние, в свою очередь, испытывают воздействие приемов житийного повествования.

В эпоху Евфимия получает дальнейшее развитие поэтический принцип древнеболгарской литературы, который можно охарактеризовать как “мозаичность”. Он позволял соединять в одном произведении эпизоды, отрывки и разделы многих авторов, различные по стилям и жанрам. Текстовое “панно” произведения как бы составлялось из тщательно отбираемых “мозаичных плиток”, имеющих свое предназначение, степень яркости и оттенок. Цитаты из Священного Писания – “драгоценные камни”, высоко ценившиеся во всем христианском мире. Своим блеском они сразу привлекали читателя-“зрителя”, и поэтому в них был заложен ключ к прочтению произведений. Отрывки из сочинений выдающихся писателей раннего христианского Средневековья – “отцов церкви” – занимают второе место “в табели о рангах” славяно-византийской книжности. Они уступают по яркости первым, но, по убеждению смиренных средневековых авторов, значительно превосходят их собственные писания. Даже если читатель останется недовольным последними, то хотя бы насладится словом “освященных благостью Святого Духа”. “Мозаичными” подчас были и тексты, писавшиеся лично авторами-составителями.

“Мозаичный” принцип проявился уже в пространных житиях Кирилла и Мефодия, включавших молитвы, папские буллы (письменные церковные распоряжения) и полемические беседы, различные по стилю, содержанию и эмоциональности изложения. Позже в евфимиевских житиях Ивана Рильского и Петки Тырновской можно найти обособленные в смысловом отношении тексты молитв, письменных и устных посланий, похвал. Летописный рассказ,

а не житийное повествование напоминает эпизод в жизни Ивана Рильского о перенесении мощей подвижника из Средца (Софии) в венгерский город Эстергом, а позднее, при болгарском царе Иване Асене, в Тырново. Своеобразное преломление принципа “мозаичности” при создании человеческих образов наблюдается и в творчестве последователей Тырновской литературной школы. В “Слове похвальном Евфимию” Григория Цамблака главный герой выступает как бы в трех ипостасях: деятельный книжник, духовный пастырь мирян, нестигаемый борец в минуты смертельной опасности.

Общий подъем болгарской духовной культуры в XIV в. сопровождался возникновением множества литературных и книгописных центров. Прекрасно оформленные, богато иллюстрированные рукописи, помимо Тырнова, создаются также в Килифаревском, Рильском, Лесновском, Кукленском, афонском Зографском и других болгарских монастырях, где трудятся книжники Симеон, Дометиан, Станислав, Иоанн и другие. В крупный культурный центр при царе Иване Александре (1331–1371) превращается Бдин (Видин), где по царскому заказу переписываются многие учительные и богослужебные книги. Блестящие образцы рукописной продукции Болгарии XIV века – Четвероевангелие царя Ивана Александра, Софийский Песнивец, Лаврентиевский сборник, Псалтырь Томича и многие другие дошедшие до нас манускрипты. Тогда же болгарские книжники переводят с греческого “Физиолог” – сборник средневековых естественно-научных произведений, летопись византийского хрониста Константина Манассии, дополненную вставками с освещением событий из болгарской истории, “Троянскую притчу” и другие памятники неславянского происхождения. Гуманистические тенденции в болгарской культуре XIV в., свидетельствующие о наступлении Предвозрождения, превратили литературу Второго Болгарского царства в одну из развитых европейских литератур.

Подъем болгарской культуры и усиление в ней гуманистических тенденций не было локальным явлением, замкнутым в национальных границах. Этот процесс постепенно распространился и на другие славянские и неславянские страны. Влияние Тырновской литературной школы сказалось в Сербии, на Руси, а также в Молдавии и Валахии, где до середины XVII века пользовались славянской письменностью. И это был не первый болгарский духовный импульс, вызвавший прогрессивные сдвиги в культурной жизни соседних народов в эпоху средневековья. Мы не случайно назвали наш сборник “Родник златоструйный”. Памятники Первого и Второго Болгарского царства имеют не узко национальное, а международное значение. Они – “золото высшей пробы”, вошедшее в литературную сокровищницу юго-восточной Европы. Вскоре после своего зарождения болгарская литература

превратилась в златоструйный родник, питавший своим словесным и идейным богатством соседние народы. По верному замечанию академика Д.С. Лихачева, древнеболгарская литература легла в основу “литературы-посредницы”, которая “в процессе своего существования и развития постоянно пополнялась переводами и оригинальными произведениями, созданными у западных славян, в Сербии и на Руси”***.

К этой ее важной роли можно добавить и то, что она дала славянскому миру усовершенствованную кирилловскую азбуку. Отточив и обогатив “словенский” язык кирилло-мефодиевских переводов и сочинений, она создала литературно-книжный язык, который на первых этапах появления письменности у русских, сербов, молдаван и валахов станет основой для формирования собственных литературных языков. На протяжении нескольких веков болгарская литература фактически служила «генератором идей» для ряда литератур стран православного региона.

Начавшееся в болгарской литературе в XIV веке Предвозрождение в силу исторических обстоятельств не переросло в Возрождение. Ее расцвет происходил вопреки неблагоприятному внутреннему и внешнему политическому положению страны. Победы Ивана Асеня II оказались “звездным часом” в военно-политической истории средневековой Болгарии, после них начался длительный период государственного упадка. В 1242 г. страна подверглась набегам полчищ татарского хана Ногая, вынудившим ее платить дань Золотой Орде. В конце 70-х годов Болгарию потрясло антифеодальное крестьянское восстание под предводительством свинопаса Ивайло, сумевшего ненадолго занять царский трон. В первой трети XIV столетия Болгарию начала теснить Сербия, которая завоевала западные болгарские земли. Единого болгарского государства уже не существовало: оно распалось на несколько феодальных княжеств со своей собственной властью и малочисленными дружинами. В Северо-западной Болгарии с центром в Видине правил Иван Срацимир, в Центральной со столицей в Тырнове – Иван Шишман, а в южной Добрудже и на Черноморском побережье находилось княжество Добротицы.

Страну раздирали феодальные усобицы, а между тем с юга на нее надвигалась страшная опасность османского нашествия. В 1352 г. турки переправились через Дарданеллы и стали занимать византийские, сербские и болгарские земли. Вызов, брошенный завоевателям сербскими феодалами королем Вукашиным и его братом Угleshей, закончился трагично. В сражении у Черномена (1371) их войско было разгромлено, а сами они погибли. Исаия Серский писал, что после Черноменской битвы “измаильтяне полетели по

*** Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. М., 1973. С. 25.

всей земле, как птицы по воздуху, и одних христиан мечом закалывали, других в плен уводили, а оставшихся пожирала безвременная смерть”. Через несколько лет завоеватели двинулись на болгарские земли и овладели Пловдивом, Стара-Загорой, Самоковом и Софией. В 1387 г. сербам и болгарам удалось у Плочника одержать над османами победу, но она лишь подхлестнула неприятеля. Два года спустя на Косовом поле сербская армия потерпела полное поражение, и участь болгар и сербов была предрешена. В 1393 г. после трехмесячной осады пало Тырново, а спустя три года – последний оплот болгарского сопротивления – Видин. В стране почти на пять веков воцарилось иноземное иго, которое тяжелым бременем легло на плечи болгарского народа.

Османское иго было значительно страшнее византийского. Завоеватели резко отличались от поработанного народа по языку, вере, обычаям. Нашествие нанесло огромный ущерб болгарской культуре. Во время штурмов крепостей были разрушены великолепные здания и дворцы; монастыри и церкви были разграблены, в огне пожарищ погибли сотни ценнейших рукописей. Многие оригинальные сочинения, созданные древнеболгарскими книжниками, оказались безвозвратно утраченными. До нас дошли главным образом те произведения древнеболгарских авторов, которые, благодаря интенсивным культурным связям в эпоху Средневековья, уже имелись в русских, сербских и молдавских списках и успели распространиться на Русь, в Афон, в Сербию, в Молдавию и Валахию. Удар был нанесен не только по традициям болгарской литературы – османское иго нарушило ход естественного литературного развития в стране. Болгарские книжники лишились меценатской поддержки со стороны церковных и светских феодалов. Церковь фактически была обезглавлена: после взятия Тырнова завоеватели заточили патриарха Евфимия в одном из монастырей, где он вскоре скончался, а большинство церковных иерархов предали смерти во время погромов. Светские феодалы частично погибли в военных столкновениях, а оставшиеся в живых были высланы с семьями в Малую Азию. Некоторые из них под угрозой смерти приняли ислам и в дальнейшем растворились в массе завоевателей, забыв исконные обычаи и родной язык. Спустя известное время болгарская литература начинает ориентироваться преимущественно на народ, равный в своем бесправии перед беспощадными поработителями. Произведения болгарских книжников станут писаться для “райи”, то есть “стада”, как презрительно называли поработители христианских подданных султана. Блеск, возвышенность и литературная витиеватость слова Евфимиевской школы после установления в стране владычества османов не соответствовали реальной жизни – бедственному положению болгарского народа. Это привело к закономерным изменениям в литературе.

В конце XIV – первой половине XV в. евфимиевские традиции продолжали успешно развивать болгарские писатели, оказавшиеся за пределами родной земли. В еще не покоренной Сербии творил Константин Костенецкий, а на Руси – книжник Киприан, ставший московским митрополитом (1390–1406). Наиболее сложной была судьба Григория Цамблака, внесшего вклад не только в болгарскую, но и в сербскую, молдавскую и русскую литературы. Константин Костенецкий, кроме уже упомянутого сказания, создал житие сербского деспота Стефана Лазаревича и занимался переводами с греческого; Киприан написал на Руси житие московского митрополита Петра, похвальные слова этому подвижнику и несколько посланий. Самым плодовитым из евфимиевских учеников оказался Григорий Цамблак. Ему принадлежат более трех десятков похвальных слов и бесед, житие сербского деспота Стефана Дечанского, “Слово надгробное Киприану” и другие сочинения. На болгарскую тему, помимо “Слова похвального Евфимию”, им написан рассказ о перенесении мощей Петки из Тырнова в Сербию.

Творя за пределами родины, евфимиевские ученики выступают проводниками идей своего учителя. Но их произведения до болгар, как правило, не доходят и становятся достоянием литератур других народов. В самой Болгарии в первой половине XV в. оригинальных сочинений почти не создается. Рукописная традиция в монастырях едва теплится – переписываются в основном евангелия, апостолы, минеи, прологи и другие богослужебные книги. Положение изменилось во второй половине XV столетия, когда на Балканах произошли два исторических события, имевших важное значение для дальнейшей судьбы болгарской литературы. В 1453 г. под ударами османов пал Константинополь – сердце в прошлом огромной Византийской империи. Через несколько лет османы сломили сопротивление и последнего очага сербской независимости – Смедерева (1459). По султанскому фирману все поработанное христианское население Балкан перешло в церковное подчинение константинопольскому патриарху. Эти события привели на первом этапе к усилению в стране литературного влияния еще недавно независимой Сербии, а на втором – к греческому засилью в болгарской духовной культуре.

Во второй половине XV века в западной Болгарии получили распространение оригинальные и переводные сочинения Владислава Грамматика и Димитра Кантакузина, литературное наследие которых – общее достояние болгар и сербов. Болгарского и сербского государств на политической карте Европы больше не существовало – их территории влились в Румелийское бейлербейство – европейскую провинцию Османской империи. Переезды болгарских и сербских книжников из болгарских земель в сербские и напротив

были уже не эмиграцией, а передвижениями по османским пашалыкам. Владислав Грамматик родился в Ново Брдо, а трудился в местечке Младо Нагоричино и в черногорском Жеглиговском монастыре, где он составил ряд сборников из переводов произведений раннехристианских писателей – “Пределы”, “Шестоднев” и другие. Вместе с тем Владислав Грамматик был тесно связан с Болгарией и особенно с Рильским монастырем. В его сборниках мы находим жития Кирилла Философа, похвальное слово Кириллу и Мефодию, житие Илариона Мыгленского в редакции патриарха Евфимия Тырновского. В знаменитый “Рильский Панегирик” Владислава Грамматика (1479) включены жития Ивана Рильского, Григория Синаита, Феодосия Тырновского и другие имеющие отношение к Болгарии сочинения. Перенесению мощей Ивана Рильского в основанную этим подвижником обитель Владислав Грамматик посвятил отдельное оригинальное произведение – “Рильскую повесть”.

Тесные контакты с Владиславом Грамматиком имел Димитр Кантакузин, живший в Северной Македонии. Он написал службу, житие и несколько похвальных слов в честь Ивана Рильского. Кроме того, он известен как автор эмоциональной стихотворной “Молитвы Богородице”. Произведения этих двух писателей в равной степени принадлежат болгарскому и сербскому народам. В них прослеживается несомненная связь с евфимиевскими традициями, но они не достигают вершины последних. Впрочем, книжники и не ставили подобной задачи, потому что для продолжения евфимиевских традиций реальной почвы уже не было.

В XVI столетии болгарская литература претерпела коренные изменения. Прежняя эстетическая и идеологическая поляризация в литературе утратила былую остроту. Светские болгарские феодалы практически исчезли как класс – на смену им пришли османские землевладельцы – “спахии”. Не могли выступать в роли полнокровного господствующего класса и болгарские церковнослужители. Они сами подвергались двойному притеснению со стороны завоевателей и греческого синклита, занявшего все ключевые посты в церковной иерархии болгарских пашалыков. Богомильская книжность пошла на убыль, утратив многих оппонентов; часть богомилов приняла католичество. Литература стала ориентироваться на “массового” читателя с неискушенным литературным вкусом. Большое распространение в стране получили сборники смешанного содержания и так называемые «дамаскины» по имени греческого проповедника XVI в. Дамаскина Студита, составившего собрание проповедей на языке, близком к разговорному греческому. Зародившись в конце XVI столетия, дамаскинная традиция продолжалась в Болгарии в течение нескольких последующих веков. Включавшиеся в

дамаскины произведения подвергались стихийному “переосмыслению”: повествование в них упрощалось, добавлялись “оживляющие” его вымышленные эпизоды, язык приспособлялся к соответствующему времени и менявшемуся вкусу читателей. Известными составителями таких сборников в Болгарии были Иосиф Хилендарский, Иосиф Брадатый и другие книжники.

В период османского ига внутренние противоречия болгарского общества как бы затушевались главным жизненным конфликтом, навязанным извне: отношениями между болгарам и османскими поработителями. Массовое заселение османами болгарских земель сделало присутствие в стране иноземных угнетателей ежедневным, ежечасным и ежеминутным. Болгарам приходилось терпеть всяческие унижения. Им запрещалось строить красивые дома, носить яркие нарядные одежды, возводить церкви, где и как им хотелось, и так далее. Каждый христианин в Османской империи платил султану “харач” – выкуп за жизнь. Наиболее крепких и красивых славянских мальчиков насильственно отбирали у родителей и доставляли в Константинополь, где их обращали в ислам, а по достижении совершеннолетия производили в янычары. Этот страшный налог назывался “девширме” – то есть “кровная дань” христиан султану. Настоящим бичом для народа была насильственная исламизация христиан, периодически проводившаяся османскими султанами в XVI–XVIII веках. Обращенные в магометанство болгары теряли связь с соплеменниками, забывали со временем национальные обычаи и родной язык. Сохранение исконного вероисповедания в условиях исламизации было поэтому чрезвычайно важным.

Заметную роль в сопротивлении ассимиляторской политике завоевателей сыграло болгарское духовенство. Оно объявляло «святыми» христиан, отказавшихся принять ислам и растерзанных за это османскими религиозными фанатиками. В XVI столетии в Софии – столице Румелийского бейлербейства – создаются жития мучеников Георгия Нового и Николы Нового. Первый из них был сожжен в Софии 11 февраля 1515 г., а второй забит камнями в окрестностях того же города 17 мая 1555 г. Оба героя не отличались знатным происхождением. Георгий был ювелиром, а Никола – сапожником. Описание бесчинств магометанской толпы в обоих житиях отстает от традиционной канвы житийного повествования, оно приближается к реальности, излагается взволнованным живым языком. Необычным было и то, что в памятниках даны образы духовных наставников. В житии Георгия это сам автор повествования – пресвитер Пейо, а в сказании о Николе – неизвестный священник. Эти памятники давали болгарам образцы моральной стойкости, высоконравственного поведения в условиях «великого духовного противостояния» завоевателям. Судьбы их сложились по-разному.

Житие Георгия широко распространилось на Балканах, в то время как сказание о Николе приобрело локальное значение и известно только в одном списке. Здесь, видимо, сыграло роль то обстоятельство, что во втором памятнике улавливаются отголоски евфимиевских традиций, уже не соответствовавших эпохе. Кроме того, Никола не мог служить идеальным примером религиозной стойкости. Вначале османам все-таки удалось коварно опохмелить его вином и совершить над ним обряд обрезания, и лишь потом, оправившись от ужасного потрясения, он сознательно пошел на верную смерть, желая возвратиться к вере своих соплеменников.

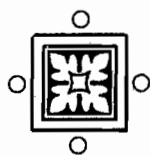
Приезжающих в Болгарию иностранцев всегда поражает обилие скульптурных памятников, названий улиц и площадей, уводящих в далекое прошлое. Многие из них связаны с именами духовных и светских владетелей давно минувших дней: памятник патриарху Евфимию, улицы царей Бориса I, Ивана Асеня, Калояна, Народная библиотека им. Кирилла и Мефодия, Софийский государственный университет им. Климента Охридского... Древняя история Болгарии зримо присутствует в ее современности. Это объясняется особыми условиями, в которых жил болгарский народ, настойчивыми попытками чужеземных угнетателей стереть в народной памяти воспоминания о славных деяниях предков.

Если османские завоеватели стремились ассимилировать болгар религиозно и этнически, то греческая церковная иерархия – духовно и культурно. Огромное количество болгарских рукописей было уничтожено в период византийского владычества XI–XII столетий, продолжали их сжигать по распоряжению греческих владык и во время османского ига. Во второй половине XVII – XVIII в. угроза эллинизации болгарской духовной культуры выдвигается на первый план. Натиску греческого духовенства противостояли болгарские книжники – дамаскинары. Язык составлявшихся ими сборников все более приближался к народному. В них включались произведения древнеболгарских авторов, повествующие о давней болгарской истории. В известной мере сопротивление дамаскинаров носило полустихийный характер. Впервые оно получило идеологическое обоснование в 1762 г. в знаменитой “Истории славяноболгарской” Паисия Хилендарского (1722–1773). Эта книга стала для болгар настольной. Титаническими усилиями Паисия собраны буквально по крохам – по рукописям и старопечатным прологам богатые сведения об истории болгарского народа. В противовес приверженцам греческой образованности, он выступил страстным защитником родного языка и национального достоинства. “О неразумный и юродивый! – с укоризной обращается Паисий к своему эллинизированному соплеменнику. – Почто стыдишься ты наречься болгариним, почто не читаешь на языке своем

и не говоришь на нем? Иль не было у болгар своего царства и государства? Столько лет царствовали они и славны были, и известны по всей земле, и многократно с могучих римлян и мудрых греков взимали дань!”

В “Истории славяноболгарской” четко обозначена программа национального Возрождения – болгарский язык, независимое болгарское государство и церковь, всеобщее книжное просвещение. Хотя в книге Паисия сохранилось немало черт, присущих средневековой литературе, она явила собой новую эпоху и положила начало возрождению культурных и политических традиций болгарского народа. Многие положения программы, изложенные в “Истории”, при жизни автора осуществить было невозможно. Их черед наступил более чем через век – после освобождения болгарского народа Россией в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Предлагая переводы текстов памятников болгарской литературы, мы хотим еще раз напомнить читателю, что перед нами сочинения “младенческого” и “отроческого” периода древней славянской литературы. Они ценны для нас своей первозданностью и непосредственностью, вопреки порой встречающейся “детской немощи слова”. Их уместно сравнить с кристальной чистой родниковой водой, не нуждающейся в очищении перед утолением жажды...

ЖАНРЫ В БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ IX–XII ВВ.

В данной статье мы хотели бы коснуться некоторых проблем жанрового развития болгарской литературы IX–XII вв. Она не ставит целью проследить эволюции какого-то одного жанра – в средневековых литературах эволюционные сдвиги происходили крайне медленно и могут быть эффективно очерчены лишь в более широких хронологических границах¹. Едва ли окажется плодотворной и попытка анализа жанров как некоей единой системы². Такая попытка стала бы весьма уязвимой из-за спорности времени и места создания многих литературных памятников³, а также из-за автономности ряда жанров и отсутствия у них точек пересечения с другими⁴. Главное внимание в нашей работе уделено “инвентаризации” жанровой структуры болгарской литературы IX–XII вв., фиксации случаев жанрового взаимодействия, вопросам репрезентативности и удельного веса отдельных жанров в болгарском литературном контексте указанного исторического периода. Небезынтересны в этой связи и проблемы соотношения переводного и оригинального пластов, взаимодействия средневековой литературы с фольклором и другими формами несловесного творчества. Наличие в статье многих аспектов, каждый из которых заслуживает особого внимания, может быть оправдано лишь присутствием единого стержня. Изложение историко-литературного материала должно быть подчинено единому углу зрения и осуществляться с учетом его жанрово-структурного уровня. И все же при “инвентаризации” древнейшей переводной литературы (в сущности, фундамента, на котором возникает литература оригинальная) неизбежна известная перечислительность, ибо ничто ни с чем еще жанрово не взаимодействует и, кроме того, первоначальное появление ряда переводных памятников на славянской почве было локализовано сравнительно недавно.

* * *

Зарождение литературы у славянских народов происходит благодаря усвоению опыта других народов. Не составляла исключения и Болгария.

Первый этап ее приобщения к иноземному литературному опыту продолжался около двадцати лет, начиная с 865 г., после введения в стране христианства, и до прибытия учеников Кирилла и Мефодия в 886 г. Условно его можно назвать периодом “ученичества”⁵. В это время местные болгарские книжники находились в тесном контакте с прибывшими из Византии священнослужителями для ведения богослужения на греческом языке. Став подручными своих греческих пастырей в качестве церковных служек и послушников, они понемногу овладевали греческим языком не только посредством устного общения с ними, но и постепенного выучивания наизусть текстов богослужебных книг, постоянно произносившихся в церквях. Канонические богослужебные книги заключали в себе огромный заряд литературной культуры древних народов: евреев, сирийцев и греков. Сравнительно небольшое количество книг, требовавшихся тогда для ежедневных церковных ритуалов⁶, обладало известным жанровым разнообразием содержащейся в ней литературы: Псалтырь, например, несла в себе превосходные образцы древнееврейской поэзии, Деяния и Послания апостолов являлись прообразами будущих “хождений” и произведений эпистолярного жанра и т.д. Помимо богослужебных книг, греческое духовенство имело в личном пользовании и другую религиозную литературу, к которой при желании могли обращаться болгарские послушники и служки. Кроме того, некоторые из них, наверняка, отправлялись для обучения в константинопольские духовные центры, где выбор религиозной литературы был гораздо богаче. Именно там в их распоряжении оказывались греческие рукописи с творениями столпов христианской церкви: Василия Великого (330–379), Григория Богослова (329–390), Иоанна Златоуста (347–390) и др. Период ученичества не смог сразу привести к возникновению оригинальных памятников болгарской литературы. На это было несколько причин: а) отсутствие славянской азбуки; б) кратковременность данного периода; в) ограниченность числа грамотных болгарских служек и послушников; г) нацеленность последних преимущественно на богослужебные тексты. Тем не менее этот период следует воспринимать как одну из важных страниц ранней истории болгарского книжного просвещения. Он закладывал фундамент будущего двуязычия, ибо в дальнейшем почти на протяжении всего болгарского Средневековья знание греческого языка станет неотъемлемой чертой культуры местных книжников.

Качественно новый этап начался в 886 г. Приход учеников Кирилла и Мефодия, принесших с собой славянскую азбуку и способных подготовить замену греческого богослужения славянским, был как нельзя лучше на руку князю Борису I (852–889), который был обеспокоен усиливавшейся византийской церковно-религиозной и культурной экспансией. Точно такую

же позицию занял и его сын Симеон (893–927). Эти обстоятельства способствовали быстрому возникновению и расцвету болгарской литературы конца IX – начала X в.

Первоначальной задачей учеников Кирилла и Мефодия являлось обеспечение недавно христианизированной державы корпусом книг на славянском языке, необходимых для богослужения и потребных для приобщения болгарского населения к основам христианской догматики, нравственности и морали. Эту задачу они не смогли бы решить без создания переводческих центров и привлечения многочисленных помощников. Такие центры стали формироваться в Плиске, а чуть позднее в Преславе и Охриде. Наиболее талантливыми учителями и переводчиками среди кирилло-мефодиевских учеников проявили себя Климент Охридский (ок. 840–916), Константин Преславский (вторая половина IX – начало X в.) и Наум Охридский (ум. в 910 г.).

Под руководством Климента, Константина и Наума первоначально, видимо, были восстановлены частично утраченные кирилло-мефодиевские переводы богослужебных книг. Кроме того, началась работа по переводу еще непереведенных церковных книг. Константин Преславский и Климент Охридский занялись переложением на славянский Триоди – гимнографического сборника, означающего в переводе с греческого “Трипеснец”⁷. Он стал складываться в греко-византийском мире до появления у славян собственной письменности: VII, VIII и IX вв. Входящие в него культовые песнопения создавались в разное время в огромной Византийской империи широким кругом лиц, различных по своему социальному происхождению.

Пресвитер Григорий осуществил перевод части книг Ветхого завета: Пятикнижие Моисея, книги Иисуса Навина, Судей и Руфь⁸.

Константин Преславский потрудился над переложением с греческого “Учительного Евангелия”⁹. Оно состояло из 51 толковой беседы на все воскресные дни. Композиция слов проста и доступна, обычно они строятся из краткого введения в форме вопроса, толкования и заключения. Беседы предназначались для чтения в церкви и должны были обладать доступностью для недавно обращенного в христианство народа. В них часто используются прямые обращения к пастве и содержатся призывы крепить веру, хранить благочестие, не забывать о милосердии, помнить о том, что добродетели помогают обрести вечное блаженство и т.д.

К “Учительному Евангелию” Константина Преславского в некоторой степени примыкает по тематике и ряд проповедей Иоанна Златоуста. Подборка из его слов была переведена в Болгарии по распоряжению царя Симеона. Из них составилась сборник под названием “Златоструй”, получивший впоследствии широкое распространение среди южных и восточных славян¹⁰.

Число слов в сборниках колеблется от 138 до 71, причем часть их была добавлена позднее. Произведения в “Златоструе” представляли собой извлечения из бесед Златоуста на новозаветные книги: Деяния и Послания апостолов, а также Евангелия от Иоанна. В них советовалось, как следует вести себя в церкви, рекомендовалось соблюдать пост, послушаться старейшинам, чтить родителей, помнить о милосердии, щедрости, терпимости – т.е. проповедовался весь кодекс идеального нравственно-этического поведения, которого должен был придерживаться истинно благочестивый и христоролюбивый читатель и слушатель. В конце IX – начале X столетия в Болгарии стали основываться монастыри, пользовавшиеся меценатской поддержкой болгарских властителей. В этой связи возникла потребность в переводе “монашеской” литературы, дававшей представление о религиозно-нравственном кодексе посвятившей себя Богу братии.

К такой литературе относился Азбучно-Иерусалимский патерик¹¹ – сборник рассказов и изречений отцов церкви, возникший в среде египетского монашества в IV–V столетиях и дававший представление об идеальном человеке. Этот огромный свод включал в себя более 1050 произведений, расположенных в алфавитном порядке по именам авторов (разумеется, в том случае, когда они сохранились, ибо ряд рассказов изречений анонимен). По мнению большинства исследователей, Азбучно-Иерусалимский патерик был переведен в Болгарии, скорее всего, учениками Кирилла и Мефодия в начале X столетия.

Чуть позднее, но, очевидно, в том же веке болгарские книжники перевели и Египетский патерик¹². Этот свод сформировался в IV–V столетиях с нравственно-назидательными целями и проповедью аскезы. Помимо собственно патериковых рассказов, в него вошли сочинения Палладия “О народах Индии и брахманах”, написанное в форме диалогов Александра Македонского с брахманами, одно из поучений Василия Великого, отрывки из церковных историй Феодорита Кирского, Сезомена и другие произведения.

До сих пор не утихают споры о времени и месте перевода на славянский язык Римского патерика, включавшего в себя сочинения Василия Великого и Григория, папы Римского. Этот свод состоял из четырех книг, разделенных на 448 глав, и описывал подвиги каталонских монахов. Он был написан в форме диалогов самого Григория и диакона Петра. Кроме того, в патерике читается агиобиографическое повествование Бенедикта Нурсийского и предсмертные видения монашествующих. Некоторые ученые склонны видеть в Римском патерике загадочный “Отечник”, о переводе которого Мефодием сообщается в его пространном житии. Однако большинство исследователей поддерживает точку зрения Н. Ван-Вейка¹³, согласно которой Римский

патерик был переведен в Болгарии усилиями учеников Кирилла и Мефодия в начале X столетия.

Кроме указанных сводов на болгарской земле осуществился перевод с греческого и Синайского патерика¹⁴, в который влилось объемное произведение “Луг духовный” писателя VII в. Иоанна Мосха. Общее количество глав сборника превышает три сотни. Через некоторое время патерик был сокращен, получив название “Лимонис”. Создание сокращенной редакции, по всей вероятности, происходило в Болгарии приблизительно в X столетии¹⁵.

Огромным сводом патериковых произведений являлся и патерик Скитский¹⁶, состоявший из 1136 рассказов и изречений, разделенных на 29 глав и 2 дополнительные группы. В нем содержалось и более десятка сочинений не патерикового жанра: извлечения из произведений Стефана Фивейского, Макария Великого, Моисея Египетского, аввы Исаии, Иоанна Златоуста, Евсевия и других авторов. Говоря о переводной литературе Болгарии конца IX – начала X в., невозможно обойти вниманием и “Паренесис”¹⁷ – сборник более чем из ста нравоучительных слов, написанных в IV столетии Ефремом Сирийцем (т. е. Сирийцем). Подборка произведений этого автора, обращенных главным образом к египетским монахам, быстро приобрела популярность не только в Болгарии, но и в других славянских странах.

Одним из наиболее ранних “монашеских” памятников, переведенных в Болгарии, стала и “Лествица” Иоанна Синайского¹⁸, сформировавшаяся в Византии в VI–VII столетии. Ее костяк образовали 30 глав-степеней восхождения монашества к совершенству, причем 23 степени посвящались преодолению грехов, а остальные 7 развитию добродетелей. В рукописных, а позднее и печатных, книгах восхождение к совершенству обычно изображалось как вскарабкивание по крутым ступеням лестницы, ведущей к “воротам небесным”. Судя по посланиям, предшествующим основному тексту, Иоанн написал “Лествицу”, будучи игуменом Синайского монастыря, по просьбе другого Иоанна – игумена монастыря Раифского.

В жанровом отношении состав традиционного сборника под названием “Лествица” довольно пестр. Поучения Иоанна содержат несколько десятков пословиц и поговорок, каждое из них начинается небольшим вступлением и завершается стихотворным резюме. Кроме того, в начале сборника обычно помещается краткое житие Иоанна Лествичника, сочиненное его учеником Даниилом, послания, которыми обменялись два Иоанна, и четыре патериковых рассказа, описывающие подвиги автора. Перевод “Лествицы” был осуществлен в Болгарии, по-видимому, еще в конце IX – начале X в., поскольку, в соответствии с церковными постановлениями, извлечения из нее следовало читать в Великий пост.

Огромным сводом произведений, переведенных с греческого в Болгарии в первой трети X столетия, был “Изборник” царя Симеона¹⁹. Он включал в себя сочинения 25 авторов, помещенные в 380 статьях книги. Основную часть его представляли Ответы Анастасия Синаита – выписки из библейских книг и сочинений известных византийских деятелей церкви: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Нисского, Максима Исповедника. Изборник являлся и своеобразной славянской средневековой энциклопедией X в.²⁰: в нем можно было найти сведения по астрономии, минералогии, ботанике, зоологии, медицине, философии, грамматике и поэтике. В качестве примера можно упомянуть помещенный в сборнике научно-филологический трактат “О образех” византийского писателя VI–VII вв. Георгия Хировска²¹. Здесь приводились 25 поэтических терминов и иллюстрировалось содержание каждого из данных понятий на конкретных литературных образцах. Древнеславянские книжники впервые для себя узнавали, что есть метафора, аллегория, метонимия, перифраза и другие поэтические приемы. Иллюстрациями при толковании служили не только образцы из Библии, но и из гомеровских поэм “Одиссея” и “Илиада”.

Название данного сборника (“Изборник” – от слова “избирать”, “выбирать”) подсказывает, что переводческая деятельность в период Первого Болгарского царства являлась плодом планомерного поиска произведений, наиболее полно отвечавших нуждам недавно христианизированного болгарского государства.

Большую роль в формировании представлений об идеальном христианине играла агиографическая литература. В агиографических памятниках описывалась жизнь различного рода христианских подвижников: основателей монастырей, пустынножителей, высших церковных иерархов, государей-крестителей языческих народов, чудотворцев, мучеников за веру и т.д.

Выше уже упоминалось о переводе, помещенном в Лествице, жития Иоанна Синайского. Переведено было и житие Алексея человека Божия, входившее в состав “Златоструя”. В связи с основанием монастырей в Болгарии был осуществлен перевод жития отшельника Антония Великого (IV в.), написанного известным писателем Анастасием Александрийским. Его полная аскезы жизнь, сознательное самоограничение, строгость и добровольные тяжкие испытания должны были стать примером для подражания. Перевод этого жития выполнил болгарский пресвитер Иоанн, как и перевод жития Панкратия Тавроменийского – мученика, пострадавшего за веру в I столетии. Оно было актуально, если принимать во внимание приверженность многих болгар к прежним языческим верованиям²².

По всей вероятности, еще в X в. было переведено житие Иоанна Златоуста. Высказывались предположения, что перевод этого памятника

принадлежит Иоанну Экзарху²³. Оно являлось образцом “святительского” жития – описание жизни архиепископа, на долю которого выпал сложный жизненный путь. Иоанна Златоуста неоднократно изгоняли из Константинополя, но благодаря своей христоролюбивости, благочестию и проповедническому таланту он в конце концов был канонизирован византийской церковью.

Весьма поучительным было и житие Саввы Освященного²⁴, составленное Кириллом Скифопольским еще в VI столетии. В нем описывалась жизнь благочестивого монаха Саввы в пещере, вокруг которой со временем образовался монастырь.

Произошло в то время и знакомство болгар с “Мучением Димитрия Солунского”²⁵ – подвижника и чудотворца, жившего в IV в. при императорах Диоклетиане и Максимиане. В отличие от других святых, подвизавшихся вдали от болгарских земель, этот страдалец явил свои чудеса поблизости, в Солуни (Фессалониках), где имелось много славян. Интерес к Димитрию Солунскому был повышен благодаря и тому обстоятельству, что уроженец Солуни первоучитель Мефодия составил канон этому подвижнику. Позднее, в конце XII в., болгарские боляре Петр и Асень объявили Димитрия Солунского покровителем болгарского государства. Из переводных византийских житий постепенно складывался четырёх-минейный цикл – свод жизнеописаний, читавшийся в течение целого года. Представление о составе такого свода отчасти дает так называемый Супрасльский сборник²⁶ и некоторые рукописные сборники устойчивого содержания²⁷.

Упорядоченная церковно-религиозная жизнь была немыслима без знания конфессионально-юридической литературы – свода церковных постановлений и рекомендаций, которые регламентировали ритуалы и быт священнослужителей и монахов. Для этой цели в греко-византийском мире существовал “Номоканон”, переведенный на славянский первоучителем Мефодием еще в Великой Моравии.

Принятие христианства создавало необходимость преобразования и светского права. Его требовалось привести в соответствие с нормами христианской морали и нравственности: ввести, например, законы, предусматривающие наказание за совершение языческих обрядов, многоженство, распутство духовных и светских лиц. И здесь официальные болгарские власти пошли по проторенному пути, утвердив подборку законов византийского императора Юстиниана (VI в.). Свод этих законов под названием “Закон Судный людям”²⁸ появился в Болгарии в славянском переводе в конце IX – начале X столетия.

Так же как и конфессионально-юридические, памятники светско-юридические отличались текстовой закрепленностью: нельзя пропустить или

переставить ни слова. Они не претерпевали существенных изменений, тем более что возможность для самостоятельной законодательной деятельности вскоре исчезла: в последней трети X – первых десятилетиях XI в. болгарские земли были захвачены Византией.

Вхождение болгар в семью христианских народов, обладавших письменностью, включало страну в мировую историю, создавало потребность проследить судьбу рода человеческого от “самого начала” до “современности”. Полезным подручным материалом здесь служили византийские хроники. Одной из таких “историй” являлась хроника Иоанна Малалы²⁹, составленная на греческом языке в VII столетии и в начале X в. переведенная болгарскими книжниками. В ней было 18 книг, в которых приводились известия с древнейших времен до эпохи правления византийского императора Юстиниана. Большое место отводилось в хронике пересказу древнегреческих мифов о Зевсе, Кроне, Ио, Персее и других античных богах и героях. Читатель обнаруживал здесь историю Троянской войны, описание подвигов Александра Македонского, Юлия Цезаря и других исторических лиц.

Чуть позднее была переведена и византийская хроника Георгия Амартола³⁰, излагающая события всемирной истории от “сотворения мира” до 842 г. Она строилась на материалах библейских книг и хроник более древних авторов – Иоанна Малалы, Юлия Африкана, Диона Кассия, Евсевия и других. Хроника состояла из четырех книг и отличалась весьма разнообразным содержанием. Помимо изложения исторических фактов, в ней присутствовали обширные отступления богословского характера: полемика против различного рода ересей, споры с иконоборцами и тому подобное. В целом хроника имела справочно-познавательное значение, она богата фактическим материалом, который, однако, не выстраивается в развернутые сюжеты.

В дальнейшем, видимо, в связи с утратой Болгарией собственной государственности, византийские летописи не переводятся. Лишь в последней трети XII столетия была переведена хроника Зонары³¹, в которой приводились сведения о всемирной истории от “сотворения мира” до царствования византийского императора Иоанна II Комнина. При переводе греческий текст подвергался значительным сокращениям, причем они затрагивали те места, где речь велась о римских и византийских императорах.

Принятие христианства в Болгарии неизбежно влекло за собой переход к новым воззрениям на создание мира и его устройство, природу и существующие в ней стихии, Божьи твари и всю вселенную в целом. Такие познавательные сведения в классической византийской литературе обычно содержались в “Шестодневах” – сводах комментариев к библейскому рассказу о сотворении Господом мира за шесть дней. Они создавались начиная с IV в.

и к IX столетию уже имели сложившуюся традицию. Их авторами выступили признанные христианские писатели: Василий Великий (320–379), Севериан Гавальский (IV – первая треть V в.) и Георгий Писида (VII в.), составивший свое сочинение в стихах. Выборку из “Шестоднегов” первых двух авторов по поручению болгарского властителя Симеона произвел трудившийся в Преславе книжник Иоанн Экзарх³². К произведениям Василия Великого и Севериана Гавальского он присовокупил также различные сочинения Григория Богослова, Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Феодорита Кирского и таких античных философов, как Аристотель, Парменид, Демокрит, Фалес, Платон и др. Компилятивный труд болгарского книжника не носил сугубо богословский характер. Он служил важным источником естественно-научных знаний, о повадках животных, рыб и птиц, анатомическом строении человеческого тела. Иоанн Экзарх горячо спорит со многими античными философами; отталкиваясь от их учений, он тем самым дает возможность болгарам познакомиться с различными мировоззрениями. Прямые обращения к читателю и стремление к поучению приближает стиль некоторых мест “Шестоднева” к торжественной ораторской прозе. Все произведение пронизывает мысль о совершенстве и гармоничности мира, созданного Творцом.

К разряду таких памятников относился и знаменитый “Источник знания” византийского писателя VIII в. Иоанна Дамаскина. Это был объемный труд, состоявший из множества глав. Иоанн Экзарх перевел из него наиболее интересный раздел, который начал распространяться среди славян под заглавием “Небеса”³³. Богословские рассуждения в нем перемежались с астрономическими и географическими знаниями.

Даже частичный перечень произведений византийской литературы, переведенной в Болгарии в конце IX и X столетии, позволяет судить об огромности того фундамента, который был заложен для возникновения и развития у славян литературы оригинальной. Количество переводных византийских сочинений, доступных славянским книжникам, поистине впечатляюще. Оно исчисляется несколькими тысячами, и, если взглянуть объективно, довольно долго превосходило количество оригинальных славянских памятников, которые создавались древнеболгарскими и другими славянскими писателями. Переводная византийская литература содержала в себе произведения практически почти всех жанров, которые стали развиваться не только у болгар, но и у других славянских и неславянских народов *Paх Slavica Orthodoxa*. Древнеболгарским книжникам IX–X вв. были известны следующие литературные жанры: конфессионально-литургический, конфессионально-гимнографический, агиографический, панегирический,

конфессионально-учительный и патриотический, конфессионально-юридический, апокрифический, исторический, повествовательный, натуралистический и философско-филологический, светско-юридический, а также жанр деловой письменности³⁴.

Деятельность болгарских переводчиков эпохи царя Симеона и их последователей способствовала формированию своеобразной “литературы образцов”³⁵ для всего славянского мира, оказавшегося в сфере культурно-религиозного влияния Византии. В дальнейшем по мере приобщения славян к кругу литературно-образованных народов литература болгарская, по сути дела, стала посредницей, создав “золотой фонд” византийских литературных образцов.

Это произошло в силу благоприятного стечения исторических обстоятельств, позволивших быстро осуществить строительство первой славянской литературы в полном значении этого слова – литературы с развитой системой жанров, устойчивыми литературными традициями, одаренными литературными творцами, создавшими собственные школы с множеством учеников и продолжателей их литературного дела. Но, став первопроходцами в освоении многих для славян новых византийских литературных жанров, болгарские книжники отдавали слишком много сил переводческой работе. Это привело к сравнительной тонкости слоя оригинальных литературных сочинений древней поры.

Интенсивная переводческая деятельность, однако, обладала и положительной стороной³⁶. Она облегчала работу книжников по созданию оригинальных произведений, повышая их искусность в обращении со словом. Переводные памятники служили образцами для будущих творцов на самом различном уровне: сюжетно-жанровом, идейно-тематическом, образно-поэтическом.

Оригинальность творчества болгарских книжников проявлялась не в изобретении новых литературных жанров, а в создании новых поджанровых форм. Оно не затрагивало все компоненты литературно-жанровой системы равномерно. В одних жанрах процесс новообразований шел энергично, в других ощущался слабо или вообще не наблюдался. Не подвергались творческой переработке канонические произведения конфессионального литургического жанра. Достоинства Евангелия-апракоса, Псалтыри, Осмогласника, Апостола и других книг этого жанра усматривались не в изменчивости, а, наоборот, в стабильности и наиболее точном соответствии славянских переводов их древнегреческим оригиналам. Мало изменялись и памятники конфессионально-юридической литературы. Славянский перевод Студийского устава не пересматривался в Болгарии несколько веков. Перемены

здесь могли наступать только после высших церковных санкций в ареале Byzantino-Slavica.

Более продуктивными в болгарской оригинальной литературе IX–XI вв. были такие жанры, как конфессионально-гимнографический, панегирический, агиографический, апокрифический и т.д. Перечисление этих жанров дано нами не в соответствии со степенью сакральности и места каждого из них в сакральной “пирамиде”, а по хронологическому принципу и в зависимости от степени продуктивности. Виднейшими писателями, творившими в конфессионально-гимнографическом жанре, проявили себя Климент Охридский и Константин Преславский. Работая над составлением славянской Триоди, Константин Преславский выступил не просто переводчиком, но и творцом. Сравнительно недавно в результате изучения древнейших славянских списков Триоди болгарский исследователь Г. Попов открыл ее оригинальную часть³⁷. Она впечатляет своими размерами. Ученым было выявлено более четырехсот тропарей с акростихом, начало которого сообщает нам имя автора: *ГРАНЕСА ДОБРА КОНСТАНТИНОВА* (т.е. “Стихи хороши Константиновы”).

Вместе с Константином Преславским над переводом гимнографических сочинений трудился и Климент Охридский. Он также внес свой оригинальный вклад в этот жанр. Ему принадлежит ряд песнопений, связанных с предпразднествами Рождества Христова и Богоявления³⁸. Открытия Г. Попова имеют огромную ценность для истории болгарской литературы. Крайне важным является его вывод о том, что работу над песнопениями оба книжника выполнили в болгарской столице Плиске почти сразу же после прихода из Великой Моравии, то есть еще до того, как их отправили одного в Охрид, а другого в Преслав. По наблюдениям Д.С. Лихачева, древнеболгарская литература с самого начала своего зарождения была литературой зрелой³⁹. Этому феномену до сих пор не было реального объяснения. Теперь оно обрело доказательную силу. Создав оригинальную часть триодных и минейных песнопений, использовавшихся при богослужении не только в Болгарии, но и затем во всем православном мире, Константин и Климент стали вровень с самыми признанными песнотворцами греко-византийского региона. Их произведения относились к сакральному конфессионально-гимнографическому жанру, который наиболее близок к священной литургике Иоанна Златоуста и Василия Великого. Следует, однако, не забывать, что почти мгновенный взлет болгарской литературы после появления в стране славянской азбуки обязан прежде всего кирилло-мефодиевским ученикам. Они уже успели пройти в Моравии стадию ученичества и к приходу в Болгарию сформировались как творцы⁴⁰.

Константин Преславский составил впоследствии канон архистратигу Михаилу⁴¹ и, очевидно, в связи с канонизацией в Болгарии славянских первоучителей, службу Мефодию.

Гимнографическое творчество Климента более затрагивало минейный цикл песнопений. В переведенной им на склоне лет Цветной Триоди оригинальных песнопений пока не обнаружено. Для общей минеи он составил службы пророку, апостолу, святителю, мученику и мученице⁴². Им был также написан канон Евфимию Великому, ему приписывается служба Кириллу и общая служба Кириллу и Мефодию.

О творчестве Наума Охридского еще мало что известно. Единственное выявленное его сочинение относится к конфессионально-гимнографическому жанру: канон апостолу Андрею⁴³.

Климент Охридский больше всего тяготел к составлению учительных и похвальных слов, которых у него насчитывается несколько десятков⁴⁴. Их отличала простота изложения и отсутствие каких-либо усложненных элементов экзегетики – т.е. толкования труднопонимаемых мест Библии или главных христианских догматов. Византийский биограф Климента, писатель XI–XII в. Феофилакт Охридский, писал позднее, что подвижник “составил на все праздники простые и ясные слова – не сложные, не требующие осмысления, а доступные даже самому неискушенному из болгар”⁴⁵.

В соответствии с античной традицией, слова как жанр ораторского искусства разделялись на три вида: поучительные, похвальные и полемические. Слова третьего вида в творчестве книжника не представлены. По своей тематике Климентовы слова первого вида условно группируются на общие и слова-образцы. В первых речь идет о христианских праздниках или подвижниках. Таковы слова о святой неделе, Григории-чудотворце, великомученике Георгии, евангелисте Марке. В них также давались наставления, как вести себя перед причастием, покаянием, исповедью, рассказывалось о религиозных таинствах. Слова-образцы имеют универсальный характер и объясняют, что нужно говорить в подходящем случае об апостоле, пророке, преподобном отце, мученике и т.д. Их имена книжник обычно не называл, а лишь давал указание священнослужителю: “назови имя”.

Кроме того, как отмечалось, Климент сочинил ряд похвальных слов наиболее известным христианским подвижникам и праздникам: Слово о пророке Захарии и зачатии Иоанна Крестителя, Клименту Римскому, архангелам Михаилу и Гавриилу, Воскрешению Лазареву, Успению Богородицы и другие. При написании слов Климент Охридский следовал византийским композиционным моделям и стилистическим образцам, но не просто копировал их, а творчески варьировал сообразно теме и обстоятельствам

произнесения слова. Поучительные слова книжника, как правило, трехчастны⁴⁶ или четырехчастны⁴⁷, а похвальные – пятичастны. Первые из них образуются чаще всего из краткого вступления с общей характеристикой и библейской цитатой, предысторией и мотивировкой события, изложением чествования (евангельской беседой), нравоучительной части и краткого заключения. Вторые – из вступления, основной повествовательной части, переходной, похвалы и заключения. Границы между похвальными и поучительными словами Климента не всегда отчетливы, порождая колебания в определении их жанра. Это ощущалось уже древнеславянскими книжниками при составлении рукописных сборников. В одних случаях слово на Пасху, например, озаглавливалось ими как поучение, в других – как слово похвальное. Да и сам Климент переделывал свои сочинения (разумеется, если перед нами не результат поздней редакции книжников) и превращал свои поучения в похвальные слова и наоборот.

Среди похвальных слов Климента Охридского наибольший интерес справедливо вызывают похвала Кириллу и похвала Димитрию Солунскому. С точки зрения композиции и стилистических приемов они, однако, мало чем отличаются от других произведений книжника, относящихся к конфессионально-панегирическому жанру.

Распространение славянской письменности, видимо, вызывало сопротивление некоторой части болгарских книжников, привыкших к греческому языку. Их оппонентом выступил болгарский писатель X в. Черноризец Храбр, создавший свой знаменитый трактат “О письменах”⁴⁸. Это произведение условно можно назвать трактатом филологическим. В нем даются исторические справки о происхождении финикийской, греческой и славянской азбук и проводится мысль не только о равенстве, но и о превосходстве славянской азбуки и языка над другими “священными” языками мира. Произведение строится в соответствии с четким композиционным планом: постановка проблемы (нападки на славянскую письменность), ответ с филологической аргументацией и логическое заключение. Этот композиционный прием чрезвычайно эффективен и совпадает с композиционными приемами полемической ораторской прозы. Трактат лишен риторических повторов и украшений – повествование Храбра сжато и лаконично, каждое его слово обдуманно и взвешенно. В тексте памятника мало библейских цитат, и он в целом является, пожалуй, самым “светским”, а не церковно-религиозным сочинением во всей болгарской оригинальной литературе IX–X вв.

Довольно быстро начал развиваться в Болгарии и жанр оригинальной агиографии. Еще в древности он, видимо, обладал довольно разветвленной структурой, от которой, к сожалению, остались лишь незначительные

фрагменты. До нас не дошло, например, ни одно из житий владетельского типа, прославляющих тех болгарских князей и царей, которые утверждали христианство в стране. По внутренней логике развития агиографического жанра в оригинальной агиографии должны были появиться жития Бориса I-Крестителя⁴⁹, его сына царя Симеона, одержавшего славные победы над византийцами, и щедрого мецената церкви и славянской книжности царя Петра⁵⁰, о котором сохранилось столько лестных характеристик в более поздней апокрифической литературе. Отрывки жития Бориса были идентифицированы лишь недавно. Из цикла сочинений, связанных с именем царя Петра, уцелела лишь служба ему. Следы же агиографических и конфессионально-гимнографических произведений о Симеоне не обнаружены и поныне. Почти так же обстоит дело и с сохранностью преподобнических житий. Древнейшее агиобиографическое повествование первого болгарского пустынножителя и основателя общежительного монастыря Ивана Рильского (ок. 876–946), по мнению Й. Иванова⁵¹, существовало еще в X столетии, однако списки памятника пока не найдены.

Таким образом, уже в древнейший период становления оригинальной болгарской литературы в ней присутствовали владетельские и преподобнические жития, положив начало традиции, которая с перерывами продолжалась в течение всего болгарского Средневековья. Нет, однако, никаких указаний на создание в Болгарии X–XII вв. оригинальных житий мучеников и чудотворцев. По крайней мере, ни одно из них науке до сих пор не известно.

Наиболее продуктивным агиографическим поджанром в Болгарии явился тип житий борцов за славянское просвещение. Этот тип житий не знала греко-византийская агиография, и его возникновение служит отличительной чертой древнеславянских литератур. Создание подобных памятников преследовало конкретную цель – защиту права славян славить Бога на собственном языке и пользоваться собственной славянской азбукой. Наибольший интерес здесь вызывают пространные жития Кирилла и Мефодия. Хотя они, скорее всего, были написаны не в Болгарии⁵², а в Великой Моравии, их тексты влились в болгарскую книжность, поскольку ряд других сочинений болгарских книжников связан с ними текстологически и образует единый тематический цикл. Пространные жития, в отличие от проложных, создавались не для богослужения, а для чтения и обладали большей раскованностью формы. Их авторы проявляли большую творческую свободу. Они имели возможность развить свои основные мысли, реализовать различные грани своего таланта, вставить при необходимости собственные пояснения и дополнения.

Пространные жития Кирилла и Мефодия нельзя считать традиционными образцами трехчастной житийной схемы (вступление, основная часть и похвала с посмертными чудесами). Они являют собой гораздо более сложные композиционные образования. В текст жития Кирилла, в частности, вошли произведения, которые, по всей вероятности, были написаны самим агиографическим героем: молитва Григорию Богослову и молитва перед отъездом в Константинополь, фрагменты конфессиональных споров с мусульманами, иудеями и латинянами и др. В памятник включена и часть апокрифического сказания о Соломоновой чаше, загадочную надпись на которой сумел расшифровать Кирилл благодаря своим блестящим филологическим способностям. В текстах житий Кирилла и Мефодия обнаруживаются и образцы эпистолярного жанра. Обмениваются между собой посланиями моравский князь Ростислав и византийский император Михаил III, римский папа Адриан II отправляет послание князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу, мораване шлют письмо римскому папе с просьбой о рукоположении и отправлении к ним Мефодия, тот в ответ издает буллу, подтверждающую права подвижника на архиепископский престол. Тексты этой корреспонденции не аутентичны, но в них для достижения эффекта достоверности воплощаются особенности эпистолярного жанра. Прения Кирилла с мусульманами, иудеями и латинянами разнообразны по форме. В них используются приемы диалога, монолога и традиционной средневековой формы “вопросы-ответы”. Производит впечатление и обширное вступление к житию Мефодия, напоминающее богословский трактат. Оно занимает около четверти текста памятника и, по предположению ученых, отражает “исповедание” Мефодия в Риме на церемонии посвящения его в архиепископы. Часты в двух памятниках и случаи цитирования Священного Писания. Иногда из цитат составляются целые композиционные обособленные части житий. Молитва Кирилла перед отъездом в Константинополь почти полностью построена из отрывков книги Притчей Соломоновых*. Причудливое сочетание парафраз и цитат из Притчей Соломоновых, а также некоторых других библейских книг представляет собой сон Кирилла, в котором он выбирает себе невесту по имени София (Премудрость).

В целом конструирование произведений из готовых кусков, отрывков и компиляций – один из распространенных творческих методов в литературах Средневековья. Наличие таких сочинений отметил Ю.М. Лотман, определивший их терминологически как “центоны”⁵³. При анализе таких произведений необходимо подчеркнуть еще одно важное обстоятельство. Речь,

---

*Здесь и далее см.: *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. I. Первый век христианства на Руси. С. 55–59, 195.

видимо, должна вестись не просто о приемах заимствования и компиляции, а о творческой мозаичности. Этот поэтический принцип проистекал из ежедневной богослужбной практики древнеславянских книжников и особой композиционной организации конфессионально-гимнографических текстов. Служба, например, включала в себя множество микрожанровых единиц и форм: тропари, кондак, стихиры, икосы и канон. Наиболее комплексной, объединяющей частью службы в конфессиональной византийской поэзии выступал канон. Он вбирал в себя песни, тропари, стихиры, икосы и кондак. Службы обладали мозаичным характером, который позволял исключать из них при желании отдельные фрагменты и использовать их в новых гимнографических сочинениях со сходной тематикой.

Творческий процесс осуществлялся сразу на нескольких уровнях: составлялись не только новые композиции из готовых чужих образцов, но и сочинялись собственные микрожанровые формы, искусно инкрустируемые в заимствованные тексты или “интервалы” между ними. Порой эти “интервалы” весьма внушительны и превосходят в количественном отношении компилируемое, и, наоборот, иногда оригинальная часть выглядит очень скромной и как бы дополняет заимствованное. Но и в том, и в другом случае проведение резкой границы между оригиналом и переводом чрезвычайно затруднительно. И действительно, к какому разряду, например, следует отнести “Шестоднев” Иоанна Экзарха? Подавляющее большинство составляющих данный сборник статей были переведены с греческого, но Иоанн Экзарх немало потрудился, собирая разрозненные материалы в единое целое для выполнения стоящих перед ним задач. Помимо переводов, в композиционную структуру “Шестоднева” входят оригинальные части: “Пролог” (Вступление) и описание дворца Симеона, не уступавшие по литературным достоинствам соседним материалам. Описав целостную картину мира, Иоанн Экзарх уделил в ней место и великолепным царским чертогам с сидящим на престоле болгарским властителем в окружении роскошно облаченных бояр.

С такими же случаями сталкиваются исследователи при изучении “Азбучной молитвы”⁵⁴, “Прогласу к Евангелию”⁵⁵, “Похвалы царю Симеону”⁵⁶ и ряда других болгарских оригинальных памятников. Все эти произведения не имели самостоятельного значения. Они писались с вполне конкретными целями как своеобразные введения к внушительным рукописным сборникам. Общим для них является то, что они представляют собой великолепные образцы древнеславянской поэзии. Памятники не велики по объему, их размеры колеблются от 27 до 108 стихотворных строк. Они написаны двенадцатисложным стихом с цезурой после пятого или, реже, седьмого

слога (в “Похвале царю Симеону” цезура свободная). Специфика каждого из них была связана с особенностями тех сборников, в которых они были помещены. “Азбучная молитва” предвляла “Учительное Евангелие” и была призвана помочь читателю запомнить славянскую азбуку, поскольку ее стихи начинались с очередной буквы славянского алфавита. Ее автор Константин Преславский молит Бога дать ему силы на завершение его благого дела, славит славянское племя, устремившееся в духовный полет.

“Проглас к Евангелию”, созданный, скорее всего, также Константином Преславским (хотя нередко приписывается и первоучителю Кириллу), имел другую задачу. Первоначально он, видимо, предвлял только что переведенное Евангелие-театр и был пронизан духом миссионерства. Славянское письменное слово сравнивается в нем с Божьим даром, который спасает человеческие души и обладает непреходящей ценностью.

“Похвала царю Симеону” была помещена в начале “Изборника” и славила болгарского властителя, по поручению которого и был составлен этот сборник. Если первые два памятника несут на себе заметную печать религиозности, то “Похвала” – вполне светское сочинение. Составивший ее анонимный болгарский книжник делает акцент не на благочестии и набожности Симеона, а на его ученолюбивости и стремлении к просвещению.

Эти оригинальные поэтические произведения, словно яркие “мозаичные” вкрапления, выступают из окружающего их переводного прозаического материала. В устойчивости жанровых традиций судьба памятников оказалась различной. “Азбучная молитва” и “Похвала Симеону” положили начало поэтической традиции создания акростишных молитв и владетельских похвал не только в болгарской, но и в других славянских литературах, а “Проглас к Евангелию” так и остался уникальным явлением в силу однократности самого апостольского свершения (осуществление первого полного славянского перевода Евангелия).

Таким образом, “мозаичный” характер ряда средневековых памятников сочетался в средневековых литературах с “мозаичностью” более широкого плана: возможностью органического сочетания в крупных рукописных формированиях поэзии и прозы, жития и беседы, похвального слова и филологического трактата и т.п. Способность к соединению и слиянию в средневековых литературах неразрывно связана со способностью к разделению и вычленению. Отдельные произведения могут переходить из сборников одного типа в другие. Отдельные куски памятников иногда в состоянии получить самостоятельный статус.

Здесь уместно вспомнить житие пресвитера Наума⁵⁷, составленное во второй половине X в. Оно очень лаконичное. Памятник хранит молчание о

моравской миссии Кирилла и Мефодия, в свиту которых, наверное, входил Наум. Повествование начинается с отправки царем Симеоном подвижника в Македонию, где он должен был заменить Климента, рукоположенного в епископы. Наум основывает там монастырь св. Архангелов у Орхидского озера; в течение семи лет занимается пестованием учеников, а затем принимает монашеский чин и умирает. Известия о деятельности Наума занимают в житии лишь несколько строк. Остальное место отводится краткому описанию судеб кирилло-мефодиевских учеников, Божьему наказанию, которое, по пророчеству Мефодия, постигло Моравию за ереси и беззаконие, и покаянной молитве с объяснением причин, побудивших книжника взяться за перо. Такая скудость сообщений о подвижничестве Наума и отсутствие описаний его посмертных чудес приводят к версии, что данный памятник первоначально не был самостоятельным, а являлся фрагментом неуцелевшего жития Климента.

Некоторые агнографические произведения возникли в результате своеобразного симбиоза официально-ортодоксальной и народно-демократической тенденций. Иллюстрацией этому служит созданное в конце XII в. “Народное житие Ивана Рильского”. По справедливому мнению исследователей, в этом памятнике фольклорные мотивы преобладают над агнографическими клише. “В нем, – писал А. Гильфердинг, – гораздо более, так сказать, фактического, беглых указаний на местности, на народные поверья”⁵⁶. В житии наблюдается наличие нескольких различных пластов. Составлявший его анонимный книжник был достаточно образован и хорошо знаком с официально-книжной агнографической традицией. Описание подвигов пустынножителя Ивана Рильского временами напоминает житие известного пустытника Антония Великого. Происходивший из бедной семьи Иван покидает родных и удаляется в непроходимые чащи, где изнуряет свою плоть постом и всеобщими бдениями. Он обитает то в темной пещере, то на вершине высокой скалы, где непрестанно молится и борется с соблазнами дьявола. На знание автором жития образцов агнографической литературы указывает также использование житийных формул, библейских цитат и образов. Среди персонажей произведения – ангел, приносящий с небес шиповник Ивану для пропитания; Иоанн Богослов, укрепляющий дух подвижника в минуты тяжких испытаний; Божий глас, вещающий с небес и направляющий стопы святого на пути подвижничества. Вероятно, эти моменты позаимствованы автором из древнего жития Ивана Рильского.

Имеется в памятнике и фольклорный пласт, присутствие которого вполне зримо и доказательно. Об этом свидетельствуют прямые указания книжника, когда он говорит о следах ног и крови Ивана на скале, где того истязали

бесы, или сохранившемся до наших дней отпечатке веревки, которой подвижник привязал к дубу своего единственного вола. Разумеется, автор почерпнул эти факты из легенд, ходивших о святом в местности, где тот подвизался⁵⁹.

В памятнике отсутствует традиционная заставка с описанием рождения и отроческих лет героя. Его начало просто и безыскусно: из страха перед Богом Иван “взял да оставил мирскую жизнь”. Подвижник не остается подолгу на одном месте – он постоянно перемещается: из Рильской пустыни отправляется к горе Руен, в местность Скрино, затем уходит к Пернику, потом оказывается на реке Струме, некоторое время живет на горе Витоше и снова возвращается в Рильскую пустынь. Хотя переходы Ивана совершаются главным образом по велению Божьего гласа, они, видимо, связаны и с желанием подвижника обрести более спокойное безлюдное место. Люди не оставляют святого в покое. После ухода Ивана из дома они настигают его в поле и пытаются силой возвратить. Лишь после молитвы подвижника преследователи ретируются, но отбирают у него вола, которого тот взял с собой. Разыскивает Ивана в пустыни и его подученный дьяволом брат. Он бьет, унижает и осыпает подвижника проклятиями, требуя отдать назад сына, который решил присоединиться к пустынножителю. Больше всего святому досаждают дьявол. Это он науськивает на него брата, является в образе ангела с искушением, принимает личину разбойников, которые истязают Ивана, волочат его по камням и, наконец, сбрасывают со скалы. Эти пассажи отчасти походят на истории о бесовских наваждениях из патериков, где также чувствуются фольклорные начала.

Явно легендарный характер имеет и эпизод встречи Ивана с царем Петром. Прослышав о подвижнике, царь посылает ловчих на поиски святого, а затем и сам отправляется в путь, чтобы лично его узреть. Однако из-за непроходимости круч свидание не состоялось. Подвижник и царь лишь подали друг другу знаки (царь раскинул шатер на одной из горных вершин, а Иван на соседней явил столб дыма, устремившийся к небесам) и обменялись взаимными поклонами.

Этот и некоторые другие эпизоды жития, наподобие нападения разбойников на святого и прихода брата за ребенком, нашли свое отражение в изобразительном искусстве – в болгарских иконах XIII–XIV вв., фреске башни Хрелё в Рильском монастыре, стенописях Куриловского и Зографского монастырей⁶⁰.

Меньший интерес с жанровой точки зрения имеет созданное, очевидно, в конце XII в. “Успение Кириллово”. Его можно считать краткой редакцией пространного жития славянского первоучителя. Оно лаконично передает

сюжетную канву данного памятника: прения подвижника в Константинополе, и с сарацинами, моравскую миссию Кирилла, его поездку в Рим, кончину и погребение. Есть в “Успении” и некоторые новые нюансы. Здесь впервые называется имя матери Кирилла – Мария. Утверждается также, что после спора с иконоборцами в Константинополе подвижник отправился на реку Брегалницу, где крестил 54 тысячи болгар. Эти нюансы свидетельствуют об усилении в болгарской литературе периода византийского владычества (1018–1187) патриотических тенденций.

Во время византийского владычества местные церковные иерархи в Болгарии постепенно были вытеснены греческими, в богослужении стал вводиться греческий язык. С целью насаждения византийской культуры создавались на греческом языке и произведения, посвященные местным святым и событиям. Иерарх Феофилакт, возглавлявший Охридское архиепископство в 1084–1107 гг., написал несколько сочинений, адресованных болгарской пастве. В одном из них описывалась подвижническая жизнь Климента Орхидского⁶¹. Феофилакт опирался главным образом на древнее славянское житие Климента, а также на устные предания о подвижнике. В соответствии с ними, первоучитель Кирилл создал славянскую азбуку для болгар. Его моравская миссия вообще не упомянута. В положительном свете предстают в житии болгарские владетели Борис I и Симеон, хотя византийские хроники отзывались о них крайне негативно. Климент выступает прямым продолжателем дела Кирилла и Мефодия. Житие очень неровно по стилю и композиции. С одной стороны, в нем чувствуется стремление придать произведению классическую житийную завершенность. Оно снабжено обширным вступлением и заключением с обилием цитат из Священного Писания и авторских сентенций. С другой стороны, в основной части жития имеется много конкретно-исторических фактов, излагаемых просто и безыскусно. Это наводит исследователей на мысль об использовании Феофилактом недошедших до нас болгарских летописей и других литературных источников. Подобные стилистические и композиционные особенности характерны и для Феофилактова жития Тивериупольских мучеников. Оно посвящено событиям болгарской истории IX–X вв.: языческому периоду, крещению страны князем Борисом I, обретению мощей мучеников у Струмицы, перенесению их в Брегалницу и последовавшим затем чудесам.

Во второй половине XII столетия в роли писателя выступил софийский наместник из Византии Георгий Скилица (1143–1180). Он создал на греческом языке житие Иоанна Рильского, используя древнее и народное жития подвижника. При этом Скилица обработал их в соответствии с приемами византийской агиографической традиции, опустив ряд эпизодов

и моментов, которые не отвечали житийным канонам (например, легендарную встречу Иоанна Рильского с царем Петром).

Большинство греческих произведений, адресованных болгарской пастве, впоследствии были переведены на славянский язык – некоторые (в частности, житие Тивериупольских мучеников) не влились в славянскую книжность.

При анализе жанровой структуры болгарской литературы IX–XII вв. нельзя обойти вниманием патерики. Мнения об их жанровом составе разнообразны. Входящие в них произведения называют житиями, новеллами или анекдотами⁶², которые иногда сопровождаются изречениями и легендами. Среди множества точек зрения более правомерным представляется разделение этих произведений на патериковые поучения и рассказы⁶³. Жанровая их форма отличается чрезвычайной гибкостью и подвижностью. Она способствует проникновению этого рода сочинений в рукописные формирования иного вида: прологи, сборники смешанного содержания, четьи-минеи и т.д. Установлено, что патерики распространялись в Болгарии в X–XII и XIV столетиях. В XIII же, XV и XVI веках они переписываются редко или даже совсем исчезают из болгарской рукописной традиции. Патериковые рассказы иногда действительно отчасти напоминают жития, но одновременно существенно от них отличаются. В них могут действовать не только положительные, но отрицательные герои, причем последние порой выступают на передний план, превращаясь в главных персонажей. Одним из таких героев становится дьявол, воплощающийся в обычного человека и активно вмешивающийся во взаимоотношения людей. Основная тема утверждения добродетелей и христианской нравственности в патериках зачастую заглушается явственным звучанием социальных мотивов, ведущих свои истоки от монашеского быта и своеобразного монашеского фольклора.

Близость к фольклору многих патериковых рассказов прослеживается в общности композиционных особенностей и использовании одинаковых сюжетных схем. Повествование в них обычно ведется очевидцем или непосредственным участником действия. Их авторы часто прибегают к диалогам, лишены риторики и усложненности. Некоторое типологическое сходство патериковых рассказов со сказками (например, троекратное повторение действия) приводило к их миграции в сферу устного народного творчества. Исследователями было установлено, что два патериковых рассказа – “Божье правосудие” и “Монах и архангел Михаил”⁶⁴ – получили широкое распространение в болгарской народной среде, превратившись в сказки. При переходе из книжности в сферу устного народного творчества патериковые рассказы утрачивают черты литературных произведений. В силу устной передачи сюжета от них остается лишь общая схема, обрастающая

конкретно-предметным фоном, который придает большую живость повествованию. Таким образом, жанр патерикового рассказа служит иллюстрацией удивительного круговорота: фольклор – литература – фольклор. Возникнув в среде, близкой к народной, за несколько веков до своего появления на славянской почве и пройдя через литературно-книжную традицию, отдельные образцы этого жанра могли вновь возвращаться в фольклор, но уже другого народа.

Обилие переводных византийских хроник и повышенный интерес к сочинениям такого рода у болгарских феодалов логически должны были привести к зарождению и продуктивному развитию жанра болгарских оригинальных летописей. В них следовало отразить такие эпохальные события, как крещение Болгарии князем Борисом I, борьбу против кочевников, нападавших на болгарские земли из-за Дуная, и более локальные: строительство новых дворцов и храмов, их освящение, стихийные бедствия – наводнения, землетрясения, засухи и так далее. Наличие древних болгарских летописей подтверждает, например, небольшая заметка, помещенная в рукописном “Номоканоне” из библиотеки Бухарестской митрополии⁶⁵. Отсылки к болгарским летописным источникам неоднократно встречаются и в древнерусских хронографах⁶⁶. Однако от былого летописного богатства уцелели лишь незначительные фрагменты.

К числу таких редких уцелевших памятников относится “Именник”⁶⁷ болгарских ханов. Он появился еще в дописьменный период и, по всей вероятности, существовал вначале как устное предание или одна из наскальных надписей, которая была высечена с использованием букв греческого алфавита, приспособленных для передачи протоболгарской речи. В дальнейшем “Именник” был переведен на греческий или сразу на славянский, и сделался достоянием славянской книжности. Памятник невелик по объему. В нем даны предельно лаконичные исторические справки о сменявших друг друга 13 болгарских ханах: имя, число прожитых лет или лет правления, указание на род, от которого вели свое происхождение ханы, а также протоболгарское название года вступления на престол. Некоторое разнообразие этому скудному перечню придает известие о том, что первые пять ханов правили за Дунаем и были бритоголовыми и лишь шестой по счету (Аспарух) переправился через реку, сделавшись правителем новых земель.

Несмотря на свою краткость, “Именник” представляет ценность для истории болгарской литературы с нескольких точек зрения. Во-первых, он являет собой яркий образец перехода устных сказаний дописьменной поры в литературу. Во-вторых, он демонстрирует неизбежность трансформации устной легенды при обретении статуса литературного памятника (переводивший

ее впервые на греческий пленник-христианин из византийцев, или на славянский безымянный книжник круга царя Симеона, очевидно, слегка оформил ее в духе библейской монументальности). И в-третьих, он служит примером синтеза протоболгарской языческой культуры со славянской христианской.

Если “Именник” охватывал чуть более семи столетий, то следующий дошедший до нас болгарский летописный памятник – “Историкии” Константина Преславского⁶⁸ – имел гораздо больший исторический диапазон. Это сочинение было составлено около 893/894 г. на основе “Летописца вкратце” византийского патриарха Никифора. В нем перечислялись имена и годы правления библейских, персидских, греческих и византийских властителей от “сотворения мира” до византийского императора Льва Философа (886–912). По форме летописного повествования данный труд Константина Преславского походит на “Именник”, но имеет и некоторые отличия. Перечень владык порой прерывается объяснением, как при помощи солнечного и лунного круга исчислять день наступления Пасхи, или обогащается добавлением, непосредственно связанным с болгарской историей.

Сведения об устройстве мира, дававшиеся в Священном Писании и сочинениях христианства, не могли полностью удовлетворить пытливую мысль средневекового читателя. Его богатое воображение дополняло, обогащало и детализировало эти знания благодаря полету фантазии и вымыслу, нередко приближающегося к художественному. Вместе с потоком переводной ортодоксальной литературы о мироустройстве и библейских героях в болгарскую книжность вливались произведения, своим содержанием существенно отличавшиеся от одобренных церковью канонических. Такие сочинения назывались апокрифами (от греческого “αποκρυφός” – тайный, недоступный, позднее – запрещенный). Большинство апокрифов, получивших хождение в славянской книжности, являются переводными и имеют палестинское, египетское и сирийское происхождение. На славянский юг они попали через византийское посредство, зачастую уже в видоизмененных вариантах или новых редакциях.

Понятие “апокриф” не является жанровым по своей сути. Оно дает название целому роду литературы, который существует наряду с официальной и обладает с последней многими общими точками пересечения. По этой причине колебания по поводу зачисления некоторых произведений в разряд апокрифических испытывали не только малоначитанные средневековые составители сборников, но и авторитеты христианской церкви, полемизировавшие между собой на церковных соборах. В зависимости от содержания апокрифы подразделяются на ветхозаветные и новозаветные. Если же учитывать степень их отклонения от ортодоксальной догматики и

функциональную роль, то они, по мнению А. Наумова⁶⁹, образуют другие ветви: квазиканоничные (слова и жития, читавшиеся во время службы и входившие в прологи, синаксари и четьи-минеи), аканоничные – апокрифы, не оспаривающие основные церковные истины, а придающие им несколько новое освещение, и антиканоничные – переработки аканоничных с заведомо “еретическими” целями, или новые сочинения, создававшиеся для изложения новых еретических концепций. В свою очередь, ветхозаветные и новозаветные апокрифы могут подразделяться на: а) исторические, пророческие и поэтично-дидактические; б) евангелия, деяния апостолов и апокалипсисы. В целом исследователь отрицательно относится к целесообразности жанрового деления апокрифической литературы. В отличие от А. Наумова, исследователь Д. Петканова⁷⁰ не только признает возможность жанрового членения апокрифов, но и дает их собственную классификацию. Согласно ее точке зрения, апокрифы делятся на художественную прозу, поэзию, послания, молитвы, гадальные книги и апокрифические вопросы и ответы. Внутри этой жанровой структуры допускается дальнейшее вычленение поджанров. Апокрифическая проза, например, может подразделяться на повести, рассказы, апокалиптические произведения и заветы. В поджанр повестей входят деяния, жития, евангелия, в поджанр рассказов – видения, предсказания и т.д.

В сравнении с официальной литературой апокрифическая отличается большей живостью, остроумием, поэтичностью. Ряд апокрифов давал свою стройную модель устройства земли и небес, их своеобразный вертикальный срез. В “Разумнике”, например, утверждалось, что земля плавает на воде, держащейся на огромном плоском камне; тот, в свою очередь, несут на спинах золотые киты, плавающие в огненной реке; река же струится по огню, польхующему на железном дубе, а корни этого дуба опираются на Божью силу. В апокрифической “Книге Еноха”⁷¹ описываются семь небес, каждое из которых обладает собственным строением, размерами и обитателями.

В апокрифах можно уловить некое стремление к точности. В отличие от официальной догматической литературы со свойственной ей расплывчатостью формулировок, слов и понятий, апокрифы преподносили читателю конкретные цифры, точные сведения, мнимо выверенные данные. При сравнении солнца и луны автор “Книги Еноха” не преминул отметить, что яркость солнечного света превосходит яркость лунного в семь раз. Читателю было интересно точно знать, что солнце несут 150 тысяч ангелов, что число григореев – 200 тысяч, что каждый день умирает и рождается по 12 тыс. 24 человека, что всего звезд на небе 8 тыс. и т.д.

Так же как и в официальной, в апокрифической литературе проводилась мысль о гармонии, царящей в природе. Она рассматривалась как Божье

творение, и поэтому в ней все продуманно, уравновешенно, совершенно. Количество людей на земле не изменяется, ибо одинаковое их число ежедневно рождается и умирает. Горы крепят землю, чтобы та не расшаталась. Огромная змея ежедневно выпивает из морей воды по локоть, чтобы те не переполнились от вливающихся в них рек. Облака орошают землю пресными дождями, потому что берут воду из огромного пресного озера (если бы они получали влагу из морей, то земля бы засолилась и перестала рожать плоды). Над небесной твердью имеется вода, чтобы твердь земная не воспламенилась от жара солнца.

Совершенным Божьим творением был, разумеется, и человек, которому в апокрифах отводилось немало поэтических строк. Поэзия наполняла душу анонимного автора “Разумника”, писавшего о сотворении первого человека Адама: тело его – из земли, кости – из камня, душа – из ветра и Божьего Духа, разум – из облака, очи – из солнца и росы, мысль – из ангельской быстроты, смеха и плача⁷².

Перевод апокрифов в болгарской литературе X–XII вв. не был чисто механическим и дословным. Некоторые из них видоизменялись и дополнялись новыми мыслями, соображениями и эпизодами. К числу апокрифов, где наиболее сильно сказалось творческое начало, относится “Легенда о крестном древе” болгарского книжника X столетия пресвитера Иеремии⁷³. Произведение состоит из ряда эпизодов, умело скомпонованных писателем в единое целое и воссоздавших историю древа, из которого были изготовлены кресты для распятия Христа и двух разбойников подле него. Современные научные данные заставляют предполагать, что в IX–XI столетиях в Болгарии доминировали преимущественно космогонические апокрифы о видениях-вознесениях пророков и библейских лиц типа “Откровения Варухова”, “Видения Исаиева”, “Книги Еноха” или “вопросов-ответов” типа упомянутого “Разумника”. В отношении времени и места перевода ряда других апокрифов расхождения весьма значительны. Так, например, перевод на славянский апокрифических “Детства Иисусова” и “Слова об Адаме и Еве” датируют то XI, то XIV в.⁷⁴

Второе мнение выглядит более предпочтительным по причине сравнительно позднего происхождения уцелевших славянских списков данных апокрифов и отсутствия их следов в болгарской рукописной традиции предшествующего периода. Но и в этом случае арсенал апокрифической литературы демонстрирует широкое разнообразие жанровых форм.

Прозаические апокрифы давали образцы повествования от первого лица, от лица очевидца, третьего лица или циклов “рассказов в рассказе”. Точки зрения повествователя и автора могли совпадать или различаться.

Автобиографический рассказ мог иногда обрамляться повествовательной рамкой от третьего лица. “Как и в современных литературах, – пишет об апокрифах Д. Петканова, – различные сюжеты и мотивы не закреплены (в них – *И.К.*) за определенной жанровой формой”⁷⁵. Использование композиционно-жанрового приема “рассказ в рассказе” давало болгарским книжникам творческую свободу в усечении или приращении эпизодов. Их относительная автономность и смысловая завершенность порой настолько ослабляли связь между отдельными эпизодами-единицами, что они могли опочковаться как самостоятельные произведения. Сходна ситуация и с жанровой формой апокрифических вопросов-ответов⁷⁶. Они еще меньше связаны между собой, и им не присуща жанровая монолитность. Последующий вопрос обычно не вытекает из предыдущего и логически с ним не сопряжен. Отдельные вопросы и ответы можно поменять местами, расположить в другом месте произведения или даже убрать. Возможность членения или объединения сюжетов и эпизодов во многих апокрифах являлась предпосылкой для создания новых редакций памятников и их видов. Так, например, “Никодимово Евангелие” возникло в результате соединения двух памятников, распространявшихся ранее по отдельности: “Записок об Иисусе Христе”, составленных Пилатом, и “Сошествия Иисуса во ад”⁷⁷.

Границы между апокрифической литературой и фольклором еще более зыбки, чем у патериковых рассказов. Слушателю легко было запомнить отдельные эпизоды апокрифических произведений и передать их в устной форме, сохраняя сюжет и общую канву повествования. Влияние апокрифов на фольклор проявилось не только в жанре прозы (рассказ → сказка), но и поэзии. Известны болгарские песни о жертвоприношении Авраама и мучении грешников в аду, созданные под влиянием цикла апокрифов об Аврааме и апокрифического “Хождения Богородицы по мукам”. Об условности границы между апокрифической литературой и фольклором красноречиво свидетельствуют и такие гадальные книги, как “Месяцеслов”, “Коледник”, “Трепетник”. В них предсказывается исход болезни в зависимости от дня, когда она началась, судьбы царей, бояр, мужчин, женщин, детей, целых народов и государств, смотря по тому, в какой день пришлось Рождество Христово или какая затрепетала часть человеческого тела. Возникновение такого рода книг было результатом прямого переноса народных верований в письменность.

Апокрифы накладывали отпечаток и на официальную литературу. Можно отметить случай заимствования Климентом Орхидским некоторых мотивов из “Протоевангелия Иакова” при создании слова Иоанну Крестителю. Черноризец Храбр позаимствовал известие о сирийском языке как

празыке человечества, скорее всего, из апокрифического “Откровения Варухова”. Влияние апокрифов на официальную болгарскую литературу продолжалось и в более поздние периоды ее развития.

К ним относится, например, знаменитая “Солунская легенда”⁷⁸, возникшая на исходе XII столетия. Это апокрифическое житие об учителе славян Кирилле приближается по форме к жанру апостольских деяний. Оно написано в виде краткой автобиографии, излагаемой от первого лица. Традиционное житийное начало со вступлением, указанием на имена родителей подвижника и его отроческих годах в нем отсутствует. “Солунская легенда” начинается с явления Кириллу чудодейственного голоса свыше, повелевающего ему приобщить болгар к христианской вере. После путешествия из Дамаска, где Кирилл якобы учился, он наконец достигает Солуни. Здесь в результате чуда подвижник создает болгарскую азбуку. Однако коварные греки прячут Кирилла от болгар и выдают его им лишь после трехлетней осады города. Согласно пророчеству, только болгарский народ способен передать Иисусу христианскую веру незапятнанной.

Период византийского владычества вызвал появление болгарских апокрифических произведений с патриотической направленностью. В их число входит “Болгарская апокрифическая летопись”⁷⁹, датируемая приблизительно концом XI – началом XII в. Заставка произведения напоминает известный апокриф о вознесении Исаии на небеса, где Божий глас возвестил ему о последних годах рода человеческого. В дальнейшем повествование расходится с содержанием упомянутого памятника. Речь заходит о прошлом болгар, которым отводится роль богоизбранного народа. Перед читателем разворачивается полная вымысла история заселения болгарами Задунавья, царствий мифических и реально существовавших болгарских властителей. В памятнике смешаны различные исторические эпохи, нарушена генеалогия правящих династий, неверно переданы годы правления отдельных царей. Не имея ценности как исторический источник, летопись интересна в другом отношении. В ней идеализируется былое время, когда страна еще не утратила политической независимости после поражения от византийцев. Болгарский царь Борис обрисован как благочестивый и благоверный правитель. Такими же достоинствами наделен и царь Петр, при котором на болгарской земле настало полное изобилие и достаток. Размеры дани, взимавшейся при царе Симеоне, чисто символичны: пучок пряжи, ложка масла и одно яйцо в год. Главное занятие царей не война, а созидательная деятельность. Они возводят города и крепости, строят монастыри и церкви.

Меньше болгарских материалов содержится в апокрифических сочинениях с летописно-пророческим уклоном: “Видении пророка Даниила”,

“Сказании Исаии о грядущих годах” и “Толковании Данииловом”. Они появились вслед за “Болгарской апокрифической летописью”⁸⁰ и представляют собой причудливые соединения переводных и оригинальных источников, литературных и фольклорных мотивов и фактов.

К апокрифической литературе⁸¹ непосредственно примыкает и богомильская книжность. Она создавалась представителями богомильского движения, распространившегося в болгарских землях при царе Петре. Богомилы выдвинули свои космогонические, христологические и эсхатологические концепции, отличные от церковно-официальных. Они разработали свои версии происхождения мира, человека, появления Христа на земле и конечной судьбы человечества после второго Пришествия.

Богомилы подвергали острой критике духовенство, официальные религиозные символы и церковные обряды. Они проповедовали идею всеобщего имущественного, нравственного и социального равенства. Отвергая миф о сотворении Евы из ребра Адама, они уравнивали женщину в правах с мужчиной – факт исключительный по своей значимости для христианского средневековья.

К сожалению, произведения богомилов почти не сохранились. Целе-направленная борьба против еретиков включала не только сожжение наиболее активных участников богомильского движения, высылку их из страны, анафемы на церковных соборах, но и уничтожение “злокозненных” книг. По этой причине сочинения богомильских произведений в славянских списках до нас не дошли. Некоторое влияние богомильской книжности ощущается в апокрифических “Легенде о Тивериадском море” и “Слово об Адаме и Еве”. Благодаря распространению богомильства за пределы Болгарии фрагменты книжности уцелели на неславянских языках. Это “Катарский требник”, сохранившийся в списке XIII в. на провансальском языке, и “Тайная книга”, переведенная на латинский в XII столетии. Первый памятник не имеет прямого отношения к литературе, поскольку представляет собой образец бытовой письменности, связанный с еретической обрядностью. Второй – по праву считается “библией богомилов”⁸². Повествование в нем строится на вопросах любимого Иисусова ученика Иоанна во время Тайной вечери и ответах на них Христа. Однако композиционную схему произведения нельзя считать диалогической. Вопросы Иоанна имеют наводящий характер, лишь побуждая Иисуса Христа к продолжению повествования. По форме “Тайная книга” напоминает каноническое “Откровение Иоанна Богослова”, но речь в нем идет не о грядущем втором Пришествии, а о космогонической и богословской системе богомилов, излагаемой категорично с непреложностью библейских истин.

Больше всего данных о еретическом учении богомилов обнаруживается в “Беседе против богомилов”⁸³ болгарского писателя X в. Козьмы Пресвитера. Как обличитель богомильства и критик современных ему нравов автор не имел предшественников. “Беседа” – одно из самых пространных болгарских оригинальных сочинений. Оно состоит из двух больших частей. В первой из них разворачивается острая, хорошо аргументированная полемика с богомилами. Козьма отлично осведомлен в истории еретических учений – павликианства, арианства, манихейства, и прекрасно разбирается в тонкостях богомильских “прелестей”. Он не жалеет отрицательных эпитетов, награждая еретиков всевозможными проклятиями. Вторая часть адресована главным образом белому и черному духовенству. Она тематически перекликается с первой, поскольку Козьма старается оградить своих собратьев от причин, ведущих к “ересям”. Эти причины он усматривает в падении нравственности, невежестве, лени, корыстолюбии и другого рода греховности монахов и священнослужителей. Смелость обличения существующих пороков заставляет думать, что Козьма, возможно, был пресвитером при царском дворе. Объектом критики выступает не только духовное, но и светское сословие, писатель бичует надменность, скупость и горделивость светских феодалов.

Жанровой форме “Беседы” присуща своеобразная двуслойность. Она не просто полемический трактат или средневековая “публицистика”. Это произведение объединяет апологето-полемическую и гомилетическую традиции. Не случайно в первой его части чувствуется дух полемических слов против ариан Анастасия Александрийского, а во второй ощущается воздействие поучений и нравоучительных слов Иоанна Златоуста.

Слабо в болгарской литературно-жанровой структуре IX–XII вв. была представлена “беллетристическая” переводная литература. Иногда этот недостаток не вполне обоснованно расширяется за счет включения в данный сектор “Повести об Акире Премудром” (которая, очевидно, сначала была переведена на Руси и попала к болгарам позже), “Стефанита и Ихнилата” (была переведена в XIII–XIV вв.) и даже Супрасльского сборника (собрание поучительных слов и житий, принадлежащих Иоанну Златоусту, Епифанию Кипрскому и другим авторам)⁸⁴.

Пока научно доказанными можно считать факты бытования тогда в Болгарии Псевдо-Каллисфеновой “Александрии” и “Повести о Варлааме и Иоасафе”. Содержание этих памятников достаточно хорошо известно ученым и избавляет нас от их литературоведческого пересказа. Здесь мы только отметим, что переводная светская литература стоит особняком в литературно-жанровой структуре Болгарии IX–XII вв. Ее воздействие на болгарские литературные памятники началось позднее и затрагивало не только сферу литературы.

Подводя итоги нашему обзору жанрового состава болгарской литературы IX–XII вв., можно сделать несколько предварительных выводов, которые касаются не только ее одной, но и отражают некоторые закономерности жанрового развития других древнеславянских литератур *Pax Slavica Orthodoxa*. Оно непосредственным образом сопрягалось с потребностями церковного, государственного и культурного развития средневекового общества. Средневековые литературы по сравнению с современными обладали более прикладным, “прагматическим” характером и несли в себе многочисленные функции: литургическую, гимнографическую, поучительную, историко-познавательную, естественнонаучную, государственно-апологетическую и др. Жанровый состав литературы, как правило, не остается застывшим и неизменным на протяжении всего Средневековья. Роль одних жанров в зависимости от поворотов национальной истории может возрастать, других уменьшаться или вообще сходить на “нет”.

Так, с введением славянского богослужения в Болгарии на первое место закономерно выдвинулся оригинальный конфессионально-гимнографический жанр, представленный сочинениями Климента Охридского, Константина Преславского и пресвитера Наума, которые в количественном отношении превосходили оригинальные произведения остальных оригинальных жанров. Второе место по праву занимает жанр панегирической и агиографической литературы. Об истинных размерах последней, к сожалению, судить очень трудно из-за неудовлетворительной сохранности ее фонда. Были заложены основы оригинальной славянской поэзии, исторической (летописи), апокрифической и филологической литературы.

Ряд жанров не претерпевает никаких изменений: конфессионально-литургический (апостолы, евангелия и пр.), церковно-юридический (“Номоканон”) и светско-юридический (“Закон судный”). Из них первый вообще не был подвержен изменениям, второй – крайне медленно, иногда с перерывами в несколько веков, и только по постановлению церковных соборов, а возможная эволюция третьего была прервана по причине утраты Болгарией государственности. Некоторые жанры, присущие византийской и другим славянским литературам, в тогдашней болгарской полностью отсутствуют: “хождения”, героико-эпические поэмы, наподобие “Дигениса Акрита” и “Слова о полку Игореве”, интимная лирика, автобиографии и др. Повествовательная светская литература занимает в жанровой структуре скромное место и не пересекается с остальными литературными жанрами.

Оригинальная болгарская литература неразрывно связана с переводной и образует с ней единую систему. На отдельных этапах литературного развития переводные памятники количественно превалируют над оригинальными.

Ряд жанров, причем не только богослужебных, могут иметь сугубо переводной характер: например, жанр натуралистический, то есть естественнонаучный. В целом складывающиеся литературно-жанровые системы (на наш взгляд, все-таки региональные, а не единая славянская православная литературная общность) не терпят лакун. Последние заполняются порой не только византийскими переводными, а памятниками из других славянских стран. Проникновение в контекст болгарской литературы XII–XIII вв. русских житий Бориса и Глеба, княгини Ольги, службы Борису и Глебу, рассказе о Перенесении мощей Владимира Крестителя, некоторых слов Кирилла Туровского, Хождения игумена Даниила в Иерусалим⁸⁵ не являются случайностью. Болгарские жития крестителя Бориса, царей Симеона и Петра, очевидно, к тому времени были утрачены. Слова Климента Охридского уже устарели и не отвечали возросшим читательским вкусам из-за своей преднамеренной простоты. Понятен интерес и к славянским “хождениям”, созданным в других славянских литературах.

Наибольшей подвижностью и гибкостью в жанровой структуре болгарской литературы обладали апокрифы, жития, похвальные и поучительные слова, патериковые рассказы. Апокрифы оказались способными принять на себя функции летописного жанра, развитие которого прервалось после установления в стране византийского владычества. “Болгарская апокрифическая летопись”, “Сказание Исаии о грядущих годах”, “Толкование Даниилово” и некоторые другие апокрифы создавались благодаря причудливому соединению переводных и оригинальных литературных памятников с народными представлениями, мифами и легендами, восполняя прерванное официальное летописание. Тесная связь, а порой и полное отсутствие границ между апокрифами и фольклором помогли возникновению такой необычной жанровой формы, как “Солунская легенда” – мнимая автобиография Кирилла.

Подвижность внутрижанровой доминантной шкалы в похвальных словах и поучениях позволяла легко при желании преобразить первое во второе, и наоборот. Она присуща и филологическому в своей основе трактату “О письменах” Черноризца Храбра, смещая это произведение к жанру полемической ораторской прозы. Жанры агиографии и патериковых рассказов вбирают в себя различные фольклорные сюжеты и мотивы и сами становятся источником народных легенд и сказок, служат отправным фактическим материалом для сюжетов и мотивов некоторых икон и фресок. На изобразительное искусство оказывают влияние также и сюжеты переводных памятников – агиографических, конфессионально-учительных и апокрифических.

Особое значение для межжанровых миграций и превращений имеет принцип “мозаичного” построения литературных произведений. Из отдельных

“мозаичных плиток” создаются новые текстовые панно, трансформируя жанровые формы и придавая им новое содержание. Способность к вычленению помогает преодолевать межжанровые и внутрижанровые границы, но здесь она обычно сопряжена с определенными метаморфозами. Фрагмент жития, например, может получить статус самостоятельного памятника, но должен приобрести начало, концовку и пройти соответствующую переработку. (Случай с житием Наума в этом смысле иллюстрирует необработанность краев и шероховатостей отдельной “мозаичной плитки”). Послания могут помещаться в памятниках агиографии, но при этом “ужиматься” по форме, передавая только главное свое содержание, чтобы не нарушать соразмерность отдельных частей произведения и быть искусно притертыми к другим “мозаичным” составляющим и т.д.

Процесс жанровой трансформации в болгарской средневековой литературе не прерывается в XII столетии, а продолжается вплоть до появления литературы “нового” времени. В XIV в., в частности, значительно возрастает удельный вес агиографического жанра и жанра похвального слова с тенденцией к их слиянию. Воздействие фольклора на литературу в это время заметно снижается. В следующем столетии жанр ораторского красноречия начинает преобладать над агиографическим, чтобы век спустя уступить место последнему и почти совсем заглухнуть. И так далее. На все то были свои причины, но это уже отдельная тема.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: *Наумов Е.П.* Развитие биографического жанра в сербской литературе (от средних веков к новому времени) // *Славянские литературы в процессе становления и развития.* М., 1987. С. 207–229; *Боева Л.* Традиции Тырновской школы в болгарских и славянских житиях XVI в. // *Тырновска книжовна школа: Ученици и последователи на Евтимий Тырновски.* София, 1980. Т. 2. С. 253–265; и др.

² См.: *Лихачев Д.С.* Система литературных жанров Древней Руси // *Славянские литературы: V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963 г.). Доклады советской делегации.* М., 1963; *Он же.* Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы // *Славянские литературы: VII Международный съезд славистов. (Варшава, август 1973). Доклады советской делегации.* М., 1973. С. 160–177; *Он же.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1971. С. 42–71; и др.

³ Здесь уместно вспомнить периодически вспыхивающие споры о месте и времени перевода на славянский знаменитого Изборника 1073 г. Есть предположения, что памятник был переведен в Болгарии, на Руси, в Великой Моравии, а само “переложение” с греческого произошло в IX, X и даже XI столетиях. См.: *Шевырев С.П.* Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: Ваканционные дни профессора С.П. Шевырева в 1847 г. М., 1850. Ч. 2. С. 30–32; *Еремин И.П.* Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.–Л., 1960. С. 11–12; *Левочкин И.В.*

Изборник Святослава (Симеона) в русской дореволюционной и советской науке (1817–1982) // Старобългарска литература. София, 1984. Кн. 16. С. 40.

⁴ Само понятие “система” предполагает взаимосвязь и взаимодействие всех составляющих ее частей. Использование его применительно к жанровой структуре средневековых славянских литератур требует чрезвычайной осторожности и возможно лишь с оговорками.

⁵ Об этом периоде и факторах, способствовавших быстрой христианизации страны, см. нашу работу: *Калиганов И.И.* Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Руси // *Славянские литературы: X Международный съезд славистов* (София, сентябрь 1988 г.). Доклады советской делегации. М., 1988. С. 51–66. Вопрос о комплекте необходимых для богослужения книг в древнейший период славянской литературы и письменности еще окончательно не решен. Большинство ученых сходятся во мнении, что для этой цели требовались: Евангелие апракос (от греческого “απρακος” – недельный, праздничный; сокращенный вариант полного Евангелия, содержащий в себе целиком только Евангелие от Иоанна и выборочные чтения из других); Апостол апракос (сокращенный праздничный апостол с выборочными чтениями из Деяний и посланий апостолов); Псалтырь и Служебник (очевидно, не нуждаются в объяснении); Паримийник (сборник отрывков Ветхого Завета; полностью в него вошла только книга пророка Ионы и частично книги Бытия, Премудростей Соломоновых, пророка Исаии и др.). Уже в конце IX–X в. в богослужении были введены Триодь Постная и Триодь Цветная (книги, содержавшие песнопения соответственно: 1) в дни Великого Поста, от недели Мытаря и Фарисея до Пасхи; 2) от Пасхи до Троицы); Евхологион – книга, объединявшая в себе Служебник и Требник (сборник молитв для свершения религиозных таинств таких, как крещение, венчания, отпевания и т. п.). Позднее обязательными стали и другие книги.

⁷ См.: *Карабинов И.* Постная Триодь: Исторический обзор ее плана, состава и славянских переводов. СПб., 1910.

⁸ *Евсеев И.Б.* Григорий Пресвитер, переводчик времени болгарского царя Симеона // *ИОРЯС*. СПб., 1902. М. VII. Кн. 3. С. 356–357.

⁹ *Тодоров Т.* Епископ Константин Преславски като проповедник – Годишник на Софийския университет. Богословски факултет. Т. XXVI (1948–1949). София, 1949.

¹⁰ *Архангельский А.С.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1888. Авг. С. 207–208; *Фомина М.С.* Об одном источнике Великих Четых Миней митрополита Макария (“Златоструй”) // *Проблемы литературных жанров: Материалы IV межвузовской конференции*. Томск, 1983. С. 12–14.

¹¹ *Capaldo M.* L’Azbučno-Ierusalimskij Paterik (Collection alphabetic-anonyme slave des Arophthegmata Patrum) // *Полата књигописњана*. 1984. Р. 26–49.

¹² *Pope R.* The old Church Slavonic Translation of the Αὐθρωπικὸς Biblos. In the edition of N. Van Wijk. Edited by D. Armstrong, R. Pope and C.H. van Schooneveld. The Hague; Paris, 1975. Р. 76–79.

¹³ *Соболевский А.И.* Римский патерик в древнем церковно-славянском переводе // *Изборник Киевский*. Киев, 1904. С. 1–23; *Mareš F.V.* Welches griechische Patericon wurde im IX Jahrhundert ins Slavische übersetzt? // *Anzeiger der Phil.-hist Klasse der Österreichischen Akademie der Wissenschaften*. 1972. Р. 205–221; *Сырку Л.* К истории исправления книг в Болгарии: Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1898. Т. 1. С. 478–484; *Mareš F.V.* Gregorii Magni Dialogorum libri IV // *edie “Bücher der Väter” der Vita Methodii* // *Slovo*. 1974. 24. S. 17–39.

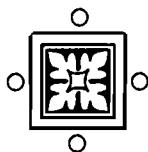
¹⁴ *Смирнов И.М.* Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917. С. 227–248.

¹⁵ *Смирнов И.М.* Лимонарь // В память столетия (1814–1914) императорской Духовной академии. Сергиев Посад, 1915. Ч. 2. С. 252–284.

- ¹⁶ *Veder W.R. Le Skitskij paterik (Collection systématique slave des Apophthegmata patrum) // Полата књигописњая. 1981. № 4. Р. 51–72.*
- ¹⁷ *Виноградов В.П. Уставные чтения. Сергиев Посад, 1914. Вып. 1. С. 151.*
- ¹⁸ *Veder W.R. Le Protapatericon Scaligeri // Полата књигописњая. Nijmegen. 1981. № 4. Р. 76–77.*
- ¹⁹ *Изборник Святослава 1073 г. М., 1983.*
- ²⁰ *Розов Н. Н. Старейший болгарский “Изборник” и его русская рукописная традиция // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1969. Т. 28. Кн. 1. С. 78.*
- ²¹ *Гранстрем Е.Э., Ковтун Л.С. Поэтические термины в Изборнике 1073 г. и их развитие в русской традиции (анализ трактата Георгия Хировска) // Изборник Святослава 1073 г.: Сб. статей. М., 1977. С. 99–108.*
- ²² *Шафарик П. Расцвет славянской письменности в Болгарии / Пер. О. Бодянского // ЧОИДР. 1848. № 7. С. 52–53; Ангелов Б. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. 2. С. 106–130; Важнейшие фрагменты из жития Панкратия Тавроменийского изданы Ангеловым Б.: Указ. соч. С. 130–138.*
- ²³ *Hansack E. Die Vita des Iohannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien... Würzburg; Freiburg im Breisgau. 1975–1980. Bd. 1. S. 11.*
- ²⁴ *Помяловский И.В. Житие Саввы Освященного (сост. св. Кириллом Скифопольским) в древнерусском переводе. СПб., 1900.*
- ²⁵ *Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1970. Т. 1. С. 234.*
- ²⁶ *Боева Л. О житиях Супрасльского сборника // Старобългаристика. София, 1978. Кн. 3. С. 60–71.*
- ²⁷ *Иванова К. Агиографско-хомилитични сборници с устойчив състав в южнославянските литератури // Cyrillomethodianum. Thessalonici. 1981. Т. V. S. 11–19.*
- ²⁸ *Тихомиров М.Н. Закон Судный людем. Краткой редакции. М., 1961.*
- ²⁹ *Шусторович Э.М. Древнеславянский перевод хроники Иоанна Малалы: (История изучения) // Византийский временник. М., 1966. Т. 30. С. 136–152.*
- ³⁰ *Дурново Н. К вопросу о национальности славянского переводчика Хроники Георгия Амартола // Slavica. 1925. гоџ. 4. Seš. 3. 801–815; Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX–XV вв. Л., 1978. С. 70–79.*
- ³¹ *Потапов П.О. Судьба хроники Зонары в славяно-русской литературе // ИОРЯС. 1918. Т. 22. Кн. 2. С. 141–186.*
- ³² *Георгиев Е. Разцветът на българската литература в IX–XI в. София, 1962. С. 202–270.*
- ³³ *Богословие святого Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Ексарха Болгарского по характерному списку Московской Синодальной библиотеки. М., 1878.*
- ³⁴ *В своей статье мы пользуемся ценной работой Н.И. Толстого: Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку: (В связи с развитием жанров в древнесербской литературе) // Н.И. Толстой. “История и структура славянских литературных языков”. М., 1988. С. 164–173. Приводимая здесь иерархическая “пирамида” жанров древнесербской литературы характерна не только для последней, но с небольшими вариациями и для всего культурного ареала Pax Slavia Orthodoxa.*
- ³⁵ *Ликио Р. Мястото на старата българска литература в културата на средновековна Европа // Литературна мисъл. София, 1981. № 8. С. 34.*
- ³⁶ *Диневков П. Преводите в развитието на старите славянски литератури. (Методологически въпроси) // Славянска филология: Литературознание и фолклор. София, 1978. Т. XVI.*
- ³⁷ *Попов Г. Новооткрита оригинална старобългарска част в текста на Триод // Български език. София, 1978. № 6. С. 497–507.*
- ³⁸ *Станчев К., Попов Г. Климент Охридски. София, 1988. С. 116–120.*

- ³⁹ *Лихачев Д.С.* Размисли за националното своеобразие и европейско значение на старобългарската литература // *Литературна мисъл*. София, 1970. Кн. 2. С. 73–85.
- ⁴⁰ *Калиганов И.И.* Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Руси. С. 55.
- ⁴¹ *Кожухаров С.* ПЪТИ ДОСТОИТЬ АРХИСТРАТИГА: (Новооткритото произведение на Константин Преславски) // *Литературознание и фолклористика: В чест на 70-годишнината на академик П. Динев*. София, 1983. С. 59–62.
- ⁴² *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. С. 135–144.
- ⁴³ *Кожухаров С.* Песенното творчество на старобългарския книжовник Наум // *Литературна история*. София, 1984. Кн. 12. С. 3–19.
- ⁴⁴ *Климент Охридски.* Събрани съчинения. София, 1970, 1977, 1973. Т. 1–3.
- ⁴⁵ *Милев А.* Гръцките жития на Климент Охридски. София, 1966. С. 133.
- ⁴⁶ *Трифунувий П.* Тройство композије Климентових беседа // *Кънжевност и језик*. 1966. № 3. С. 227–322.
- ⁴⁷ *Иванова В.* Проблеми на индивидуалния стил в похвалните слова от Климент Охридски // *Език и литература*. София, 1985. № 4. С. 27–36; *Станчев К., Попов Г.* Климент Охридски. С. 66, 78–79.
- ⁴⁸ *Кувев К.* Черноризец Храбър. София, 1967.
- ⁴⁹ *Драгова Н.* Фрагменти от старобългарското житие на свети княз Борис в балкански средновековни творби // *Литературознание и фолклористика*. С. 89–92.
- ⁵⁰ *Филарет Черниговский.* Святые южных славян. СПб., 1883. С. 31.
- ⁵¹ *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1971. С. 274–275.
- ⁵² Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и ком. *Б.Н. Флоря*. М., 1981. С. 9–10, 13–64.
- ⁵³ *Рифтин Б.Л.* Типология и взаимосвязи средневековых литератур // *Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада*. М., 1974. С. 38.
- ⁵⁴ *Кувев К.* Азбучната молитва в славянските литератури. София, 1974.
- ⁵⁵ *Соболевский А.И.* Церковнославянские стихотворения IX–X в. и их значение для изучения церковнославянского языка // *Сборник за народни умотворения*. 1900. Кн. IX–XVII.
- ⁵⁶ *Станчев К.* Поетика на старобългарската литература: Основни принципи и проблеми. София, 1982. С. 146, 155.
- ⁵⁷ *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1971.
- ⁵⁸ *Гилъфердинг А.* Собрание сочинений. СПб., 1868. Т. 1. С. 124.
- ⁵⁹ *Фекелджиев И.* Народни легенди за Иван Рилски. София, 1979. С. 7.
- ⁶⁰ *Иванова В.* Образи на цар Петър в две старинни икони // *Известия на българското историческо дружество*. София, 1945. Т. XXI. С. 102–103, 105–109; *Фекелджиев И.* Народни легенди за Иван Рилски. С. 165–167.
- ⁶¹ *Милев А.* Гръцките жития на Климент Охридски. София, 1966.
- ⁶² *Драгова Н.* Старобългарски извори за житието на петнадесетте тивериуполски мъченици // *Studia balcanica*. II. Проучвания по случай втория международен конгрес по балканистика. София, 1970.
- ⁶³ *Пытин А.Н.* История русской литературы: Древняя письменность. СПб., 1908. Т. 1. С. 134; *Ерьомин И.* “Сводный патерик” у південно-словянських українському та московському письменствах // *Записи історично-філологічного віділу Української Академії наук*. 1922. Кн. XII. С. 48–77; Кн. XV. С. 54–101; *Сырку П.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Т. 1. Вып. 1: Время и жизнь патриарха Евфимия Тарновского. С. 484; *Николова С.* Ранните старобългарски преводи на патеричните сборници // *Константин-Кирил Философ: Юбилеен сборник по случай 1100 годишнината от смъртта му*. София, 1969. С. 220–221.

- ⁶⁴ Драгоманов М. Забележки върху славянските религиозни и етически легенди. Сборник на народни умотворения. София, 1892. Кн. VII. С. 246–265.
- ⁶⁵ Григорович В.И. О Сербии в ее отношении к соседним державам, преимущественно в XIV и XV столетиях. Казань, 1859. Приложения. С. 1–2.
- ⁶⁶ Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1886. С. 99.
- ⁶⁷ Дуйчев И. Именникът на прабългарските ханове и българската държавна традиция // Дуйчев И. Сб. статей. Проучвания върху средновековна българска история и култура. София, 1981.
- ⁶⁸ Златарски В. Най-стариат исторически труд в старобългарската книжнина // Списание на БАН: “Клон историко-филологически”. София, 1923. № 15. Кн. 27. С. 157–160; Ангелов Б. Летописец въкратце в Симеоновия Сборник от 1073 г. // Ангелов Б. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. 2. С. 75–88.
- ⁶⁹ Наитов А.Е. Апокрыфу в системі литературы церкiewнословianskiej. Wrocław, 1976.
- ⁷⁰ Петканова Д. Апокрифна художествена проза: Видове, класификация, характеристика // Старобългарска литература. София, 1978. Кн. 3.
- ⁷¹ Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях // ОРЯС. Т. XVII. № 1. СПб., 1877.
- ⁷² Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1970. С. 259–264.
- ⁷³ Георгиев Е. Литература на изострени борби в средновековна България. София, 1966. С. 202–233.
- ⁷⁴ Ср.: Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XII вв.). София, 1986. Ч. 1. С. 282, 286; Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI – первая половина XIV в. Л., 1987. Вып. 1. С. 57; Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1988. Ч. 1. С. 47–51.
- ⁷⁵ Петканова Д. Апокрифна художествена проза. С. 20.
- ⁷⁶ Петканова Д. Апокрифни въпроси и отговори // Старобългарска литература. София, 1987. Кн. 21. С. 3–25.
- ⁷⁷ Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890. С. 21–25.
- ⁷⁸ Ангелов Б. Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1967. Кн. 2.
- ⁷⁹ Иванов Й. Богомилски книги и легенди. София, 1970.
- ⁸⁰ Божилков И. Исторически съчинения: Стара българска литература. София, 1983. Т. 3.
- ⁸¹ Ангелов Д. Богомилство в България. София, 1969.
- ⁸² Георгиев Е. Литература на изострени борби в средновековна България. С. 187.
- ⁸³ Безунов Ю.К. Козма Пресвитер в славянских литературах. София, 1973.
- ⁸⁴ Сравни: Петканова Д. Старобългарска литература (IX–XII вв.). Ч. 1. С. 360, 362, 364; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. С. 343–345; Вып. 3. Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1989. С. 417.
- ⁸⁵ Ангелов Б. Из историята на руско-българските литературни връзки. София, 1972. С. 46–47.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МАКЕДОНСКОМ “СРЕЗЕ” ПАЛЕОБОЛГАРИСТИКИ*

Беседа с известным российским медиевистом академиком Г.Г. Литавриным, материалы которой представлены в сборнике “Македония: Проблемы истории и культуры” (М., 1999. С. 25–31), показала несостоятельность шума, поднятого недавно в греческой прессе по поводу политического названия суверенного македонского государства – Республика Македония. Затронуты были в ней и такие важные проблемы, как предпринимаемые некоторыми исследователями попытки разделить общее древнеславянское культурное наследие и выделить культурную специфику отдельных древнеславянских племен. Кроме того, ученый поделился в беседе своим опытом в использовании дефиниций “болгары”, “македонцы”, “Болгария” / “Македония”, “болгарская” / “македонская”, “болгарский” / “македонский” при обращении к эпохе Первого Болгарского царства (IX–XI вв.). Высказанные Г.Г. Литавриным соображения вызвали у меня ряд мыслей, которые и послужили основой при написании данной статьи. Однако главное внимание в ней сосредоточивается не на политической истории древних славян, а на истории древнеславянской культуры, литературы и языка. Значительное место в статье отводится рассмотрению единства болгарской средневековой литературы, поскольку после издания Институтом славяноведения РАН первого тома “Истории литературы западных и южных славян”¹ в македонской прессе появились публикации с обвинениями российских ученых в игнорировании факта существования древней македонской литературы².

* * *

В современной македонской прессе и некоторых публикациях македонских славистов обращает на себя внимание обилие дефиниций наподобие “Македония”, “древний македонский писатель”, “древний македонский язык”, “древняя македонская литература”, “древняя македонская культура”.

* Данная статья представляет собой доклад автора на российско-македонском симпозиуме “Македония: Проблемы истории и культуры”, состоявшемся в июне 1999 г в Москве.

Эта терминология является своеобразным составляющим некоего македонского “среза” палеоболгаристики, и замалчивать его наличие – значит загонять проблему вглубь, из-за чего она может неожиданно обостриться в будущем. Поэтому мы остановимся на вопросах правомерности использования подобной терминологии с привлечением необходимого историко-культурного фона.

По моему мнению, применительно к историческим и историко-культурным материалам IX–XVIII вв. подобные дефиниции могут употребляться исключительно в географическом смысле. Придание им некоего государственно-политического оттенка, который призван служить доказательством существования в древности самостоятельной македонской державности, культуры, литературы и языка, отличных от болгарских, на мой взгляд, антиисторично. Обратимся, хотя бы, к литературе, развивавшейся в восточной Болгарии и Македонии на протяжении конца IX – начала XI в. Это была единая литература, существовавшая по одним законам и в едином государстве – Первом Болгарском царстве. В отличие от понятия “книжность”, понятие “литература” является категорией более высокого порядка. Литература – это не просто россыпь разрозненных литературных памятников, из которых иногда составлялись определенные номенклатуры и образовывались ассоциации, например книжность отдельно взятого храма, монастыря, средневекового города или ареала феодального государства. Понятие “литература” подразумевает наличие определенной системности и внутренних законов, в результате действия которых происходят количественные и качественные изменения как в составе, так и в содержании всей совокупности бытующей в стране книжности.

Литературу Первого Болгарского царства нельзя разделять на литературу восточной Болгарии и литературу Македонии. Она была единой и образовывала единое культурно-энергетическое “поле”, в котором одно не могло существовать без другого и определенным образом с ним соотносилось. В конце IX–X в. все то литературно-книжное, что создавалось в Преславе, незамедлительно становилось культурным достоянием Охрида и македонских культурных очагов, и наоборот создававшиеся и копировавшиеся в этой части болгарского государства оригинальные и переводные литературные памятники сразу же переправлялись в Преслав и восточную Болгарию. Книжная и литературная деятельность, осуществлявшаяся в этих двух главных центрах страны, велась согласованно и дублирование здесь исключалось. С “Учительного Евангелия” епископа Константина Преславского сразу же изготавливались списки и посылались в Охрид, а списки с текстами проповедей епископа Климента Охридского без задержки передавались в Преслав и восточноболгарские

земли. Создаваемые в двух главных культурных центрах произведения взаимно дополняли друг друга, служили единой цели и составляли одно культурное целое. Иначе и быть не могло в единой державе в период интенсивного христианского миссионерства при сравнительно небольшом числе талантливых проповедников, писателей и книжников.

Обоснованием для раздела единого древнеболгарского культурного наследия некоторым македонским ученым обычно служит идея о существовании самостоятельной македонской державности в конце X – начале XI в. Так, например, в обстоятельном и в целом выдержанном в академическом духе труде профессора В. Стойчевской-Антич о древней македонской книжности утверждается, что после смерти болгарского царя Петра в 969 г. в Македонии “создалась благоприятная обстановка для поднятия восстания”, в результате которого была освобождена “большая часть территории в юго-западной Македонии” и “заложены основы нового славянского государства в Македонии, известного как Македонская Самуилова держава с престолом в Преспе”³. По словам исследовательницы, бывший комитопул Самуил стал “первым македонским царем и сумел включить в границы своей державы всю территорию Фессалии, Албании, Дукли, Травунии, Захумья, Рашки, Боснии и большую часть Болгарии”⁴.

В первом утверждении читателю остается неясным, против кого было направлено упомянутое восстание: византийцев или болгар. Фактически в тот период Болгария переживала очень трудные времена. В северо-восточные болгарские земли в августе 968 г. вторглись войска русского князя Святослава и заняли ряд расположенных там городов, около пяти месяцев спустя умер от эпилептического припадка болгарский царь Петр, а его сыновья Борис и Роман были отправлены в Константинополь как залог прочности военно-политического союза Болгарии и Византии против русских. Воспользовавшись ситуацией смуты и ослаблением центральной власти, сыновья болгарского князя Николая молодые комитопулы Давид, Аарон, Моисей и Самуил предприняли мятеж с целью узурпации власти на периферии.

Второй бунт был направлен уже непосредственно против Византии и вспыхнул после смерти императора Иоанна I Цимисхия (10 января 976 г.). К тому времени восточная Болгария уже превратилась в византийскую провинцию, Преслав еще в 971 г. заняла византийская армия, болгарского царя Бориса II доставили в качестве пленника в Константинополь, где он был детронирован и получил титул византийского магистра. Именно ослабление центральной власти в Первом Болгарском царстве и насильственный прерыв династии болгарских царей позволили узурпировать власть молодым комитопулам в западной провинции страны, а затем один из них – Самуил сумел

утвердиться на престоле и провозгласил себя болгарским царем. Однако ни этот царь, ни его окружение, ни населявший македонские земли народ не рассматривали данные события как освобождение от некоего болгарского ярма. Самуил считал себя преемником царственной власти и продолжателем традиций болгарской государственности, а не основоположником какой-то особой Македонской державы. Во всех сохранившихся исторических источниках он называется царем болгар и ни разу – царем македонцев или македонским царем. Что же касается избрания столицей Охрида, то переносы престолов верховных владетелей из одного города в другой были типичным для Средневековья явлением. В восточноболгарских землях, например, это случалось, по крайней мере, трижды: Плиска – Преслав – Велико Тырново.

Тезис о существовании древней македонской, не связанной с Болгарией, державности в эпоху царя Самуила служит отправной точкой для искусственного создания проблемы о якобы существовавшем особом древнеславянском “македонском” культурном наследии, которое значительно отличалось от древнеболгарского. Можно согласиться с заключением Г.Г. Литаврина о схожести тенденций, наблюдаемых сегодня в украинской и македонской исторической и филологической науках. Но и в Украине, и в Македонии стремление разделить неделимое на практике доводит до абсурда. В одном из современных украинских вузовских пособий, например, знаменитое Остромирово Евангелие 1056–1057 г. называется памятником древнеукраинской письменности и при этом сознательно умалчивается, что оно было написано для новгородского посадника Остромира⁵ и, следовательно, как историко-культурный феномен с самого начала бытовало в русском городе Новгороде, а не в украинских землях. О личности издателя первопечатной украинской книги – Львовского Апостола 1574 г. в данном пособии какие-либо уточняющие сведения отсутствуют. Возможно, украинские студенты так и не узнают о том, что этим издателем был московский книжник и первопечатник Иван Федоров⁶.

Первое издание Острожской Библии 1581 г. – эпохальное событие в культурной жизни восточнославянских православных народов упоминается в этом пособии лишь в связи с тем, что в предисловии к книге имеется несколько стихотворных строк украинского поэта Герасима Смотрицкого. Имя издателя Острожской Библии Ивана Федорова в пособии, правда, фигурирует, но без указания того, что он был выходцем из Москвы⁷. Тенденцию, которая вырисовывается из этих фактов нетрудно уловить: отсечение всех сведений, не связанных прямо с местными национальными авторами, и вычленение из древнерусского культурного контекста только того, что создавалось на территории, входящей в нынешние границы Украины.

Аналогична ситуация и в Македонии. Литературную жизнь в македонских землях эпохи Средневековья национальные ученые обычно рассматривают в отрыве от того, что создавалось в то время в Болгарии либо Сербии. Из общего эстетического и историко-литературного целого они, как правило, вычлениают лишь небольшой “македонский срез”, который и становится объектом их исследовательского внимания. Но разве можно, например, искусственно разделить Преславскую и Охридскую книжные школы, действовавшие в пределах единого политического и культурного пространства Первого Болгарского царства? От Преславской книжной школы спустя некоторое время отпочковалась книжная школа в Охриде. Константин Преславский и Климент Охридский трудились вначале сообща в Плиске, затем, не исключено, в Преславе, и их творческое сотрудничество не прекращалось и после переезда Климента в Охрид. Они работали, реализуя общий религиозно-просветительский замысел, и по этой причине локализация места создания многих сочинений Климента Охридского (Плиска? Преслав? Охрид?) нередко крайне затруднительна.

Весьма сомнительной представляется и попытка каталогизации македонской (т.е. создававшейся в географической области Македония) древнеславянской книжности. Здесь македонские исследователи фактически сразу же оказываются между Сциллой и Харибдой. Первооригиналы древних южнославянских переводных и оригинальных сочинений до нас не дошли. Они известны лишь в более поздних славянских списках, отстоящих от оригиналов на два, три и более веков. Поэтому ориентация ученых на языковые особенности уцелевших списков и установление в них элементов македонской редакции старославянского языка само по себе мало что дает. Наличие указанных элементов в более поздних списках не может служить достаточно весомым доводом для утверждения того, что первый перевод или создание того или иного древнеславянского оригинального литературного памятника имели место именно в Македонии, а не на Афоне или в Болгарии.

Нет сомнения также и в том, что многое из созданного анонимными древнеславянскими авторами в Македонии до сих пор не опознано и пока не может быть привязано к данной географической области, поскольку опять-таки оно известно только в более поздних болгарских, сербских или даже русских списках. Таким образом, при каталогизации македонской книжности палеослависты подвергают себя двойному риску: здесь легко принять за свое чужое, а в чужом не узнать свое. Говоря об этом, под “своим” я, естественно, подразумеваю только то, что писалось, переписывалось, переводилось и сочинялось в географической области Македония. Дефиниция “чужое”,

разумеется, также условна, ибо то, что создавалось в восточной Болгарии, не воспринималось в македонских землях как нечто чужое.

Насколько трудно разрешимы эти проблемы, могут проиллюстрировать случай с южнославянскими писателями Козьмой Пресвитером и Черноризцем Храбром. Несмотря на более чем полуторавековую традицию научного изучения их творческого наследия (заложенную в первой трети – середине XIX в. трудами В. Кукулевича-Сакцинского⁸ и К.Ф. Калайдовича⁹), исследователи так и не пришли к единодушному выводу, в какой части Первого Болгарского царства творили эти книжники: в западных его землях или восточных. Одни ученые полагали, что Козьма Пресвитер был преславским иерархом; другие (например, болгарские медиевисты Ю. Трифонов, В. Киселков¹⁰, Б. Примов) считали, что он находился в Охриде. Различные точки зрения высказывались и в отношении эпохи, в которую творил Пресвитер Козьма. Э. Георгиев, в частности, был убежден, что упомянутый проповедник жил не в X, а конце XII – начале XIII столетия¹¹. Не меньшей разноречивостью мнений существует и по поводу того, в какой области Первого Болгарского царства жил и творил защитник кирилломефодиевского письма книжник IX–X в. Черноризец Храбр. Поэтому безоговорочно относить деятельность указанных авторов к географическому ареалу Македония нельзя.

Еще труднее установить культурные различия, существовавшие в древности внутри славянского мира. Можно, однако, заметить, что они представляли собой достаточно сложную гамму и проявлялись с неодинаковой степенью контрастности. Диалектные различия в языке каких-либо двух славянских племен могли, например, быть более ярко выражены, чем различия в манере строительства жилищ, предпочтении определенного типа верхней одежды или вариантов племенных языческих верований. И наоборот... Затем, после введения христианства, культурно-религиозная жизнь славян подверглась унификации. На смену прежнему языческому многобожию пришел монотеизм с четко выраженной иерархией небесных и земных ценностей. Славянский мир в целом не участвовал активно в основополагающих христианских религиозных диспутах (исключением здесь, пожалуй, служит лишь борьба солунских братьев Кирилла и Мефодия за введение славянского языка в число других сакральных богослужебных языков), а получал от христианского Востока и Запада готовые канонические образцы, сложившиеся на протяжении IV–IX вв. На переводы этих многочисленных образцов и были направлены основные усилия книжников Первого Болгарского царства.

Большую роль в этом апостольском для всех южных и восточных славян деле, несомненно, сыграли выходцы из географической области Македония. Подобно славянским просветителям Кириллу и Мефодию, многие жители

Македонии, как славяне, так и греки, были билингвами и свободно владели славянским и греческим языками. Видимо, эти билингвы и составили основной костяк переводчиков Первого Болгарского царства, переложивших с греческого на славянский язык огромный корпус византийских сочинений общехристианского содержания.

Одновременно следует подчеркнуть, что собственно славянских оригинальных литературных произведений в IX – начале XI вв. было создано сравнительно мало и выделить в них локальные литературные особенности, т. е. вычленить ареалы “Македония” и “Восточная / Центральная Болгария”, практически невозможно. Вряд ли удастся осуществить это и на литературных материалах более поздних исторических эпох. Македонские земли постоянно переходили из рук в руки и принадлежали то болгарам, то византийцам, то сербам. Границы культурных ареалов на славянском юге в эпоху Средневековья чаще всего не совпадали с границами этническими и государственно-политическими. Гораздо большее значение имело, на мой взгляд, изменение конфигураций церковных диоцезов.

Так, например, в Охридское архиепископство в XI в. при византийском императоре Василии II были включены Средецкая (Софийская), Дрибрская (Силистринская) и Видинская епархии; Нишская епархия в X–XIII вв. находилась в составе Охридского архиепископства, в конце XII – начале XIII в. переходит поочередно в византийское, венгерское, сербское и болгарское подчинение, затем вошла в состав обновленного Тырновского архиепископства, но часть земель этой епархии еще при первом сербском архиепископе Савве принадлежала Сербской Церкви с престолом в Топлицком монастыре св. Николая, а затем она влилась в сербскую Жичскую епархию и т.д.¹² Изменение или общность границ диоцезов на славянском юге приводили к тому, что многие историко-культурные факты и явления ныне имеют прямое отношение к истории культуры сразу нескольких современных южнославянских народов: и болгар, и сербов, и македонцев. Односторонность и этническая “ангажированность” при рассмотрении многих фактов и явлений средневековой культуры южных славян методологически ущербны и только обедняют их.

Распространена в македонской научной периодике и дефиниция “древний македонский язык”. Ее употребление вызывается почти теми же соображениями и чувствами, которыми руководствуются украинские лингвисты, использующие дефиницию “древнеукраинский язык”. Эти соображения и чувства легко понять, особенно у украинцев. История словно все напутала и все поменяла местами. Киев был центром Киевской Руси, с него началась древняя восточнославянская письменность и здесь возникли первые

восточнославянские литературные произведения. Но затем Киевская Русь распалась, русскими стало называться не все население прежнего государства, а только славяне Северо-Восточной Руси. Юго-западная же часть Киевской Руси начала именоваться Украиной, а населяющий ее славянский люд – украинцами.

Это произошло в силу череды неблагоприятных исторических событий, имевших необратимый характер. После страшного монголо-татарского нашествия в первой половине XIII в. Киев утратил свою ведущую культурную роль среди восточных славян. Он и прилегающие к нему земли превратились в культурную периферию, культурную окраину восточнославянской племенной общности. Культурная эстафета от Киева перешла к Владимиру, Твери, Москве и другим северо-восточным русским городам. Окраинное (“украинное”) культурное состояние Киева и прилегающих к нему земель затянулось в связи с попаданием их под власть Литовского княжества, а затем и Речи Посполитой. Названия “Украина” и “украинцы” исторически закрепились за бывшей юго-западной частью Киевской Руси и населяющими ее славянами, в отличие от славян восточных, сохранивших за собой древнее название “русские”.

Последнее обстоятельство ставит украинцев в трудное положение и вызывает у них при слове “древнерусский” чувство раздражения. Получается ведь, что они вроде бы уже непричастны к эпохальным культурным свершениям Киевской Руси конца X – первой половины XIII в. К горечи чувства исторической несправедливости (утрата политического и культурного лидерства среди восточных славян) у украинцев примешивается самоощущение культурно обокраденной нации. Но история не может быть справедливой или несправедливой – она такова, какова она есть. Все этнически разнородное население Киевской Руси в древности именовалось “русскими”, а появившийся у восточных славян литературно-книжный язык назывался “словенским”, но отнюдь не “русским” или тем более “украинским”. Последнее понятие в период раннего и большей части позднего восточнославянского Средневековья практически отсутствовало. Поэтому правомерность употребления дефиниции “древнеукраинский язык” вызывает у славистов большое сомнение.

Ситуация с дефиницией “древний македонский язык” имеет свои нюансы. В лингвистике считается, что славянские первоучители Кирилл и Мефодий приступили к переводу апракосного Евангелия (что произошло еще до отъезда их в Великую Моравию), используя диалект солунских, т. е. македонских, славян, и поэтому основой кирилло-мефодиевского литературно-книжного языка стал один из македонских диалектов. Это действительно так, но в

выражении “македонский диалект” дефиниция “македонский” имеет географическое значение и не свидетельствует о том, что Кирилл ориентировался на один из древних диалектов того славянского народа, который обитает ныне на территории Республики Македония.

Лингвисты знают, что один и тот же диалект мог быть присущ сразу нескольким славянским племенам, обитавшим на сравнительно большом географическом удалении друг от друга. К тому же, диалектные различия среди южных славян в древнейший период были не столь отчетливо выражены, как в более поздние исторические периоды. Нужно учитывать и тот факт, что, закладывая основы древнеславянского литературно-книжного языка, Кирилл и Мефодий, несомненно, сознательно делали акцент не на том, что отделяет взятый ими за образец славянский солунский диалект от других южнославянских диалектов, а на том, что его объединяет с ними. Веских доказательств того, что диалект солунских славян был идентичен в древности диалекту одного из славянских племен, обитавшего на землях, которые ныне входят в границы Республики Македония, у славистов нет.

Нельзя также упускать из виду ту трансформацию, которую претерпевал в первые два века своего развития общеславянский литературно-книжный кирилломефодиевский язык. В памятниках древнеславянской литературы и письменности, без сомнения, отражались моравские, восточноболгарские, западноболгарские (македонские), чешские и русские языковые черты. В этом перечне, выстроенном по хронологическому принципу, дефиниция “македонские” стоит на третьем месте и служит не для обозначения (не существовавшего тогда македонского) этноса или государства, а используется в географическом значении этого слова. В целом речь может идти не о древнем македонском литературно-книжном языке, а только о македонской редакции древнеболгарского языка, черты которой иногда свидетельствуют о македонском географическом ареале написания исследуемой рукописи или ее протографа. Этих “македонских” черт однако набирается не столь много, чтобы повышать статус македонской редакции до уровня особого древнемакедонского литературно-книжного языка, отличного от языка древнеболгарского. Последний включал в себя как восточноболгарскую, Преславскую, редакцию, так и западноболгарскую, т. е. македонскую, Охридскую. Благодаря огромности корпуса переведенных и созданных в эпоху Первого Болгарского царства памятников общехристианского содержания, древнеболгарский литературно-книжный язык лег в дальнейшем в основу общего старославянского языка, развитие которого вылилось затем в возникновение новых восточнославянских и сербского изводов, а также смешанных их разновидностей.

Некоторые македонские ученые (в частности Б. Конески, Р. Угринова-Скаловска, Г. Поп-Атанасов, Б. Стипчевич и др.) пишут не о “древнем македонском языке”, а о “македонском варианте”, “македонской рецензии” или о “македонской редакции” старославянского языка¹³. Однако это не следует расценивать как отступление данных исследователей от своей позиции. “Вариантами”, “рецензиями” и “редакциями” старославянского языка в македонской славистике называют также национальные литературно-книжные языки русских, сербов и, разумеется, болгар. Тем самым македонскому “варианту” (“рецензии”, “редакции”) исподволь придается качественно новый, более высокий статус, уравнивающий его со статусами древних национальных литературно-книжных языков болгар, русских и сербов. Такой подход не может не вызвать возражения у славистов, ибо литература и литературно-книжный язык Первого Болгарского царства не представляли собой совокупности самостоятельных македонской и болгарской литератур (самостоятельных македонского и болгарского “вариантов” старославянского языка), а были едиными. Это единство продолжало существовать и далее на протяжении всего болгарского средневековья.

Следует сказать, что такие дефиниции, как “древний македонский язык”, “древняя македонская литература” и “древняя македонская культура” чаще всего употребляют люди, не имеющие специального филологического образования. На уровне бытового сознания подмена одних понятий другими происходит очень незаметно и, порой, непреднамеренно. Из одних понятий сознание далекого от различных филологических тонкостей рядового македонца логически выводит другие. Раз имелись “древние македонские писатели”, значит, существовала и “древняя македонская литература”, а относящиеся к ней произведения писались на “древнем македонском языке”, и все это является составной частью “древней македонской культуры”. Таким образом из обычной географической дефиниции вырастают новые системные понятия, которых на самом деле в древности не существовало. Все они относятся к разряду “артефактов” – искусственно конструируемых сознанием вещей, которые из-за своего фантомного характера не могут быть подвергнуты сколь-нибудь серьезному научному анализу. Для подобного анализа требуются наличие и определенная полнота реальных историко-культурных фактов, образывавших в прошлом некую “македонскую” систему. Однако ни тем, ни другим палеославистика в настоящее время не располагает.

Приверженность к македонскому палеоболгаристическому “срезу” в Македонии может вызываться и обостренным чувством родолюбия, которое характерно и для других народов, чьи этническая самоидентификация и политическое самоопределение произошли сравнительно недавно. Не

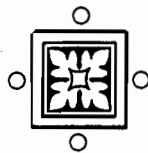
исключено, что эта приверженность инициируется современными македонскими политическими кругами. Считается ведь, что чем древнее история того или иного народа, чем более славное у него культурное прошлое, тем большего авторитета заслуживает такой народ в международном сообществе.

И, наконец, нельзя забывать еще об одной причине поддерживания в Македонии мифа о существовании в древности некоего особого македонского культурного “среза”, отличного от болгарской средневековой культуры. В болгарском менталитете Македония воспринимается как неотъемлемая часть Великой в прошлом Болгарии, а населяющий македонские земли славянский народ – как часть народа болгарского. Поэтому постоянное фигурирование в македонской научной и общественно-политической периодике дефиниций типа “Македония”, “македонское государство”, “македонские писатели”, “македонская литература” и “македонская культура” применительно к IX–XVIII вв. может трактоваться и как своеобразное выражение чувства государственного и политического самосохранения. Обострение этого чувства находится в прямой зависимости от возрастания радикальности умонастроений той части болгарского общества, которая считает присоединение Македонии к Болгарии исторически неизбежным и готова прилагать усилия в этом направлении. (В целом же к “македонскому” вопросу следует подходить исторически, но приоритетное значение здесь имеют национальная самоидентификация и сегодняшнее национальное самоощущение самого македонского народа. Никто не вправе навязывать ему свою политическую волю и ставить под сомнение его право на государственный суверенитет).

Положительным моментом можно считать некоторые сдвиги, которые сейчас наблюдаются в македонском литературоведении. В последнее время речь в нем ведется не о “древней македонской литературе”, а о “древней македонской книжности”. Эту эволюцию хорошо иллюстрируют названия труда Г. Поп-Атанасова “Словарь древней македонской литературы” (1989) и исследования В. Стойчевской-Антич “История македонской книжности. Средневековая книжность” (1997) [выделено нами. – И.К.]. С проблемой же литературно-книжного языка, бытовавшего в Македонии в период средневековья, все обстоит гораздо сложнее. Я не питаю иллюзий, что моя статья вдруг разом заставит македонских палеославистов отказаться от их терминологических пристрастий. Она писалась с целью очертить позицию, которую занимает подавляющее большинство российских медиевистов по отношению к македонскому “срезу” палеоболгаристики. Знакомство македонской и российской сторон со взглядами друг друга на эту проблематику может послужить шагом к взаимному сотрудничеству.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История литературы западных и южных славян. М., 1997. Т. I. Рецензию на болгарские разделы этого тома см.: *Иванова-Мирчева Д.* Нов поглед върху историята на българската литература от IX до XIX век // *Македонски преглед. № 2.* Македонски научен Институт. София, 1998. С. 160–165.
- ² См., например: *Поповски А.* Македонска икона и руска секира // *Нова Македония. 5/X* 1997. С. 11.
- ³ *Стојчевска-Антиќ В.* Историја на македонската книжевност. Средновековна книжевност. Скопје, 1997. С. 30.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Палек В. Т.* Историја украинської літератури XI–XVII століть. Київ, 1994. С. 10.
- ⁶ Там же. С. 17.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Kukuljevič-Sakcinski I.* Prezvitiera Kozme slovo o bogomilich i ereticich // *Arkiv za poviestnici jugoslavensku.* Zagreb, 1857. S. 69–97.
- ⁹ *Калайдович К.* Иоанн Ексарх Болгарский. М., 1824. С. 189–192.
- ¹⁰ См.: *Трифонов Ю.* Беседата на Козма Презвитера и нейният автор // *Списание на БАН.* София, 1923. Кн. 29. С. 1–77; *Киселков В.* Презвитер Козма и неговата Беседа против богомилите. Карнобат, 1921.
- ¹¹ *Георгиев Е.* Презвитер Козма на Бориловия събор в 1211 г. // *Известия на дружеството на философите-слависти в България.* София, 1942. Кн. 1. С. 16–45.
- ¹² См.: *Азбучник Српске Православне Цркве по Радославу Грујићу.* Приредио м-р Слободан Милеуснић. Београд, 1993.
- ¹³ *Конеский Б.* Варианты церковнославянского языка в Македонии в первой половине XIV в. Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971. С. 75–84; *Он же:* Характеристики на македонската варијанта на црковно-словенскиот јазик // *Предавања на VI семинар за македонски јазик, литература и култура.* Скопје и Охрид, 16.VII–31. VII. 1973. Скопје, 1978. С. 9–17; *Стипчевик Б.* Македонска рецензија (Археографски приказ) // *Македонски јазик.* Скопје, 1972. С. 265–269; *Угринова-Скаловска Р.* За некои особености на македонската варијанта црковно-словенскиот јазик // *Slovo.* 1976. № 25–26. С. 175–184; *Поп-Атанасов Ѓ.* Македонска редакција // *Речник на старата македонска литература.* Скопје, 1989. С. 170–171.

ТРАДИЦИИ СТАРОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОЙ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*

Асинхронность историко-литературного процесса в странах Восточной и Юго-Восточной Европы в XVI – начале XIX в. является хорошо известным фактом. Разновременность в литературной эволюции наблюдается даже у тех народов, чью культуру условно относят к культуре “православного” типа. Россия, Греция, Сербия, Болгария и отчасти Молдавия и Валахия, где по XVII в. включительно культивировалась славянская письменность, преодолевая средневековый синкретизм, в общей сложности более чем за двухвековой период создали новые литературы, обладающие специфическими национальными особенностями. Однако каждая из этих стран проходила этот путь по-разному и с неодинаковой скоростью.

Проследить данный процесс в рамках одной статьи – задача практически невыполнимая. Мы ставим себе более скромную цель: обрисовать в общих чертах особый путь болгарской литературы от средневековья к новому времени, концентрируя внимание на специфике национально-исторической судьбы и показывая, как трансформировался образ автора, вводимый в тексты литературных и нелитературных (обслуживавших сферу религиозного быта) произведений.

Избирая в качестве объекта исследования одну лишь проблему трансформации образа автора, мы сознавали, что такой метод не может проиллюстрировать смену средневековой поэтики поэтиками нового времени. Однако сама эта смена не происходила разом и не являлась результатом гигантских

---

* Некоторые положения этой работы излагались на международной конференции болгаристов в Шумене в 1979 г. (доклад “Особенности развития болгарской литературы в XV – первой половине XVIII в.”) и на Международном конгрессе по болгаристике, состоявшемся в мае 1981 г. в Софии (доклад “О месте «Истории славяноболгарской» Паисия Хилендарского в развитии национальной литературы”).

творческих импульсов каких-либо сверходаренных личностей, внезапно освободившихся от пут средневековья.

В переходный период почти каждое произведение несет на себе печать прежних литературно-эстетических вкусов, представляет собой сложное соединение старых и новых начал. Поэтому рассмотрение каждого из поэтических приемов и его развития не только в пределах творчества того или иного писателя (подобный метод, скорее, подходит для современной литературы), а на протяжении нескольких исторических эпох кажется нам целесообразным и перспективным. Оно позволит высветить в этих приемах “атавистические” элементы старого, обнаружить ростки нового и после известного накопления фактов и сопоставительного их анализа подведет исследователя к пониманию того качественного рывка, к которому каждая литература как бы готовится в свой переходный период.

По-видимому, одним из главных вопросов, невольно возникающих при соприкосновении с болгарской литературой эпохи османского ига, является вопрос о преемственности в национальном литературном развитии. Страшный удар, который османское нашествие в конце XIV в. нанесло культурному развитию страны, не мог для нее пройти бесследно. Ожесточенное сопротивление болгарского народа во много раз превосходившему его по численности завоевателю все-таки было сломлено. Разрушение городов и сел, уничтожение монастырей – важнейших литературных средневековых центров, эмиграция болгарских писателей в соседние государства причинили стране непоправимый ущерб. И тем не менее было бы преувеличением сказать, что многовековые культурные традиции Болгарии, давшей письменность славянскому – да и не только славянскому – миру, в корне пресек ятаган османских завоевателей. Точка зрения литературоведа Г.Д. Гачева, полагающего, что нашествие прервало культурную письменную традицию болгар и вынудило их во второй половине XVIII в. “начинать фактически заново”¹, является ошибочной. Более правильным представляется мнение известного слависта П. Динекова, отстаивающего концепцию единства развития болгарской культуры². Оно подтверждается наличием устойчивых историко-культурных явлений, превратившихся в своеобразные национальные символы: переходящая из века в век высокая оценка деятельности славянских просветителей Кирилла и Мефодия, постоянный пиетет к национальному подвижнику Ивану Рильскому и основанной им обители. В ее пользу говорит неизменная способность болгарской литературы сочетать в себе сугубо национальные проблемы с проблемами общеславянскими и т. д.

Преемственность в национальном литературном развитии показывают многочисленные факты обращения болгарских писателей эпохи османского

ига к творчеству своих предшественников. Григорий Цамблак, Константин Костенецкий, Владислав Грамматик и другие болгарские авторы XV в. продолжают и развивают традиции литературной школы патриарха Евфимия Тырновского (XIV в.) на территории самой Болгарии и далеко за ее пределами. Отголоски евфимиевских традиций улавливаются и в произведениях самых ярких представителей самобытной болгарской литературы XVI в. – софийских книжников, священника Пейо и Матая Грамматика. В следующем столетии в Болгарии начинает доминировать жанр дамаскинов – религиозно-поучительных сборников, в которые позднее включаются произведения староболгарских авторов: жития, апокрифы, поучения, повести и другого рода сочинения. В середине XVIII в. родоначальник национального возрождения Паисий Хилендарский создает свою эпохальную “Историю славяноболгарскую” (1762), прослеживающую историю болгарского народа от “начала” до современности, используя в ней значительное количество староболгарских источников. Преемственность в болгарском литературном развитии продолжается и после Паисия до наших дней.

Однако сама по себе устойчивость письменной традиции не может служить основой для вывода о “консервации” евфимиевских идей в XVI–XVII и уж тем более в XVIII в. В рукописных южно-восточнославянских книгах сочинения древних национальных авторов бытуют по XIX в. включительно, но они не являются определяющими при характеристике того или иного этапа литературного развития. Первостепенную роль играют, как правило, оригинальные произведения, в которых отражаются новые веяния эпохи. Именно ими, словно своеобразными вехами, отмечено направление литературного прогресса. Поэтому мы остановимся лишь на тех памятниках, в которых наиболее отчетливо прослеживаются эволюционные сдвиги или, наоборот, наблюдается частичный возврат писателей к средневековым литературно-эстетическим нормам. Для этой цели мы привлечем житие Георгия Нового (первая четверть XVI в.), дамаскины (XVII–XVIII вв.), “Историю славяноболгарскую” Паисия Хилендарского (1762) и “Автобиографию” Софрония Врачанского (1805).

Болгарская литература периода османского ига изучена сравнительно неплохо. Фундаментальные работы болгарских и зарубежных ученых о литературных памятниках XVI – начала XIX в. могут служить отправной точкой для дальнейших разысканий уже не фактографического, а теоретического порядка. Наибольшая трудность здесь, пожалуй, возникает в терминологическом аспекте. Почти все литературоведы единодушны в оценке “Истории славяноболгарской” Паисия Хилендарского как памятника, знаменующего собой начальный этап болгарского национального Возрождения.

И наоборот, о допаисиевском периоде, охватывающем два с половиной века, ведутся непрекращающиеся споры. Что это? Продолжение евфимиевских традиций с последующей “демократизацией”³, Предвозрождение⁴, Возрождение⁵ или же барокко, сменяющееся предвозрождением?⁶ Нам кажется, что ни одно из этих традиционных определений литературных эпох, которыми характеризуются другие славянские литературы указанного периода, к болгарской не применимо. И дело здесь не столько в хронологической сдвинутой болгарского литературного развития в историко-литературном процессе юго-восточного славянского ареала, сколько в крайней специфичности пройденного болгарской литературой пути.

Иноземный гнет, принимавший в Болгарии невиданно жестокие формы, не только затормозил, но и предопределил последующее национальное литературное развитие. Восстановление болгарских монастырей и церквей, пострадавших в результате нашествия, создание новых литературных центров и возобновление литературных традиций – было делом времени для страны, уже имевшей в прошлом опыт иноземного византийского ига (1018–1187). Однако новые завоеватели оказались страшнее прежних. Огромная пропасть, разделявшая победителей и побежденных в этническом, языковом, религиозном и культурном отношении, препятствовала какому-либо культурному взаимопроникновению и взаимообогащению, как это было при византийском владычестве. Если раньше наводнившие болгарские пределы византийские духовные лица все же косвенно способствовали развитию литературы и письменности (на греческом языке, знакомом образованным болгарским книжникам), то теперь в стране сложилась совершенно иная ситуация. Уничтожение Тырновской патриархии, ссылка главы тырновской литературной школы патриарха Евфимия, эмиграция его учеников и последователей в соседние государства обезглавили и обескровили болгарскую церковь – одного из главных “меценатов” болгарской литературы. Разграбление монастырей и церквей во время османского нашествия и секуляризация их земельных угодий иноземными колонистами подорвали материальную основу болгарской церкви и ослабили возможность для быстрого возобновления литературных традиций. Не случайно в течение первой половины XV в. болгарская литература хранит молчание. Многочисленные ученики и последователи Евфимия Тырновского вносят свой вклад в развитие других славянских и неславянских литератур. Блестящие писатели средневековья – Киприан, Григорий Цамблак, Константин Костенецкий, автор анонимной болгарской хроники и др. – творят вдали от родины, куда их сочинения не доходят. Рукописная традиция в Болгарии едва теплится, и это главным образом – переписывание произведений, созданных задолго или накануне османского нашествия⁷.

Положение меняется в середине XV в., когда болгарский народ сумел преодолеть ужасные последствия османского погрома и был положен конец анархии в обезглавленной церкви: после падения Константинополя (1453) она во второй раз за свою историю подпала под юрисдикцию греческой патриархии. Внесение упорядоченности в церковно-религиозную жизнь и улучшение материального положения монастырей и церквей благоприятствовали восстановлению литературных традиций: в болгарской литературе появляются имена талантливых писателей: Димитра Кантакузина, Владислава Грамматика и др. В целом вторая половина XV в. может быть названа периодом “инерции”. Литературная деятельность болгарских книжников имеет ту же направленность, что и до османского нашествия, но они уже не в состоянии достичь или тем более превзойти художественные высоты литературной школы Евфимия Тырновского. Громадная волна умственного и литературного движения, поднявшаяся в Болгарии в XIV в., под османским натиском сместилась в Россию, Сербию, Молдавию и Валахию и уже не могла всплеснуться с прежней силой в своей исходной точке.

Для последующего развития евфимиевских традиций на территории самой Болгарии уже не существовало объективных условий. Несмотря на известные демократические тенденции, болгарская литература эпохи Евфимия Тырновского, создаваемая в крупнейших скрипториях, оставалась все-таки официально-феодальной. Она отражала идеологию господствующего класса, стояла на страже его интересов, отвечала его эстетическим вкусам. Официальной литературе издавна противостояла народная, богомильская и еретическая книжность⁸.

Во время вторжения османских полчищ на Балканский полуостров значительная часть болгарских светских феодалов погибла в военных столкновениях, оставшиеся в живых были либо умерщвлены, либо высланы с семьями в Малую Азию, либо приняли ислам, слившись с инородной массой завоевателей⁹. С уничтожением класса светских феодалов в Болгарии почти полностью¹⁰ исчез важный социальный заказчик рукописных книг, диктовавший свои вкусы книжникам из официальных скрипториев. Не могла выступать в роли верховного феодала и болгарская церковь, поскольку ее политические и экономические права существенно ограничивались османской администрацией и высшим греческим синклитом. Специфика общественного развития Болгарии в первые века иноземного ига заключается именно в отсутствии класса национальных угнетателей, и это обстоятельство не могло не сказаться на судьбе национальной литературы. Прежняя литературная поляризация потеряла всякий смысл. Напряжение на ее полюсах стало равно нулю. Происходит постепенный качественный сдвиг:

болгарские книжники, работавшие при монастырях (“придворных” писателей уже не существовало), начинают ориентироваться на социально гомогенную массу “райю”, равную в своем бесправии перед османскими поработителями. Блеск, пышность, вычурность, известная «элитарность» высокоразвитой официальной болгарской литературы времен патриарха Евфимия мало вязались с бедственным положением болгарского народа, подпавшего под иго жестокого завоевателя. Исчезла также богомильская и еретическая литература, утратившая своих оппонентов. В болгарской литературе XVI в. наступает даже не “демократизация” (П. Динеков), которая в русской, польской и других славянских литературах прокладывала себе дорогу в борьбе со своей оппозицией – литературой придворной, а естественное “опрошение”, закономерное приспособление ко вкусам нещадно эксплуатируемой “райи”. Ликвидация болгарской государственности, уничтожение класса светских феодалов, ослабление политических и экономических позиций болгарской церкви разрушило саму основу, изъяло самый стержень традиционного для средневековья сословно-корпоративного развития¹⁰. Других странах усложнение социальной стратификации общества вело к постепенному разветвлению историко-литературного процесса, устремлявшегося в множившиеся корпоративные русла – в Болгарии этот процесс был насильственно прерван. Под чудовищной тяжестью иноземного ига все богатство социальной и политической жизни было раздавлено, скомкано, смято, сведено до недвусмысленных отношений между победителями и побежденными.

Следует отметить, что сословно-корпоративный принцип вообще слабо отражался в древней болгарской литературе в силу ряда причин. Во-первых, это была первая славянская литература, на долю которой выпала трудная и благородная задача приобщения славянского мира к христианству. В первые века после ее зарождения усилия болгарских книжников были направлены на перевод с греческого огромного корпуса произведений раннехристианских писателей, впоследствии влившихся в украинскую, русскую и сербскую литературы и значительно облегчивших их быстрое развитие. Во-вторых, древней болгарской официальной литературе пришлось вести ожесточенную полемику с богомильством – мощным еретическим движением, возникшим почти сразу же после принятия болгарскими христианами и оспаривавшим саму его суть. Богомильство опрокидывало традиционное представление о небесной (Псевдо-Дионисий Ареопагит) и земной иерархии. Стройная мировоззренческая система богомильства, объявлявшего видимый мир с его “данными от Бога” царями, сановниками, боярами, церковью, синклитом, священнослужителями и прочими угнетателями плодом деятельности

дьявола, подрывала государственные и церковные устои и вынудила официальную болгарскую литературу сконцентрировать свои силы на утверждении христианских понятий и символов, создании антибогомильских сочинений и упрочении пиетета к верховной власти (“Похвала царю Симеону”, восторженное описание царского дворца в “Шестодневе” Иоанна Экзарха, и т.д.).

Эти факторы в известной степени предопределили облик древней болгарской литературы, придав ей “общеславянский”, “общечеловеческий” или, по неточному определению Н.К. Гудзия, “церковный” характер¹². Они в какой-то мере объясняют отсутствие в ней традиционных для славянских литератур летописей (так и не развившихся из болгарской летописной эпиграфики), воинских повестей, “хождений” и некоторых других жанров, восполнявшихся переводной литературой. Созревание этих жанров в недрах имевшихся – например, появление художественно обособленных летописных фрагментов и географических описаний в агиографии – началось позднее, в XIV в. и особенно заметно в творчестве самых видных последователей тырновской литературной школы: Григория Цамблака и Константина Костенецкого. В то время основные догматические произведения византийских писателей уже были давно переведены, а богомильское движение пошло на спад после постановлений церковных соборов и решительных административных мер.

Сравнительная жанровая бедность древней болгарской литературы компенсировалась ее идейной и эстетической развитостью, способностью подниматься до решения общехристианских гуманистических и, следовательно, общечеловеческих проблем. Древняя болгарская литература развивалась не в жанрово-структурную ширь, а в идейно-эстетическую глубину и в продолжение нескольких веков служила “генератором идей” для южного и восточного славянского ареала.

При наличии в древней болгарской литературе разветвленной системы жанров многие из них, очевидно, смогли бы выжить и после захвата Балканского полуострова османскими завоевателями. Вероятно, продолжали бы развиваться такие жанры, как “хождения” (болгарские духовные лица в период ига часто бывали в Молдавии и Валахии, России, Сербии и других странах), воинские повести, в которых, без сомнения, нашла бы свое отражение битва европейских народов с османскими силами под Варной в 1444 г., летописи, в которых стали бы фиксировать уже не политические усобицы феодалов, а лишь стихийные бедствия, необычные природные явления, разорения болгарских монастырей османскими войсками, и т. д. Однако этого, как мы знаем, не произошло, и, по-видимому, отсутствие указанных жанров

в рукописной болгарской традиции периода османского ига не следует списывать за счет массовой гибели литературных памятников в результате погромов.

Отсутствие богатой жанровой системы и слабость сословно-корпоративного начала в древней болгарской литературе IX–XIV вв., установление османского ига, ликвидация класса болгарских феодалов, ослабление позиции болгарской церкви сужали круг возможных путей дальнейшего литературного развития и фактически сводили его к единственному: сначала “инерция” – возрождение традиционных жанров, затем трансформация – преобразование их на новой основе.

В XVI в. происходит оживление болгарской агиографии. Создаются жития мучеников, пострадавших от османских завоевателей за отказ принять ислам. Отстаивание исконной (православной) веры в условиях османского ига приобрело на Балканах особую актуальность. Массовая насильственная исламизация болгар, греков, сербов и других поработенных народов могла привести к постепенному их исчезновению с политической карты Юго-Восточной Европы. Поддержание православного богослужения способствовало сохранению письменных и культурных традиций поработенных народов, не давало им забыть свой родной язык и свою историю.

Инициатором создания житий мучеников “за веру” выступило высшее греческое духовенство, стремившееся удержать в лоне православной церкви этнически разнородную христианскую паству – свой главный оплот в огромной Османской империи. В конце XV – первой половине XVI в. появляются греческие мартирии, восхваляющие религиозную стойкость болгарина Георгия Одринского¹³, Иоанна Янинского, Михаила Маврудиса и др.¹⁴.

Подпадание болгарской церкви под юрисдикцию константинопольской патриархии и ослабление традиционных культурных связей Болгарии с соседними государствами и Россией определенным образом повлияли на судьбу болгарской литературы. Она оказалась втянутой в орбиту греческого культурного влияния, которое проводилось посредством греческих духовников, занимавших в болгарской церкви ключевые посты. Софийскими митрополитами в XVI в. являлись греки: Калевит, Панкратий, Иеремия, Яков, Диомидий, Григорий¹⁵. Поэтому нет ничего удивительного в том, что болгарская житийная литература того периода испытала прямое или косвенное воздействие греческой агиографии конца XV – первой половины XVI в. Болгарские жития Георгия Софийского и Николы Софийского, как и упомянутые греческие мартирии, посвящены проблеме сохранения исконного православного вероисповедания. Их роднит простота изложения материала, стремление к достоверности, «низкое» социальное происхождение

героев повествования, тот факт, что эти произведения были написаны очевидцами событий – болгарскими и греческими духовниками, стоявшими на высших ступеньках церковной иерархии, и некоторые другие черты. Эти литературные памятники предназначались для самой широкой аудитории, их авторы учитывали вкусы “райи” – единственно существующего в условиях османского ига социального адресата литературы. Автор жития Георгия Нового софийский книжник Пейо, в частности, пишет, что его произведение “простим и невеждам к разумению удобно будет”, а “умни” станут глумиться над ним¹⁶. Под первыми священник Пейо, очевидно, подразумевает свою малограмотную паству, под вторыми – немногочисленных образованных книжников или начитанных представителей греческого синклита. Социальная переориентация литературы, вызванная гомогенностью читательской аудитории, вела к постепенному взаимопроникновению, объединению, совмещению двух основных литературных пластов – “высокого” и “низкого”, официального и народного. На первых порах этот процесс вызвал неожиданный эффект: общая “кинетическая” энергия двух объединившихся пластов стала больше каждого из них по отдельности, но меньше суммарной. В официальных скрипториях создаются жития, отчасти повторяющие изначальные агиографические приемы, но уже далекие от традиций тырновской литературной школы. Их отличает совмещение разнородных начал, наличие некоего «нового» качества. Рассмотрим, как этот эффект отразился на трактовке образа автора в житии Георгия Нового.

В средневековой литературе образ автора был не индивидуальным, а собирательным, корпоративным. Он выражал корпоративное отношение средневекового писателя к литературному творчеству, требовавшему от него соблюдения определенных правил и норм¹⁷. В соответствии с литературным этикетом книжник должен был заверить читателя в своей безыскусности, бесталанности, неумении обращаться со словом. Ритуал самоуничтожения являлся обязательным: составители житий обвиняли себя в греховности, просили у читателей прощения за дерзость, побудившую их взяться за перо, призывали Всевышнего помочь им в литературном начинании.

В том или ином виде традиционный образ автора в древней болгарской литературе варьируется постоянно. Эта пришедшая из соседней Византии традиция не ослабела в Болгарии и после подпадения ее под османское иго. Один из самых плодовитых писателей второй половины XV в. Владислав Грамматик именует себя не иначе, как “многогрешным”, или “последним в дьяцех”¹⁸. В “Загребском сборнике” (1469) набор нелестных эпитетов, которыми автор награждает себя, еще более разнообразен. Он называет себя “убогим в добродетели и богатым в гресех”, “непотребным Богу и человеку”, “последним в дьяцех”¹⁹.

Подобные самоуничижительные эпитеты, указания на род занятий автора, место и время написания памятника, имя и титул заказчика употреблялись, как правило, в небольших предисловиях и послесловиях к отдельным произведениям, сборникам или приписках к рукописям. Эти фактические данные, из которых складывается образ книжника, бывают мало связаны с содержанием произведения и зачастую принадлежат не его создателю, а переписчику. Однако даже такой шаблонный собирательный образ средневекового автора обладал известной универсальностью и смысловой емкостью, выражая то искреннюю смиренность, то элемент гордыни (писатель “от Бога”), то юродство (подписи Ивана Грозного в уничижительных “прошениях” татарскому царевичу Симеону Бекбулатовичу), то действительный трепет перед важностью темы (например, в агиографии: герой хорош, да плох писатель) и т. д.

Собирательный образ средневекового писателя обыкновенно не вплетается в художественную ткань произведения, а лишь раскрывает отношение автора к создаваемому им сочинению. Оно проявляется также в подходе писателя к центральной теме произведения, его идеологической направленности, интерпретации тех или иных моментов повествования, помогая читателю составить представление о личности автора. Однако перед нами уже не образ автора в литературоведческом смысле этого слова, а авторская позиция. Житие Георгия Нового интересно именно тем, что в нем наблюдается эмансипация личности автора, являющегося одним из главных героев повествования.

Уже из предисловия к житию читатель узнает многие факты жизни священника Пейо: о знакомстве книжника с константинопольским патриархом Нифонтом (1486–1489, 1497–1498), посещении им Афона, о том, как он предоставил кров гонимому турками духовнику Стефану из села Пенковцы, и т. д. Тем не менее предисловие к житию едва ли отличается от множества других житийных предисловий. Оно служит прежде всего назидательным целям, призывая читателя к неукоснительному соблюдению нравственных норм христианской благочестивости. Неоднократные ссылки автора на то, что он был очевидцем описываемых событий (“аз самовидец бях”, “слышах” и т. п.), используются им как средство для усиления фактора достоверности. Предисловие в целом вполне традиционно и не несет в себе ничего принципиально нового. Художественные новации проявляются в тексте самого жития, где автор становится вторым по важности героем повествования после Георгия Нового. Пейо – наставник, учитель и духовный руководитель юности. После смерти родителей Георгия он фактически заменяет ему отца: дает приют, находит работу, заботится о его воспитании и образовании. Роль

Пейо еще более возрастает, когда турки начинают преследовать Георгия, стремясь обратить его в ислам. Встревоженный вызовом юноши в суд за полемику с мусульманским проповедником по вопросам веры, Пейо поджидает своего питомца на улице, просит стражников отпустить Георгия под залог, обещая обеспечить явку обвиняемого в суд по первому требованию. Стражники неподкупны, но изворотливый ум книжника тотчас же находит лазейку: он уверяет их, что окажет воздействие на Георгия и будет поучать его “сотворити полезное себе”. При помощи этой хитроумной уловки Пейо добивается права приходить к юноше в тюрьму, но склоняет Георгия отнюдь не к исламу, а, наоборот, призывает пострадать за православную веру. Книжник проявляет незаурядное знание старохристианской литературы, ставит юноше в пример мучеников Стефана и Стефана Нового, подкрепляет свои аргументы цитатами из Священного Писания, убеждает своего питомца не поддаваться на уговоры мусульман и увенчать себя венцом мученичества за имя Христово.

Душевные колебания Георгия перед сожжением на костре, его вполне понятное желание жить будят у Пейо глубокое сочувствие. Он прилагает все усилия, чтобы высвободить юношу из тюрьмы: оказывает давление на мусульманского судью, предлагает ему деньги, пытается смягчить приговор. Получив отказ, Пейо становится моральной опорой Георгия – присутствует на судебном разбирательстве, укрепляя в юноше решимость пострадать за веру. Во время казни, смешавшись с толпой турок, Пейо сумел напутствовать Георгия перед смертью. Его отгоняют, но он не бездействует – собирает вокруг себя христиан и начинает молиться о спасении души мученика.

После сожжения подвижника Пейо вместе с другими христианами отправляется к наместнику города, чтобы добиться разрешения похоронить останки юноши в соответствии с православными обычаями. Опасаясь привлечь внимание османских властей чрезмерной инициативой, он подбивает на переговоры свою паству, но за ее действиями чувствуется его направляющая рука. Поэтому судья обращается не к анонимной толпе христиан, а к ее духовному вожаку – священнику Пейо. Разумеется, наместник не мог удовлетворить просьбу болгарской делегации, так как не желал вступать в конфликт со своими фанатичными соплеменниками, и тогда Пейо организует похищение останков мученика. Он поручает эту небезопасную операцию одному из христиан, вознаградив его несколькими “сребрениками”.

В этом эпизоде жития присутствует своего рода “авантюрный” элемент. Стережущие костер стражники под утро заснули, и безымянный христианин успешно осуществил свой дерзкий замысел. Идти сразу к Пейо с подозрительной ношей по улицам города он не решился. Опасно было также хранить

останки у себя дома, где жили мусульмане, поэтому он через третье лицо чуть позже переправил их в храм св. Марины, где служил Пейо. Сюжетный клубок в этом эпизоде разматывается стремительно, и все описываемые здесь события, по-видимому, являются достоверными: автору не было смысла усложнять повествование обилием вымышленных фабульных поворотов – он лишь стремился к большей правдивости за счет точного изложения фактов.

Но даже после того, как останки мученика оказались у христиан, софийский клир не осмеливался торжественно захоронить их без согласия османских властей. И тогда на передний план снова выступает книжник Пейо. Явившись к судье, он рассказывает ему фантастическую историю о “чудесном” обретении в церкви св. Марины останков Георгия, перенесенных туда неведомой силой из костра на площади. Еще раньше к судье с повинной приходят и стражники. Побаиваясь наказания за плохое несение службы (заснули на посту), они также сочиняют небылицы о загадочном исчезновении останков мученика у них на глазах. Османским властям не остается ничего другого, как удовлетворить желание христиан, и софийский клир устраивает торжественное погребение тела Георгия в церкви св. Марины.

Таким образом, от страницы к странице перед читателем все объемнее вырисовывается фигура книжника Пейо – умного, инициативного, хорошо знающего нравы города, отлично разбирающегося в людях. Автор жития Георгия Нового впервые в истории болгарской литературы делает себя одним из главных героев повествования, хотя его начинание несет в себе некоторые черты робости. В соответствии со средневековой традицией “абстрагирования” и принципом авторской смиренности Пейо все еще говорит о себе в третьем лице (“некий священник”), но здесь уже появилось и нечто новое: автор нередко отступает от общепринятого агиографического приема, и тогда в тексте произведения возникает вполне конкретное авторское “я”. Это можно наблюдать и в эпизоде судебного разбирательства над Георгием, и в сцене сожжения мученика, где Пейо, забыв об условности, говорит о себе в первом лице: “стоях близь него *азь*”, “рекохь себе *азь*”.

Эмансипация авторского образа в житии Георгия Нового едва ли имеет случайный характер. Вряд ли можно согласиться с мнением В.С. Киселкова, что произведение Пейо является своего рода “метеором”²⁰, блеснувшим на мрачном небосклоне болгарского средневековья. Закономерность указанной новации доказывает факт эмансипации авторского образа во втором дошедшем до нас памятнике болгарской агиографической литературы XVI в. – сказании о Николе Софийском, созданном Матеем Грамматиком вскоре после 1555 года. Подобно Пейо, автор этого сочинения делает себя одним из главных героев повествования, повторяя литературное новшество своего предшественника.

Соединение старых и новых начал в упомянутых памятниках, как мы уже отмечали, было результатом насильственной ломки традиционной модели литературного развития, неожиданным эффектом объединения “высокого” и “низкого” литературных пластов. Однако этот эффект не был продолжительным и не обладал достаточной силой, чтобы стать отправной точкой для создания новой болгарской литературы. В условиях османского ига болгарское литературное развитие устремилось по единственно возможному руслу и фактически свелось к переосмыслению старых национальных традиций. Правильность такого вывода легко подтверждается проверкой статейного состава рукописей и старопечатных книг XVI–XVII вв., хранящихся в древлехранилищах Болгарии. Несмотря на многочисленные хождения болгарских монахов на Афон, в Сербию, Украину и Россию, мы не обнаруживаем в болгарской литературе того времени русских, украинских или сербских оригинальных произведений светского или полусветского содержания. Очевидно, такие памятники не вызывали интереса у болгарских духовных лиц, искавших материальную и моральную поддержку в период ига в соседних независимых (или полуассальных) странах. Основную массу привозимой монахами рукописной и старопечатной литературы составляли книги церковно-религиозного предназначения: евангелия, апостолы, требники и т.д. В архивах НРБ мы не найдем произведений Ивана Пересветова, Андрея Курбского, Ивана Грозного, протопопа Аввакума, Константина Островитянина и других русских, сербских или украинских писателей, создававших светские или полусветские сочинения в XVI–XVII вв.²¹ Почти не найдем мы там и произведений собственно болгарской оригинальной литературы.

В этот период в стране получают распространение дамаскины – сборники религиозно-поучительных слов, составленные греческим проповедником XVI в. Дамаскином Студитом. “Сокровище” Дамаскина Студита, по оценке специалистов, было переведено в Болгарии в 80-х годах XVI столетия и получило широкую популярность в местной рукописной традиции в XVII, XVIII и даже XIX в. В настоящее время известно около 200 рукописных дамаскинов, большая часть которых находится на территории Болгарии²².

Первому веку “дамаскинской” эпохи исследователи, как правило, уделяют мало внимания. В XVI – первой половине XVII в. статейное содержание “Сокровища” при переводе на болгарский язык сохранялось довольно строго, и он трактуется главным образом как памятник переводной литературы, в котором весьма последовательно прослеживается стремление к адекватной передаче текста, не допускающее никаких отклонений. Упускается, однако, из виду одно важное обстоятельство: стилистические и литературно-эстетические

особенности греческого оригинала “Сокровища”, написанного на языке, близком к народному. Тенденция к использованию живого разговорного языка в греческой официальной литературе возникает вскоре после падения Византии под ударами османских завоевателей. Уже Геннадий Схоларис – первый греческий патриарх, взошедший на престол после захвата Константинополя османами, – время от времени писал документы на одном из народных диалектов. Демократизация языка коснулась не только деловой письменности – она имела гораздо более широкие масштабы. Сюда относятся попытки переложения в Греции на народный язык в XV–XVI вв. канонических книг Священного Писания: Ветхого завета, евангелий, деяний апостолов и т.д. В еще большей мере это относилось к словам и поучениям, которые читались в греческих церквах. Если создание канонических книг на народном языке не было особенно плодотворным делом (для большинства неграмотного народа письменность на разговорном языке была так же непонятна, как и на старогреческом), то церковные проповеди и слова нуждались в перефразировании ради доступности восприятия.

Демократический характер литературной деятельности Дамаскина Студита не был в Греции исключительным явлением. Его имя стоит в ряду имен таких греческих писателей и проповедников XVI в., как Алексис Рартурос, живший в Италии, Николас Софианос и Иоанникий Картанос. Последний, в частности, писал в предисловии к сборнику слов, ветхозаветных и новозаветных историй: “И сотворил я это не для ученых, а таких, как я, необразованных, чтоб поняли все работающие и необразованные люди, о чем говорится в Священном Писании, а также чтобы каждый, кто трудится, умел читать: и женщина, и ребенок, и обыкновенный смертный”²³.

Перевод “Сокровища” в Болгарии стал своего рода официальной санкцией на использование в литературе языка, близкого к народному. Сама лексика греческого оригинала требовала от болгарских переводчиков поисков нового словесного материала для наиболее адекватной передачи мыслей Дамаскина Студита. В Болгарии начался длительный процесс переосмысления сложных христианских догм, переложения их на более доступный лад, «перекройки» фразеологических и образных единиц ортодоксальной христианской символики. Эволюция происходила на самых различных уровнях: от языкового до литературно-эстетического. Дамаскины стали удобной формой для переосмысления собственно национальных традиций. Начиная с середины XVII в., сборники слов Дамаскина Студита в Болгарии постепенно превращаются в сборники смешанного содержания: в них включаются произведения других древних греческих и болгарских авторов. В XVII–XVIII вв. мы обнаруживаем в них жития Ивана Рильского, Петки Тырновской, Георгия

Нового, апокрифические Слово об Адаме и Еве, Откровение Варухово, Слово о светопреставлении, пришествии Антихриста и Страшном суде, Вознесение Анастасиево и другие сочинения известных или анонимных болгарских писателей предшествующих эпох. Указанные произведения не переписывались чисто механически: переписчики вносили в них свои изменения, которые касались не только языковой стороны, но и самой образной структуры протографов. Повествования древних писателей оживлялись за счет вымышленных фактов, большей конкретизации, новых придуманных эпизодов. Перед нами обычно не копия переписываемого сочинения, а новая редакция, переосмысление древнего творческого наследия. Новыми редакциями можно считать житие Ивана Рильского, составленное книжником Даниилом на основе жизнеописания упомянутого святого, созданного Евфимием Тырновским, житие Георгия Нового, написанное анонимным автором в начале XVIII в., переработавшим краткое проложное сказание о мученике конца XVI в., и некоторые другие памятники письменности, встречающиеся в болгарских сборниках смешанного содержания XVII–XVIII вв.

Термин “редакция” к указанным произведениям можно употребить с известной оговоркой. Процесс перекраивания текстов, как правило, носил полусознательный характер и превращался не в создание некоего нового литературного образца, а в элементарную перелицовку. Старому содержанию лишь придавалась новая, слегка модернизированная форма повествования.

В древнерусской литературе “прочтение” редакций того или иного памятника позволяет выявить многие идеологические нюансы: по вставкам в основной текст мыслей переписчика или, наоборот, пропускам и умалчанию можно судить, создавалась ли данная редакция в новгородском, тверском или московском скриптории; выражает ли она идеологию “нестяжателей” или сторонников монастырского землевладения; является ли ее автор приверженцем объединения русских княжеств вокруг Москвы или, наоборот, ратует за местничество, и т. д. Совсем иной характер носят редакционные изменения староболгарских памятников, помещавшихся в сборниках смешанного содержания в Болгарии XVII–XVIII вв. Эти изменения затрагивали главным образом язык, образную структуру, форму. Это было переосмысление национальных традиций особого рода. Всякое движение в литературе есть результат переосмысления традиции. В болгарских же сборниках смешанного содержания оно вело не к рождению нового качества, а лишь иллюстрировало крайне медленную эволюцию читательских вкусов, под которые подгонялся литературный материал предшествующих эпох.

Соответственно, не изменялся в это время и образ автора. Отсутствие новых оригинальных сочинений и особенности жанра сборников смешанного

содержания диктовали на протяжении второй половины XVI – середины XVIII в. неизменность собирательного образа автора-составителя книг, редактора и переписчика. Это традиционный кающийся книжник, сокрушающийся о своем невежестве, молящий Бога и читателя простить его за дерзость, побудившую взяться за перо.

Интересен также тот факт, что в новых редакциях староболгарских произведений, включавшихся в дамаскины, мы почти не обнаруживаем новых идеологических моментов²⁴. В них можно заметить лишь одну идеологическую тенденцию, которая была свойственна поработанному болгарскому народу и жила глубоко в его сознании, – тенденцию антиосманскую. С началом османского ига, когда были уничтожены сословные перегородки и болгарское общество, обращено в “райю”, его внутренние противоречия оказались как бы вынесенными за скобки противоречий между победителями и побежденными. Перед лицом угрозы религиозно-этнической ассимиляции произошла самая духовная и идеологическая консолидация болгарского народа, которая помогла ему не исчезнуть навсегда с политической карты Европы и выстоять почти пять веков неимоверного иноземного гнета. Ее силу и мощь питала монолитность, заключавшаяся в “великом противостоянии”, внутреннем противодействии, неприятии завоевателей, глубоко запрятанной ненависти. Монолитность помогла выстоять, но она влекла за собой неизбежные издержки; послужила причиной неразвитости идеологической жизни в стране в целом и в литературе в частности. Даже антиосманская тенденция не находила в дамаскинах своего яркого отражения. Сочинения подобного рода могли вызвать суровые репрессии авторов со стороны оттоманских властей. В качестве антиосманских памятников выступали помещаемые в дамаскинах жития старохристианских мучеников (Георгия Победоносца, Димитрия Солунского, Феодора Стратилата и др.), где гонители на христианскую веру сравнивались с османскими насильниками, проводившими религиозно-ассимиляторскую политику. Лишь в одном произведении болгарской литературы XVII в. – “Рассказе об отуречивании чепинских болгар”, написанном священником Мефодием Драгиновым, ненависть к угнетателям проявляется в открытой, незамаскированной форме. В нем писатель очень живо и непосредственно поведал читателю о массовом разорении болгарских монастырей и церквей и насильственной исламизации своих соплеменников. Этот светский по своему содержанию небольшой летописный рассказ стал известен в науке благодаря С. Захариеву, опубликовавшему его единственный, ныне утраченный список²⁵.

Гораздо более свободно выражали свои чувства болгары в устном народном творчестве. В XVI–XVII вв. фольклор в Болгарии был значительно богаче

письменной литературы в смысле идеологии и принял на себя ее многие идеологические функции.

О болгарской литературе указанного исторического периода последнее время говорят как о литературе с барочными тенденциями, имея в виду произведения болгарских католиков²⁶. Однако болгарские католические памятники создавались за границей на непонятном народу латинском языке и не получили широкого распространения в стране. Католическая литература – факт литературной истории, но не фактор болгарского внутрилитературного развития.

Эволюцию болгарской литературы конца XVI – начала XVIII в. едва ли можно считать и предвозрождением. Происходившие в ней изменения касались главным образом литературного языка, свидетельствовали об отсутствии в нем устойчивой нормы, выливались в перекраивание средневековой символично-образной системы. Этот процесс в Болгарии был полустихийным и не принимал характер осмысленной программы. Термин предвозрождение выводится исследователями формально-логическим путем: если середина XVIII в. в Болгарии есть Возрождение, то должно существовать и Предвозрождение. Как мы уже указывали, болгарские ученые Б. Цонев и Х. Гандев относили его возникновение к концу XVI – началу XVII в. Однако применять данный термин для характеристики болгарской литературы, приводя в качестве аргумента лишь изменения в литературном языке, вряд ли правомерно. Предвозрождение – комплексное явление художественной жизни. Оно затрагивает самые различные ее области: иконопись, архитектуру, прикладное искусство, находит свое отражение в новых эстетических и идеологических трактатах. Ничего этого в болгарской культуре конца XVI и XVII в. мы не находим. По-видимому, тогдашний процесс переделки национального и переводного литературного материала предшествующих эпох можно назвать стихийным “переосмыслением”, считать явлением особого переходного периода в условиях деформированной модели традиционного литературного развития.

Заметные сдвиги наблюдаются в культурной жизни Болгарии в первой половине XVIII в. К тому времени в стране постепенно усиливается социальное расслоение общества, вызванное результатами медленного, но неуклонного экономического развития военно-феодальной Оттоманской империи. Помимо крестьянства и духовенства – основных социальных групп болгарского общества, – все сильнее начинают заявлять о себе экономически окрепшие цеха ремесленников, торговцы и ростовщики. Они сумели сконцентрировать в своих руках значительные средства и все активнее стали выступать в роли богатых меценатов. Значительно увеличиваются масштабы их экономической деятельности, они приобрели склонность к перемене мест:

совершают путешествия в Палестину, соседние страны и на Афон, расширяют свой социальный кругозор и обогащают свои художественные вкусы. На их пожертвования уже в первые десятилетия XVIII в. в болгарских монастырях Святой Афонской горы возводятся новые постройки, воздвигаются часовни, создаются стенописи, иконы, предметы церковной утвари. Новые веяния, отражающие изменившиеся вкусы ктиторов и художественные представления мастеров, коснулись прежде всего изобразительного искусства – наиболее чуткой и быстро реагирующей области средневековой культуры. Именно в болгарских афонских мастерских взошли первые ростки болгарского национального Возрождения²⁷.

Несколько позднее перемены, наступившие в общественной жизни Болгарии, проявились и в литературе, что видно на примере творчества книжника Иосифа Брадатого²⁸. Перу этого исключительно плодовитого дамаскинара принадлежит около полутора десятков рукописных книг, главным образом сборников смешанного содержания, написанных в 40-е–50-е годы XVIII в. Деятельность Иосифа Брадатого иллюстрирует пробуждавшуюся социальную и идеологическую реакцию болгарских книжников на современную им действительность. В приписках, интерполяциях, добавлениях и замечаниях к переписываемым им произведением религиозно-дидактической литературы он подвергает критике невежество болгарского духовенства, алчность ростовщиков, суеверия и предрассудки крестьянства. Иосиф Брадатый выступает с позиций образованного церковника, и социально-идеологические мотивы его рассуждений несут на себе печать христианской догматики. Затрагиваемые им проблемы находятся в непосредственной связи с действительностью, но одновременно имеют свои аналоги в старохристианской литературе. Он бичует алчность ростовщиков, но это весьма распространенный в религиозно-дидактической литературе мотив обличения “сребролюбия”. Его борьба против суеверий, по сути дела, есть не что иное, как выступление против языческих элементов в сознании болгарина (по мнению Иосифа, нарушение чистоты веры навлекло на страну Антихриста – османских завоевателей). Точно так же высмеивание невежества духовенства – традиционная для средневековой книжности тема. В ряде случаев Иосиф Брадатый попросту консервативен, выступая, например, против отступлений от средневековой моды в одежде и быту. Его авторские замечания при переписывании памятников религиозно-назидательной литературы обнаруживают большую связь с современной ему действительностью, чем у его предшественников, но они одновременно заставляют нас вспомнить о средневековых традициях.

Качественно новый этап наступает в болгарской литературе с появлением “Истории славяноболгарской”, написанной в 1762 г. монахом

Хилендарского монастыря Паисием. В этом произведении впервые были четко сформулированы и получили идеологическую окраску те проблемы, с которыми стихийно соприкасались болгарские книжники XVI – первой половины XVIII в. “История славяноболгарская” стоит на рубеже двух эпох. Ее по праву можно считать программой болгарского национального Возрождения, которая, правда, выразилась несколько необычным образом. Она не являлась манифестом, воззванием или прокламацией по своей форме. Хилендарский монах отразил свои идеи в историографическом сочинении, напоминающем по своей структуре соответствующие сочинения юго-восточнославянских историографов. Оно уходит корнями в позднее средневековье в буквальном и переносном смысле. Границы между оригинальным и компилятивным в нем, как и в других средневековых памятниках, все еще условны. Основными источниками Паисию послужили русские переводы сочинений римского кардинала Цезаря Барония (“Деяния церковная и гражданская”. М., 1719) и Мавро Орбини (“Книга Историография”. СПб., 1722). Помимо них, книжник использовал русские прологи, болгарские жития, поучения, похвальные слова, грамоты и множество других отечественных источников. Он проделал огромную работу, собирая по крупице отрывочные сведения об истории своего народа в афонских монастырях, на территории самой Болгарии и Австрии.

Фигура Паисия на фоне национального возрождения выглядит гигантской и все превосходные степени болгарских исследователей при оценке его деятельности и личности не кажутся преувеличенными²⁹. Голос Паисия звучал гораздо громче, чем голоса других славянских историографов у себя на родине. Димитрий Ростовский, Гавриил Бужинский, Георгий Конисский, Михаил Лосицкий, Захария Копыстенский, Иосиф Тронецкий, Иован Раич и другие русские, украинские и сербские историографы в своей работе опирались на развитые местные традиции. В их распоряжении находился готовый исторический материал, который интерпретировался ими и приобретал более модернизированную литературную и идеологическую окраску³⁰. Сочинения указанных историографов были логическим продолжением местных летописей, летописцев, родословов и в особенности хронографов. Паисий выступил не только как историограф, но и как основоположник нового жанра в болгарской литературе. Объединив различные инациональные и отечественные исторические источники, он, по сути дела, впервые создал целостную историю родного народа “от самого начала” (сотворения мира) и до современности.

Взяться за перо Паисия побудил целый ряд обстоятельств, которыми характеризовалась особая атмосфера духовной жизни Болгарии того периода.

К тому времени ключевые посты в национальной церкви были прочно заняты греческим духовенством. Основной опасностью являлась уже не исламизация болгарского населения османскими завоевателями, а эллинизация духовной культуры. Образованные болгары – главным образом церковники, немногочисленные купцы и торговцы – стали стыдиться своего родного языка, считая его языком пастухов и неграмотного крестьянства. Греческое влияние приобрело такие размеры, что грозило удушить собственно национальную культуру болгарского народа. Находясь на Афоне, Паисий не раз был свидетелем того, как его соплеменники подвергались насмешкам со стороны греков и сербов за то, что они не знали греческого – языка наиболее образованной прослойки христианского населения Османской империи. Объектами иронии его соплеменники становились также из-за незнания собственной истории.

Хилендарский монах первым возвысил свой голос в защиту национальных духовных ценностей. Чувства Паисия, пронизывающие “Историю славяноболгарскую”, были одновременно глубоко общественными и отражали умонастроения наиболее прогрессивной части болгарского общества середины XVIII в. В науке давно ведутся споры, выразителем чьих интересов был Паисий: нарождавшейся буржуазии, мелких производителей или крестьянства? История вопроса почти полностью приводится в монографии В.Д. Конобеева³¹, где вновь повторяется точка зрения Д. Благоева, Н.С. Державина, Д. Косева и других исследователей о том, что Паисий выступил в качестве идеолога формирующейся буржуазии. Нам кажется, что специфика «Истории славяноболгарской» как идеологического памятника состоит именно в ее нерасчлененности по классовому признаку. Незрелость идеологической жизни в болгарской литературе XVII – первой половины XVIII в. имела результатом необычный феномен, каким является “История славяноболгарская”. В ней отразилась программа (национальный язык, национальная церковь, национальное государство), которая отражала чаяния всех социальных слоев болгарского общества: крестьян, мелких и крупных ремесленников, землевладельцев, торговцев и духовенства.

Паисий писал о том, что турки захватили лучшие земли, и тем самым выражал интересы крестьян и землевладельцев. Он поднимал вопрос об отсутствии справедливых законов и наглом присвоении имущества болгар и стал, таким образом, выразителем интересов богатых ремесленников и торговцев. Автор “Истории славяноболгарской” напоминал читателю, что болгары первые среди славян поставили своего патриарха, подчеркивал греческое засилье в национальной церкви и проводил идею церковной независимости, выражая умонастроения болгарского духовенства. Рассмотренные

по отдельности, указанные идеи различных слоев болгарского общества, казалось бы, не имеют точек пересечения, но тем не менее они пересеклись в произведении Паисия, и в этом его величие и громадная заслуга перед пробуждавшимся к идеологической жизни родным народом.

После османского завоевания и колонизации Болгарии османами идеологический акцент из литературы постепенно сместился в область фольклора. Последний в смысле идеологии был несравненно богаче литературы. Благодаря своей анонимности, простоте и быстроте распространения он принял на себя многие литературные функции. Значение Паисия состоит в том, что он сумел вернуть болгарской литературе прежнюю идеологическую глубину. “История славяноболгарская” вызвала сдвиг в направлении идеологизации литературы, и он мог произойти лишь благодаря синтезу ее почти тысячелетних традиций.

Работа по выяснению отечественных источников, которые использовал Паисий, до сих пор продолжается. По-видимому, они исчисляются не десятками, а сотнями³². Не все источники в равной мере нашли свое отражение в “Истории славяноболгарской”. Иногда от них осталась лишь одна строчка или одно имя: царя, хана или национального святого. Поражает воображение размах собирательной деятельности Паисия. Сведения о родной истории он накапливал в продолжение двух лет. Подобно средневековым книжникам, Паисий не только писатель, но и редактор, однако его редакторская практика касается во сто крат большего материала, чем материалы, обрабатывавшиеся его предшественниками по отдельности. Паисий – компилятор, но от средневековых компиляторов его отличает крайняя избирательность и поразительная настойчивость поиска наиболее подходящей литературы: русский перевод сочинения Мавро Орбини он отыскал в далекой Австрии. Подобно средневековым авторам, он использует прием литературной аппликации. Так же, как болгарский писатель Иоанн Экзарх в “Шестодневе” или анонимный составитель “Изборника” царя Симеона, Паисий вставляет в тексты компилируемых источников свои замечания, соображения, рассуждения, окаймляет их своими призывами. По сути дела, именно в аппликации наиболее ярко воплотилась программа болгарского национального Возрождения. Как уже отмечалось, она не была воззванием, прокламацией или манифестом по своей форме в современном смысле этих слов. Отдельные ее положения не скомпонованы в одном месте, а рассеяны по всему тексту и выступают из глади компилируемых источников как островки. Однако они настолько отчетливы и проникнуты таким публицистическим началом и пафосом, что заметны уже при первом взгляде, и назвать поэтому программу возрождения манифестом можно с полным основанием.

Паисий творчески усвоил все то, что было создано до него в болгарской литературе. Его произведение является синтезом болгарского литературного средневековья, и этот синтез создавался ради целей, которые не только самым непосредственным образом откликались на злобу дня, но и были устремлены далеко в будущее.

Синтез сказался в произведении Паисия и на образе автора. Здесь мы наблюдаем как бы три авторских образа. Во-первых, Паисий – переписчик, копиист, компилятор, средневековый книжник, страдающий от головной боли, болезней желудка, упорно работающий над составлением своего труда и предупреждающий читателя о своей литературной неискренности. Во-вторых, Паисий – историограф, составитель историографического сочинения, соблюдающий определенные правила взаимоотношений с читателями. Скомпилировав отдельные места предисловия Цезаря Барония к “Книге Историографии”, книжник тем самым продемонстрировал свое полное согласие с кругом обязанностей, которые накладывались на него особенностями самого историографического жанра. Рассматривать эти обязанности нет необходимости – они исчерпывающе проанализированы в работе А.Н. Робинсона³³. И, в-третьих, личность автора и его темперамент отчетливо проявились в самом построении, публицистическом пафосе и полемическом задоре “Истории славяноболгарской”. Так же, как и во многих средневековых памятниках, в произведении Паисия вырисовывается авторская позиция, но она кристаллизуется здесь с необыкновенной ясностью и принимает вид завершенной программы. Прием литературной аппликации доведен в “Истории славяноболгарской” до внутреннего предела и не носит дополнительный или разъяснительный характер к компилируемому материалу. Он здесь цель, а не средство. Новым в сочинении Паисия было органическое единство трех указанных начал, синтез трех авторских образов, который являл собой новое качество. Оно еще не свидетельствовало о разрыве с литературными нормами средневековья, но уже говорило о значительном продвижении болгарской литературы в направлении к новому времени.

Публицистическая страстность Паисия наиболее ярко выразилась в отстаивании равноправия родного языка. В послесловии, после оговорки о том, что он не учился грамматике или “политике”, книжник не становится в традиционную позу средневекового писателя, сетующего на свое невежество, а не без гордости заявляет: “для простых болгар просто и написах”³⁴. Очевидно, Паисий мог привести свое сочинение в более “литературный” вид, но он не ставил себе такую задачу. “Не тщился я слагать речь по грамматике и слов подбирать”, – читаем мы далее в послесловии к “Истории славяноболгарской”. Он корит своих соплеменников, стыдящихся говорить

на родном языке: “О, неразумный, юродивый! Почто стыдишься назваться болгаринном и не читаешь на своем языке и не говоришь? Или не имели мы, болгары, своего царства и государства?”

В житии Георгия Нового и дамаскинской традиции использование элементов живого разговорного языка было полусознательным, стихийным. Паисий впервые “идеологизировал” этот процесс, сумел найти ему оправдание, выступил на его защиту, сделал его пунктом своей программы. Он намеренно вводил в повествование просторечные обороты, тюркизмы и легкие для восприятия грамматические конструкции, желая расширить круг читателей. Ведь, по его собственным словам, болгарский народ состоял в то время главным образом из простых землекопов, пахарей и пастухов, представлявших собой наиболее многочисленную аудиторию.

Большое значение придает Паисий и печатной книге. Он с сожалением говорит об отсутствии типографий в Болгарии. Весьма загадочным выглядит его утверждение о том, что он не раз в монастырских библиотеках находил болгарские книги, отпечатанные на пергамене еще в XIV в., при царе Иване Шишмане. Этому паисиевскому сообщению в науке до сих пор не найдено удовлетворительного объяснения. По всей вероятности, он ошибочно принял одно из изданий XVI в., отпечатанных на пергамене в Тырговиште, за издание времен царя Ивана Шишмана на основании архаичного языка и особенностей шрифта, который напоминает манеру письма XIV в.³⁵ Во всяком случае, первая болгарская печатная книга едва ли могла появиться до изобретения печатного станка Гутенбергом. Для нас важен сам факт высокой оценки Паисием значения книгопечатания в деле народного образования и просвещения. Книжник ставит в пример Россию и Украину, где были созданы многочисленные печатные дворы, выпускающие обильную книжную продукцию. Причем Паисий имеет в виду не только богослужебную литературу, но и светскую. Именно так можно толковать то место “Истории славяноболгарской”, где он с завистью пишет, что русские и украинцы восприняли от различных народов “письменную мудрость”, могут переводить на свой язык “много речи” и писать “как им угодно”. Из этого отрывка видно, что Паисий прекрасно понимал роль переводной литературы для приобщения к мировой культуре. Он не ограничивает культуру, подобно средневековым книжникам, рамками одной лишь православной общности. Для него она более широкое понятие, включающее в себя культурные достижения “латинов и других народов”.

Весьма прогрессивным являлось мнение Паисия о необходимости открытия в Болгарии светских училищ. Слово “светский” как таковое нигде не фигурирует в тексте “Истории славяноболгарской”. Но именно светское

образование подразумевается им, когда он пишет об учреждении в России и на Украине училищ, в которых преподается самая различная “письменная мудрость”. Наше соображение будет выглядеть более убедительным, если напомнить, что в болгарских монастырях и церквах того времени имелись так называемые “келейные” училища, в которых по Псалтыри духовенство учило грамоте послушников и (гораздо реже) детей торговцев и богатых ремесленников. Автор “Истории славяноболгарской” отчетливо сознавал, что успехи в образовании и просвещении в России и на Украине стали возможны лишь благодаря тому, что они обладают “царством и церковной свободой от много време”, т.е. благоприятными условиями культурного развития, которые в Болгарии отсутствовали и даже не имели перспективы в ближайшем будущем.

Таким образом, Паисий выступил первым просветителем в истории болгарского национального Возрождения, которая им же и начинается. Он отлично чувствовал необходимость во всеобщем образовании и просвещении, усматривал в нем одну из главных предпосылок духовного возрождения болгарского народа. В “Истории славяноболгарской” он четко определил задачи просветительского движения: открытие светских училищ, организация книгопечатания и интенсивное распространение книжной продукции среди населения, приобщение к культурному опыту других народов через переводную литературу, использование живого разговорного языка, понятного всему болгарскому народу. Эти задачи, однако, не могли разрешиться в сжатые сроки. Не случайно после Паисия в продолжение нескольких десятилетий в истории болгарской литературы нет личности, равной ему по масштабам мышления. Паисий намного опередил свою эпоху. Большая часть сформулированных им задач была тогда неосуществимой. Гордиев узел османского ига был еще слишком тугим и не оставлял возможности для их реализации. Паисий, очевидно, и сам хорошо сознавал, что он вряд ли увидит собственными глазами исполнение своей программы. Он говорит о необходимости книгопечатания, но прекрасно понимает, что это дело далекого будущего, и пытается преодолеть малую эффективность рукописной традиции горячим призывом распространять свое сочинение: “Переписывайте эту историю и не жалеите денег – пусть ее перепишут вам, кто умеет писать, и храните ее, чтоб не потерялась”.

Призыв Паисия нашел отклик среди соплеменников. “История славяноболгарская” переписывалась в Болгарии по XIX в. включительно и известна более чем в 60 списках³⁶. По своей популярности произведение Паисия не имеет себе равных в болгарской рукописной традиции середины XVIII–XIX в. Его популярность объяснялась тем фактом, что она отражала устойчивые

интересы всех социальных слоев болгарского общества в течение длительного времени. Не последнюю роль сыграла и сама форма “Истории славяноболгарской”. Название одного из ее источников глубоко символично для определения сути этого сочинения: “Деяния церковная и гражданская”. По своему содержанию оно было и полурелигиозным и полусветским и поэтому укладывалось в рамки средневековых эстетических вкусов. По форме оно чем-то напоминало церковные проповеди, привычные для слуха средневекового человека. “История славяноболгарская” – явление переходного периода болгарской литературы. Ошибочно отделять в ней новое от старого. Паисий осуществил синтез почти тысячелетних традиций болгарского литературного средневековья. Новое заключалось лишь в том, что хилендарский монах довел до предела внутренние возможности этих традиций.

Причудливое соединение старых и новых начал наблюдается и в “Автобиографии” (1805) Софрония Врачанского. Как и “История славяноболгарская”, это произведение было написано писателем “духовного чина” – известным деятелем болгарского национального Возрождения, врачанским епископом Стойко Владиславовым (Софронием). Принадлежность к синклиту всех сколько-нибудь значительных болгарских литераторов того времени не случайна: оригинальные сочинения болгарской литературы возникали именно в церковно-религиозной среде, видные представители которой являлись самыми образованными людьми своей эпохи.

“Автобиография” Софрония увидела свет спустя приблизительно четыре десятка лет после создания “Истории славяноболгарской”. Связь между двумя произведениями очевидна, но она заключается не в принадлежности их к одному и тому же жанру или внешним сходстве, а в той питательной среде, которая их породила. Паисий и Софроний сформировались как писатели под влиянием дамаскинской традиции. Не исключен и факт личного знакомства между двумя этими деятелями возрождения (как известно, Софроний собственноручно изготовил копию паисиевской истории в г. Котел в 1765 г.). Однако “Автобиография” Софрония была уже не просто умной компиляцией, тонко приспособляемой для декларации общественно-политической программы, а произведением, основанным на оригинальном материале. По сравнению с паисиевским сочинением его можно считать дальнейшим шагом на пути к “новой” литературе. Врачанский епископ уже не просто переосмысливает заимствованные из различных источников известные факты, как это делает Паисий, а в корне пересматривает одну из древнейших традиций болгарской средневековой культуры – традицию агиографическую. Его “Автобиография” в известном смысле все еще связана со старыми житиями. Уже само название произведения (“Житие и страдания

грешного Софрония”) как бы подчеркивает преемственность традиций, которую можно усмотреть и в ряде других используемых автором приемов. В соответствии с принципом смиренности христианского писателя Софроний неоднократно именуется себя “грешным”, “недостойным”, “невежей”³⁷. Напоминает традиционное житие и начало “Автобиографии”, где автор сообщает о своем рождении в г. Котел, сведения о родителях, о том, как его отдали в возрасте девяти лет “книжному научению”. Однако на этом сходство произведения Софрония с традиционной агиографией оканчивается. Впервые в истории болгарской литературы Софроний создал “житие”, в котором главным действующим героем является не какой-либо аскет или христианский подвижник, а сам автор, выросший в семье обедневшего торговца скотом.

Если Паисий в своей “Истории” оперирует громадными историческими периодами, от сотворения мира до современности, то Софроний интересуется одной лишь современностью. Паисий пытается уловить закономерности исторического бытия, возвыситься над веками, стать над ними в позу объективного и одновременно эмоционального наблюдателя. Софроний рассказывает читателю лишь о тех событиях, которые имеют отношение к его личной судьбе, влияют на нее роковым или счастливым образом. Его внимание приковано даже не к эпохе, а к любым, незначительным, с точки зрения истории, происшествиям и сюрпризам, преподносимым ему изменчивой фортуной. В отличие от Паисия или авторов проложных житий, Софроний изображает одни лишь “передние” планы, он впервые в истории болгарской литературы “наводит фокус” не на далекие расплывчатые века или предельно абстрагированные “вечные” манипуляции христианского подвижника, а на современную ему действительность с ее беспощадной жестокостью османского ига. Паисий пытается возвыситься над историей – Софроний носится на бурных волнах житейского моря на углой лодчонке Случая.

“Автобиографию” Софрония едва ли можно назвать религиозно-полемическим или поучительным сочинением. Вопросы полемики с магометанством или различными (неправославными) течениями христианства в нем совсем не затрагиваются. Вряд ли читатель мог извлечь из “Автобиографии” какие-то поучительные для себя выводы. Правда, в конце произведения Софроний пишет о том, что днем и ночью трудится над книгами для “некоего полезного поучения”, прочитав которые, читатель мог “упользовать себя”, но речь здесь идет о сочинениях совершенно иного рода. Да и в самом деле, усматривать какую-либо нравоучительность в “Автобиографии” было бы преувеличением. Его автор не поучает – он сам в полной растерянности от сваливающихся на его голову все новых и новых злоключений и повествует о них бесхитро, не скрывая внутреннего содрогания.

Калейдоскопичность событий и вереница бесконечных приключений в “Автобиографии” отчасти напоминают западноевропейский плутовской роман, но они лишены его внутреннего оптимизма и юмористических ноток. Сама историческая ситуация в Болгарии на рубеже XVIII – начала XIX в. не оставляла для них места. Османское иго, разложение ленно-феодальной системы, обнищание населения от бесчисленных поборов на ведение войн в Европе, бунты крупных феодалов, грабежи болгарских крестьян разбойничьими шайками кырджалий, притеснения национального духовенства главенствующим греческим синклитом – все эти выпавшие на долю болгарского народа тяжелые испытания так или иначе отражены в автобиографии Софрония, поскольку ему самому пришлось пройти через их горнило. И чего только не вынес Софроний за свою долгую жизнь: он был неоднократно бит, ему пробивали голову, на нем разрывали одежды, его драли за бороду, заковывали в цепи, несколько раз намеревались повесить и посадить на кол, его хотели застрелить и проткнуть копьем.

Обрушивающиеся на него несчастья Софроний отчасти объясняет “наказанием Господним” за мздоимство и штрафы, которые он, еще будучи рядовым священником, взимал с неповинных людей по настоянию греческого архиерея. Однако он принимает это наказание не как безропотная жертва, покорно подставляющая голову под меч “божественного” правосудия, а как активная личность, которая всеми средствами борется за свою жизнь. Сколько находчивости, изобретательности, хитрости, смелости проявляет Софроний ради собственного спасения. Его действиями руководит здравый смысл и мудрое правило: на Бога надейся, а сам не плошай.

Перед Софронием постоянно возникает проблема: что делать, куда бежать, как уцелеть в бурном водовороте событий? И здесь он полагается не на провидение, а на свою смекалку. Софроний предстает перед читателем – и тем более перед османскими насильниками, от которых он вынужден скрываться, – в самых различных обличьях. Сменив камилавку на шапку из бараньего меха, он выдает себя за писаря; зеленая чалма помогает ему стать лекарем, не без успеха дающим врачебные советы османскому аге; из города, куда нахлынули албанские банды, Софроний бежит в обличье гонца-татарина, закутав голову шерстяным платком. Где только ни приходится ему пережить опасности: около месяца жить в пещере вместе с перепуганными монахами, таиться в овечьем хлеву, прятаться в турецком гареме. Обо всем этом Софроний повествует без утайки, не боясь показать себя в невыгодном свете. Да и какое здесь может быть стеснение, когда тебя на каждом шагу подстерегают беды, от которых могут разом выпасть на голове все волосы или хватить сердечный приступ. Жизнь переменилась, ее ритм стал более напряженным,

время уже измеряется не годами благоговейного, благочестивого жития, а днями и часами, минутами и секундами. В пространных житиях время застывает, в проложных выводится за временные пределы, чтобы запечатлеть лик святого на челе вечности³⁸. В “Автобиографии” время фиксируется с хронографической точностью. Софроний сверяет часы с динамикой своей эпохи. Страницы его произведения пестрят констатациями типа “в августе месяце”, “спустя три дня”, “не прошло и часа”, “за четверть часа”. В этом реальном времени разворачиваются реальные события, в центре которых (или на их периферии) находится реальная личность – сам автор.

Софроний религиозен, но в нем уже ослабла вера в неизбежную наказуемость зла. Пять веков ига, насилия без числа, безнаказанные убийства соплеменников были в состоянии вызвать сдвиг в сознании не только подававшегося в гайдуки, отчаявшегося болгарского крестьянина, но и такого духовного лица, каким являлся Софроний. Он не проповедует терпение и смирение, не подставляет покорно шею под ятаган “нечестивых”, не становится мучеником “за веру Христову”, а всеми правдами и неправдами борется за свою жизнь, которая для него дороже сомнительного небесного блаженства. Софроний лицо духовное, но уже не придерживающееся строго христианских правил поведения. В очередной раз ускользнув из лап, казалось бы, неминуемой смерти, он способен не только отправить благодарственную молитву Всевышнему, но и просто выпить на радостях две-три чаши крепкой ракии. Расхворавшись, Софроний ищет исцеление не в молитве, а у народных врачевателей, за что его впоследствии на шесть лет лишают права служить литургию. Софроний – своеобразный прототип тех прогрессивных представителей болгарского духовенства, которые спустя десятилетия возьмутся за оружие и вступят в открытую борьбу против османских поработителей³⁰, однако от них его отделяет солидная историческая дистанция, и пока для Софрония самое главное – уцелеть в лихолетье ига.

Автор жития Георгия Нового священник Пейо еще смешивал первое и третье лица – Софроний превратил его робкое авторское “я” в большое человеческое “Я” ренессансного толка. Жизнь для него – мерило всех ценностей, и он стремится обмануть смерть во что бы то ни стало.

Рассматривая “Автобиографию”, невольно задаешься вопросом: кому предназначалось это произведение? Ответ на него, казалось бы, прост. В конце повествования Софроний скорбит о своей покинутой пастве, и можно предположить, что он взялся за перо с целью оправдать свое вынужденное бегство в Валахию перед оставшимся без духовного поводыря мирянами. Однако такое предположение выглядит малоубедительным. Софроний едва ли намеревался переправить свое сочинение в Болгарию для последующего

его распространения. Сомнительно также, что его создание было вызвано стремлением искупить тяжкий “грех” (бегство) посредством описания своих мытарств⁴⁰. Более вероятно, что работа над “Автобиографией” протекала в несколько этапов. Очутившись в Бухаресте, Софроний, как он сам сообщает в своем произведении, был радушно принят местным митрополитом Досифеем, боярами, валашским господарем Константином Ипсиланти и неоднократно рассказывал им о своих злоключениях. Тронутый рассказом врачанского епископа, Константин Ипсиланти согласился ходатайствовать перед Синодом об отпускной грамоте для своего подопечного. По-видимому, тогда же Софроний составил на греческом языке подробный отчет о военно-политических коллизиях во врачанской епархии и крайнем обнищании паствы, с которой он взимал церковные поборы (Константинополь отказывал Софронию в “отпускной грамоте” по причине огромной финансовой задолженности). И уже позднее, очевидно, по просьбе своего благодетеля врачанский епископ составил “Автобиографию”, где неожиданным образом соединились неоднократно рассказываемая и почти выученная наизусть история о личных жизненных перипетиях и фрагменты, напоминающие страницы сухого документа⁴¹.

Специфика жанровой формы произведения Софрония состоит именно в неожиданном объединении непосредственного живого рассказа с педантичным перечислением подробностей военно-политической ситуации, с описанием борьбы мятежного феодала Пазвант-оглу против османского правительства, набегов кырджалий и т. д. Эта особенность сразу же заметна, если мы попытаемся поставить рядом эмоционально преподносимый читателю случай о том, как Софроний чуть не поплатился жизнью, неосмотрительно обвенчав с кем-то христианскую девушку, уготованную местным беєм для собственного гарема, и похожее на летописно-военную “сводку” описание осады логова мятежника Пазвант-оглу: “И началась третья осада Видина. Но далеко были: в Плевене сидел Пляса-паша с 15 тысячами албанцев, а в Белковице – Гюрджи-паша со стольким же войском, а в Валашской земле – Муруз-бей с Ибрагимом-назыром и Аидин-паша с таким же войском. А Пазвандоглу имел при себе карджалиев три полка Манафа-Ибрагима с двумя тысячами карджалиев. Он сразил Пляса-пашу, взял все боевые припасы, что имел, и привез в Видин...”

По сути дела, в “Автобиографии” от традиционного жития ничего не осталось – трафаретны лишь название, заставка и “покаянная” концовка с обычной мольбой о прощении за невежество. В последнее время произведение Софрония исследователи сравнивают с русским житием протопopa Аввакума⁴². Художественная структура обоих произведений позволяет

говорить об известном типологическом сходстве, однако, по-видимому, не следует упускать из виду тот факт, что они создавались для различных целей. Житие протопopa Аввакума предназначалось для его единомышленников, служило для них примером стоицизма в борьбе за “исконную” веру и вызвало большой общественно-политический резонанс. “Автобиография” носит более камерный характер, и в нем трудно уловить нравоучительные, дидактические, назидательные или полемические нотки. Оно – частный случай, описание частной жизни для частного лица. Вероятно, поэтому сочинение Софрония дошло до нас в единственном списке-автографе и стало известно в Болгарии лишь после того, как его около полувека спустя опубликовал в газете “Дунавский Лебед” болгарский писатель и ученый Г.С. Раковский⁴³. Следов воздействия “Автобиографии” Софрония на его современников или даже писателей последующего поколения до сих пор не обнаружено, и они едва ли будут открыты в будущем.

Деятельность Софрония не ограничилась написанием “Автобиографии”. Продолжая традиции дамаскинаров, он снимает копию со сборника слов и поучений “Дамаскин” (1765), трижды переписывает “Часослов”, создает еще один список “Истории славяноболгарской” (1781) и архиерейский “Служебник” (1894). Особенное значение для истории болгарской литературы имеют сочинения Софрония, относящиеся к видинскому и бухарестскому периодам его жизни (первое десятилетие XIX в.). В них Софроний проявил себя не только как копиист или переводчик, но и как просветитель и сознательный борец за народное просвещение.

О национально-просветительских тенденциях врачанского епископа можно догадываться уже при чтении “Автобиографии”, где Софроний не без внутреннего волнения пишет о той радости, которую испытывали миряне при слушании его проповедей на понятном болгарском (а не греческом) языке. Можно также припомнить те места произведения, где врачанский епископ говорит о своих многочисленных учениках – болгарских духовных лицах, обученных и рукоположенных им в священники. Занимался Софроний также и детским образованием. Автор “Автобиографии” сообщает, как после путешествия на Афон он “учил детей книжному учению, и хорошо себе жил”.

Более четко позиция Софрония в отношении образования и просвещения проявляется в произведениях, написанных в Видине и Бухаресте. В сущности, эти произведения представляют собой переводы с греческого или переложения с непонятного простому народу церковнославянского языка “на болгарский простой краткий язык”. Такими произведениями являются два видинских сборника 1802 г. (“Поучений и словосказаний” и безымянный – беллетристического содержания) и “Феатрон политикон, сиречь Гражданское

позорище” (1809). Тематический диапазон этих сборников необычайно широк – от религиозно-нравоучительных проповедей до басен Эзопа, мифологии Синтипы Философа или наставлений молодежи.

Софроний развил и конкретизировал в них программу просвещения, намеченную еще Паисием Хилендарским. Эта конкретизация воплотилась в небольших поучениях и послесловиях к переводимым им книгам или авторских отступлениях в тексте произведений, которые ему не принадлежали. Главная установка Софрония – всенародное просвещение. Его интересует не только проблема внутреннего совершенствования, но и общий подъем образованности. В предисловии к “Феатрону” бывший врачанский епископ отмечает, что он переводил эту книгу не только для душевной (внутренней), но и “внешней” пользы. Паисий отстаивал достоинства родного языка – Софроний сделал его орудием просветительской пропаганды. Завершая первый видинский сборник, врачанский епископ подчеркивает, что перевод осуществлен им “от словенского языка на простое болгарское наречие”. Учение для Софрония – “на свете самое необходимое и полезное”, причем оно должно быть светским и предназначаться для познания “Бога и себе си”. Светское образование он ставит выше духовного, поэтому ратует за открытие светских училищ и протестует против бездумного разбазаривания средств на поддержание паразитирующих монастырей и пьянствующих невежественных монахов. Светские школы и светское просвещение для Софрония – единственный путь к подлинному духовному, экономическому и политическому раскрепощению болгарского народа. И этой цели врачанский епископ отдает все свои силы. С его именем связано появление “Кириакодромиона, сиречь Недельника” (1806) – первой печатной книги на новоболгарском языке. Отпечатанная тысячным тиражом, эта книга (содержавшая церковные проповеди на все воскресные дни года) получила широкое распространение в Болгарии и сыграла большую роль в истории национального Возрождения.

Весьма показательно, что в переводах Софрония Врачанского преобладают произведения, которые, несмотря на свое светское содержание, в целом имеют морально-поучительный характер. Сочинения подобного рода по своей форме отчасти напоминали привычные для болгарского читателя того времени религиозно-нравоучительные проповеди, жития и поучительные слова. Софроний тем не менее стремился сделать этот материал еще более доступным для восприятия своих современников, снабжая его многочисленными “примечаниями” – небольшими авторскими нравоучениями.

Перечисленные нами произведения Софрония получили гораздо большую популярность, чем его “Автобиография”. И дело здесь не только в том,

что, в отличие от видинских сборников, оно было написано за границей и у него имелось значительно меньше возможностей попасть в Болгарию по сравнению с тысячей экземпляров отпечатанного в Бухаресте “Кириакодромиона”. “Автобиография” была произведением, лишенным дидактики и нравоучительности. В нем наблюдается непосредственное изложение, но нет рассуждений. Отсутствуют в нем типичность и типизация, свойственные «новой» художественной литературе.

Описание индивидуальной судьбы врачанского епископа – одно из ярких свидетельств тяжелой жизни болгарского народа под османским игом, но сами злоключения Софрония отнюдь не типичны.

“Автобиография” – произведение, стоящее на рубеже средневековья и нового времени. Конкретность повествования, точность изложения фактов, богатство жизненного материала, плотность людской среды, сближение повествовательного и реального времени поднимают сочинение Софрония над средневековьем, но еще не столь высоко, чтобы причислить его к собственно художественной литературе. В “Автобиографии” врачанского епископа уже отсутствует агиографический вымысел, но нет еще вымысла художественного. Оно лишено художественной условности, фиксации факта еще не сменились в нем его художественным переосмыслением. Так же как и произведение Паисия Хилендарского, оно – явление длительного переходного периода между средневековой и новой художественной болгарской литературой.

В силу специфики исторических условий переходный период начался в болгарской литературе веком раньше, чем в русской. Ликвидация государственности, уничтожение класса национальных угнетателей, ослабление позиций национальной церкви в результате османского завоевания после литературной “инерции” привели в XVI в. к неожиданному эффекту – объединению “высокого” и “низкого” литературных пластов, однако у этого всплеска не было ближайшей исторической перспективы. Единственно возможным путем развития стало переосмысление традиционной религиозно-образной символики, которое мы наблюдаем в дамаскинах. Обновление трафаретных образов при помощи модернизации литературного языка и привнесения живописных деталей в традиционную повествовательную ткань статей Дамаскина Студита, равно как и переименование произведений древних болгарских писателей в соответствии со вкусами читателей, отражали медленную эволюцию мировоззренческого и эстетического порядка в болгарском обществе XVI – середины XVIII в. Даже появление “Истории славяноболгарской” Паисия Хилендарского, очевидно, не следует считать “первой ласточкой” новой литературы. В ней еще много традиционных

средневековых черт, которые не могут быть затушеваны наслоением новаторской мысли Паисия.

Переходный период в истории болгарской литературы затянулся более чем на три с половиной столетия. Отсутствие образованного или, по крайней мере, грамотного массового светского читателя в Болгарии обуславливало слабую развитость оригинальной светской литературы того периода. Произведения наподобие “Рассказа об отуречивании чепинских болгар” Мефодия Драгинова, “Автобиографии” Софония Врачанского или другие не дошедшие до нас оригинальные светские сочинения болгарских авторов XVI – начала XIX в. не могли снискать популярности ввиду отсутствия конкретной исторической опоры – грамотной светской читательской массы. Подобными памятниками болгарская литература продемонстрировала свою способность создавать оригинальные светские сочинения и свои все возраставшие потенциальные творческие возможности, но их реализация была осуществима лишь при наличии соответствующего социального адресата с развитыми светскими вкусами. “Автобиография” Софония, составленная по заказу валашского господаря Константина Ипсиланти, может служить примером того, как случайный, единственный и невозможный для условий Болгарии социальный заказ был способен вызвать к жизни произведение, которое должным образом оценили на родине лишь почти полвека спустя.

Деятельность Паисия и Софония – блестящих представителей национального Возрождения – по сути дела, была просветительской. Она сыграла огромную роль в пробуждении национального сознания. Однако от выполнения всех поставленных Паисием задач (национальное государство, национальная церковь и национальный язык) их отделял еще немалый срок, а пока началась реализация наиболее осуществимого пункта паисиевской программы – борьба за равноправие родного языка и просвещение. Начальный этап болгарского Возрождения фактически совпал с начальным этапом Просвещения.

Как уже отмечалось выше, в Болгарии XVIII – начала XIX в. не было подходящих условий для возникновения литературы нового типа. Подобно “Автобиографии” Софония Врачанского, другое оригинальное сочинение болгарского автора Димитра Попского “Ода Софронию”, написанное им в 1813 г. в Румынии, также стало известно соплеменникам лишь после того, как его в 1861 г. опубликовал Г.С. Раковский в уже упоминавшемся издании “Дунавский Лебед”. Литература нового типа могла появиться в стране только при условии поднятия общего культурного уровня и появления соответствующего социального адресата. И такой адресат был сформирован болгарскими просветителями в продолжение трех десятилетий после смерти Софония (1813).

Развитие товарно-денежных отношений, становление капиталистической системы производства, укрепление внутреннего рынка и его интеграция в Османской империи еще больше сплели и без того тесные связи, существовавшие между ее европейскими провинциями. Усилилась культурная миграция болгар, которая привела к появлению национальных культурных деятелей принципиально нового типа. Константин Фотинов, Георгий Раковский, Иван Богоров, Неофит Рильский и другие просветители учатся в учебных заведениях Константинополя, Валахии, России, Австрии и других стран. Процесс культурного развития Болгарии 20-х–40-х годов XIX в. напоминает процессы, происходящие в пульсаре: расширение чередовалось со сжатием, рассредоточение с концентрацией, потускнение с ослепительно яркой вспышкой. Национальные просветители получали образование вне пределов Болгарии, но использовали его на благо отечества. То, что нельзя было осуществить в самой стране, осуществлялось вне ее, но для нее. В неболгарских культурных центрах начинают издаваться болгарские азбуки и грамматики, учебные пособия по истории и литературе, начинают выходить болгарские газеты, и журналы. В Габрово, Копривштице, Пловдиве, Калофере, Шумене и других городах открываются первые школы, в которых преподавание ведется на народном языке. Начинают вестись оживленные споры о наиболее рациональных путях просвещения. Набирает силу поток переводной литературы. Затем период ученичества сменяется периодом зрелости: в 40-е годы XIX в. возникает национальная собственно художественная литература нового типа, которая активно включается в процесс болгарского возрождения – Просвещения.

Подводя итог сказанному, попытаемся сделать некоторые выводы. Иноземное иго в Болгарии коренным образом нарушило традиционную модель литературного развития. Первые четыре века болгарской литературы после османского завоевания можно охарактеризовать, скорее, описательно, при помощи категории состояния, а не общепринятых литературоведческих терминов: XV в. – “инерция”, восстановление литературной жизни в стране; XVI в. – “всплеск” как результат неожиданного объединения “высокого” и “низкого” литературных пластов; XVII – первая половина XVIII в. – пассивное эволюционное “переосмысление” средневековых литературно-эстетических стереотипов; середина XVIII – начало XIX в. – идеологизация “переосмысления”, начало болгарского Возрождения, совпадающего по содержанию и идеологической направленности с Просвещением.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. М., 1964. С. 20.
- ² *Динев П.* Хилядолетното единство на българската култура // Национална съдба и съвременост. София, 1972. С. 519.
- ³ *Динев П.* Софийски книжовници през XVI век. София, 1939. С. 114; *Он же:* Из историята на българската литература. София, 1969. С. 122.
- ⁴ *Георгиев Е.* Българската литература в общославянското и общоевропейското литературно развитие. София, 1973. С. 140.
- ⁵ *Цонев Б.* Новобългарска писменост преди Паисий // Български преглед. Кн. 8. София, 1894. С. 80–94; *Гандев Х.* Ранно възраждане. София, 1939; *Он же:* Фактори на българското възраждане. София, 1943.
- ⁶ *Георгиев Е.* Указ. соч. С. 127–140.
- ⁷ *Ангелов Б.С.* Българската литература през XV в. // История на българската литература. София, 1963. Т. I. С. 349–361; Българска ръкописна книга X–XVIII вв.: Каталог. София, 1976; См. также описи крупнейших болгарских древлехранилищ, приведенные в издании: *Бельчиков Н.Ф., Бегунов Ю.К., Рождественский Н.П.* Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.–Л., 1963.
- ⁸ *Георгиев Е.* Литература на изострени борби в средновековна България. София, 1966.
- ⁹ См. “Слово похвальное Евфимию Тырновскому” Григория Цамблака в издании: *Русев П., Гълъбов И., Давидов А., Данчев Г.* Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София, 1971. С. 208–211, 217; *Державин Н.С.* История Болгарии. М.–Л., 1946. Т. II. С. 161.
- ¹⁰ Отдельные светские феодалы, по-видимому, сумели сохранить известные привилегии и после падения страны под ударами османов. В болгарской истории сохранились сведения о боярах Радославе Мавре и Радивое, пожертвовавших деньги в последней четверти XV в. на восстановление Драгалевского и Кремиковского монастырей (См.: *Чаврыков Г.* Болгарские монастыри. София, 1974. С. 179, 210). Здесь же приводятся данные о ктиторстве других светских феодалов XVI–XVII вв., однако их число было не столь велико, чтобы оказывать воздействие на литературный процесс.
- ¹¹ Об этом важнейшем принципе средневекового литературного развития см.: *Робинсон А.Н.* Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур (типология, оригинальность, метод) // Славянские литературы: VI Международный съезд славистов (Прага, август 1968). Доклады советской делегации. М., 1968. С. 49–116; *Он же:* О преобразовании традиционных жанров как факторе восточноевропейского литературного процесса в переходный период (XVII–XVIII вв.) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXVIII. Вып. 5. М., 1969. С. 408–414.
- ¹² *Гудзий Н.К.* Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы // Исследования по литературоведению и фольклористике: Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов. М., 1960. С. 25–26.
- ¹³ *Михайлов А.* Един неизвестен софийски мъченик // Старобългарска литература: Изследвания и материали. София, 1971. С. 403–411.
- ¹⁴ Христианские мученики, пострадавшие на Востоке со времени завоевания Константинополя турками / Пер. с новогреческого *П. Соловьев.* СПб., 1862. С. 26–33.
- ¹⁵ *Снегаров И.* История на Охридската архиепископия-патриаршия от падането ѝ под турците до пълното ѝ унищожение (1394–1767). София, 1931. Ч. II. С. 250–251.

¹⁶Здесь и далее цитируем по старейшему Хилендарскому списку памятника второй половины XVI в.

¹⁷*Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971. С. 59.

¹⁸*Спространов Е.* Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир. София, 1902. С. 56; *Данчев Г.* Владислав Граматик книжовник и писател. София, 1969. С. 29.

¹⁹*Данчев Г.* Указ. соч. С. 120.

²⁰*Киселков В. С.* Проуки и очерти по старобългарска литература. София, 1956. С. 348.

²¹ В болгарских древлехранилищах находится значительное количество украино-русских рукописей и старопечатных книг XVI–XVII вв. с сочинениями полусветского характера, однако, судя по припискам читателей, переплетам и другим косвенным признакам, эти рукописи попали в Болгарию в XVIII–XIX вв. Подробный каталог этой литературы с установлением времени ее проникновения на славянский юг нами подготавливается.

²²*Иванова А.* Троянски дамаскин. София, 1967. С. 5.

²³*Димарас К. Т.* История на новогръцката литература. София, 1971. С. 107.

²⁴ Нельзя сказать, что идеология в дамаскинах вообще отсутствует. Прежде всего, это сборники религиозно-поучительного содержания, и, следовательно, они пропитаны духом христианской идеологии, которая, однако, не эволюционировала в Болгарии в силу утраты церковной самостоятельности и затишья в церковно-религиозной жизни. Говоря об идеологии здесь и об идеологизации далее, мы имеем в виду идеологию светскую (или религиозную – развивающуюся и противопоставляющуюся отдельным положениям официальной ортодоксии).

²⁵*Захариев С.* Географико-историко-статистическо описание на Татар-Пазарджишката кааза. Виена, 1870. С. 67–68.

²⁶ Библиографию литературы вопроса см.: *Диневков П.* Българската литература през XVII в. // Литературна история, № 1. София, 1977. С. 5–15.

²⁷*Божсков А.* Искусство болгарского Возрождения XVIII–XIX вв. Книга готовится к изданию в издательстве “Изобразительное искусство”. Москва.

²⁸*Ангелов Б. С.* Съвременниците на Паисий. София, 1963. С. 22–85.

²⁹ Обзор научной литературы о Паисии см.: *Трайков В. и Дуйчев И.* Паисий Хилендарски: Литературни извори за епохата, живота и дейността му // Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762–1962). Сборник от изследвания по случай 200-годишнината от История славянобългарска. София, 1962. С. 605–640. (Далее – Сборник).

³⁰ В ценной работе *А. Н. Робинсона* “Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский” (М., 1963) книжнику было найдено соответствующее место среди славянских историографов, но он как бы затерялся в их толпе, потому что его сочинение рассматривается здесь изолированно от контекста болгарской литературы.

³¹*Конобеев В. Д.* Българското национално освободително движение: Идеология, програма, развитие. София, 1972. С. 59–77.

³²*Драгова Н.* Домашни извори на История славянобългарска // Сборник. С. 294–315.

³³*Робинсон А. Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. С. 37–51.

³⁴ Здесь и далее цитирую в собственном переводе по изданию: *Паисий Хилендарский.* История славянобългарска. Първи Софрониев препис от 1765 година. Увод, новобългарски текст и коментар от Б. Райков. София, 1972.

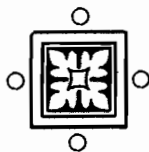
³⁵*Атанасов П.* Начало на българското книгопечатане. София, 1959. С. 11.

³⁶*Иванов Й.* История славянобългарска. София, 1914. С. XIV–XIX; *Стоянов М.* Преписите на Паисиевата “История славянобългарска” // Сборник. С. 557–596.

³⁷ Здесь и далее цитирую памятник по новейшему изданию. *Софроний Врачанский.* Жизнеописание / Изд. подготовили *Н. М. Дылевский, А. Н. Робинсон.* Л., 1976. С. 48–65.

- ³⁸ О категории времени в проложных житиях см. нашу работу: *Калиганов И.И.* Заметки о русской проложной редакции жития Георгия Нового (Время создания, авторство, археографический обзор списков, издание древнейшего из них) // *Palaeobulgarica*, № I. София, 1979. С. 35–59.
- ³⁹ Достаточно вспомнить революционного “попа” Харитона, дьякона Васи́ла Левского и других болгарских борцов против османского ига, относившихся к духовному сословию. Интересно также, что в Бухаресте Софроний Врачанский во время русско-османской войны 1806–1812 гг. вступит в тесный контакт с командованием русской армии и напишет воззвание к болгарскому народу с призывом оказать помощь братьям-освободителям.
- ⁴⁰ Из современных ученых такой точки зрения придерживается *Л. Боева*: Образ автора в житиях протопопа Аввакума и Софрония Врачанского. (Опыт типологического сравнения) // Старобългарска литература: Изследвания и материали. Кн. II. Българо-руски литературни връзки през средновековието. София, 1977. С. 182–200.
- ⁴¹ Мысль о том, что Софроний написал “Автобиографию” в качестве справки о своей бывшей жизни для митрополита Досифея и Константина Ипсиланти, высказывал еще академик Н.С. Державин, однако ученый усматривал в работе над созданием сочинения один лишь этап. См.: *Державин Н.С.* Очерки по истории болгарской литературы эпохи Возрождения (конец XVIII – начало XIX в.) // Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.; Л., 1941. С. 152–154.
- ⁴² *Мечев К.* Протопоп Аввакум и Софроний Врачанский. (К сравнительному анализу автобиографических повестей: “Житие и страдания грешного Софрония” и “Житие протопопа Аввакума”) // ТОДРЛ. Т. XIX. М.; Л., 1963. С. 358–366; *Софроний Врачанский.* Жизнеописание. Приложения. С. 88–89; *Боева Л.* Типологический рельеф автобиографической повести в славянских литературах (протопоп Аввакум, Досифей Обрадович, Софроний Врачанский) // Славянска филология. Т. XVI. Литературознание и фолклор. (Доклады и статьи за VIII Международен конгрес на славистите). София, 1978. С. 89–101.
- ⁴³ Автограф сочинения Софрония неизвестным образом еще в первой половине XIX в. оказался в России. Впервые на автограф “Автобиографии” обратил внимание славист В.И. Григорович, который снял с произведения копию и передал ее Г.С. Раковскому. Последний опубликовал сочинение Софрония в издаваемой им газете “Дунавский Лебед” (Београд, 1861, 17 октября – 1 декабря, № 55–61).

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАЛКАНСКИХ МАРТИРИЕВ В XV–XVIII СТОЛЕТИЯХ*

Балканские мученики, создававшиеся в указанный исторический период, еще не исследовались в типологическом отношении. Между тем этот жанр на протяжении нескольких столетий являлся наиболее продуктивным в литературе греков, болгар и сербов – христианских народов, утративших свою политическую независимость и попавших под османское иго. Османская военная экспансия на Балканах протекала неравномерно. Первым из трех упомянутых народов под османами оказались болгары (1393), затем греки (1453) и чуть позже (1459) сербы. В сравнительно предпочтительном положении известное время находились греки, которые сумели сохранить своеобразный “сегмент” свободы: даже после 1453 г. часть бывших византийских земель с грекоязычным населением оставалась непокоренной завоевателями и на ней, вдалеке от прежней метрополии – Константинополя, продолжала развиваться греческая литература, несшая в себе тенденции поствизантизма. Не сразу наступил прерыв естественного литературного развития и в литературе сербской. Наличие самостоятельной Печской патриархии даже после утраты сербами политической независимости способствовало продлению жизни прежних национальных литературных традиций. В более тяжелой ситуации очутились болгары – основные болгарские литературные центры подверглись разорению, патриархия ликвидирована, монастыри разграблены, церковные иерархи разогнаны. Выступавшие в роли меценатов светские феодалы погибли в сражениях, были насильственно обращены в магометанство или же высланы в Малую Азию вместе с семьями.

После установления османского владычества разница, существовавшая в литературе греков, болгар и сербов, стала постепенно сглаживаться и нарождавшиеся в ней новые явления приобретали все более однотипный

---

* Данный материал – доклад, прочитанный автором в апреле 1988 г. в Софии на Международном симпозиуме “Балканские народы под османским игом. XIV–XX вв.”.

характер. Рассмотрение литературной истории греков, болгар и сербов в эпоху османского ига позволяет говорить о постепенном формировании у них общей литературы, бытовавшей в границах Румелийского бейлербейства – Европейской провинции Оттоманской империи, в которую вошли земли трех названных православных народов. Важнейшее значение для этих народов со временем приобрел жанр житий “новых” мучеников, пострадавших от османских угнетателей или своих исламизированных соплеменников за отстаивание исконной православной веры. Инициатором создания подобных агиобиографических повествований выступила Константинопольская патриархия, в церковное ведение которой после падения Константинополя по султанскому фирману попали все порабощенные турками христианские народы. Создание таких сочинений свидетельствовало об определенной целенаправленной политике греческой патриархии, стремившейся возможными ей средствами нейтрализовать религиозно-ассимиляторскую политику османских завоевателей.

В период османского ига на Балканах появилось несколько десятков житий “новых” мучеников, написанных главным образом церковно-религиозными деятелями, в особенности афонскими. В своей небольшой работе мы предпринимаем попытку дать общую характеристику балканским маририям XV–XVIII вв. Нами привлечено около семидесяти произведений, тексты которых приведены в труде П. Соловьева¹, Афонском патерике², сборнике, опубликованном болгарским исследователем П. Петровым³, а также некоторые издания отдельных памятников. Среди последних – “Житие Георгия Одринского”⁴, “Житие Георгия Софийского”⁵, “Сказание о Николе Софийском”⁶ и некоторые другие.

С точки зрения содержания, сюжета, агиографических приемов эти памятники могут быть классифицированы следующим образом:

МАРТИРИИ

- 1) ремесленников и городской бедноты;
- 2) святительские и преподобнические;
- 3) подвижниц-мучениц;
- 4) отроческие.

Среди них нами выделены подвиды:

МАРТИРИИ

- а) насильственно исламизируемых;
- б) раскаявшихся потурнаков;
- в) самоинициативных страдальцев.

Эта классификация, разумеется, условна, ибо отдельные ее пункты порой накладываются друг на друга. Например, раскаявшиеся потурнаки иногда

сами провоцировали расправу над собой, а насильственно исламизируемые в процессе религиозной полемики своими действиями сознательно начинали разъярять османлий. Тем не менее данная классификация в целом соответствует содержанию большинства балканских мучеников XV–XVIII вв. В классификационной схеме почти полностью отсутствуют мученики балканских крестьян. Это не означало, что их не существовало вообще и ассимиляторская политика завоевателей не затрагивала крестьянскую “райю” (то есть “стадо”, как презрительно именовали порабощенных христиан завоеватели). Она дала из своей среды многочисленных страдальцев – крестьян, которые, однако, чаще всего оставались без летописцев их подвигов. На пальцах можно пересчитать и мученики, посвященные балканским торговцам. По-видимому, это было связано с социальным составом “райи” в исследуемый период. Во время расцвета жанра житий “новых” мучеников (XVI–XVII вв.) торговцев-христиан, очевидно, насчитывалось не так уж много.

Попытаемся отметить ряд общих черт в балканских мучениках эпохи османского ига. В подавляющем большинстве они написаны церковными иерархами и священнослужителями, занимавшими не последнее место в православной церкви. “Житие Иоанна Янинского” (1526), например, составил протоиерей Николай Малакс, “Житие Михаила Маврудиса” (1544) создал пресвитер Феофан, “Житие Иоанна Калфы” (1571) написал великий Андрей – эконоом при константинопольском храме Феодора и Феофана Песнописцев, “Житие Георгия Нового” (20-е–30-е годы XVI в.) – пресвитер Пейо; “Сказание о Николе Софийском” (после 1555 г.) – Матей Ламбадарий; “Житие мученика Ангелиса” (1680) – Дристрский епископ Парфений, и т.д. В качестве одного из плодovitейших составителей мучеников выступил Мелетий Сигирийский, создавший жития Марка Цареградского (1643) и Парфения патриарха Константинопольского (1653), канон Афанасию Мунтанскому (1653). Еще более активным был Иоанн Кариофил – логофет Великой церкви, написавший жития Иоанна Трапезундского (1650), Иоанна Отрока (1652), Иоанна Валаха (1662), Иоанна Икийского (1670), канонарха Гавриила (1676), а также летописную “память” Триандафила (1680).

Составители мучеников нередко принимали живейшее участие в описываемых событиях: наставляли мучеников, укрепляли дух страдальцев перед смертью, организовывали выкуп или похищение останков. Они не всегда поддерживали идею подвижников пострадать за веру по собственной инициативе, чтобы стать примером стойкости в религиозном противостоянии завоевателям – ассимиляторам. В “Житии Иоанна Янинского” утверждается, что святые каноны возбраняют добровольное мученичество за веру,

поскольку исход испытания непредсказуем. Конечно, это уловка агиографа, предпринятая из боязни, что с сочинением могут ознакомиться фанатично настроенные магометане. В другом памятнике, “Житии Марка Цареградского”, в аналогичной ситуации Мелетий Сигирийский категорически высказывается “за”.

Герои мучеников – представители различных балканских и даже небалканских народов: греков, болгар, сербов, валахов, албанцев. Встречаются также имена грузинских и русских мучеников. Их возраст колеблется в самом широком диапазоне: от ранней юности до глубокой старости. В небольшой работе невозможно остановиться на всех выделенных нами типологических чертах балканских мучеников, поэтому мы отметим лишь некоторые из них.

Прежде всего следует подчеркнуть своеобразный “бытовизм”. В истории человечества насчитывается огромное количество войн, и самые тяжкие последствия для народов имеют те войны, когда победители не просто разоряют земли, облагают даями и контрибуциями и оставляют военные гарнизоны на захваченных землях, а начинают их колонизовать, то есть заселять и постепенно вытеснять из них коренное население. Именно такими последствиями сопровождались войны османов с целью захвата Балканского полуострова. Завоеватели завладели лучшими землями балканских народов, они обосновались в балканских городах и жили бок о бок с побежденными. В некоторых городах мусульманское население довольно быстро стало превалировать над христианским. По данным “Жития Георгия Одринского” (1437), таковым было положение в Адрианополе уже в первой половине XV столетия. Разъяренные поведением Георгия, осмелившегося встать на защиту своей веры, турки говорят епарху: “Да будь мы даже в Константинополе – гордыне неверных греков, или в древнем Риме – и услышь мы как кто-то так поносит и бранит нашего пророка, мы б такого убили. А здесь, где мусульман больше христиан, мы тем паче не будем равнодушно слушать как хулят нашего пророка”⁷.

Постоянное присутствие завоевателей, так сказать, в быту балканских народов нередко становилось для представителей последних плачевным. Любой спор, любое столкновение, любой конфликт могли завершиться для них трагедией. Если в иные времена аналогичные ситуации решались полюдски, ограничивались парой хороших тумаков, порицанием или небольшим денежным штрафом, то теперь они ощутимо пахивали смертью. Христианина всегда могли оболгать, обвинить в поношении Магомета, а затем предать мучительной смерти или же изнасиловать морально, заставив принять ислам. В большинстве мучеников конфликты вспыхивают именно таким образом: из-за какого-нибудь пустяка, глупой шутки, неосторожного

слова, мелкой зависти, минутного раздражения. Георгий Одринский, например, не мог стерпеть оскорблений по адресу своей веры, чиня лук у турка оружейника. Димитрий Торнара (1564) часто общался с турками, проводил с ними время, и однажды они ни с того ни с сего потребовали от него ётать магометанином. Иордан Трапезундский перебрался в Константинополь, прожил там много лет, работая в лавке турка-медника. Ссора с турецкими приятелями разгорелась у него во время игры в карты, когда один из турок в шутку призвал на помощь св. Николая, а Иордан столь же шутливо воззвал к помощи пророка Магомета. Отрок Иоанн (1562) пошел в лавку турка купить для своего хозяина нитки, был обсчитан, пытался восстановить справедливость и погиб по ложному обвинению в непочтении к пророку Магомету и его вероучению. Подвижник Ангелис (1680), константинопольский золотокузнец на праздник отправился за город, где мусульмане и христиане, смеясь и хлопая в ладоши, водили хороводы. Танцуя, они в шутку обменивались головными уборами: шапками с потурнаками, носившими белые чалмы. Эта шутка впоследствии стоила Ангелису жизни. Прислуживавший в таверне подвижник Димитрий (1784) по обязанности бросился разнимать пьяную драку турок, в которой одного из них ранили ножом. Вслед за этим последовало несправедливое обвинение Димитрия и осуждение его на смерть. Георгий Магнисийский (1796) готовился к свадьбе и, отправляясь за покупками, допустил неосторожность, надев турецкие сапоги и красную феску. И так как головной убор такого цвета имели право носить только турки, Георгий поплатился за феску жизнью.

По своему социальному положению большинство мучеников за веру являются ремесленниками: хлебопекарями, портными, скорняками, медниками, садовниками, золотокузнецами, обувщиками или же представляют беднейшие слои городского населения Балкан, среди которых есть рыбаки, моряки, бродячие торговцы, поденщики, перевозчики. В силу характера своих профессий именно им чаще всего приходилось вступать в контакты с членами мусульманской общины, а чем это могло кончаться, красноречиво описывают мученики: обезглавливание, повешение, сожжение на костре, вздергивание на дыбу, забивание насмерть камнями, вырезание крестов на спине, сдирание кожи заживо и прочие, потрясающие своей жестокостью, мучения.

Помимо ремесленников и бедноты, насильственному отуречиванию подвергались и представители средних зажиточных слоев христианской общины. Достаточно было проявить недюжинность ума, талант и индивидуальность, чтобы попасть в поле зрения османлий, которые сразу же начинали прилагать усилия для отуречивания такого христианина. Особенно остро реагировали мусульмане на малейшие попытки “райи” поставить под

сомнение справедливость принимаемых ими решений, затрагивание собственных интересов. Афанасий Икийский (1670), например, был своеобразным предводителем христианской общины и занимал в ней видное положение. Он поплатился жизнью, предложив равномерно распределить налог между “райей” и мусульманами. Зная о находчивости и остроумии Афанасия и опасаясь, что он может добиться своего, мусульмане оклеветали его и предали смерти. Другой подвижник, Стамматий из селения св. Георгия (1680), отправился с делегацией челобитчиков в Константинополь жаловаться на притеснения местного аги и сборщика налогов. Челобитчиков изгнали из Дивана, а Стамматия, как самого настойчивого правдоискателя, оболгали и казнили. Юноша Николай (1672) был отдан константинопольскому турку-брадобрею в научение турецкой грамоте. Он отличался блестящими способностями и как-то по просьбе учителя продемонстрировал свою великолепную память, прочитав “саляват” – молитву, аналогичную по смыслу христианскому Символу Веры. После этого турки стали требовать от мученика признать себя мусульманином и, получив отказ, расправились с ним. Казнь мученика, как правило, свершалась публично в назидание другим христианам. В “Житии Иоанна Калфы” говорится, что для экзекуции обычно избиралась торговая площадь. Могла она происходить и в другом месте: Стамматий (1680) и Ангелис (1680) были казнены на площади перед мечетью Айя-София, а русский невольник Павел (1683) обезглавлен на площади Ат-мейдан (славянское фонетическое обозначение не дает возможности установить, идет ли здесь речь о мясной площади или же месте, где продавали коней).

Среди анализируемых маририев особо выделяются сказания о мучениках, которые можно условно назвать “святительскими” или “преподобническими”. В них повествуется о балканских церковных иерархах, казненных по приказу Оттоманских властей. Наиболее продуктивным в смысле создания таких памятников оказалось XVII-е столетие, в продолжение которого пострадали Серафим, епископ Фанарийский и Неохорский (1657); Парфений, патриарх Константинопольский (1657); Гавриил, архиепископ Сербский (1659); Гавриил, канонарх (1676); и Захария, епископ Коринфский (1684). В следующем веке в балканской агиографической традиции зафиксировано лишь одно мученическое житие церковного деятеля – иеромонаха Анастасия, подвизавшегося в одной из пригородных константинопольских церквей (1743).

Маририи этого вида обладают своими специфическими чертами. При составлении подобных произведений агиографы не сомневаются в религиозной стойкости духовных пастырей. Их героям не свойственны какие-либо

колебания, перед ними никогда не стоит всерьез проблема выбора между христианством и магометанством. После предложения перейти в ислам, смерть во Христе во избежание насильственного отуречивания для них единственный выход из конфликтной ситуации с оттоманскими властями. Чаще всего конфликты имеют политическую подоплеку или же принимают политическую окраску из-за наговоров различных недругов. Серафиму Фанарийскому, например, ставят в вину связь с Ларисским митрополитом Дионисием, поднявшимся на вооруженную борьбу против османов. Константинопольский патриарх Парфений гибнет в результате наговора крымского хана, обвинения в государственной измене и тайных переговорах с московцами. Сербский архиепископ Гавриил принял мученическую кончину опять-таки из-за мнимой измены Порте после своего возвращения из Валахии и Московии, где он занимался сбором пожертвований. Захарии, епископу Коринфскому турки инкриминируют тайную переписку с франками, призыв к захвату города и обещание всяческой поддержки этого дела.

По сравнению с другими видами мучеников, святительские более просты по композиции. В них нет развернутой аргументации и антимусульманской полемики, влагаемой в уста агиографических героев, каких-либо терзаний или душевных колебаний перед неизбежностью смерти. Здесь все весьма однозначно, завязкой же, как правило, служит описание политических инсинуаций против православных церковных иерархов, рассказывается о них очень кратко, лаконично, почти в летописной форме.

Отдельный раздел среди рассматриваемых мучеников составляют сказания о подвижницах-мученицах: Аргире (1725), Анне (1751), Акилине (1764) и Злате (1795). Как видно из дат мученичества, все подвижницы пострадали в XVIII столетии. Есть и нечто другое общее для большинства этого вида памятников. Мученицы (за исключением Аргире, которая жила в Брусе) являются обитательницами не городов, а небольших селений. Акилина выросла в селении Заклиеври Ардамеритской епархии, Анна – в Ависсоке Солунской епархии, а Злата была болгаркой и происходила из села Златени Мыгленской околии. Подвижницы попадают в беду из-за своей скромности, целомудренности и красоты. Последнее, очевидно, не служило агиографическим клише, поскольку три из четырех мучениц становятся объектами домогательств со стороны турок именно из-за своей необыкновенной привлекательности. Применяемые мусульманскими насильниками приемы не очень разнятся между собой: похищение девушек у родителей, клеветнические наветы, лживые утверждения о том, что жертвы изъявляли желание принять ислам. Упорное нежелание подвижниц переходить в чужую веру и соединять судьбу с иноверцами оборачивается заключением в

тюрьму, издевательствами, пытками и казнями. Показательно то, что судебное разбирательство чаще всего ведется не на месте, а передается в один из городов, где и выносится приговор. Характерно и то, что ни одна из мучениц не подвергается публичной казни. Их либо заживо гноят в тюрьме, забивают в тюремной камере, либо вешают на каком-нибудь пустыре.

Эти свидетельства агиографов, по-видимому, соответствовали исторической действительности. Согласно предписаниям Корана, мусульмане не должны были поднимать оружие против женщин, но это правило, разумеется, не распространялось на “гяурок” (неверниц). И все же в мирное время османские насильники предпочитали расправляться с представительницами христианской общины подальше от людских глаз.

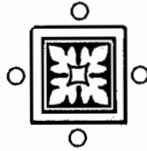
Удивительно, что в балканской агиографической традиции зафиксированы не только многочисленные попытки насильственного обращения христиан в магометанство, но и случаи добровольного принятия христианства османами. Мы имеем в виду прежде всего житийное сказание об Ахмеди Калфе – константинопольском зодчем, который, будучи в полном здравии и довольстве жизнью, по своей воле отказывается от Магомета, тайно крестится на дому и впоследствии увенчивается мученическим венцом. Длительное совместное проживание христианской и мусульманской общин в балканских городах XV–XVIII вв. приводило к более близкому знакомству с религиозными обрядами друг друга, будили любопытство, могли ввести в искушение обиходностью своего существования и возможностью получения известных благ после перехода в вероисповедание победителей османлий. И все же христианское вероучение, являясь в Османской империи религией попираемой и презираемой мусульманами “райи”, обладала большой нравственной силой. Случай с Ахмедом Калфой не был единичным на Балканах. Здесь можно вспомнить о безымянном агарянине в житии Георгия Софийского, который питал тайную любовь к христианской вере, но не смел ее исповедовать “страха же ради”. Константинопольский патриарх Гавриил, бывший епископ Ганский и Хорский, в 1659 г. был повешен в Брусе по обвинению в том, что крестил турка.

Балканские мученики XV–XVIII столетий, по нашему мнению, можно классифицировать по поэтическим признакам. Поэтика житий “новых” мучеников не была застывшей и неизменной на протяжении нескольких веков. Начиная с XVI столетия, в ряде балканских стран агиографический жанр становится наиболее подвижным, несет в себе новые веяния, говорящие о серьезных изменениях в литературном процессе данного региона. С XIX в. почти все балканские мученики весьма похожи на произведения “новой” литературы и напоминают литературно необработанные рассказы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Христианские мученики, пострадавшие на Востоке со времени завоевания Константинополя турками. Пер. с новогреческого *П. Соловьев*. СПб., 1862.
- ² Афонский патерик или жизнеописания святых, во Святой Афонской горе просиявших. Ч. I–II. Изд. 3. СПб., 1867.
- ³ *Петров П.* По следите на насиетието. Документи за помохамеданчвания и потурчвания. София, 1972.
- ⁴ *Михайлов А.* Един неизвестен софийски мъченик // Старобългарска литература. Вип. I. Изследвания и материали. София, 1971. С. 403–413.
- ⁵ *Ангелов Б.С.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. С. 99–130.
- ⁶ *Сырку П.А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII вв. СПб., 1901.
- ⁷ *Михайлов А.* Един неизвестен софийски мъченик... С. 406, 411.

ПОЭТИКА БАЛКАНСКИХ МАРТИРИЕВ КОНЦА XV – НАЧАЛА XIX в.

Эта работа является своеобразным продолжением моего выступления на Международном симпозиуме “Балканские народы под османским игмом. XIV–XX вв.” в апреле 1988 г. в Софии¹. Но если тогда мое внимание сосредоточивалось главным образом на причинах расцвета указанного жанра на Балканах, классификации балканских мучеников по видам и подвидам, социальной принадлежности авторов произведений и действующих в них героев, то теперь меня более интересует поэтика житийных памятников. Она рассматривается не только в историко-культурном аспекте (в смысле смены одних литературных приемов другими при постепенном движении литературы к “новому” времени), но и как набор устойчивых клише, присущий данному разделу балканской агиографии на протяжении трех столетий. В небольшой статье, разумеется, невозможно раскрыть данную тему во всей ее полноте и многообразии – для этого требуется гораздо больше усилий и сама она заслуживает отдельного монографического исследования². Поэтому ограничимся лишь анализом наиболее ярких моментов, свойственных поэтике балканских мучеников указанного исторического периода.

Уже при беглом знакомстве с балканскими мучениками той эпохи³ заметно отсутствие в них вступительной части, где составители житий обычно повествуют о рождении, детских и отроческих годах агиографического героя. В них обычно не называются имена родителей подвижника, не описывается его благочестивая жизнь с раннего детства, не говорится о частом хождении в храм, непрестанных молитвах, послушании старшим, прилежании в научении книжном и Священного Писания. И это неудивительно, поскольку упорядоченная церковно-религиозная жизнь христиан

* Данная статья представляет собой доклад, прочитанный автором в сентябре 1994 г. в Салониках на VII Международном конгрессе по изучению Юго-Восточной Европы.

на Балканах в ту пору была попросту невозможной. Многие православные храмы были разрушены завоевателями, на возведение новых культовых зданий существовали значительные ограничения, уровень образованности священнослужителей оставлял желать лучшего: зачастую они были абсолютно неграмотны и с трудом справлялись с отправлением культовых ритуалов. Почти систематический пропуск в балканских мартириях строчек о детстве и отрочестве подвижников выглядит вполне закономерным. Большинство агиографических героев и не помышляли в юности о том, что они могут стать мучениками за веру Христову. Являясь в основном представителями низших сословий – хлебопекарями, медниками, матросами, златокузнецами, прислугой и т.п., они отнюдь не вели благочестивую жизнь и не радели о причислении себя к лику святых. Более того, некоторые из них нередко впадали в тягчайший грех, приняв по различным мотивам ислам (Никола Новый, 1555; Феофан, 1559; Марк, 1643; Дмитрий, 1657; Павел, 1683; Николай, 1772; Феодор Новый, 1792) и лишь затем снова возвращались к исконной православной вере, заплатив за это невероятными мучениями и собственной жизнью. По этой причине составители мартириев “деликатно” умалчивают о доподвижническом бытии своих героев, в лучшем случае освещая краткий временной промежуток, непосредственно предшествующий духовному поединку страдальцев с “агарянами”.

Отсутствует, как правило, в балканских мартириях и первая, “вводная” часть, где обычно говорится о поводах, побудивших книжника взяться за перо, приводятся библейские параллели или соответствующие места из святоотеческой и житийной литературы, призванные подготовить читателя к должной оценке подвижничества за веру Христову и связать подвиг мученика с аналогами далекого и недавнего прошлого. Вместо традиционной житийной “трехчленной” модели (вступление, основная часть и похвала) в балканских мартириях наблюдается тенденция к двухчастной композиционной схеме. Эта поэтическая особенность свойственна как кратким сказаниям о страдальцах, читаемых в прологах, так и пространным, помещаемым в четьи-минеях и сборниках смешанного содержания.

Наряду с этой особенностью обращает на себя внимание и другая. При составлении мартириев вводная часть могла не только усекаться, но и заменяться обширным повествованием, не имеющим прямого отношения к деяниям агиографического героя. Порой эта часть обладала настолько большим удельным весом в композиционной структуре произведения, что обретала некую самостоятельность и превращалась в подобие отдельного рассказа. Так, например, в житии Георгия Нового (1515), написанном

книжником Пейо, вступление занимает почти четвертую часть памятника⁴. В ней можно отыскать самые различные сведения о балканской истории XV–XVI вв. Помимо традиционного поучения о широком и тесном пути, ведущем, соответственно, либо в геенну огненную, либо в рай, читатель обнаруживает достаточно подробное повествование о правлении сербского деспота Стефана Бранковича и его сыновьях Иоанне и Гюрге, о Косовской битве князя Лазаря с турками, в которой погибли не только он сам, но и вражеский предводитель султан Мурад вместе со множеством своих воинов. Перед читателем предстает фигура греческого патриарха Нифонта II, с которым автору жития удалось повстречаться и, что самое неожиданное, малоприметный пресвитер Стефан из небольшого села Пенковцы близ Софии, память которого в XVI в. почитали монахи придунайского монастыря подле Русе.

Еще более нарушена соразмерность композиционной модели в житии Николы Нового (1555), написанном книжником Матеем Грамматиком. Причем в данном памятнике это касается не вступительной, а основной части жития, обычно посвящаемой деяниям главного героя повествования. Автор не скупится на слова, он не боится утомить читателя многословием или сложным ходом своих богословских рассуждений. Демонстрация эрудиции для него, по-видимому, не самоцель, а неосознанное желание заполнить жанровые лакуны болгарской литературы XVI в., в которой не создавались сборники исторического содержания, не составлялись новые проповеди, не переписывались сочинения географического характера. Вот почему Матей Грамматик постоянно отклоняется от темы, развивая свои побочные мысли и сообщая читателю массу любопытных фактов, далеких от подвижнических проявлений своего героя, сапожника Николы. Отклонениями можно считать страницы, где ведется речь о политической ситуации в Валахии в периоды правления Мирчо Чобана и Раду VII Паисия Калугера, дается великолепное описание города Средца (Софии), помещаются проповеди о пользе брака, предосторожности в поступках⁵.

В качестве иллюстрации воспроизведем фрагмент из жития Иоанна Валаха (1662) о валашском воеводе Михне, известном также под именем Живан-бея: “Господарь Валашский, не имея возможности уплатить тяжких податей, каких требовали от него корыстолюбивые турки, восстал против притеснителей и предавал мечу всякого попавшего в его руки турка. Потом он вторгся в пределы империи и без пощады все жег, истреблял и пленял. Узнав об этом возмущении, султан Мехмед послал против непокорного господаря татар и собственное свое войско. Живан-бей, не имея достаточных сил, чтобы сразиться с многочисленным войском султанским, бежал из отечества. Татары и турки вступили в беззащитную Валахию и произвели

там страшное опустошение. Множество невинных христиан отведено было в плен...”⁶. Этот, поистине летописный, пассаж вкраплен в текст жития как своеобразный предлог для объяснения, при каких обстоятельствах Иоанн Валах оказался в турецкой неволе.

В конце XV – начале XIX в. авторы балканских мартириев более активно начинают вводить в повествование “авантюрные” моменты. Господство ритуальных, “этикетных” действий житийных персонажей, столь характерное для предшествующей агиографической литературы, постепенно вытесняется некоторой непредсказуемостью их поведения. Элементы неожиданности придавали известную занимательность сюжету, заставляли читателя с неотступным вниманием следить за развитием событий. Особенно часто используется авантюрная окраска в сценах завладения мощами мучеников. Фанатично настроенные мусульмане обычно пытались уничтожить останки страдальцев за веру Христову, чтобы те не становились объектом поклонения православных. Последние же, наоборот, стремились заполучить мощи любой ценой, предлагая солидный выкуп или организуя их похищение. При этом христиане проявляли редкую находчивость, хитрость и дерзость.

Насколько опасным было такое мероприятие, видно из мартирия Димитра (1784), автор которого сообщает, как один из христиан, решившийся выкрасть ночью тело мученика, “дорого поплатился за свою смелость”. Гораздо удобнее было прибегать к хитрости, сочетая “мзду” с остроумными уловками. В мартирии Ангелиса (1680) христиане за мощи мученика дают солидную взятку Масур-аге, но тот побаивается ярости своих соплеменников и разрабатывает настоящий сценарий их передачи ходатаям. В море отплывает лодка со стражниками якобы для утопления останков Ангелиса. Параллельным курсом с ней движется и лодка с христианскими скорняками. В открытом море, когда два суденышка поравнялись, турки вместо того, чтобы сбросить мощи мученика в пучину, ловко перебрасывают их в лодку православных, и обе стороны разъезжаются с чувством взаимного удовлетворения.

Подлинно детективная история разыгрывается при похищении останков Георгия Нового (1515). Агарянский судья сочувствует христианам, но небезосновательно опасается за свою карьеру после угроз соплеменников доложить султану о его пособничестве “неверным”. Поэтому он советует просителям умолить мусульман отдать тело казненного юноши, но те приходят в еще большую ярость и обещают жечь останки всю ночь напролет. Тогда православные решаются на похищение, поручив это рискованное дело жившему поблизости безымянному христианину. Глубокой ночью у костра нежданно-негаданно появляется некий пресвитер Иоанн и застаёт крепко

спящих стражников и никаких признаков тела Георгия среди горящих поленьев. Тогда он отправляется в дом упомянутого христианина и с облегчением узнает, что тому удалось исполнить свою дерзкую операцию. Выждав, когда стражники заснули, он выкрал мощи мученика, но не осмелился отнести их в соборную церковь, как договаривались. Он перекладывает эту задачу на пресвитера Иоанна, который пробирается с драгоценной ношей по ночным улицам к назначенному месту.

Утром пресвитер Пейо на аудиенции у агарянского судьи с притворным изумлением рассказывает о неожиданном обнаружении им останков Георгия в своей церкви. В свою очередь стражники, несшие службу у костра, докладывают судье о загадочном исчезновении тела казненного якобы прямо у них на глазах. Стараясь избежать наказания за сон на посту, они заверяют: “Ночью сидели и стояли мы возле костра, накладывали на тело дрова, – и внезапно оно сделалось невидимым”. Таким образом и христианам, и судье, и агарянам становится выгодным признать факт свершившегося “чуда”.

Не менее завлекательна сцена завладения христианами небольшой частью мощей святого, описанная в мартирии Николы Нового (1555). Здесь, казалось бы, агаряне достигли своей цели: останки мученика уничтожены почти целиком. Буквально растерзав подвижника, они подвешивают его тело над огромным костром и обращают в прах, который затем развеивают по ветру и сбрасывают в струящийся рядом поток. Однако торжество агарян все-таки омрачено. И здесь христиане одерживают верх благодаря дерзости и хитрости. В то время как бесновавшаяся толпа терзает плоть мученика, одному из христиан удается смешаться с турками и завладеть частью мощей. Выхватив ее из-под ног агарян, юноша стремглав бросается прочь и благополучно отрывается от преследования.

Явно к “авантюрным” моментам относятся и эпизоды с переодеванием центральных агиографических героев. В мартирии Феодора Нового (1792) сцена с изменением внешности подвижника – одна из самых впечатляющих. Обласканный при дворе султана изограф Феодор никак не может вырваться из своей “золотой клетки”. Попытка побега из дворца, перемахнув через стену в лунную ночь, оказывается для Феодора безуспешной. Стража мгновенно задерживает его и возвращает назад, тогда он подговаривает одного из христиан тайком передать ему одежду египтянина и тщательно разрабатывает план нового побега. Теперь Феодор осуществляет задуманное с блеском... Лицо вымазано толченым углем, голова повязана грязным платком, на плече большой кувшин для воды, время для побега выбрано обеденное, когда во дворце нет толчеи и возможность столкнуться со знакомыми в таком необычном обличье ничтожна. Стража даже взглядом не повела в его сторону,

беспрепятственно выпустив “египтянина-водоноса” за дворцовые ворота. Эта сцена заставляет нас вспомнить “Автобиографию” Софрония Врачанского (1805), автор которой неоднократно преображает свой облик ради спасения собственной жизни. Сменив камилавку на шапку из бараньего меха, Софроний выдает себя за писаря или, надев зеленую чалму, прикидывается лекарем. Из города, куда нахлынули албанские банды, Софроний ускользает под видом гонца-татарина, закутав голову шерстяным платком⁷.

В поэтику балканских мучеников указанного периода несомненно входит и освещение роли наставничества. Бросить вызов мусульманам в условиях турецкого ига означало обречь себя на вереницу невероятных испытаний. Она не отличалась быстротечностью и растягивалась на сравнительно долгий срок, в течение которого потенциальному мученику могло не хватить ни душевных сил, ни духовной твердости. В минуты страшных колебаний и приступов слабости страдалец испытывал крайнюю нужду в моральной поддержке и советах своих единоверцев. От этого зависел исход духовного поединка мученика с истязателями. Не случайно поэтому во многих мучениках появляются преданные наставники, готовые с риском для жизни оказать посильную помощь святому. Иногда это просто безымянные христиане, добывающиеся свидания с мучеником в тюрьме и укрепляющие испытуемого на подвиг (Михаил Маврудис, 1544), или конкретные люди, сострадательные христиане, не обладающие духовным саном: Николай, житель острова Ларны (Дим, 1763), некто Георгий, движимый ревностью о Боге (Михаил, 1770), еще один Георгий – благочестивый христианин, прошедший с мучеником длительную беседу с напоминанием подвига трех отроков Вавилонских (Феодор Новый, 1792). В одном случае в качестве наставника выступает жена святого, следующая за ним по пути к визирю и укрепляющая его душевные силы (Павел, 1683). За это ее по приказу визиря привязывают к столбу и бьют палками.

Роль наставников существенно возрастает и занимает важное место в сюжете мучеников, если они являются духовными лицами. Мы уже отмечали ранее чрезвычайно активное поведение пресвитера Пейо в созданном им житии Георгия Нового (1515). В целом оно не свойственно агиографической литературе, но и не есть исключение для балканских мучеников XVI–XIX столетий. В житии Николы Нового (1555), написанном Матеем Грамматиком, автор играет не меньшую роль. Благодаря подкупу темничного стражника, он встречается с мучеником и ведет с ним наставническую беседу, призывая пострадать за имя Христово. Хотя Матей и пишет о себе в третьем лице, читатель догадывается, что именно ему удалось затесаться в толпу агарян, ведущих Николу на казнь, и ободрить его своим присутствием и

взглядами. Когда святого приводят к месту казни и привязывают к вербам перед последним испытанием, он снова предстает перед Николой и, уступая его немой просьбе о последней молитве, благословляет его и обменивается незаметными взаимными поклонами. После смерти мученика Матей Грамматик заливается слезами и одновременно, исполнившись несказанной радости, воздает хвалу Богу за прославление мученика. Именно он организует похищение части мощей Николы, благословляя на это христианского юношу и указуя ему перстом местонахождение реликвии. Очевидно, не без его побуждения чуть ли не в те же часы “некие из боголюбцев церковного чина” сочиняют тропари, каноны и песни в честь мученика.

В житии Феодора Нового (1792) безымянный хиосский иеромонах, став духовным отцом подвижника, настойчиво ведет его к подвигу. Он снабжает его аскетической литературой, сопровождает от Хиоса до Митилины, ободряет его в момент причаливания судна к берегу, когда к ним приближаются турецкие стражники и Феодора одолевает страх, что в нем признают беглеца из султанского дворца. Особенно трогательна сцена прощания старца со своим подопечным: Феодор опускается на колени, лобызает ноги своего духовного отца, они вместе плачут и все никак не могут расстаться. И даже удаляясь, святой непрестанно оборачивается и кланяется своему духовнику. Во время испытаний Феодора его наставник находится поблизости в укромном месте и молится за своего духовного сына.

Широко применялся составителями балканских мучеников и прием искусственного замедления действия. В ходе повествования мученик должен был выговориться. Ему необходимо было развернуть аргументацию в защиту христианской веры, подчеркнуть ее преимущества перед магометанством, пройдя через вереницу все ужесточающихся испытаний. Последняя уподоблялась ступенькам лестницы, преодолев которую, мученик становился вровень с прославленными святыми, наподобие первомучеников Стефана, Георгия Победоносца и др. Медленному развитию действия отчасти способствовала сама процедура неторопливого судебного разбирательства дел подвижников, бросивших вызов религиозным чувствам мусульман. Дела рассматривались не в одночасье, а с перерывами, переносами заседаний, предоставлением времени обвиняемым на раздумье. Афанасий Икийский (1670), например, находился в тюрьме 60 дней, заточение мученика Николая (1672) продолжалось 65 дней, а мученица Аргири (1725) провела в темнице целых 15 лет.

Длительность заключения в какой-то мере была на руку составителям мучеников. Она как бы давала им возможность не отягощать повествование монолитным огромным диалогом полемического толка, но дробить его на

части и подносить духовную пищу читателю небольшими порциями. Но все же предписывавшаяся житиями ритуальность поведения страдальцев за веру Христову не всегда удачно согласовывалась с реальными жизненными ситуациями. В таком случае агиографы прибегали к испытанному приему искусственного замедления действия. Развязка могла откладываться под самыми различными предлогами: ходатайство константинопольского патриарха об отсрочке казни мученика ввиду наступления христианских праздников (Иоанн Янинский, 1526); временное освобождение осужденного для расчетов с должниками (Михаил Маврудис, 1544; Иордан, 1650), отсутствие в городе полномочного турецкого судьи (Никола Новый, 1555) или даже запаздывание к месту казни сына муллы (Александр Дервиш, 1794).

Особое место в балканских мартириях отводится диалогам. Они, как отмечалось, писались со знанием христианской полемической литературы, направленной против магометанства. Приводимые в них доводы должны были оградить православную паству от соблазна переметнуться в стан господствующих завоевателей, чтобы извлечь из этого материальные и моральные выгоды. Несмотря на заверения агиографов о достоверности диалогов между мучениками и истязателями, они обычно писались самими составителями мартириев и носят явно искусственный характер. Нередко вопросы агарянских судей являются почти риторическими и лишь создают иллюзию диалога. В житии Михаила Маврудиса (1544) вопросы судьи (типа “А что вы думаете о [деве] Марии?” или “Как вы думаете о пророке Магомете?”) служат лишь предлогом для пространных рассуждений агиографа на эти темы и способом вложить свои слова в уста главного героя произведения.

В этих диалогах (фактически монологах) читатель тем не менее находил важные аргументы для стойкости при возможных спорах с мусульманами по вопросам веры. В упомянутом житии Маврудиса читатель получал указание, что отвечать магометанам, если те начнут плумиться над св. Троицей и утверждать, что христиане поклоняются трем различным богам. Троица удачно сравнивается здесь с солнечным сиянием, которое рождается от солнца, но при этом и оно, и его лучи не могут быть отделимы от солнца и существуют только вместе. Помимо диалогов главных противоборствующих сторон, в балканских мартириях присутствует также масса диалогов другого плана. Они постоянно возникают между второстепенными персонажами и, с точки зрения исторической поэтики, гораздо более интересны, поскольку несут в себе элементы бытовизма, заземленности, не присущей приподнятому тону традиционной агиографии.

Одна из поэтических особенностей балканских мартириев – наличие в них световой символики. Жития мучеников писались по свежим следам

событий, чаще всего до официальной канонизации страдальцев за веру Христову православной церковью. Да и сам вопрос канонизации был крайне щепетильным, если учитывать то ослабевающий, то усиливающийся контроль за Константинопольской патриархией со стороны оттоманской Порты. Несколько константинопольских патриархов поплатились за свою неосторожность жизнью. Для составителей мартириев главным было подчеркнуть, что страдания мучеников получили одобрение небес посредством ниспосланного знамения. Таким знаменем в житиях обычно выступает небесное свечение в момент казни страдальца или после его кончины. Упомянутое агиографами свечение, как правило, лишено каких-либо дефиниций и сравнений (Николай, 1672; Аксений, 1720; Анастасий, 1743; Мирон Критский, 1793, и др.). Однако, согласно свидетельствам агиографов, иногда оно принимает определенную форму в виде столпа (Ангелис, 1680), походит на сияние “светлой звезды” (Акилина, 1764) или даже молнию, пронзающую крышу тюрьмы и озаряющую тело мученицы на дыбе (Анна, 1751). Случается, что свечение обладает строго обозначенным источником: например, исходит из храма новомученика Георгия Нового, проникая в темницу, где находится страдалец (Константин, 1819). Порой составители житий называют и продолжительность свечения: глава повешенного турками константинопольского патриарха Парфения (1657) освещалась сиянием в течение трех суток.

Эти чудодейственные свечения, по словам агиографов, наблюдали не только христиане, но и агарянские стражники или мусульманская толпа. Одни из нечестивых преисполнялись уважением к смерти мучеников, другие испытывали трепет и страх, а третьи пытались успокоить себя тем, что это Аллах посылает огонь для конечного истребления недостойного тела “неверного” (Николай, 1672).

Проанализировав особенности поэтики балканских мартириев конца XV – начала XIX в., можно сделать вывод о наличии в ней ряда черт, идущих вразрез с традицией средневековья, таких как: нарушение трехчастной композиции; присутствие в текстах житий фрагментов с летописным оттенком; эмансипация образа автора – книжника и наставника, который сам становится активнейшим участником событий; наличие “авантюрного” начала. Все это привлекает относительной новизной, однако не свидетельствует о медленном эволюционном перерождении “мученического” жанра в некое новое литературное качество. Ни один из упоминавшихся мартириев даже с натяжкой не может быть причислен к литературе “нового” времени. Появление в них “реалистических элементов” – результат социальной ориентации литературы, которая адресовалась мелким торговцам, ремесленникам и грамотным крестьянам. В то время именно эти социальные

группы православного населения Балкан и представляли собой единственную читательскую массу. На ее невзыскательные вкусы и ориентировались составители мартириев, стремясь по возможности оживить повествование некоей новизной, но не порывая одновременно с традициями средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Доклад под названием “Типологические особенности балканских мартириев в XV–XVIII столетиях” опубликован в книге: Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 2. XVI–начало XVIII вевов. М., 1989. С. 25–137.

² Предельная объективность выводов, очевидно, может быть достигнута только при учете раннехристианской мученической традиции, отраженной в славяно-византийской книжности.

³ Анализу подвергаются более 70 балканских мартириев, опубликованные тексты которых см. в изданиях: *Соловьев П.* Христианские мученики, пострадавшие на Востоке со времени завоевания Константинополя турками. СПб., 1862; Афонской патерик или жизнеописание святых, во Святой Афонской Горе просиявших. СПб., 1867. Ч. I–II. Изд. 3; *Петров П.* По следите на насилено. Документи за помохамеданчвания и потурчвания. С., 1972; *Михайлов А.* Един неизвестен софийски мъченик // Старобългарска литература. Изследвания и материали. София, 1971. Вип. 1. С. 403–413.

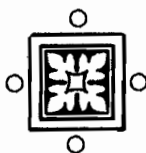
⁴ *Ангелов Б. С.* Из старата българска, руска и сръбска литература. София, 1978. С. 99–130.

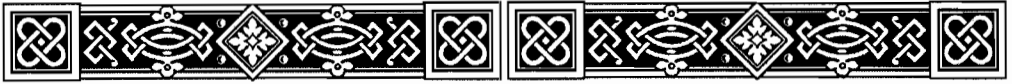
⁵ *Сырку П. А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII вв. СПб., 1901.

⁶ *Соловьев П.* Указ. соч. С. 102.

⁷ Софроний Врачанский. Жизнеописание. Изд. подготовили *Н. М. Дылевский, А. Н. Робинсон.* Л., 1976. С. 48–65.

⁸ *Калиганов И. И.* Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное Возрождение. М., 1982. С. 179–182.

КНИГИ МОСКОВСКОЙ ПЕЧАТИ XVII СТОЛЕТИЯ В БИБЛИОТЕКЕ РИЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ*

Изучение русской старопечатной литературы, проникавшей в Болгарию на протяжении позднего средневековья и раннего национального Возрождения, имеет важное значение для восстановления объективной картины болгаро-русских литературных связей в XVI–XVIII вв. Его результаты помогут решить некоторые спорные вопросы хронологии этих связей, уточнить объем русского влияния на болгарскую литературу и культуру в данный исторический период, прояснить степень участия русских старопечатных книг в развитии болгарской культурной жизни того времени. Исследование и подробное описание находящихся на болгарской земле экземпляров русской старопечатной литературы важно и в другом плане: оно приблизит нас к реализации ширококомасштабной задачи, поставленной перед учеными-археографами – учету и каталогизации всех уцелевших экземпляров старопечатных книг южных и восточных славян XV–XVII вв.¹

Необходимость изучения русских старопечатных изданий на территории Болгарии, особенно в плане воздействия их на развитие национальной культуры, давно осознавалась учеными. Еще в конце прошлого века историк литературы И.Д. Шишманов призывал к созданию фундаментального труда на эту “благородную тему”². Но хотя с тех пор прошло почти 100 лет, подобный труд до сих пор не написан. Нельзя сказать, что работа в данном направлении вообще не ведется. За последние сорок лет здесь наметились серьезные сдвиги. К одинокой в прошлом работе Б. Цонева³ прибавились важные статьи болгарских исследователей И. Снегарова, Б. Ангелова, Н.М. Дылевского, П. Атанасова и др.⁴. Ими было выявлено значительное количество восточнославянских старопечатных книг в болгарских хранилищах. И все же состояние изучения этой важной области южно-восточнославянских

* Данный материал был изложен автором в качестве доклада на IV съезде Болгарского исторического общества в Софии 8–10 октября 1987 г.

связей остается неудовлетворительным. Культурные контакты между Болгарией и Россией в эпоху позднего средневековья, осуществлявшиеся на славянском юге посредством русской старопечатной литературы, еще не освещены во всей широте. По замечанию болгарского профессора Б.С. Ангелова, одна из сложностей заключается в том, “что большая часть русских старопечатных изданий остается не известной науке по причине своей рассредоточенности по закуткам наших многочисленных церквей, монастырей, музеев и библиотек”. По его словам, “выявление и обнародование фактов о распространении русских старопечатных книг является важной задачей истории культуры Болгарии”⁵.

Во время наших командировок нам удалось обнаружить и описать ряд редких экземпляров украинско-русских старопечатных изданий XVI–XVII вв. В их числе – львовский Апостол 1574 г. первопечатника Ивана Федорова, хранящийся ныне в библиотеке Врачанской митрополии. Его ошибочно принимали за отрывок рукописной книги конца XVII в. из-за отсутствия титульного листа и сходства печатного шрифта с рукописной манерой письма. Подобным находкам мы посвятим отдельную статью. Здесь же наше внимание сосредоточивается на книгах московской печати XVII в., находящихся в библиотеке Рильского монастыря.

Говоря о Рильской обители, нельзя не упомянуть о значительной роли этого очага средневековой литературы и письменности в культурной истории Болгарии и связях с Россией. Рильский монастырь был основан еще в X в. и являлся одним из крупнейших центров образованности славянского средневекового юга. За время своего почти тысячелетнего существования он не раз подвергался разорениям, претерпевал запустения, но неизменно восстанавливал свою просветительскую функцию и высокий авторитет хранителя южнославянских духовных ценностей. В Рильском монастыре трудились такие замечательные средневековые славянские книжники, как Владислав Грамматик, Димитр Кантакузин, Мардарий и другие писатели. В нем всегда находилось значительное количество рукописных, а в эпоху османского ига и старопечатных, книг, игравших важную роль в деле сохранения национальной культуры и письменности. Рильский монастырь подобно Фениксу неоднократно возрождал свои книжные богатства после опустошительных пожаров и разбойничьих набегов, и это происходило благодаря активным связям обители с Афоном, Сербией, Молдавией и Россией.

Особенно тесными были контакты Рильского монастыря с русскими книжниками и далекой русской землей. Они осуществлялись через Афон или посредством прямых отношений обители с Московским государством. Об

этом свидетельствует сохранившийся текст договора Рильского монастыря с русским афонским монастырем св. Пантелеймона, датированный 1466 г.⁶ В нем приводятся факты, говорящие о том, что данный договор является своего рода простым возобновлением традиционных культурных связей, поддерживавшихся между двумя обителями в прошлом. На прямые контакты Рильского монастыря с Московским государством указывают документы, хранящиеся в архиве русского Посольского Приказа (РГАДА. Ф. 52. Греческие дела). К сожалению, этот архив дошел до нас лишь частично: значительная его часть погибла. Тем не менее, в “Греческих делах” зафиксированы приезды рильских братьев в Москву в периоды правления царей Ивана Грозного, Федора Иоанновича и Михаила Романова (1558–1559, 1584, 1628 гг.)⁷.

По-видимому, число подобных “хождений” рильских монахов в московские земли за “милостыней” в XVI–XVII вв. было больше и не ограничивалось тремя приездами. Но какие-либо иные сведения на этот счет, как отмечалось выше, отсутствуют. “Хождения” посланцев Рильского монастыря в Россию для нас ценны в том плане, что они, как правило, приводили к появлению русских рукописных и печатных книг в Болгарии. В перечне пожертвований посланцам со славянского юга среди соболей, драгоценных окладов и разнообразной церковной утвари постоянно фигурируют печатные и рукописные книги “в десть или полдесть”. Русские цари и патриархи закупали продукцию Московского печатного двора и создавали особые фонды для преподнесения их южнославянским просителям. Сведения о подарках подобного рода, правда без указания на характер содержания книг, можно обнаружить в уже упомянутых архивных фондах РГАДА. Но помимо, так сказать, “централизованных” подношений, посланцы южнославянских порабощенных стран, по всей вероятности, получали и многочисленные “частные” подношения. Мы подразумеваем здесь те дарения, которые могли иметь место при посещении рильскими братьями монастырей в Ростове, Суздале, Ярославле, Владимире, Переяславле-Залесском, Юрьеве-Польском. Во всяком случае, “хождения” не ограничивались посещением только Москвы, а сопровождались своеобразным “кругом почета” по русским городам на основании проезжих грамот русских государей⁸. Получаемые таким образом книжные дары обычно не вносились в документы Посольского Приказа.

В настоящее время в библиотеке Рильского монастыря находятся 12 книг московской печати XVII в. Девять из них были отмечены П. Атанасовым⁹, а три обнаружены нами в результате тщательной проверки все еще неудовлетворительно каталогизированных библиотечных фондов. По вопросу о появлении московских изданий XVII в. в Рильской обители существовали и существуют различные точки зрения.

Некоторый свет на него, казалось, проливал свидетельство русского ученого-путешественника В. И. Григоровича, посетившего монастырь во время своей поездки на Балканы в 1844 г. Об оказанном ему приеме и судьбе монастырской библиотеки он писал следующее: “Не только с величайшею готовностью показали мне почтенные отцы свое собрание рукописей, но и еще с добродушною откровенностию и искренним сожалением объяснили мне причину его скудости. Одна часть рукописей сгорела, другую один непросвещенный старец, бывший игумен, почитая бесполезною и не желая, чтобы ее растаскивали, свез в близкую пустыню, где строилась церковь святому Иоанну Рильскому, и, сбросив книги под пол, приказал заложить камнями”¹⁰.

Речь здесь идет о древнеславянских рукописях, но слова рильцев, несомненно, можно распространить и на старопечатные книги, поскольку последние обычно хранились с рукописными. Таким образом, в первой половине XIX в. бытовало мнение, что значительная часть старославянских рукописей и инкунабул погибла в пожарах или в результате нерадения, и нынешняя монастырская библиотека сформировалась в довольно позднее время. Тем не менее ряд дошедших до нас древнеболгарских рукописей, созданных в Рильской обители и находящихся там и поныне, делают возможным предположение о том, что рукописные и старопечатные книги в Рильском монастыре хранились в надежном месте и могли уцелеть, несмотря на все превратности судьбы. Болгарский исследователь П. Атанасов считает свидетельство В.И. Григоровича не более чем утвердившейся “легендой”¹¹, полагая, что большинство восточнославянских печатных книг попадало в Рильскую обитель вскоре после своего выхода в свет. Такое предположение нуждается в проверке. И здесь на первый план выдвигается исследование украинско-русских старопечатных книг с точки зрения кодикологии. Большую важность приобретает фиксация особенностей переплетов рильских старопечатных книг, время и место их изготовления, филигранные переплетных листов, характер и датировка рукописных маргиналий на форзацах и листах с печатным текстом, анализ рукописных вставок, появившихся взамен утраченных печатных листов в некоторых изданиях и т.п. И сам подход к описанию восточнославянских старопечатных книг, находящихся ныне в Болгарии, Югославии, Румынии, Греции и на Афоне, должен быть несколько иным, чем по отношению к тем украинско-русским средневековым изданиям, которые не покинули пределы родной земли.

Отдельные ученые считают публикацию предисловий и послесловий старопечатных изданий излишней. Подобная точка зрения, однако, опровергается складывающейся практикой. Часть предисловий старопечатных книг южных и восточных славян и извлечения из предисловий в первой трети

XIX в. были опубликованы П.М. Строевым¹². Однако уже в конце того же века это издание стало библиографической редкостью¹³, поэтому восполнение пропусков в книге П.М. Строева, равно как и переиздание того, что малодоступно современным исследователям, весьма целесообразно.

Предисловия и послесловия печатных книг XVI–XVII вв. нередко несут в себе большой заряд информации и порой даже более интересны по сравнению с основными текстами (в особенности это касается старопечатных книг устойчивого состава, известных и широко распространенных в предшествующей древнеславянской рукописной традиции). Еще большее значение приобретали послесловия и предисловия украинско-русских печатных книг на славянском юге. Они зачастую являлись здесь единственным надежным источником информации о годах правления русских великих князей и царей, патриархов, здесь приводились официальные титулы высокопоставленных особ, прослеживались династические связи. В них развивались и некоторые идеи, видимо, воспринимавшиеся впоследствии южнославянскими идеологами национального Возрождения. В качестве примера процитируем строки из предисловия находящейся в Рильском монастыре “Книги о вере” московской печати 1648 г. Это издание предназначалось для сугубо религиозных целей и имело своей задачей укрепление позиций православия в борьбе с еретическими от него отступлениями. Но совсем иной смысл, по всей вероятности, приобретали слова предисловия, подчеркивающие достоинства и преимущества “словенского” языка по сравнению с другими: “...мнози же о(т) наших гордостию превознесшейся языком словенским гнушаются, в нем же кр[е](с)тишася и сподобисася бл[а]годати Б[о]жия, иже широк есть и великославен, совокупителен и умилен и совершен, паче простаго и лятскаго обретається и имеет в себе великую похвалу, не токмо о(т) описания б[о]гословских и песней ц[е]рковных з греческаго им переведенных, но и о(т) Б[о]ж[е](с)твеня литургии и иных тайн, иже Б[о]гоугодным тем языком в Великой и Малей Руси, в сербех и болгарех, и по иным странам действуются, и мнози н[ы]не свой хлеб и сокровища д[у]ховная во чтении и поучении из обилных книг словенских оставивше за чюжин, иже смертоносным ядом устроены хлеб хапаются” (л. 3-3 об. Предисловия).

Не исключено, что мимо данной книги не прошел родоначальник болгарского Возрождения Паисий Хилендарский. Важны здесь и строчки о том, что население украинских, сербских, болгарских и других славянских земель представляет собой племенное и культурное единство и использует единый церковнославянский язык. Очевидно, продукция Московского Печатного двора XVII в. была адресована не только русским читателям, а предназначалась

для осуществления широкомасштабных религиозно-политических целей во всем славянском православном регионе.

Кодикологический анализ экземпляров девяти книг московской печати XVII в. из библиотеки Рильского монастыря показал следующее: восемь из них попали в обитель через полтора-два века после своего выхода в свет. Так, например, “Устав церковный” (1633) появился в указанном монастыре не ранее 10-х годов XIX в., “Книга о вере” (1648) – не ранее начала XVIII в., успев побывать в Валахии и Сербии. “Поучения Ефрема Сирина” (1652) очутились в монастыре в конце XVIII в. и до этого принадлежали валашским, видинскому и софийскому владельцам. “Анфологион” (1660) еще в конце XVIII в. был собственностью одного из русских монахов на Афоне и только потом перекочевал в Рильский монастырь. Первопечатная московская библия (1663) почти сразу же после своего выхода в свет попала в Сербию, затем ею владел сербский патриарх Арсений IV и лишь во второй половине XVIII в. она попала в Рильскую обитель. Два экземпляра “Книг Великих пастырей” (1665) скорее всего вошли в состав монастырской библиотеки в третьей четверти XIX в. “Жезл правления” Симеона Полоцкого (1667) находился в местечке Градешнице (или Граденичи) до 1821 г. и, следовательно, появился в обители позже упомянутой даты. Лишь одна московская печатная книга XVII в. остается пока загадкой в смысле времени своего проникновения в болгарские земли – “Великий требник” (1623).

Таким образом, предположение П. Атанасова о сравнительно быстром попадании московской печатной продукции в Болгарию не подтверждается фактами. Более правомерным выглядит суждение Н. М. Дылевского, который с должной степенью осторожности пишет: “Датировка рукописей и старопечатных книг отнюдь не может служить свидетельством точного времени и способов и путей проникновения их в то или иное книгохранилище. Это далеко не одно и то же, и расхождения во времени в данном случае не только неизбежны, но и закономерны”¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Немировский Е.Л.* Описания изданий типографии Швайпольта Фиоля. Гос. Библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел редких книг. Предисловие. М., 1979. С. 2 (ротапринт).

² *Шширманов И.Д.* Наченки на руското влияние в българската книжнина / Български преглед. V. 1899. Кн. IX–X.

³ *Цонев Б.* Опис на славянските ръкописи и старопечатни книги в Пловдивската народна библиотека. София, 1920.

⁴ *Снегаров И.* Културни и политически връзки между България и Русия през XVI–XVII в. София, 1953; *Ангелов Б. С.* Материали за проникването на руската книга (XV–XVIII в.) //

- Известия на Народната библиотека “Кирил и Методи” за 1959. София, 1961; *Дылевский Н. М.* Русские и украинские рукописи и старопечатные книги в болгарских книгохранилищах // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 206–224; *Атанасов П.* Украинские кириллические старопечатные книги XVI–XVII в. в Болгарии (к вопросу о болгарско-украинских культурных связях) // Советское славяноведение. 1972. № 6. С. 72–83; *Он же.* Руските старопечатни книги и българските дамаскинари // Език и литература. 1974. Кн. 6. С. 23–35.
- ⁵ *Ангелов Б. С.* Из историята на руско-българските литературни връзки. София, 1972. С. 89, 90.
- ⁶ *Дылевский Н. М.* Договор 1466 г. между болгарским Рильским монастырем и обителью Пантелеймона-Руссиком на Афоне // Etudes Balkaniques. 1969. № 2. С. 81–98.
- ⁷ *Леонтьев П. М.* Дополнительные известия о Рильской обители, что на Балканах // Московские ведомости. 1853. № 64. С. 1; *Муравьев А. Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858. С. 94, 95.
- ⁸ *Дылевский Н. М.* Рильский монастырь и Россия в XVI–XVII веках. София, 1974. С. 42, с. 114 (примечание № 28).
- ⁹ *Атанасов П. А.* Руските старопечатни книги в Рилския манастир // Старобългарска литература. Кн. 12. София, 1982. С. 82–99.
- ¹⁰ *Григорович В. И.* Очерк путешествия по Европейской Турции. Изд. 2-е. М., 1877. С. 131.
- ¹¹ *Атанасов П. А.* Руските старопечатни книги... С. 83, 84.
- ¹² *Строев П. М.* обстоятельное описание старопечатных и церковнославянских книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке графа Ф. А. Толстого. М., 1829.
- ¹³ Описание старопечатных и церковнославянских книг, хранящихся в библиотеке Санкт-Петербургской Духовной академии // Сост. *А. Родосский*. Вып. I. 1491–1700 гг. включительно. СПб., 1891. С. 13 (примечание I).
- ¹⁴ *Дылевский Н. М.* Рильский монастырь – Великая лавра славянского племени // Etudes Balkaniques. 1985. № 2. С. 43.

ИЗ ИСТОРИИ БОЛГАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ (ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ XIX В.)

При рассмотрении эволюции литературы болгарского Возрождения возникают некоторые трудности. Прежде всего в болгарской литературе того времени мы не обнаруживаем ярких литературных произведений. Едва ли можно отыскать в ней какое-либо сочинение, равное по силе, например, “Истории славяноболгарской” (1762) Паисия Хилендарского. Конечно, надо назвать “Автобиографию” (1805) Софрония Врачанского, произведения ученого Петра Берона, просветителя Неофита Бозвели и других болгарских писателей, живших после Паисия. Однако именно в этом и состоит неоднозначность, на первый взгляд само собой разумеющихся истин. “Автобиография” Софрония Врачанского, как и произведения ряда других болгарских авторов, творивших вслед за ним, были дальнейшим шагом вперед по сравнению с паисиевской “Историей”. И все же существует одно большое “но”. Нужно прежде всего задать вопрос: а участвовали ли те или иные произведения болгарских авторов в национальном литературном процессе того времени? Насколько велика была их степень участия в нем?

В силу ряда причин многие важные сочинения болгарских писателей оставались в единственном экземпляре или создавались за границей, нередко печатались на иностранных языках и распространялись в Болгарии гораздо позднее. Например, софрониевская “Автобиография” была написана в Валахии, затем рукопись оказалась в России¹, а в Болгарии стала известна только в 1861 г. после публикации ее в газете “Дунавский лебедь” Г.С. Раковским². В Париже и в Праге издавалось и большинство работ болгарского писателя и ученого Петра Берона. Нужно отметить и второе важное обстоятельство. В этот период налицо своеобразное сосуществование старого средневекового (рукописного) и нового (печатного) способов распространения книг. Печатные издания выпускались тиражами 1000 и более экземпляров и, вероятно, оказали на болгарского читателя гораздо большее

воздействие, чем рукописные материалы или отдельные памятники литературы, оставшиеся в единственном экземпляре-автографе. По этой причине мы анализируем в статье преимущественно содержание печатных болгарских книг, охватывавших “массового” читателя. При рассмотрении указанного периода творчество многих писателей той поры нередко анализируется нами без соблюдения четких хронологических границ. То, что было создано писателями позднее, во второй половине 40-х или даже в 50-х–60-х годах XIX в., невольно соотносится с их более ранним вкладом в литературное возрождение болгарского народа. Возникает неизбежная проекция более позднего на более раннее, мешающая пониманию сути последнего.

Вычленение нами периода от начала XIX в. до середины 40-х годов того же столетия в истории болгарской литературы не является общепринятым. 1845 г. хронологической вехой начала литературы нового типа считает Г. Гачев³. Д. Леков высказывается менее определенно: начало 40-х годов XIX в., но классификационные принципы подобной периодизации в его исследовании остаются до конца не проясненными⁴. По проблемам вычленения отдельных периодов в литературе болгарского национального возрождения существуют разнообразные точки зрения, охарактеризованные в работе П. Динекова⁵. Наиболее утвердившаяся периодизационная схема отражена в академической “Истории болгарской литературы”: от появления “Истории славяноболгарской” до выхода “Рыбного букваря” (1824) П. Берона и от последней даты до Крымской войны 1853–1856 гг.⁶ Такая периодизация кажется нам не очень оправданной. Можно согласиться с точкой зрения Д. Лекова, что Крымская война, вызвавшая подъем национально-освободительного движения в Болгарии, все-таки едва ли стала вехой в литературной жизни страны⁷.

В целом проблемам развития болгарской литературы с начала XIX в. и до середины 40-х годов того же столетия посвящено мало обобщающих работ. Исследования рассматривают либо творчество отдельных болгарских писателей, либо их произведения, зачастую так и не ставшие в то время достоянием широкого круга читателей. Отсутствие интереса к общей проблематике у литературоведов объяснимо. Данная эпоха дала мало литературных произведений, ее лицо определяли преимущественно внелитературные факторы⁸. Это время “подступов” к художественной литературе в современном значении слова. Уже то обстоятельство, что “Рыбный букварь” П. Берона – первое учебное пособие для овладевавших грамотой болгар – обычно избирается периодизационной вехой литературы, говорит само за себя. Если принимать во внимание внелитературные факторы, то между паисиевской “Историей” и бероновским букварем логически напрашивается еще одна веха:

появление в 1806 г. первой печатной книги на новоболгарском языке – “Кириакодромнона” Софрония Врачанского. И, наконец, верхней вехой для этой эпохи, по нашему мнению, можно считать первую болгарскую поэму “Стоян и Рада” (1845) Н. Герова. Произведение Герова свидетельствует о завершении длительного переходного периода болгарской литературы от средневековой к собственно художественной. Это первое болгарское литературное сочинение с вымышленным героем, вымышленной фабулой, художественной условностью. Оно фактически открывает дверь в качественно иной художественный мир.

Цель статьи – проследить, как осуществлялась эволюция болгарской литературной продукции на этом отрезке времени. И поскольку в данный период огромное значение приобрели внелитературные факторы, они не могут быть обойдены молчанием. Для понимания сути последующего подъема в развитии болгарской литературы в 50-е–70-е годы важно выявить возникновение новых ростков и во внелитературной жизни предшествующей эпохи. В тот период болгары продолжали томиться под османским игом. В стране не было типографий⁹, до 1835 г. не было светских школ. Грамоте обучали главным образом в церковно-монастырских, “келейных” училищах. Процент грамотности был сравнительно невелик. Не было и читателя с развитым художественным вкусом. Книга, как и во времена средневековья, изготавливалась в болгарских землях в рукописном виде и носила преимущественно церковно-религиозный характер.

Ввиду османского запрета на открытие болгарских типографий (и здесь не обошлось без происков фанариотов) печатные книги для нужд болгарского населения издавались в Бухаресте, Будапеште, Белграде, Солуни, Крагуеваце, Одессе и других неболгарских культурных центрах. Всего с 1806 г. до середины 40-х годов XIX в. было напечатано около 120 книг¹⁰. Важный вклад в просвещение болгар в тот период, помимо Софрония Врачанского и Петра Берона, внесли Иоаким Кырчовский (1780–1820), Васил Априлов (1789–1847), Неофит Бозвели (1785–1848), Константин Огнянович (1798–1858), Райно Попович (1773–1858), Неофит Рильский (1793–1881), Эмануил Васкидович (ум. 1875), Христаки Павлович (ок. 1804–1848) и др. Нам представляется важным содержание изданных ими книг, обстоятельства их выхода в свет, картина постепенного их укрепления на болгарском рынке, анализ характера взаимоотношений издателей с читателем.

Не располагая значительными денежными средствами и не обольщаясь возможностью получения материальной выгоды от своего дела, первые болгарские книгоиздатели могли рассчитывать лишь на помощь со стороны. Будучи главным образом писателями “духовного чина”, они прокладывали

дорогу своим изданиям через “церковные каналы”. В роли основных меценатов, как правило, выступали не греческие клирики, а духовенство и представители светской верхушки соседних балканских государств. Например, “Кириакодромион” был напечатан с одобрения валашского митрополита Досифея на средства православных епископов и простых христиан. На протяжении 10-х – первой половины 40-х годов XIX в. ряд книг на новоболгарском языке выходит при содействии или материальной поддержке валашского митрополита Григория и князя Григория Гики, сербского князя Милоша Обреновича, сербских митрополитов Сергия и Петра, архимандрита Гавриила и других духовных и светских лиц высокого ранга. Случаи единоличного финансирования издания были чрезвычайно редки, и тогда об этом не без гордости сообщалось на титульном листе книги. Например так: “Посвящено сыновьям и чадам Болгарии из предельной любви Константина Огняновича... издано иждевением того в Будине граде”.

Реальной материальной основой для регулярного издания книг служили однако не пожертвования отдельных высокопоставленных персон, а деньги дававшиеся зажиточными болгарам “средней руки”: торговцами, состоятельными ремесленниками и сельскими богатеями “чорбаджиями”. И радители национального просвещения прекрасно осознавали, на кого им следует прежде всего опираться. Намереваясь опубликовать свой “Кириакодромион”, Софроний испытывал острую нехватку денег и поэтому обратился с воззванием к состоятельным болгарам, жившим в Валахии: “При том мы сейчас сдали книгу на штамп, сиречь на печать, чтобы напечатать тысячу книг, и в каждой книге по триста листов будет, но много денег такое дело стоит. На это пойдет по десяти тысяч грошей, а у меня нет такой суммы. Того ради молю Вас, зная вашу милостивую душу и добротворное сердце, и любовь к учинению добра, поскольку общее это добро для всего болгарского народа, молю вас помогати ему, потому что это более богоугодное дело, чем пойти на поклонение в Святую Гору, так как тысяча церквей будет поминать ваши имена до скончания века и столько людей поучения эти наставят на новый путь”.

Неизвестно, откликнулись ли валашские болгары на горячий призыв Софрония Врачанского. На титульном листе “Кириакодромиона” в качестве пожертвователей упоминаются некие “благочестивые христиане”, но об их социальном положении остается только гадать. Ими могли быть местные клирики, а не те, к кому он обращался со страстной мольбой. Во всяком случае по причине отсутствия необходимой суммы (“от недостаточества”) издание “Кириакодромиона” долго откладывалось. Даже в середине 30-х годов болгарские просветители Неофит Бозвели и Э. Васкидович, готовившие

издание “Краткого политического землеописания” (1835), рассказывали, как один из них ездил по родным землям и со слезами на глазах умолял жертвовать деньги на отпечатку книги, но земляки отделялись обещаниями. Эти факты иллюстрируют, сколь трудно появлялись на свет книги для страны, не имевшей собственной государственности и типографий.

Случай с “Землеписанием” показывает, как содержание книги могло облегчить или затруднить ее публикацию. Вероятно, Софроний больше ценил свою “Автобиографию”¹¹, перевод “Феатрона политикона” Стратемана или знаменитые Видинские сборники полусветского содержания. Но эти труды так остались в рукописях, а первым был напечатан “Кириакодромион”. Здесь сыграла роль ориентация Софрония на уровень развитости вкусов болгарского читателя и социальное положение своих меценатов и покровителей. Поскольку болгарские печатные книги издавались за границей преимущественно болгарскими церковными деятелями и при содействии православных иерархов Сербии, Валахии и Австрии, значительная их часть носила религиозный характер. Их издание преследовало определенную цель – повышение церковной культуры болгар, ослабленной османским господством и засильем греческого духовенства. В этот период, помимо “Кириакодромиона”, печатаются “Поучения от Евангелия и от множества других Божественных книг” (1806), “Повесть ради Страшного и Второго пришествия Христова” (1814), “Чудеса Пресвятыя Богородицы” (1817), “Различные поучительные наставления” (1819), “Священное цветоборание” (1825), “Священная история церковная из Ветхого и Нового завета” (1825), “Житие Алексея человека Божия” (1833), “Страсти Христовы” (1835), “Краткий катехизис” (1836) и др.¹²

Подобные издания имели прогрессивное значение, оказывая влияние на формирование болгарского литературного языка на народной основе. Они продолжали линию Паисия Хилендарского, выступившего в защиту родного языка своих соплеменников еще в начале 60-х годов XVIII в. Начиная с “Кириакодромиона”, в печатных изданиях подчеркивалась любовь к родному языку, утверждалось право на его существование наряду с литературными языками других народов. Это выражалось то констатацией факта перевода на “простой”, но свой, “славяноболгарский” язык, то пространными патристическими рассуждениями на эту тему. Последнее, например, делается в предисловии к “Житию Алексея человека Божия”, изданном К. Огняновичем. По своему пафосу, стремлению пробудить в народе чувство национальной гордости, страстному обличению грекомании некоторых болгар, называющих себя греками, обращение Огняновича сходно с паисиевской “Историей славяноболгарской”. “А некоторые смешались с греками и называют себя греками, другие с валахами и зовутся так же, и как безумные отвращаются от

своего рода, языка и имени, будто им название Болгарин приносит бесчестье!” – укоризненно восклицает К. Огнянович*.

Другой важной особенностью ряда печатных книг являлось наличие старых традиций дамаскинаров – книжников XVII–XVIII вв., создававших рукописные сборники смешанного содержания на народном языке¹³. В подавляющей части изданий под сугубо религиозными заголовками скрывались разнообразные материалы. Книги типа “Последования молебных песен” (Белград, 1838), предназначенные для произнесения молитв с целью исцеления от болезней, предотвращения падежа скота и т.п., были скорее исключением. Издателями обычно включались в книги не канонические тексты, а их версии, переработанные в духе народных представлений и наивной фантазии. Например, в описании сцены Страшного Суда (“Книга, нарицаемая мытарства”) ревущая, словно дьявол, Смерть является в окружении черных, будто в саже, чертей. Они раскрывают “амбарные книги”, в которых записаны все человеческие грехи, и раскладывают орудия для пыток и истязаний: “косы, сабли, серпы, тесаки, крюки и даже такие, каких человеческий глаз не видывал.” В слове пророка Даниила рассказывается, как с живых людей сдирают кожу и сбрасывают с высоких скал, жарят на жаровнях и превращают все тело в живую рану, подвергая Христовым мукам.

Леденящая кровь в жилах сцена Страшного Суда обрисована и в “Повести ради Страшного и Второго пришествия Христова”: “Невообразимо ужасно задрожат земля и небо и, когда падут солнце и месяц, и звезды, а небо свернется словно занавес, – высохнут все воды и моря, а земля загорится словно сильный костер. И настолько силен будет огонь, упавший во все реки и море, что они не смогут погасить ни единой его искры”.

Народный, апокрифический характер таких произведений не вызывает сомнений. Но они публиковались под сугубо религиозно-каноническими заголовками и благополучно проходили сквозь заслоны церковной цензуры. При помощи подобных уловок болгарские книжники прокладывали дорогу изданиям нового типа и постепенно приучали читателей к необычным для них печатным книгам.

Продолжением традиции дамаскинов было и помещение в книгах сочинений, входивших ранее в репертуар древней болгарской литературы и распространявшихся в списках. Теперь уже широкие круги читателей знакомились с житиями почитавшихся в болгарских землях подвижников: Петки Тырновской, Димитрия Солунского, Иоанна Рильского и других. Была издана в 1844 г. и известная повесть об Александре Македонском. Разнообразное

* Здесь и далее при цитировании предисловий болгарских изданий 10-х–40-х годов XIX в. номера страниц не приводятся из-за их цифровой необозначенности в большинстве предисловий.

содержание печатных изданий объяснялось стремлением их составителей удовлетворить запросы читателей с самыми различными вкусами. Но из-за относительной дороговизны печатных изданий число их читателей росло все-таки сравнительно медленно. Средств для выпуска книг зачастую не доставало, их издания откладывались, или они выпускались по частям. В 1820 г. купец Петр Сапунов вместе с клириком Серафимом перевели на новоболгарский язык весь Новый Завет, но читатель ознакомился с ним только в 1828 г. и даже не полностью, а лишь с первой его частью – Четвероевангелием.

Издатели печатных книг обычно старались завязать с читателями доверительные отношения. Они делились своими трудностями, молили о снисхождении за опечатки, просили извинения за сравнительно высокую цену книги, обращались с призывами о материальной помощи. Так, например, издатель “Поучения от Евангелия” в своем послесловии пишет: “Ищо погрешение будите наисти в слове или в думи, с дух кротости оправите и не борзайте зло думати нас ради, понеже и мы человецы пафостни есмы и естество слабо оставя никоего остати без погрешение. Понеже каквот невозможно есть небо остати без облацы, такожде типографу невозможно есть остати без погрешение”. Составитель упомянутого “Священного цветообрания”, переведенного с немецкого, русского и греческого языков Анастасом Кипиловским из г. Котел, отправляет “умолительную просьбу” к попечителям не сердчать на высокую цену издания, оправдываясь тем, что курс турецких денег в Австрии возрос и ему даже пришлось добавлять средства из своего собственного жалования. Переводчик “Нового Завета” Петр Сапунов готов встать перед покупателем на колени: “Искренне прошу каждого соплеменника, желающего скорейшего издания и прочих оставшихся частей, побуждать один другого из приятелей своих купить каждого”.

Связь между издателем и читателем в те годы была самой непосредственной. Первый нуждался во втором больше, чем когда-либо. Издатель не мог осуществить свои замыслы без твердой уверенности в том, что на его товар найдется покупатель. Он старался отыскать будущего читателя и сделать его подписчиком своего предприятия. Печатные издания 10-х – середины 40-х годов XIX в. очень часто сопровождаются приложениями в конце книг, в которых указываются фамилии подписчиков, их местожительство и социальное положение. Жители Габрова, Самокова, Калофера, Котела, Шумена, Тырнова, Сливена, Ловеча, Свиштова, Рушука и других болгарских городов переполнялись чувством гордости при виде прославления печатным словом своих родных уголков. Еще большее чувство гордости испытывали сами пайщики, отыскивая свои фамилии на страницах приложения или (а это

зависело от размеров вклада, а также – безвозмездного характера помощи) титульном листе. Издатели украшали их имена ласкающими слух эпитетами наподобие: издано трудом и настоянием “благонароचितых господаровкупцов”, “почтеннейших и родолюбивых”, “мудрословеснейших учителей”, “любоученых” и других.

Помещение фамилий пайщиков с указанием о них данных: местожительства, размеров внесенной суммы и количества заказанных экземпляров, видимо, исполняло и другую функцию. Оно являлось своего рода гарантией получения “подписчиками” книг после их выходы в свет. Точный адрес таких печатных изданий помогал потенциальному читателю, знающему о них понаслышке, легко отыскивать их владельцев на предмет заимствования для прочтения.

Издатели стремились облегчить встречу покупателя с выпускаемой ими продукцией. Во многих книгах имелись указания, где и у кого их можно приобрести и пояснялось на какого читателя они рассчитаны. Так, например, “Краткое политическое землеописание” (1835) препоручалось “для обучения болгарского младенчества”, “Священное цветообрание” было переведено “заради малолетних детей”, “Новый Завет” и “Катехизис” – “в пользу юношества” и “славяноболгарской юности”. Свой “Кириакодромийон” Софроний Врачанский предназначал преимущественно священнослужителям, о чем можно судить по послесловию книги: “А который священник или чтец обленится и не прочитает ее в Воскресенье или на Праздники, да падет грех на душу его перед всеми простыми людьми, ибо я долг свой исполнил.” “Слово исказанное за ради умирания” рекомендовалось “всем христианам – и мужчинам, и женщинам”. Всеобщий болгарский адрес имел и “Письмовник”, изданный Х. Павловичем в 1835 г. Строки из его заглавия говорят сами за себя: “Письмовник общепользней для каждого единородного мне болгарина, какого бы то ни было чина и возраста”. В другом “Письмовнике”, напечатанном в том же 1835 г. Неофитом Бозвели в Крагуеваце, своеобразный адресат книги указан в эпитафе: “Кто не знает доброискусного письма, среди почтенных торговцев ошибается весьма”.

Можно также отметить, что стремление издателей адресовать свои книги строго определенному кругу читателей сочеталось у них с желанием сделать свою продукцию более универсальной. Именно этим объясняется пестрота содержания большинства печатных изданий, благодаря чему книги для “юношества” и “малолетних детей” с удовольствием читали не только подростки, но и не вполне владеющие грамотой взрослые. Количество читателей и желающих приобрести печатные книги постепенно росло. Увеличивалась и сфера охвата печатной книгой различных социальных слоев

болгарского общества¹⁴. Среди подписчиков все чаще начали встречаться не только священники и “чорбаджи”, но и зажиточные ремесленники. Об этом можно судить по прозвищу некоторых абонентов: “Георги Ножар”, “Мито Пушкар”, “Захария Черешар” и т.п. К сожалению, точный социальный состав подписчиков того времени не всегда поддается статистическому анализу. В ряде изданий принадлежность подписчиков к определенному социальному слою болгарского общества выдает лишь почтительный титул “хаджи” (лицо совершившее паломничество на Афон, в Константинополь или в Палестину) без каких-либо дополнительных уточнений.

Печатная книга 10-х – 30-х годов XIX в. постепенно сумела потеснить рукописную, завоевать признание читателя и разбудить в болгарях жажду знаний. Однако уровень элементарной грамотности в порабощенной стране оставался сравнительно низким. В “Письмовнике” 1835 г. выражалась мечта о всеобщей грамотности: “Было бы хорошо, – писал издатель Х. Павлович, – если бы каждый человек, мужчина и женщина без исключения, умел писать, потому что письмо, чтение и исчисление – три самые полезные и нужные любому вещи и помогают просвещению и украшению рода”. Но до реализации этой мечты было очень далеко. В болгарских землях тогда существовало несколько греческих училищ: в Свиштове, Котеле, Карлове и других городах. Степень образованности выпускников греческих училищ была значительно выше чем у тех, кто учился у болгарских священников и монахов в “келейных” училищах при монастырях и храмах. Поэтому большинство образованных людей, живших в болгарских землях, предпочитали греческое образование. Греческим владел почти каждый болгарин, стремившийся стать торговцем или ремесленником. Его понимала и на нем свободно могла говорить значительная часть болгарского духовенства. В те годы было напечатано около десятка переводов с греческого, однако учебников греческого языка в стране до середины 30-х годов не имелось. Практическую пользу для часто путешествовавших болгарских торговцев представляли греко-болгарские и другие словари иностранных языков. Кроме того, издатели, будучи хорошо осведомленными о широком распространении греческого языка на Балканах, часто приводили в скобках греческие соответствия болгарских слов в выпускаемых ими книгах на новоболгарском языке.

Слабость системы “келейного” образования отлично осознавалась прогрессивными болгарскими деятелями. А. Кипиловский в предисловии к “Священному цветообранию” писал о том, что Часослов и Псалтырь¹⁵, при помощи которых ведут обучение священники и монахи, недоступны для понимания даже взрослых. Неофит Рильский сетовал, что болгарские дети, окончившие “келейные” училища, почти не могут читать. Аналогичные мысли высказывал и Э. Васкидович в “Детоводстве”.

Начиная с 30-х годов XIX в. все сильнее вызревала идея об открытии светских школ с преподаванием на родном языке. Просвещение и ученость стали возводиться в ранг наивысшей добродетели, средства спасения народа. Для К. Огняновича просвещение – “нетленное сокровище”, оно – “истинная слава и благополучие” (“Житие Алексея...”, 1833). Неофит Бозвели утверждал, что искусного в науке человека почитают окружающие. За открытие светских школ ратовал и Неофит Рильский. Несмотря на свой духовный сан, он в обращении к читателям доказывал необходимость учреждения системы светского образования, призывал жертвовать деньги не в церковную казну, а на строительство светских школ и искусных учителей.

Для развития светских школ необходимы были преподаватели, учебные пособия, программа, методика обучения. Кое-что к середине 30-х годов в Болгарии уже имелось. В 1824 г. П. Берон выпустил “Рыбный букварь”, получивший такое название за изображения в нем дельфина и кита. Через год Анастас Пелизов вместе с несколькими попечителями напечатал в Бухаресте букварь, являвшийся точной копией одного из московских. Определенными преподавательскими навыками обладали учителя греческих училищ. В начале 30-х годов Х. Павлович предпринял попытку реорганизовать греческое училище в Свиштове в славяно-греческое. Однако опыта было недостаточно, его надо было позаимствовать у других народов, и в первую очередь, близких по типу культуры. С греками и русскими болгар связывали давние исторические узы. В 10-х – середине 40-х годов XIX в. большинство деятелей болгарского Возрождения получило образование вне родной земли: Константин Фотинов в Кидонии, Иван Богоров в Константинополе, Одессе, Лейпциге и Париже, Неофит Рильский и П. Берон в Бухаресте, В. Априлов в Одессе, Брашове, Вене и т.д.

В болгарском национальном Возрождении приняли активное участие представители иных народов. Весомый вклад внесли в него серб К. Огнянович, грек Э. Васкидович, закарпатский украинец Ю. Венелин и др. Особую роль в 30-х – 40-х годах XIX в. сыграли труды Ю. Венелина и деятельность обрусевшего болгарского купца из Габрова Васи́ла Априлова. Сочинения Венелина “Древние и нынешние болгары...” (1829), “О зародыше новой болгарской литературы” (1838, перевод на болгарский – 1842) и его поездка в горячо любимую им Болгарию оставили здесь глубокий след. Главной заслугой В. Априлова было открытие первой болгарской светской школы в Габрове (1835). Это начинание было подхвачено родолюбивыми соплеменниками и всего через шесть лет таких училищ уже насчитывалось двенадцать. К середине 40-х годов их число еще больше возросло, и один из издателей теперь уже в недоумении вопрошал, почему в таком большом городе как Тетевен до сих пор нет школы.

Активизация книгопечатания и открытие светских школ поставили вопрос о норме языка, на котором нужно было печатать книги и обучать учеников. Еще в 1828 г. А. Кипиловский писал о том, что литературный язык должен отличаться от разговорного и необходимо создать единые правила в целях ускорения национального просвещения. Тем не менее сам он перевел “Священное цветообрание”, используя “турецкие речи” и “простонародные”. Турецкая лексика, характерная для разговорной речи болгар того времени, обнаруживается в “Различных поучительных наставлениях” и других изданиях. Язык многих книг той поры пестрил не только тюркизмами, но и грецизмами, сербизмами и русизмами. Он был лишен единой нормы и сбивал с толку тех читателей, которые бы вздумали учиться по таким изданиям. Грамматика поэтому становится центром внимания болгарских просветителей и предметом их жарких споров. К. Огнянович, например, предупреждал читателей, что он опускает постпозитивный артикль, выражающий в болгарском языке категорию определенности, поскольку он очень неблагозвучен. По его мнению, болгарский язык украсится, когда будет создана его грамматика, но отыщутся ли у Болгарии достойные такого деяния сыны покажет будущее (“Житие Алексея...”, 1833). По словам Х.Павловича, “без грамматики невозможно писание, и она есть самое нужное средство и основание для просвещения” (“Грамматика славяно-болгарская”, 1836). Неофит Бозвели считал грамматику “ключом ко всем наукам” (“Славяноболгарский предручный послательник”, 1835). Р. Попович уподоблял разноречивость в языке печатных книг использованию торговцами на общем рынке различных собственноручно изобретенных весовых мер.

Со второй половины 30-х годов до середины 40-х в Болгарии появляется несколько “славяноболгарских” грамматик, каждая из которых претендовала на единственную целесообразность и правильность. Сложились разные “языковые” группировки, их представители в запальчивой полемике нередко противоречили сами себе или переходили впоследствии на прямо противоположные позиции. В борьбе за литературный болгарский язык участвовали сторонники его архаизации (К. Огнянович, Х. Павлович, К. Фотинов) и приверженцы живой разговорной речи (В. Априлов, И. Богоров, Н. Геров). В конечном итоге верх одержало второе направление¹⁶. В борьбе за создание литературного языка закономерно возникли зачатки научной филологии.

Принципиальное значение имеет и тот факт, что в 30-х – середине 40-х годов болгарское общество практически начинает осознавать себя как некое единство, в котором все его части взаимосвязаны: издатель – читатель, ученик – учитель, учитель – попечитель и т. д. Наличие взаимосвязи ощущалось на различных уровнях как между отдельными социальными прослойками, так

и внутри них. Если первые представители болгарского Возрождения – Паисий Хилендарский, Софроний Врачанский, П. Берон и другие – чувствовали себя обогнавшими толпу одиночками, то теперь появилось целое поколение просветителей, которое опиралось на поддержку единомышленников, испытывало необходимость единения против общих противников, взаимно обогащалось или оттачивало свои идеи в дружбе или вражде. В тот период в Болгарии начала складываться прослойка будущей интеллигенции, которая в лице своих лучших представителей станет творческой. Основной ее чертой было стремление к самосовершенствованию и острое осознание своей сопричастности к судьбам родины.

Формирование сети светского просвещения, хотя бы и начального (первая “классная” школа открылась в Копривштице по инициативе В. Априлова лишь в 1846 г.), остро поставило проблему выбора культурной ориентации между Грецией и Россией¹⁷. Этот выбор диктовался не симпатиями или антипатиями по отношению к грекам и русским, а стремлением быстрее и эффективнее добиться просвещения своего народа и ввести его в лоно тогдашней европейской культуры. Радетелей болгарского просвещения мучила дилемма: что лучше? Опирайтесь на привычный для многих болгар греческий язык-посредник (дорога – к европейской образованности), использовать греческие оригинальные и переводные книги, искать сочувствия в соседней, уже свободной от османской ига, Греции или же положиться на далекую Россию, подбирающие ключи к Балканам, ведущую успешные войны с Османской империей, обладающую более развитой по сравнению с Грецией наукой, культурой, литературой и книгами, пусть на незнакомом, но очень понятном для болгар языке?

Оппозиция между приверженцами двух ориентаций выражалась по-разному: в открытой словесной полемике или конкретной практической деятельности. К. Огнянович, например, приводил свои взгляды в завуалированном виде: “Разве вы не потомки того же народа, из которого есть Русы, Сербы и прочие? Больше всего вы должны гордиться и помнить, что вы в родстве с прочими народами славянского потомства!” – патетически восклицал он в “Житии Алексея...” (1833). Таким образом посредством напоминания болгарам о принадлежности их к славянской общности К. Огнянович фактически указывал им на Россию, как на объективный и закономерный ориентир. Выступала Россия в качестве образца, с которого болгары должны копировать все формы культурной и общественной жизни, и в переводе А.Кипиловским “Краткого начертания по всеобщей истории” Ивана Кайданова. Странниками прорусской ориентации проявили себя также В. Априлов и другие болгарские просветители.

Ответ грекофилов не замедлил последовать. В 1835 г. Х. Павлович издает греко-болгарский разговорник, в котором было более четырех тысяч греческих слов и фраз. В предисловии он сетовал, что ему не удалось убедить болгарских меценатов раскошелиться на издание большого греко-болгарского словаря, потому что на греческом языке можно изъясняться “во Фракии, Македонии, в Азии, Средиземноморье, Италии, Германии и прочее”. Одновременно, опасаясь быть причисленным к агентам фанариотов, Х. Павлович просил читателя “не уничижать свой род болгарский, именуясь, подобно многим безумцам, греками”. И чтобы всякий утвердился в искренности его слов, он присовокупил к своему разговорнику небольшое сочинение по болгарской истории.

В том же году выходит и “Краткое ясное изложение о разделении, начертании, именовании и произношении... письмен греческого языка”, подготовленное Неофитом Рильским. Автор славит Грецию, “от которой просветились все народы”. По его словам, “Эллинское учение – высокие науки”, и поскольку каждый знает сколько громаден объем знаний на греческом языке, предлагает вначале учить греческий и только затем свой родной язык. В предисловии к изданию в пользу своего предложения Неофит Рильский приводил весомые аргументы: обилие печатной оригинальной и переводной греческой литературы, сакральность греческого языка как носителя Священного Писания, то есть Слова Божьего, возможность использовать греческий язык как средство для ознакомления с сокровищами европейских культур, ибо он есть “яко некий богатый заимодавец”.

Выпуск учебных пособий и споры о языке привели к появлению в болгарских землях зачатков филологической науки. Они впервые были зафиксированы на страницах печатных изданий и, следовательно, стали достоянием широкого круга читателей. Таким же образом происходит зарождение и исторической науки. Одним из пионеров здесь можно считать Неофита Рильского. Подготавливая свое издание службы с житием болгарского подвижника Ивана Рильского (Белград, 1835), Неофит предварительно ознакомился с большим количеством болгарских рукописей со списками указанного памятника, сопоставил их тексты, зафиксировал ошибки переписчиков и выбрал наиболее подходящие, с его точки зрения, варианты разночтений. Издание Неофита Рильского по понятным причинам не могло быть выполнено на строгом научном уровне. Подобно средневековым книжникам, он вносил в текст изменения, однако делал это не произвольно, а лишь в тех местах, где усматривал явные неточности. “Исправил я малое, что самое по себе по худому изложению изобличает,” – писал он в предисловии к книге.

Наиболее ценными в научном отношении являлись комментарии Неофита Рильского. Он привел в издании сведения о первом печатном издании жития подвижника в редакции Евфимия Тырновского (Киев, 1671), назвал авторов других сочинений об Иване Рильском (Георгия Скилицу, Димитра Кантакузина и Владислава Грамматика) пытался установить годы их жизни и т.д. Поскольку мощи подвижника хранились в основанном им Рильском монастыре, Неофит использовал главным образом местные письменные источники, и его комментарии превращаются в развернутое повествование об истории обители. Перед читателем последовательно разворачивается картина разрушения древних и возведения новых монастырских построек, летопись ктиторских пожертвований и разбойничьих набегов на обитель.

В труде Неофита явственно ощущается зарождение исследовательского духа. Когда он не располагает сведениями по тому или иному вопросу, то говорит об этом откровенно: “Когда он жил, кто таков и чей был Грамматик (Владислав – *И.К.*), отнюдь не известно”. В то же самое время Неофит порой впервые ставит некоторые проблемы, на которые трудно дать однозначный ответ и при нынешнем уровне развития исторической науки: проблема Вельбуждского предела, местонахождения села Граница и т.д. Ему первому удалось восстановить имя автора службы рильскому подвижнику, зашифрованное в акrostихе (им был Димитр Кантакузин). Таким образом, издание Неофита Рильского, по сути дела, было первой попыткой критического подхода к южнославянской рукописной традиции об Иване Рильском¹⁸. Оно намечало научно-критический подход при рассмотрении письменных источников по национальной истории.

Немаловажной работой исторического характера для болгарского общества была книга В. Априлова “Болгарские книжники, Или какому славянскому племени собственно принадлежит кирилловская азбука?” (1841). Эта работа возникла как отклик на утверждение сербского литератора Д. Тирола о том, что Кирилл и Мефодий были сербского происхождения так же, как и созданная ими азбука. Книга Априлова вышла на русском языке, но благодаря переводу ее Н. Геровым на язык болгарский распространилась в Болгарии. В. Априлов получил европейское образование, и уровень его знаний намного превосходил подготовку Неофита Рильского. Он ссылается на труды Й. Раича, Й. Добровского, М.П. Погодина, Ю.И. Венелина и других ученых. Несмотря на это, издание Неофита Рильского в смысле научно-критического подхода к источникам можно поставить выше работы В. Априлова: оно было более строгим чем априловское сочинение, носящее скорее публицистический характер; нужно также учитывать, что оно возникло “внутри”, а не “вне” болгарских земель, где возможностей для научного саморазвития имелось несравненно больше.

Интерес к национальной истории пронизывал тексты печатных изданий, составлял их немаловажную часть, варьировался в нюансах и оттенках. Болгарские просветители в той или иной мере подчеркивали его, начиная со “Священного цветообрания” (1825). А. Кипиловский в предисловии к этому изданию писал, что “знания нужны, чтобы приобрести понятие истории и перевести историю нашего народа”. Х. Павлович присовокупил к своему “Греко-болгарскому разговорнику” (1835) краткую болгарскую историю, “в которой, словно в зеркале, каждый может увидеть как наша Болгария некогда возвышалась, как Кедр в Ливане, и как потом жалостно рухнула, уничтожилась и обесславилась, [состояние] в коем находится и поныне, ожидания повседневного своего прославления, которое может наступить...”

Читатели и издатели проявляли внимание не к событиям недавнего времени (они и так жили в памяти отцов и дедов, передаваясь из поколения в поколение), а преимущественно к седой древности. В третьей части своего “Детоводства” (1835) Неофит Бозвели и Э. Васкидович призывают “вспомнить преславных древних славяноболгарских праотцов”. В грамматических примерах этой книги фигурируют “Великий царь Симеон – утвердитель Болгарского царства”, “Славный болгарский царь Мортагон” и т.д. В “Книге, нарицаемой мытарства” (1817) болгарский читатель встречал имена Бориса и Асеня – царей болгарских.

В тесной связи с историей находилась география. В печатных изданиях 10-х–40-х годов XIX в. с географическими сведениями мы встречаемся даже тогда, когда книги имеют иные заголовки. В “Чудесах Пресвятыя Богородицы” (1817) И. Кырчовского сообщалось об афонском монастыре св. Лавры, землетрясении на Крите в 1507 г., ангелогласном гимнографе Иоанне Кукузеле и других географических местах, событиях и личностях. Сами чудеса иконы Богородицы в повествовании играют подчиненную роль. Оно ведется в историко-бытоописательном, “бытово-географическом”, а не в сакрально-патетическом плане. В чуде с монахом, например, описывается как пристрастившийся к вину “калугер” однажды ночью услышал колокольный звон и когда, превозмогая похмелье, встал с постели и направился на моление, то столкнулся с дьяволом, начавшим бодать его рогами. Вслед за этим рассказом делается вывод: пьянство – грех, которому может быть подвержен человек до глубокой старости даже при полном одряхлении тела.

Подобный характер имеет и история о двух отроках, спасшихся во время землетрясения на Крите. Икона Богородицы в нем есть лишь предлог для рассказа об ужасном стихийном бедствии, вызвавшем гибель множества людей. Тем не менее двум запертым в лавке детям удалось остаться в живых,

прижавшись к уцелевшей стене строения. Для рассказчика этого случая главное не воспевание чуда, вызванного висевшей на стене иконой Богородицы, а сам процесс спасения. Его интересует, как проходившие мимо люди слышали из разрушенной лавки детские голоса, как они стали разбирать завалы, обнаружили невредимых отроков и т.д.

В другом издании, “Книге, нарицаемой мытарства” (1843), имеется глава с историко-географическим описанием двадцати афонских монастырей, предназначенная для паломников. В ней обстоятельно рассказывается, где и какие обители расположены в Святой Горе, называются имена их самых известных ктиторов, делавших подношения на протяжении веков, перечисляются хранящиеся здесь реликвии, среди которых фигурируют и болгарские: частицы мощей Иоанна Рильского, Георгия Софийского и других подвижников. В перечне этих описаний присутствует и Россия, упоминаемая то в качестве ктитора (дарование Русской Церковью трех драгоценных иконных окладов болгарскому Зографскому монастырю в 1838 г.), то при сравнении Рильского монастыря с Киево-Печерской Лаврой.

Начинают появляться книги с выраженным географическим уклоном. В “Кратком политическом землеописании” (1835) мощь России подчеркивается сравнением ее территории с Турцией и Европой. Первую, по словам автора, она превосходит в 25 раз, а вторую – вдвое. В этом же издании названия географических пунктов “привязываются” к крупнейшим историческим событиям. Если говорится о Варне, то упоминается о битве крестоносцев с османами (1444) близ этого города; если о Провадии, то сразу же сообщается о русско-турецкой войне 1829 г. Самой Болгарии в “Землеописании” посвящена специальная глава, где она, по сути дела, рассматривается как отдельная страна с территорией в 1740 кв. миль и населением 1 800 000 человек. Не забыты и ближайшие соседи – Сербия и Греция; в “Землеописании” о них приводится много сведений и подчеркивается, что они являются государствами, сумевшими вырвать у османов свободу.

Разнообразные исторические и географические сведения о святине болгарского народа – Рильской обители – читатели могли почерпнуть из издания житий и службы подвижнику Иоанну Рильскому, опубликованного Неофитом Рильским (1835). Издатель рассказывает о возобновлении разрушенного османами монастыря по инициативе трех братьев Иоасафа, Давида и Феофана, о Марии Бранкович, способствовавшей возвращению мощей подвижника из Тырнова в Рилу, об истории церкви свв. Двенадцати апостолов в монастырском подворье Орлица и т.д. Причем перед нами не просто скучное перечисление фактов, а зачастую увлекательное изложение. Так, например, в рассказе о церкви свв. Двенадцати апостолов Неофит пишет: “Сия церковь

и до нынешнего дня стоит такова, якоже тогда создана, в метохе монастырском, который находится близ села Рила и называется Орлица. Мало что в ней из вне в различные времена исправляемо и обновляемо деревянным деланием бывше. Показывается ветхость ея и от изображения стеннаго, которое в самое то время писано, якоже из вне и из внутрь церкви над враты от надписания видится”. Это описание представляет собой типичный образец неких заметок путешественника¹⁹.

Важную роль в распространении исторических и географических знаний в болгарских землях сыграли календари: “Месяцеслов, или Календарь Вечный” (1843), напечатанный Х. Костовичем Сичан-Николовым, “Календарь на 1843 г.” и “Забавник на лето 1845”, изданные К. Огняновичем. Из них преимущественно историко-географический характер имел лишь первый. Читатели обнаруживали в нем не только традиционные Пасхалию и летоисчисление “от сотворения мира”, но и справки о том, когда болгары приняли христианство и утратили независимость, о Петре I и основанном им Петербурге, упоминаются даты свержения османского ига Сербией и Грецией и т.д. Если раньше издатели указывали расстояние в часах езды между болгарскими, сербскими, греческими и турецкими городами без каких-либо дефиниций (см., например, “Письмовник” Х. Павловича, 1835), то теперь здесь впервые появилось определение “болгарские”. Это свидетельствует, что понятие национального стало частью болгарского общественного сознания.

Первые печатные издания, на страницах которых помещались сведения исторического и географического содержания, помогали болгарскому читателю сформировать представление о мире и своем месте в нем. От Вселенной (описания ее устройства) мысль читателя устремлялась к земле, приобретали очертания материка и острова, моря и океаны, горы и низины, упоминались государства и народы, города и их население, заводы и фабрики, ремесла и профессии, крупнейшие исторические события и конкретные исторические личности. Многие страницы по истории и географии были не переводными, а оригинальными. Издатели и переводчики подобных книг проявляли известную творческую свободу и создали предпосылки для возникновения жанров путевых заметок и исторических описаний. Однако в исследуемый период их зачатки не успели оформиться в самостоятельные литературные жанры.

Более ощутимо в те годы шло формирование публицистики. Она ведет свое начало еще от древней болгарской литературы (сказание “О письменах” Черноризца Храбра, “Беседа против богомилов” Козьмы Пресвитера и т.д.), но ее развитие было прервано османским нашествием. До появления “Истории славяноболгарской” Паисия Хилендарского да и после этого на протяжении

нескольких десятилетий не возникает сочинений, которые бы могли соперничать с ней по публицистическому пафосу²⁰. Редким исключением было воззвание к болгарам, написанное Софронием Врачанским во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В 10-е–30-е годы XIX в. продолжается развитие публицистической линии Паисия, но жанр публицистики еще не оформляется.

Споры о литературном языке, выборе культурной ориентации между Россией и Грецией, призывы к просвещению отражались не на страницах брошюр, газет и журналов (здесь их в то время еще не существовало), а в предисловиях к печатным изданиям. Издатели и авторы должны были там уместить свои мысли, пожелания и обращения к читателям, и это создавало известные трудности. Читателей-подписчиков вряд ли устраивало увеличение объема заказываемых книг за счет авторских излияний. Вероятно, по этой причине К. Огнянович в предисловии к “Житию Алексея...” после страстной защиты национального достоинства болгар вдруг спохватывается, что слишком увлекся: “Но об этом, если писать подробнее, нужно иметь большое предисловие и поэтому я оставляю все до следующего раза...”. Рекордным можно считать предисловие к книге “Христоития или Благовравию” Р. Поповича (1837). Оно занимает 110 из 321 страницы, то есть более одной трети книги²¹, и иллюстрирует дополнительную функцию данного жанра, восполнявшего отсутствие периодической печати.

Специфическими чертами предисловий, как предвестников жанров публицистики и журналистики, являлись идейная поливалентность и многоплановость, публицистический пафос и “умалчивание”, полемика с анонимами. Авторы предисловий прежде всего ориентировались на “массового” читателя, и в этом отношении этот жанр отличался от содержания книг, адресовавшихся читателю определенного возраста или социального положения. Они старались снискать его расположение, разбудить его совесть, укрепить национальное достоинство и гражданственность. Ими избирался целый комплекс животрепещущих проблем, но стремление к поливалентности влекло за собой многотемье, приводило к дробности авторских усилий. Каждая проблема не рассматривалась автором в отдельности: она обычно только называлась и сопровождалась соответствующим спасительным рецептом. Для авторов предисловий был важен не анализ проблемы, а донесение ее до читателя. Этим порой объясняются высокий эмоциональный накал и необыкновенная наэлектризованность слова при изложении мысли.

Публицистическая страстность сочеталась в предисловиях с преднамеренным “умалчиванием”. В условиях иноземного ига многие вещи нельзя было называть своими именами. Неофит Рильский, например, писал:

“Русский язык тоже может стать посредником, но слишком много обстоятельств препятствует этому добру”. Читателю предоставлялось самому взвешивать “за” и “против” в выборе между греческим и русским. Иными словами, русский язык есть добро, но Османская империя еще сильна, и активная поддержка Россией болгарского просвещения пока затруднительна²². Нередко авторы предисловий вступали в полемику с анонимными противниками. Приверженцы противоборствующих группировок хорошо знали друг друга, выявляли и уточняли детально свои расхождения в устных разговорах, но имена своих противников в предисловиях обычно не называли. В центре внимания была сама проблема и аргументы в пользу того или иного способа ее разрешения, а не конкретные личности, выдвигавшие свои доводы.

Законченность жанровых форм публицистики и журналистики характерна лишь для произведений жившего в эмиграции и воспитанного на русской культуре В. Априлова: “Болгарские книжники...”, “Денница новоболгарского образования”, написанная по случаю открытия первой болгарской школы в 1835 г. и “Дополнение к книге: Денница новоболгарского образования”, выпущенное годом спустя. Жанр предисловий приучил читателя к публицистическим и журналистским формам изложения авторской мысли. Благодаря усилиям К.Фотинова в 1842 г. был создан пробный экземпляр журнала “Любословие”, номера которого удалось отпечатать два года спустя в Смирне. Так было положено начало болгарской периодике.

В эти годы начал проявляться интерес и к античному наследию. Пионером в этом отношении следует считать Софрония Врачанского. В один из Видинских сборников, созданном им в начале XIX в., вошло “Баснословие Синтипы Философа”, переведенное с греческого. Оно представляло собой собрание анекдотов, сказок, притч, загадок и факций, построенных по принципу “ожерелья”: одна история переходит в следующую и один рассказчик сменяет другого. В сборнике помещались и басни Эзопа, содержание которых передавалось прозой, и вслед за ними шли нравоучительные выводы Софрония, занимавшие не меньше места, чем тексты басен. Софрониевский перевод “Баснословия” так и остался в рукописи и не стал достоянием широкого круга болгарских читателей. Его час пробил только в 1844 г., когда оно было заново переведено на болгарский язык и издано Х. Павловичем.

Впервые же с именами античных авторов и баснями Эзопа болгарский читатель познакомился в “Рыбном букваре” П.Берона (1824, 1841). В пятом разделе этого учебника было помещено 18 переводов эзоповских басен, но они весьма отдаленно напоминают произведения древнего баснописца. Поскольку издание предназначалось детям, П. Берон напечатал басни в

сжатом, упрощенном виде, усилив дидактическую сторону. В других издававшихся за границей, но адресованных болгарскому читателю учебных пособиях, помимо эзоповских басен, встречались афоризмы и сентенции Аристотеля и Платона, Анаксагора и Демосфена, Сократа и Фалеса, Диогена и т.д. Однако сами учения этих философов, их биографии, принадлежность к различным философским школам и прочие подробности на страницах печатных изданий тогда, конечно, не излагались. Читатель узнавал, например, любопытные факты о том, как Демосфен обучался красноречию или как Скилор в Скифии попросил своих 80 сыновей сломать пучок стрел разом, а затем по одной стреле, встречал там и различные афоризмы античных мыслителей, но не более того.

Подобным образом обстояло дело и с античными писателями. В третьей части “Детоводства” (1835) приводился пример: “Гомер и Вергилий – замечательные стихотворцы”, и все. В главке “Эллинское баснословие” этого издания давались сведения о Зевсе, Кроне, Посейдоне, Плутоне и других персонажах древнегреческой мифологии, однако сами мифы здесь отсутствовали. В своей “Христойтии или Благодравии” (1837) Р. Попович в примечаниях говорит о Геродоте, Фукидиде, Гомере, Еврипиде, Эсхиле и Софокле, а с их сочинениями советует знакомиться в оригинале. Определенные знания об эпохе античности несла и “Мудрость доброго Рихарда”, переведенная с французского на новоболгарский язык Гавриилом Крыстевичем по просьбе своего учителя Р. Поповича и изданная на средства последнего в 1837 г. В ней излагалась нравоучительная история о сладострастии, восходящая к творчеству Ксенофонта и уводящая читателя к временам Сократа и его учеников. История завершалась нравоучением: не следует спать на чересчур мягком, много есть и пить и предаваться разврату. Последней книгой, носящей классицистические черты и изданной в конце данного периода, был перевод “Приключения Телемаха” Фенелона, опубликованный А. Пиперовым в 1845 г.

В целом круг классицистических знаний об античности, получаемых болгарским читателем того времени, не был достаточным для формирования литературы нового типа в духе классицизма. Конечно, нельзя допускать, что представления об античной эпохе в Болгарии ограничивались теми сведениями, которые приводились в упомянутых изданиях: ведь часть учителей окончила греческие учебные заведения и должны были знать гораздо больше того, что печаталось в букварях и пособиях. Свободно владея греческим языком, они, несомненно, использовали греческие книги и владели достаточно большим объемом знаний. Могла ими использоваться при подготовке и русскоязычная литература. Но точными сведениями об этом исследователи не располагают.

В исследуемый период как в самой Болгарии, так и вне ее, болгарами предпринимаются первые опыты стихосложения в классицистическом духе. Сочинением стихов занимаются Димитр Попски, Георгий Пешаков, Неофит Рильский, Неофит Бозвели и др. Наиболее ранним стихотворным произведением болгарской литературы нового типа долгое время считалась “Ода Софронию”, написанная в Бухаресте в 1813 г. по поводу его смерти. Однако болгарский читатель познакомился с ней впервые в 1861 г., после публикации ее Г.С. Раковским в газете “Дунавский лебед” (историк болгарской литературы Б. Пенев приписывает авторство самому Г.С. Раковскому)²³.

Сходная судьба, в смысле задержки появления на свет в печатном виде, постигла и большинство классицистических опытов Неофита Бозвели. Они были предприняты между 1841 и 1844 гг. в период его заточения греками на Афоне. К ним относятся литературные отрывки “Разговор любородный”, диалоги “Любопытно-простой разговор” и “Просвещенный Европейец, Полумертвая Мати Болгария и сын Болгарин”²⁴. Последний из них интересен тем, что Бозвели проявил в нем знакомство с диалогами Лукиана, и впоследствии это сочинение легло в основу знаменитой стихотворной “Мати Болгарии”. Но впервые ее текст был опубликован в “Периодическом списании” за 1874 г. с сопроводительной статьей первого болгарского беллетриста В. Друмева. Ряд бозвелиевских сочинений в период болгарского Возрождения остался в рукописях, и следы некоторых из них потеряны²⁵.

Таким образом, отсутствие национальных типографий, подготовленного к восприятию классицистических норм болгарского читателя и превратности судеб отдельных писателей (эмиграция, ссылки) привели к тому, что классицистическое стихотворство в Болгарии 30-х – середины 40-х годов XIX в. не получило широкого распространения. В распоряжении болгарского читателя в тот период было всего несколько стихотворений, написанных в духе классицизма. Главными из них являются следующие: “Злосчастливая Болгария” Неофита Бозвели, опубликованная в третьей части “Детоводства” (1835), ода “Юрию Венелину” и элегия “Рыдание на смерть Юрия Венелина”, созданные румыно-болгарским поэтом Г. Пешаковым и ставшие известными в Болгарии, поскольку они были включены в апрельскую “Денницу новоболгарского образования” (1841); стихотворение Неофита Рильского “Описание происшествий, последовавших за знаменитым хаттишерифом, изданным султаном Меджидом в 1839 г. октября 22-го и прочтенного публично в Гюльхане”.

Стихотворения подобного рода носили любительский и подражательный характер. Но тем не менее вместе со струйками античности в печатной литературе они вносили классицистические элементы в зарождавшееся

художественное сознание болгарских авторов и читателей. В целом печатные издания 30-х–40-х годов XIX в. отвечали идеям просветительского рационализма. Преобладающие в них дидактичность и назидательность были призваны регламентировать всю жизнь болгарина, дать ему рецепты поведения на все случаи жизни. Болгарин должен был не только научиться читать, писать и считать, но и приобщиться к европейскому “политесу”. Новые печатные издания учили его, как вести себя в обществе, как составлять личные и деловые письма, давали навыки делопроизводства, знакомили с европейскими политическими, правовыми, географическими и другими понятиями. Преобладание рационалистической, дидактической литературы в ту пору объяснялось не только внутренними потребностями болгарского общества, но и спецификой его предыдущего развития. Переход от религиозной нравучительности к нравучительности светской был наиболее безболезненным для ломки традиционных представлений болгарина.

Нравучительными были и некоторые из первых светских художественных книг, изданные в 40-е годы XIX в.: повесть “Потерянное дитя” Г. Христиана Шмидта, переведенная в 1844 г. Х. Павловичем, и драма “Велизарий” К. Трауцшена, изданная в том же году в переводе А. Кипиловского с немецкого. В первой из них ощущалось веяние сентиментализма, который в то время в болгарских землях был представлен еще слабее, чем классицизм. С некоторой натяжкой сюда можно отнести отдельные сентиментальные нотки “Жития Алексея...” К. Огняновича и общий тон частной переписки между Неофитом Рильским и Р. Поповичем.

В становлении в Болгарии художественной литературы нового типа и ее восприятия читателем большую роль сыграл фольклор. Однако большинство просветителей духовного чина, как и во времена средневековья, негативно относились к устному народному творчеству. И. Кырчовский в “Повести ради Страшного и Второго пришествия...” молитву противопоставлял песням, игре на музыкальных инструментах и пляскам. Но заявления таких просветителей оставались напрасными. В условиях иноземного владычества и ослабления исконных литературно-книжных традиций фольклор выполнял важные культурные функции. На протяжении нескольких веков он заполнял собой тот духовный вакуум, который образовался в стране по причине почти полного отсутствия рукописной и печатной светской литературы и во многом стал заместителем последней.

Интерес к фольклору среди болгар, учившихся за границей, подогревался теми настроениями, которые царили в Западной Европе в 20-е–30-е годы XIX в. Это была эпоха романтизма с его обострившимся вниманием к народному творчеству. Болгарские песни публикует Вук Караджич (“Народна

српска песнарица”, 1815 и “Додатак с Санктпетербургским сравнительным рјечницима свију језика и наречја с особитим огледима бугарског језика”, 1822), болгарские сказки издает в 1817 г. сербский писатель С. Милутинович. Российский ученый Ю.И. Венелин пишет исследование “О характере народных песен у славян задунайских” (1835). Особое воздействие на болгарских просветителей оказало и его письмо от 17 сентября 1837 г. о важности фольклора для родной культуры²⁶. Оно было адресовано В. Априлову, но с ним ознакомились Неофит Рильский, Р. Попович и др.

Активными собирателями болгарского фольклора, помимо В. Априлова, стали И. Богоров, Н. Геров, В. Априлов и П.Р. Славейков, но до середины 40-х годов собранные материалы успел опубликовать лишь И. Богоров (“Български народни песни и пословици”, 1842). В. Априлов к началу 40-х годов успел собрать более 180 народных песен, однако так и не увидел их издания при жизни. И все же начало собирательской деятельности было положено. Материалы, открытые П.Р. Славейковым и Н. Геровым, по своему объему намного превосходили априловские. Особенно велик был вклад в изучение народной сокровищницы Н. Герова. Составленный им позднее многотомный словарь болгарского народного эпоса не утратил своего научного значения и поныне. Фольклор стал проникать и в учебные пособия, свидетельством чему может служить “Болгарская грамматика”, изданная в 1844 г. учившимся в Москве студентом-болгарином Георгием Бусиловым.

Собирателю национального фольклора Н. Герову принадлежит и первое художественное произведение болгарской литературы нового типа – поэма “Стоян и Рада” (1845). Он первый из болгар сумел получить высшее образование в России. Его литературная культура была намного выше, чем у тех просветителей, которые пытались творить в болгарских землях. Помимо талантливости сочинителя, было еще одно важное обстоятельство, поднявшее произведение Герова до уровня художественности нового типа. В поэме явно ощущаются народные балладные мотивы. Граница, отделяющая старую литературу от литературы нового времени, оказалась наименее твердой на стыке с фольклором. Именно поэтому написанная им в Одессе поэма “Стоян и Рада” пришлось по вкусу еще не искушенному в литературных тонкостях болгарскому читателю.

Попытаемся обобщить наши наблюдения над развитием болгарской культуры и литературы исследуемого периода. Он был очень плодотворным и интенсивным в плане ее перестройки и продвижения к новым рубежам. За данный промежуток времени за пределами болгарских земель было налажено печатание книг на болгарском языке. Болгарский читатель постепенно привык к печатной книге, потеснившей рукописную, стал

дифференцироваться и оттачиваться его вкус. Это позволило осуществить переход от печатания религиозно-поучительной книги к публикации книг светско-дидактических. Открылись первые светские школы, постепенно сменившие церковно-монастырские “келейные”. Сформировалась прослойка просветительской интеллигенции, лучшие представители которой станут творцами новой культуры. Выпуск учебных пособий для школ, борьба за нормы литературного языка и проблема выбора культурной ориентации между Грецией и Россией (а чаша весов склонилась здесь в пользу последней) способствовали зарождению филологической и исторической наук. В полемике более или менее наметились будущие жанры публицистики и журналистики. Можно говорить также о появлении зачатков жанров путевых заметок, исторических и географических описаний. Содержание светских печатных книг отличалось преимущественно рационалистическим, нравоучительно-дидактическим характером. Одновременно в них присутствовали классицистические элементы, но тогда их было явно недостаточно для появления классицизма как литературного направления. Еще меньше можно уловить признаков сентименталистских тенденций. Уровень культуры издателей и просветителей намного превосходил уровень развитости читательских вкусов. Многие произведения, созданные болгарскими просветителями в рассматриваемый период, остались в рукописях. Их час пробил позднее, или же они вообще канули в лету. Переход к собственно художественной литературе смог осуществиться там, где граница между старым и новым была наименее твердой, – на стыке литературы и фольклора. Процесс национального болгарского возрождения в исследуемый период являлся “открытым”. Его трудно представить себе без вклада многих культурных деятелей неболгарского происхождения. Он также немислим без усилий болгар, находившихся за пределами Болгарии.

К числу дальнейших задач при изучении этой эпохи можно отнести проблему соотношения оригинальных и переводных материалов в болгарской литературе того времени и выявление круга знаний болгарских учителей, получивших образование за границей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Не исключено, что Софроний сам передал рукопись во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. на предмет возможного опубликования “Автобиографии” в России.

² Г.С. Раковский получил копию “Автобиографии” от русского ученого В.И. Григоровича и опубликовал ее в этой газете в Белграде (17 октября – 1 декабря, № 55–61).

³ *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. М., 1964.

- ⁴ *Леков Д.* Литература. Общество. Култура: Литературно-социологически и литературно-исторически проблеми на българското Възраждане. София, 1982. С. 35.
- ⁵ *Диневков П.* Периодизация на българската литература през Възраждането // *Възрожденски писатели.* София, 1963.
- ⁶ История на българската литература. София, 1966. Т. 2. С. 19.
- ⁷ *Леков Д.* Там же. С. 35.
- ⁸ Монография Д. Лекова ценна тем, что в ней делаются удачные попытки рассмотреть “периферийное”, “полулитературное” и воедино связаны литературно-социологический и литературно-исторический подходы.
- ⁹ *Атанасов П.* Начало на българското книгопечатане. София, 1959.
- ¹⁰ См.: Българска възрожденска книжнина: Аналитичен репертоар на българските книги и периодичните издания / Съст. *М. Стоянов.* София, 1957. Т. 1. С. 471–473.
- ¹¹ Софроний Врачанский: Жизнеописание / Изд. подгот. *Н.М. Дылевский, А.Н. Робинсон.* Л., 1976. С. 48–65.
- ¹² Полные названия книг см. в упомянутом труде М. Стоянова.
- ¹³ *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин: болгарский памятник XVII в. София, 1969; *Петканова-Готева Д.* Дамаскините в българската литература. София, 1965.
- ¹⁴ *Стоянов М.* Букви и книги: Приложение. София, 1978. С. 181–200.
- ¹⁵ А.Кипиловский, очевидно, имел в виду болгарские рукописные часословы и псалтыри или издания московской печати. Первопечатные Часослов и Псалтырь для болгарских земель вышли соответственно в 1833 и 1836 гг. Они продолжали играть роль учебных пособий.
- ¹⁶ *Венедиктов Г.К.* Некоторые вопросы формирования болгарского литературного языка в эпоху Возрождения // *Венедиктов Г.К.* Из истории современного болгарского литературного языка. София, 1981. С. 30, 42.
- ¹⁷ *Злыднев В.И.* Концепции национальной художественной культуры в Болгарии // Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX вв. М., 1985. С. 238.
- ¹⁸ *Кожухаров С.* Приносът на Димитър Кантакузин в развитието на химнографския цикъл за Иван Рилски (служба за 1/VIII) // Старобългарска литература. София, 1984. Кн. 15. С. 83.
- ¹⁹ Зачатки жанров путевых заметок, исторических и географических описаний, по нашему мнению, появились в самом содержании болгарских печатных книг первой половины XIX в., а не в их предисловиях, где формировались зачатки жанров публицистики и журналистики. В этой связи нам кажется ошибочным утверждение Ц. Минкова, что от жанра публицистики “отпочковались жанры путевых заметок и описаний”. См.: История на българската литература. Т. 2. С. 119.
- ²⁰ *Калиганов И.И.* Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Просвещение. Национальное Возрождение. М., 1982. С. 190.
- ²¹ *Леков Д.* Възрожденският предговор – проблемите на литературата и културата // Литературна мисъл. 1984. № 3. С. 58.
- ²² Была и другая причина: русские официальные деятели отрицательно относились к плану отделения болгарской церкви от греческой патриархии; Неофиту следовало проявлять дипломатичность в надежде на греческую помощь болгарам в области культуры.
- ²³ *Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. С. 87.
- ²⁴ *Арнаутов М.* Непознатият Бозвели. София, 1942.
- ²⁵ *Балчев В.* Поетически опити на Неофит Бозвели от 30-те години на XIX в. // Литературна мисъл. 1984. № 7. С. 141.
- ²⁶ *Златарски В. Ю.* Венелин и значението му за българите // Летопис на българското книжовно дружество. София, 1905. Кн. III. С. 146.

БОЛГАРСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ*

Данный период развития болгарской культуры охватывает хронологический промежуток с 1762 по 1878 г.: от написания “Истории славяноболгарской” родоначальником национального Возрождения Паисием Хилендарским до освобождения болгар от турецкого ига в результате русско-османской войны 1877–1878 гг. Первоначальный его этап и ряд последующих по своей направленности совпадал с процессами Просвещения во многих славянских странах, протекавшими в условиях иноземного ига и отсутствия собственной государственности. Специфика болгарского духовного развития заключалась в том, что создатель программы национального Возрождения Паисий Хилендарский намного опередил свое время, и основные ее начертания начали реализовываться спустя более полувека. Поэтому мы посчитали целесообразным изложить все касающиеся этого периода историко-культурные материалы в одной главе.

Контуры исторического развития. Медленность, приостановки или даже перерывы в болгарском культурном движении, не совпадающем хронологически с аналогичными по сути процессами в других славянских странах, объясняются особенностями исторической ситуации в болгарских землях. Во второй половине XVIII столетия они по-прежнему оставались в составе военно-феодальной Османской империи. Ростки нового здесь пробивались с большим трудом, а в конце XVIII – начале XIX в. обновительные процессы вообще приостановились из-за попытки реформ, которые породили двадцатилетние феодальные смуты. Против реформ выступили местные феодалы и паши, не желавшие расставаться со своими привилегиями. Они опирались на янычар, недовольных проектом формирования регулярной армии. Непрестанные разбои и грабежи населения вынудили центральную власть позволить болгарам вооружиться для защиты своей жизни и имущества.

* Данный материал был подготовлен для II тома “Истории культур славянских народов” – проект, осуществляемый Государственной академией славянской культуры.

Это способствовало их духовному сплочению и более активному вовлечению в национально-освободительную борьбу. В начале XIX в. и начале 1820-х гг. болгары принимали участие в сербском и греческом антиосманских восстаниях, сражались добровольцами в русской армии во время войн между Россией и Турцией в 1806–1812 и 1828–1829 гг.

Гюльханский хатти-шериф 1839 г., гарантировавший поданным право на жизнь и свободу веры, защиту чести, достоинства и имущества, не притупил у болгар стремление к независимости. Не изменил ситуацию и последующий Гюльханский хатти-хамаюн, изданный султаном после Крымской войны 1853–1856 гг. Начиная со второй четверти XIX в. болгары повели настойчивую борьбу за преодоление греческого духовного засилья и восстановление самостоятельности болгарской церкви. Призывы к церковной свободе фактически содержали в себе политическое требование болгар считать себя отдельным народом с правом на собственное место среди православных христиан Османской империи. Основной целью борьбы первоначально являлись замена в родных землях греческих владык на болгарских и учреждение автономного Болгарского Экзархата. Ее удалось достичь в 1870 г. еще до освобождения от османского ига, однако территория, отведенная Экзархату греческой патриархией, оказалась нелогично малой. Требование же болгар иметь своих священнослужителей не только в его границах, но и во всех землях с болгарским населением, и попытка добиться еще большей церковной самостоятельности не увенчались успехом. В результате закулисной борьбы православные патриархи в 1872 г. наложили на болгар церковную схизму, которая была снята лишь в середине XX в.

Столь же трудно проходила и борьба за политическую независимость Болгарии. Стихийные выступления болгар против турок в 1840-е–1850-е гг. терпели неудачу по причине слабой организованности и отсутствия целостной национально-освободительной идеологии. Создателем идеологии такого рода в 1850-е–1860-е гг. стал революционер, писатель и издатель Георги Раковский (1821–1867), значительную часть своей жизни проживший в Румынии и Сербии. Он полагал, что свободу можно завоевать, направляя в страну отряды четников для поднятия всенародного восстания. Идеи Г. Раковского развил революционер Васил Левский (1837–1873), который организовал сеть тайных повстанческих комитетов в болгарских землях, т.е. создал условия для соединения освободительного движения как извне, так и изнутри. Однако и первая, и вторая тактика потерпели провал. На турецкой виселице оборвалась жизнь “апостола свободы” В. Левского, выданного предателем; гибли и посылаемые в страну отряды четников в главе с такими прославленными воеводами, как Стефан Караджа, Хаджи Димитр и др.

Трагически окончилось и героическое антиосманское восстание в апреле 1876 г. Его подавление сопровождалось зверскими расправами турок и башибузуков над жителями болгарских сел. Резня мирного населения в Батаке, Перуштице, Брацигово и других местах потрясли Европу и весь цивилизованный мир.

Особенно сильным было возмущение в России, народ которой не только сочувствовал тяжкой участи единоверных болгар, но и готов был отправиться на Балканы для их освобождения. Этот душевный порыв совпадал с политическими намерениями правительства “сбить турецкий замок” на Босфоре, запиравший Россию в Черном море и не пускавший ее на широкий средиземноморский и океанский простор. В результате кровопролитной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. благодаря героизму русских воинов и болгарских ополченцев Болгария получила долгожданную свободу. По предварительному Сан-Стефанскому договору, положившему конец этой войне, Болгария должна была стать независимым государством с границами, охватывавшими все населенные болгарами земли, включая Македонию и Южную Фракию с выходом к Эгейскому морю. Однако не желавшие усиления России на Балканах Англия, Австро-Венгрия и Германия настояли на пересмотре сан-стефанских соглашений. По Берлинскому трактату от 13 июня 1878 г. территория создававшегося Болгарского княжества была урезана в несколько раз.

Таковы исторические контуры эпохи болгарского национального Возрождения, предопределявшие во многом развитие национальной культуры.

Литература и просвещение, драматургия и театр. В середине XVIII в. состояние литературы и просвещения в болгарских землях по причине иноземного ига оставалось неудовлетворительным. Национальная книжность представляла собой преимущественно богослужебные книги и сборники смешанного содержания (“дамаскины”) с традиционно религиозно-учительным репертуаром. Она по-прежнему распространялась рукописным способом из-за отсутствия в болгарских землях типографий. Скверно обстояло дело и с просвещением: в стране не имелось светских школ – читать и писать болгары учились в “келейных” училищах при монастырях и храмах. Церковные иерархи являлись наиболее грамотным и образованным слоем болгарского общества и, помимо своего прямого предназначения – религиозного наставничества, фактически восполняли собой отсутствие национальной аристократии и интеллигенции. При этом они испытывали жесткое соперничество со стороны греческих священнослужителей, занимавших ключевые посты в местной церковной иерархии. Греческое духовенство было предрасположено к эллинизации болгарской паствы, чтобы тем самым закрепить ее за собой навеки.

Процесс эллинизации протекал довольно активно. Многие болгары стали стыдиться своего этнического происхождения, избегали говорить на родном языке и отдавали своих детей на учебу грекам. Именно в такой атмосфере в 1762 г. появилась эпохальная “История славяноболгарская”, составленная монахом Паисием Хилендарским (1722–1773) на Афоне. Он выступил в ней как пламенный родолюбец и великий начертатель программы болгарского национального Возрождения. В ней ставились перед народом три грандиозные задачи: утверждение родного языка и всенародного на нем просвещения, восстановление национального государства, возрождение самостоятельности болгарской церкви. От формы “Истории” местами веет Средневековьем, но по сути – это сочинение принципиально нового типа. Все обильно компилируемые Паисием историографические материалы подчинены его замыслу и, когда сквозь них внезапно прорывается его яростная мысль, он предстает перед нами как страстный трибун, народный защитник и пророк. Паисий призывал переписывать свое творение, передавать его из рук в руки и пересказывать его содержание. И паисиевский призыв был услышан. “История” сделалась настольной книгой родолюбцев и оказала огромное воздействие на несколько поколений болгар.

Произведение Паисия знаменовало собой начало перехода болгарской литературы к Новому времени. Однако хилендарский гений намного опередил свою эпоху. Обозначенные им перед народом задачи решались на протяжении почти 120-ти лет. В литературе же после Паисия наступило длительное затишье и не появлялось сочинений, равных по яркости таланта его “Истории”. До конца XVIII в. возникло еще два историографических трактата на тему родной истории – так называемая “Зографская история”, написанная анонимным автором в Зографском монастыре вскоре после труда Паисия, и “История во кратце о болгарском народе словенском”, завершенная в 1792 г. иеросхимонахом Спиридоном в румынском Нямецком монастыре. Оба эти сочинения значительно уступали паисиевскому по силе воздействия и не получили широкого распространения. Впрочем, их авторы и не ставили перед собой такой цели – они адресовали свои писания насельникам указанных монастырей, используя в отличие от Паисия не народный болгарский, а традиционный церковнославянский язык. Тем не менее оба упомянутых труда внесли лепту в развитие болгарской историографии и, несомненно, играли положительную роль в пробуждении национального самосознания.

Достойным продолжателем дела Паисия спустя почти полвека выступил Софроний Врачанский (1739–1813). Подобно своему предшественнику, он относился к духовному сословию, пройдя путь от рядового священника до епископа г. Врацы. Софроний был лично знаком с Паисием, восхищался его

“Историей славяноболгарской” и дважды собственноручно переписал ее текст. Следуя заветам своего наставника, он проповедовал в церкви на болгарском народном языке, несмотря на недовольство греческих владык. Вехой в истории болгарской литературы и культуры стало издание Софронием сборника проповедей под названием “Недельник” (1806) в румынском г. Рымник. Сборник состоял из 94-х воскресных слов и поучений грека Никифора Теотоки (которые он опубликовал в 1796 г. под заголовком “Кириакодромион”), переложенных Софронием на новоболгарский язык. Таким образом “Недельник” явился первой печатной книгой на новоболгарском языке, которая в силу своего содержания сделалась для болгарских священнослужителей настольной. Некоторые из них даже снимали с “Недельника” рукописные копии, лобовно называя его по имени переводчика – “Софроние”. Книга пользовалась успехом, разумеется, не только среди иерархов, но и внимавших Богу грамотных ремесленников и крестьян.

Другим важным свершением Софрония явилось создание им “Автобиографии”/“Житие и страдания грешного Софрония” (1805), в которой он описал свою полную превратностей жизненную судьбу. Типологически это произведение может быть сопоставимо с автобиографией русского протопопа Аввакума, но ссыплющиеся, словно из рога изобилия, на Софрония беды были вызваны не гонениями за староверие, а возникли вследствие турецкого и греческого произвола в условиях ига и усобиц мятежных пашей. Что только не пришлось пережить бедному врачанскому епископу: ему драли бороду, палили лицо свечой, его избивали, ему проламывали голову, его заковывали в цепи, за ним гонялись, его грабили, один раз собирались заколоть копьем, а другой повесить. Ради спасения собственной жизни Софроний идет на всевозможные ухищрения, меняя свой внешний облик, переступая через условности и канонические запреты. В центре повествования находится сам автор – земная личность, для которой жизнь есть высшая ценность даже в сравнении с посмертными райскими благами. Калейдоскопичность развития событий в автобиографии придает ей сходство с авантюрным романом, но она возникла не в результате литературного приема повествователя, а благодаря правдивости изображения им бурных перипетий смутного времени.

Автобиография Софрония, бесспорно, может считаться вехой в истории болгарской литературы, но само произведение не участвовало в тогдашней литературной жизни. Оно появилось на свет, видимо, как своеобразный оправдательный отчет епископа Софрония перед греческим синклитом за длительную неуплату церковного налога. По этой причине автобиография существовала в единственном списке и стала доступна широкому кругу читателей после ее публикации более полувека спустя. Малодоступными

для болгар были и многие оставшиеся в рукописях переводы Софрония Врачанского с греческого и русского языков. Среди них имеются сочинения как религиозного, так и светского содержания: “Поучение и словосказание на праздники Господни”, “Мифология Синтипы Философа”, восходящая к индийскому источнику просветительско-дидактического характера; “Theatrum politicum” (“Представления о жизни общества”) Амвросия Марлиана, “Исповедание православной веры” греческого богослова Евгения Булгариса, “Система или состояние мухаммеданской религии” Димитрия Кантемира и др. Любопытным также является тот факт, что Софроний выступил первым переводчиком произведений античного баснописца Эзопа.

Несмотря на явно религиозный характер большинства переводных произведений Софрония, их нельзя считать некой христианской архаикой. Они укрепляли болгар в православной вере и предохраняли их от соблазнов вероучений иноплеменных, т.е. служили тому же делу, которое Софроний отстаивал в своих проповедях и во время преподавания в келейных училищах. Еще более актуальным было содержание светских переводов книжника. Ими он прививал у читателя любовь к книгам и просвещению, облекая эти идеи в прямые авторские призывы. В составленном Софронием предисловии к переводу труда А. Марлиана “Представление о жизни общества” он призывает болгар к строительству школ вместо церквей и трате денег не на монастыри, а на мудрых учителей, способных обучить детей книжным наукам. Он размышляет в нем о трагической судьбе родины и необходимости развития национальной культуры. На прогрессивность его общественных позиций указывает и то обстоятельство, что в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. он стал председателем Болгарского комитета содействия русским войскам и освобождению страны от иноземного ига и написал воззвание к соплеменникам, призывая их оказывать помощь русским освободителям.

В целом струя религиозной переводной и оригинальной книжности продолжала доминировать в болгарской литературе вплоть до середины 1820-х гг. На этом поприще в то время трудились такие деятели национального Возрождения, как Иоаким Кырчовский (1780–1820), Кирилл Пейчинович (1770–1845), Константин Огнянович (1798–1858) и др. Их переводные (преимущественно с греческого языка) книги напоминали популярные ранее “дамаскины” и зачастую были ближе к традициям средневековой литературы, чем к “Истории” Паисия Хилендарского или автобиографии Софрония Врачанского. Однако они пользовались спросом читателя благодаря своей форме изложения и известным новациям. Так, например, переводные произведения Иоакима Кырчовского – фольклорно-легендарные “Чудеса Пресвятыя

Богородицы” (1817) и написанная в жанре видений “Книга, глаголемая мытарства” (1817) воспринимались читателями как своего рода беллетристика. Неизменный успех имело у них и, казалось бы, давно всем знакомое “Житие Алексея человека Божия” (1833). Константин Огнянович изложил данное агиографическое сочинение в стихотворной форме и тем самым превратил его в любимое народное чтиво. Такие переводы делались массовыми благодаря их печатному изданию в неболгарских типографиях.

Народное духовное просвещение в тот период неразрывно было связано с греческим. Эта связь строилась на подчиненности болгарских священников греческой патриархии и на традиционно тесных контактах с греческим Афоном, и на осознании того факта, что соседи-греки ушли далеко вперед в деле образования и просвещения. Дети многих болгар окончили греческие училища в Кидонии, Солуни, Бухаресте, Константинополе и других образовательных центрах и стали трудиться на благо народного просвещения на родной земле. Именно они вместе с греками начали преподавать в эллино-греческих училищах, открывавшихся в Свиштове (1815), Котеле (1819), Карлово (1828) и др. городах, и постепенно преобразовывать их в училища эллино-славянские и эллино-болгарские. Во главе подобных учебных заведений находились такие прогрессивно настроенные деятели, как Райно Попович, Эмануил Васкидович, Христаки Павлович и др. Посильную помощь делу народного просвещения оказывало болгарское духовенство. Преподаватель свиштовской школы Х. Павлович, например, являлся монахом Рильского монастыря. А монах-просветитель Неофит Рильский (ок. 1793–1883), открыл в обители келейную школу, которую окончили многие видные болгарские возрожденцы.

Учреждение в болгарских землях светских школ, подготовка и издание для них учебников и оплата труда учителей требовали больших материальных средств, которых ни у кого в отдельности не было. Здесь требовалось объединение усилий энтузиастов-просветителей, богатых меценатов и инициативы родолюбивых болгар, желавших, чтобы их дети могли получать достойное образование на родном языке. Каждая из этих задач решалась поэтапно, не совпадая по времени своей реализации с другими. Автором первого болгарского светского учебника выступил просветитель Петр Берон (1799–1871), выпустивший так называемый “Рыбный букварь” (1824).*

Он получил солидное светское образование в Румынии, Австрии, Германии и других европейских странах и опубликовал более 20 научных трудов на французском, немецком, греческом и латинском языках. Однако

** Букварь получил такое несколько причудливое название из-за изображения дельфина на одной из его страниц.

первостепенное значение для болгар имели не эти труды, а именно “Рыбный букварь”, ставший эпохальным событием в деле народного просвещения. Он представлял собой своеобразную “детскую энциклопедию” – свод лаконичных сведений об истории, философии, географии и культуре различных народов. Образцом для Берона послужили учебники современного греческого просветителя Д. Дарвариса, из которых он и позаимствовал ряд материалов.

“Рыбный букварь” Берона положил начало целой серии болгарских учебников: “Арифметика или наука числительная” (1833), “Разговорник греко-болгарский” (1835) и “Грамматика славяноболгарская” (1836) Х. Павловича, “Взаимоучительные таблицы” (1835), “Болгарская грамматика” (1835) и “Краснописание” (1837) Неофита Рильского.

Просветитель Неофит Бозвели (1785–1848) в соавторстве с Э. Васкидовичем издает первую болгарскую пятитомную учебную энциклопедию “Славяноболгарское детоводство” (1835). На протяжении 1840-х–1850-х гг. количество выпускаемых учебников продолжало нарастать и постепенно покрыло практически все потребности первичного образования. Интенсивность издания учебников в начале 1830-х гг. объяснялась подготовкой открытия в болгарских землях первой общеобразовательной школы с преподаванием на родном языке. Она открылась в Габрово в 1835 г. на паевых началах по инициативе Василя Априлова (1789–1847) – обрусевшего болгарского торговца из Одессы. Через пять лет подобных школ в болгарских землях насчитывалось уже 12, а спустя три десятилетия они имелись почти во всех крупных болгарских городах и селах.

Такие школы, разумеется, не могли удовлетворить жажду знаний нарождавшейся болгарской интеллигенции, и поэтому наиболее способные болгарские юноши отправлялись продолжать образование в Грецию, Румынию, Россию, Австрию и Германию. Их обучение за рубежом способствовало тому, что в дальнейшем они, как правило, превращались в сторонников интересов страны пребывания. Это прекрасно иллюстрирует, например, борьба между грекофилами и русофилами, развернувшаяся в 1830-х–1840-х гг. по поводу того, на какую страну следует ориентироваться болгарской культуре. Лагерь грекофилов (Р. Попович, Х. Павлович, К. Огнянович и др.) ратовал за знакомство с европейской культурой через посредство греческого языка. С этим не соглашались убежденные русофилы (В. Априлов, А. Кипиловский и др.), считавшие, что лучшим учителем для болгар может служить более развитая по сравнению с греческой русская литература. Ощутимый поворот в сторону России произошел в 1840-е–1860-е гг. в связи с обострившейся борьбой болгар за церковную независимость от греков.

Другим следствием учебы болгар за границей было возникновение интереса к болгарской истории и культуре среди зарубежных ученых и общественных деятелей. В их числе были такие замечательные личности, как серб Вук Караджич, опубликовавший болгарские народные песни; российский славист В.И. Григорович, разыскивавший древние рукописи в болгарских землях; чешский и словацкий ученый П.Й. Шафарик, издавший работу о болгарской средневековой литературе. Особый резонанс в России и среди болгар вызвала деятельность русского слависта Ю.И. Венелина (1802–1839), воскрешавшего перед общественностью все великолепие древней болгарской истории и культуры и призывавшего Европу обратить внимание на трагедию этого славянского народа. Его несколько идеализированные, романтически приподнятые труды (“Древние и нынешние болгары”, 1828–1841; “О характере народных песен у славян задунайских”, 1835; “О зародыше новой болгарской литературы”, 1837) оказали огромное воздействие на развитие болгарского национального самосознания и были быстро переведены на болгарский язык.

Труды Ю.И. Венелина и его призывы к изучению истории и культуры болгарского народа нашли свой отклик среди ученых и болгар-эмигрантов. В. Априлов проявил себя не только щедрым меценатом, но и лидером литературной жизни болгарской эмиграции в России. В начале 1840-х гг. он опубликовал в Одессе “Денницу новоболгарского образования” и “Дополнение к книге Денница” – историко-филологические работы, посвященные проблеме выбора Болгарией культурной ориентации. Эти публикации были адресованы как российским болгарам, так и живущим в родных краях соплеменникам. Таким образом все более упрочивались мосты, связывавшие болгарскую землю с находящимися за ее пределами сыновьями. В зарубежных культурных центрах появились и первые болгарские периодические издания, предназначавшиеся для всех соплеменников независимо от места их пребывания. Первый болгарский журнал “Любословие” вышел в свет в 1842 г. в Смирне благодаря инициативе просветителя Константина Фотинова (1790–1858), а первую национальную газету “Болгарский орел” с 1846 г. начал издавать общественный деятель Иван Богоров (1820–1892) в Лейпциге. Спустя два года он организовал выход другой болгарской газеты под названием “Цареградский вестник”.

В зарубежных культурных центрах (в Румынии, Сербии, России, Венгрии и Италии) из-за отсутствия своих отечественных типографий печатались и болгарские книги. В самой Османской империи в 1830-е–1840-е гг. болгарские издания выходили преимущественно в Салониках и Константинополе. До середины указанного века было выпущено в общей сложности около 200

печатных книг. Такое увеличение объема печатной продукции закономерно обострило вопрос о языке, предназначенном для светских изданий. Журнал “Любословие”, например, вышел на церковнославянском языке, но этот факт объясняется не консервативностью взглядов К. Фотинова, а отсутствием общепринятых норм литературного языка. Однако выработка подобных норм являлась задачей второй очереди – вначале следовало сделать выбор: церковнославянский или живой разговорный язык? Полемика между “церковнославянистами” (Х. Павлович, К. Фотинов, К. Огнянович) и “живоразговорниками” (И. Богоров, В. Априлов и др.) велась до середины 1850-х гг. и завершилась победой второй более прогрессивной партии.

Среди выходявшей за рубежом, но адресованной всем болгарам светской печатной продукции, особо нужно отметить календари. Они были необычными по своей жанровой форме и представляли собой некое соединение книги и периодики. В них содержались не просто традиционно справочные материалы календарного характера, но и различные литературные интерполяции в виде рассказов, стихотворений, басен и сентенций. Пионерами издания народных календарей выступили Х. Сичан-Николов и К. Огнянович, выпустившие “Месяцеслов или Календарь Вечный” (1840) и “Календарь на 1843 г.” и др. Но они, естественно, уступали периодике, где помещались иногда настоящие обзоры зарубежных литератур. Так, например, в “Цареградском вестнике” в 1848 г. был опубликован обзор русской литературы, в котором фигурировали Феофан Прокопович, Антиох Кантемир, М. Ломоносов, А. Сумароков, И. Крылов, А. Пушкин, Н. Карамзин и иные русские писатели. Издатели и переводчики обращали внимание главным образом на те произведения зарубежной литературы, которые отвечали внутренним потребностям развития болгарского общества того времени.

Наибольший интерес у болгар поначалу вызывала зарубежная литература эпохи Просвещения и сочинения в духе классицизма и сентиментальной дидактики. В течение 1840-х – начала 1850-х гг. на болгарский язык переводятся написанный в XVII в. философско-утопический роман Фенелона “Приключения Телемаха” (1845), воспевающий предприимчивость человека роман Д. Дефо “Приключения Робинзона Крузо” (1849), сентиментально-дидактические повести немецкого писателя Христофора Шмидта “Потерянное дитя” (1844), “Благочестие” и “Радуга” (1853), пьеса немецкого драматурга Х. Траудцшена “Велизарий” и др. Примечательно, что переводы той эпохи не являлись переводами в современном смысле этого слова. Это были даже не сокращения или адаптации иноязычных оригиналов, а своеобразная перелицовка на национальный лад. Знаний о Западной Европе и России у большинства болгарских читателей в тот период явно не доставало, и при

точном переложении произведений с иностранного на болгарский язык переводчикам пришлось бы дополнительно объяснять едва ли каждое десятое слово.

Приспособление переводчиками неболгарских литературных материалов к моральным представлениям, литературным вкусам и уровню знаний болгарских читателей специалисты называют “болгаризацией”. Она предусматривала переименование имен литературных героев, места действия, нравов и быта их обитателей, сюжета, композиции и нередко пейзажа с тем, чтобы приблизить их к болгарской действительности. Так была, например, приспособлена переводчиками Э. Мутевой и И. Груевым повесть русского прозаика А.Ф. Вельтмана “Райна, королева болгарская” (1852). Это произведение интересно и тем фактом, что в нем описывался поход русского князя Святослава в Болгарию в период Первого Болгарского царства. Монологи князя о русско-болгарской дружбе и уверенность в том, что он несет на Балканы свободу, вызывали у читателей приливы русофильства и будили надежду на изгнание турок Россией. Благодаря “болгаризации” многие переводные произведения приобретали актуальное звучание и способствовали росту национального самосознания.

Переводные сочинения подвигали болгарских авторов к оригинальному творчеству, но они избирали для подражания не современные им литературные образцы, а то, что уже считалось литературной архаикой. Приступая к сотворению “новой” литературы, болгарские писатели действовали так, словно испытывали необходимость быстро и по порядку освоить все те стадии литературного развития, которые уже прошел европейский литературный мир. В болгарских землях интенсивно начали развиваться, например, такие классицистические жанры как ода, басня и диалог. Подражая русским поэтам XVII–XVIII вв., Димитр Попски пишет “Оду Софронию Врачанскому”, а Георгий Пешаков “Оду Петру Берону”, “Оду Юрию Венелину” и “Рыдание на смерть Юрия Венелина”. Силлабические оды патриотического и гражданского характера создают также А. Капиловский, Неофит Рильский, И. Груев и др. Еще более продуктивно развивался жанр басни, начало которому в Болгарии было положено Софронием Врачанским переводами басен Эзопа. Его примеру последовали П. Берон, Э. Васкидович, Р. Попович и другие просветители. С начала 1840-х гг. большую популярность приобретают переведенные с русского басни И. Крылова, в которых усиливались дидактичность и морализаторство.

Большое развитие получил жанр философско-публицистических монологов и диалогов, в котором плодотворно работал священник и учитель Неофит Бозвели. Свою прозвище “Бозвели” (то есть “непокорный”, “буйный”)

он получил за непрестанную борьбу против засилья греческого духовенства и отстаивание самостоятельности болгарской церкви. За это власти дважды выселяли его из болгарских земель и отправляли в заточение на Афон. В написанных там в 1840-е гг. диалогах (“Просвещенный Европейец, Полумертвая Мати Болгария и Сын Болгарин”, “Общесоборный жалостливый советный разговор любомудрых”, “Плач бедныя Мати Болгарии” и др.) он призывал к народному просвещению, говорил о бедственном положении родины и обсуждал пути выхода из него, обличал греческих фанариотов, виновных в отсталости болгар и невежестве. Страстный язык диалогов Бозвели отличался яркостью эпитетов, контрастностью сравнений, обилием пословиц и поговорок. К сожалению, почти все его диалоги остались в рукописном виде и стали достоянием общественности спустя длительное время. Больше повезло диалогам некоторых его последователей (Й. Хаджиконстантинова Джинота, Г. Раковского, М. Николова и др.), которые публиковались в периодике.

Диалог как жанровая форма опирается на традицию устного интеллектуального общения в Древней Греции, и обращение к ним в болгарских землях XIX в. иллюстрирует наличие здесь классицистических тенденций. Они свидетельствуют о запоздалом прохождении болгарской литературой периода просветительского “классицизма”, причем “нечистого”, сосуществовавшего с сентиментализмом и проникнутого лирико-эпическим началом. Гораздо более быстрыми темпами развивалась в 1840-е гг. литература болгарской эмиграции в Одессе (Д. Чинтулов, Э. Мутева, В. Априлов и др.), среди которой ведущая роль принадлежала Найдуну Герову (1823–1900). Сочинения болгар одесского круга свидетельствуют о вступлении болгарской литературы в новый сентиментально-романтический этап своего развития. В этом плане наиболее показательна первая болгарская поэма “Стоян и Рада”, созданная Н. Геровым (1845). В ней описана сентиментальная история умирающих от разлуки несчастных влюбленных – сюжет, часто встречающийся в болгарских народных песнях. Это произведение проникнуто народными балладными мотивами, насыщено характерными для фольклора эпитетами и может считаться явлением не переходного, а “нового” времени. Помимо нее, Н. Геров написал ряд сентиментально-интимных стихотворений и поэтических миниатюр и выступил родоначальником жанра путевых заметок.

В 1850-х–1870-х гг. на последнем этапе развития болгарской литературы эпохи национального Возрождения, эволюция ее жанровой системы и поэтического строя еще более убыстряется. Этот этап характеризуется размежеванием интеллигенции на лагерь революционеров и сторонников мирных либерально-демократических преобразований и усилением роли

центров болгарского культурного развития в других странах. Особенное место среди последних занимали Россия, Сербия и Румыния. В 1850-е–1870-е гг. в Одессе, Николаеве, Кишиневе, Харькове и Киеве училось свыше 60 болгар, в Москве более 100, а по всей стране около 700. Большую помощь в получении болгарскими россиянами образования оказывали московский Славянский комитет и Болгарское настоятельство в Одессе. Многие окончившие российские высшие учебные заведения болгары стали крупными писателями, критиками, учеными, учителями, общественными и культурными деятелями: Н. Геров, И. Богоров, В. Друмев, Х. Ботев, Н. Бончев, М. Дринов, Р. Жинзифов, Л. Каравелов, К. Миладинов и др. Они поддерживали тесные связи с прогрессивными русскими профессорами и писателями, публиковали статьи и книги на болгарском и русском языках, создавали свои литературные общества и журналы.

С конца 1860-х гг. важную роль в болгарской литературной и общественной жизни стали играть румынские культурные центры. В Бухаресте, Браиле и Галаце издавались болгарские революционные, просветительские и консервативные газеты (“Грядущее”, “Свобода”, “Независимость”, “Болгарская пчела”, “Отечество” и др.), в Браиле в 1869 г. было создано “Болгарское литературное общество” – прообраз будущей Болгарской Академии наук и начало издаваться “Периодическое списание” (1870–1876) – первый болгарский научный журнал. В 1850-е–1860-е гг. в различных зарубежных центрах было издано свыше 1000 болгарских книг и выходило 29 газет и журналов. Среди них, помимо российских и румынских центров, важную роль играл Константинополь. Здесь также издавались газеты различных идеологических направлений (“Цареградский вестник”, “Право”, “Гайда”, “Македония” и др.), было создано в 1857 г. “Болгарское книжное товарищество”, которое вело литературную и научную деятельность и выпускало первый болгарский литературный журнал “Български книжици”(1858–1862).

На страницах болгарских газет и журналов велись политические дискуссии о путях освобождения страны от иноземного гнета, публиковались переводные и оригинальные болгарские литературные произведения, велась полемика по вопросам унификации болгарского литературного языка. К середине 1870-х гг. утвердилась диалектная база этого языка: за ее основу были приняты восточноболгарские говоры с некоторыми элементами западных. Современный новоболгарский язык оформился именно в тот период. Что же касается направления споров об избавлении страны от физического и духовного рабства, то его подсказывала сама жизнь и практика революционной деятельности. 1850-е–1860-е гг. стали также торжеством собственно художественной болгарской литературы, которая сумела

избавиться от чувства растерянности, испытанного ею в результате внезапного открытия для себя сложного литературного мира Европы. Болгарские писатели сумели преодолеть вызванную этим открытием сумятицу в умах и захлестывающую их произведения стилистическую мешанину. Более того, многим из них (например, Георгию Пешакову, Григору Пырличеву, Любену Каравелову) удалось внести вклад в развитие не только своей национальной литературы, но и литератур других народов. Они восприняли в эмиграции традиции местной культуры и публиковали свои сочинения на греческом, сербском и русском языках.

Еще одной особенностью последнего тридцатилетия перед Освобождением стало усиление общественного интереса к фольклору. Призывы Ю.И. Венелина и его подвижническая деятельность по собиранию памятников болгарского фольклора были услышаны и подхвачены деятелями болгарского национального Возрождения. Последователями Ю.И. Венелина выступили болгарские возрожденцы Г. Раковский, Н. Геров, П.Р. Славейков, Л. Каравелов, братья Димитр и Константин Миладиновы и др. Вслед за изданием П.А. Бессоновым в 1855 г. в Москве “Болгарских песен Ю.И. Венелина, Н.Д. Катранова и других болгар” Л. Каравелов публикует в 1861 г. в России “Памятники народного быта болгар” и в том же году в Загребе братья Миладиновы выпускают сборник “Болгарские народные песни”, в который было включено более 600 пословиц, поговорок, преданий и песен. Кроме того, разнообразные фольклорные материалы регулярно появлялись на страницах болгарской научной и общественной периодики. Присутствие фольклора в духовной жизни болгарского национального Возрождения продолжало играть заметную роль в становлении национальной литературы.

Значительно меньше возможностей для национального культурного развития существовало, как и прежде, внутри самих болгарских земель. Главными ретрансляторами культурных знаний являлись школы, в которых преподавали учителя, получившие европейское образование (по большей части в России). Чаще всего они сочетали основную работу с творческой деятельностью и пользовались огромным авторитетом среди своих соплеменников. Слова “даскал” и “даскалык” (“учитель”, “учительство”) выражали людское уважение и почитание по отношению к тем, кому они адресовались. “Даскал”, как правило, был не просто учителем, а духовным и интеллектуальным наставником, носителем передовых тенденций в культуре болгарского общества. То же самое можно сказать и о “читалиштах” – многочисленных читальнях, которые начали возникать в стране с 1850-х гг. Они не являлись читальнями в современном смысле этого слова, а играли роль культурных и политических клубов, в которых обсуждались свежие политические новости,

отмечались культурные праздники, проводились художественные декламации диалогов и предпринимались первые попытки театральных постановок.

Благодаря усилиям творческой болгарской интеллигенции “извне” и “изнутри” в 1850-е–1870-е гг. почти одновременно возникают и оформляются болгарская поэзия, проза, литературная критика и драматургия. Первое место по своей значимости для литературного движения вперед занимала **болгарская поэзия**. Одним из ее зачинателей стал “даскал” Добри Чинтулов (1822–1886), впитавший во время учебы в России прогрессивные идеи своей эпохи. От его творчества уцелело всего два десятка вольнолюбивых стихотворений 1840-е–1850-х гг. (“Восстань, восстань, юнак балканский!”, “Болгары-юнаки”, “На Балканах” и др.), которые превратились в массовые песни и распевались по всей стране. Они проникнуты революционной романтикой, идеей славянского братства, духом фольклорных эпических традиций. Эта линия была продолжена революционером Стефаном Стамболовым (1854–1895), от творческого наследия которого также сохранилось около 20 стихотворений (сборник “Песни и стихотворения”, 1877). Часть песен поэта, такие как “Воззвание”, “Сейчас или никогда”, “Певец” и др., превратились в боевые марши и воодушевляли будущих повстанцев. С одной из них, – “Мы не хотим богатства”, – шли в бой затем четники Х. Ботева и начиналось антитурецкое восстание 1876 г. в Панагюриште.

Весьма заметной струей в поэзии болгар-эмигрантов той эпохи является ностальгическая струя, проникнутая тоской по покинутой родине и желанием вновь увидеть родные края. В этом плане очень показательны элегии К. Миладинова (“Тоска по югу”, 1860), стихотворения Н. Герова (“В знойный день”, 1860), элегия Л. Каравелова (“Прекрасен ты, мой лес”, 1875). Поэты мечтают о родной земле, где прошло их детство, грезят полететь на орлиных крыльях туда, где душе привычно и тепло, изливают чувства одиночества и скорби. Печалью и грустью веет и от некоторых стихов того времени, посвященных славному прошлому древней Болгарии (“Охрид” Р. Жинзифова, 1862; “Преслав”, Х. Ангелова; “Прощание с родиной пламенного болгарского патриота в 1853 г.” Г. Раковского и др.). Они исполнены трагизмом от осознания постигшей страну исторической катастрофы и полны решимостью поэтов вернуть ей былое величие даже ценой собственной жизни.

Подобной национально-патриотической направленностью отличался и жанр болгарской поэмы 1850-х–1870-х гг. Призывы к сопротивлению иноземным угнетателям и разворачиванию непримиримой освободительной борьбы становятся бесспорными лейтмотивами поэм Г. Раковского, Х. Ботева, П.Р. Славейкова, Г. Пырличева, Р. Жинзифова и др. Эти идеи прекрасно иллюстрирует автобиографическая поэма Г. Раковского “Лесной путник”

(1857), оставшаяся, к сожалению, незавершенной. В ней воспроизведен один из эпизодов кипучей революционной деятельности поэта – поход с отрядом четников по отрогам Стара-Планины летом 1857 г. Однако в целом произведение лишено конкретики – оно носит обобщенный характер и испытало на себе влияние гайдуцкого народного эпоса. Его герои лишены черт индивидуальности и служат рупором идей самого Г. Раковского. Действия повстанцев регламентированы традициями гайдучества, что особенно чувствуется, например, в сцене клятвы и исполнения обычая побратимства. Можно сожалеть, что автор не обратился к поэтическому строю народных песен, а предпочел использование архаичной лексики древней книжности. Тем не менее его поэма оказала огромное воздействие на современников и заняла видное место в истории болгарской литературы.

Фольклорно-романтическая основа отчетливо просматривается и в поэмах видного возрожденца, поэта и просветителя Петко Рачева Славейкова (1828–1895). Ему одинаково интересны как героические события далекого болгарского прошлого, так и близкая по времени борьба народа с иноземными угнетателями. В поэме “Кракра из Перника” (1873) поэт воспел бесстрашное сопротивление упомянутого воеводы византийским завоевателям, а поэму “Бойка-воевода” (1872), он посвятил простой крестьянской девушке, которая возглавляла отряд народных мстителей, сражавшихся против турок в окрестностях Тырново. Романтически приподнятой является и третья поэма П.Р. Славейкова “Источник Белоногий” (1873). В ее основу легла народная легенда о целомудренной девушке Гергане, готовой пойти на смерть, но не предать родной край, отчий дом и жениха Николу. Исконные болгарские представления о чести, достоинстве и умении держать свое слово для Герганы важнее, чем райская жизнь в стамбульском гареме, куда ее хотел увезти очарованный ее красотой турецкий визирь. В последнем произведении поэт наиболее органично использовал художественно-выразительные средства болгарских народных песен.

Романтика освободительной борьбы пронизывает и творчество Христо Ботева (1848–1876) – блестящего поэта, отдавшего свою жизнь за свободу отечества. Герой незавершенной поэмы “Гайдуки” (1871) воевода Чавдар предстает перед нами подобно эпическому богатырю, славу которому поют родные дубравы и травы, щемящие душу свирели и жницы. Жизнь Чавдара-гайдука схожа с жизнью других воевод как две капли воды: нелегкое батрацкое детство, жажда по воле гайдуцкой, нежелание матери отпускать сына в горы и т.д. Именно Ботеву удалось сплести гениальный венок из цветов родного фольклора и передовых идей той эпохи. Этими же достоинствами отмечены и дошедшие до нас 20 его стихотворений. Лучшие из них (“Матери”, “Борьба”,

баллада “Хаджи Димитр”, “На прощанье”, “Моей первой любви”, “Моя молитва”) отличаются поразительной страстностью, гражданственностью и художественным совершенством. Поэт изобличал рабство и воспевал подвиг борцов за свободу, скорбел о павших в неравной борьбе и одновременно пророчески предрекал им бессмертие: “кто в грозной битве пал за свободу – не умирает”. Традиции болгарской народной песни были блестяще воплощены им в неповторимых образцах индивидуального творчества, элементы романтической образности гармонично сочетаются с реалистическими приемами изображения.

Быстрыми темпами начала развиваться и зародившаяся в 1860-е гг. болгарская **оригинальная художественная проза**. Ее фундамент заложили первые болгарские беллетристы Васил Друмев (1841–1901), Илия Блысков (1839–1913) и Любен Каравелов (1834–1879), которые почти одновременно принялись осваивать жанр драматической повести. Первые три повести этих писателей (друмевская “Несчастное семейство”, 1860; каравеловская “Воевода”, 1860; и блысковская “Потерянная Станка”, 1865) имеют ряд сходных черт. Они отражают ужасающую реальность турецкого рабства, рисуют перед читателем леденящие душу насилия, истязания и зверства, которые чинят над болгарскими иноземные угнетатели. Нагромождения ужасов и фантазмагорий создают особую поэтику, типологически родственную поэтике французской “неистовой литературы”. Однако она, разумеется, не есть результат прямого подражания, а обязана генетическому родству, порожденному прежде всего жестокими реалиями тогдашней болгарской жизни. Французской “неистойой” прозе, например, была чужда какая-либо сентиментальность, в то время как “хорошие” герои упомянутых болгарских повестей крайне чувствительны и часто ударяются в слезы. Кроме того, в болгарских произведениях прослеживаются фольклорные образы и мотивы.

В дальнейшем творческое развитие первых болгарских прозаиков пошло различными путями. И. Блыскова привлекла роль хранителя патриархальных нравов и проповедника, предупреждающего общество о разрушительном напоре цивилизации. Его повесть “Несчастливая Кристина” (1870) носит нравоучительно-дидактический характер и пропитана духом несколько наивного морализаторства. Более удачно по сравнению с ним прогрессировал В. Друмев. Его повесть “Ученик и благодетели” (1865) свидетельствует об укреплении в творчестве писателя реалистического начала. Широта охвата событий и обилие затронутых в повести проблем позволяют расценивать ее как первый опыт болгарского романа. Внимание В. Друмева сфокусировано на муках формирования национальной интеллигенции, трудностях, которые подстерегали честолюбивых болгарских юношей, ехавших учиться за

границу, их отношениях с “благодетелями”, нередко подвергавших своих подопечных немислимым унижениям. Заслуга писателя состояла в создании целой галереи социальных типов болгарского общества и точности зарисовок, основанных на личных наблюдениях.

Наибольшее развитие реалистические тенденции получили в творчестве Л. Каравелова. Он выступил создателем не только ряда добротных реалистических произведений (“Неда”, “Бедное семейство”, “На чужой могиле без слез плачут” и др.), но и автором лучшей болгарской возрожденческой повести – “Болгары старого времени” (1867). Подобно многим другим его сочинениям, она была написана на русском языке и опубликована в журнале “Отечественные записки”. В ее основу легли воспоминания автора о патриархальной жизни Копривштицы – города, где прошла его юность. В ней проявилось мастерство Каравелова-беллетриста, зоркость его социального взгляда, умение точно обрисовать этнографию и быт болгарской провинции, познакомить читателя с типичными национальными характерами, завоевать его теплым, добродушным юмором со слегка угадываемой тонкой иронией. Произведение изобилует болгарскими народными пословицами, поговорками и искусно используемыми фольклорными сравнениями. Сюжет и тон повествования заставляют вспомнить о Н. Гоголе – писателе, которого Л. Каравелов называл своим учителем. Но это обстоятельство отнюдь не русифицировало каравеловскую повесть – она оставалась глубоко национальным творением, и имена ее главных героев сделались в Болгарии нарицательными.

Реалистическими было и большинство произведений, написанных Л. Каравеловым в Сербии и Румынии. Его опубликованные в 1860-е гг. повести на сербском языке (“Виновата ли судьба?”, “Сока”, “Наказал ее Бог” и др.) способствовали становлению реализма в сербской прозе. В них критиковались недуги современного сербского общества и проводились передовые революционные идеи эпохи. Повесть “Виновата ли судьба?”, в частности, была навеяна революционной идеологией романа Н.Г. Чернышевского “Что делать?”. Реалистические тенденции проявились и во многих сочинениях, созданных Л. Каравеловым в 1870-е гг. в Румынии (повести “Мученик”, “Богатый бедняк”, рассказы “Нешо”, “Стоян”, трилогия “Отмщение”, “После отмщения”, “Здесь ему конец”). В творчестве писателя постепенно все отчетливее стали присутствовать социально-сатирические нотки, особенно ярко обозначившиеся в трилогии “Три картины из болгарской жизни”, где автор подвергал критике систему воспитания, обличал хищность и лицемерие болгарского духовенства, разоблачал демагогию и беспринципность буржуазных либералов.

Наиболее полно, однако, **жанр сатиры и юмора** реализовывался в публицистических статьях, фельетонах, стихотворениях и баснях, которые

публиковались в многочисленных болгарских газетах и журналах за рубежом. К его развитию были причастны практически все самые видные творцы болгарской литературы того времени. П.Р. Славейков, например, выступал с обличительными стихами (“Песня моей монетке”, “Силен лишь тот.”, “Богач, бедняк” и др.), а Х. Ботев издавал юмористический листок “Барабан” (1869–1870) и сатирическую газету “Будильник” (1870), где в блестящих статьях, фельетонах, памфлетах и эпиграммах живо отзывался на важнейшие события в среде болгарской революционной эмиграции, родных землях и в мире. Позднее Х. Ботев активно сотрудничал с Л. Каравеловым в издании газет “Свобода” и “Независимость” (между 1872 и 1874 гг.), опубликовав вместе с ним более 100 фельетонов. Их усилиями была создана настоящая сатирико-публицистическая панорама жизни Османской империи – галерея портретов представителей османской государственно-политической системы и многочисленных их болгарских “подпевал”: неприкрытых корыстолюбцев, многоликих псевдопатриотов, аморальных церковных иерархов и других социальных типажей.

В целом болгарская литературная жизнь эпохи национального Возрождения была гораздо богаче на проявления и факты, чем это может быть здесь обрисовано. Переводятся сотни произведений русских и западноевропейских писателей, осваиваются новые литературные жанры и направления, создаются болгарские оригинальные сочинения с неведомыми ранее стилистическими комбинациями и сплетением элементов классицизма, сентиментализма, романтизма и реализма. Прояснить критерии ценности художественных произведений и правильно ориентировать переводчиков и авторов в этом беспорядочном литературном движении могла только **литературная критика**, которая не замедлила о себе заявить.

Основоположителем болгарской литературной критики выступил Нешо Бончев (1839–1878) – русский воспитанник, проживший полжизни в России. Он проявил себя как талантливый переводчик, автор программы по пропаганде лучших образцов мировой классики, на которых должны были воспитываться читатели и писатели. Эта программа была опубликована в виде статьи “Европейские писатели-классики и польза от изучения их сочинений” (1873) в журнале “Периодическо списание”. Н. Бончев расценивал литературу как служение высокому гражданскому, патриотическому долгу и отстаивал народность и реализм как важнейшие средства утверждения национального самосознания и национальной самостоятельности болгарской литературы. Кроме Н. Бончева, выразителями эстетических воззрений на литературу выступали тогда и иные литераторы (Л. Каравелов, В. Друмев, Х. Ботев, П.Р. Славейков и др.), но именно он стал первым профессиональным критиком, считавшим этого рода деятельность главным своим призванием.

В целом болгарская литературная критика стояла на передовых позициях своего времени и развивалась под влиянием идей В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского. На практике, однако, разделявшие демократические взгляды болгарские писатели зачастую не могли избавиться в своем творчестве от эклектизма литературных стилей и направлений. Это в полной мере относилось и к быстро развивавшейся **национальной драматургии**, которая также прошла этап “болгаризации” европейских произведений. Основное внимание болгарские драматурги уделяли исторической и революционно-героической тематике, интерпретируя далекое прошлое Болгарии и борьбу гайдуков против турок в романтическом ключе. Особенно показательны в этом плане исторические пьесы крупнейшего национального драматурга Добри Войникова (1833–1878): “Стоян-воевода”, 1866; “Райна, княгиня болгарская”, 1866; “Крещение Преславского двора”, 1868; “Велислава, княгиня болгарская”, 1870; “Восшествие на престол Крума Страшного”, 1871 и “гайдукские” драмы Л. Каравелова “Хаджи Димитр Ясенов” (1872), А. Узунова “Цветко-воевода” (1876) и других авторов.

Одновременно возникают ростки болгарского национального **театра**. Осуществление первых театральных постановок было предпринято в “читалиштах” Велико Тырново, Плевена, Шумена, Пазарджика, Пловдива, Самокова, Разграда и десятков других городов. Пионерами этого начинания стали “даскалы” Сава Доброплодный, поставивший в 1856 г. комедию “Михаль” в Шумене, и Крыстьо Пишурка (1823–1875), под руководством которого в Ломе игрались пьесы “Многострадальная Геновева” Л. Тика и “Велизарий” Г.Х. Трауцшена. Через несколько лет в г. Бяла Черква просветитель Киро Петров (Бачо Киро) поставил несколько исторических и бытовых пьес. Он готовил к постановке и революционную повесть Л. Каравелова “На чужой могиле без слез плачут”, но из-за возможной мести турок не довел дело до конца. Свободному развитию театра мешали не только османские власти, но и греческие владыки и местные богатеи “чорбаджи”. Более благоприятные условия имелись вне родных земель в среде болгарской эмиграции. В Браиле по инициативе Д. Войникова в 1865 г. были основаны Болгарское театральное общество и Болгарский общенародный браилевский театр. Именно здесь появилась и первая профессиональная театральная труппа с первыми актрисами – Матильдой Попович, Аникой Костович и Екатериной Василевой, сыгравшая за несколько лет (1866–1870) лучшие пьесы Д. Войникова.

В дальнейшем Д. Войников организовал театральные труппы в Бухаресте и Гюргево и осуществил постановку нескольких пьес с патриотической тематикой. Помимо упомянутых городов, пьесы игрались также в Константинополе

силами болгар, учеников Робертс-колледжа. Здесь были поставлены пьесы Д. Войникова, комедия П.Р. Славейкова “Малакова” и драма В. Друмева “Иванко, убийца князя Асена I” (1872), которая по праву считалась лучшим болгарским драматическим произведением того времени. Наибольший успех в болгарских землях вызывали пьесы с историко-патриотической тематикой. Пьеса “Стоян-воевода” ставилась, например, в г. Бяла Черква пять раз подряд, причем посмотреть представление жаждали не только горожане, но и жители окрестных сел. Хорошо встречались и пьесы на бытовые темы, такие, как “Отец и непослушный сын”, “Мать и скверно воспитанная дочь”, “Злая жена”. Не уступали им по популярности и постановки болгаризованных пьес зарубежных драматургов на различных сценах Константинополя. Здесь получила достойный прием и комедия Д. Войникова “Ложно понятая цивилизация”, высмеивающая слепое копирование иноземных обычаев и нравов.

В целом нарождавшийся болгарский театр был не способен освоить весь наличный репертуар болгарской драматургии. Тем не менее и тогда ему принадлежала чрезвычайно важная прогрессивная функция. Театр был детищем революционной интеллигенции, которая приучала народ к новому виду искусства со вполне определенными целями. Начав с обнажения общечеловеческих нравственных конфликтов, она шаг за шагом стала подводить народ к осознанию его собственных социальных и политических проблем и пониманию того, что судьба родины зависит и от него самого.

Архитектура. Новые импульсы в период национального Возрождения получило развитие болгарской архитектуры. Расцвет ремесел и торговли умножал благосостояние части болгарского общества и способствовал строительству новых церковных, общественных и жилых зданий. Во второй половине XVIII в. основным типом возводимых храмов стала трехнефная псевдобазилика, образцами которой служат митрополичья церковь Успения Богородицы в Самокове (1791) и Архангельская церковь в Трявне (1813). Особенно интенсивно строительные работы развернулись после Гюльханского хатти-шерифа 1839 г., снявшего официальный запрет на строительство христианских храмов. Между болгарскими городами, монастырями и селами возникло своего рода негласное соревнование, в котором каждый из участников стремился сделать свою строящуюся церковь самой красивой и внушительной. До середины XIX в. новые храмы появляются в Тырново, Пазарджике, Копривштице, Калофере, Сопоте, Пловдиве, Карлово и других местах.

По размаху работ недостижимым для соперников оставался Рильский монастырь, который продолжал быть главным средоточием болгарской духовной жизни в период ига. В конце XVIII – начале XIX в. в обители быстро

выросли церкви св. Луки (1799) и Покрова св. Богородицы (1805), а также восточное, северное и западное крылья монастырского комплекса, придавшие ему форму неправильного пятиугольника. После последовавшего затем стихийного пожара 1833 г. монастырь сумел быстро залечить раны и стать еще краше. Восстановленные и новые постройки придали всему комплексу еще большую целостность и превратили его в настоящее произведение искусства. В центре ансамбля находится собор Рождества Богородицы (1835), который своей трехсторонней наружной аркадой перекликается с аркадами, украшающими многоэтажные дворовые фасады, и органично сочетается с орнаментами арок и узорчатой кирпичной и каменной кладкой.

В стиле нововозводимых церквей чувствовалась опора на предшествующие традиции, но они обогащались новыми архитектурными элементами. В церковном строительстве предпочтение отдавалось типичным для первых десятилетий XIX в. трехнефным псевдобазиликам без колокольни. В 1830-х–1840-х гг. местные мастера продолжали варьировать эти образцы. После Крымской войны 1853–1856 гг. в болгарской культовой архитектуре начал преобладать тип купольного храма, прекрасно иллюстрируемый церквями св. Троицы в Свиштове и свв. Константина и Елены в Тырново. Все чаще при возведении храмов начали использоваться барочные формы и мотивы, что особенно ярко проявилось в планировке и облике церквей св. Георгия в Ямболе и митрополичьей в Самокове. Это хорошо демонстрирует, например, использование их строителями типичного барочного приема – перспективного сокращения пространства, достигаемого за счет постепенного уменьшения высоты колонн по направлению к алтарю.

Происходили в тот период изменения и в архитектуре светской, преобразившие постепенно облик небольших болгарских городов. Главным градобразующим элементом стал “мегдан” – центральная площадь со школой, торговыми лавками и мастерскими, с возвышающимися над ними силуэтами церковной колокольни и городской башни с часами. Выходящие на площадь фасады жилых домов сделались нарядными и формировали ее целостный архитектурный ансамбль. Городские башни с часами начали активно строить в болгарских землях в XVIII – начале XIX в. по мере продолжавшегося роста экономики и гражданского самосознания населения. Обычно они были трехчастными: нижняя, самая высокая часть, выложенная из ломаного камня с грубыми швами; срединная с часами – более узкая и низкая, обшитая досками и оштукатуренная, имеющая квадратную или восьмиугольную форму; и верхняя – еще более узкая и низкая, увенчанная ажурной надстройкой с заостренной кровлей. Примерами подобных сооружений служат сохранившиеся башни в городах Берковица (1762), Трявна (1813) и многие другие.

Изменился и вид жилищ зажиточных болгар, часто путешествовавших по другим странам и старавшихся устроить свои семейные очаги на европейский манер. Это стремление отражало социальное расслоение, рост богатства и самоутверждение нарождавшейся буржуазии. На местную жилую архитектуру, как и на архитектуру церковную, заметно повлияло западноевропейское барокко XVII–XVIII вв. Прежняя асимметричность болгарского народного жилища вытесняется барочной симметричной планировкой. Главные помещения дома чаще всего объединяются в единую группу с открытым портиком, следующим за ним вестибюлем, в глубине которого расположена лестница, ведущая в верхний парадный салон. Ограниченное колоннами преддверие к входу, как правило, включает в себя двухмаршевую лестницу, соединяющую землю с первым этажом. Во внутреннем и внешнем убранстве дома резко возрастает роль декоративных элементов, нередко становящихся самодовлеющими.

Колыбелью болгарского барокко сделался Пловдив, где были созданы блестящие образцы национальной жилой архитектуры. Среди них – дом Ламартина 1820-х гг. (этот французский поэт останавливался в нем во время своего путешествия на Восток), дом торговца Куюмджи-оглы (1847) и дом торговца Георгиади (1850). Пловдивская мода была подхвачена мастерами других южных болгарских городов, строивших жилища барочного типа в Самокове, Пазарджике, Копривштице, Карлово, Асеновграде и др. Она перешла впоследствии через Балканы, оказав воздействие на архитектуру Северной Болгарии. В каждом из указанных городов сохранились дома, по праву считающиеся памятниками архитектуры эпохи национального Возрождения. Остановимся в качестве иллюстрации лишь на некоторых из них.

При постройке дома Куюмджи-оглы в Пловдиве мастер хаджи Георги блестяще вписал свое творение в окружающее пространство. Вместе с двором этот дом выходит на целых три улицы, в качестве одной из дворовых оград служит античная стена, которая с находящимися чуть далее крепостными воротами образует с домом единый ансамбль. Очень удачно соотносится с близлежащими кривыми улицами и извилистый, коромысловидный фронтон, нависающий над вторым и приземным этажами, будто некий нарядный козырек. Ощущение волнообразности порождает и колоннадный портик, который подпирает центральную часть второго этажа с близко расположенными широкими окнами, заливаемыми светом просторный и праздничный салон. Наружные и внутренние стены покрыты росписями в виде гирлянд и цветов, потолки и двери – декоративной резьбой по дереву. Просторность помещений и радостная торжественность дома составляют его главную черту.

Не менее великолепен и дом Лютова в Копривштице (1854). Он также украшен коромысловидным фронтоном в виде козырька, деревянными оконными наличниками и колоннами перед входом, но одновременно имеет и свои отличия. Во-первых, он одноэтажный, хотя и не выглядит приземистым, поскольку стоит на глубоко врытом в землю высоком цоколе с несколькими небольшими окнами, начинающимися почти от уровня земли. Во-вторых, у него имеется высокое крыльцо с двухсторонними, двухмаршевыми лестницами, ведущими на входную площадку, под которой расположена дверь в цоколь. Общая преддверная часть представляет собой широкий средний портик с двумя колоннами. Стены центрального холла и четырех симметрично спланированных комнат богато украшены изображениями медальонов, ваз и цветочных гирлянд, а также “алафрангами” – стенными нишами с рамками и росписями. Особенно поражает своей изящной монументальностью гостиная – так называемая “синяя комната”. Ее “алафранга” уподоблена театральной сцене с занавесями, за которыми виднеются экзотичный пейзаж и ваза с цветами, а от кобальтаво-синих стен с медальонами веет покоем и церемониальной размеренностью.

Гораздо скромнее, чем барочные дома богачей Пловдива и старопланинских городов, выглядели жилища, возводившиеся в окраинных болгарских землях. Родопские дома отличались, например, почти аскетичной лаконичностью линий. Как правило, это были двухэтажные постройки с высоким первым этажом из булыжника с раствором и узкими, словно бойницы, окнами, что придавало ему сходство с крепостью. Такое впечатление несколько сглаживал второй этаж с нависающими закрытыми балконами, оштукатуренными и выкрашенными стенами и сравнительно широкими, частыми окнами. Достаточно редко использовались здесь и стенные росписи, “алафранги” или декоративная резьба по дереву. То же самое касалось и разнообразия колера наружных стен: предпочтение обычно отдавалось белой известке. Относительно простыми были дома и в отдаленных западноболгарских районах. Они были преимущественно одноэтажными, возводились из дерева, и их облик оживлялся главным образом благодаря наличию аркад на фасадах и штукатурному покрытию.

Интенсивное строительство в период болгарского национального Возрождения раскрыло таланты многочисленных народных мастеров. Они были родом из Софии, Дряново, Сливена, малоизвестных сел. На устах у всех были тогда имена Николы Фичева (1800–1881) и Генчо Кынева (1829–1890). Первый из них, более известный в народе как Колю Фичето, часто путешествовал и работал не только на родине, но и на чужбине. Согласно легенде, впервые он творчески проявил себя при строительстве церкви св. Николы

в Тырново (1836). Талант Колю Фичето расцвел в последние два десятилетия перед Освобождением. Именно в те годы он возвел большинство своих церквей, постоянных дворов и мостов. При их проектировании он изобретательно сочетал местные и зарубежные архитектурные мотивы, создавая свежий ритм и гармонию из, казалось бы, уже известного. Это проявилось, например, в построенных им постоялом дворе хаджи Николы Минчева в Тырново (1858), уже упомянутых купольных церквях св. Троицы в Свиштове (1867) и свв. Константина и Елены в Тырново (1873) или турецкой городской управе “конак” в Тырново (1876).

Многим постройкам Колю Фичето нет аналогов в творчестве других зодчих. Мост через р. Янтра близ г. Бяла, в частности, поражает воображение не только внушительными габаритами (длина 276 м., ширина 13 м., толщина несущих опор почти 5 м.), но и законченностью форм. Не случайно поэтому история его возведения обросла столькими легендами. Но даже отметая их как вымысел, нельзя не поразиться тому, что архитектор соорудил мост целиком из камня и вручную – т. е. без помощи кранов, кессонов, насосов или иных механизмов. При этом, по свидетельству австрийского путешественника XIX в. Ф. Каница, данное сооружение являлось самым совершенным во всей Османской империи. Не уступал ему по красоте и совершенству и Ловечский мост, построенный из дерева, причем без металлических скоб или креплений (не сохранился). Под его деревянной кровлей слева и справа тянулись вереницы магазинов и лавок, продолжавшие торговые ряды на обоих берегах реки. Творения матера принесли ему заслуженную славу, возведя в ранг лучшего болгарского зодчего того времени.

На Колю Фичето равнялся и Генчо Кынев, одно время работавший с ним после обучения искусству резьбы по дереву у своего отца. Он совершенствовался также в Константинополе и Бухаресте, самостоятельно освоил искусство чтения чертежей и проектирования. Ему принадлежат такие известные постройки, как церковь св. Богородицы в Габрово (1866) и возведенная там же знаменитая априловская гимназия (1873). Образцом для последней послужил Ришельевский лицей в Одессе, куда мастер ездил лично для снятия плана. Он также возвел в болгарских землях более 80-ти церквей, мечетей, синагог и школ, используя новые детали и придавая некоторым зданиям черты академического классицизма. Среди них – построенные после Крымской войны мечеть и синагога в Русе, церковь св. Архангела Михаила в Калофере (1869), св. Троицы в Севлиево (1870), свв. Кирилла и Мефодия в Свиштове (1873).

Изобразительное искусство. Стремительные темпы развития в эпоху национального Возрождения стало набирать болгарское изобразительное

искусство. Возродительные процессы начались в нем с начала XVIII в., т.е. раньше, чем в других областях культуры. Для первого периода, продолжавшегося по 1760-е гг., было характерно усиление церковного строительства, повышение чувства авторства, возрастание роли профессионализма и художественной нормативности. Во второй период, охватывающий 1770-е–1790-е гг., происходило оформление и укрепление региональных художественных школ. В течение третьего периода, длившегося до середины XIX в., расцвет ряда школ достигает своего апогея; он знаменует последний взлет религиозного искусства, которое постепенно начинает исчерпывать себя. В отдельных художественных школах эти явления не совпадают по времени. И, наконец, заключительный период развития болгарского изобразительного искусства эпохи национального Возрождения пришелся на 1860-е–1870-е гг. и протекал под знаком борьбы за утверждение светских начал и жанров.

В целом болгарское изобразительное искусство той эпохи отличается невиданным ранее размахом художественных работ и количеством заказов. Резко возросло число иконописцев, объединявшихся в странствующие дружины и превращавших иконописное дело в семейное и потомственное ремесло. Известно более 100 именитых родов потомственных строителей, изографов и резчиков по дереву. Художественное ремесло превратилось в массовое занятие, ибо народ усматривал в нем своеобразную реабилитацию своего права быть свободным и счастливым. Осуществив исторически самое позднее воскрешение средневековых эстетических православных доктрин в изобразительном искусстве, народ сумел успешно увязать их с самыми современными проблемами века. Связь с классическими религиозными образцами и народной средой продолжала присутствовать и позднее в творчестве даже тех болгарских мастеров, кто получил образование в европейских художественных училищах и академиях. Создавая вполне современные портреты, они невольно следовали классическим принципам иконописных подлинников – “эрминий”.

В начальный период развития болгарского изобразительного искусства эпохи национального Возрождения ведущую роль играл Афон. Здесь существовала Афонская духовная академия во главе с Евгением Булгарисом, активизировалось строительство новых храмов, расцвело искусство религиозной живописи и резьбы по дереву. Деятельными ктиторами в обновлении Зографского и Хилендарского монастырей выступили богатые торговцы из Банско, Ловеча, Видина, Пазарджика, Копривштицы и других болгарских городов. Появившиеся благодаря их пожертвованиям южное крыло Хилендарского монастыря (1757), церковь Успения Богородицы (1764) и часовня Рождества Иоанна Предтечи (1768) в Зографе, часовня св. Димитрия в

Хилендаре, а также стенописи, иконостасы, киоты и иконы превратились в дальнейшем для болгарских мастеров в художественные эталоны и ориентиры. Реестр сюжетов и композиций стенописей и резьбы по дереву заметно усложнился и обогатился. В качестве новых элементов композиции в резьбе по дереву стали широко использоваться фигуры людей и ангелов, птицы и вазы, цветы и травы. От них веяло радостью жизни, молодостью, любовью к солнцу, красоте и плодородию родной земли.

Претерпела изменения и стилистика стенописей. Она являет собой новое, более изящное и изысканное выражение чувств, демонстрирует красоту и правильность форм. У подвижников и ктиторов спокойные и приветливые лица, открытый и ясный взгляд, излучающий зрелость и возвышенность мыслей. Прежний драматизм и стремление к устрашению сменяются светлой печалью и неким философским раздумьем. Стилистика стенописей Хилендара и Зографа свидетельствует о расширении горизонтов человеческого бытия и появлении своеобразного болгарского классицизма. Эталонность афонского искусства, представленного стенописями Хилендарской и Зографской обителей, будет сохранять свою силу для болгарских мастеров и в более позднее время. В частности, созданные здесь в 1760-е–1770-е гг. образы болгарских святых Иоанна Рильского, Наума Охридского, Гавриила Лесновского, Кирилла и Мефодия и др. будут повторены в 1840-е гг. при росписи храмов Рильского и Троянского монастырей.

Исходящий из Афона духовный импульс пробудил творческую энергию изографов в болгарских землях. Увеличение заказов на поновление росписей старых церквей, создание икон и развернувшееся затем масштабное церковное строительство способствовали формированию нескольких художественных школ: Самоковской, Тревненской, Банской и Дебырской. Зачинателем **Самоковской художественной школы** выступил изограф Христо Димитров (ок. 1750–1819), изучавший секреты иконописного мастерства на Афоне и в австрийских землях. По возвращении в Самоков он начал писать иконы нового типа, стремясь наделить создаваемые им образы более земными, человеческими чертами. До нас дошло немало его превосходных икон таких, как “Христос Великий Архиерей” (1797), находящаяся в софийской церкви св. Николая Старого, “Успение Богородицы”, “Иоанн Креститель” и “Вознесение Христово”, принадлежащие церкви Успения Богородицы в Ново Село близ Штипа, и др. Отмеченные тенденции были развиты его сыновьями, Димитром Зографом (1796–1860) и Захарием Зографом (1810–1853).

Первый из них трудился вместе со своими четырьмя сыновьями (Станиславом, Николаем, Захарием и Иваном), создавая иконы и стенописи для храмов многих городов. Он расписал также вместе с ними главный собор и

часовни Рильской обители, заявив о себе при этом как о пламенном родолюбце. В рильские стенописи им были включены образы болгарских национальных святых, упоминаемые Паисием Хилендарским в его “Истории славяноболгарской”. Для художественного почерка Димитра Зографа характерны умение правильно организовать пространство, некоторая патетичность образов, уверенность руки, богатство палитры, способность проставить нужный акцент на контурах ликов или изгибах одежд святых. В ранних своих работах мастер тяготел к приглушенному колориту с темно-коричневыми тенями и резкой контрастностью, что придавало ликам подвижников суровость и строгость. Позднее он начал придавать образам просветленность и стремиться к большей живости и динамике цвета в общем оформлении иконы.

Еще более одаренным творцом проявил себя Захарий Зограф. Его работы свидетельствуют о смене ориентиров болгарской религиозной живописи и возобладании в ней светского начала. Как и все местные мастера, он начал с писания икон. Обучившись ремеслу у отца и старшего брата, Захарий создал превосходные иконы для пловдивской церкви свв. Константина и Елены и многих других храмов. Однако достигнутый уровень мастерства не доставлял ему удовлетворения – он брал уроки живописи у следовавших в Константинополь французских художников, собирал образцы западноевропейской живописи и графики. При этом великолепие чужих образцов не мешало развитию его творческой самостоятельности. Постепенно он достиг такого совершенства, что превратился в эталон не только для современников, но и для последующих поколений художников. Приблизительно за 20 лет Захарий Зограф создал десятки стенописей в различных монастырях Болгарии: Бачковском (1840–1841), Рильском (1844), Троянском (1847), Преображенском (1849) и др.

От этих стенописей веет духовной чистотой, внутренним благородством и гуманизмом. Они демонстрируют прекрасное чувство цвета и декоративности, свидетельствуют об органичном усвоении народных традиций. Художник существенно расширил границы болгарской иконографии, включив в нее образы местных болгарских святых, изображения ктиторов и даже собственные автопортреты. В целом создание портретов заняло в его творчестве одно из главных мест. Он пишет групповой портрет троянской монастырской братии, портреты своего наставника и учителя Неофита Рильского, своей снохи Христины, романтической девушки Екатерины Гюровой (предположительно, своей невесты) и др. Захарий Зограф был личностью ренессансного склада: помимо стенописей и портретов маслом, он создал десятки набросков тушью и акварелей, стал первым болгарским

пейзажистом, поддерживал тесные контакты с просветителями В. Априловым и Х. Павловичем, ратовал за открытие первой болгарской школы и типографии.

Традиции Самоковской художественной школы продолжили сыновья Димитра Зографа, из которых наибольшей известности добился старший – Станислав Доспевский (1823–1878). Он получил образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и Санкт-Петербургской Академии художеств, причем последняя наградила его за достигнутые успехи серебряной медалью. После возвращения на родину Станислав принял русское гражданство и основал собственную мастерскую в Пазарджике, где написал прекрасные иконы для Преображенского монастыря, церковей Пловдива, Константинополя и других городов. Его кисти принадлежат многочисленные образы свв. Кирилла и Мефодия и других славянских подвижников. Наряду с этим, он создал в лучших академических традициях целую галерею портретов своих современников: просветителя Найдена Герова, этнографа Стефана Захариева, своей сестры Домники Ламбревой и др. Тем самым художник стал одним из пионеров болгарской светской живописи. К сожалению, жизнь Станислава Доспевского оборвалась преждевременно: за связи с Россией и болгарскими революционерами он был арестован в 1877 г. и брошен турками в константинопольскую тюрьму, где скончался от тифа.

Тревненская художественная школа возникла благодаря таланту изографов и резчиков по дереву из рода Витановых. Они передавали секреты семейного мастерства из поколения в поколение, начиная со второй половины XVII в. Наибольшую славу из рода Витановых снискали в конце XVIII – первой половине XIX в. иконописцы Папа Витан Старший и его внук Папа Витан Младший. Помимо славных представителей рода Витановых, в Трявне трудились потомственные иконописцы из родов Даскаловых, Захариевых, Попдимитровых, Венковых и других. Расцвет Тревненской художественной школы продолжался до начала 1860-х гг. Иконам тревненских изографов присущи наличие реалистических элементов, интерес к пейзажным зарисовкам, присутствие бытовых сцен при изображении жития подвижника и другие отличительные черты.

В конце XVIII – начале XIX в. оформилась и **Банская художественная школа**, начало которой положил иконописец Тома Вишанов (ок. 1750 – ?). Известно, что некоторое время он пробыл в Вене, получив за это прозвище “Молер” (от нем. Maler) – живописец. Немногие его уцелевшие работы (стенописи в ските св. Луки и церкви Покрова Богородицы в Рильском монастыре, 1798 и 1811) дают представление о самобытной манере иконописца. Трактовка мастером большинства библейских сюжетов (в особенности редкой

встречающейся темы “Мьгтарства души”) значительно отличается от канонов тогдашней болгарской иконографии. Персонажи обычно имеют небольшие округлые лица, заостренные подбородки и слегка выпуклые живые глаза. Известно также, что ряд икон Тома Вишанова имелся в Банской кладбищенской церкви. Образы святых на них, судя по описаниям, были весьма оригинальны и нетипичны для того времени: выражения лиц очень акцентированы, взгляд подвижников словно пронзал богомольцев насквозь, хотя и не нарушал при этом общее благородство изображения.

Тома взрастил художника и в своем сыне – Димитре Молерове (1780–1868), который, однако, вскоре отошел от необычной манеры отца и стал тяготеть к гуманистическим новациям иконописи Афона. Димитр, в свою очередь, по семейной традиции передал секреты мастерства своим сыну Симеону и внуку Георгию. Династия Молеровых – потомственных художников в четырех поколениях, в целом отличалась прекрасной техникой рисунка, талантливым исполнением портретов ктиторов и привнесением в церковную иконографию исторических и светских сюжетов. Вокруг них собралось немало способных образцов, которые трудились вместе со своими наставниками (а часто и самостоятельно) не только в Банско, но и в небольших городках в долинах рек Струмы и Месты. Вершиной творчества художников из рода Молеровых считаются стенописи, выполненные ими в Рильской обители и рильском ските Пчелино. На них на протяжении нескольких десятков лет равнялись многие мастера. Но после освобождения от турецкого ига закат Банской школы был неизбежен – новое время требовало новых идеалов в искусстве.

Дебырская художественная школа сложилась в городе Дебыр и его окрестностях и существовала в XVIII–XIX вв. Ее географическое расположение способствовало контактам местных иконописцев с афонскими и итальянскими мастерами, что способствовало усвоению новых художественных веяний. Вначале изографы данной школы реализовывали себя преимущественно в Дебыре и близлежащих селах. Затем они проявили свое умение в Прилепе, Струмице и Штипе и спустя некоторое время стали признанными живописцами повсюду на Балканах. Также как и в остальных болгарских художественных центрах, в Дебыре и окрестностях сложились династии потомственных иконописцев. Среди них наибольшую известность получили представители родов Дичовых, Дамяновых, Пачаровых, Илиевых, Фрачковых, Мауровых. Причем многие мастера из этих знаменитых родов занимались не только иконописью, но и строительством храмов и домов, а также резьбой по дереву. Их работы украшают монастыри и церкви не только в Македонии и Болгарии, но и в греческих, боснийских и других балканских землях.

Обилие уцелевших произведений живописцев Дебырской школы позволяет составить о ней вполне ясное представление. Здесь, в первую очередь, следует упомянуть многочисленные иконы Дичо Зографа (1819 – ок. 1872), находящиеся в церкви св. Николы в Куманово (“Св. Спиридон”, “Св. Богородица”, “Св. Димитрий”, 1856–1857), в церкви св. Троицы во Вране (“Св. Прохор Пшинский”, “Пророк Илья”, “Богородица на троне”, 1859–1860), иконы в церквях свв. Петра и Павла в г. Кула и св. Пантелеймона в г. Видин, портрет иеромонаха Самуила (1854). Не уступают им по искусности произведения и многих других дебырских мастеров: например, икона “Архангел Михаил вынимает душу у богача” (церковь св. Богородицы в Петриче, 1871) Христо Макриева (1841–1893) из рода Фрачковых и стенописи этой же церкви, выполненные им вместе с братьями; иконы соперника Дичо Зографа мастера Благоя Дамянова, написанные им для церкви свв. Петра и Павла в с. Пехово, или иконы изографа Якова Маурова, созданные для церкви в с. Дивля близ Радомира. В целом манере дебырских живописцев свойственны необычная цветовая гамма, умелое использование орнаментов, отменное знание анатомии человека, нетрадиционность иконографических сюжетов.

Подобно живописи, религиозный характер вначале имела и возрожденческая **болгарская графика**, развивавшаяся главным образом в технике гравюры на дереве. У ее истоков стоял украинский монах Леонтий Рус, обосновавшийся в 1818 г. в Троянском монастыре и изготовивший здесь по заказу братии несколько гравюр с видом приютившей его обители и образом Богородицы. Свои технические навыки он передал позднее троянскому игумену Филофею, отпечатавшему в 1839 г. гравюру с изображением окормляемого им монастыря. В 1820-е гг. разнообразны, правда, несколько грубоватые, гравюры печатаются в Бистрецком, Лопушанском и Черепишском монастырях. Выпуск гравюр более искусных осуществлялся в мастерской Рильского монастыря, устроенной архимандритом Исаией по образцу святогорской. Оборудование было закуплено в Будапеште и Вене, а позднее преемник Исаии хаджи Калистрат приобрел в Вене в 1864 г. современный железный пресс и материалы. При этом рильская братия нередко прибегала к услугам известных венских и святогорских мастеров, изготовлявших для гравюр изображения на меди и железе. Больше всего среди болгар тогда ходили гравюры с изображениями св. Иоанна Рильского, сцен из жития подвижника и созданной им обители.

На общем, преимущественно религиозном, фоне болгарской живописи эпохи национального Возрождения своеобразным контрастом выступает творчество Николая Павловича (1835–1894), являвшегося самым светским художником того времени. Благодаря своему происхождению (сын известного

просветителя Христки Павловича) и материальной помощи меценатов он сумел получить образование вначале в Венской Академии художеств, а затем окончить отделение исторической живописи в Мюнхенской Академии изящных искусств. Некоторое время он находился в Белграде, сблизившись здесь с Г.С. Раковским, и в Одессе, где изучал старинные костюмы болгарских эмигрантов, подрабатывая в качестве учителя рисования в гимназии. После возвращения на родину Н. Павлович жил во многих городах, где все свои знания, силы и талант отдавал делу пробуждения национального самосознания болгар и приближению долгожданной свободы от ига.

Он проявлял себя в самых различных творческих ипостасях, выступая как блестящий иконописец (иконы для церквей в Стара-Загоре и Свиштове), иллюстратор книг П. Берона (“Космобиографический атлас”, 1858; “Метеорологический атлас”, 1860) и Г.С. Раковского, создатель бытовых рисунков и первых жанровых композиций в болгарской графике (“Сбор винограда”, 1856; “Крестьяне из села Павел близ Свиштова”), художник-этнограф (иллюстрации к книге Ариф-паши “Старые костюмы в Османской империи”, 1862), портретист (два “Автопортрета”, 1854 и 1856; “Портрет Ивана Чернева”, 1862; “Портрет Цвятко Радославова”, 1873), публицист и художественный критик, инициатор создания художественного училища в стране (брошюра “Заведение живописи, как его устроить в Болгарии и призыв к его поддержке”, 1867) и театральный оформитель.

Особенно велик был вклад Н. Павловича в становление болгарской исторической живописи, которая в последние десятилетия османского ига играла огромную роль в пробуждении национального самосознания. Его кисти принадлежат циклы картин с изображением эпохальных событий из болгарской истории, вызывавшие у современников чувство национальной гордости за славное историческое прошлое своей страны (“Хан Аспарух с дружиной на пути к Дунаю”, 1867–1869; “Переправа хана Аспаруха через Дунай и установление его в Мизии”, 1870; “Воины приносят хану Круму голову византийского императора Никифора”, 1867–1869; “Крещение Преславского двора” после 1870; “Подавление боярского бунта царем Борисом I”, после 1875). Эти картины имели большой успех не только у болгар, но и у сербов и валахов. Они были выдержаны в духе академического реализма с соблюдением принципа исторической достоверности – позиции, которую Н. Павлович отстаивал в печати. Кроме того, художник первым из болгар освоил в Австрии и Германии современную технику литографии, применив ее затем для иллюстрирования произведения Г.С. Раковского “Несколько слов об Асене I”. Вслед за этим он создал серию литографий на тему болгарской истории по роману А.Ф. Вельтмана “Райна, королева болгарская”.

Его начинание продолжил художник-самоучка Георги Данчов (1846–1908), изучивший технику литографии в Константинополе. Ему принадлежат литография “Райна, княгиня Болгарская” и литографический портрет турецкого политического деятеля Мидхат-паши. Кроме того, по просьбе Н. Герова он зарисовал сцены болгарского народного быта, и эти работы были затем отправлены на Этнографическую выставку в Москве. К освоению этих жанров Г. Данчов подошел, разумеется, не сразу, а после ученичества у известного изографа Алексия Атанасова, совместной росписи с ним Араповского монастыря, создания икон для церкви в с. Спасово близ Чирпана. И уже тогда дало о себе знать дарование юного живописца: оптимистическое восприятие жизни, обостренное чувство декоративности, склонность к эксперименту. В спасовской иконе св. Иоанна Рильского, например, он стал первым болгарским изографом, изобразившим зимний пейзаж.

Наибольших успехов Г. Данчов достиг в жанре портрета. Его “Автопортрет” (1867) и “Портрет Василя Левского” являют собой ярчайшие образы передовых болгар эпохи национального Возрождения. Они излучают глубочайшую сосредоточенность духа, страстную веру в освобождение от турецкого ига, готовность к подвигу. Вместе с тем им присущи та особая гордость и радость мироощущения, которые были свойственны болгарской интеллигенции того времени. В несколько иной манере выполнен “Портрет Пейо Кюркчий” (1869) – главы пловдивского цеха ремесленников-меховщиков. С него прямо в душу зрителю заглядывают живые, умные пытливые глаза старика, прожившего нелегкую жизнь, но сумевшего сохранить в буре житейских невзгод честь и достоинство. Г. Данчов продолжал рисовать даже в страшной тюрьме Диарбекир, куда турки его заточили в 1873 г. за революционную деятельность: создал литографию “Русалки”, написал портреты своих современников и руководство по технике перспективы. Через три года ему удалось бежать, перебраться в Россию и после освобождения Болгарии потрудиться на родной земле.

И, наконец, история тогдашней болгарской живописи будет неполной без Христо Цокева (1847–1883) – русского воспитанника, окончившего Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Парадная торжественность в портретах Х. Цокева заменяется стремлением к интимности и психологической углубленности. Талант художника проявился уже в работах 1860-х гг., выполненных им с натуры во время учебы: “Девушка в профиль” (1867), “Монах” (1867), “Голова русской девушки” (1869). В некоторых его портретах (“Старец” и “Мужчина с орденами”, 1872) чувствуется воздействие творчества Тропинина, Венецианова и Кипренского, улавливаемое в желании передать настроение человека, в легком налете сентиментальности или

романтичности. Однако они выполнены Х. Цокевым с такой же живостью и темпераментом, как и у его болгарских предшественников. Под влиянием московской школы он выступил также в качестве пейзажиста (“Лес”, “Мельница”, “Запруда”) и создателя жанровой живописи, реализуемой через конкретные образы (“Читающая монахиня”, “Курильщик”) или как отклик на современную трагедию Болгарии – наброски к жанровой картине “Беженцы”, “Резня”, “Убийство ребенка”.

Стремительное развитие наряду с живописью переживало в эпоху национального Возрождения и болгарское прикладное искусство, в котором наиболее ярко выделяется замечательная **резьба по дереву**. Она широко использовалась в украшении жилищ состоятельных торговцев и ремесленников. Особенно нарядными выглядят декоративные резные потолки двух разновидностей: центральные и плоскостно-поверхностные. Первая из них обычно имеет в центре большую пластичную розетку с длинными заключенными в круг лучами, окаймленный профилированными рамками и карнизами. Характерная особенность второй разновидности – наличие в центре большого декоративного четырехугольника, разделенного профилированными рейками на небольшие квадраты, ромбы и треугольники, и имеющие широкую сложную рамку по периферии. Они отличаются от центральных меньшей подвижностью и живостью линий – их некоторая статичность придает помещениям спокойствие и умиротворенность.

С оформлением потолков перекликалась резьба дверей комнат и стеновых шкафов, небольших домашних иконостасов, сундуков и ларей. В Трявне, Казанлыке и Элене двери, например, часто украшались арковидными рамками с кружевами растительного или геометрического типа. В других местах на дверях красовались медальоны с резными розетками. Не оставался без резных украшений и экстерьер. В регионе Котела, в частности, мастера нередко помещали между волютами резное изображение гнезда с птицами (символ гнезда домашнего), а в Панагюриште – инициалы владельца или год завершения постройки жилища. Разнообразной и причудливой резьбой покрывались, как правило, и колонки лестничных и балконных парапетов. Причем при сооружении парапетов, составляемых из отдельных досок, узор зачастую складывался за счет фигурно вырезанных в них отверстий. Инструментами для резьбы служили нож и прямое долото, поэтому сама она была сдержанной, скромной и неглубокой.

Значительно более богато, пышно и скульптурно объемно по сравнению с ней выглядела резьба церковная. Ее развитие было непосредственно связано с национальными художественными центрами, иконописцы и резчики которых трудились при оформлении внутреннего убранства церковей

в совместных дружинах. Поэтому школы церковной резьбы по дереву практически повторяют названия школ живописных: Тревненская, Дебырская, Самоковская и Банская. В каждой из них сложились свои традиции и выросли известные мастера, воспитавшие немало талантливых продолжателей своего дела. Тревненские резчики по дереву, самыми знаменитыми из которых в XIX в. стали Димитр Ошанец и Димитр Дойковчето (1810–1886), тяготели к симметричному растительному орнаменту. В работах прославленных мастеров Дебырской школы – Петра Филипова-Гарки (последняя треть XVIII в. – 1854), Макрия Негриева (1800–1859), Димитра Станишева (1806–1866) и Антона Станишева (1828–1904), отдавалось предпочтение пластично-скульптурной разработке фигур животных и людей и отдельных растительных мотивов. Для почерка признанных самоковских мастеров, Атанаса Теладура из Солуни и Стойчо Фандыкова (1810–1894) характерны ренессансно-барочная трактовка и влияние резьбы Афона.

Несколько слабее была выражена манера умельцев Банской школы, поскольку для большинства из них резьба являлась занятием побочным после иконописи, чего нельзя сказать о школе в Калофере, хотя она и была основана дебырскими резчиками, братьями Димитром и Антоном Станишевыми только в 1864 г. А. Станишев и его ученики отошли от дебырской традиции, выработали свой собственный “калоферский” почерк и выполнили множество заказов для храмов не только в Калофере, но и в Пловдиве, Казанлыке, Карлово, Чирпане, Габрово, Софии, Дряново, Тырново и других городах. В целом Калоферской школе присущи чистота и отчетливость форм, умение создать иллюзию большей глубины резных рельефов, использование в резьбе таких элементов, как гирлянды, бантики и маслиновые ветки.

Дружинный характер деятельности не препятствовал росту у резчиков чувства своей творческой индивидуальности и стремлению оставить по себе память потомкам. Мастера Петр Филипов-Гарка, его брат Марко и Макрия Негриев, работавшие в 1825 г. в церкви св. Спаса в Скопье, создали, например, свои резные “автопортреты”, изобразив себя перед рабочим столом с долотом в руках. Точно также поступил и Д. Станишев, трудившийся над тронем Пресвятой Богородицы в Пече. Отличия почерков школ и отдельных резчиков учитывали и заказчики, прикидывая, кому доверить исполнение сложных дорогостоящих заказов. Все великолепные иконостасы в главных болгарских монастырях и храмах были изготовлены самыми талантливыми резчиками. Иконостасы митрополичьей церкви в Самокове выполнил, например, мастер А. Теладур, а в соборе Рильской обители – опять же он вместе с именитыми дебырскими резчиками; иконостасы Бигорского и Лесновского монастырей – П. Филипов-Гарка, иконостасы церковью тревненской

св. Георгия, тырновской св. Николы и килифаревской св. Димитрия – прославленные тревненские мастера, а церковей софийской св. Недели и свиштовской св. Троицы – хорошо зарекомендовавшие себя калоферские умельцы. Помимо иконостасов, резчики обычно украшали царские врата, амвоны, владычные троны и другие предметы церковного интерьера.

Вместе с разнообразием манер следует отметить и то общее, что пронизывало искусство резчиков по дереву. Прежде всего, по своей направленности их творчество выступало прямой антитезой сугубо геометрической и растительной орнаментике ислама с его запретом на изображение фигур людей и животных. Это противостояние было особенно энергичным во второй половине XVIII в., в течение которого через посредство Афона шло усвоение образцов неовизантийского искусства. В последующие столетия болгарская резьба по дереву переживала апогей своего развития. Она обрела свое собственное лицо с присущими ему специфическими чертами. В ней усилилась библейская повествовательность, построенная главным образом на сюжетах из Ветхого Завета; местные мастера подвергли византийские заимствования основательной переработке в духе живых фольклорных традиций и создали целый арсенал национально-освободительной символики; в ней появились реалии, “подсмотренные” народными умельцами в окружающей жизни. Кроме того, резчики по дереву, не нарушая в целом стилистической доминанты своего поистине народного искусства, виртуозно вплетали в него элементы барокко, рококо и даже ампира.

Подобные отличительные черты болгарской резьбы по дереву легко улавливаются, например, в сцене победы св. Георгия над змием, в которой святой не просто пронзает его копьём, но и набрасывает ему веревку на шею, чтобы, в соответствии с народной легендой, отвести его к царю с царицей, чью дочь он избавил от гибели. То же самое относится и к наивным изображениям львов, напоминающих драконов, и змиев, похожих на каких-то доисторических чудовищ, или грифонов, имеющих сходство скорее с ягнятами, чем со своими классическими архетипами. Причем изображения таких грифонов часто поражают зрителя насыщенностью колера и необычностью гаммы: крылья у них травянисто-зеленые, лапы красные, а тело золотистое. Еще одна специфическая черта – ветхозаветные персонажи, облаченные в типично народные одежды – домотканые крестьянские свитки, овчинные тулупы и высокие меховые шапки, или сосущие своих маток телята и козлята, будто перенесенные из жизни, или такие же львы, олицетворяющие Болгарию – они попирают поверженных турок и лежащие рядом фески. К сожалению, с начала 1870-х гг. целостность народной доминанты церковной резьбы стала разрушаться из-за нарастающего

западноевропейского влияния, появились и случаи полного копирования чужих образцов.

* * *

Духовный подъем болгарского народа в эпоху национального Возрождения, завершившейся освобождением страны от иноземного ига, не был вызван стремлением реализовать на практике некое болгарское “государство духа” (Д.С. Лихачев). Подобная формулировка могла возникнуть только в период атеистического тоталитаризма с его желанием обожествовать государство и принизить церковь. К середине XVIII в. воспоминание о собственной государственности в исторической памяти болгар уже стерлось. Да и трудно вообразить существование такого “духа”, который бы точно укладывался в рамки виртуального “государства”. Источником первых импульсов к освобождению болгар от духовного и физического рабства стала святыня всего православного мира – Афон. Именно здесь не имевший светского образования монах Паисий Хилендарский сотворил свою знаменитую “Историю славяноболгарскую”. Здесь заряжались духовной энергией и совершенствовали свое мастерство болгарские строители, иконописцы и резчики по дереву. Именно отсюда началось духовное движение, пробудившее созидательные силы народа и задавшее векторы развития наиболее важных областей болгарской культуры.

Когда речь заходит об “Истории славяноболгарской”, то обычно анализируют ее содержание и поставленные в ней перед народом эпохальные цели. По этой причине остается в тени ее автор – страстный трибун, обходивший болгарские земли как сборщик пожертвований и проводник паломников на Афон. Можно только представить, сколько душ соплеменников обратил Паисий в свою родолюбивую веру, сколько сердец воспламенил он своими призывами к просвещению и свободе. Мы конкретно знаем лишь единственного из них – Софрония Врачанского, а ведь было их, несомненно, значительно больше. И чем дальше, тем все шире и шире становился круг паисиевских единомышленников. Паисий, словно гениальный наладчик, запустил механизм болгарского народного единения, просвещения и созидания, который пришел в движение сначала медленно, с перерывами, а затем набирая все большую скорость и вырастая до сказочно огромных размеров. К родолюбивым церковным иерархам присоединились богатые торговцы, посылавшие своих детей на учебу в Константинополь, Салоники, Москву, Одессу и Киев; возвратившиеся становились учителями в создаваемых повсюду школах и закладывали костяк интеллигенции светской, а оставшиеся шли в духовном развитии еще дальше и, не утрачивая связи с родиной, прилагали усилия для ее культурного восхода.

Благодаря этой связи был создан своеобразный мост, соединявший болгар в родных землях и на преуспевшей в культуре чужбине. После этого в Болгарии начали свершаться просто невероятные по своей стремительности сдвиги: появились переводная западноевропейская и собственная “новая” светская литература, возникли драматургия и критика, были заложены основы национального театра, стали развиваться светская живопись и литография. Болгарский народ вновь проявил свою прямо-таки генетическую способность к чрезвычайно быстрому усвоению чужого культурного опыта. В период национального Возрождения получившие европейское образование болгарские писатели и живописцы (например, Л. Каравелов и Х. Цокев) сумели создать повести и картины, сопоставимые по своему уровню с лучшими творениями европейских авторов.

Однако в целом сравнение культуры болгарских земель со значительно более развитыми культурами других европейских народов было бы некорректным в историческом плане. По причине иноземного ига условия для продвижения вперед многих областей культуры в болгарских землях были крайне неблагоприятными. Разве мог, например, процветать болгарский национальный театр, если турки, греческие владыки и чорбаджи запрещали театральные постановки? Или как могли в Болгарии появиться дворцы при отсутствии национальных правителей и аристократии? Тем не менее созидательные силы народа сразу же реализовались там, где возникала возможность. Не было условий для строительства дворцов – возводятся напоминающие дворцы жилища богатых торговцев. Турки не позволяли сооружать в городах монументальные православные храмы – сказочно быстро вновь отстраивается Рильский монастырь, возрождаясь усилиями стекавшихся отовсюду почти трех тысяч строителей, изографов и резчиков по дереву. Последний факт еще раз говорит о том, что культурное движение болгар в эпоху национального Возрождения носило массовый характер.

Главной доминантой тогдашней культуры Болгарии являлась ее народность, которая мощными всплесками исторгалась из самых сокровенных глубин народной души. Это было время прилежного ученичества и гениальных самородков, составлявших цвет национальной культуры и ее соль. Верно оценить его можно только правильно выбрав точку отсчета. В сжатые сроки многие болгарские творцы, получив образование за границей, достигали европейского художественного уровня. Однако не они определяли лицо эпохи национального Возрождения. В Европе имелись сотни живописцев, равных Н. Павловичу, и десятки, превосходивших его. Но в XIX столетии в ней не было художника, подобного Захарию Зографу, осуществившему блестящий синтез средневековой иконописи и приемов современной живописи.

Аналогичным образом творения самоучки Колю Фичето народ справедливо ставил гораздо выше работ его более образованного последователя Генчо Кынева. Опора на народные традиции раскрепостила и творческий гений Христо Ботева. Именно благодаря громадной первозданной силе фольклора его поэзия стала явлением не только болгарской, но и мировой культуры.

Народные представления о красоте проникали и в недоступную для них раньше сферу церковно-религиозного искусства. Границы между “высокими” и “низкими” жанрами приобретали в нем все большую условность и зыбкость. Каноны средневекового искусства и народные идеалы красоты не вступали здесь в непримиримый конфликт и не вели к элементарному обмирщению сакрального. Они порождали невиданную прежде гармонию, которая сама становилась всеобщим каноном и нормой. О явных успехах болгарской культуры той эпохи свидетельствует их признание у соседей. Брациговские строители работали в Константинополе, а дебырские резчики по дереву выполняли заказы в Салониках и северной Греции. Работы врачанских мастеров высоко ценились в Румынии и Сербии, а тревненских – достигали пределов России. Искусность болгарских умельцев – “тяуров” вызывала восхищение даже у турок. Петр Гарка, например, создал десятки резных потолков в домах беев в Призрене, а в Самокове мастера из “неверных” были даже приглашены для росписи городской мечети.

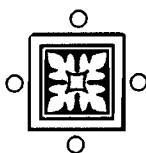
Главный итог развития болгарской культуры эпохи национального Возрождения, однако, заключается не в перечислении ее несомненных достижений. Он состоит в том, что за 120 лет болгарский народ сумел проложить тропинку от Средневековья к европейскому дереву познания. После избавления от турецкого гнета эта тропинка быстро превратится в столбовую дорогу и будет отмечена новыми культурными свершениями.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ангелов В.* Възрожденска църковна дърворезба. Семантичен анализ. София, 1986.
- Андреев В.Д.* История болгарской литературы. М., 1987.
- Арнаудов М.* Творци на българското Възраждане. София, 1969. Т. 1–2.
- Божков А.* Българско изобразително изкуство. София, 1988.
- Василиев А.* Български възрожденски майстори. София, 1965.
- Воробьев Л.* Любен Каравелов. М., 1980.
- Воробьев Л.* Христо Ботев. М., 1953.
- Гачев Г.Д.* Ускоренное развитие литературы. М., 1964.
- Динев П.* Възрожденски писатели. София, 1962.
- Иванова В., Коева М.* Пластическое богатство церковной резьбы по дереву в эпоху Возрождения. София, 1979.

- Калиганов И.И.* Из истории болгарской литературы и культуры (основные черты литературной жизни первых десятилетий XIX в.) // Славянские литературы в процессе становления и развития. М., 1987. С. 291–312.
- Калиганов И.И.* Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное Возрождение. М., 1982. С. 171–205.
- Каракостов С.* Българският Възрожденски театър на освободителната борба 1858–1878. София, 1973.
- Кожухаров Г.* Българската къща през пет столетия. Края на XIV век – XIX век. София, 1967.
- Леков Д.* Българска възрожденска литература. София, 1993. Т. 1–2.
- Львова Е.* Изобразительное искусство Болгарии эпохи национального Возрождения. М., 1975.
- Маврадинов Н.* Изкуство на българското Възраждане. София, 1957.
- Островский Г.* Захарий Зограф. Л., 1987.
- Очерки истории болгарской литературы XIX–XX вв. М., 1959.
- Смольянинова М.Г.* Болгарская литература // История литератур западных и южных славян. М., 1997. Т. II. С. 333–356, 600–624.
- Томов Е.* Възрожденски шампи и литографии. София, 1962.
- Топалов К.* Възрожденци. София, 1988, 1990. Ч. 1–2.
- Улунян А.А.* Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII–XIX вв. Библиографический словарь. М., 1996. Т. 1–2.
- Цапенко М.П.* Архитектура Болгарии. М., 1953. С. 178–236.
- Цончева М.* Българското Възраждане. София, 1962.
- Цончева М.* Искусство Болгарии // Всеобщая история искусств. Т. 5: Искусство 19 в. М., 1964. С. 387–393.
- Чемоданова М.Г.* Творчество Васила Друмева и становление болгарской национальной литературы. София, 1987.

ВЕНА В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ БОЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КОНЦА XIX – СЕРЕДИНЫ XX СТОЛЕТИЯ*

Подобно другим большим, прекрасным городам Европы, Вена обладает своим собственным обликом, который живет в сознании людей, даже если они в ней никогда не бывали. Точно так же и находившиеся под турецким игом болгары постоянно получали определенные знаки из Вены, которые окружали их в повседневном быту. Добившись в начале XVIII столетия от Турции благоприятных условий для торговли, Австрия наводнила своими товарами болгарские земли. Десятки австрийских пароходов спускались вниз по Дунаю, выгружая в Видине, Свиштове и Русе тысячи тонн груза, который переправлялся затем на внутренние рынки страны. Многие австрийские изделия, в первую очередь, часы, кофейные чашки, ткани, напильники, косы и гвозди, продавались в столь больших количествах, что понятие “венский товар” вплоть до 1878 г. (в котором страна избавилась от турецкого ига) использовалось для обозначения европейского товара в целом¹. И после обретения независимости мода на различные венские товары в Болгарии не убавилась. Большинство из них теперь можно было заказать по каталогу из Вены.

Атмосфера политической жизни Болгарии также была пропитана присутствием Вены. После освобождения страны от турок политическое и культурное влияние в ней Австро-Венгрии существенно возросло. В немалой степени этому способствовало восхождение на болгарский престол Александра Баттенберга – немца по рождению, сына австро-венгерского генерала, ставшего болгарским князем (1879–1886). Его симпатии к Вене не подлежат сомнению: после отставки и высылки из страны он обосновался в Граце и поступил на службу в австро-венгерскую армию. Его преемник князь Фердинанд Сакс-Кобург-Готский (1887–1918) взошел на болгарский трон благодаря

* Работа выполнена в 1996 г. на грант Австрийской академии наук в рамках австрийско-русского научного проекта. На русском языке публикуется впервые.

дипломатическим усилиям австро-венгерского правительства. Вена успешно теснила на Балканах своего соперника Россию, дипломатическая и политическая борьба между ними находила большой отклик в болгарской прессе. В ней, разумеется, уделялось внимание и другим европейским Великим силам – Англии и Франции, однако на первом месте почти всегда стояли Австрия и Россия.

После 1878 г. бывший турецкий провинциальный город София должен был превратиться в столицу европейского государства и приобрести надлежащие пышность и блеск. Значительный вклад в это внесли венские архитекторы и болгары, получившие образование в Вене. По нашим подсчетам, около половины зданий, построенных ими в период между 1875 и 1920 гг. в Софии, позднее были объявлены памятниками культуры. Два венца, Виктор Румпельмайер (1830–1885) и Фридрих Грюнангер (1856–1929), сыграли в формировании облика Софии столь же важную роль, как и итальянские архитекторы Варфоломей Растрелли и Карло Росси в Санкт-Петербурге. Они построили в Софии царский дворец, дом первого мэра города, Д. Ябланского (ныне китайское посольство), крупнейшую в Европе сефардскую синагогу, Духовную академию и др.² Появление великолепного здания Национального театра в Софии также связано с Веной: оно осуществлялось по проекту известного архитектурного дома Хелмер и и Феллнер, построившего в Европе ряд красивейших оперных театров. Истинным украшением города стали также Орлиный и Львиный мосты, скульптуры для которых отливались в Вене.

Определенным образом связывалась Вена в сознании болгар до 1878 г. и с распространением книг, изданных на болгарском языке. Трудности с собственным книгопечатанием в прошлом из-за противодействия турецких властей побуждали болгар пользоваться услугами зарубежных типографий. Больше всего книг на болгарском языке до 1878 г. издавалось в Константинополе, Бухаресте, Белграде, Москве и других европейских центрах, причем Вена играла среди них главную роль. Венские типографии издали для внутренних болгарских нужд свыше 300 наименований книг⁴. Большинство из них вышли в типографии австрийца Леопольда Соммера и книгопечатне болгар Христо Данова (1828–1911) и Янко Ковачева (1852–1926), располагавшейся первоначально на Райхсратсплац 2, а затем переместившейся на Флориангассе 11⁵. Издаваемые ими книги представляли собой преимущественно учебники. Они отличались отменным полиграфическим качеством и продавались по относительно доступной цене. Эти учебники служили многим поколениям болгар и способствовали расширению прослойки болгарской национальной интеллигенции. Полиграфические машины,

работавшие в венской книгопечатне Х. Данова и Я. Ковачева, впоследствии были перевезены в Болгарию и стали фундаментом для открытия типографий в Софии и Пловдиве.

Получившие знания в Вене специалисты пользовались в Болгарии большим уважением. Учеба там была мечтой многих честолюбивых болгарских юношей, желавших получить современное европейское образование. За период с 1878 по 1918 гг. в Вене было обучено свыше 1000 болгарских студентов – будущих художников, врачей, инженеров, историков, филологов и музыкантов⁶. Вена не только готовила для Болгарии замечательных специалистов, но и содействовала строительству основ болгарского языкознания⁷.

Таким образом, повсюду в Болгарии – в политических речах, в газетных статьях, в науке, образовании и искусстве, во время праздников и в будни – звучало “Вена”, “Вена”, “Вена”...

I.

Сила магического притяжения Вены была столь велика, что в ее орбиту втягивались не только реальные люди, но и порожденные творческим воображением литературные герои. В конце XIX в. известный болгарский сатирик Алеко Константинов (1863–1897) отправил в австрийскую столицу главного персонажа своих фельетонов – Бай Ганю. Это имя в Болгарии стало именем нарицательным и является олицетворением многих отрицательных качеств данного героя, дурная слава о котором перешагнула национальные границы. Образ Бай Ганю был создан писателем в 1894 г., и обогащался им от фельетона к фельетону. Он появляется перед читателями в различных обликах: мелкого торговца, депутата, издателя газеты, учредителя союза трезвенников, трибуна-демагога. Он все выше взбирается вверх по карьерной лестнице – неизменной остается лишь его отталкивающая суть с целым букетом отрицательных качеств. Бай Ганю крайне невежествен, жаден, груб, нахален, навязчив, циничен, подозрителен, недоверчив, двуличен. В характере героя нельзя обнаружить ни одной положительной черты, способной вызвать к нему читательскую симпатию.

Вот он появляется перед нами – широкоплечий, скуластый, черноглазый, черноволосый, хитро посмеиваясь и подкручивая кончики своих торчащих кверху усов. Он облачен в типичную для конца XIX в. одежду болгарского полукрестьянина – розничного торговца: длинный сюртук с жилеткой, широкие, заправленные в сапоги теплые брюки, на голове у него – островерхая меховая шапка “капак”, крепко сбитое тело опоясано широким матерчатым поясом “коланом”. Речь Бай Ганю испещрена шутками-прибаутками, обильно одобрена крепкими народными словечками и выражениями. Наш герой

предпринимает путешествие в Вену не ради знакомства с шедеврами европейской культуры, а заколотить деньгу продажей флакончиков с редким и дорогим тогда розовым маслом. В то время монополия на торговлю этим маслом принадлежала Константинополю, но отдельные болгарские торговцы не теряли надежды пробиться на европейский рынок через Вену⁷.

Алеко Константинов был много наслышан об австрийской метрополии, и поэтому венские реалии описаны им достаточно точно. Прибыв в Вену, Бай Ганю поселяется в отеле “Лондон”, известном среди болгар низкими ценами. Одно из главных качеств героя – недоверчивость – прорывается здесь буквально с первых его шагов. Бай Ганю и не думает выпускать из рук свои “дисаги” (переметные сумки), которые вежливо пытаются взять у него гостиничные носильщики для доставки багажа в снятый клиентом номер. Разве можно такое допустить! Ведь так могут пропасть драгоценные флакончики с розовым маслом, выпавшие из поля зрения их владельца. Именно поэтому Бай Ганю безвылазно сидит в номере, отменяя приглашения своего земляка прогуляться по красивым венским улицам. Не соблазняет его и предложение полюбоваться красотами Шенбрюнна или других знаменитых венских пригородов. Да и что там смотреть? Город как город, и венцы – люди, как люди: не лучше других и не хуже! Страхи и подозрительность Бай Ганю не пересилила даже гостиничная камера хранения, используемая гостями для хранения ценных вещей на время отсутствия. Кроме того, любая прогулка в городе оборачивается, хоть и мелкими, но нежелательными денежными расходами. Бай Ганю не терпит пустой траты денег. Скупость не дает ему пообедать в ресторане или выпить чашечку ароматного кофе – он питается всухомятку, извлекая домашние припасы из бездонных “дисагов”⁹.

Не устоял Бай Ганю лишь перед венским балетом. Соблазн поглазеть на полуобнаженных венских красоток побеждает в нем скупость, и он отправляется со спутником на постановку “Puppenfee”/ “Фея кукол”. Но и здесь Бай Ганю не расстается со своими флакончиками: они находятся в потайных кармашках, пришитых к его широкому “колану”. Именно они так сильно сдавливают тело Бай Ганю, что ему становится невмоготу. Поэтому в самый кульминационный момент представления наш герой снимает с себя пиджак, расстегивает жилетку и начинает распоясываться, вызывая своими действиями гомерический хохот публики. Бай Ганю пытаются вывести из зала, но он активно отбивается, апеллируя к своему сгорающему от стыда спутнику.

То, что Бай Ганю питает слабость к женскому полу и готов волочиться за каждой юбкой, становится ясным из нескольких эпизодов его венской эпопеи. На улице он не слушает своего спутника, тщетно старающегося обратить его внимание на статую императрицы Марии-Терезии. Он озабочен

совсем другим: толкает своего собеседника локтем, и, указывая глазами на проходящую мимо женщину, пыгается выведать как распознать, кто из венков “такая”, а кто нет. Если Бай Ганю дает волю зову плоти, то действует очень напористо и грубо. В кондитерской он нахально лапает и щиплет кассиршу, что вызывает у той страшное негодование. Оскорбленная девушка намеревалась вызвать полицию, и скандал удалось замять с большим трудом.

Бесцеремонность Бай Ганю наиболее ярко проявляется в другом венском эпизоде: “Бай Ганю в купальне”. Давно немый, пропахший кислятиной герой никак не может растолковать австрийцам, что ему пора помыться, ибо ни одного иного языка, кроме родного, он не знает. Разведав, однако, что болгары имеют обыкновение собираться в кафе “Мендель”, Бай Ганю направляется туда и, буквально выдернув из кресла первого попавшегося земляка, заставляет того проводить его в купальню. Ему наплевать на то, что у земляка могут быть в кафе свои собственные дела или же он заглянул туда, чтобы расслабиться, выпить кофейку или почитать болгарские газеты.

Эпизод в купальне примечателен не неуклюжим заигрыванием Бай Ганю с кассиршей или его страхом оставить в кабине раздевалки узелок со своей одеждой (в которой, разумеется, спрятаны флакончики с розовым маслом), а из-за проявившегося здесь самоощущения Бай Ганю от пребывания за границей: чувства собственной неполноценности, в котором наш герой никогда себе не признается. Это чувство сублимируется у него в подчеркнутое презрение к иностранцам или, наоборот, – выливается в нелепые, инфантильные поступки под девизом “Знай наших!” При виде мирно плескавшихся в бассейне австрийцев, наш герой сразу же решает себя показать: бросается с разбегу в воду “бомбочкой”, обдав посетителей брызгами, взлетевшими почти до потолка, бешено работает ногами, поднимая целые фонтаны воды и совершает энергичные круговые действия руками, изображая из себя колесный пароход, гудя при этом и посвистывая. Ошеломленные поначалу венцы быстро приходят в себя, и их возмущение постепенно сменяется состраданием к, вероятно, тронувшемуся умом бедняге. А торжествующий Бай Ганю с силой ударяет себя кулаком в волосатую грудь и победно вопит: “Булгар! Булга-а-ар!”

Давние споры болгарских критиков о природе характера этого литературного героя (национальным или социальным является он по своей сути) должно было решать время. Но уже в 1923 г. болгарский историк литературы Б. Пенев проницательно заметил, что черты характера Бай Ганю “можно встретить не только на Востоке”¹⁰. И фактически все мы – русские, немцы, поляки или французы, по крайней мере, хоть раз в жизни испытали чувство стыда за поведение своих собственных Бай Ганювцев за границей или дома.

Многие из болгарских современников Алеко Константинова обвиняли его в издевательствах над национальным характером. Его острая социальная сатира вызывала у них невероятную ярость. В 1897 г. писатель погиб от рук наемных убийц, не дожив до своего тридцатипятилетия.

II.

Среди крупных болгарских писателей XX столетия теснее всего был связан с Веной поэт Теодор Траянов (1882–1945). В этом городе прошла его молодость, он прожил в нем около трети своей жизни. Восхищение работами венских архитекторов в Софии, несомненно, повлияло на выбор Траяновым своей будущей профессии: он отправился в Вену, где в 1901 г. начал изучать архитектуру в Высшем техническом училище.

Вена сразу же покорила 18-летнего юношу, он влюбился в этот город с первого взгляда и называл его “омаен” (то есть чарующий, прекрасный, обворожительный)¹¹. После лекций он обычно бродил по городским улицам и окрестностям, жадно впитывая архитектурные образцы и обдумывая, каким образом можно соединить функциональность европейского искусства со славянскими национальными традициями¹². Во время учебы у него родилось много планов, проектов и архитектурных чертежей. Кроме того, он стал регулярно ходить на концертные представления. Благодаря отличной музыкальной памяти он знал наизусть партитуры многих музыкальных произведений и сразу же мог уловить сделанную исполнителем ошибку. Его рано умерший брат Стефан был талантливым, подающим большие надежды пианистом¹³. На контакты с другими учившимися в Вене болгарами у него практически почти не оставалось времени¹⁴. Кроме того, его удивляло, что они предпочитали развлекаться в Гринциге, Максимилианкеллере и других шумных кафе, не испытывая желания познавать “другую” Вену¹⁵.

Он любил немецкий язык, отточил свое венское произношение до совершенства и элегантно оперировал сложнейшими языковыми конструкциями. Интерес к архитектуре у Теодора не ослабевал: он успешно сдавал экзамены и, если бы не овладевшая им страсть к словесному искусству, вероятно, бы стал весьма известным архитектором. Не исключено, что интерес к литературе пробудился в нем в результате посещений столичных кафе. Венские кафе той эпохи были заведениями особого рода. В них можно было познакомиться со свежими газетами и журналами, купить открытки, сыграть в шахматы, получить почту и даже отдать в срочную стирку и глажку свою одежду, получив взамен на пару часов халат. Скорее всего, Траянов отправился впервые в одно из венских кафе, чтобы помериться силами с кем-либо из шахматистов, потому что отлично играл в шахматы¹⁷.

В бытность студентом Траянов много времени проводил в кафе “Мендель” и “Центральное”. Находящееся на Герренгассе кафе “Центральное” служило в те годы местом сборищ венской литературной богемы¹⁸. Здесь встречались такие известные личности, как Петер Альтенберг, Артур Шницлер, Герман Бар, Гюго фон Гофмансталь, на которых, разумеется, не мог не обратить внимание Траянов. Сейчас трудно и даже невозможно установить, сумел ли он сразу установить с ними контакт. Но даже если таковой и состоялся, вряд ли он был достаточно тесным и равноправным. Не следует забывать о существенной разнице в возрасте между безвестным девятнадцатилетним болгаринцем и представителями “Молодой Вены”: в начале XX в. Бару и Шницлеру было уже под сорок, маститому Альтенбергу за сорок, а самому молодому из них, Гофманстально, около тридцати лет. К тому же, Траянов еще не владел так блестяще немецким языком, как позднее. Более вероятно, что реальный контакт с ними – не дружеский, а скорее на интеллектуальной основе – возник у него лет через десять, когда он уже заявил о себе как о поэте.

Любовь к слову неизбежно влекла за собой страсть к книгам, расходы на приобретение которых превышали скромные возможности студента. Он был вынужден подрабатывать ремеслом журналиста, публиковался в *Новой Свободной прессе*, познакомился с мэтром австрийской журналистики Морицом Бенедиктом. Денег, однако, не хватало, и порой он утолял голод, лишь благодаря кредиту доброжелательных владельцев венских кафе. В самом крайнем случае он отправлялся в кафе на Кертнерштрассе, где понимающая все без слов пожилая официантка Мицка, уловив голодный блеск в его глазах, молча ставила перед ним стакан горячего молока с булочкой, не спрашивая о деньгах²⁰.

На каникулы он чаще всего ездил домой, приводя в восторг родных и близких венскими конфетами и шоколадом “Штольверк”. Он жадно читал болгарские литературные новинки, посещал редакции известных софийских журналов.

Растущий интерес Траянова к литературе постепенно отодвинул на задний план его увлечение архитектурой; пропуск нескольких экзаменов стоил ему диплома. Более важным представлялись ему другие вещи – публикация первого стихотворения “Новый день” в журнале “Художник” и чуть позднее – цикла из 11 стихотворений под названием “Via dolorosa” в журнале “Наш живот”/“Наша жизнь” в 1906 г. Ряд критиков заговорил о нем, как о зачинателе болгарского символизма²¹. В этом же году появляются и другие циклы его стихотворений и происходит важное событие: знакомство с Хеленой Петер – его будущей женой. Очевидно, они встретились впервые в кафе “Ландесгерих”, где он часто играл в шахматы. Упомянутое кафе посещали

главным образом судебные чиновники и врачи, и принадлежало оно будущей теще Траянова. В тот период финансовое положение семьи Петеров, видимо, было неважным, так как они спустя небольшое время продали свое кафе, и открыли неподалеку новое кафе “Флориани” – неплохое, но уступавшее прежнему по роскоши. Теодор тогда уже был обручен с Хеленой и успел подружиться с А. Кютелем – интеллигентным врачом, ставшим затем его деверем²². После этого Петеры переехали в третий раз на Вейрингергассе и открыли кафе в том же доме, где и поселились. Для молодой семьи Траяновых сняли квартиру в Луизенгассе 23, 24 или 25 (ныне Момзенгассе)²³ в том же районе. Здесь в 1907 году у них родился первый ребенок, сын Васил. В последствии Траяновы переселились на Викторгассе 25/8, где прожили почти четверть века²⁴.

Рост расходов после прибавления в семье, разумеется, не мог покрываться родителями Хелены. Едва ли надеялся Траянов прокормить семью и на гонорары за свои стихотворения. На жизнь он начал зарабатывать, как и в студенческие годы, журналистикой. “Колесо жизни” завертелось все быстрее. Он трудился сотрудником “*Abendpost*”/“*Вечерней почты*”, публиковал статьи в “*Neuen Wiener Journal*”/“*Новом Венском журнале*” и в “*Neuen Freien Presse*”/“*Новой Свободной прессе*”²⁵, не прекращая заниматься поэзией. В Болгарии появляются новые сборники его стихов: “*Regina mortua*” (1909) и “*Химни и балади*”/“*Гимны и баллады*” (1912). Вероятно, именно в это время он познакомился с поэтом Александром Рода-Родой. Ему также удавалось время от времени забегать в кафе “Колшитски” сыграть в шахматы или выпить чашечку кофе.

Большие перспективы для доступа к литературным, издательским и общественным кругам открылись перед Траяновым после назначения его на должность пресс-атташе в болгарском посольстве. Его возможности все более увеличивались по мере развития его дипломатической карьеры: назначение его третьим секретарем, вторым секретарем и первым секретарем посольства, а затем и поверенным в делах. Будучи дипломатом, он вращался в высших кругах венского общества. В числе его близких знакомых находились Фридрих Фундер – издатель и главный редактор правительственного печатного органа “*Die Reichspost*”/“*Государственная почта*”, Ганс Либштекль – главный редактор литературного журнала “*Die Bühne*”/“*Сцена*”, Карл Краус – редактор журнала “*Fackel*”/“*Факел*”, барон Эренталь – министр иностранных дел Австро-Венгрии, барон Гизель-Гезлингер – один из высших австрийских офицеров и др. Многие из них посещали также дом молодого дипломата Траянова²⁶.

Уже будучи признанным поэтом, Теодор Траяном вступил в переписку с Райнером Марией Рильке, сблизился с писателем и драматургом Антоном

Вилджаном, который свое время являлся директором городского театра. Дружеские отношения связывали его и с жившим в Вене швейцарским поэтом и переводчиком И. Ихсмюллером. Тогда же появляются и первые переводы стихов Траянова на немецком языке. Они были делом рук его близкого друга, поэта А. Роды-Роды, который включил их в антологию болгарской поэзии, вышедшую под названием “*Das Rosenland*”/“*Страна роз*” в 1918 г. в Лейпциге²⁷. В те годы любимым кафе Траянова стал “*Herrenhof*”/“*Господский двор*”, под крышей которого собиралась вся венская литературная элита.

Не порывал Траянов и со своим увлечением музыкой. Он поддерживал в Вене дружеские связи с дирижером Феликсом Вейнгартнером и Густавом Малером²⁸. Теодор даже решил попробовать свои силы в музыкальной инсценировке. Вместе с молодым болгарским композитором Д. Караджовым он осуществил постановку сказки-пантомимы Оскара Уайльда “*Счастливый принц*”. Премьера состоялась 5 апреля 1914 г. на сцене театра *Народная опера* и выдержала затем 14 представлений²⁹. В посвященной премьере рецензии писалось, что постановка не только была тепло принята публикой, но и снискала у нее шумный успех³⁰. Эта постановка надолго запомнилась директору Народной оперы Карлу Лустигу-Прину, который в течение многих лет регулярно посылал семье Траяновых приглашения на все премьеры³¹. Между тем в Болгарии вышел новый сборник стихотворений Траянова “*Български балади*”/“*Болгарские баллады*” (1921), принятый болгарской критикой с большим воодушевлением.

Поэтические успехи Траянова составляли резкий контраст с его личной жизнью. Победы и поражения поэта не интересовали его жену Хелену. Разделяющая их пропасть становилась все более непреодолимой. Недоразумения начались сразу же после бракосочетания: осуждение Траяновым политики императора Франца Иосифа и предсказание им крушения австрийской монархии вызвали у консервативных родителей жены настоящий шок³². Даже рождение второго и третьего ребенка (Иванка, 1914 и Асен, 1917) не смогли укрепить семью и предотвратить ее разрушение. Поэт все больше времени проводил в кафе, все чаще ночевал у друзей или даже в отеле³³. Командировка в Монтре (Швейцария) по распоряжению Министерства иностранных дел Болгарии и работа в качестве торгового советника во Вроцлаве (1921–1922) лишь не надолго оттянули неминуемую развязку. После политического переворота 1923 г. в Болгарии Траянов был уволен с дипломатической службы. Ему пришлось покинуть семью в Вене и возвратиться на родину.

Таким образом, начался софийский период его жизни, наполненный нищетой, лишениями и денежными затруднениями. Большую часть своих

редких и скудных доходов Траянов отсылал на содержание детей в Вене, не имея возможности забрать их к себе. Сам он обитал в крохотной съемной комнатке, куда не проникали лучи солнца. Поэтому Траянов стремился бывать в ней как можно меньше: большую часть времени он проводил в кафе “Царь-Освободитель”, “Роял”, “Европа”, “Кристалл”. Здесь он встречался с собратями по перу, поклонниками своего таланта и начинающими авторами.

Как и в Вене, оживленные разговоры здесь велись за чашечками кофе и под смакование сигарет. К двум только вещам никак не мог привыкнуть Траянов: отсутствию кредита для завсегдаев кафе – бедствующих литераторов и неприветливости официантов. Представить такое в Вене было попросту невозможно, и Траянов повел систематическую обработку официантов, чтобы привить им венское отношение к постоянным клиентам. Наконец, в кафе “Царь-Освободитель” ему удалось “овенизировать” одного официанта по имени Коста, который начал отпускать в кредит безденежным писателям горячий шоколад с булочками. Но триумф Траянова длился недолго, и виной тому стал пробравшийся в кафе бездомный пес. Дрожа от холода, он забился под стол, за которым сидели поэт с другом. Они не только не выдали присутствия пса при появлении официанта, но и промолчали даже тогда, когда тот подобрался к подносу с пирожками и мигом слопал добрую половину из них. После того, как это вскрылось, владелец кафе организовал на пса настоящую облаву с переворачиванием стульев, но тому удалось благополучно улизнуть. И тогда гнев хозяина перенесся на Траянова с его приятелем, хотя оба они божились, что ничего не видели и не слышали. Неприятную обстановку, разрядил, к счастью, “овенезированный” официант Коста. “Оставь их, Бай Иван,” – обратился он к владельцу кафе, – “Разве ты не понимаешь, что улизнувшая дворняга – такой же “песатель”, как и эти двое. Поэтому они его и покрывают!” Все кафе грохнуло от смеха. Инцидент был исчерпан, но Траянову пришлось после этого перебраться в холодное неотопливаемое кафе “Опера”³⁴.

Это был один из немногих занимательных эпизодов его софийской жизни. В целом же она проходила безрадостно, серо и уныло. Поэт тосковал по Вене и жадно расспрашивал о ней возвращавшихся оттуда друзей и знакомых. Тоска по обворожительной Вене, где прошла его молодость, наверняка, содержалась в письмах поэта к детям, но эта корреспонденция, к сожалению, не сохранились. Дочь поэта Иванка Траянова в ответ на наш телефонный запрос, сообщила, что письма ее отца погибли во время Второй мировой войны в Линце.

Теодор Траянов снова увидел Вену только 20 лет спустя проездом в Веймар. В ней он застал только сына студента Асена – остальные члены

семьи уехали из Вены задолго до этого. Позже сын вспоминал, как изо дня в день отец уходил из квартиры ранним утром и возвращался к полдню, и, отдохнув, опять отправлялся бродить по дорогим сердцу местам³⁵. Однако кому удалось вернуться в молодость в шестьдесят лет?

На обратном пути из Веймара Теодор Траянов еще раз останавливался в Вене, чтобы попрощаться с ней через несколько дней уже навсегда. Ему оставалось жить еще три года: он умер в Софийской больнице в январе 1945 г. от опухоли мозга. Писатель К. Гылыбов вспоминал: “Теодор был настоящим дитем Вены, где прошла его молодость, но дитем Вены культурной ... Вены поэзии, музыки, живописи, архитектуры. Именно эту Вену, и особенно ее архитектуру, он любил неувядаемой любовью. Тысячи раз видел он собор св. Стефана, ратушу, парламент, Карлову церковь, Бельведер или Шенбрюнн, и все же, если мы гуляли с ним по городу, он говорил о них с таким воодушевлением, будто видел их впервые. Он был влюблен в прекрасные Венские пригороды, и особенно, в Леопольдсберг, откуда открывался незабываемый вид на Дунай. И когда мы однажды зашли в связанный с именем Бетховена Хафнерхауз, он тотчас же обнажил голову, словно мы находились в храме, словно мы приблизились к алтарю”³⁶.

III.

Венские страницы в биографии болгарских писателей имеют различное звучание: праздничное и будничное, веселое и грустное, героическое и трагическое. В качестве примера можно вспомнить о нескольких приездах в Вену поэта Пейо Яворова (1878–1914), которые, как правило, становились своеобразным прологом к трагическим событиям в его жизни. Он вошел в болгарскую литературу как поэт яркой творческой судьбы и глубокой личной трагедии. В начале творческого пути его остро волновала тема социальной несправедливости, он создал талантливые стихотворения о тяжелой участи крестьян (“*На нивата*”/“*На ниве*”, “*Градушка*”/“*Град*” и др.), которые вошли затем в школьные учебники и знакомы каждому грамотному болгарину. Затем Яворов обратился к эстетике символизма и стал одним из признанных мэтров этого течения. Интерес к символизму в значительной мере был связан с любовью Яворова к поэзии Поля Верлена и Анри Ренье, усилившейся после его поездок во Францию и Швейцарию. Путь поэта на Запад лежал через Вену.

Впечатления от первой поездки Яворова за границу отражены в его очерке “*В тренът*”/“*В поезде*”, опубликованном в 1904 г. в журнале “*Мисъл*”/“*Мысль*”³⁷. Во время поездки поэт, возможно бы, скучал, не встретить он в венском поезде госпожу Анну Карима – эмансипированную

болгарку с манерами Жорж Санд. В этом очерке возникает и другой персонаж – болгарский студент Торговой академии. Все в этом студенте – хитровая улыбка, то, как он взял предложенную ему сигарету, его страхи, что ему не хватит места в машине, приводило Яворова к выводу, что перед ним – достойный сын Бай Ганю – печально известного литературного героя Алеко Константинова.

Три дня, проведенные Яворовым во время своего первого визита в Вену (16–18 июня 1904 г.), были счастливыми и беззаботными. Поэт остановился в отеле “Хаммеранд” и совершил незабываемые прогулки по австрийской столице: он посещает музеи, Пратер и другие городские достопримечательности. Вена привела его в состояние полного восторга. “Вчера и сегодня я осматривал здешние чудеса”, – пишет он 17 июня своему деверю Николе Найденову в Чирпан³⁸. На следующий день Яворов отправился в Инсбрук, где целый день посвятил любованию красотами Тироля, и проследовал затем в Женеву³⁹.

После первой встречи Яворова с Веной прошло немало лет, и они были очень богаты различными событиями. Вышел первый сборник его стихотворений “Бессоница” (1906), который был охарактеризован критикой как манифест болгарского символизма. Он опубликовал множество рецензий, в том числе на пьесу “Профессор” Германа Бара, – “одного из лучших, – по его мнению, – представителей современной драмы”⁴⁰. Творчество Яворова развивалось по восходящей линии, и он сумел бы очень много сделать, если бы не роковые встречи с двумя прекрасными женщинами. Именно с ними и были связаны два его последующих визита в Вену.

Первую из них – шестнадцатилетнюю Мину Тодорову, сестру известного писателя Петко Тодорова – он встретил впервые 25 марта 1906 г. Она стала для него его музой, его “белой лилией”. Яворов посвятил ей лучшие свои стихотворения: “Благовещение”, “Прекрасные глаза”, “Волишебница”, “Ты будешь в белом” – истинные шедевры болгарской любовной лирики. Мина Тодорова была не просто прелестной девушкой, но и подающей надежды поэтессой: она опубликовала цикл своих стихотворений под заголовком “Силуэт” в журнале “Художник”. Яворов и Мина прекрасно подходили друг другу, но семья девушки не одобряла их взаимоотношения и послала ее на учебу в Париж. Там Мина заболела неизлечимым тогда туберкулезом и стала медленно угасать. Яворов отправился в Париж, чтобы проститься с любимой, но его к ней не допустили родственники. Он увидел ее в последний раз уже мертвой на отпевании в парижской Русской церкви 14 июля 1910 г.⁴¹ Путь поэта в Париж опять лежал через Вену, где он только переночевал. В состоянии душевного потрясения он посылает своей сестре в Болгарию короткое

сообщение, составленное из бессвязных фраз⁴². Он путает даже дату, написав 7 июня, вместо 7 июля 1910 г.

Известную софийскую красавицу Лору Каравелову, которая удостоилась внимания царя Фердинанда Сакс Кобург Готского, он встретил в августе 1906 г. во время прогулки в расположенный у подножия горы Витоши живописный Драгалевский монастырь. Прошло несколько лет, они повстречались вновь в Париже у могилы Мины, и между ними неожиданно вспыхнула любовь. Однако заключенный в сентябре 1912 г. брак быстро исчерпал себя эмоционально, начались ссоры, скандалы, дикие сцены ревности, которые в конце ноября 1913 г. привели к самоубийству Лоры. Потрясенный смертью жены Яворов также решил покончить с собой: он выстрелил себе в висок, но глупая пуля прошла навывлет, повредив лишь глазной нерв, но не принесла ему освобождения – смерти. После этого жизнь Яворова превратилась в сплошной кошмар: людская молва обвинила его в убийстве жены, отношения с ним порвали родственники Лоры, многие его знакомые и близкие. Общественное мнение подвергло его остракизму, он лишился должности главного драматурга Национального театра и практически остался без средства. Вокруг Яворова образовался вакуум, подступала слепота, причем заключение софийских врачей было неутешительным: прогрессирующая атрофия зрительного нерва с полной потерей зрения в будущем. Его лечащий врач Сарафов, скорее для профилактики, посоветовал ему обследоваться в Австрии, дав рекомендательное письмо к жившему в Вене светилу – специалисту по глазным болезням, профессору Фридриху Диммеру. В письме Сарафова ставился точный диагноз, сопровождаемый небольшим добавлением: “При таких обстоятельствах мало что можно сделать, и пациенту ради утешения остается лишь обследоваться и у наших учителей”⁴³. Яворов занимает деньги и в сопровождении своего друга и благодетеля, доктора К. Крыстева в третий и последний раз едет в Вену. В венской прессе появилась короткая заметка о его приезде и были опубликованы первые переводы его стихотворений⁴⁴.

22 марта 1914 г. поэт ступает на платформу Восточного вокзала австрийской столицы. Наняв фаэтон, он едет со своим спутником в болгарское посольство, через которое связывается с учившимися в Вене болгарскими студентами Крыстю Миятевым и Иваном Велковым (оба эти юноши станут затем известными учеными: первый – профессором филологии и истории Софийского университета и будет избран академиком, а второй – Директором Археологического музея)⁴⁵. Благодаря их помощи Яворов снимает удобное временное жилье на Шлессельгассе у симпатичного пожилого венца. Во время пребывания в столице Яворов часто совершает прогулки по улицам в сопровождении Николая Велева – болгарского студента

венского Политехнического Института. Поэт не снимает черные очки, он не в состоянии самостоятельно пересекать улицы, его страшно пугает грохот колес на трамвайном Кольце. Иногда они заходят в кафе на углу Альзерштрассе и Лангегассе – излюбленное место встреч болгар в Вене. Однажды они сталкиваются на улице с Теодором Траяновым, тот дружески их приветствует, но не останавливается, спеша куда-то по своим бесчисленным делам.

Консультация у профессора Диммера в его клинике, расположенной во дворе аристократичного здания на Райхсратштрассе 15, состоялась сразу же по прибытии Яворова в Вену. Не исключено, что он обратился также к другому светилу венской медицины – профессору Майлеру, преемнику знаменитого профессора Фуха на кафедре глазных болезней. Но едва ли поэт мог услышать от обоих светил нечто для себя утешительное. После оглашения приговора для Яворова погас последний проблеск надежды. Полная слепота, одиночество и людское осуждение – вот, что уготовила ему судьба на ближайшее будущее. Единственным выходом для него оставался уход из жизни. Поэт простился с австрийской столицей 29 марта 1914 г.⁴⁶

Прежде, чем уйти из жизни, он решил навести порядок в своих делах: систематизировал личный архив, составил завещание, написал прощальные письма родственникам и друзьям. Поэт завершил свой жизненный путь 16 октября 1914 г. Чтобы исключить прежнюю ошибку, Яворов совершил двойное самоубийство: принял яд, а затем выстрелил себе в рот. Последним его пожеланием было упокоение в одной могиле вместе с Лорой.

Драма Яворова стала символом любви и трагедии. Вскоре после самоубийства Яворова Александр Рода-Рода организовал в зале “Урания” чтение избранных переводов из болгарской поэзии, среди которых находилось и несколько стихотворений Яворова. В своем выступлении Рода-Рода произнес о поэте следующее: “Будь он сыном большой нации, его сравнивали бы с Гете и Гейне. Он жил, творил и умер как поэт”⁴⁷.

IV.

Болгары прибывали, однако, в Вену, не только для учебы, консультаций у знаменитых венских врачей или любования красотами города. В тридцатые годы здесь было создано отделение заграничного бюро Болгарской Коммунистической Партии, которое занималось нелегальной переброской болгарских коммунистов из Москвы в Болгарию. Иван Хаджидимов (1915–1938) был занят этой работой почти два года. Из этого одаренного юноши мог бы получиться неплохой философ, критик или публицист. Его первая рецензия о творчестве писателя Георгия Караславова была написана им, когда ему было всего восемнадцать лет⁴⁸. Однако Иван Хаджидимов избрал для себя

путь профессионального революционера. С этого момента его жизнь походила на детективный роман: столкновения с профашистски настроенным одноклассником, участие в конспиративных сходах коммунистов, попадание в поле зрения полиции, первый арест и побег. Благодаря помощи “Его Величества Случая” он отрывается от следующих за ним по пятам полицейских шпииков и благополучно пересекает границу.

Хаджидимов обосновывается сначала в Праге, где решает получить техническое образование. Но уже в 1935 г. он перебирается в Вену и продолжает учебу в Техническом институте, живя на Иоганна Штраусагассе 40. Здесь он снимает комнату вместе с болгарским студентом, ничего не подозревающим о нелегальной деятельности своего соседа⁴⁹.

Венский период жизни Ивана Хаджидимова полон невзгод и испытаний: язва, хроническое истощение, постоянный страх перед разоблачением. Но он преодолевает их благодаря невероятной воле в борьбе против фашизма и завладевшей им фанатичной идее о построении коммунистического рая на земле. Острый дефицит денег несколько смягчается благодаря продаже Иваном своей софийской квартиры, которую он выиграл в лотерею. Но в целом все его двухлетнее пребывание в Вене – ежедневное хождение по лезвию бритвы.

Соратник Богдан Веселинов вспоминает об одной встрече с Иваном Хаджидимовым в Вене, которая чуть не завершилась провалом. Веселинова отправили из Праги в Вену с двумя чемоданами, набитыми нелегальной литературой. Ему удалось благополучно доставить запрещенный груз в Вену, но на вокзале среди встречающих Ивана почему-то не оказалось. Перрон быстро опустел, но связной все никак не показывался. И тут к ужасу Богдана возник полицейский, который начал допытываться у него, что он делает здесь со своим багажом. Подозрительность полицейского была вполне закономерна: незадолго до этого фашисты убили австрийского канцлера Дольфуса, и в стране ввели военное положение. Богдан начал сочинять легенду о том, что едет в Болгарию и хочет провести в Вене несколько дней, но его не встретил знакомый студент. В этот момент появился Иван, который при виде полицейского замедлил шаг, лихорадочно соображая как ему поступить в такой ситуации. Только когда Богдан радостно замахал рукой, он подбежал к другу, и они обнялись.

Позже Иван объяснял, что его опоздание произошло из-за стечения невероятных обстоятельств. Он приехал на вокзал вовремя, до прибытия поезда, но по прошествии нескольких минут заметил, что встречающие о чем-то перешептываются, указывают на него глазами, а затем начали вокруг него собираться. Из-за плохого знания немецкого языка он не мог понять

причину таких странных действий. В конце концов, некоторые из окружающих его людей стали протягивать ему свои записные книжки со словами: “Не дадите ли Вы нам свой автограф, господин Шмеллинг”. Иван начал отказываться, уверяя просителей, что они ошиблись, но те не отставали. Опасаясь провокации, он спасся бегством, выбежав из здания вокзала и вскочив на подножку проезжавшего мимо трамвая. Только потом, обдумав случившееся, он понял, что его приняли за знаменитого боксера Макса Шмеллинга. Нелепая ошибка могла обернуться для него столь же трагично, как и для одного болгарского коммуниста, посланного из Москвы в Вену. Его задержали при почти анекдотичных обстоятельствах. После успешного пересечения границы он решил избавиться от фальшивого паспорта. Запершись в туалете венского кафе, он бросил клочки изорванного паспорта в унитаз, но вот спустить их в канализацию ему никак не удавалось. Порции воды из смывного бачка каждый раз оказывалось маловато. Ох, уж эти экономные венцы! Подозрительно долго засидевшегося в туалете болгарского революционера, к тому же непрестанно спускавшего в унитаз воду, задержала австрийская полиция.

Бесконечные стрессы, нервное напряжение и постоянное недоедание подорвали здоровье Ивана Хаджидимова. В 1936 г. он возвратился в Прагу, но так и не сумел завершить учебу. Спустя два года он умер в возрасте 23 лет от туберкулеза.

* * *

Окидывая взглядом болгарскую литературу и перелистывая “венские страницы” жизни и творчества болгарских писателей, можно установить, что они Вену часто посещали, иногда подолгу здесь жили, но о самом городе почти ничего не писали. Это странное обстоятельство следует объяснять, по нашему мнению, двумя причинами. В период национального Возрождения и на протяжении нескольких последующих десятилетий болгарские писатели занимались, прежде всего, своей собственной страной и жили преимущественно ее собственными проблемами. Любовь к родному болгарскому языку, родному национальному быту, к родной “болгарщине” была у них настолько сильна, что не оставляла места для воспевания чего-либо “иностранного”. Ведь даже само слово “иностранный” звучит на болгарском языке как “чуждый”, то есть “не наш”, “далекий от нас”. Если об иностранном все же писалось, то, главным образом, только ради того, чтоб не повторять чужие ошибки в собственном национальном развитии.

Другая причина непосредственно связана с самой Веной и кроется в неповторимости этого города как культурно-исторического и социально-

этнического феномена. Будучи столицей для многих европейских народов, Вена в XIX – первом двадцатилетии XX в. сформировала особую “венскую расу”, вобравшую в себя отличительные черты многих соседних народностей: жизнерадостность, уживчивость и мягкость южного немца; французскую остроту ума, впечатлительность, повышенную восприимчивость, сообразительность и подвижность; славянскую склонность к грустной меланхолии и ленивому созерцанию, мягкое благодушие, расплывчатость желаний и стремлений и веру в спасительное “авось”, некоторую безалаберность и разгильдяйство; мадьярскую страстность и любовь к безудержному веселью; польскую гибкость и изнеженность, мягкую вкрадчивость, склонность к романтике и рыцарству; итальянскую любовь к изящному и красивому и тонкую артистичность⁵¹.

Болгары чувствовали себя в Вене как дома⁵², они погружались в ее дружескую атмосферу с головой и растворялись в ней без остатка. При этом неизбежно утрачивалась граница между “своим” и “чужим”. Наверное, именно поэтому болгарские писатели не брались за перо, чтобы запечатлеть свои чувства к Вене на бумаге. Ведь о столице другой страны обычно пишут только тогда, когда она являет собой резкий контраст тому, что чувствуешь на родной земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Юрданов Ю.* История на българската търговия до Освобождението. Кратък очерк. София, 1938. С. 153, 218 и др.

² *Труфешев Н.* Монументалните изкуства и архитектура в България. София, 1968. С. 21, 32, 33, 41–45, 50, 57, 70, 73, 94.

³ Народен театър “Иван Вазов”. Реставрация, реконструкция, развитие. София, 1976.

⁴ *Кутинчев С.* Печатарството в България до Освобождението. Принос към културната история на България. София, 1920. С. 188, 231 и др.

⁵ Там же. С. 168.

⁶ *Bachmaier Peter.* Die Bedeutung Wiens für die bulgarische studierende Jugend 1878–1918. Wegenetz europäischer Geistes II. Universitäten und Studenten. Wien, 1987. S. 346.

⁷ Например, в языкознании. См. *Мурдаров В.* Виена и началото на българската езиковедна наука. София, 1988.

⁸ В качестве подобного “промоутера” пытался даже выступать будущий ученый и просветитель Найдено Геров (1823–1900). См. *Ю. Юрданов.* История ... С. 238.

⁹ *Константинов А.* Бай Ганю // Съчинения. Т. 1. София, 1989. Здесь и далее см. С. 21–29.

¹⁰ *Пенев Б.* Превръщенията на бай Ганя // “Златорог”. София, 1923. С. 24.

¹¹ См. *Стефан Василев* // Кирил Христов, Димитър Бояджиев, Теодор Траянов в спомениите на съвременниците си. Под ред. на Борис Делчев и Симеон Султанов. София, 1969. С. 539.

¹² См. *Асен Траянов* // Кирил Христов ... С. 486.

- ¹³ Балабанова В. Теодор Траянов и музиката // Теодор Траянов. Нови изследвания. Под ред. на Стоян Илиев, Здравко Петров и Христо Йорданов. София, 1987. С. 205.
- ¹⁴ По данным П. Бахмайера, в начале XX в. в Вене обучалось значительное количество болгарских студентов, однако никто из них не оставил о Траянове воспоминаний, так же как и он о ком-нибудь из них. См. *Bachmaier Peter. Die Bedeutung ...* S. 360.
- ¹⁵ См. *Крум Траянов* // Кирил Христов ... С. 480.
- ¹⁶ *Singer Herta. Im Wiener Kaffehause. Wien, 1959; Johnston M. The Austrian Mind // An Intellectual and Social History. 1848–1938. University of California Press. Berkely. 1972. P. 119.*
- ¹⁷ Балабанова В. Теодор Траянов. Литературни анкети. София, 1980. С. 8.
- ¹⁸ *Varea Ilsa. Vienna. Legend and Reality. London, 1966. P. 328.*
- ¹⁹ Фигуры этих личностей, по воспоминаниям большинства современников Траянова, часто всплывали в его рассказах о Вене.
- ²⁰ См. *Гълъбов Константин* // Кирил Христов ... С. 504-505. Возможно, речь шла о кафе “Мендель”, которое находилось на этой же этой улице. См. *Иван Николов ...* // Кирил Христов ... С. 568.
- ²¹ См. *Стефан Василев ...* С. 530.
- ²² См. *Асен Траянов ...* С. 487.
- ²³ Там же. С. 488. К сожалению, сын поэта Асен Траянов не мог вспомнить точный номер дома.
- ²⁴ Там же. С. 486.
- ²⁵ *Табаков А. Теодор Траянов. Нови изследвания. С. 222; Асен Траянов* // Кирил Христов ... С. 487.
- ²⁶ См. *Асен Траянов* // Кирил Христов ... С. 489.
- ²⁷ *Alexander Roda Roda. Das Rosenland. Bulgarische Gestalter und Gestalten. Mit 23 Bildnissen. Gerbrüder Enoch. Hamburg-Leipzig, 1918.*
- ²⁸ См. *Асен Траянов* // Кирил Христов ... С. 491.
- ²⁹ *Табаков А. Теодор Траянов ...* С. 224. Литературовед З. Петров упоминает о 150-ти представлениях, что является опечаткой или результатом недоразумения. См. “*История на българската литература*”. Под ред. проф. С.Божков. Т. III. София, 1970. С. 824.
- ³⁰ Балабанова В. Теодор Траянов. Литературни анкети. С. 33.
- ³¹ См. *Иванка Траянова* // Кирил Христов ... С. 571.
- ³² Балабанова В. Теодор Траянов. Литературни анкети. С. 34.
- ³³ *Гълъбов К. Спомени весели и невесели за български писатели. Софии, 1959. С. 166.*
- ³⁴ Там же. С. 170.
- ³⁵ См. *Асен Траянов* // Кирил Христов ... С. 492.
- ³⁶ *Гълъбов К. Спомени весели ...* С. 167.
- ³⁷ *Яворов П. В тренът* // “*Мисъл*” 14/7 София, 1904. С. 349–358.
- ³⁸ *Найденова-Стоилова Г.П. П.К. Яворов. Летопис за живота и творчеството му. София, 1959. С. 225.*
- ³⁹ Там же. С. 225.
- ⁴⁰ “Галеото” и “Професорът” // “*Демократ*”. № 13 от 8 декабря 1905 г. С. 3. Рецензия была опубликована без заголовка в рубрике “*Театрални бележки*” / “*Заметки о театре*” под псевдонимом “*Отелло*”.
- ⁴¹ См.: *Л. Георгиев. П.К. Яворов. Романизирана монография. София, 1972. С. 247.*
- ⁴² *Пейо К. Яворов. Писма. Автобиографични материали // Събрани съчинения. Т. 5. София, 1972. С. 589, 591, № 590. Это сообщение было написано на цветной открытке с видом Вены.*
- ⁴³ *Найденова-Стоилова Г.П. П.К. Яворов ...* С. 646.
- ⁴⁴ См. “*Славянский век*”. Вена, 1904. № 75. Перевод одного из стихотворений на русский язык “*Дева, не люби меня*” был осуществлен Иваном Арнаудовым.

⁴⁵ *Кремер М.* Романът Яворов. София, 1983. Т. 2. С. 204–212.

⁴⁶ Там же. С. 223.

⁴⁷ *Найденова-Стоилова Г.П.* П.К. Яворов... С. 647 и др.

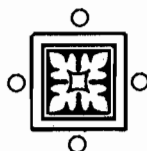
⁴⁸ См. рецензию “*Още за разказите на доктор Г. Караславов*” // “РЛФ”. № 119 от 27 февралю 1933 г. Рецензия подписана инициалами “И.Д.” – сокращенным псевдонимом Ивана Хаджидимова “Иван Делчев”.

⁴⁹ С копнеж и борчески порив. Сборник за Иван Хаджидимов. Спомени, статии, биография. Съст. *Дафина Хаджидимова, Васил Колевски*. София, 1979. Здесь и далее см. С. 142, 144, 210–221, 230, 233 и др.

⁵⁰ В частных беседах со мной покойный академик Петр Динев неоднократно высказывал мнение, что процесс литературного “Возрождения” в смысле овладения новыми для болгарской литературы поэтикой и темами продолжается и поныне.

⁵¹ *Звездич П.* Вена и ее население // Вена. Сборник-путеводитель с планом города и планами музеев. Сост. *Л. Беером, П. Звездичем, Н. Караваяевым (Л. Соколовским), И. Рейтнером, А. Тэзи, И. Штерном*. М., 1911. С. 8–10.

⁵² *Балабанова В.* Теодор Траянов. Литературни анкети. С. 29.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ “НЕРОВНОГО” ТВОРЧЕСТВА АНТОНА СТРАШИМИРОВА 10-Х–20-Х ГОДОВ XX В.*

Первая мировая война, в которой наряду с десятками других стран приняла участие и Болгария, не могла не отразиться в творчестве болгарских писателей. Большинство авторов заняли по отношению к войне пацифистскую позицию, осудили ее как средство для решения международных споров, открыли читателям ее людоедский лик. Но не все творцы смогли сразу же трезво и взвешено оценить разразившееся кровопролитие и вынести ему справедливый приговор. Ряд прозаиков и поэтов поначалу восприняли эту войну как возможный реванш для Болгарии после двух национальных катастроф, в результате которых она утратила часть своей территории и попала в унижительное положение перед своими балканскими соседями. В плену официальной милитаристской пропаганды и псевдопатриотических настроений оказалось немало болгарских писателей, в том числе такие известные творцы, как Иван Вазов, Антон Страшимиров, Кирилл Христов и некоторые другие. Первоначальные успехи болгарской армии, дававшие ей чрезвычайно легко, вызвали у них чувство эйфории и обострили желание служить строительству великой Болгарии писательским словом, отточенным и острым будто разящий солдатский штык. Но стремительная смена событий, нехватка времени на их осмысление и собственное самоподстегивание, чтобы не сбиться с шага, чаще всего порождали достаточно прямолинейные произведения, не отличающиеся высоким художественным уровнем.

Милитаристскую и псевдопатриотическую литературу подобного рода критик Г. Бакалов метко назвал “фельдфебельской”. Однако этот ярлык, к сожалению, неправомерно пристал и ко многим болгарским произведениям, которые ни по своему содержанию и ни по своей поэтике “фельдфебельскими”

---

* Основу статьи составил доклад автора, произнесенный на международном симпозиуме “Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян”, состоявшемся в 2004 г. в Москве.

не являются. В целом тему болгарского патриотизма в период Первой мировой войны литературоведы социалистической Болгарии обходили стороной по вполне понятным причинам. Углубление в эту тему и появление при ее анализе объективно положительных интонаций автоматически включали исследователей в круг буржуазных националистов и шовинистов, что грозило соответствующими оргвыводами. Ныне ситуация в корне изменилась: настало время отделения зерен от плевел тем более там, где ранее “веяльщик” опасался идеологически поскользнуться и потом уже не подняться. В этом смысле объективное “препарирование” ряда спорных произведений А. Страшимирова представляется своевременным и уместным. Надеемся, что оно вызовет интерес еще и потому, что большинства этих произведений в российских библиотеках попросту нет, а сам писатель известен у нас преимущественно как автор антифашистского романа “Хоровод” (1926), попутчик коммунистов и редактор прогрессивного еженедельника “Ведрина” (“Ясность”, 1926).

При рассмотрении спорных произведений А. Страшимирова 10-х–20-х годов XX в., на наш взгляд, важен анализ не просто содержания их текстов, а того, что стоит за ними и придало им специфическую направленность. На первый план здесь выдвигаются умонастроения, царившие в болгарском обществе накануне и в период Первой мировой войны. На протяжении трех лет до вступления в Первую мировую войну страна испытывала чувство национального унижения. В качестве наказания за межсоюзническую войну 1913 г. на Балканах болгары по заключенному в том же году Бухарестскому договору потеряли все земли, которые они только что отвоевали и которые, как уже казалось, были переданы ей навечно при полном согласии международных сил. Но у Болгарии вновь оказались отобранными Южная Добруджа, Македония и Одринская Фракия. Все многолетние дипломатические усилия и кровопролитные войны за справедливое решение территориальной проблемы, словно по воле злого рока, завершались ничем.

Наученная горьким опытом, ослабленная и униженная Болгария поэтому не сразу ввязалась в мировую драку. Первоначально она сохраняла нейтралитет, долго выжидала и присматривалась, взвешивая шансы на победу Антанты и Центральных держав и ведя закулисные торги с двумя сторонами о вознаграждении за присоединение к одной из них. Наибольший соблазн у болгар вызвали условия, предложенные Австро-Венгрией и Германией, что и склонило чашу весов в их пользу. После присоединения Болгарии к германскому блоку и вступления ее в войну осенью 1915 г. благоприятные для болгар события развивались словно по волшебству. Союзная Турция сразу же добровольно согласилась передать Болгарии земли по нижнему течению

реки Марица к западу от линии Энез – Мидье площадью более 2 тыс. км². Быстро была приращена к Болгарии и территория Южной и Северной Добруджи, вначале до Констанцы и Чарноводы, а затем и до устья Дуная. Они были отняты у Румынии в наказание за присоединение к Антанте, что было заранее согласовано в тайной военной конвенции между Болгарией и германским блоком. Кроме того, в августе 1916 г. болгарская армия заняла земли между реками Места и Струма с городами Сера, Драма и порт Кавала в Эгейском море. Закрепление Болгарии на этих территориях к концу 1916 г. означало для нее исполнение задач национального масштаба и вызывало у болгар состояние эйфории.

Первая мировая война для болгар не являлась сугубо империалистической и грабительской. Она служила средством для решения территориального вопроса, который предусматривал включение в границы державы земель, целиком или преимущественно населенных болгарами. Но говорить о ее справедливом освободительном характере было бы ошибкой. Территориальные аппетиты Болгарии стремительно росли по мере военных успехов. Правитель страны Кобург требовал передачи болгарам части Косова с Призреном и Приштиной, а также части Албании и грезил о водружении креста на куполе храма св. Софии в Константинополе. Генерал А. Протогеров, связанный с ВМОРО (Внутренней Македонско-Одринской Революционной Организацией), высказывал в Вене желание включить в болгарские границы Салоники и окружающую ее область, а премьер Васил Радославов вообще заявлял, что “болгарской будет та земля, на которую ступило копыто болгарского коня”¹.

Неоднозначной была ситуация и с бесспорными, на первый взгляд, болгарскими территориями. Претензии Болгарии на Северную Добруджу на основании якобы исторического права (существование здесь некогда древней Дунайской Болгарии) выглядели неубедительными за давностью события. Уязвимым при внимательном рассмотрении оказывался и принцип этнического права. Демографическая составляющая, как известно, величина переменная. После Крымской войны в Добруджу из Крыма, Кавказа и Кубани переселилось 100.000 татар и черкесов, которые сделали здесь этническим большинством². Бегство пришельцев и части турок в результате поражения Турции в войне 1877–1878 гг. значительно изменило этнические пропорции, но и тогда болгары занимали здесь по численности только третье место, уступая татарам и румынам. К началу XX столетия удельный вес болгар в Добрудже значительно снизился, ибо число румын возросло в ней почти в четыре раза по причине массовой колонизации ими плодородных добруджанских земель³.

Несколько лучше обстояло дело с Македонией, но и здесь не все было так просто. Несмотря на то, что население большей части этой географической области считалось болгарским, в ней имелись зоны не только компактного проживания болгарского этноса, но и разнородного этнического состава. Помимо македонских болгар, в смешанных зонах веками жили сербы, греки, валахи и турки. Слабо срабатывал по отношению к Македонии и принцип исторического права. Российский ученый Н.Н. Дурново справедливо писал, что для Болгарии данный принцип не может служить весомым аргументом, поскольку она владела Македонией на правах завоевателей слишком непродолжительное время. И, действительно, на протяжении более чем тысячелетней истории Македония принадлежала Болгарии только в 918–1018, 1186–1207 и 1230–1245 гг., то есть в общей сложности всего 136 лет⁴.

То же самое можно сказать и о церковной юрисдикции Северной и Средней Македонии. В период с 918 по 1389 гг. Охридское архиепископство, например, неоднократно переподчинялось то болгарам, то грекам, то сербам, причем под началом греков она находилась больше всего – целых 262 г. В более позднее время после прихода турецких завоевателей Охридское архиепископство и часть его бывших районов находились в греческом и сербском ведении. Следовательно, оправдывать болгарские территориальные притязания с точки зрения исторической справедливости дело весьма рискованное. Тем более, что во многих македонских регионах население было смешанным и, следовательно, данные зоны при решении территориальных вопросов стали бы спорными. Именно по этой причине Россия, ведя тайные переговоры с Болгарией до начала Первой мировой войны, при обсуждении возможных болгарских территориальных приобретений занимала осторожную позицию, выделив спорные македонские зоны, участь которых должна была решаться мирным путем⁵.

И, наконец, нельзя забывать о том, что еще до начала Первой мировой войны начался процесс формирования национального македонского самосознания, и часть македонских болгар стала идентифицировать себя в качестве особого македонского народа. Выдвигалась и идеи создания Македонской автономии, а затем и Балканской Федерации, за которые выступал, в частности, лидер БЗНС (Болгарского Земледельческого Народного Союза) Александр Стамболийский. Однако при всей кажущейся разумности этого проекта – оставить яблоко раздора ничейным – он представляется чересчур утопичным. Во-первых, Англия, Франция и Германия не дали бы согласия на появление еще одного политического игрока на тесном балканском пятачке. А во-вторых, даже при покрытии такого яблока защитным колпаком Европы, оно все равно при первом же удобном случае оказалось

разделено Грецией, Сербией и Болгарией. Все эти соображения надо принимать во внимание при анализе некоторых произведений болгарских писателей о Первой мировой войне, характеризующихся как патриотические, националистические или “фельдфебельские”.

Следует учитывать, что градуировка шкалы объективных оценок здесь довольно подвижна, и знак “минус” может незаметно перейти в знак “плюс.” Здесь имеет место феномен, аналогичный смыслу плавящихся часов на картине Сальвадора Дали. Время обладает свойством текучести, настоящее перетекает в прошлое, текущий момент бытия становится небытием. Точно также участие болгар в Первой мировой войне нельзя охарактеризовать однозначно. С одной стороны, эта война была для них освободительной, когда они с оружием в руках с воодушевлением отправились в населенные своими соплеменниками македонские и добруджанские земли. (Тем самым они как бы восстанавливали статус-кво справедливого Сан-Стефанского мирного договора 1878 г., по которому все населенные болгарами земли, должны были войти в состав создававшегося Болгарского Княжества.). С другой стороны, Первая мировая война сразу же переросла в захватническую, когда болгарские войска стали продвигаться вглубь территорий, где соплеменники составляли меньшинство, или осуществляли оккупацию районов, которыми Болгария никогда не владела. Подобным же образом и болгарский патриотизм плавно перетекал в оголтелый милитаризм, в котором фальшивые ноты заглушались скандированием официозных лозунгов, а голос совести подавлялся преднамеренным разжиганием этнической ненависти.

Все это хорошо прослеживается на творчестве Антона Страшимирова 10-х–20-х годов XX в. Оно достаточно неровное, в нем имеется много пластов, не разработанных литературоведами по причинам, о которых уже упоминалось. В созданных тогда страшимировских произведениях прослеживаются попытки постижения болгарской “самости” – то есть ментальности болгарина, которая предопределяет облик его общественной и социальной жизни, равно как отношение его к другим народам. Отсюда же писатель выводит истоки зарождения у болгар германофильства и русофобии. В прозе этих лет А. Страшимиров предстает перед нами то как полуромантик и мечтатель, то как грубоватый, плоский солдафон, будто и не писавший талантливых произведений.

В данной статье невозможно произвести “вскрышные” работы всех этих пластов и подвергнуть их детальному, обстоятельному анализу. Главная ее цель – очертить основные направления, в которых двигалась писательская мысль и которые в известной мере предопределяли логику авторского художественного мышления. Позиция А. Страшимирова по отношению к

войне во многом была подготовлена его занятиями по народопсихологии болгар в 10-е–20-е годы XX в. Первое народоведческое исследование писателя “Сегодняшние болгары” вышло из печати в 1908 г., а затем за сравнительно небольшой срок он опубликовал еще несколько книг: “Войны и освобождение” (1916), “Книга о болгарах” (1918), “Наш народ” (1923) и др. Внимательное прочтение этих произведений позволяет отчасти разгадать одну из интереснейших черт мировоззрения А. Страшимирова – черту весьма самобытную и объясняющую специфическую заданность других его сочинений тех лет. Писателем движет не чисто этнографическое любопытство (что мы такое, болгары, есть на самом деле?), а более практические цели: использование результатов самопознания для совершенствования общества, для его более рационального и разумного устройства. Все это будет способствовать занятию Болгарией на Балканах и в мире того места, которого она заслуживает. Последняя мысль хотя и не высказана А. Страшимировым прямо, но является логическим продолжением его рассуждений и выводов в народоведческих разысканиях.

По верной характеристике литературоведа М. Николова, имя А. Страшимирова “было окружено ореолом доверия и любви не просто как писателя, но и общеполитической совести”⁶. Страшимиров пытался разобраться в причинах двух болгарских национальных трагедий во избежание их повторения. Самопознание народа, по разумению писателя, есть средство для преодоления последствий данных трагедий и обретения дороги к более достойному будущему. Но для самопознания следует разобраться в том, из каких собственно этнических групп складывается болгарский народ и какими качествами они обладают. Это даст возможность понять, каким образом выявленные качества могут умножить общественное благо. Основной метод А. Страшимирова в процессе постижения народной психологии болгар заключался в непосредственном чистом наблюдении, что имело свои сильные и слабые стороны. Сила проистекала из живой практики – погружения писателя в стихию народной жизни, его странствий по Болгарии с целью сравнения физического облика, обычаев и быта народа в различных частях страны, зоркости взгляда А. Страшимирова как художника, чуждого идеализации всего родного. Слабость же состояла в отсутствии у писателя системного подхода и методологического стержня.

Тем не менее, многие выводы А. Страшимирова выдержали проверку временем и до сих пор звучат в устах болгар как непреложные истины при характеристике самих себя или соплеменников из других краев страны. Согласно А. Страшимирову, болгарский народ образуют пять основных этнических групп: “шопы”, “мизийцы”, “фракийцы” (или “загорцы”), “македонцы”

и “рупцы”. У “шопов”, живущих в районе Софии, скуластые лица и короткие шеи, они кротки и медлительны, терпеливы и молчаливы, их отличают скрытность и склонность смотреть исподтишка. Шопы неопрятны, не дураки выпить, любят женщин, но вечно с ними воюют. Они скверные граждане, но отличные солдаты – выносливые как буйволы и свирепые как волки. К тому же, они большие трудяги – привязаны к земле и готовы в ней копать день и ночь. В отличие от шопов “мизийцы”, обитающие в исторической области Мизия, чистоплотны и опрятны, моют руки – подобно туркам – не только до, но и после еды. Они скромны и хладнокровны, к женщинам равнодушны, никогда их не возносят. Мизийцы эгоистичны, никогда не заступятся за соседа, покровительственного отношения к себе не терпят – предпочитают равенство. Богатеев среди них немного, но, благодаря воле, сосредоточенности и настойчивости, почти у всех мизийских крестьян есть нивы, виноградники и домашний скот – горожане же мизийцы становятся отменными ремесленниками. Усидчивость делает их хорошими учениками, но солдаты из них плохие из-за слабой дисциплины и внутренней стихийности.

Несколько отгалкивающе у А. Страшимирова выглядят “фракийцы,” которых мизийцы обычно называют “загорцами”, то есть пришедшими из-за гор. Считается, что они ведут свое происхождение от печенегов и поэтому любят ходить в сапогах с засапожными ножами. От своих печенежских предков загорцы, по словам писателя, унаследовали удаль, кровожадность, любовь к верховой езде и войнам. Эти качества использовали турки, которые сформировали в 60-е годы XIX в. фракийскую конницу, сражавшуюся на их стороне против русских. “Загорцы” являются потомками батраков и рабов, поэтому их песни непоэтичны, речитативны и заунывны. Они испытывают страсть к земле и ради ее приобретения продавали себя в рабство вместе с женами и детьми. Именно в Загорье, по мнению писателя, начали формироваться многие отрицательные черты болгарского национального характера, воплотившиеся затем в Бай Ганю – бессмертном персонаже литературного классика Алеко Константинова. Не случайно поэтому и появление народной пословицы, гласящей, что “фракийцы больше турки, чем сами турки”.

В более привлекательных красках А. Страшимиров обрисовывает “македонцев”. Они лиричны, поэтичны и любвеобильны, среди них рождается много прекрасных поэтов. Македонские песни мелодичны, полны игривой фантазии и платонической лирики. В то же время им не присущи такие славянские качества, как наивность и романтизм. Македонцы субъективны, что не мешает им быть прекрасными политиками, журналистами и учителями. Отсюда и их достаточно большой удельный вес в балканской культурной и политической жизни. Кроме того, македонцы беспокойны, порывисты и

энергичны, из них получаются отличные службисты, хотя они годятся на роль скорее мясников, чем судебных приставов. Им также свойственно известное самохвальство, театральность и жертвенность. Впрочем, по мнению писателя, они могут весьма различаться друг от друга в зависимости от места обитания: штипские и велесские македонцы – это ум, честолюбие и честь, способствующие успехам в торговле, науке и философии; охридские македонцы схожи по ментальности с греками, а прилепские – с греками и валахами.

Но в наилучшем свете у А. Страшимирова представлены “рупцы”, населяющие области от гор Родоп и Странджи до Адрианополя. Они являются самыми русоволосыми и белолицыми из болгар и несколько женственными. Рупцы во всем умеренны, поскольку представляют собой переходный тип между северными и южными болгарами, между мизийцами и македонцами. Представители этой болгарской этнической группы корректны и сдержаны, порядочны и благопристойны. Среди них редко встретишь человека с чертами Бай Ганю. Рупцы не загораются новыми революционными идеями – в политике они холодны и взвешены – настоящие византийцы. Поэтому им лучше всего подходит роль чиновников и бюрократов. Рупцы предрасположены к государственному строительству: в былые времена, во второй половине XIV в., Момчил-юнак создал болгарскую державу от Димотики до Кавалы. Но не все из них, однако, одинаковы: рупцы, обитающие в Страндже, по характеру схожи с мизийцами, население Центральных Родоп отличается лиричностью и воинственностью, а Родоп Восточных – фракийской неорганизованностью и свирепостью.

Таким образом, А. Страшимиров как бы очерчивает социальную нишу для каждой из образующих болгарский народ этнических групп. Писатель словно создает самую оптимальную стратификацию для идеального болгарского общества. В нем есть свое место для государственников – рупцев; философов, писателей, учителей и журналистов – македонцев; солдат и крестьян – шопов; кавалеристов и земледельцев – фракийцев; ремесленников и торговцев – мизийцев, а также для всех переходных между этими группами типов. Но помимо этих различных психологических черт, болгары, согласно А. Страшимирову, обладают и другими чертами, общими для всех этнических групп. Средний болгарин, как правило, умеет держать язык за зубами, трудолюбив и бережлив, много не пьет, питается хорошей пищей (хотя и не может тягаться с гурманами греками или турками), за юбками не бегаёт, ибо ценит жену и прислушивается к ее мнению. Это, так сказать, бытовые черты, выгодно выделяющие его на фоне соседей.

Но достоинства болгарина нередко перерастают в недостатки, мешая нормально жить и ему самому, и окружающим. С одной стороны, в болгарине

сильно чувство демократизма и социального равенства по отношению к остальным (порожденное многовековым отсутствием национальной аристократии), а с другой – эти достоинства оборачиваются неуважением чужого мнения, неразвитыми чувствами такта и почтительности, неумением договариваться. Эти особенности, по словам писателя, метко переданы народной поговоркой “Два болгарина – три мнения”. Подобные качества мешают зарождению политических традиций, многолетнему нахождению во власти политических или административных деятелей. Приводя, пример Франции, где один из мэров Лиона бессменно управлял городом 36 лет подряд, А. Страшимиров с грустью констатирует, что в Болгарии такое нельзя себе представить. И, видимо, правы немцы, утверждающие, что среди болгар нет хороших чиновников – откуда же им взяться, если они не могут накопить опыт. Потому-то и вся государственная машина движется медленно и неуверенно, и законов принимается много, но они не действуют⁷.

Докапываясь до сути народной психологии болгарина и выявляя в нем положительные и отрицательные стороны, А. Страшимиров ненавязчиво демонстрирует свое видение того, как можно обустроить страну наилучшим образом изнутри. Но, помимо этого, ему было крайне важно постичь и то, как этот внутренний болгарский мир может более удачно соотноситься и взаимодействовать с миром внешним. Другими словами, как болгарину сосуществовать со своими ближними и дальними соседями, с кем дружить и на кого опираться. В этом смысле появление страшимировских народо-ведческих книг “Болгары, греки и сербы” (1918) и “В Германии” (1917) выглядит не случайным, а закономерным. Но отрываясь от родной почвы, писатель, по верной характеристике Э. Карамфилова, сразу же уподобляется античному герою Антею и теряет силу⁸. Ближайшие соседи – греки и сербы ему были сравнительно знакомы, но о немцах у него имелись весьма поверхностные впечатления, почерпнутые в основном во время краткой поездки в Германию.

Книга об этой стране – самая слабая из всех его народо-ведческих разысканий. Но обойти своим вниманием Германию Страшимиров не мог, ибо опора на германскую мощь воспринималась в умах определенной части болгарского общества как залог успешного решения родины территориальных проблем. Ошибочность ряда выводов писателя о Германии и народопсихологии германцев во многом обязана искусственному характеру его логических рассуждений, вызванных скорее ходом самой логики, чем непосредственными наблюдениями, для которых у него не хватало ни знаний, ни времени. Книга также пропитана умонастроениями, царившими в определенных кругах болгарского общества накануне и в течение Первой мировой войны.

Содержание их достаточно прозрачно. Россия не смогла в 1878 г. гарантировать болгарам создание национальной державы с границами, охватывающими все населенные болгарами земли, не добилась закрепления Сан-Стефанского договора после победы над турками. Не поддержала она и Воссоединение Северной и Южной Болгарии в 1885 г. и даже разорвала с ней временно дипломатические отношения. Не предотвратила Россия и последующие болгарские национальные катастрофы. Повторяемость неудач не есть вина Болгарии, неспособной одновременно противостоять всем своим соседям без помощи какой-либо великой державы. Россия же в качестве подобной силы себя не проявила. Поэтому не следует связывать с ней надежды на будущее – Болгарии нужно обратить свои взгляды на Германию.

Тема болгарского выбора между Германией и Россией звучит на многих страницах упомянутой книги А. Страшимирова. Она присутствует в ней подспудно или же обозначается посредством прямого сопоставления двух стран и национальных психологий. И сравнение здесь, разумеется, не в пользу России и “русскости”, которые выступают в качестве своеобразного негативного фона, призванного оттенить превосходство всего германского. “Постыдное русское примиренчество перед неизбежностью участи” проигрывает по сравнению с германской напористостью, агрессивностью, устремленностью в будущее⁹. Немцу не свойственен мистицизм, хотя сам он может быть лиричным, романтическим и сентиментальным. У него аналитический склад ума, прежде чем принять окончательное решение, он должен во всем обстоятельно разобраться, после чего действует решительно и без колебаний. Его дисциплина и настойчивость в завершении начатого вошли в пословицы. В качестве доказательства А. Страшимиров даже приводит легенду о мальчике Бисмарке, который не уступил дорогу королевской карете пока не бросил кости, как того требовали правила игры. Эти и другие характеристики немцев и Германии писателем были призваны уверить соотечественников в правильности болгарского выбора.

Наряду с этим А. Страшимиров стремится убедить читателя в наличии близости между Болгарией и Германией. Эти страны, по его мнению, имеют сходные исторические судьбы. Немецкий писатель Г. Гауптман изобличил мир в преступном отношении к Германии и фактически дал германскому народу моральное право воевать против всего мира. Точно также болгары были преданы хуле за Балканские войны как преступное племя, и поэтому участие их в Первой мировой войне есть не только отражение внутреннего желания декларировать поправленную историческую правду о своей стране, но и сделать это в союзе с державой, которая была бы носителем правды универсальной¹⁰. Близость с Германией подчеркивает и описание А. Страшимировым

родного места болгарского царя – крошечного немецкого городка Кобурга, где восстановили старинную крепость, на одной из башен которой был водружен болгарский государственный герб. Писатель также с чувством удовлетворения повествует о похвальных отзывах немецкого ректора в Карлсруе, отмечавшего непревзойденное первенство болгарских студентов в смысле усердия.

В то же время, А. Страшимирова, видимо, явно смущало отсутствие крепкой идейной и духовной связи между литературами болгар и немцев, поэтому он не к месту говорит в своей книге о завышенной оценке русской литературы. На самом же деле, по утверждению А. Страшимирова, русская литература уже более полувека испытывает творческое бессилие и находится на смертном одре. И вообще, “носители ее гения созерцают жизнь сквозь тень смерти, которая открывала и открывает человечеству страшные истины бессмысленности бытия”¹¹. Поэтому А. Страшимиров ставит Гауптмана выше непонятого им Льва Толстого. Кроме того, по словам автора, в Болгарии нет ни одного болгарского писателя, подражавшего кому-либо из русских творцов: Любен Каравелов заимствовал сюжеты и стиль из произведений украинцев Н. Гоголя и Т. Шевченко, Иван Вазов избрал для себя в качестве образца В. Гюго, Стоян Михайловский писал на французском, кумиром для Константина Величкова служил Шатобриан... Трудно допустить, что А. Страшимирову были неизвестны многочисленные факты воздействия русских писателей на болгарских. Он здесь даже не лукавит, а опускается до явной неправды, ибо и сам испытал влияние творчества Л. Андреева. Но последнего обстоятельства мы коснемся чуть дальше.

Книги А. Страшимирова, написанные или задуманные в годы Первой мировой войны, отличаются по своей тональности. Самым безобидным и лишенным национализма, видимо, следует признать сборник его очерков “В южных землях” (1918). Он касается болгарских территориальных приобретений (Беломорская равнина, Родопская и Драмская области) и пропитан восторгом, местами переходящим в эйфорию. Автор отлично знает материю, о которой пишет – он исходил пешком вдоль и поперек чуть ли не все эти области, изучил их города и села, проселочные дороги и горные тропы. Знаниями писателя воспользовалось даже военное командование, попросившее его нанести тропы на штабную географическую карту для более эффективного маневрирования войсками. В сущности, в этой книге нет резких антигреческих выпадов или проявления антиэллинского недружелюбия. А. Страшимиров лишь вскользь роняет фразу об историческом возмездии грекам, истреблявших болгар в Македонии и провозглашавших своих удачливых полководцев “Болгаробойцами”^{*}.

---

^{*} Здесь А. Страшимиров намекает на византийского императора XI в. Василия II, прозванного “Болгаробойцей” за ослепление 15 тыс. пленных болгарских воинов.

Однако писатель не опускается до мстительного удовлетворения и не упивается торжеством исторической справедливости. Он ослеплен богатством и роскошью южных земель, вновь обретших своего исконного хозяина. Его пленяют тучные зимние и летние пастбища для скота, густые сосновые и дубовые леса, обильные водные ресурсы, разнообразие руд и прочих полезных ископаемых, которыми так богаты Родопская и Эгейская области. Данная часть Македонии воспринимается А. Страшимировым как настоящая южная “жемчужина болгарских земель”, истинное Эльдorado, являющееся залогом грядущего национального процветания¹². Будущему экономическому взлету будет способствовать и удивительно благоприятный климат – мягкий, тропически теплый, позволяющий собирать два урожая в год и выращивать не культивируемые в Болгарии сельскохозяйственные культуры. Уникальна и почва Беломорской равнины, плодородность которой, по словам писателя, уступит разве что Нильской. Блестящие перспективы открываются и перед скотоводством: летом в жару скот удобно пасти в Родопах, а зимой перегонять в Беломорье, как это было в те времена, когда весь полуостров принадлежал туркам.

В целом в страшимировском описании приобретенных южных земель проступает вдумчивость рачительного хозяина, прикидывающего как ему сподручнее распорядиться внезапно привалившим богатством. Писатель обдумывает проект строительства железной дороги и коррекции устья р. Месты для сооружения в нем первоклассного порта, вынашивает другие разнообразные экономические планы¹³. Эту хозяйственную жилку А. Страшимирова использовало затем болгарское правительство, назначив его административным главой Беломорской области¹⁴. И выбор данной кандидатуры был не случаен, ибо писатель не раз выдвигал дельные идеи, предлагая, например, открыть рыболовецкое училище в Бургасе или осушить болгарские приморские болота. Страшимировское описание черноморского Несебыра с его целительным морским воздухом было настолько впечатляющим, что врачи стали рекомендовать его своим пациентам, и постепенно этот живописный уголок болгарской земли превратился в знаменитый курорт и объект паломничества туристов¹⁵.

Тем не менее было бы ошибкой преувеличивать хозяйственную сторону страшимировской книги “В южных землях”. В ней, разумеется, присутствует определенный экономико-географический элемент, обязанный, очевидно, тому обстоятельству, что писатель некоторое время обучался географии в Швейцарии. Однако романтик и поэт, несомненно, превалируют в А. Страшимирове над географом и хозяйственником. Поэзия не могла не наполнить душу писателя при соприкосновении с родопскими легендами об отважном

Момчил-юнаке или, например, Карадже-воеводе, который яростно боролся с турками, овладел крепостью Рожен и стал непобедимым, но затем бесследно исчез, направившись, по преданию, в русскую землю звать на помощь деда Ивана¹⁶. Поэзией веет и от описания Кавалы – порта с белыми домами, которые спускаются к заливу по обе стороны от скалистого мыса и словно белые чайки погружаются в море, также как и от повествования о паломничестве по Битоле, Охриду, Струге и другим священным для каждого болгарина местам. Эти описания помещены в одной из других книг А. Страшимирова – “Войны и освобождение” (1916).

Как восторженный певец природных красот и создатель путевых очерков писатель следует лучшим традициям этого жанра, заложенным А. Константиновым, И. Вазовым, К. Величковым и другими классиками болгарской литературы. Однако в его путевых очерках есть и нечто такое, что существенно отличает их от аналогичных по жанру произведений упомянутых творцов. А. Страшимиров постоянно обращает внимание читателя на этнический состав населения описываемых им областей. Например, заводя речь о районе Димотики, писатель сразу же отмечает, что греки там живут только в городах и 4 селах, а в Ортакейском районе – только в городах и 2 селах. Остальные жители, по его утверждению, являются православными болгарскими или помаками – то есть отуреченными болгарскими. В Родобах, по словам Страшимирова, обитает около 100 тысяч чистокровных болгар¹⁷, а всего в Македонии, включая Адрианопольскую, Драмскую и Серескую области, их насчитывается около 1 млн. Они составляют костяк населения подавляющего большинства регионов: в Дедеагачском “треугольнике”, например, живут одни болгары.

Эти констатации писателя неслучайны – он пытается обосновать этническое право Болгарии на занятые ею беломорские земли, показывает читателю, что “заветные” болгарские политические границы являются справедливыми и отвечают границам расселения болгарского этноса. Если же эта доктрина входила в противоречие с фактами, то А. Страшимиров готов был поведать читателю неправдоподобную историю о корчмаре-греке, хранившем в Ксанти заспиртованные мизинцы, отрезанные у умерщвленных болгарских детей (геноцид болгар греками!) или же напомнить о массовом переселении 50 тысяч болгар, покинувших Эгейскую Македонию вместе с русскими войсками, которые уходили на север во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.¹⁸ Установить здесь историческую истину едва ли возможно, так же как и невозможно оспорить тот факт, что в период Первой мировой войны в этой части Балкан имелось немало зон с преобладавшим болгарским населением. Поэтому обвинять А. Страшимирова в подтасовке

данных или корить его за национализм и шовинизм было бы неправомерно. Равно как и осуждать его радость и эйфорию от перехода Эгейской Македонии в болгарские руки.

Но демографическая составляющая, на которой зиждется моральное право этноса на государственно-политическое закрепление за ним освоенной территории, есть величина переменная. Демографическая ситуация в Эгейской Македонии за истекший XX в. существенно изменилась. Поражение Болгарии в Первой мировой войне и вывод ее войск из южных земель сопровождался оттоком местных болгар, опасавшихся греческого возмездия за военную помощь соплеменникам. Оставшиеся болгары были частично переселены или подверглись планомерной эллинизации. Все это повлекло за собой необратимые изменения. Когда в годы Второй мировой войны болгарская армия вновь заняла Беломорье, она не сумела во второй раз вступить в ту же самую воду. Ее некому было встречать морем цветов, как это было в описываемые А. Страшимировым времена. Болгарский комендант Беломорской области И. Кожухаров сообщал в 1942 г., что от Струмы до Месты от болгарского духа ничего не осталось¹⁹. Таким образом, можно понять и не осудить чувства А. Страшимирова по отношению к “южным землям” в период Первой мировой войны. Но такие чувства могли иметь знак “плюс” только тогда – воскрешение их сегодня сразу же придаст им жирный знак “минус”, ибо этническое право болгар на “южные земли” поглотило беспощадное время.

История не имеет сослагательного наклонения и не может быть плохой или хорошей. Она такова какова она есть. Но это не смягчает трагизм исторической участи многих этносов, народов и государств. Точно также как и в нашем случае с утратой болгарами этнического права на Беломорье. Можно только посочувствовать им, когда они, предавшись нахлынувшей печали, затягивают горькую застольную песню: “Ако зажалиш някой ден за Драмска ракия... / Если взгрустнешь однажды ты по Драмской ракии...” Но ничем здесь горю уже не поможешь. Утрата исторических и этнических прав происходит и в наши дни. Достаточно указать на Косово – колыбель сербской цивилизации, откуда сербы не без помощи западных сил были вытеснены албанцами. Ныне при полном попустительстве западных миротворцев албанцы стирают в Косово сербские цивилизационные основы: поджигают, взрывают и разрушают древние сербские церкви и монастыри, имеющие мировое культурное значение²⁰. Этой трагедии предшествовал продолжительный албанский демографический натиск, в результате которого сербы превратились в Косово в этническое меньшинство²¹. Тяжело, если хозяева постепенно оказываются в подчиненном положении от своих гостей и

начинают подвергаться унижениям! Такая роль вызывает гнев и непримиримую ненависть к обидчикам.

Подобные чувства охватывают и А.Страшимирова по отношению к румынам, обосновавшимся в Добрудже. О демографической ситуации там накануне Первой мировой войны уже говорилось в начале статьи. Для писателя Добруджа знакомый край: в юности, оставшись без отца, он проходил здесь свои первые “университеты” – подрабатывал в корчмах и тавернах, трудился на табачных плантациях... Он, конечно же, был прекрасно осведомлен о том, что творится в добруджанской земле, у которой появились новые хозяева. Для Румынии она превратилась в своего рода Калифорнию, куда в поисках богатства хлынули многочисленные румынские колонисты²². Пришельцы стали составлять здесь этническое большинство, и над болгарами нависла реальная угроза потери на Добруджу этнического права. Поэтому, когда речь заходит о Добрудже, писатель не столь благодушен к румынам, сколь к живущим в южных землях грекам.

В страшимировском сборнике “Червени страници”/”Красные страницы” (1917) румынам даются самые убийственные характеристики. Автор буквально с самого начала “заряжает” читателя ненавистью, рассказывая о железнодорожных составах убитых горем беженцев, которые молча стискивают руки едущим на фронт солдатам, не сводя с них глаз, полных надежды. Противостоящие Болгарии враги сильны и коварны. Румыны замышляют передвинуть границу на юг к Стара-Планине вплоть до древней столицы Велико Тырново и Элены. Они – само “олицетворение жестокости, гнусности и низости”²³. Румыны способны согнать мирных жителей, запереть в сарай и поджечь, как это было в селе Гелинджик, расположенном к северо-востоку от Добрича. В самом городе враги превратили все постоянные дворы в дома терпимости. Такие гнусности румын, по словам писателя, вызывают ненависть не только у болгар, но и у татар и гагаузов. Не довольствуясь сказанным, А. Страшимиров с наслаждением приводит нелюбимую характеристику Румынии, данную А. Дюма: “В Румынии у плодов нет вкуса, у цветов запаха, у женщин стыда, у мужчин чести”²⁴.

Подобное разжигание этнической злобы не делает чести самому А. Страшимирову. Врага нужно ненавидеть, но его не следует унижать. Особенно сложной задачей для него было вооружение болгар против русских. Преодолеть традиционное чувство привязанности народа к своему единоверному славянскому брату писатель пытается, собрав весь накопившийся к тому времени антирусский хлам. Страшимиров напоминает читателю, что многие болгарские помаки сражались на стороне турок против русских, что болгарский грекофил Неофит Бозвели в 1828 г. организовал для этих целей

целый добровольческий отряд, он упрекает соплеменников за то, что они послушали тогда же обрусевшего болгарина, капитана русской армии Георгия Мамарчева и помогали русским войскам генерала Дибича, а затем, спасаясь от мести турок, были вынуждены переселиться в Крым, откуда выкинули татар, прошедших с погромами через всю восточную Болгарию. А спустя некоторое время, уже в 60-е годы XIX в., болгарские земли целое десятилетие грабили черкесы, покинувшие свою родину после кавказской войны в России²⁵.

Однако все эти доводы А. Страшимирова очень уязвимы и легко опровергаются при знании исторических фактов. Помаки воевали с турками против России не из ненависти к русским, а потому что обороняли земли мусульман от напавших “гяуров”. Такими же “гяурами” для помаков являлись православные румыны, протестанты финны, католики поляки и все прочие христиане. Вина за бесчинства татар и черкесов в Болгарии лежала, конечно же, не на России, а на османской администрации, которая предоставила им убежище и со злорадством наблюдала сквозь пальцы, как они измываются над “неверными”, посмевшими выступить против своего повелителя-султана. Для пресечения беспорядков туркам достаточно было казнить парочку наиболее отъявленных насильников и убийц. Неубедительным выглядит и указание на Неофита Бозвели – одного из первых болгарских радикалов. Вряд ли его можно считать “трекофилом” – именно греки прозвали Неофита “Бозвели” (т. е. “буйный”, “непокорный”) и дважды заточали его на Афоне, где этот неистовый борец за независимость болгарской церкви и умер. Ради своей главной цели он стал проявлять верноподданнические чувства к Порте и сблизился с польским революционером-эмигрантом Михаилом Чайковским, грезившим о разгроме царской России турками.

Понимая слабость подобной аргументации, А. Страшимиров извлекает на свет свою народоведческую теорию о болгарской “самости”, начинает говорить о непохожести болгар на русских и неприемлемости ими какого-либо опекунства над собой. Именно поэтому русские якобы урезали демократическую Тырновскую Конституцию и занялись созданием болгарского государства на русский лад. А болгары в свою очередь всего лишь через 7 лет после своего Освобождения осуществили государственный переворот, о подготовке которого никто из русских и не подозревал. Бытование лозунга “Болгария сама за себя”, по утверждению писателя, есть история несогласия болгар с политикой России. Именно отсюда якобы и произрастают корни болгарского русофобства²⁶. По этому поводу А. Страшимиров даже приводит политический анекдот:

В корчме Русофоб со стаканом вина в руке ведет диалог с Русофилом:

– *Это мое вино?*

- Твое.
- Тогда я выпью его.
- Выпей.
- Я выпил его?
- Выпил.
- Тогда чего же нужно России?

Данные ухищрения А. Страшимирова однако не приносят ощутимого результата, поскольку приведенные им доводы рассыпаются словно карточный домик. Тырновская Конституция (первоначальное название – Органический Устав) была разработана не самими болгарами, а прогрессивными русскими юристами. Болгарскими являлись лишь некоторые демократические добавления к Уставу, которые намеревался затем убрать возведенный на болгарский престол князь Баттенберг, но получил при этом отказ российского императора. Урезание Тырновской конституции произошло позднее по причине нежелания болгарского правительства потакать прогерманской ориентации князя Баттенберга, который отстаивал австро-венгерские экономические интересы. Этот акт имел место 27 апреля 1881 г., после убийства народовольцами русского императора Александра II, преемник которого, естественно, приветствовал любое проявление политики “закручивания гаек”. Да и сам акцент А. Страшимирова на болгарской “самости” оказывается нелогичным на фоне действий писателя, который, отрывая болгар от русских, тут же упорно пытается привязать их к немцам.

В этом плане весьма красноречиво сопоставление ряда пассажей из его сборников “Красные страницы” и “Войны и освобождение”. В первом из них болгарский писатель уверяет немца, что болгары – исконные землевладельцы, держатся за землю, и ею владеет каждый в стране. Этим, по его словам, болгары схожи с немцами, потому что ни в одной европейской беллетристике и драматургии нет подобных образов крестьян-землевладельцев, как в германской²⁷. Во второй же писатель извлекает на свет своеобразную “страшилку”, приводя высказывания революционера Г.С. Раковского о том, что Болгария должна опасаться России, ибо у болгар нет более опасных врагов, нежели русские: они сделают безлюдными болгарские земли, завладеют ими и растворят болгар в самих себе²⁸. С какой целью А. Страшимиров процитировал здесь слова Г.С. Раковского, разумеется, ясно, но едва ли читатель мог воспринимать их всерьез. Так же, как и сам А. Страшимиров. Обвинение России в намерении завладеть болгарской землей надуманно и ничем не подтверждено. А страхи Раковского о грозящей ассимиляции болгар русскими полностью противоречили точке зрения

самого А. Страшимирова, считавшего, что реальная угроза такого рода исходит только от греков – русские же и турки болгарам не страшны²⁹.

Таким образом, за неимением аргументов писатель начинает лукавить: ссылаться на то, во что не верит, сознательно раздувать в себе ненависть к русским, опускаться до откровенной неправды. Во время уже упомянутого разговора с немцем, последний задает собеседнику вопрос, есть ли в Болгарии русофилы, и получает категоричный ответ: русофилов нет, мы – русофобы³⁰. Это как-то не вяжется со страшимировскими строчками про родопские легенды о Карадже-воеводе, отправившемся за помощью к русскому деду Ивану. Любопытен и другой факт, связанный с отношением А. Страшимирова к русской литературе. В рассказе “По небу и по земле” из сборника “Красные страницы” отчетливо прослеживается влияние русского символиста Л. Андреева. В нем повествуется о подвиге двух болгарских летчиков, которые будучи сбитыми над греческим Элефтеровским заливом, 7 дней и ночей пробирались через горы к своим пока не переплыли, наконец, через пограничную реку и, встав на колени, не поцеловали родную землю.

Повествование в данном рассказе очень абстрактно и передает ощущение порыва, лишённого конкретики. Мы не знаем ни имен героев, ни их судеб – (“они”), ни типа разведывательного планера – (“чугунная птица”), ни особенностей сел, через которые они проходили – (“села”) и т. д. Создается впечатление, что сам рассказчик парит будто планер высоко над землей, откуда не видно ни подробностей, ни деталей. Такой угол зрения характерен для символистов и, особенно, для мистического рассказа Л. Андреева “Он”. Не вызывает сомнения, что А. Страшимиров читал это андреевское произведение и находился под его впечатлением. На это указывает не только сходство поэтики двух произведений, но и наличие косвенного доказательства. Не найдя весомых причин для обоснования русофобии, А. Страшимиров чувствует себя беспомощным и раздражается необъяснимой вспышкой ненависти. В рассказе “На Северный фронт!” (“Красные страницы”) болгарский юноша, еще не пришедший в себя после боя с румынами, вдруг заявляет: “К счастью, здесь еще не было русских, а то бы я резал их... Правду вам говорю.... Если б мне сам Леонид Андреев повстречался, я б и его сразил с полной непримиримостью”³¹. Эта неожиданная вспышка ненависти ничем не мотивирована, и, конечно же, слова эти произносит, в сущности, не безымянный болгарский юноша, а больная совесть самого Страшимирова.

Писатель насильно пытается выкорчевать в себе все, связанное с русским, именно поэтому его покидает душевное равновесие, нарушается острота художественного зрения, а в голосе начинают звучать фальшивые ноты. Они особенно слышны в рассказе “Первая встреча с русскими”

сборника “Красные страницы”, в котором описываются трехдневные бои с русскими войсками у Добрича в сентябре 1916 г. События представлены здесь в почти в опереточном ключе. От местечка Гелинджик надвигается русская пехотная дивизия и казачий полк – предвестники подходящей “двухсоттысячной” (!) армии, которых встречает бравая врачанская дружина, быстро оборачивающая неприятеля вспять. Все это разворачивается на глазах нескольких тысяч горожан, сгрудившихся на окраине города, чтобы своими глазами увидеть происходящее. [*Можно подумать, что это не война, а театр – И.К.*]. Повернувшие назад казаки палят по окраине, очевидно, приняв мирных горожан за воинские части. [*Скорее всего, это был не полк, а казачий разъезд, производивший разведку боем – И.К.*].

Столь же примитивна палитра автора при изображении противоборствующих сторон: казаки при первых же выстрéлах “подняли гвалт словно воронье, застигнутое на падали” [*Кто подразумевается здесь под “падалью”? Ведь не само же “воронье”! – И.К.*], а болгары сражаются четко и слажено. К тому же, дружине помогает все население от мала до велика: дети разносят пачки патронов, девушки своими смоченными водой платками остужают раскаленные кожухи пулеметов и впрягаются в фэтоны, чтобы возить раненых³². И так далее. Фактически в воздухе пахнет не порохом, кровью, болью и смертью, а каким-то неприлично ложным пафосом. Его усиливает опереточно-лубочный образ раненного русского полковника, который приветствует болгар, называет их молодцами и говорит, что дерутся они отлично, как на параде. Но затем потерявший ногу полковник надолго замолкает, не зная, что ему еще стоит сказать болгарам. И читатель понимает, что не знает этого и Страшимиров. Единственно сильная своей правдивостью картина – многочисленные винтовки с воткнутыми в землю штыками у тел погибших солдат, похожие на колья какого-то жуткого виноградника.

Но наиболее слабым произведением А. Страшимирова о Первой мировой войне является стихотворная пьеса “Все на войну!”(1917). В ней нет элементов национализма и шовинизма – она представляет собой одиозный образчик псевдопатриотической, милитаристской драматургии. Ее герои общаются между собой не душевно, по-человечески, а без конца провозглашают лозунги, словно выступая на митинге. Учительница Ранка, будто на уроке истории, сыплет примерами самоотверженного служения родине борцов против турецкого ига, уверяет, что девушки сейчас ценят в парнях не деньги, а храбрость и готовность умереть за родину. Ее жених Богдан напевает песню о том, как с честью он погибнет за отчизну. На фронт едут все их родственники, отцы, братья и сестры, чтобы “бороться за светлое

будущее”. Болгарские солдаты бьются, убивая врага с радостным смехом. Главные герои выражают недовольство от перемирия, не увенчавшегося взятием Адрианополя. Пьеса завершается свадьбой Богдана и Ранки, которые, разумеется, в войне выжили, а Богдан удостоивается золотого креста за храбрость. По справедливой оценке литературоведа М. Николова, эта пьеса является жалкой страницей истории болгарской литературы³³.

Из сказанного не следует, что все произведения А. Страшимирова 10-х–20-х годов XX в. проникнуты духом национализма, шовинизма или милитаризма. Творчество писателя тех лет было неровным, так же как и его отношение к войне как таковой. Об этом свидетельствует роман-хроника “Вихрь. С шопами к Цареграду” (1922), написанный А. Страшимировым на основе личных впечатлений в период Балканской войны 1912–1913 гг. Он отправился на турецкий фронт добровольно, разделяя тяготы окопной жизни наравне с простыми солдатами 37-го Пиринского пехотного полка, к которому был приписан. Этот роман очень точно отражает ход военных событий и представляет собой синтез беллетристики, репортажа и дневника одновременно. Его автор предстает перед нами совсем в ином свете. Манифест об объявлении войны, в отличие от испытывавшего восторг Й. Йовкова, он встретил прохладно, написав об этом событии главу “Война объявлена”, которая, правда, не была включена в текст романа. Солдаты в ней встретили известие о войне молча и не подхватили прогорланенное кем-то “Ур-р-а”. А шопы в задних рядах криво улыбаются и качали головами, слово говоря: “Погодите, посмотрим какими молодцами вы будете перед турками”³⁴.

Автентичное письмо одного из героев романа капитана Рашева звучит как приговор войне, в которой А. Страшимиров быстро разочаровался. Против него даже хотели возбудить следственное дело за разложение солдат и офицеров³⁵. Двойкость или даже “тройкость” Страшимирова человека, писателя и общественного деятеля может быть объяснена его собственными словами о том, “что он нес в себе трагедию всех, кто был распят между ложью долга и истиной человечности”³⁶. Они проясняют причину его приверженности к искусственным идеям и схемам, к которым он пытался подогнать текучее многообразие жизни. И там, где эти идеи, начинают господствовать, А. Страшимиров терпит полное фиаско как творец³⁷. Поэтому присутствие в произведениях писателя националистических, шовинистических или милитаристских тенденций фактически равносильно наличию этикетки с надписью “БРАК”.

Таким образом, литературоведческое прочтение “неровных” произведений А. Страшимирова 10-х–20-х годов XX в. полезно сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, оно позволяет вскрыть застаревшие нарывы, о

которых ранее болгарские и советские литературоведы предпочитали молчать. Во-вторых, оно показывает, что происходит даже с талантливыми авторами, когда они пытаются заглушить голос совести и подчинить свой дар требованиям политической конъюнктуры. И в-третьих, оно может послужить уроком для тех болгарских писателей, которые решат, что упрочение места болгарской культуры в Европе непременно требует отхода от собственных национальных традиций и разрыва связи с родственной русской литературой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Шкундин Г.Д.* Динамика болгарских военно-политических целей в ходе Первой мировой войны // Первая мировая война и проблемы политического переустройства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1991. С. 5–42.

² *Йордаки К.* “Румынская Калифорния”: интеграция Северной Добруджи в Румынию, 1878–1913 // Исторически преглед. Кн. 3–4. София, 2001. С. 50.

³ Там же. С. 50.

⁴ *Дурново Н.Н.* Имеют ли болгары исторические права на Македонию, Фракию и старую Сербию. М., 1895. С. 20.

⁵ Мировые войны XX в. Книга 1. Первая мировая война. М., 2002. С. 242.; *Илчев И.* България и Антантата през Първата световна война. София, 1990.

⁶ *Николов М.* Антон Страшимиров. Монографичен очерк. София, 1965. С. 30.

⁷ *Карамфилов Е. А.* Страшимиров и душевността на българина. София, 1987. С. 96.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ *Страшимиров А.* В Германия. София, 1917. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹ Там же. С. 72.

¹² *Страшимиров А.* В южните земи. София, 1918. С. 4.

¹³ Там же. С. 2–4.

¹⁴ *Николов М.* Антон Страшимиров. Монографичен очерк. София, 1965. С. 28; По другим данным, писатель сделался градоначальником Ксанти. См.: А. Страшимиров, Елин Пелин, Й. Йовков в спомените на съвременниците си. София, 1962. С. 68.

¹⁵ *Гунчев Г.* Антон Страшимиров като географ и народовед // Антон Страшимиров. Личност и дело. По случай 60 годишния му юбилей. София, 1931. С. 30.

¹⁶ *Страшимиров А.* В южните земи... С. 95.

¹⁷ Там же. С. 68, 30, 32.

¹⁸ Там же. С. 128, 146.

¹⁹ *Йончев Д.* България и Беломорието (октомври 1940 – 9 септември 1944 г.). София, 1992. Подробнее см.: *Даскалов Г.* Българите в Егейска Македония. Мит или реалност. София, 1996. С. 318, 401 и др.

²⁰ По данным Комиссии по охране памятников Сербии, только за два неполных года албанцы уничтожили и повредили в Косово и Метохии более 150 монастырей и храмов. См.: Распятое Косово. Оскверненные и уничтоженные православные сербские храмы и монастыри Косова и Метохии (июнь 1999 – май 2001 г.) // Призрен-Грчаница, 2001.

²¹ Миграция албанцев в Косово и высокая рождаемость среди их местных соплеменников вели к неуклонному падению доли сербов в общей численности населения края. Если в XIX столетии они составляли в Косово этническое большинство, то в 50-х годах XX в. их уже было только около 26,5 %, а в начале 80-х годов – всего лишь около 15 %. Трагические события последнего десятилетия XX – начала XXI в. и вынужденное оставление сербами своих очагов снизило их долю до 3 %. См.: *Гуськова Е.Ю.* Албанское сепаратистское движение в Косове // *Албанский фактор кризиса на Балканах.* М., 2003. С. 14, 80.

²² Только за два десятилетия с 1879 по 1900 гг. число румын в Добрудже возросло в несколько раз, увеличившись с 30 тыс. до 120 тыс. См.: *Йордаки К.* “Румынская Калифорния”: интеграция Северной Добруджи в Румынию, 1878-1913 // *Исторически преглед.* Кн. 3–4. София, 2001. С. 50.

²³ *Страшимиров А.* Червени страници. София, 1917. (Рассказ “На Северный фронт!”). С. 11.

²⁴ Там же. (Рассказ “В Добриче”). С. 52.

²⁵ *Страшимиров А.* Войни и освобождение. С. 71.

²⁶ Там же. С. 75–80.

²⁷ *Страшимиров А.* Червени страници, (рассказ “На Северный фронт!”). С. 12.

²⁸ *Страшимиров А.* Войни и освобождение. С. 72.

²⁹ *Страшимиров А.* Нашият народ. София, 1923. С. 151.

³⁰ *Страшимиров А.* Червени страници, (рассказ “На Северный фронт!”). С. 12.

³¹ Там же. С. 24.

³² *Страшимиров А.* Червени страници, (рассказ “Первая встреча с русскими”). С. 108–109.

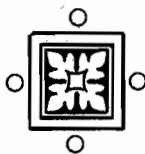
³³ *Николов М.* Антон Страшимиров. История на българската литература. Т. III. София, 1970. С. 397.

³⁴ *Стефанов С.* С шопите сред вихъра. Антон Страшимиров и Балканската война. София, 1986. С. 118.

³⁵ Там же. С. 48.

³⁶ *Николов М.* Антон Страшимиров. Монографичен очерк. София, 1965. С. 130.

³⁷ По свидетельству писателя Й. Йовкова, в этом случае герои страшимировских произведений превращаются в каких-то театральных актеров, а не взятых из жизни людей. См.: *Казанджиев С.* Среци и разговори с Йордан Йовков. София, 1960. С. 97–98.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В РОМАНАХ ДИМИТРА ТАЛЕВА*

Среди болгарских писателей XX столетия Димитр Талев занимает особое место. Он является не только одним из самых талантливых национальных творцов прошлого века, но и создателем крупнейших эпических полотен. По масштабности творческого замысла, по широте хронологического охвата описываемых событий и по глубине проникновения в психологию литературных героев талевские произведения могут быть сопоставимы с шолоховскими. Тетралогия Талева о национально-освободительной борьбе населения Македонии против турок в XIX – начале XX в. (романы “Железный светильник”, 1952; “Ильин день”, 1953; “Преспанские колокола”, 1954; “Слышу ваши голоса”, 1966) получила всемирную известность и была переведена на 18 иностранных языков, в том числе и на русский¹.

Кроме того, писателю принадлежит ряд других романов и повестей о болгарских исторических личностях и знаменательных событиях национальной истории: родоначальнике болгарского национального Возрождения монахе Паисии Хилендарском, несгибаемом борце против турок Гоце Делчеве, народных просветителях братьях Миладиновых, царе Самуиле, оказывавшем в XI в. яростное сопротивление византийским нашествникам, антиосманском восстании 1688–1689 гг. в Чипровцах... Многие из них были экранизированы, переработаны для театральных постановок и с успехом игрались на болгарской сцене. Талант Д. Талева был по достоинству оценен властями, читателями и критиками: он удостоился звания заслуженного и народного деятеля культуры, получил высшую национальную литературную (Димитровскую) награду, его сочинения переиздавались чуть ли не каждый год, его творчеством занимались не только болгарские, но и многие зарубежные литературоведы.

---

* Данный материал был подготовлен как доклад для международного симпозиума “Славянские Культуры: Корни и Крона” (31 мая 2005 г., Москва) и представляет собой фрагмент будущей более обширной работы.

В небольшом докладе, разумеется, невозможно проанализировать все талевские произведения с исторической тематикой и поделиться всеми наблюдениями, возникающими при их чтении. Поэтому здесь я остановлюсь на романе “Слышу ваши голоса”, романе завершающем талевскую тетралогию и сравнительно слабо освещенном болгарскими критиками. Данное произведение затрагивает негероический период болгарской национальной истории – первые годы после окончившегося трагично Ильинденского и Преображенского восстаний против турок в Македонии в 1903 г. Это выступление было жестко подавлено турками, стремившимися сломить волю восставших страшными зверствами. Но добиться поставленной цели они не смогли – разоренные, потерявшие близких, кров и имущество люди не утратили волю к сопротивлению и копили духовные силы для дальнейшей борьбы. Это были негероичные, неяркие годы – время нового собирания камней и нового возрождения из пепла. Может быть, именно по этой причине литературоведы уделили пока столь мало внимания завершающему тетралогии роману.

Историческая ситуация в македонских землях после поражения анти-турецкого Ильинденского и Преображенского восстания еще более осложнилась. На пути к обретению Македонией свободы от ига османов появились новые препятствия, узел внутримакедонских проблем еще более запутался и затянулся. Обострились противоречия не только между турками и населявшей Македонию христианской райей, но и внутри православных болгар, сербов и греков. Греция и Сербия сознавали, что подавляющее большинство населения в македонских землях составляют болгары, и свержение в Македонии власти турок может повлечь за собой включение этой области в границы Болгарии. Для нейтрализации болгарской угрозы из Греции и Сербии посылались вооруженные отряды четников, принуждавшие македонские села переходить под покровительство греческих консулов, отдавать детей учиться в создававшихся сербских школах и совершать другие различные действия, которые бы подтверждали ориентацию населения не на Болгарию.

Ожесточенное, доходившее до взаимного пролития крови соперничество велось по нескольким главным направлениям: политическое, религиозное, образовательное. Политическое направление заключалось в пропаганде великого прошлого каждой из стран-соперниц: блистательной Византии, Великой Болгарии эпохи могучих царей Симеона и Самуила (X–XI вв.) и Великой Сербии времен царя Стефана Душана (XIV в.). Каждое из трех государств владело Македонией на протяжении столетий, в периоды их

владычеств менялась этническая карта области и пропорции населявших ее этносов, и поэтому каждое из них считало себя законной наследницей македонских земель, которые, как тогда казалось, вот-вот должны были выскользнуть из рук ослабевшей Османской империи. Инструментом для склонения населения в ту или иную сторону служили язык, церковь и школы. От того на каком языке вершил сельский поп литургию зависело приобщение крестьянских детей к болгарскому, греческому или сербскому просвещению. Противостояние отличалось большей степенью накала, доходило до взаимного изгнания болгарских, греческих и сербских священников из церквей или их физического устранения.

Конфронтация имела место и на высшем церковном уровне. Болгарская церковь в то время находилась под схизмой, другие православные церкви не признавали самовольного провозглашения болгарями собственного патриарха и осуждали практику поставления болгарских священников в Македонии всюду, где есть болгарское население. Дух противоречия витал и в центральном руководящем органе болгарского национально-освободительного движения в Македонии – ВМОРО (Внутренней Македонско-Одринской Революционной организации). Одни из руководителей выступали за союз с греками и сербами в борьбе против турок, другие категорически были против и призывали опираться только на Болгарию, третьи ратовали за создание полностью автономной Македонии с равными правами для всех населяющих ее народов, включая и турок. Свои взгляды на происходящее были у Верховного Македонско-Одринского Комитета, организованного под руководством болгарских офицеров в 1897 г. в Софии и у Болгарской Православной церкви.

Все эти проблемы в той или иной степени отражены в романе Талева “Слышу ваши голоса” и выражают отношение к ним писателя. Я не могу остановиться в докладе на романе подробно, а затрону здесь лишь этнический аспект освободительного движения в Македонии против турок. Помимо болгар, в этом движении принимали участие представители и некоторых других этносов. Талев не касается этого обстоятельства подробно. Один из его персонажей лишь вскользь роняет фразу о том, что на борьбу с угнетателями во время Ильинденского и Преображенского восстания поднялись также валахи, а греки к ним не присоединились. Эта констатация в дальнейшем не получает своего объяснения и развития. На последующих страницах произведения валахи больше не упоминаются, не имеет валахского происхождения и ни одно из действующих в нем лиц. Гораздо больше места писатель отводит евреям – этносу, появившемуся в Македонии еще в столетии и насчитывавшему там в начале XX в. около 70 тысяч чел.²

Речь о них заходит неоднократно, им посвящено немало строк, одним из пособников тайного революционного комитета выступает еврей с библейским именем Езра.

Впервые читатель сталкивается с евреями в эпизоде с поездкой Бориса Глаушева в родной г. Преспу. Его случайный попутчик по экипажу оказывается значительно более интересным собеседником по сравнению с другим – знакомым герою болтливым преспанским лавочником. Этот достойный, сдержанный безмянный человек метко характеризует болгар и своих соплеменников. Болгары – народ правильный и праведный, поэтому евреи сочувствуют им и душой вместе с ними. Но болгарам трудно осуществить свои цели: никак не могут достичь согласия и бесконечно друг друга едят. Евреи тоже не без недостатков: отсутствует смирение, лезут в глаза других народов, поэтому делают их не своими друзьями, а только врагами. Но есть три вещи, помогающие выживать евреям во враждебном мире. Первое – взаимная помощь. Еврей всегда даст работу прежде всего своему соплеменнику, никогда не позволит ему голодать. Второе – крепость веры. Еврей внутренне привержен Яхве даже тогда, когда вынужден принять веру иную. Третье – понимание власти денег. Все любят деньги, но немногие знают как пользоваться их силой.

Неизвестно, кем был умный незнакомец по своему социальному положению – однако явно не бедняк, о чем свидетельствовали костюм из добротной, хотя и обветшавшей, европейской ткани и серебряная цепочка от часов. В отличие от него, большинство македонских евреев влачило жалкое существование, что видно из описания писателем еврейского квартала в городе О. Это располагавшееся в центре города гетто было окружено невидимой стеной нестерпимого смрада, который словно ядовитое облако нависал над кварталом денно и нощно. В этом квартале постоянно стоял гвалт, раздавались пронзительные крики и вопли, слышались детский плач и несмолкаемое будто в пчелином улье гудение. На узких, не освещенных даже в темень кривых улицах лепились друг к другу покосившиеся лачуги, сляпаные кое-как из всего, что попало под руку, покрытые ржавой жостью, криво приколочеными досками, отделенные от прохожей части покосившимися оградами или вообще без них. Густой слой пыли был вездесущим – весной и летом от него не было спасу нигде, зимой же и осенью улицы покрывались непролазной грязью, которая заносилась ногами в хибары, подступая вплотную к покрытым лохмотьями кроватям.

Обитателями этого разящего беспросветной нищетой гетто являлись мелкие ремесленники, грузчики, мусорщики, чистильщики нужников, старьевщики и прочая еврейская беднота – изгой от богоизбранного народа,

чувствовавшие к себе презрение и брезгливость со стороны неевреев. Именно здесь, в рассаднике холеры и тифа, и живет уже упомянутый нами комитетский пособник Езра. Писатель явно намеревался вывести в романе положительный образ человека труда – борца за политическую и социальную справедливость. Среди прочих бедняков Езра предстает чуть ли не интеллигентом: по профессии он – ремесленник, дубильщик кожи, своего рода предтеча нарождающегося пролетариата в военно-феодальной Османской империи. Дома его окружает внимание и уважение: домашние, жена и дети встречают его после работы стоя. В его присутствии обычно шумные дети умолкали, не смея и рта открыть после сделанного однажды отцом замечания. Тишина и порядок царят во всей езровской крохотной конуре, состоящей из одной комнаты и кладовки.

Но уважение и порядок в доме Езры держатся прежде всего на страхе и трепете, которые домашние испытывают при виде отца и мужа. Своими громадными размерами Езра напоминает библейского Самсона, его феска возвышается почти до самого потолка, легкие работают подобно шумным кузнечным мехам, а в широких ручищах таится сила, которой он и сам меры не знает: схватив человека за руку, он способен вывихнуть ее ненароком. Страх к нему испытывают и соседи, и не только из-за невероятных габаритов, но и нелюдимого, мрачного, безучастного вида. На его неподвижном, непроницаемом, будто высеченном из камня лице не читалось ни одной мысли или чувства – вот и пойми, что у Езры на уме и что от него ждать. Таким он стал не от хорошей жизни: чтобы прокормить семь ртов он работал в дубильне за троих, работал, даже по субботам, нарушая божий закон о ничегонеделании в этот священный для евреев день. И все его тело, мышцы и кости, начинали болеть, стоило Езре только прилечь, и боль не отпускала, пока он не проваливался в сон, как тяжелый камень, идущий ко дну.

Езра сочувствует делам тайного революционного комитета благодаря учителю социалисту Стефану Кибарову и его речам. Именно он внушал ему мысль, что рабочий люд на этом свете есть самое главное, людям следует только собраться вместе, стать едиными в мыслях и не позволять себя обманывать. Тогда не найдется силы, способной их остановить, и жизнь станет новой, чистой и справедливой, устроенной не ради выгоды мироедов, а ради блага бедняков. Однажды все изменится к лучшему, и, если Езра до этого не доживет, то доживут его жена, дети, все евреи из гетто. Но не следует пассивно ждать наступления светлого будущего, а приближать его своими усилиями. Бог трудовому люду не поможет. Да и кто видел его на небе, этого Бога? Не стоит Езре бояться божьего наказания за работу в субботу – ведь он трудится, чтобы накормить своих голодных детей, трудится

тяжело потому, что сам бог так несправедливо устроил человеческую жизнь. И на косые взгляды соседей Езре не надо обращать внимания – покосятся-покосятся и перестанут.

Езра верит каждому слову Кибарова, да и как не верить ему – такому умному, честному, доброму, учащему их товариществу и братству, абсолютно убежденному в своей правоте! Выступая перед своими соратниками на заседании комитета, Кибаров прямо заявлял: мы, социалисты, во всем отыскиваем свою закономерность, наш закон – закон разума, у нас нет колебаний, для нас не существует загадок, мы обладаем ключом ко всем так называемым тайнам благодаря здоровому мировоззрению. Поэтому, когда Езре предлагают устранить одного из членов комитета, организовавшего покушение на Кибарова по причине соперничества, он тотчас же соглашается. Пославший убийц Венчев (которым, к счастью, удалось всего лишь ранить любимого учителя Езры), безусловно, заслуживает кары. Не только из принципа “око за око, зуб за зуб”, а потому, что, уничтожив Кибарова, Венчев помешал бы продвижению его праведного дела, приближению лучшей жизни для бедняков, самого Езры, его семьи, всех обитателей еврейского гетто.

Убийство Венчева становится для Езры своего рода работой ради всеобщего бедняцкого блага, и как хороший работник, он отлично справляется и с этим заданием. Вместе с сообщником выслеживает свою жертву, под покровом ночи бесшумно проникает в дом, где она ночует, и быстро с ней расправляется. Венчев – весьма несимпатичный герой романа: резкий, высокомерный, снедаемый властолюбием, которое толкает его на убийство соратника. Но читатель не испытывает чувства удовлетворения от свершившегося над ним возмездия. От расправы над властолюбцем веет зверством и безудержной жестокостью. Езра и его сообщник не подстерегают Венчева где-нибудь на улице, а решают прикончить его в доме любовницы, где он будет один, без телохранителей, когда он крепко уснет после плотских утех и поэтому станет легкой добычей. В этот план, как само собой разумеющееся, входило одновременное устранение невольных свидетелей: любовницы Венчева и ее престарелой матери. Писатель не пишет об этом прямо, но Езра и его сообщник Керчев, не могли не понимать, что в доме, куда они намеревались проникнуть, находятся и другие люди, которые могут их затем опознать.

Жизнь этих людей не представляет для Езры и Керчева ценности. Вдовая любовница Венчева – просто курва, а раз так, значит не имеет права на жизнь. А ее мать свое пожила, поэтому ничего страшного не случится, если она отправится в горный мир чуть раньше отмеренного ей Господом Богом.

Логика мысли душегубов легко реконструируется через их действия, через развитие фабулы в сцене убийства. Езра, словно хищный зверь, мгновенно сворачивает шею жалобно скулящей и стучащей зубами от страха не вовремя проснувшейся старухе и с такой же жестокостью душит затем молодую хозяйку дома, потрясенную убийством любовника на ее глазах. Если проанализировать эту сцену и ее преамбулу чуть подробнее, станет ясно, что хозяйка дома и ее мать были заранее обречены и что их смерть не есть результат стечения неблагоприятных обстоятельств. Смертный приговор им обоим убийцы вынесли предварительно, будучи внутренне готовыми к такому развитию событий. Любовница, естественно, должна была находиться в постели с Венчевым и превратиться в невольную свидетельницу убийства. Ее мать также смогла бы опознать Езру по видимой даже в темноте гигантской фигуре.

Езра без труда вычислялся и по другому отличительному признаку, о котором, наверняка, не забыл внимательный читатель романа: по неистребимому запаху гнилой кожи и собачьих экскрементов – главного компонента для травления в кожевенной мастерской, где наш гигант трудился. Все эти обстоятельства и штрихи портрета Езры свидетельствуют о неоднозначном отношении Талева к своему герою. С одной стороны, может показаться, что Езра – прототип сознательного пролетария, бескомпромиссного борца за социалистические идеалы – то есть героя, ставшего к тому времени проходной фигурой литературы социалистического реализма. С другой стороны, в Езре имеется ряд черт, которые вызывает у читателя отторжение от него. Езра ограничен, внушаем, в нем дремлет какая-то звериная жестокость, вырывающаяся наружу при первой возможности. Спусковым крючком для нее становятся, как это не покажется странным, проповеди Кибарова – еще одного героя романа.

Неоднозначность образа Кибарова заключается не в его личных отрицательных качествах – наоборот, весь его облик предельно, почти до неправдоподобия чист. Что вполне объяснимо, поскольку этот герой писателя принадлежит к группировке “тесняков” (то есть тесных социалистов), заложивших основы Болгарской Коммунистической партии. Необыкновенно чисты поэтому и выдвигаемые Кибаровым лозунги: очень верно говорит он и об ужасающей нищете трудового люда и о хищническом присвоении результатов их труда богатеями-чорбаджиями, и о необходимости изменения жизни к лучшему. Вот только при этом выстраивается и другая логическая цепочка, незаметно превращающая человека в зверя. Бога нет, не бойся его, откажись от него – не обращай внимания на соседей, их мораль не должна иметь для тебя никакого значения при стремлении к общественному благу –

светлое будущее есть все, жизнь индивида в сравнении с ним – ничто, как и жизнь классов, встающих на пути к достижению всеобщего рая!

За проповедями идеалиста Кибарова, в сущности, стоит то, что объединяло когорты разномастных европейских революционеров в различные времена – индугенция на насилие и убийство ради осуществления очередных великих задач. За легкостью, с которой Езра убивает несчастную старуху и ее дочь, стоит многое из того, о чем писали некогда русские классики Достоевский (“Если Бога нет, то все позволено” и Некрасов (с его радикально-революционными призывами “К топору зовите Русь!” и “Иди не бойся – дело прочно, когда под ним струится кровь!”). Кроме этого, можно дать еще одно объяснение жестокости, учиненной Езрой расправы. Здесь уместно вспомнить революционного партизана Памфила Палых, изображенного Б.Л. Пастернаком в романе “Доктор Живаго”³. Этот здоровенный мужик с низким лбом, нависшими надбровными дугами и включенными волосами, всегда выступал за крайние методы, строгость и казни. Он ненавидел интеллигентов, бар и офицеров звериной ненавистью без всякой агитации и с упоением рубил их своим топором, “как молодые березки для печки”. Партийным вожакам его жестокость казалась чудом классовой сознательности и проявлением прирожденного классового инстинкта. На самом же деле, по диагнозу доктора Живаго, поведение Памфила Палых представляло собой типичный клинический случай психического расстройства. Памфила постоянно преследовал страх, что в случае попадания в руки белых его семья будет в отместку замучена ими с не меньшей жесткостью. Поэтому, когда белые окружили партизанский отряд, он зарубил топором жену и детей, и впоследствии, вырвавшись с партизанами из блокады, не смог покончить с собой, а бежал “как больное водобоязнь бешенное животное”.

Поведение Езры, его жестокость, его отстраненность от людей, каменная неподвижность лица и вселяющая страх безучастность также могут быть истолкованы как свидетельство психической аномальности героя. Тем не менее, создание его образа вряд ли было навеяно образом Памфила Палых, ибо Талев, скорее всего, не читал запрещенный пастернаковский роман. Известное сходство здесь, конечно, имеется, однако данные образы нельзя считать литературными двойниками. Некоторые параллели возникли здесь в силу общности законов художественного мышления, которые направляли творческую мысль двух писателей. Бесспорно только то, что Талев, подобно Пастернаку, не чувствует симпатии к героям такого типа, иначе он не окружил бы Езру неистребимым запахом дубильных собачьих экскрементов.

Полагаю, что мои доводы и оценки, прозвучавшие в ходе литературоведческого расследования обстоятельств убийства Венчева в анализируемом

романе Д. Талева, являются достаточно убедительными и будут приняты глубокоуважаемой аудиторией.

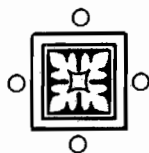

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. *Талев Д. Железный светильник*, М., 1957, 1970, 1990; *Его же: Ильин день*. М., 1958; *Его же: Преспанские колокола*, М., 1957; *Его же: Слышу ваши голоса*. М., 1974.

² *Македонският въпрос. Историко-политическа справка*. Институт за история при БАН. София, 1968.

³ *Пастернак Б.Л. Доктор Живаго // Собрание сочинений в пяти томах. Т. III*. М., 1990. С. 338, 345–346, 353, 365–366.

СЕРБСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Контуры национальной истории. Зарождение сербской истории и культуры ученые относят к эпохе заселения славянскими племенами в VI–VII вв. западной северной части Балканского полуострова, на территории которой впоследствии сформировалась древнесербская народность. Центр заселения этих племен находился в междуречье верховья Дрины, Лима, Ибара и Западной Моравы и в средневековый период именовался Рашкой. Кроме нее, известны были другие географические области, заселенные славянами, сходными по культуре и языку с рашскими: Дукля, Травуния (или Требинье), Захумье, Пагания и Босния. Точные их границы не установлены из-за отсутствия надежных источников, однако исследователи полагают, что эти области охватывали часть современных территорий Черногории, Боснии, Герцеговины и Далмации.

Славянские племена занимались земледелием и скотоводством, между ними заключались союзы, приводившие к образованию административно-территориальных единиц “жуп”. Их возглавляли князья, или баны (боснийский вариант титула князя), передававшие власть по наследству. В целом древнейший период формирования сербской государственности является очень туманным из-за неимения у тогдашних сербов письменности. Впервые название “сербы” появляются в иностранных источниках в IX столетии в связи с восстанием Людевита Посавского. Позднее более подробные, хотя и весьма отрывочные, сведения о сербских племенах и их расселении, приводятся в середине X столетия в знаменитом сочинении византийского императора Константина Багрянородного “Об управлении империей”. Из него следует, что уже тогда сербы, хорваты, захумляне, травуняне и дукляне не подчинялись византийской власти и “сделались самостоятельными и независимыми”.

---

* Данный материал был написан автором для I тома “Истории культур славянских народов” – проекта, осуществляемого Государственной академией славянской культуры.

Анализируя исторические факты, можно заметить, что развитие ранней сербской государственности тормозилось двумя основными факторами: географическим и внешнеполитическим. Большинство упомянутых областей отделялись друг от друга горными хребтами и были географически замкнутыми территориями. Это влекло за собой неравномерность экономического, политического и культурного развития и вызывало впоследствии неоднократные смещения центров сербской государственности то во внутренние, то в приморские районы. Еще более определяющим был внешнеполитический фактор, состоявший в наличии очень сильных в военном отношении соседей, (в первую очередь, Византии и Болгарии), которые неоднократно захватывали сербские земли и надолго включали их в состав своих государств.

Несмотря на это, уже во второй половине VIII – первой половине IX столетия в Рашке имелось государственное объединение, во главе которого последовательно сменилось четыре сербских князя. Самым сильным из них был князь Властимир, сумевший в середине IX в. не только отстоять сербские владения от болгар, но и утвердить свою власть в Травунии, которая располагалась на побережье Адриатики между Котором и Дубровником. Однако болгарская военная экспансия при царе Симеоне привела к усилению иноземного влияния в Рашке, а затем и утрате ею в 924 г. политической самостоятельности. Но после смерти царя Симеона († 927) сербскому князю Чаславу Клониновичу удалось восстановить независимость Рашки и затем расширить свои владения за счет Боснии и Травунии.

Еще одним центром сербской государственности в начале X в. стало Захумье, простиравшееся от Дубровника до бассейна реки Неретвы во главе с князем Михаилом Вишевичем. Он проявил себя искусным политиком, играя на политических противоречиях между Болгарией и Византией и поддерживая дружеские связи с Хорватией. Именно сюда и в Дуклю со второй половины X в. начинается смещаться центр борьбы за политическую независимость сербских земель из постепенно захиревшей Рашки. После смерти Часлава Клониновича в середине X в. Рашка, видимо, распалась и в конце того же столетия стала легкой добычей болгарского царя Самуила († 1015). Позднее держава этого царя попала под византийское иго (1018), и внутренние сербские земли были включены в состав Византии. Это привело к возрастанию роли других очагов национальной государственности, которыми являлись сербские приморские области: Дукля (в XI–XII вв. она называлась Зетой), располагавшаяся между Драчем и Котором; Травуния, находившаяся к северу от Дукли и простиравшаяся до Дубровника, и, как уже отмечалось, Захумье.

Византия сумела подчинить себе и Дуклю, однако установившееся там византийское владычество было номинальным, поскольку местная система

управления продолжала существовать в прежнем виде, а сербская знать сохранила свои социальные привилегии. Против владычества Византии неоднократно поднимались восстания, и при князе Воиславе после разгрома византийской армии в 1042 г. было образовано самостоятельное Дуклянское государство. Оно заметно усилилось при сыне Воислава князе Михаиле (около 1050 – около 1082), включившего в границы своей державы Захумье, Травунию, а затем Рашку. Его международный авторитет являлся неоспоримым, и в 1077 г. князь Михаил получил от римского папы Григория VII корону.

Наибольшего могущества Дукля достигла при Константине Бодине (1082 – около 1101), который воспользовался ослаблением Византии, воевавшей одновременно против турок-сельджуков в Малой Азии и вторгшихся на Балканы норманнов (1081). Он посадил на престол в Рашке верных ему жупанов Вукана и Марка и расширил свои владения за счет Боснии. Таким образом, под властью Дукли или Зеты, впервые оказались все внутренние и приморские сербские земли. Однако это объединение оказалось непрочным из-за слабости центральной власти и экономической разъединенности отдельных областей древнесербского государства. Феодалные усобицы, усилившиеся после смерти Константина Бодина, привели к отпадению от Зеты сначала Травунии и Захумья, а затем Боснии и Рашки. Но противостоять порознь своим более сильным соседям эти области были не в состоянии и в XII в. были поглощены ими: Венгрия завладела Боснией, а остальными сербскими землями – Византия.

Коренной перелом в истории сербской государственности произошел в последней трети XII столетия в период правления Стефана Немани (1168–1196) – основателя династии Неманичей, державшей в своих руках власть по XIV в. включительно. Этот князь провозгласил себя великим жупаном и вынудил признать свое главенство родных братьев Тихомира, Страцимира и Мирослава. Он расширил границы сербской державы за счет византийских владений, окончательно присоединил к Рашке область Зету и занял на Адриатическом побережье такие крупные города, как Котор, Бар и Скадар. Затем он отдал Зету и Травунию в управление наследнику престола – Вукану, и подобный порядок управления превратился в традицию. В 1196 г. Стефан Неманя отрекся от престола в пользу своего сына Стефана и постригся в монахи под именем Симеон. Его сыну, прозванному позднее Стефаном Первовенчаным (1196–1227) пришлось вести борьбу за власть со своим братом Вуканом, отражать нападения на сербские земли основанной крестоносцами Латинской империи, Венгрии и Болгарии.

Ради укрепления авторитета страны Стефан пошел на сближение с Римом и Венецией и в 1217 г. получил от папы Гонария III корону. Кроме того,

используя соперничество между Никейской патриархией и Охридской архиепископией, Неманичи смогли добиться признания автокефальности сербского архиепископства. Первым сербским архиепископом был избран в Никее в 1219 г. брат короля монах Савва, а его преемники получили право избираться в Сербии самостоятельно. Центром сербского архиепископства стал монастырь Жича, воздвигнутый у слияния рек Ибара и Западной Моравы и получивший в дар от Стефана Первовенчанного обширные земельные владения. Занятие представителями Неманичей вершин светской и церковной власти создавало предпосылки для гармонии в отношениях между церковью и государством, и способствовало сакрализации сербских государей. После смерти Стефан Неманя (Симеон) был канонизирован церковью как первый сербский святой. В дальнейшем святыми провозглашались и многие другие представители рода Неманичей, что отразилось в специфическом государственно-церковном симбиозе, оказавшем существенное влияние на сербскую культуру.

Пережив временное ослабление по причине борьбы за власть сыновей Стефана Первовенчанного, Сербия вновь воспряла политически в период правления его внука Милутина (1282–1321). Он довольно быстро расширил границы страны, включив в них македонские и албанские земли. Сербское господство в Македонии продолжилось и при Стефане Дечанском (1321–1331), сумевшем нанести сокрушительное поражение византийцам и болгарам в 1330 г. в битве при Вельбужде (Кюстендиле). Эта победа закрепила лидирующее политическое положение Сербии на Балканах, однако наибольшего политического могущества и территориального расширения она достигла при Стефане Душане (1331–1355). При нем Сербия превратилась в крупнейшее государство Юго-Восточной Европы. Укрепив отношения с Болгарией, женившись на сестре болгарского царя Ивана Александра, сербский государь завоевал множество земель в Македонии, включая города Охрид, Струмица, Прилеп, Воден, Мелник и Сер. В границы сербской державы вошли также Албания и коренные греческие области Эпир, Фессалия и Акарнания. Стефан Душан всерьез помышлял о взятии Константинополя, и лишь отсутствие флота заставило его отказаться от этой идеи.

Военные победы Стефана Душана сопровождались стремительным ростом его политического веса. В конце 1345 г. он был провозглашен на государственном соборе “царем сербов и греков”, а в следующем году сербский архиепископ Иоанникий без ведома Константинополя был провозглашен патриархом, и в апреле 1346 г. он возложил на голову Стефана Душана царскую корону. При Стефане Душане заметно усилилось византийское влияние: при дворе был введен византийский церемониал, для сановников

стали использоваться византийские титулы, в завоеванных греческих землях местная знать сохранила свои привилегии, и управление осуществлялось в соответствии с обычаями “ромеев”. Сама Сербия представляла собой феодальную монархию, в которой наиболее важные государственные дела, наподобие избрания королей и выборов архиепископов, принятия основополагающих законов, объявления войны или заключения мира, принимались на созываемых “саборах” из высших представителей духовной и светской власти. Такие собрания в известной мере ограничивали единовластие сербских королей.

После кончины Стефана Душана мощное Сербское государство постепенно стало слабеть и дробиться. От него почти сразу же фактически отпали Фессалия и Албания, а затем и Зета во главе с братьями Балшичами. В феодальной борьбе усилился князь Лазарь Гребелянович, правивший в начале областью Ново Брдо. Затем он завладел частью земель своего побежденного соперника Николы Алтомановича: областями Ужице и Рудник, и позднее сумел добавить к ним северные районы страны, расположенные по правобережью Дуная и Мораве. Однако князю Лазарю не удалось завершить начавшуюся политическую консолидацию сербских земель и создать единое, прочное государство. Этот процесс был прерван османским нашествием. В Македонии его пытались остановить местные феодальные владетели Угleshа и Вукашин, однако их войско было наголову разбито турками при Адрианополе на реке Марица в 1371 г.

Продолжая свой натиск, турки завоевали большую часть Болгарии и Византийской империи и вынудили Константинополь платить дань. В течение 80-х годов XIV столетия они участвовали свои набеги на сербские земли и 15 июня 1389 г. встретились в решающей битве с сербами на Косовом поле недалеко от Приштины. Объединенным силам князя Лазаря, боснийского бана Твртко и сербского феодала Вука Бранковича противостояло турецкое войско, значительно превосходившее по численности. Во время сражения серб Милош Обилич проник во вражеский стан под предлогом сообщения важной вести султану Мураду и сумел заколоть его кинжалом. Среди турок наступило замешательство, однако сын Мурада Баязид бросился в бой, увлекая за собой турецкую конницу, и переломил ход битвы. Князь Лазарь был пленен и обезглавлен над телом Мурада. С победителями был заключен нелегкий для Сербии временный мир, по которому она становилась турецким вассалом.

В начале XV в. продвижение турок на Балканах несколько приостановилось из-за их сокрушительного поражения от монголов во главе с Тамерланом в битве при Ангоре (Анкаре) в 1402 г. В Османской империи началась борьба за султанский трон, что создавало возможность сербам

собраться с силами для освобождения от турецкой зависимости. Именно такую цель поставил перед собой сын князя Лазаря по имени Стефан (1389–1427). Он участвовал в качестве вассала на стороне турок в Ангорском сражении и на обратном пути в Сербию побывал в Константинополе, где получил от византийского императора титул деспота**, уступавший по рангу только царскому. Благодаря своей помощи султану Мехмеду в борьбе за престол, деспот Стефан смог несколько расширить границы своего государства и избавить его от разорительных турецких набегов. Он также заключил ранее мир с Венгрией в надежде сделать ее союзницей в борьбе против турок. По условиям соглашения он получил от Венгрии в управление Белград, но был вынужден признать свою вассальную зависимость. Деспот Стефан Лазаревич поддерживал дружеские связи со своим племянником Балшей III, являвшимся правителем Зеты. После смерти последнего в 1421 г. он унаследовал власть в данной области, однако его попытки отвоевать у Венеции города Скадар, Леш, Улцинь и Котор окончились безрезультатно.

Не имея наследников, Стефан Лазаревич провозгласил преемником своего племянника Георгия Бранковича (1427–1456), который продолжал политику дяди, заключающуюся в лавировании между Венгрией и Турцией. Тем не менее, после кончины Стефана Лазаревича турки заняли города Ниш и Крушевац, а в 30-х годах захватили область Браничево. Что же касается Венгрии, то она возвратила в свое владение Белград и большую часть Мачвы. В южной части сербских земель и, особенно, в Зетском приморье местные феодалы рассчитывали в своей борьбе с турками преимущественно на Венецию. Однако та была не в состоянии оказать им должную помощь, и поэтому внутренние районы Зеты постепенно переходили в руки турок. В северной Сербии крупные феодалы ориентировались на венгерских королей, которые предоставляли им обширные владения в южной Венгрии, Славонии и Трансильвании. В конце 30-х годов турки напали на Сербию и после трехмесячной осады взяли тогдашнюю сербскую столицу Смедерево, вынудив Георгия Бранковича бежать во владения венгерского короля. Положение исправил антиосманский поход войск короля Польши и Венгрии Владислава III во главе с талантливым полководцем Яношем Хуньяди. Напуганный известиями о подготовке крестового похода христианских государств на Балканы султан заключил с венграми мир, по которому Сербская деспотовина была восстановлена.

Однако после взятия османами Константинополя в 1453 г. участь Сербской деспотовины была фактически предрешена. Несмотря на героическое

** Поэтому некоторые сербские исследователи используют для Сербии первой половины XV в. название “деспотовина”.

сопротивление сербов, использовавшие численное превосходство турки завоевывали у них все новые и новые земли. В 1459 г. во второй раз пало Смедерево, и в конце XV столетия нашественики полностью ликвидировали самостоятельность Черногории. К середине следующего века после поражения венгров от турок в битве при Мохаче в 1526 г. в состав Османской империи вошла вся центральная часть венгерских владений вместе со Сремом, Бачкой и Банатом, где уже тогда имелось многочисленное сербское население. Еще раньше, в 1460-е гг., турки за полтора месяца сравнительно легко захватили Боснию и большую часть земель Герцеговины. В первых десятилетиях XVI столетия в руках завоевателей оказались все главные населенные сербами территории, и на них установилось тяжелое иноземное иго.

Турецкое владычество служило тормозом на пути политического, экономического и культурного развития сербского народа. Многие прежде цветущие экономические центры, наподобие Призрена и Ново Брдо, пришли в запустение. Главным городом Сербии после взятия его турками в 1521 г. стал Белград, лежащий на торговых путях в Европу. Страна была поделена на эялеты или пашалыки, распадавшиеся на более мелкие области – санджаки, которые, в свою очередь, состояли из каз или нахий, нередко соответствовавших старым жупам. Сельское население пользовалось некоторыми элементами общинного самоуправления, но было прикреплено к земле и принадлежало местным землевладельцам – спахиям. Беглых крестьян разыскивали в течение 15–20 лет, а в некоторых районах Сербии розыск беглецов был не ограничен сроком. Военная турецкая экспансия в Европе требовала мобилизации всех хозяйственных ресурсов покоренных областей и огромных расходов. По этой причине христианское население Османской империи облагалось бесчисленными налогами и должно было отбывать различные повинности. Ради пополнения османской армии живой силой периодически практиковалось отнятие у родителей – христиан детей мужского пола для подготовки из них янычар – отборного турецкого войска. Последовательно проводилась турками и политика насильственной исламизации сербов.

Ответом сербов стало активное противодействие, выражавшееся в массовом гайдуцком движении и восстаниях. Отряды народных гайдуков иногда насчитывали по несколько сот человек. Они устраивали засады на дорогах, нападали на турецких чиновников и иноземных купцов и проводили налеты на небольшие города. Сербское население рассматривало гайдуков как своих защитников, считало их героями и слагало о них песни. Что же касается восстаний, то они обычно поднимались, когда у сербов просыпалась надежда на освобождение от турецкого владычества. Обычно восстания вспыхивали во время военных действий соседних европейских государств против

Османской империи. Так было, например, в 1593 г., когда султан объявил войну императору Рудольфу II. Сербь на следующий год подняли восстание в Банате. Действуя сообща с гайдуками, они сумели освободить ряд городов, в том числе и Вршац, превратившийся в центр повстанческого движения. Выступление сербов были подавлено турками, однако оно положили начало периодически вспыхивающей антитурецкой борьбе.

Важной чертой антитурецкого движения являлось участие в нем сербского православного духовенства. Эта прослойка сербского общества в эпоху иноземного ига была самой образованной и политически активной. Огромное значение для поддержания традиций сербской национальной культуры имело восстановление Печской патриархии (1577), произошедшее благодаря усилиям султанского Великого визиря Мехмеда Соколовича, являвшегося сербом по национальности. Его брат по имени Макарий был поставлен патриархом восстановленной Сербской Православной Церкви. Печские патриархи обычно направляли действия сербских иерархов, в том числе и антитурецкие. В конце XVI столетия одним из вожаков антиосманского движения был патриарх Иоанн. Век спустя после сокрушительного разгрома турецких войск в 1683 г. под Веной армией польского короля Яна Собесского и создания европейской “Священной лиги” для борьбы с османами, высшее сербское духовенство вступило в контакт с присоединившейся к лиге Россией. В 1688 г. в Москву был отправлен сербский архимандрит Исаия с грамотами валашского господара Шербана Кантакузина, бывшего Константинопольского патриарха Дионисия и Печского патриарха Арсения Черноевича с просьбами двинуть русские войска против турок для освобождения христианских народов. Ответ России до сербов не дошел, так как австрийцы перехватили Исаию на обратном пути и отобрали у него все документы. Но это не могло воспрепятствовать развитию русско-сербских политических связей. В указе о подготовке Крымского похода русское правительство заявляло о необходимости освобождения балканских народов от турецкого рабства.

Благодаря нестабильности в Османской империи, Австрия и Венеция сумели добиться значительных успехов на Балканах. В конце 80-х годов XVII в. австрийцы заняли всю Венгрию, Трансильванию и Славонию, а венецианцы овладели Афинами, Мореей и сражались в Далмации. Войскам “Священной лиги” оказывали помощь сербские гайдуки и добровольцы. После взятия австрийцами Белграда в 1688 г. и их вступления в Северную Сербию, освободительное движение сербов достигло своей кульминации. В 1689 г. отряд гайдуков численностью в три тысячи человек выбил турок из города Ужице, а осенью того же года сербские добровольцы своими силами освободили почти всю Северную Сербию. Воодушевленное победами

христиан над угнетателями на борьбу с турками поднялось население Македонии, и в конце указанного года Османская империя фактически утратила власть над Сербией и северной Македонией. Однако эти успехи длились недолго. Осенью 1690 г. огромное турецкое войско дошло до Дуная, взяв Смедерево, Белград и Видин и все круша на своем пути. Опасаясь мести османов, в габсбургские владения за Дунай переселилось около 60–70 тысяч сербов во главе с Печским патриархом Арсением Черноевичем. Этот массовый исход народа получил название “Великого переселения сербов”, обозначив границу между Средневековьем и Новым временем в истории культуры сербского народа.

Таковы самые общие контуры сербской средневековой истории, которые определили зарождение и развитие сербской национальной культуры. Особое значение для нее имело то обстоятельство, что сербские племена обосновались в северной и западной части Балканского полуострова, которые были открыты для культурных веяний как с греко-византийского Востока, так и с латинского Запада. Выйдя к побережью Адриатики, они вошли в соприкосновение с романским Римом и давно сформировавшимися городами с культурой романского типа. Наиболее крупными из них являлись Скадар, Улцинь, Будва и Котор, и они не могли не поражать воображение южных славян своими христианскими храмами, банями, театрами и другими общественными зданиями. С другой стороны, внутренние сербские земли, географически близкие к Болгарии и Византии, испытывали сильное византийское влияние, носившее явно экспансионистский налет. В отличие от Рима, Византия не была отделена морем от своих новых воинственных соседей и постоянно ощущала исходящую от них угрозу на своих северных границах. Поэтому она стремилась приблизить к себе славянские языческие племена через приобщение их к христианству, установить у них сначала свое церковно-религиозное, а затем и преобладающее политическое влияние. На перекрестке этих влияний, используя славянскую основу и складывалась сербская средневековая культура.

Письменность и литература. Появление и развитие у сербов письменности и зарождение оригинальной литературы было тесно связано с распространением христианства. Первая попытка крещения сербов была предпринята, по свидетельству Константина Багрянородного, еще при императоре Ираклии (610–641), приславшем миссионеров из Рима. Однако тогда новое вероучение, очевидно, восприняло крайне ограниченное число людей и оно не получило у сербов дальнейшего распространения. Пик миссионерской активности на Балканах пришелся на вторую половину IX в., и главным инициатором в этом направлении снова выступила Византия.

Император Василий I добился крещения сербского княжеского рода в Рашке (между 867 и 874). Но первоначально богослужение велось на непонятном народу греческом языке, и поэтому христианская вера не могла быстро укорениться среди новообращенных сербов.

Качественный скачок в процессе христианизации сербов произошел после появления в Нижней Паннонии и Болгарии учеников Кирилла и Мефодия, проповедовавших и отправлявших богослужение на славянском языке. Напомним, что, переправившись через Дунай во время бегства из Великой Моравии, они оказались в Белграде, бывшем тогда пограничной крепостью болгарского государства. Кроме того, как уже отмечалось выше, многие сербские земли в X в. были завоеваны царями Симеоном и Самуилом и включены в состав христианской Болгарии. При этом характерно, что процесс христианизации в Сербии отличался большим количеством перерывов и более сложной культурно-конфессиональной гаммой, чем у болгар. Отсутствие сильного централизованного государства, которое бы существовало сравнительно большой исторический отрезок времени, и природно-географическая разъединенность сербских областей не только замедлили процесс христианизации и становления собственной церкви у сербов, но и лишили его унифицированности и последовательности.

В отличие от болгар сербы еще долго употребляли глаголицу наряду с кириллицей. Глаголическая традиция подпитывалась в сербских землях благодаря поступлению глаголической книжности из Хорватии, где осели некоторые последователи Кирилла и Мефодия. Следует учитывать и то, что в Западной Болгарии (Македонии) переход к кириллице осуществлялся крайне медленно, и глаголические книги продолжали использоваться там много десятков лет наравне с кириллическими. Кроме того, освященная в Италии папой Адрианом II (867–872) славянская азбука глаголица в присутствии ее автора, первоучителя Кирилла (868), позднее стала оружием в борьбе между Римом и Константинополем за религиозное и политическое влияние среди южных славян. В противовес кириллице глаголица не имела никакого отношения к греко-византийскому унциальному письму и, следовательно, в культурно-религиозном плане она вводила южных славян в сторону Рима. Здесь можно вспомнить призыв папы Иоанна VIII к сербскому князю Мутимиру включить свои владения в юрисдикцию Паннонской епископии во главе с первоучителем Мефодием или одобрение глаголицы как языка богослужения на Сплитском церковном соборе в 925 г.

Известное распространение в стране получила и латинская письменность. Особенно сильное латинское влияние исходило от таких крупных романских городов на Адриатике, как Дубровник и Бар. Население

приморских романских портов Дукли все больше славянизировалось, и местная славянская знать принимала все более заметное участие в автономном городском самоуправлении. Захумский князь Михаил Вышевич, например, имея византийские титулы анфипата и патрикия, заседал в 20-е годы X столетия в Сплите на соборах латинских епископов. Вспомним и о принятии королевской короны князем Михаилом Воиславичем от римского папы Григория VII или о дружеских отношениях дуклянского правителя Константина Бодина с крестоносцами и его невмешательстве в норманно-византийское военное противоборство.

Характерной особенностью функционирования письменности в сербских землях в IX–XII вв. было то, что славянские глаголица, кириллица и памятники на латинском языке употреблялись не в каких-то компактных зонах с четко очерченными границами, а попеременно в одних и тех областях. К сожалению, от того времени древнейших памятников сербской письменности почти не сохранилось. Старейшим из уцелевших сербских кириллических датированных рукописей является “Мирославово Евангелие” (1185). Оно было создано по заказу хумского князя Мирослава и отражает нормы правописания зетско-хумской школы. Чуть младше его – написанная на сербском народном языке “Грамота бана Кулина” (1189) – боснийского правителя, заключившего мир с Дубровником. Более древним по сравнению с ними считается глаголический “Клоцов сборник” X–XI вв., возникший скорее всего в болгаро-сербской культурной контактной зоне. Спорным является и место происхождения глаголического “Мариинского Евангелия”, написанного в Македонии или на юго-востоке Сербии в то же время.

Оригинальными сербскими литературными памятниками X–XII вв. предположительно считаются “Хроника сербских князей”, житие князя Владимира (997–1019) и “Дуклянская летопись” X–XII вв., вошедшие в сокращенном и переработанном виде в так называемую “Летопись попа Дуклянина” или “Барский родослов”. Это произведение было создано анонимным сербским священником из Дукли (Зеты) и составлено первоначально, по утверждению автора, на славянском языке, а затем переведено им на язык латинский. Текст дошел до нас в латинской версии (рукопись XVII в.) и ее хорватском переводе второй половины XVI столетия. Время написания этого сочинения окончательно не установлено: оно датируется то 1149–1167 гг., то XIV–XV вв. Несомненно лишь одно – гипотеза о раннем происхождении входящих в родослов памятников пока не опровергнута. Повествование о св. Владимире несет, например, в себе традиционные черты княжеского мученического жития (герой погибает от рук коварных убийц в Преспе) и вполне могло существовать в виде самостоятельного памятника, а затем войти в летопись в сокращенном виде.

Более упорядоченный и регулярный характер развитие сербской литературной и книжной жизни приобрело в конце XII – начале XIII столетия после образования сильного сербского централизованного государства и утверждения у власти представителей династии Неманичей. Надо полагать, что именно в этот период началась широкомасштабная христианизация страны. Для литургической и миссионерской практики у сербских иерархов и книжников имелся корпус переводной и оригинальной славянской литературы, созданной в Великой Моравии и Болгарии в IX–XI столетиях. Им, конечно же, были хорошо известны кирилло-мефодиевские переводы Священного Писания, славянские переводы и оригинальные дополнения Цветной и Постной Триоди, осуществленные в Плиске, Преславе и Охриде, слова и поучения Климента Охридского, произведения Иоанна Экзарха и другие церковно-религиозные тексты.

Наряду с усвоением болгарского литературного опыта, сербские книжники XII–XIII вв. не обходили вниманием и литературные достижения восточнославянских писателей. Довольно рано в Сербии стали известны житие Бориса и Глеба, несторовское житие Феодосия Печерского, “Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона, притчи епископа Кирилла Туровского и иные сочинения древнерусских авторов.

Однако в потоке рекомендованной церковью литературы в сербские земли нередко попадали и запрещенные апокрифические произведения. Чаще всего, они имели болгарское происхождение. Здесь можно упомянуть “Повесть о крестном древе” болгарского пресвитера Иеремии, переводные “Видение Исаиево”, “Видение Даниилово” и др. Проникали в сербские земли и проповедники богомильской ереси, оружием против которой сербским книжникам служила “Беседа против богомилов” болгарского Пресвитера Козьмы. Но граница между апокрифическими и каноническими текстами иногда оставалась неясной даже для апологетов христианства, дискутировавших по поводу характера тех или иных сочинений на Церковных соборах. Поэтому и сами сербские книжники ненароком переводили с греческого языка книги с неканоническим содержанием: “Протоевангелие Иакова”, “Никодимово Евангелие” и некоторые другие.

Подобные случаи были редкостью и носили исключительный характер, ибо главные усилия книжников были направлены на создание такой литературы, которая бы способствовала постижению сербами Слова Божьего и удовлетворяла бы насущные потребности сербской церковно-религиозной жизни. В первую очередь для этого были необходимы уставы или типиконы – своды, регламентирующие богослужебный чин и быт монастырей и храмов. Зачинателем здесь выступил св. Савва, хиландарский монах, будущий

первый архиепископ Сербский. Он основал в афонском административном центре Карее свою келью и перевел для нее “Карейский типикон” (1199). Приблизительно в это же время или годом ранее Савва и его отец Стефан основали Хиландарский монастырь, ставший знаменитым и сыгравший огромную роль в духовной жизни сербов на протяжении не только славянского Средневековья, но и сербского национального Возрождения. Свое название он получил от греческого слова “*Χελωνδαριον*”, что означает “пасть льва”, ибо окружающий монастырь ландшафт и в самом деле напоминает львиный зев. В этой обители трудились замечательные сербские книжники, переводчики, каллиграфы и иконописцы. Здесь сложилось ценнейшее собрание духовных книг, по текстам которых в дальнейшем сверялась правильность славянских переводов с греческих оригиналов.

Для этого монастыря Савва перевел сам или способствовал переводу так называемого “Хиландарского типикона” (ок. 1200), а спустя несколько лет, в бытность архимандритом сербского Студйницкого монастыря, он составил “Студйницкий типикон” (1208). Переведены были в Сербии и “Синтагмы” Матая Властаря – сборник церковных правил и постановлений, и “Устав чтения Псалтыри”. Кроме того, по инициативе Саввы около 1220 г. была составлена и переводная сербская “Кормчая” – свод гражданских законов и церковных канонов.

Обилие в сербских землях переводной и оригинальной болгарской и русской книжности, равно как переводов с греческого, выполненных самими сербами, способствовало зарождению здесь собственного оригинального литературного творчества. Начало ему положил уже упомянутый монах Савва, составивший житие своего отца Стефана Немани – в монашестве Симеона. Этот пространный памятник был написан в 1208 г. как предисловие к “Студеницкому типикону” и носил проповеднический характер, проводя идею отречения от земных благ ради обретения Царствия Небесного. Савва посвятил св. Симеону также церковную службу, от которой сохранилось два поздних варианта, написанных между 1209–1213 и 1216–1219 гг. В них св. Симеон сравнивался с пророком Илией, занимавшим видную роль в теологии Ветхого Завета.

По стопам Саввы пошел и его брат Стефан, будущий сербский первоуниверсальный король, который создал житие Симеона Немани минейного типа (1216). В нем описывалась мирская жизнь святого и его пребывание на Афоне после пострижения, а также посмертные чудеса подвижника. Традиция прославления основателя династии Неманичей св. Симеона была продолжена в дальнейшем хиландарским иеромонахом Доментианом, составившим третье житие подвижника (1264). При этом он активно использовал материалы

из произведения, принадлежавшего перу Стефана Первовенчанного, и прибегнул к пышному панегирическому стилю. Кроме того, Доментиан создал житие св. Саввы (1243 или 1254) – самое пространное сочинение сербской средневековой агиографии, равное по объему целой книге. Автор умело обращается в нем к символам и поэтике Священного Писания, искусно оперирует приемами риторики, заставляя читателя восхищаться великолепными образцами стиля “плетения словес”.

Вносили свой вклад в развитие национальной литературы того времени и анонимные сербские книжники. Один из них составил в Хиландаре житие Саввы вскоре после смерти святого, которое было затем расширено за счет рассказа о перенесении мощей подвижника в Милешево и обогатилось другими добавлениями, вошедшими в текст так называемого “Краткого жития св. Саввы” (1240). Их перу также принадлежали посвященные свв. Симеону и Савве многочисленные гимнографические тексты и записи. Сохранилось, например, не менее четырех вариантов службы св. Савве, древнейший из которых датируется 1237–1238 гг., а позднейший – серединой XIII столетия.

Подъем, переживавшийся сербской средневековой литературой в конце XII – первой половине XIII в., стал еще более заметным при короле Милутине (1282–1321) – могущественном государе и покровителе сербской церкви. Обновление литературной жизни и обретение ею новых измерений во многом были также связаны с переходом сербов к новой богослужебной практике: замене “Студийского типикона” Иерусалимским (уставом св. Саввы Освященного). Реформа началась на Афоне и через Хиландарский монастырь распространилась на сербские земли после перевода нового типикона в 1318/1319 г. трудом и радением сербского архиепископа Никодима. Она повлекла за собой ревизию переводов основных литургических текстов (Евангелия, Апостола и Псалтыри) и необходимость переложения с греческого новых типов сборников, наподобие Стишного пролога – свода кратких житий с небольшими стихами перед некоторыми из них.

Усилившееся литературное движение неизбежно захватило и оригинальную часть сербской книжности. Обновлялись и дополнялись старые редакции житий и служб сербским святым, писались новые литературные произведения. Одним из самых видных сербских писателей того времени являлся хиландарский иеромонах Феодосий. Он обновил имевшуюся до него агиографическую традицию прославления святых из рода Неманичей, создав в конце XIII – первых десятилетиях XIV столетия новые варианты посвященных им произведений: житие и службу св. Савве и службу св. Симеону. Опираясь на текст своего предшественника Доментиана, иеромонах Феодосий, тем не менее, написал вполне самостоятельное, по сути дела,

новое житие св. Саввы. В этом памятнике сложная богословская символика отошла на задний план, уступив место живости повествования, не лишённого элементов беллетристичности.

Феодосиевские службы упомянутым святым также существенно отличались от прежних уже хотя бы потому, что в них, в соответствии с нововведенным Иерусалимским уставом, содержалось по два канона вместо одного. Кроме того, Феодосий составил Общий канон Христу, Симеону и Савве, и Общие каноны свв. Симеону и Савве (на восемь гласов и для четвертого гласа). Не довольствуясь проделанным для прославления этих знаменитых подвижников, книжник написал “Похвалу Симеону и Савве”, которая часто встречается в рукописях вместе с феодосиевским житием св. Саввы. Весомый вклад внес Феодосий в формирование культа отшельника Петра Коришского, подвизавшегося недалеко от Призрена во второй половине XIII в. На основе рассказов учеников Петра книжник приблизительно в 1310 г. создал житие и службу подвижника, прославляющие его монашескую аскезу.

Другим видным писателем той эпохи являлся архиепископ Данила II (1270–1337), проявивший себя не только как иерарх и творец, но и как дипломат. Его литературная деятельность, также как и творения иеромонаха Феодосия, может служить отражением начавшегося в сербской литературе XIV в. процесса кодификации сербской книжности (Д. Богданович) – то есть стремления к обобщению и унификации всех предшествующих литературных материалов с целью придания им известной завершенности. Даниле II принадлежит главная заслуга создания “Родослова” или “Цароставника” – объемистого сборника, содержащего жития сербских королей и архиепископов. Он написал для него жития королей Уроша, Драгутина, Милутина и кралицы Елены, архиепископа Арсения I, жития Иоанникия I и Евстафия I. “Родослов” представляет собой идейно-композиционное целое, он снабжен общими введениями для циклов житий кралей и архиепископов и отчасти напоминает “Степенную книгу царского родословия”, составленную на Руси в эпоху Ивана Грозного.

Формирование “Родослова” продолжалось почти до конца XIV столетия: его пополняли анонимные книжники, создавшие жития Стефана Дечанского, Стефана Душана, самого основоположника сборника – архиепископа Данилы II, королей Радослава и Владислава, архиепископов Саввы II, Данилы I, Иакова, Евстафия II и др. Для большинства составляющих “Родослов” произведений (в особенности пера Данилы II) характерно разнообразие используемых малых жанровых форм, которые придают особый колорит повествованию и делают его композиционно насыщенным. В то же самое

время включение молитв, внутренних монологов, проповедей и плачей в жития не являлось самоцелью – а способствовало лучшему выражению “духа мистического индивидуализма”, который, начиная с XIII в. стал распространяться на христианском Востоке и Западе и наиболее полно отразился в афонском исихазме (В. Мошин).

Развивался интенсивно в сербской литературе XIV в. и жанр “аренги” – вводной части дарственных грамот властителей, известный еще со времен Стефана Немани и Стефана Первовенчанного. “Аренги” составлялись, как правило, по распоряжению государей логофетами придворных канцелярий и отличались большой изысканностью. В них удивительным образом сочетались элементы биографичности, высокой приподнятости похвальных слов и исповедальной молитвенности. Таковыми можно считать аренги Карейской грамоты короля Милутина (1317–1318), написанной архиепископом Никодимом, Святостефанской (1313–1318), сочиненной архиепископом Данилой II, Дечанской грамоты 1330 г. Стефана Дечанского, грамоты Стефана Душана 1349 г. об издании им “Законника” и др. Последние две аренги носят автобиографический характер, что позволяло агиографам при желании заимствовать из них материалы при написании житий властителей.

Наряду с житиями и аренгами в тот период продолжала свое развитие и сербская гимнография. Этот жанр обогатил своими творениями не только Данила II, создавший незадолго до смерти службы св. Арсению и св. Евстафию, но и другие творцы. Одним из них явился болгарский монах, а позднее сербский патриарх Ефрем (1375–1379, 1389–1392). Он обитал некоторое время в Хиландарском монастыре на Афоне, а затем подвизался в Дечанском и Ждрелском скитах, где и написал между 1355 и 1377 гг. покаянные каноны Христу и Богородице, “Канон за царя” и составил около ста семидесяти стихир – покаянных молебных Христу, Богородице и стихир Крестобогородичных. “Канон за царя” позднее подвергся переработке и стал известен как “Молебствие о царе Стефане Лазаревиче”.

К жанру гимнографии близко примыкают проложные стихи, помещавшиеся перед краткими проложными житиями святых. Во второй половине XIV столетия в этом жанре проявил себя сербский книжник Силуан, написавший стихи к проложным житиям свв. Симеона и Саввы. Стихотворчеством занимался и книжник Иаков, бывший игуменом обители свв. Архангелов близ Призрена, а затем рукоположенный в митрополиты г. Сера. Он сочинил тринадцати- и четырнадцатисложные стихи, посвященные Неопалимой Купине, из которой Господь вещал свои заветы Моисею. Эти стихи читаются в Триоди, переписанной по распоряжению Иакова в 1359 г. для синайского монастыря Пресвятой Богородицы.

Силуан проявил себя также тем, что между 1363 и 1371 гг. поддерживал переписку с афонским исихастом Григорием Младшим. Сохранилось 9 писем, собранных вместе и известных под заглавием “Эпистолия кир Силуановы”. Эти письма-послания полны риторических богословских рассуждений, они служат цели наставления и призваны помочь Григорию достичь гармоничного состояния духа по отношению к миру и Богу.

Об обращении сербских книжников к глубинным основам христианской философии и религиозной мистике в тот период свидетельствует появление переводов с греческого языка сочинений соответствующего содержания. Здесь в первую очередь следует упомянуть деятельность старца Исаии из Сера, переведшего в 1371 г. такие труды знаменитого христианского писателя Псевдо-Дионисия Ареопагита (VI в.), как “О Небесной иерархии”, “О Церковной иерархии”, “О мистическом Богословии” и “Об именах Божиих”. Особую ценность представляет приписка Исаии к рукописи с переводом, в которой он сообщает о поражении в том же году сербов в битве против турок на реке Марице и об ужасных последствиях турецкого нашествия. Кроме того, книжник размышляет о приближающемся конце света, должном наступить в 1492 г., ибо 7000 г. от сотворения мира мыслится как последняя века, отделяющая человечество от будущих событий, описанных в Апокалипсисе.

Последовавшая затем трагичная для сербов Косовская битва (1389) повлекла за собой определенные изменения в культурной жизни страны. В литературе, в частности, она привела к формированию особого “Косовского цикла”, в центре которого находился погибший в сражении князь Лазарь. Этот государственный деятель, действительно, играл важную роль в жизни страны на протяжении двух последних десятилетий до своей гибели. Он фактически возглавил сербское государство, оставшееся без продолжателей мужской линии рода Неманичей, перенес центр сербской державы с Косова, Метохии и Рашки на берега Западной и Великой Моравы. Князь Лазарь проявил себя милостивым государем, предоставляя убежище бежавшим от турок византийским и славянским иерархам, писателям, изографам и музыкантам, принимая их как в своей новой столице Крушеваце, так и по всей Моравской Сербии. Он выступил тонким дипломатом, сумев уладить конфликт с Константинополем, который отказывался признать учреждение Сербской патриархии в 1346 г. при царе Душане.

Упомянутые заслуги князя Лазаря вместе с мученической смертью на Косовом поле способствовали быстрому причислению его к лику святых. Мощи святого в 1392 г. были перенесены из церкви св. Спаса в Приштине в монастырь Раваница, и это событие положило начало религиозному культу новоявленного мученика. Одно из первых сочинений, посвященных данному

святому, принадлежит перу сербского патриарха Данилы III Баньского (около 1350–1400), который являлся главным инициатором перенесения мощей князя Лазаря. Созданное им “Слово о князе Лазаре” было написано в связи с указанным событием, и по жанру напоминает нечто среднее между пространным житием и русской воинской повестью. Особую прелесть придает произведению проникнутый лиризмом плач княгини Милицы – вдовы Лазаря, сокрушающейся по своему убиенному супругу.

Тогда же появились анонимные проложное житие, служба и похвальное слово князю Лазарю, которые приписываются Даниле Баньскому или безымянному монаху из Раваницы (Д. Трифунович, Д. Богданович и др.). В дальнейшем на протяжении трех десятков лет о мученике пишутся новые многочисленные произведения, относящиеся к различным жанрам: летописное “Житие и владычество князя Лазаря” (после 1402), “Слово о князе Лазаре” анонимного автора, стихиры на малой вечерне, завершившие формирование полной службы (около 1402); “Похвала св. князю Лазарю”, созданная около 1402 г. монахиней Евфимией; еще одна “Похвала князю Лазарю”, составленная Антонием Рафаилом (1419–1420), и другие сочинения.

Из них большой интерес вызывает похвала князю Лазарю монахини Евфимии (в миру – Елена, вдова деспота Углеши, погибшего в битве с турками на реке Марице), текст которой она собственноручно вышила позолоченными нитками на красном атласе, служащем покровом для раки с мощами святого. С историко-литературной точки зрения весьма ценна и похвала Антония Рафаила. Она представляет собой великолепный образец стиля “плетения словес” с обилием витиеватых сложных слов, впервые введенных в поэтический оборот автором, который стремился придать своему творению стиль высокой дворцовой торжественности. И, наконец, необходимо упомянуть и о посвященной князю Лазарю эпитафии, которая читалась на памятном мраморном столбе, установленном в начале XV в. деспотом Стефаном Лазаревичем на Косовом поле. Вероятно, именно этот деспот и посвятил своему отцу данную эпитафию, имеющую длинное название (“Надгробное рыдание над князем Лазарем”) и выдержанную в риторическом духе.

В середине XIV столетия в сербской литературе появляется летописный жанр, опирающийся на византийские хроники преимущественно болгарского переводного происхождения. Часть из них (“Хроника Георгия Амартола”) была переработана и получила дополнение под названием “Житие и жительство королей и царей сербских”, которое стало своеобразным прото-ядром всех последующих оригинальных сербских летописей по XVIII в. включительно. Древнейшая из последних (так называемая “Старшая летопись”) еще во многом походила на ранние сербские агиографические

повествования и представляла собой галерею “миниатюрных портретов” сербских властителей (Д. Трифунович), чьи краткие жития выстраивались в хронологической последовательности и связывали воедино нить национальной истории. В отличие от нее, появившаяся в первой половине XV столетия “Младшая летопись” давала читателю лаконичные сведения о ходе исторических событий с указанием года, в котором они имели место.

Другой разновидностью историографического жанра, возникшей в сербской литературе XIV в., являлся так называемый “Родослов”. Эта разновидность стала органическим продолжением сербских помянников XIII–XIV вв. – перечней имен местных королей и архиепископов, где обычно не давалось дополнительных фактов. Первый из родословов под названием “Краткая история властителей сербских” был составлен, предположительно, в монастыре Милешева между 1374 и 1377 гг. и был призван подтвердить права на королевский титул боснийского бана Твртко Котроманича. Это обстоятельство и определило основную задачу родослова, которая заключалась в приведении сведений, подтверждающих кровную связь коронованных особ (или особ, претендующих на корону) с родоначальниками правящей династии. В дальнейшем родослов пополнялся новыми данными и редактировался в периоды правления Стефана Лазаревича, Георгия Бранковича (1433–1456), сремских Бранковичей (1506–1509) и представителей рода Якшичей (1563–1584).

Перечисленными произведениями и жанрами не исчерпываются богатства сербской литературы того времени. Ряд упомянутых нами авторов, помимо посвященных князю Лазарю произведений, написали и другие сочинения. В частности, архиепископ Данила Баньский около 1380 г. составил службу королю Милутину (1281–1321), монахиня Евфимия создала поэтические сочинения, в которых оплакивался ее умерший младенец – Углеша Деспотович (между 1368 и 1371) и отправлялось “Моление Господу Иисусу Христу” (1398/1399). Любопытно то, что последние два произведения представляют ценность не только как памятники поэзии, но и сербского прикладного искусства. “Плач” по сыну был выгравирован мастерами на обороте иконки-складня с изображением Христа и Богородицы, а “Моление” – вышито золотом на завесе для царских церковных врат. Оба эти предмета были отправлены в дар Хиландарскому монастырю, где они хранятся и поныне.

Стефан Лазаревич не просто покровительствовал развитию сербской культуры, но и, как уже отмечалось, лично участвовал в этом процессе. Помимо эпитафии отцу, он написал поэтическое послание “Слово о любви”, адресованное его брату Стефану Вуку, а также, предположительно, несколько аренг. Эти произведения вместе с сочинениями монахини Евфимии и

архиепископа Данилы Баньского образуют круг “придворной” книжности, не лишенной светских элементов.

Вторая половина XIV – первая треть XV столетия стала временем утверждения в сербской культуре идей исихазма. Это учение распространялось благодаря тесным связям сербских земель с Афоном и Константинополем и волне греческих и болгарских эмигрантов, перебивавшихся в сербские земли в связи с османским нашествием. Из них наибольшую известность получили болгарский монах Ромил Видинский (Бдинский), умерший в Раванице около 1376 г., и его ученик Григорий Синаит Младший, написавший на греческом языке житие своего учителя вскоре после его кончины. Позднее житие Ромила, равно как и служба святому, составленная греческим монахом Иоасафом, были переведены на славянский язык и стали достоянием сербской книжности.

Прославлен был и другой исихаст, уже упоминавшийся нами патриарх Ефрем, – болгарин по рождению, живший известное время на Афоне. Житие и службу ему написал на рубеже XIV–XV вв. епископ Марк Печский (около 1360–1411), который оставил после себя также службу архиепископу Никодиму и биографическое “Слово в память Герасима и Евгения” – описание жизни своих родителей, братьев и сестер, избравших для себя путь монашеского спасения души.

Из среды писателей-эмигрантов, обретших пристанище в сербских землях благодаря покровительству Стефана Лазаревича, на первое место следует поставить Григория Цамблака (ок. 1364–1420) – известного церковного деятеля и книжника, внесшего свой вклад в развитие болгарской, славяно-молдавской, сербской и русской литератур. Во время пребывания в Сербии, имевшего место в первом десятилетии XV в., Григорий Цамблак создал три сочинения на местные темы: житие и службу сербского деспота Стефана Дечанского и “Рассказ о перенесении мощей св. Петки из Тырнова в Видин и Сербию”. Первое из них было призвано заместить прежнее житие деспота, входившие в “Родослов” архиепископа Данилы, как не отвечающее духу времени. Стефан Дечанский изображен в нем как кроткий смиренный страдалец, которого ослепил отец, а затем задушил родной сын. Он выступает также как защитник идей исихазма и участник происихастского Константинопольского собора 1341 г., что грешит против исторической истины, ибо тот состоялся только через десять лет после смерти деспота. Несмотря на подобные неточности, житие занимает видное место в истории сербской литературы по причине стройности своей композиции, эмоциональной напряженности повествования и использования автором принципов ритмизации прозы.

Столь же важную роль играла и Служба Стефану Дечанскому, которая явилась первой службой святому, что, несомненно, способствовало укреплению

культы подвижника как в Дечанском монастыре (где она была составлена), так и во всех сербских пределах. Третье, написанное в Сербии произведение Григория Цамблака, прославляло христианскую святыню: мощи преподобной Петки, ставшей защитницей и покровительницей Сербии – преемницы разоренной турками Болгарии. Оно превратилось в панегирик сербским властителям и сербской земле – средоточию благочестия, боголюбия и высокой духовности. Это сочинение получило затем широкую известность среди южных и восточных славян, и св. Петку стали называть не только “Тырновской”, но и “сербыней”.

Другим крупным писателем-эмигрантом, перебравшимся около 1410 г. из болгарских земель в Сербию был Константин Костенецкий. Самым значительным из созданных им здесь произведений явилось “Житие деспота Стефана Лазаревича”, представлявшее собой качественно новое явление в истории древнесербской словесности. В этом агиографическом сочинении присутствуют многочисленные летописные элементы, отдельные пассажи напоминают выдержки из светских хроник, что делает его похожим на историографический труд. Автор дает генеалогию Неманичей, приводит сведения об исторических битвах в Сербии и соседних странах, называет даты этих событий. Сам деспот изображается как отважный витязь и приверженец “безмолвия” исихастов.

Второй его по значимости труд “Разъясненное сказание о письменах” (до 1418) явился попыткой грамматически обосновать так называемое “ресавское” правописание, сформировавшееся в сербской книжности в конце XIV – первых десятилетиях XV в. Это правописание служило образцом для многих славянских книжников в продолжение почти двух столетий. Видимо, в Сербии книжник перевел с греческого языка и сочинение “Смотрение вселенной” – своеобразный путеводитель для паломников по Святым местам.

После перехода Белграда в руки венгров (1427) эстафета средоточия культурной и литературной жизни сербов перешла к Смедереву, коим оно оставалось вплоть до окончательного захвата его турками (1459). Из появившихся тогда литературных памятников обращает на себя внимание “Слово надгробное Георгию Бранковичу” (1456), написанное анонимным автором, который вошел в научную литературу как “Смедеревский проповедник”. Слово посвящено кончине указанного деспота, бывшего племянником и политическим преемником Стефана Лазаревича. Оно отличается искренностью, эмоциональностью, проникнуто тревогой за будущее родины.

Кроме этого, в Смедерево между 1453 и 1459 гг. другими двумя анонимными авторами были созданы два сочинения о перенесении в новую сербскую столицу мощей апостола Луки из греческого г. Рогоса. Первое из

них не имеет обозначения жанра, написано на простом народном языке и снабжено дополнением с перечислением восьми чудес, сотворенных мощами апостола. Оно ценно тем, что содержит в себе множество исторических данных, включая перечень имен всех членов семьи Бранковичей. Второе произведение названо анонимным автором “повестью”, имеет больший объем и изобилует богословскими рассуждениями. Однако и его нельзя назвать абстрактно-отвлеченным, так как в нем также приводится масса интересных исторических сведений.

В эпоху Бранковичей на ниве родной культуры потрудился переводчик и переписчик Стефан Сербин, который переложил с греческого для сыновей Георгия Бранковича два сборника с творениями Иоанна Златоуста: “Шестоднев” и собрание златоустовских проповедей.

Сербскую традицию женского литературного творчества, заложенную в XIV в. монахиней Евфимией, продолжила в XV столетии Елена Балшич – третья дочь князя Лазаря, побывавшая замужем за зетским властителем Балшичем и боснийским воеводой Храничем. Потеряв первого, а затем и второго мужа (1435), Елена решила провести остаток жизни на уединенном острове в Скадарском озере, где на ее средства был возведен храм пресвятой Богородицы. Дожив здесь до глубокой старости, она не утратила ясность ума и поддерживала оживленную переписку со своим духовником, монахом Никоном Иерусалимцем (некоторые ученые идентифицируют последнего с известным Никандром Иерусалимцем, обитавшим в иерусалимской обители свв. Архангелов). До нас дошли три послания, исполненные глубокой религиозной духовности и служащих блестящими образцами древне-сербского эпистолярного жанра.

В крупный сербский литературный центр, возможно, мог превратиться богатый горняцкий и торговый г. Ново Брдо, откуда были родом три видных сербских писателя XV в.: Владислав Грамматик, Димитр Кантакузин и Константин Михайлович. Однако в середине указанного столетия он был захвачен турками, и будущие книжники были вынуждены покинуть родное место. Литературная деятельность первых двух писателей оказалась связанной с Болгарией, а третьего – с Польшей.

Владислав Грамматик не ограничился созданием оригинальной “Рильской Повести” – рассказом о возобновлении в 1469 г. болгарской Рильской обители, разрушенной турками во время нашествия, и перенесении в нее мощей св. Ивана Рильского из Тырнова. Он проявил себя одним из самых плодовитых переписчиков и каллиграфов, оставив потомкам внушительное количество прекрасно оформленных, объемистых рукописных компендиумов: “Загребский сборник”, созданный для Димитра Кантакузина в Жеглиговском

монастыре (1469); “Адрианты” – сборник со словами Иоанна Златоуста, переписанный для иноков Рильского монастыря (1473); “Рильский панегирик” (1479). В этих рукописях помещались не только переводные византийские сочинения, но и многочисленные славянские произведения, способствовавшие культурному единению болгар и сербов: жития первоучителя Кирилла, Саввы Сербского и Петра Коришского в редакции Феодосия Хиландарца, Стефана Дечанского пера Григория Цамблака и др.

Димитр Кантакузин, помимо сочинений, вошедших в болгарскую литературу написал еще несколько оригинальных сочинений, из которых наиболее важное – “Молитва Богородице” (рубеж 1460-х – 1470-х гг.). Она относится к жанру “умилительной” покаянной поэзии и навеяна творчеством Андрея Критского, константинопольского патриарха XIV в. Филофея Коккина и др. византийских авторов. Но в целом это состоящее из 77 строк поэтическое сочинение является вполне оригинальным и отличается стройной композицией, искусным использованием приема анафоры и повышенной эмоциональностью. Автор исповедуется перед Богородицей, раскаивается в совершении несправедных дел, ужасается от сознания своей греховности и трепещет при мысли о страшной неизбежной расплате. Кроме данной молитвы, Димитру Кантакузину принадлежат несколько посланий (уцелело только послание к domestiku Исаие – предположительно, сербскому монаху Жеглиговской обители) и похвальные слова Димитрию Солунскому и Николаю Мирликийскому.

Третьим писателем, связанным с Ново Брдо, точнее с местечком Островица в его окрестностях, был Константин Михайлович, живший во второй половине XV – начале XVI в. и оставивший нам яркое сочинение “Записки янычара” (или “Турецкая хроника”). Оно было составлено в Польше между 1497 и 1501 гг. и сохранилось в более поздних польских и чешских списках. У Константина была богатая событиями жизнь: он попал в плен к туркам, принял ислам, сделался янычаром, участвовал во многих турецких походах и позднее в Венгрии поступил на службу к беглым сербским деспотам Стефану и Димитру Якшичам. В своем произведении он дал описание обычаев турок, их походов, проводил идею сплочения христиан против своего общего врага. Сочинение интересно и тем, что его автор опирался не только на свои личные впечатления, но и использовал турецкие и сербские устные народные предания, причем последние явно носили черты сербской народной эпической поэзии.

В этот же период в сербской духовной жизни усиливается авторитет представителей сремской династии Бранковичей. После своей кончины они провозглашаются сербскими святыми, создаются их жития и службы им.

Анонимный монах из сремского монастыря Купинова, где находились мощи сына Георгия Бранковича деспота Стефана († 1476), написал между 1486 и 1491 гг. службу святому. Созданы были также его проложное и пространное жития. Прославлена была и вдова Стефана – деспотица Ангелина († между 1516 и 1520), основавшая во Фрушкой горе монастырь Крушедол вместе со своим сыном Георгием, который стал митрополитом Валашским, затем митрополитом Белградским и умер в 1516 г. в сане архиепископа, приняв монашеское имя Максим. Они нашли упокоение в указанной обители вместе с Иоанном († 1502) – сыном Ангелины и братом Максима и были довольно быстро канонизированы. Вначале появилось обширное проложное житие св. Максима летописного характера, а вслед за ним анонимная служба подвижнику (ок. 1523). Обширная и глубоко лиричная служба деспотице Ангелине была написана, скорее всего, около 1530 г. в связи с перенесением мощей святой в Крушедол. Еще раньше возникли житие и служба Иоанну, чьи останки находились в обители с 1509 г.

Кроме того, продолжая сербскую традицию объединения культов нескольких святых в одной службе, неизвестный крушедолец составил общую службу деспотам Бранковичам, в которой проводилась идея собирания “рассеянного” сербского народа и объединения разделенного отечества. Культ Бранковичей в то время принял общепалканский и общеправославный характер. Мощи святых, принадлежащих к этой династии, переносились из страны в страну и из города в город и в условиях турецкой неволи способствовали укреплению духа христиан в Османской империи.

Очень популярным среди сербов в первой половине XVI в. было и имя Стефана Штиляновича – князя, боровшегося на стороне венгров против турок вплоть до захвата последними Будвы в 1540-х гг. Останки Стефана перенесли во фрушкогорский Шишатовачкий монастырь, и спустя годы возник цикл посвященных князю произведений: тропарь, похвальное слово и служба. Однако по поводу времени установления его культа существуют разногласия: одни исследователи считают, что служба Стефану появилась не позднее конца XVI в., другие относят канонизацию святого к 1630–1631 г.

Во второй половине XV – XVI столетии в сербской книжности продолжали развиваться жанры летописей и родословов. Расширяясь и пополняясь новыми записями об исторических событиях, летописи оформились в четыре основные редакции, каждая из которых была представлена приблизительно пятью десятками рукописей. Возникла и первая местная Грабовачская летопись, которая была лишь косвенно связана с сербской хроникой (1593–1602). Традиция ведения летописных заметок сохранилась в сербской письменности и на протяжении XVII в., примером чему могут служить записи,

составленные диаконом Афанасием и иеромонахом Стефаном из Раваницы. В них, в частности, повествуется о турецко-австрийской войне 1683–1696 г., о разорении сербской церкви и отечества и о Великом переселении сербов. Многие из летописей испытали влияние устного народного творчества и донесли до нас народные предания и легенды.

Точно также продолжали составляться в сербской книжности и новые родословы. Очередной этап их развития пришелся на конец XV – начало XVI в. и связан с намерением составителей ввести в историю сремский род Бранковичей. Первый из таких родословов возник в 1486–1497 гг., а второй – между 1506 и 1509 гг. Кроме того, во второй половине XVI столетия был составлен родослов Якшичей, который был призван установить преемственную династическую связь между родами Неманичей, Лазаревичей, Бранковичей и Якшичей.

К национальной историографической традиции непосредственно прилегают и поздние сербские хронографы – своды знаний по мировой истории, почерпнутые из византийских хроник. Они имеют также отношение к русскому Хронографу, составленному в Иосифо-Волоколамском монастыре между 1516 и 1522 гг. при активном использовании многих сербских источников. Сербские писцы, в свою очередь, позаимствовали из него ряд статей о болгарях и сербах, а также из византийских хроник, болгарских и сербских житий. Обращались они в ряде случаев и к более поздней пространной редакции русского Хронографа 1617 г. В общей сложности до нас дошло около 15 списков сербских хронографов, среди которых наиболее известными являются Житомирский (1634), Верхобрезничский (1650), Белопольский и Пивский (оба – XVII в.).

Сербское литературное развитие в XVII столетии в целом переживает состояние упадка. Несмотря на восстановление патриаршего статуса Сербской Православной Церкви (возобновление т.н. Печской патриархии в 1577 г.), положение не могло существенно измениться в лучшую сторону. Основные усилия церкви были направлены на организацию хозяйственно-экономической жизни новых епархий, строительство новых и ремонт старых монастырей и храмов, пополнение библиотек обителей богослужебными книгами взамен погибших. Заметное оживление в этой связи наблюдалось лишь в деле переписывания книг и украшения фресками новых церквей. Появились странствующие группы писцов, искавшие заказы на изготовление рукописей, возникли многочисленные скриптории, как в историческом центре Сербии, так и в других краях: Пече, Грачанице, Студенице, Милешево; в так называемой “Малой Святой горе” – обителях Овчарско-Кабларского ущелья и некоторых монастырских скитах. Особенно выделялся в XVII в.

монастырь Рача на р. Дрине, занимавший видное место в сербском книгописании этого и следующего столетий.

Важную роль в обеспечении сербских храмов тщательно проверенными каноническими книгами продолжали исполнять в XVI–XVII столетиях Хиландарский монастырь и Афон, где трудились такие известные сербские книжники, как монахи Виссарион и Христодул, иеромонах Орест из Раваницы, писцы Захария, Григорий, Варлаам, иеромонахи Дионисий и Савва, монах Аверкий из Герцеговины и др.

Одним из немногих оригинальных сербских писателей XVII в. выступил патриарх Паисий. Он родился в горнячком местечке Янево около 1550 г. и прошел путь от простого монаха до митрополита Новобрдского. Взойдя на патриарший престол в 1614 г., Паисий более трех десятилетий стоял во главе Сербской церкви. Свою книжную деятельность он начинал как переписчик и создатель миниатюр, а к оригинальному творчеству приступил после возведения в сан патриарха. По случаю обретения мощей короля Стефана Первовенчанного в Сопочанах (1629), он составил службу и проложное житие святого, в монашестве Симеона. Паисий посчитал также необходимым прославить царя Уроша, создав службу и житие (1642). Особый интерес вызывает последнее произведение благодаря причудливому переплетению в нем фольклорно-поэтического и историографического начал. Автор сам упоминает о том, что использовал не только сербские летописи, родословы и “хрисовул” – грамоту, но и устные рассказы архиепископов. С народной поэзией в житии связано, в частности, описание собранного князем Вукашином сабора в призренской Архангельской церкви. Ряд черт произведения свидетельствует об известной трансформации сербского житийного жанра. Доказательством может служить не только барочное заглавие жития, но и слова самого автора, говорящего о себе в первом лице.

Помимо патриарха Паисия, посильный вклад в развитие сербской гимнографии внесли еще два анонимных автора XVII столетия. Безымянный крушедольский книжник в последней четверти указанного века составил стихиры деспоту Иоанну Бранковичу, а другой не назвавший себя гимнограф сочинил стихире князю Лазарю, поместив ее в сборнике Киприана Рачанина, написанном в 1692–1694 гг. Некоторые исследователи полагают, что авторство последней принадлежит все тому же Киприану Рачанину. Данная стихира, кроме своих поэтических особенностей, интересна и тем, что в ней впервые используется понятие “сербский народ”, не встречавшееся прежде в сербской средневековой словесности.

После австро-турецкой войны 1683–1690 гг. и Великого переселения сербов во главе с сербским патриархом Арсением Черноевичем в австрийские

земли за Дунай традиции сербской культуры получили возможность развиваться в принципиально новых условиях. Это способствовало быстрому появлению произведений, в которых обнаруживаются черты литературы “нового” времени. В качестве примера можно привести знаменитую пятитомную “Славяно-сербскую хронику” переводчика и дипломата графа Георгия Бранковича (1645–1711), написавшего свой историографический труд в заточении в Вене и чешском г. Хебе, куда его отправили австрийцы после неудавшегося сербского антиосманского восстания в конце XVII столетия. В упомянутом сочинении писатель затронул не только традиционные для сербской средневековой историографии темы всемирной истории и родословия сербских властителей – он рассказал читателям о сербской мифологии, обычаях сербского народа, происхождении династии Неманичей, соседних с Сербией странах – Венгрии и Валахии, и довел свое повествование вплоть до 1705 г. – то есть до современности. Данное произведение, разумеется, нельзя назвать научно-историческим из-за некритичного использования автором источников, однако его следует считать свидетельством перехода от средневекового понимания истории к современному.

Новые тенденции продолжали успешно сосуществовать в сербской книжности со струей традиционной церковнославянской литературы по середину XVIII в. включительно. Иллюстрацией этому может служить книжное наследие Гавриила Стефановича Венцловича († 1750), трудившегося в сербском храме св. Луки в венгерском г. Сент-Андре. Он оставил потомкам около двух десятков объемистых сборников, отличающихся как по своему языку, так и по содержанию. Одни сборники писаны на церковнославянском языке в его сербской редакции – в других используется “простой диалект”, то есть язык, близкий к народному разговорному. В одних присутствуют традиционные церковно-богослужебные тексты (“Служебник”, 1711–1716; “Часослов и Богородичник”, 1725; “Молитвы и акафисты”, 1739; и др.) – содержание других оказывается значительно ближе к современности в смысле новых литературных веяний или своего актуального духовного предназначения: примером тому могут служить переводное барочное произведение “Меч Духовный” Лазаря Барановича (1736) и составленный Венцловичем для паствы сборник “Поучения и слова различные” (1732). Любопытно, что две группы сборников писателя различались даже по своему графическому воплощению. В первой книжничке, как правило, прибегал к торжественному полууставу, а во второй обычно употреблял полуустав и скоропись.

Итак, древнесербская литература прошла относительно краткий, но славный путь развития. Она появилась на культурном небосклоне позже,

чем литературы древнеболгарская и древнерусская, однако этот факт не способен умалить неоспоримые достоинства сочинений древнесербских книжников. Значимость их вклада в общеславянское литературное движение вперед явственна и ощутима. Некоторые жанры древнесербской литературы получили большее развитие по сравнению, например, с аналогичными жанрами древнеболгарской книжности. Это касается, в частности, таких жанров как историографический, агиографический (владельческие жития) и гимнографический. Оригинальные древнесербские летописи, родословы и хронографы с небольшими перерывами продолжали создаваться на протяжении почти всего Средневековья. Во многом этому способствовала устойчивая преемственность светской и церковной власти, переходившей вначале к представителям династии Неманичей, а затем Лазаревичей и Бранковичей – властителям и иерархам, которые довольно быстро канонизировались в качестве святых. Их деяния постоянно прославлялись в летописях, житиях и службах, что понуждало древнесербских книжников вновь возвращаться к оценке их деятельности и создавать новые все более изощренные приемы владения словом. Вероятно, именно данное обстоятельство и привело к тому факту, что панегирический стиль “плетения словес” зародился у сербов еще в XIII столетии, то есть на век раньше, чем у болгар.

Еще одной “изюминкой” древнесербской словесности, несомненно, следует считать наличие особого жанра “аренги” – явления неизвестного для других славянских литератур эпохи Средневековья. Можно также напомнить и об активном участии в исторической народной судьбе и в сербском литературном процессе целой плеяды блистательных сербских женщин: княгини Милицы, монахини Евфимии и Елены Балшич. В этом смысле древнесербская литература обладает больше близостью к европейскому литературному Западу, чем к соседней Болгарии, где занятия политикой и писательством были сугубо мужским делом. И, наконец, необходимо отметить неразрывную связь и взаимодействие древнесербской книжности с устным народным творчеством. Эта связь порой делает трудным ответ на вопрос о первооснове многих литературных и фольклорных памятников (влияние фольклора на литературу или наоборот?), но в конечном итоге искусство слова от нее только выиграло. Кроме того, с появления первых памятников древнесербской письменности, местные книжники, искусно используя богатства славянского литературно-книжного языка, не забывали и о существовании языка народного.

Книгопечатание. Близость сербских земель к западноевропейским странам сыграли значительную роль в относительно раннем появлении у южных славян книгопечатания. В конце XV – начале XVI в. на славянском

юге и поблизости от него возникло несколько типографий, печатавших кириллические книги богослужебного характера. Наиболее древними из них являются “Октоих” (Цетинье, 1494), которую издал иеромонах Макарий в книгопечатне, основанной зетским правителем Джурджем Черноевичем, и “Псалтырь с воследованием” (Цетинье, 1495). Несколько славянских типографий появилось и в Венеции, в одной из которых в XVI в. трудились сербские печатники из Подгорицы Божидар Вукович с сыном. Ими и их итальянскими преемниками были изданы “Служебник” (1519) и “Букварь” (1597) дечанского иеромонаха Саввы. Другая славянская венецианская типография появилась во второй половине XVI в. благодаря радению которского властителя Иеронима Загуровича. После смерти владельца она перешла в собственность итальянского рода Джинами, и в ней продолжались выпускаться славянские кириллические книги, в частности, и последняя сербская книга на церковнославянском языке – “Псалтырь с Часословом” (1638).

Небольшие типографии периодически возникали и в сербских землях, однако они быстро прекращали свою работу из-за неблагоприятных условий. Известна, в частности, находившаяся в Горажде книгопечатня Божидара Горажданина, который известное время обитал в монастыре Милешева. Он отправил двух своих сыновей Джураджа и Феодора в Италию учиться книгопечатному делу. Первый из них вскоре умер, а второй переехал в Горажде, куда была перенесена и книгопечатня. Здесь он выпустил “Псалтырь с воследованием” (1521) и “Требник” (1523). Другая типография помещалась в монастыре св. Георгия в местечке Руйно у подножия горы Пониква близ Ужице. Монах Феодосий сумел напечатать в ней свою единственную книгу – “Четвероевангелие” (1537). Еще одна книгопечатня была расположена в знаменитой обители Грачаница на Косовом поле. Единственная выпущенная здесь книга появилась на свет благодаря радению Новобрдского митрополита Никанора, отличавшегося большим книголюбием и ктиторовской щедростью. Это был “Октоих” (1539), отпечатанный мастером Димитрием и снабженный предисловием самого Никанора.

Особо следует остановиться на деятельности печатника иеромонаха Мардария, получившего навыки издательского дела в Венеции, куда он был отправлен игуменом Милешевского монастыря Даниилом. По возвращении оттуда вместе со своими сотоварищами – иеромонахами Саввой и Никанором – он отпечатал в Милешева “Псалтырь с воследованием” (1544), а затем и “Требник” (1546), повторивший издание Горажданского 1537 г. Затем в работе милешевской типографии по неуставленным причинам произошел одиннадцатилетний перерыв, и изданная после него анонимными мастерами “Псалтырь с воследованием” (1557) имеет совсем другой, мелкий

и менее красивый шрифт. Что же касается упомянутого мастера Мардария, то он переместился в белградскую типографию, основанную князем Радишей Димитровичем, где осуществил издание “Четвероевангелия” (1552). Следы его затем обнаруживаются в типографии, располагавшейся в обители Мркшина црква, точное местонахождение которой учеными не установлено. Народные предания помещают его то в местечко Косиерече близ Ужице, то близ г. Валево на реке Мршинац, то связывают с именем князя Мркша, владевшего землями в нахии Руйно во второй половине XV столетия.

В книгопечатне Мркшина црква были выпущены “Четвероевангелие” (1562) и “Триодь Цветная” (1566). Последнее из двух отмеченных изданий мастер Мардарий подготовил уже будучи в преклонном возрасте, опираясь на помощь своих учеников попа Живко и диака Радула. “Триодь Цветная”, как и предыдущие издания, свидетельствуют о его отменном вкусе и несомненном таланте мастера. Высокий полиграфический уровень исполнения характерен и для подавляющего большинства остальных сербских старопечатных книг. Они, как правило, имеют шрифты, копирующие лучшие образцы почерков сербских писцов-каллиграфов, украшены типичными для балканской орнаментики заставками-плетенками и инициалами с растительными и зооморфными мотивами. В них часто встречается вязь, а печать осуществлена в два приема двумя красками – черной для основного текста и красной для заголовков. Иногда издания украшаются гравюрами, как например, грачаницкий “Октоих” (1539).

Сербские старопечатные книги выпускались относительно большими тиражами по несколько сот экземпляров каждый и в целом вполне удовлетворяли спрос на богослужебную литературу. Помимо утилитарной литургической функции, они играли важную просветительскую роль: Псалтырь, например, использовалась не только для богослужения, но и для обучения грамоте, а Четвероевангелие способствовало духовному единению православных перед лицом религиозно-ассимиляторских устремлений турок на Балканах. К сожалению, после выпуска мардариевской “Триоди Цветной” (1566) традиция книгопечатания в сербских землях была прервана и возобновилась только в 1830-х гг.

Фольклор. Важной составляющей сербской средневековой культуры является фольклор. Хронологически он возникает раньше литературы и письменности, уходя своими корнями в праславянскую эпическую общность. И в более позднее время многие его пласты не утрачивают фактической и типологической близости к фольклору общеславянскому и общепалканскому. Здесь, прежде всего, следует упомянуть различные обряды, связанные с Юрьевым днем, русальной неделей, началом сева или окончанием уборки

урожая, свадебные песни, оплакивающие горькую участь невесты, которая покидает отчий дом и др.

Тем не менее сербский фольклор обладает своим собственным обликом и неповторимым национальным колоритом. Если в русских народных сказках равноправным партнером человека выступает медведь, то в сербских – волк. Сербские сказочники относятся к нему с явной симпатией, что объясняется, скорее всего, древними тотемическими представлениями народа о волке как о своем прародителе. Недаром в Сербии получили такое большое распространение имена Вук (Волк) и Вукашин (Волкашин). В то время как в русских сказках часто присутствует медведь с деревянной или железной ногой, то в сербских – волк с железной головой. Из средних животных наиболее популярен в местных сказках барсук. Аналогом русского Иванушки-дурачка, у сербов является хитроумный Эро, который, несмотря на обманчивую внешнюю простоту, способен посмеяться и над судьей, и над монахом, и над турками.

Большую роль в сербском фольклоре играет и Змей. Это не бессмысленно жестокий русский Змей Горыныч, который только вредит и пакостит людям, – сербский Змей способен превращаться в доброго молодца, и отношение к нему у народа самое положительное. С таким молодцем охотно вступают в связь сельские красавицы в надежде зачать от него бесстрашного юнака. Дети от такой связи вырастают в защитников не только своей родины, но и всех обездоленных. Семь самых отважных сербских героев – Милош Обилич, Вук Огнезмей, Реля Бошнянин, Банович Секула, Банович Страхиня, Лютица Богдан и Марко Краевич, – согласно народным легендам, были рождены от змеев.

Весьма колоритны и сербские народные поговорки. Большинство из них имеют свои аналоги в балканском и славянском фольклоре, некоторые неповторимы и уникальны. В качестве примеров можно привести такие поговорки, как: *“Хороша рыба рак, да не ест ее всяк”*; *“Змея красива, да зла”*; *“И старая овца соль лижет”*; *“Умной голове одного глаза достаточно”*; *“Осла звали на свадьбу, чтобы воду возить”*; *“Тяжело теще на зятьевой улице”*; *“Кто здоров, годы не считает”*; *“Сырое дерево вместе с сухим сгорит”*; *“На собаку, если она бежит, все улюлюкают”*. Следует также отметить еще одну особенность сербского фольклора – наличие в нем *“севдалинок”* (от турецкого слова *“севда”* – любовь) – любовных песен, распространявшихся в южных районах страны, где жило много мусульман.

Вершиной сербского фольклора по праву считается героический эпос. Публикация сербских народных песен великим деятелем национального Возрождения Вуком Караджичем в 1810-х–1830-х гг. произвела настоящую сенсацию не только в Сербии, но и в Европе. О них восторженно отзывались

европейские ученые, писатели и поэты. Известный русский исследователь И.И. Срезневский, делясь впечатлениями о сборнике Вука Караджича, в своем “Письме из Вены о сербских песнях” эмоционально восклицал: “Вещь драгоценная!” Знаменитый филолог-германист Я. Grimm с восхищением констатировал: “в сербских песнях язык, чистый, благородный; рассказ полный, связный и ясный с начала до конца”. Увлечение сербскими народными песнями мы встречаем в творчестве Гете, Мериме и Пушкина. С эпохи романтизма интерес к ним не ослабевал: они стали неотъемлемой частью культурной сокровищницы Европы.

При обращении к сербским героическим песням следует сразу же упомянуть о научных дискуссиях по поводу времени их происхождения. Первый издатель песен Вук Караджич заключил, что они слагались по свежим следам исторических событий и довольно верно отражают канву сербской истории. Однако спустя век хорватский ученый Т. Маретич пришел к выводу, что возникновение сербского эпоса следует отнести к XVI–XVII столетиям. Еще дальше отодвинул эту хронологическую вежу шведский исследователь А. Серенсен, решивший, что написанные десятисложным стихом исторические песни появились у сербов только в XVII–XVIII вв. Более осторожную научную позицию занимает российский фольклорист Ю.И. Смирнов, считающий, что не все, но часть сербских песен создавалась значительно позже затрагиваемых в них событий.

Главная причина сомнений некоторых ученых в древности сербского героического эпоса – присутствие в нем ряда хронологических и географических несуразностей. Здесь можно вспомнить об указании сербских песен на участие в Косовской битве деспота Вукашина, который погиб в сражении с захватчиками почти за 20 лет до нее; сообщение о захвате турками Константинополя еще при жизни Крали Марко (королевича Марко), хотя византийская столица пала только через 60 лет после смерти легендарного юнака; упоминание о неизвестном в истории деспоте Максиме Бранковиче; избрание местом действия несуществующей реки Ситницы и так далее. Однако требовать хронологической и географической точности от всех фольклорных памятников того или иного цикла академически некорректно. История бытования большинства из них чаще всего насчитывает много столетий. Более правомерными видятся поэтому индивидуальный подход к изучению каждой из спорных песен, исследование их текстологии и проверка таких памятников на наличие в них разновременных пластов. Так что ситуация с сербским героическим эпосом не столь проста и однозначна и еще требует своего прояснения.

Ряд крупнейших фольклористов однако поддерживает заключение В. Караджича. В пользу предположения о сравнительно древнем возникновении

сербского героического эпоса существуют многочисленные доводы. Это подтверждают различные исторические свидетельства очевидцев. В житии Саввы Сербского, написанном в 1234 г. монахом Доментианом, и похвале тому же святому, в частности, имеются упоминания об исполнении гусярами героических песен. Византийский историк и дипломат Никифор Григора, побывавший в Македонии и Сербии в 1325–1326 г., писал о юнацких песнях, которые он слышал от сопровождавших его болгар и сербов. Кроме того, сам народ называл эти песни “старинскими” – термин, впервые введенный поэтом П. Гекторовичем из Дубровника еще в середине XVI столетия. К этому нужно добавить наличие в сербском героическом эпосе древней лексики, архаичного ударения, точной привязки нескольких циклов к исторической географии и хронологии и многие другие аргументы.

По одному или целой группе эпических героев, действовавших в одну и ту же эпоху или географически близких районах, фольклористы выделяют в сербском эпосе несколько основных циклов:

1) докосовский – включающий песни о представителях династии Неманичей;

2) косовский – о поражении войска князя Лазаря от турок;

3) кралимарковский – о сербском королевиче Марко (Крали Марко);

4) о сербских и несербских правителях XV–XVII вв. (Бранковичах, Якшичах и Черноевичах, хорватском бане Мирко Деренчине и др.), боровшихся против турецких поработителей;

5) гайдуцкий – о благородных разбойниках, мстивших туркам за народные беды и унижения в XV–XVIII столетиях;

6) ускокский – о сербах из пограничных поселений на венецианских и австрийских территориях, совершавших набеги на турок в XVII–XIX вв.

В докосовском цикле речь ведется о наиболее выдающихся представителях династии Неманичей и их славных деяниях. В него входят народные предания о великом жупане Стефане Немане, его сыне первом сербском архиепископе Савве и его брате короле Стефане Первовенчанном, королях Милутине, Драгутине, могущественном правителе Стефане Душане и др. В них воздается хвала государям за строительство новых обителей “задужбин”, праведный суд, заботу об убогих и нищих. Многие песни имеют ярко выраженную религиозную окраску и отчасти напоминают русские духовные стихи, обычно распевавшиеся калеками у церковных и монастырских ворот. Ряд песен этого цикла перекликается с сербскими письменными памятниками на ту же тему, и порой бывает трудно установить истинную первооснову. В частности, песня “Как Савва пошел в монахи” очень напоминает эпизоды из жития подвижника, составленного Феодосием. К этому

великому деятелю сербской истории сказители проявляли повышенный интерес, видя в нем главного небесного заступника сербов.

Несмотря на уход от конкретных фактов и стремление претворить историческую действительность в поэтических образах, сербские песни докосовского цикла донесли до нас многие приметы придворного и народного быта феодальной Сербии. В них отражаются идеалы верности вассалов своему сюзерену, рассказывается о дарении им земель за исправную службу, в положительной тональности обрисовывается традиция передачи власти по наследству. Особую тревогу у авторов песен вызывают феодальные распри, которые таили в себе угрозу раздробления страны и попадания ее в зависимость от воинственных соседей. Во многих песнях (о Лазаре, Душане и Стефане Дечанском) присутствуют упоминания о саборах, ограничивавших единовластие князей и королей. Сохранили они свидетельства и о многих проявлениях сербской материальной культуры: строительстве домов, башен, крепостей и мостов, о наличии искусных мастеров кузнечного дела, литья, резьбы по дереву и художественного шитья.

Довольно сложным феноменом фольклора является Косовский цикл. Он имеет точки соприкосновения с албанскими эпическими версиями и возник не без близкого духовного общения между болгарским и сербским народами в XIV–XV столетиях. Высказывалась гипотеза, что цикл первоначально представлял собой огромную поэму “Лазаревица”, которая затем распалась на множество самостоятельных произведений. Однако подобной гипотезе противоречат отсутствие хронологических стыков у песен и плавных переходов между ними, т.е. какого-либо единого авторского замысла. Данный цикл, как отмечалось, посвящен гибели сербского войска во главе с князем Лазарем в битве против турок. Исторически Косовское сражение было лишь одним, хотя и очень ярким, эпизодом борьбы сербов против иноземных нашествеников. Сербия после него не была сломлена и еще более столетия не раз наносила врагу сокрушительные удары. Однако в народном сознании этой битве приписывается роковая роль в падении страны под османское иго. “Косово поле – начало неволи”, – недвусмысленно гласит сербская поговорка. День памяти Косовского сражения – “Видов дан” (то есть день св. Вита) – превратился для сербов в символ национальной трагедии и негибимой воли к свободе.

Произведения этого цикла лишены патетики и эпики – они полны суровой сдержанности и трагичности. В них действуют многие реальные исторические лица, связанные с Косовской битвой: князь Лазарь, его жена Милица, витязь Милош Обилич, князь Вук Бранкович, Стефан Мусич и др. Одним из главных героев косовского цикла стал Милош Обилич – явившийся

в стан врагов, якобы желая перейти на их сторону, и заколовший кинжалом турецкого султана Мурада. Однако самоотверженный поступок Милоша Обилича не спас сербское войско от поражения. Вина за трагедию в народном представлении ошибочно возлагалась на Вука Бранковича, якобы предавшего своих соплеменников (в действительности же, он оказывал туркам яростное сопротивление на протяжении многих лет). Это предательство, согласно легендам, дало туркам огромное преимущество, и они победили сербов благодаря своей многочисленности, а не лучшей военной искусности или доблести. “Нету края стану, туркам счету” – сообщает Милошу Обиличу его слуга Иван Косанчич, посланный им перед битвой разведать силы врагов. “Если б стало наше войско солью, – пелось в другой песне, – плов турецкий был бы недосолен”. Национальная гордость не позволяла сербам признать факт поражения от турок без приводящих обстоятельств.

Песни Косовского цикла рассказывали об упадке и запустении родных земель после фатального сражения, в котором погибло большинство отважных сербских воинов – нередко всех мужчин из отдельных родов и семей. В песне “Смерть матери Юговичей” главная героиня молит Бога дать ей крылья лебединые и очи соколиные, чтоб долететь до Косова поля и отыскать тела павших близких. Она возвращается с телами девятерых сыновей, но остается твердой как камень. И лишь когда вещи вороны приносят ей отрубленную руку со знакомым перстнем – известие о гибели и младшего ее сына Дамиана, – сердце матери не выдерживает. В битве сражен был и ее муж, глава рода Юговичей, славный Юг-Богдан. Он приходился отцом княгине Милице, которая пыталась удержать одного из братьев по имени Бошко от участия в битве, но для того долг перед родной землей сильнее страха смерти (“Царь Лазарь и царица Милица”). В предчувствии страшной беды она падает наземь без чувств, и женская интуиция не обманывает Милицу: Косово поле отнимает у нее и отца, и всех братьев, и мужа – князя Лазаря, возглавлявшего сербское войско.

Яркой фигурой сербского эпоса является Стефан Мусич, чье имя носит одна из героических песен. Он безоговорочно откликнулся на призыв князя Лазаря к сербам встать как один на защиту отечества, но опоздал к началу сражения. Известие об ужасном поражении сербов Мусич получает от девушки-косовки на пути к Косову полю, которая показывает воеводе вещи знаки и рассказывает о том, как мутная и разлившаяся река Ситница несет мертвые тела коней и юнаков. Сраженный этим рассказом Мусич вскипает яростью и решает отплатить врагам за кровь своих соплеменников. Словно вихрь налетает он со своим небольшим войском на лагерь турецкого султана, разя без устали налево и направо. Но силы слишком наравны, и Мусич

погибает в жестоком бою вместе со всеми своими 12 тысячами витязей, истребив трех пашей и несметное количество турок. В сущности, он сознательно идет на верную гибель, ибо смерть для него ничто по сравнению с позором неучастия в Косовской битве.

Историческим прототипом третьего цикла послужил королевич Марко, сын деспота Вукашина, правивший в Западной Македонии и провозглашенный королем в 1367 г. Он упорно сопротивлялся нашественикам, но был вынужден стать вассалом султана и погиб в битве при Ровинах в 1394 г., сражаясь на стороне турок против валахов. Через некоторое время Марко превратился в эпического богатыря и песни о нем широко распространились в сербских и болгарских землях. Согласно народным представлениям, волосы у Марко – до самой земли, которые он, ложась спать, под себя постилает, усы – до плеч, а борода его столь длинна, что ею можно покрыться. Жил этот герой целых триста лет, и не умер, а спит в пещере глубоким сном, чтоб проснуться для новых подвигов. Народная фантазия изображала Марко как простого человека, послушного сына, верного мужа и защитника обиженных.

Марко не ведает страха – в песнях поется, что он “никого не боится кроме истиннаго Бога”. Этот герой непобедим уже благодаря особенностям своего рождения. Одни легенды называют в качестве его родителей короля Вукашина и вилу***, другие говорят о Змее как о его родителе. Непобедимость Марко обеспечивают также волшебная сабля с глазами (вероятно, ее рукоятка была украшена головой льва или барса с драгоценными камнями вместо глаз) и верный конь по имени Шарац или Шарко, то есть “пестрый”, “в яблоках”. Этот чудесный конь может быстро преодолевать огромные расстояния, выручать своего хозяина из беды и предупреждать его об опасности. Подобно остальным скакунам из сказок он говорит человеческим языком, выражает свои эмоции, проливает слезы.

Первые и самые яркие подвиги Марко – наказание обидчиков сербов и родной земли. В песне “Кто лучший юнак?” герой одерживает верх над наглым Арапином, который столь велик, что носит вместо зонтика вырванную с корнем сосну. Похваляясь силой, он вызывает оробевших юнаков на единоборство, и только Марко достойно отвечает на вызов и отсекает голову наглецу. В другой песне Марко не смог сдержаться при виде сербов, уводимых турками в рабство. Он встречает их на реке Ситнице и становится свидетелем того, как турки, глумясь над пленными, не дают им утолить жажду речной водой. Взрыв негодования Марко усиливается еще и тем, что среди полонянок оказывается его родственница. Марко расправляется с

*** Вила – фантастическое существо в виде прекрасной девушки, живущей в лесах. Известна в фольклоре южных славян и украинцев.

насилъниками-турками и освобождает невольников. В дальнейшем герой превращается в убежденного народного мстителя, не прощающего врагам ни малейшей обиды. Он смело ведет себя с самим турецким султаном, который в народных песнях благоволит Марко и даже побаивается его. Но одновременно в них не скрывается факт службы юнака турецкому султану в качестве вассала, которым он был вынужден стать из-за отцовского проклятия или насилия.

В сербском эпосе можно обнаружить несвойственные для русских былин религиозные и христианско-провиденциалистские мотивы. Марко в песнях часто посещает монастыри и церкви, предворяет подвиги молитвой, появляется перед врагами в одежде инока, чем вводит их в заблуждение. Перед смертью он завещает церкви целый пояс золотых дукатов на обновление храмов и поминание своей грешной души. Религиозно-мистический характер носит даже начавшееся нашествие турок в сербские земли. Герою являются грозные предзнаменования, его терзают мрачные предчувствия, мучают ужасные сновидения. Это порождает у него чувство обреченности, тщетности сопротивления и неизбежности трагедии. Марко все же пытается идти наперекор судьбе: не соглашается отдать туркам ключи от Прилепа, без усталости с ними сражается. Но является св. Илья с тремя ангелами, задерживает его руку и провозглашает, что все славянское должно стать турецким. В отчаянии Марко возвращается домой, убивает родных и верного коня, спасая их от бесчестия, и уходит, куда глаза глядят.

Согласно другим версиям, турками предводительствует сам пророк Илья, объясняя свои действия наказанием сербов за осквернение церкви на Косовом поле и совершение ими иных грехов. В этих песнях чувствуется влияние апокрифов и, возможно, известной на славянском юге “Повести о взятии Царьграда”.

Цикл песен о сербских и несербских правителях о полководцах послековской эпохи (Бранковичах, Якшичах, Черноевичах и других) в целом распадается на два основных раздела: феодально-ритуальный и героический. Однако это деление чисто условно, поскольку и первый раздел, связанный преимущественно со сватовством и женитьбой главных героев, нередко включает в себя описание подвигов юнаков, которые сражаются с врагами, стоящими на пути к достижению цели. Назвать его феодально-ритуальным позволяет присутствие в нем рассказов о церемонии сватовства, дорогих одеваниях женихов и сватов, об испытаниях при добывании невесты – то есть присутствие эпизодов, описаний и деталей, характерных не только для жанра героического эпоса. В песнях этого раздела встречаются, например, упоминания о “чйленках” (золотых и серебряных перьях, которые носили на шапках как отличие за совершенные подвиги), о кольчугах, спасающих от

ударов сабли и копья и т.д. Отдельные песни вообще касаются весьма прозаичных дел, наподобие дележа владений и имущества между феодалами. В произведении “Дележ Якшичей” подробно описывается как братья полюбовно поделили и Срем, и Банат, и Посавье, и иные земли, но споткнулись, когда очередь дошла до коня и сокола.

Невесту для женитьбы, как правило, ищут не в самой Сербии, а где-нибудь за морями – за горами. Джюра Смедеревец, в частности, останавливает выбор на невесте из Дубровника, а для Вука Огнезмия всех милее дочь латинского бана из заморского Млйтака, то есть Венеции. Точно также сербские княгини-невесты даются в жены не своим местным женихам, а претендентам из далеких стран. В песне “Джюрова Ерина” рассказывается, что сватов к дочери Ерине прислал не только турецкий султан, но и “московский король”. За последнего и советует выдать невесту малолетний внук Максим Бранкович: “Пусть московской станет королевой, / Нам с Москвою хорошо б сдружиться, – / Московиты славятся отвагой, / В деле ратном нам они помогут”. Однако бабушка не только не прислушалась к словам внука, а, наоборот, – вспыхнула и жестоко его наказала. “Дочь султану отдала Ерина, – скорбно восклицает слагатель песни, – С дочкой вместе – города и веси”. В других песнях высказывается мечта об освобождении поработленного народа “русскими московиями”, которые сражаются как герои. Московия воспринималась слагателями песен как надежное пристанище. Там, согласно легенде, нашла спасение княгиня Милица.

Песни этого цикла, также как и предыдущего, иногда содержат отголоски действительно произошедших исторических событий и отрывочные сведения о реальных исторических лицах. В ряде произведений юнакам противостоит коварный турок Джержезел Алия – вероятно, герой мусульманских песен Алибег Анжелович, первый турецкий наместник Смедерева, или же Герз-Еляз – турок, погибший в битве с хорватами в 1491 г. В сказании “Смерть бана Деренчина” легко угадывается проигранная южными славянами битва против турок в 1493 г. на Крбавском поле. Около пятнадцати тысяч хорватов во главе с указанным баном отказались тогда пропустить через свои земли направлявшееся в Венгрию турецкое войско. В сражении погибло две трети воинов, а сам он попал в плен. В песне описывается как турки захватили сына бана по имени Павлич, закопали его живьем по пояс в землю и расстреляли из луков.

Нередко героями песен данного цикла, что уже ясно из сказанного выше, выступают братья Богдан и Димитр Якшичи – представители реально существовавшего рода, связанного кровными узами с московским правящим двором. Народная традиция связывает с Якшичами известную белградскую

башню Небойша, прикрывавшую город у слияния рек Дуная и Савы. В основе этой легенды, по-видимому, лежит факт героической гибели капитана сербского отряда по имени Якша Утешенич, геройски сраженного при защите Белграда от турок в 1521 г.

Песни гайдуцкого и ускокского циклов отражают борьбу сербского народа против турецких завоевателей. Враги сумели захватить южнославянские земли, но им не удалось сломить волю сербов и заставить их смириться с поражением. На насилия и издевательства незваных гостей сербы отвечали выступлением с оружием в руках. Практически во всех районах страны разворачивалось гайдуцкое движение, замиравшее в зимнее время и оживлявшееся весной и летом. Наибольший размах оно приобрело в Шумадии (центральная Сербия), Банате и Среме, где начиная с XV в. постоянно имелись гайдуцкие отряды, насчитывающие иногда до 500 человек. На протяжении XVI–XVII столетия гайдуцкое движение усилилось в южной и восточной Сербии и было развернуто в непосредственной близости от Белграда. Больше всего, прославились гайдуцкие атаманы Бабб-Новак, обычно фигурирующий в песнях как Старина Новак, и Дели-Марко – реальные исторические лица, жившие в XVI столетии. Другими известными фольклорными героями этого цикла являются чадушко Груица, его брат Татомир, Малый Радойца и др.

Главными насильниками и обидчиками гайдуцкие песни называют турок. Именно они убивают людей, уводят их в рабство, насилуют сербских матерей, жен и невест. На них словно лежит кровавая печать, по которой их легко разыскать. Так, например, мстители в одной из песен без труда опознают дом турецкого насильника Мустафы по луже крови подле него. Описание творимых завоевателями преступлений пробуждали в слушателях жажду мщения, вызывали справедливый гнев и не давали угаснуть воле к сопротивлению. Эти песни также нередко указывают на причины, по которым простые сербы вынуждены были подаваться в леса и братья за оружие. Старина Новак, по его словам, стал гайдуком после того, как три года проработал на строительстве Смедерева и не получил за это ни гроша. Когда же он отправился восвояси, то подвергся избиению со стороны проезжавшего мимо турка, и ему поневоле пришлось защищать свою честь крестьянским заступом (“Старина Новак и кнез Богосав”).

Хитрость у гайдуков сочетается с бесстрашием и готовностью отдать жизнь друг за друга. В песне “Малый Радойца” повествуется об отважном юнаке, который ради спасения попавших в темницу товарищей проходит через немыслимые испытания. Притворившись мертвым, он не выдает себя, хотя его жгут огнем, забивают ему гвозди под ногти, запускают гадюку за пазуху.

Еще одной чертой сербского гайдуцкого эпоса является подспудное присутствие идеи о равноценном возмездии врагам за преступления. Юнаки не помышляют о милосердии к насильникам и исповедуют принцип “око за око, зуб за зуб”. В песне “Якшичам дворы разорили” юнак оплачивает Арапину той же монетой: грабит и поджигает дом насильника, топчет конем его мать. Вдобавок Димитр Якшич закалывает Арапина, расправляется с его слугами. Если в русском былевом эпосе врага иногда не умертвляют, а только изгоняют, то в сербских песнях ему не оставляют шансов на сохранение. И это вполне понятно: турок не выгонишь – их много и они под боком, и если не ты их, то они тебя... Отсюда и непримиримая жестокость юнаков по отношению к врагам и часто встречаемый в песнях мотив вырывания глаз у врагов. Димитр Якшич не щадит даже турчонка, которого родила его сестра от похитившего ее насильника: “Злое племя не идет на семя, / Злому псу щенят не оставляют”.

Сходную тематику и содержание имеют и песни ускокского цикла. Они получили свое название от слова “ускок” – то есть “беглец”, и складывались сербами, бежавшими из Боснии и Герцеговины в Хорватию и Славонию и перебиравшимися на австрийские территории. Там они основывали военные поселения на границе, откуда совершали набеги на турок, держа их в постоянном напряжении. Крупными центрами ускокского движения являлись города Клиса и Сень на хорватском Приморье. Во второй из городов ускоки переместились в 1537 г. после захвата Клисы турками. Кроме того, скопления этих удальцов находились в г. Котор и некоторых других районах страны. Ускоки сражались против турок на суше и на море, нередко при поддержке Венеции, которая стремилась завладеть новыми рынками сбыта. Многие эпические предводители ускоков не есть плод народного вымысла – они имеют реальные исторические прототипы. Воевода сеньских ускоков Иво Влаткович, казненный австрийцами в 1612 г., послужил, например, прототипом прославленного героя сербского эпоса – Иво Сенянина. Реальными историческими личностями были которские и приморские ускоки XVII в. Янко Митрович, его сыновья Стоян и Илия, Мандушич Вук, Смилянич Илия и др.

Ускокские песни столь же высоко поэтичны и эмоциональны, проникнуты искренними и трагичными чувствами, как и произведения других циклов. Народ свято чтит своих героев и глубоко скорбел в случае их кончины. В песне “Смерть Иво Сенянина” мать прославленного ускока накануне этого трагичного события видит зловещие сны. Ей чудится будто Сень погрузилась во мрак, проломилось небо и месяц свалился прямо на церковь, а звезды собрались на краю небес. Это словно предрекает смерть воеводы, который

появляется в доме после набега в Италию весь израненный, изувеченный, держа свою отрубленную руку в уцелевшей руке. Умершего героя никак не может забыть его невеста – такого отчаянного и такого любимого (“Невеста Иво Сенянина”). Три года пребывает она в глубокой печали: ни лицо не умывает, ни косы не заплетает, ни обновы не носит. И не нужны ей другие женихи, ибо теперь смерть для нее краше замужества. Подобно Иво Сенянину стремится к материнскому дому перед кончиной и Илия Смилянич. Вот лежат они с Вуком Мандушичем в лесных зарослях все израненные и стонущие. Илия просит отнести его умирать к своей матушке, хотя сестры и жена Вука приготовились кормить и поить ускоков, омыв им раны и взбивать постель. Но не пожелал этого Илия и умер (“Смерть Смилянича Илии”).

Традиции национального героического эпоса продолжали развиваться и в XIX столетии. Известный слагатель песен Филипп Вишнич воспел в своих новых произведениях первое сербское восстание 1805 г. Многие сербские исторические песни в 1830-х–1850-х гг. легли в основу национальной исторической драмы. Ряд пьес драматургов о Вукашине, князе Лазаре, Джуре Якшиче и других героях сербского эпоса представлял собой прямой пересказ фольклорных сочинений. Значительное влияние оказал также сербский фольклор на формирование жанра поэмы и творчество писателей-романтиков.

Архитектура. Принятие христианства и становление сербской государственности и церкви создавали предпосылки для формирования национальной сербской архитектуры. Она складывалась под влиянием соседних православной греко-византийской и римско-католической культур. Тенденции в развитии местной архитектуры наиболее полно воплощались при сооружении храмов и монастырей, крепостей и дворцов феодалов.

Материалом при возведении храмов служили камень и кирпич, причем фундамент обычно закладывался из крупного камня, связанного известью, а кладка стен была исключительно массивной – нередко более 1 м толщиной. Кирпичи существенно отличались по внешнему виду и структуре от современных: их длина равнялась средней человеческой стопе, а толщина колебалась от 3 до 5 см; они были непористыми, очень плотными и прочными. Связующий слой раствора часто был аналогичен кирпичам по толщине и использовался как элемент украшения фасада. Ему придавали выпуклость и покрывали белой или другими красками. Стены внутри заполнялись мелким дробленным камнем с раствором и облицовывались снаружи тесаным или полутесаным камнем. Реже при облицовке использовался цветной полированный мрамор. Потолки храмов были сводчатыми и украшались арками, возводимыми из легкого пористого известняка, причем своды, арки и купола зачастую имели растяжки, представлявшие собой

деревянные брусы 13–18 см толщиной. Крыши сооружались из деревянных досок и покрывались тонкими свинцовыми пластинками, которые скреплялись при помощи пазов и удерживались на своем месте за счет собственной тяжести. Позднее, в период османского владычества, большинство свинцовых покрытий было разграблено турками, и кровлю многих церквей соорудили заново из более дешевого дерева или черепицы.

Пол в храмах выстилался каменными плитами, а в центре под куполами порой встречаются розетки из цветного мрамора и свинцовых плиток. Оконное пространство заполнялось гипсовыми плитками с фигурами и круглыми отверстиями на них диаметром около 30 см. В них вставлялись обрамленные в дубовые рамы витражи или простое стекло, которые доставлялись из Италии. Створки дверей обычно изготовлялись из дуба и выглядели достаточно строго: бронзовое покрытие и окраска у них, как правило, отсутствовали, и единственным украшением изредка служили шляпки гвоздей.

Очень скромно выглядели и первые сербские иконостасы, что вообще было характерным для древних славянских церквей. Вначале это обычно была сквозная алтарная преграда с низкими резными колоннами и покоящимся на них архитравом, который назывался “космитис” (от греческого слова “κοσμίτης”). В центре находились царские врата, а справа и слева – резные парапеты с узорчатыми завесами над ними. Главные иконы с изображениями Спаса и Богородицы, как правило, помещали по обе стороны на стенах или столпах, а с конца XIII в. – по бокам колонн вместо завес. Веком позже над “космитисом” стали помещать “Деисус” (Христос и поклоняющиеся ему Богородица с Иоанном Крестителем) с крестом, а с середины XVII столетия в иконостасах сербских церквей под русским влиянием появились и другие чины икон.

Собственную колокольню сербские средневековые храмы имели относительно редко – в Поморавье колокольни возводились преимущественно в храмах, которые служили резиденцией епископа и представляли собой невысокие башенки над папертью или трапезной. Чаше их можно наблюдать в церквях, построенных под влиянием западной архитектуры.

Почти все древнейшие христианские храмы, располагавшиеся на территории Сербии до образования державы Неманичей, до нас не дошли. Поблизости от г. Рас – древней сербской столицы, разрушенной турками, находится церковь св. Петра, воздвигнутая еще VIII–X вв. Другой древнейший храм в сербских землях – пресв. Богородице Левишской, находится близ Призрена. Его возвели еще в X в., но затем перестроили в XIII и начале XIV столетий.

Архитектура первых сербских церквей была всецело византийской, однако с конца XII в. постепенно начала складываться так называемая **Рашская**

школа, обладавшая известными чертами сербской самобытности. Традиции данной школы формировались под влиянием романской архитектуры адриатического Приморья. Они получили широкое распространение в сербских землях по первую половину XIV столетия включительно. В общей сложности в стиле Рашской школы было построено около 25 церквей и монастырей, среди которых наиболее известными являются храмы св. Николая в Топлице близ Куршумлии (1168–1172) и Успения Богородицы в обители Студйница (1183–1196), церковь Вознесения монастыря Жича (1207–1220), заложенная – королем Стефаном Первовенчанным и ставшая с 1219 г. центром сербского архиепископства; свв. Апостолов в Пече (1230), которая вместе с другими, сооружавшимися позднее, постройками служила на протяжении XIV–XVIII вв. резиденцией Печской патриархии и стала называться “Патриаршей”; Вознесения в обители Милйшева (1235) – задужбине короля Владислава, сына Стефана Первовенчанного; Успения Богородицы в монастыре Морбча (1252) – на реке Мораче в Зете, построенная при сыне Вукана князе Стефане; св. Троицы в обители Сопочаны (1260), возведенная близ древней столицы Раса королем Урошем I (1243–1276) как своя задужбина; Благовещения в монастыре Грбдац (1270) на реке Ибар в Рашке, основанная как задужбина королевы Елены, супруги Уроша I; Джурджеви Ступови (Столпы св. Георгия), находящаяся близ Раса (после 1168); св. Ахиллия в монастыре Арилье (1296) на Моравице, построенная во время правления Драгутина, и др. К позднейшим из них относятся церкви свв. Архангелов близ Призрена (между 1343–1347), задуманная как главная задужбина царя Душана, и церкви Пантократора (1327–1335) в монастыре Высокие Дйчаны близ Печа, построенная архитектором Витом из Котора по повелению короля Стефана Уроша III Дечанского, который решил соорудить свою задужбину.

Храмы указанного типа отличаются известной простотой, сдержанностью и лаконичностью форм. Вместе с тем им присущи монументальность и величественность. Они, как правило, имеют вытянутый, продольный неф и один купол на высоком кубическом постаменте, с запада расположена паперть, а по бокам нефа – клирос и часовни в виде отделений. В боковых клиросах ранее, как предполагается, находились небольшие входные вестибюли, что было принято на Востоке. Основной неф имел своды и был покрыт двускатной крышей с возвышавшимся над ней высоким фронтоном на западе в виде своеобразной стены. Такая фронтовая стена весьма напоминает архитектурный мотив, характерный для южной Италии.

Алтарные апсиды снаружи и внутри имеют полукруглую форму, барабан купола – цилиндрическую или многогранную. Купольное завершение венчалось плоской каменной крышей, покрытой свинцом без деревянной

подкладки, и было украшено аркадой. Аналогичные приемы распространены в романских храмах Приморья и соседней Италии, в особенности, в Ломбардии. С запада к церкви нередко пристраивалась паперть. В ряде случаев нижние западные части нефа расширялись для хоров и клироса и покрывались кровлей, что придавало храму сходство с трехнефной базиликой. Поверхность фасада оживлялась в основном плоскими пилястрами. Западная его часть представляла лицо храма, здесь находился входной портал с окном над ним. Окно, нередко трехчастное (так называемый “трифорий” – от латинского слова “triforium”) имела и алтарная апсида. Фасады церквей обычно облицовывались мелким камнем, но иногда использовался и местный разноцветный мрамор или практиковалась кладка на тосканский манер крупного, толщиной до 30 см, тесаного мрамора.

Зодчие Рашской школы не ставили перед собой задачу достижения максимальной просторности храмов, поскольку те строились преимущественно как задужбины сербских государей. Они концентрировали главное внимание на внешнем силуэте здания, придавая ему подчеркнутую импозантность и монументальность. При этом церкви Рашской школы богаты декоративными орнаментами. Архивольты над порталами и окнами покрыты глубокой резьбой по белому мрамору на итальянский (ломбардский) манер. Наиболее распространенным мотивом в резных архивольтах является стилизованный травный выюн, ползучие стебли, лозняк, цветы и листья, в которые вплетены фигуры людей, животных и птиц. Резьба выполнена вполне реалистично, хотя трактовка иногда несколько наивна. Подобные архивольты встречаются в итальянских храмах Апулии и Бари в конце XII столетия. При украшении бордюров и фигур иногда использовался свинец, которым заполнялись глазные впадины для придания лицам большей выразительности. В целом работы мастеров Рашской школы нельзя рассматривать как подражание западным образцам – поскольку по своему совершенству они нередко не имели аналогов.

В XIV столетии развитие национальной архитектуры приобретает другое направление. После успешных войн Сербии против Болгарии и Византии и занятия ею долины реки Вардар, всей Македонии и части “греческой земли” в распоряжении сербских зодчих оказались блестящие образцы византийского церковного строительства. Их воздействие привело к заметной переориентации сербской архитектуры и усилению в ней роли византийской традиции. Новые веяния в местной архитектуре утвердились с начала XIV в. и до прихода турок южнее Шар-планины в 1371 г., в науке этот стиль получил название **“вардарско-византийского”**. Построенные за этот период храмы территориально разделяются на три группы:

- а) косовско-метохийская;
- б) македонская – включающая в себя памятники, возведенные в Македонии, которая входила в то время в состав сербского государства;
- в) внесербская – церкви, сооруженные за пределами границ тогдашней Сербии.

Мастера византийской ориентации чаще всего обращаются к планировке храма в виде вписанного креста, при этом купол держится на полукруглых сводах, а основа здания заключена в прямоугольник с мощными стенами. Форма креста переносится и на кровлю, и это легко заметить, если смотреть на нее сверху. Подобный крест иногда бывает “сжатым”, что достигается за счет отсутствия поперечных сводов и изменения расположения подкупольных столбов: они становятся не свободно несущими, а выступают из боковых стен как лопатки. В зависимости от наличия “нормально развитого” (крестовокупольного) или “сжатого” плана, а также числа куполов памятники можно распределить на три типа:

а) церкви крестовокупольного плана с одним куполом: св. Богородицы-Одигитрии в Пече (1324–1327), построенная архиепископом Данилой II; Введения Богородицы в Кучевиште (1348) близ Скопской Черной Горы, возведенная для жупана Радослава; свв. Архангелов (1341) в обители Лесново, основанной воеводой Иоанном Оливером близ г. Кратово; св. Дмитрия в Марковом монастыре (1371), который начал строить король Вукашин, а завершил его сын Марко;

б) храмы с аналогичным планом и пятью куполами: пресв. Богородицы Левишской, перестроенный в 1307 г. королем Милутиным; св. Георгия в одноименном монастыре в Старо Нагоричино (1313), Благовещения в монастыре Грачаница близ Приштины (1315–1321), основанном королем Милутиным;

в) церкви со “сжатым” планом и одним куполом – свв. Иоакима и Анны в обители Студеница (1314), называемая еще “Кралевоу церковью”, поскольку ее строительство связано с именем короля Милутина; св. Дмитрия в Пече (1321–1327), возведенная архиепископом Никодимом; св. Спаса в Призрене (XIV в.).

Подобно более ранним, рашским, эти памятники часто имеют паперть, окружающую главное здание. Иногда она украшена слепым (без окон) невысоким куполом, что видно на примере Маркова монастыря. Живописность фасадам придает смешанная кладка – из чередования кирпичных и каменных рядов. Кирпичи клались в один, два, три или больше слоев, в вертикальном или горизонтальном положении, иногда вперемежку с плитняком. Пестрота и игра цвета, образуемые кирипичом, окрашенным в красный цвет, белой штукатуркой, серым или желтоватым известняком делают фасады храмов

похожими на богато орнаментированные восточные ковры. Этот прием берет на себя функцию одного из главных элементов украшения. Фронтоны – чаще всего наверху закруглены, что не встречается в памятниках Рашской школы.

Поверхность фасадов, как правило, остается плоской – оживление вносят главным образом вертикально сдвоенные (профилированные) ниши. В отличие от византийских они являются неглубокими и чисто декоративными. Такие ниши у окон или входных врат снаружи украшаются орнаментальным узором из чередующихся кирпичей. Очень часто это орнамент “в шахмат” из квадратных кирпичей и белого камня или имеющий вид решетки либо рыбьей чешуи благодаря употреблению формованного кирпича. Иногда из фигурного кирпича выкладывалась надпись, что видно на примере церкви пресв. Богородицы Левишской, где читается имя мастера-строителя. Завершения фасадов у кровли нередко украшаются двумя рядами поребриков – ребристо положенных кирпичей, которые своими зубцами выступают из основной кладки. Резьба по камню на фасадах встречается относительно редко (в Грачанице на капителях, а в церкви пресв. Богородицы Левишской и в Лесновском монастыре – на бордюрах врат).

Барабаны куполов сербских храмов византийской ориентации обычно имеют по восемь, а алтарные апсиды по три грани, что характерно для тогдашнего региона Косово-Метохия и Рашки. В македонской группе встречаются церкви с пятигранными алтарными апсидами. Со временем самыми распространенными становятся пятикупольные храмы: большим центральным и четырьмя малыми по углам. В Косово и Метохии купола, как правило, возводятся из кирпича, а в Македонии – из чередующихся рядов кирпича и камня. Их завершения почти всегда украшены рядами поребрика. Врата храмов – прямоугольные, одностворчатые с обрамлением из камня, неглубокой нишей и архивольтом над ней. Иногда в нише помещалась фреска, а на ее каменном обрамлении – надпись с именем основателя церкви. Окна обычно имеют овальное завершение, над проемами расположены архивольты, а выше – выложен кирпичной кладкой орнамент.

После битвы на реке Марице (1371) и до конца независимости Сербской деспотовины (1459) в стране зарождаются и развиваются архитектурные традиции **Моравской школы**. Данное направление существовало на протяжении 90 лет и стало синтезом стилевых достижений строителей церковей в Македонии, Солуни, Афона, Рашки и Приморья. За указанный период было построено около 25 монастырских церковей и храмов, лучшими из которых являются: храм Вознесения Христова в обители Равница – задужбина, сооруженная в 1375–1377 гг. князем Лазарем в виде мавзолея-крепости со стенами и семью башнями; придворная церковь св. Стефана

(другое название – Лазарица), также построенная князем Лазарем в Крушеваце в 1377–1378 г.; храм Введения Богородицы, сооруженный в 1377–1378 г. в монастыре Велуче около Крушеваца; церковь Введения Богородицы в обители Нова Павлица, возведенная в Рашке между 1383 и 1386 гг. легендарными братьями Стефаном и Лазарем Мусичами, которые погибли на Косовом поле; Успения Богородицы в монастыре Любостыня, построенная княгиней Милицей после 1387 г.; Преображения в обители Сысоевац близ Раваницы, построенная в последней четверти XIV столетия монахом Сысоем, бывшим игуменом Хиландарского монастыря; храм св. Троицы в обители Манбсия или Ресава (1407–1418), основанной на реке Ресаве в качестве задужбины деспотом Стефаном Лазаревичем в центральной Сербии; церковь св. Ильи в обители Руденица, построенная около 1409–1410 г. деспотом Вукашином и его супругой Видосавой недалеко от Крушеваца; церковь Введения Богородицы в обители Калйнич (1413–1417), возведенная протовестиарием Богданом в центре страны близ г. Кралево.

Зодчие упомянутой школы, как правило, не ограничиваются в работе кладкой одного только тесаного камня (как, например, в Ресаве), а сочетают этот материал с обожженным кирпичем и толстым слоем связующего. Обычно они используют трехапсидную конструкцию в виде трилистника, подобно афонским храмам. Тип пятикупольного храма, встречавшийся ранее в памятниках Косово, Метохии и Македонии, свойственен и Моравской школе. Барабаны куполов чаще всего бывают восьмигранными, за исключением десятигранного в Раванице и двенадцатигранного в Ресаве. В целом храмы Моравской школы отличаются устремленностью ввысь, достигаемой за счет нарочитой сжатости конструкций по ширине и великолепной организацией пространства. В них можно выделить две разновидности планировки, первая из которых является византийской крестовокупольной, то есть со вписанным греческим крестом (Раваница, Нова Павлица, Любостыня, Ресава), а вторая представляет собой вписанный “сжатый” крест рашского типа (Лазарица, Велуче, Сысоевац, Руденица, Каленич). Наличие поясов слепых аркад и ниш, расположенных одна над другой, также придавало храмам устремленность ввысь, что хорошо видно на примере лучших образцов Моравской школы – Раваницы, Лазарицы и Каленича. Благодаря использованию этих приемов они выглядят удивительно стройными и гармоничными.

Фасады обеих разновидностей храмов отличаются большой нарядностью. Их порталы, окна, слепые ниши луковичной формы и капители, как правило, украшаются неглубокой резьбой, которая служит отличительным признаком названной школы. Чаще всего здесь применяются двухчастные или, значительно реже, трехчастные ленты растительного орнамента с

изображениями человеческих фигур. Подобные элементы встречаются в романских VIII–XI и, позднее, византийских храмах XI–XIV вв. В пластике памятников Моравской школы предпочтение отдается плетенке, сходной по стилистике с резными украшениями церквей Грузии и Армении. Переключка с Востоком наблюдается не только в орнаменте, но и ряде резных фигур животных: грифоны и медведи из Каленича, например, имеют соответствия в армянском Ахтамаре и некоторых русских храмах XII–XIII столетий – Димитриевском соборе во Владимире и Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском. Сербские мастера той поры также обращаются и к западному, рашскому опыту, что особенно чувствуется в манере украшения бордюров окон и дверей. Западные веяния явно просматриваются и во многих элементах архитектурного оформления фасадных фризів Сысоевца и Ресавы. Представители Моравской школы создали органичный архитектурный стиль, обладавший своим собственным обликом и занявший достойное место в истории европейской архитектуры.

Наиболее нарядным, богато украшенным и представительным памятником Моравской школы по праву считается храм монастыря Каленич. Он имеет известное сходство с Лазарицей – такой же трехапсидный и однокупольный, причем его купол возвышается на самом высоком из всех постаментов сербских средневековых церквей. Это усиливает устремленность памятника ввысь, что подчеркнуто многоярусными закомарами и пилястрами. Стройность храму придают и узорчатые розетки с полукружиями над ними и семь спаренных окон, разделенных посередине колонками. Их бордюры покрыты изысканной плетенкой и ажурным растительным орнаментом, а сами окна в верхней части имеют острые готические завершения. Над частью из них в неглубоких нишах расположены замечательные рельефные композиции с фигурами грифонов и медведей. Различными фигурами украшены и ниши над окнами апсид, где можно видеть Самсона, раздирающего пасть льва и кентавра, играющего на смычковом инструменте. Впечатляющим является и украшение над боковым окном паперти: здесь находится изображение Богородицы с младенцем и двумя серафимами по сторонам, словно парящими в воздухе; их поддерживают выступающие из плетенки грифоны. Все это в сочетании с разноцветными орнаментами купольного барабана и других частей храма, ритмами чередующихся слоев кирпича, раствора и камня создает чувство праздничной приподнятости. Талант зодчих Моравской школы ценился и за пределами сербских земель: известно, что мастер поп Никодим в 1370-х гг. построил в Валахии церкви в Водице, Прислопе, Тисмане и других местах.

Захват турками Сербской деспотовины положил конец естественному развитию сербской архитектуры. Она утратила прежнюю динамику и

масштабы, снизились ее материальные возможности. Не возводились больше дворцы сербской феодальной верхушки, резко сократилось церковное строительство, оживившее только после восстановления Печской патриархии. Но вопреки всему можно отметить, что на протяжении XVI–XVII столетий в населенных сербами землях все же было построено и обновлено немалое количество монастырей и церквей. Среди них следует упомянуть такие обители, как Крушедол (1509–1514), Великая Ремета (1543), Шишатовцац (1540–1550) и Хопово (1576), расположенные в Воеводине близ г. Нови-Сад на склоне Фрушкой горы; монастыри Тврдошкий (1509) и Житомисличский (1566) в Герцеговине; обитель Пива (1573–1586), основанная сербским митрополитом, будущим патриархом Савватием на реке Пива в Черногории; Трношский монастырь (1559) на берегу Дрины и др. Целое созвездие монастырей возникло в то время в Овчарско-Кабларском ущелье на Западной Мораве: Введенский, Вознесенский, Преображенский, Сретенский и Троицкий на правом ее берегу, а Благовещенский, Ильинский, Предтеченский, Никольский и Успенский – на левом. В этой своеобразной сербской “Малой Святой горе”, как уже отмечалось, существовали многочисленные скриптории и активно переписывались рукописи.

Культовое строительство после установления османского ига не вылилось однако в создание нового сербского архитектурного направления. Мастера лишь копировали отдельные элементы зодчества своих предшественников и составляли из них новые комбинации, не руководствуясь какой-либо внутренней логикой. При этом использовались отдельные элементы приемов как рашско-романской, так и вардарско-византийской и моравской школ. Архитектурный почерк сербских строителей той эпохи не носил печать самостоятельного стиля, утратив свое лицо. К тому же, отсутствие богатых ктиторов сказалось на внешнем облике возводимых храмов далеко не лучшим образом. Культовые постройки выглядят очень скромно, невзрачно или попросту бедно. Их стены обычно выложены из мелкого дробленного камня, фасады покрыты штукатуркой с побелкой, крыши изготовлены из дерева, резьба по камню отсутствует. Можно говорить об упадке искусства зодчих, что в условиях тяжкого иноземного ига было закономерным.

По сравнению с монастырями и храмами, средневековых сербских крепостей сохранилось значительно меньше. Отчаянное противостояние народа турецкому нашествию привело к почти полному разрушению большинства сербских цитаделей. В лучшем случае они дошли до нас в сильно измененном виде, подвергнувшись перестройке завоевателями в более позднее время. Но и уцелевшее дает ясное представление об особенностях

и размахе местного фортификационного строительства. Крепости, как правило, возводились на холмах близ рек и имели форму неправильного треугольника. Таковой, например, можно считать древнюю крепость Звйчан, заложенную в XI столетии в местности Косово на левом скалистом берегу реки Ибар. О ее мощные каменные стены с высокими башнями не раз разбивались волны многочисленных недругов. Весьма внушительной была и Белградская крепость, построенная в XII–XV вв. на правом высоком берегу Савы и состоявшая из двух больших комплексов, Верхнего и Нижнего. Она также имела неприступные стены и бастионы, в том числе и легендарную башню Небойша.

Более поздней считается крепость Мбглич, которая находится на высоком плато близ г. Кралево и была основана, по предположению ученых, в начале XIV столетия. От нее уцелели остатки высоких башен и стен, имеющих форму неправильного треугольника. Еще меньше сведений сохранилось о крепости Голубац, существовавшей на Дунае, по крайней мере, с 1337 г., и цитадели Вышеград близ Призрена, заложенной в XIV столетии. Из поздних фортификационных сооружений поражает воображение своими размерами крепость Смедерево, построенная в 1423–1456 гг. на правом берегу Дуная как столица владений деспота Георгия Бранковича. Ее мощные каменные стены толщиной до 4,5 м и грозные башни высотой до 25 м помогали долго сдерживать яростный турецкий напор.

В большинстве крепостей находились дворцы сербских правителей, нередко располагавшие тронным залом и церковью. Руины подобных строений наблюдаются в Звечане, Магличе, Смедерево и других местах.

В период османского владычества в архитектурном облике сербских земель появились восточные составляющие элементы. Турки строили в захваченных городах церковные и общественные здания и утверждали свое господство возведением новых укреплений. Здесь можно упомянуть новопазарские мечети Гази-Мехмед паша и Синап-паша, появившиеся в городе в середине XVI в. и в 1615 г., соответственно. В Нише в середине XVI в. были построены караван-сарай и баня, а в Белграде – мечеть Байракли-Джамия (1690). В конце XVII в., ведя войны с австрийцами, турки произвели реконструкцию Белградской крепости. Новые крепостные стены, башни, ворота и бастионы придали ей большую неприступность и внушительность. Укреплена была турками в том же веке и крепость в Нише. Архитектурная панорама тогдашних сербских земель становится более разнообразной, но пестрой.

Изобразительное искусство. Особенных успехов достигло сербское изобразительное и прикладное искусство. Оно прошло те же периоды развития:

- а) середина XII – конец XIII в.;
- б) конец XIII в. – 1371 г.;
- в) 1371–1459 гг.

Подобно архитектуре, оно испытывало воздействие искусства Византии и латинского Запада (Апеннинского полуострова через Приморье).

Памятники сербского изобразительного искусства ранее середины XII столетия до нас почти не дошли. Самые древние частично уцелевшие фрески находятся в церкви свв. Петра и Павла в древней столице Раше (X в.) Этот храм, как предполагается, служил кафедрой рашских епископов и был богато декорирован орнаментом в виде цветов, крестов и прямоугольных рамок из красных и желтых линий, окаймлявших иконографические сцены. К сожалению, ныне уцелели только остатки стенописи в барабане купола и подкупольном пространстве. Различимы сцены “Благовещение”, “Встреча Марии и Елизаветы”, “Рождество Христово” и “Сретение”. Движения фигур в них очень сдержанные, в колорите преобладают розоватые тона с белым и желтым, имитирующим золото, фоном, что позволяет говорить об известном сходстве с живописью византийских провинциальных центров. Другая тенденция наблюдается в сербском Приморье, примером чего могут служить фрески конца XI – начала XII в. в церкви св. Михаила в Стоне – задужбине зетского князя Михаила. В них чувствуется несомненное западное влияние (что видно, например, по одеждам и инсигниям в ктиторском изображении князя Михаила), и они воспринимаются в целом как некий провинциальный вариант романского стиля. В тот период, в отличие от архитектурной Рашской школы, успешно сочетавшей тенденции, шедшие как с византийского Востока, так и Запада, сербские живописцы отдавали предпочтение византийским образцам. Представители династии Неманичей приглашали мастеров для росписи своих задужбин преимущественно из Константинополя, Солуни и Афона.

Для росписи церкви Успения Богородицы в Студенице – задужбины Стефана Немани, его сыновья – великий князь Вукан и будущий архиепископ, игумен Савва, пригласили после смерти отца известного византийского мастера, который в 1208–1209 г. блестяще справился со своей задачей. Он превратил усыпальницу Немани в роскошный мавзолей, сверкающий золотом и драгоценной лазурью. Эта роскошь была призвана подчеркнуть амбиции сербского двора в отношении соседних православных властителей. Образы святых на стенописях излучают спокойствие и смиренность, они исполнены внутреннего достоинства и глубокой одухотворенности. Роспись стен прекрасно гармонирует с интерьером памятника.

Пришлыми были и живописцы, работавшие над оформлением кафедрального собора Вознесения в Жиче, которая должна была стать центром

автокефального Сербского архиепископства. По завершении его строительства в 1220 г. архиепископ Савва пригласил для его украшения самых искусных мастеров “из греческой земли”. Возможно, это были каменщики и иконописцы из Константинополя. А чуть позднее были приглашены в 1236 г. изографы (скорее всего, из Солуни) расписывать храм Вознесения в Милешева, задуманный будущим королем Владиславом как предполагаемая усыпальница. Мастера выполнили заказ и оставили свои имена на фресках подкупольных плоскостей храма: Димитрий, Теодор и Георгий. Существует мнение, что последние два иконописца были славянами, причем Георгий, как считают, происходил из Приморья.

Совместная работа славянских и греческих мастеров в Сербии, по-видимому, являлась обычной практикой. Именно местные иконописцы создали фрески с изображением архиепископа Саввы в Жичской колокольне и короля Радослава в Студенице. Дружины сербских иконописцев трудились, скорее всего, и в церкви Богородицы Левишской (около 1230) и в церкви Успения Богородицы монастыря Морача (после 1252). Об этом говорит знание ими славянского языка и местных реалий.

Такое содружество стало плодотворным в отношении освоения традиций византийского искусства. Многие монументальные фрески обители Милешева писались под явным воздействием образцов византийской мозаики. В частности, знаменитый Белый ангел на гробе из милешевской композиции “Жены мироносицы” находит свое соответствие в мозаичном панно ротонды VI в. церкви св. Димитрия в Солуни. В Византии того времени шедевры такого высокого уровня уже не создаются, но старые, превратившиеся в классику, образцы продолжают волновать художественное воображение славянских иконописцев за пределами империи, подвигая их на новые творческие свершения. Стилистическую зрелость это направление сербской средневековой живописи получило во фресках церкви Успения Богородицы обители Морача (1252). В дальнейшем в еще более совершенных формах оно воплощалось в росписях церкви свв. Апостолов в Печской патриархии (около 1260), храма в монастыре Сопочаны (между 1263–1268) и обители Градац (1300), “Кралевој церкви” в Студенице (после 1314) и храма Баньской обители в Косовской Митровице (1314).

Высокие достижения монументальной живописи Сербии XIII в. представлены во фресках патриаршей церкви свв. Апостолов в Пече и в Сопочанах. Первый храм создавался как усыпальница сербских архиепископов, наподобие церкви свв. Апостолов в Константинополе – мавзолея вселенских патриархов. Роспись осуществлялась при архиепископе Арсении I, но фактически завершала замысел его предшественника первого сербского

архиепископа Саввы. Прообразом программы послужили особенности композиций первой кафедральной церкви в христианском мире – иерусалимского храма св. Сиона и св. Саввы Иерусалимского. Его видел архиепископ Савва во время хождения в Святую землю, решив после этого создать подобие святыни вначале в монастыре Жича, а после разрушения последнего половцами – в Пече.

Иконографическая программа росписи включала деисус с тремя огромными фигурами в апсиде, символизируя мемориальное предназначение храма. В куполе помещалось монументальное “Вознесение”, напоминая об аналогичном декоре в константинопольских храмах свв. Апостолов и св. Софии. В верхней подкупольной зоне – сцены “Воскрешение Лазаря”, “Уверение Фомы”, “Явление Христа апостолам по Воскресении”, “Тайная вечеря” и “Сошествие Св. Духа на апостолов”. На стенах – пять сцен из земной жизни Христа, прославляющие память о событиях, произошедших в доме апостола Иакова. Остальные фрески храма расположены в традиционных местах, но часть сцен по сюжету является достаточно редкими: “Христос Ветхий деньми”, “Видение пророком Даниилом Небесного Иерусалима”, “Даниил во рву львином”, “Три отрока в печи огненной” и др.

Особое место в стенописи занимают два лика св. Саввы Сербского. В церкви свв. Апостолов он впервые в истории сербской живописи представлен в числе святителей в композиции “Поклонение жертве”. Таким образом была продолжена византийская традиция изображать в данной композиции самого почитаемого из местных святых. Вторая композиция расположена в жертвеннике, где совершается служба преуготовления евхаристических частиц. На фреске изображены св. архиепископ Савва и его преемник архиепископ Арсений I, совершающие чин проскомидии на жертвенной трапезе. Это стенопись достаточно реалистична, так как отражает совместное служение двух святителей, неоднократно имевшее место в действительности.

Мастера в этих храмах не забывают о художественных открытиях своих предшественников: фрески в Пече незримой нитью соединяются со Студеницей и Жичей, в них заметно стремление к мистической поэтике и звучности темных тонов. Композиции Сопочан наполнены светом, золотыми тонами и почти античной красотой ликов и тел, подобно стенописям церковью Милешева и Морачи. Фрески создавались не без влияния идеологии и эстетики высших церковных и государственных кругов сербского общества: церковь свв. Апостолов была связана с окружением архиепископа Сербского, а храм в Сопочанах – с королевским двором. В стенописи сопочанской церкви получила свое завершение программа росписи храмов, складывавшаяся на протяжении XIII в. Здесь также нашла свое

выражение идеология Троицы в династии Неманичей в портретах свв. Симеона и Саввы – основоположников сербского государства и церкви, представленных как корни генеалогического древа последующих представителей династии.

Освоение новых земель в Македонии при короле Милутине, женатом на византийской принцессе, способствовало утверждению в стране нового стиля, связанного с так называемым Палеологовским Ренессансом. Придворными художниками становятся приглашенные из Солуни иконописцы Михаил и Евтихий. Они прибыли в сербскую державу на длительный срок вместе с семьями. В начале своей деятельности (около 1300) мастера расписали церковь Богородицы Перивлепты в Охриде и западную часть церкви свв. Апостолов в Пече. В этих фресках они сохранили прежний крупный масштаб фигур, но заметно преобразовали объем и пространство, сделали более изломанным рисунок, что придало изображениям своеобразную “кубистичность”. Спустя десяток лет эти же иконописцы расписали церковь пресв. Богородицы Левишской, бывшую в то время кафедральным собором Призрена, причем мастер Михаил оставил здесь свою подпись. Тогда же в подобном “сербско-византийском” духе была расписана и Жича.

Во второй половине XIV в. в Константинополе, Солуни и Сербии оформились идеалы, которые можно назвать классицистическими. Они заключались в стремлении к тематическому богатству и усложненной структуре композиции, усилении эмоциональности содержания и сглаживании контраста между активным жестом и выражением лица, достижении гармонии между светом и тенью, холодными и теплыми тонами. На заднем плане для создания пространственности и размещения в ней многочисленных фигур появляется архитектурный или пейзажный фон. Из традиций византийской стилистики заимствуются античное облачение героев, выражения их лиц и манера движения. По мнению искусствоведа В. Джурича, все это позволяет назвать данное направление “классицистическим”. Этим стилем вполне владели как мастера Михаил и Евтихий, расписавшие фресками церковь свв. Иоакима и Анны (“Кралевскую церковь”) – милутинскую задужбину в Студенице (до 1321), храмы св. Георгия в Старо Нагоричино и св. Никиты в Скопье и храма в Грачанице, так и безымянные солунские мастера, написавшие по заказу короля Милутина иконы для афонского Хиландарского монастыря. Их работы не уступают по мастерству лучшим иконам и фрескам Константинополя и Солуни.

В третьем десятилетии XIV в. решения на подобной основе осуществляются в стенописи, заказанной Стефаном Дечанским в церкви св. Николая в Дебыре и иконе, созданной для церкви св. Николая в Бари (Италия). Новизна

состояла в усилении эмоциональности образов и подчеркивании выразительности фигур. Тенденция к тематическому усложнению еще более усилилась и обогатилась увлеченностью теологией. Фрески наоса и иконы Дечанского монастыря, появившиеся радением короля Стефана Душана (до 1348), отличаются крайним обилием циклов и композиций. Они создавались с претензией на роскошь: в них использованы позолота, драгоценные краски, многочисленные растительные орнаменты с цветами, листьями и ветвями лозняка. Так же украшены не только Дечаны, но и резиденция Сербских архиепископов в Пече – часть церкви свв. Апостолов и церкви св. Димитрия.

В эпоху сербского царства (1346–1371) нарастает драматическое начало и эмоциональная напряженность. Усложняются позы, движения фигур, деформируются пропорции. Одновременно возникает тенденция противоположного характера – желание отразить в позах и лицах фигур благость и смирение, выдержать колорит в светлых и нежных тонах. В этом ощущается стремление вызвать у верующего чувство умиротворенности и лирический настрой души. Обе эти тенденции найдут свое место в работах последующих поколений живописцев.

Получает дальнейшее развитие и тема царской генеалогии. Древо правящей династии Неманичей начинает уподобляться древу Иесееву – родословию предков Христа, и изображается как своеобразная “Лоза Неманичей”. Корни ее – свв. Симеон и Савва, а завершение – здравствующий и господствующий государь. Впервые подобное древо появилось в Грачанице по заказу короля Милутина, а затем было обновлено при Стефане Душане в Пече, в монастырях Матейче и Дечанах. В Матейче в “Лозу” вплетено несколько имен византийских императоров, что свидетельствовало о политических амбициях Стефана Душана накануне провозглашения Сербского царства. Обоожествление сербской государственной власти со времен Милутина иконографически выразилось в образах ангелов, приносящих с небес корону сербским государям. На одной из фресок Стефан Душан принимает из рук архангела меч, посланный ему самим Христом. Идея симфонии между государством и церковью особенно усилилась после учреждения в 1346 г. Сербской патриархии. Она явственно звучит в стенописи церковей св. Димитрия в Пече и Богородицы Перивлепты в Охриде, а также в росписи церковной паперти в Дечанах, подчеркивая мысль о том, что государственные саборы столь же важны, как и церковные.

Провозглашение царства и патриаршества, как важнейшие события сербской национальной истории, нашли свое отражение в монументальной живописи. В процессе росписи Дечанского храма (1346) одна артель мастеров заменяется другой, поэтому стенопись церковной паперти выглядит иначе, чем роспись самого храма. Увеличивается число драматических сцен,

усиливается эмоциональная напряженность, обогащается красочная палитра. Новые мастера, возможно, были приглашены царем из расположенного поблизости Скопье. Позднее эти же мастера украшают купол и подкупольные плоскости в храме Лесновской обители, создают стенопись нижнего регистра церкви Маркова монастыря и других обителей и храмов. Работы царских умельцев служили своеобразным эталоном и образцом для подражания.

Это направление было официальным, господствующим, но им не исчерпывалась панорама тогдашней художественной жизни. Несколько задужбин, как, например, обитель Матейче в Куманово (до 1346), церкви свв. Архангелов в Призрене и св. Софии в Охриде (около 1350), демонстрируют приверженность иконописцев к светлым, нежным тонам и склонность к умиротворенности, лишенной какого-либо драматизма. В охридском храме св. Софии работали два греческих мастера, и один из них по имени Иоанн Теорианос, явился основателем знаменитой иконописной Охридской школы. Вместе со своими помощниками он создал фрески в охридских церквях Козьмы и Дамиана, Богородицы Болецелительницы и св. Пантелеймона в обители св. Климента, а другие, близкие ему по манере, мастера – часовню в церкви Богородицы Перивлепτος, охридскую церковь пресв. Богоматери Челницы и небольшой пещерный храм Богоматери близ села Пештаны у Охрида.

Крупнейшими творениями самого Теорианоса считаются стенописи в наосе охридской церкви св. Софии, верхние регистры церкви Маркова монастыря, небольшого храма в селе Речица, а также двусторонняя икона свв. Климента и Наума Охридских. Последователи мастера усилили экспрессивность его стиля. Они удлиннили фигуры святых, придали взглядам подвижников больше строгости и отказались от обилия света, ограничиваясь игрой светлых отблесков на темном фоне. Эти черты стали характерными для местной охридской школы.

Не прекращалось развитие искусства и в Хиландаре, который вместе со Святой горой попал под протекторат сербского государства незадолго до коронавания Стефана Душана. Во времена правления Уроша некий талантливый безымянный мастер изготовил несколько икон для главной монастырской церкви, а другой, не менее даровитый, – создал для иконостаса деисус. Он же переписал и украсил миниатюрами Евангелие для игумена Дорофея (1360). Трудились здесь и другие миниатюристы, в частности, книжник Симон (или Симеон), переписавший много рукописных кодексов, которые он же и переплел. Его миниатюры “эмалевого” типа не уступают по роскоши иллюминации рукописей, создававшихся при императорском дворе в Константинополе. В Хиландарской библиотеке хранились такие

знаменитые кодексы, как Евангелие патриарха Саввы и Евангелие великого воеводы Николы Станевича, а также рукопись митрополита Иакова, находящаяся ныне в Лондоне, и так называемое Куманичское Евангелие.

Серьезному испытанию подверглось сербское изобразительное искусство в период борьбы с османским нашествием. Трагическая битва на реке Марице в 1371 г. и гибель престолонаследников, государей Вукашина и Углеша привела к постепенному угасанию династии Неманичей. Сербское государство распалось на ряд удельных княжеств, что снижало возможности для полнокровного ктиторства. Тем не менее, до конца столетия было создано немало ценных произведений искусства. В монастыре Вознесения (Великой Маторе) – задужбине последнего сербского царя Иоанна Уроша Палеолога – появились новые фрески и иконостас. Особо следует отметить икону сестры царя Елены и ее супруга деспота Прельсобовича, созданную в 1390-е гг. Икона заключена в роскошный серебряный оклад с полудрагоценными камнями и жемчугом. Ее утонченная живопись может быть сравнима с работами придворных константинопольских живописцев.

Весомый вклад в развитие сербского искусства внесли “княжевина” с центром Крушевац, а позднее деспотовина со столицами в Белграде и Смедерево. Продолжая линию Неманичей, представители династии Лазаревичей с пиететом относились к старым художественным образцам и доктрине обожествления светской власти. Победу над турками предрекали ангелы, приносящие с небес мечи и копья, а идею преемственности власти продолжали добавления к “Лозе Неманичей” с изображениями Лазаревичей, связанных с Неманичами по женской линии. Подобный мотив “Лозы Неманичей” можно видеть на фасаде входной башни в Студенице.

В Повардарье, где правила династия Мрнявчевичей, главным политическим и художественным центром становится македонский г. Прилеп. Здесь находился деспотский престол и сидел митрополит, подчинявшийся Охридскому архиепископу. Митрополичью кафедру тогда возглавлял иерарх Иоанн, который, подобно своему брату, иеромонаху Макарию, прославился как живописец. Вероятно, обучение братьев прошло в одной из греческих иконописных школ, и благодаря своему мастерству они сделались придворными художниками при короле Марко, а затем при его брате, кралевиче Андреаше. Последний поручил Иоанну расписать свою задужбину – церковь св. Андрея на реке Треске близ Скопье, что тот и выполнил, взяв себе в помощники монаха Григория (1388/1389).

Фрески младшего слоя прилепского кафедрального храма св. Димитрия также убедительно связываются с именем Иоанна. Но и здесь он работал не в одиночку, а с помощником. Кроме того, написал в 1393/1394 г. большую

икону Христа Спасителя и Жизнедавца для иконостаса церкви монастыря Зрзе – обители, основанного его дедом монахом Германом, где он и принял вместе с братом постриг. Иоанн опирался главным образом на византийские традиции XIII в. В его фресках и иконах гармонично сочетаются классические лики святителей и чувство материальности формы, используются эффекты света и тени и элементы декоративности.

Иеромонах Макарий между 1402 и 1405 гг. расписал храм в монастыре Любостыня – задужбине княгини Милицы, и оставил здесь свою подпись. Его любостыньские фрески отличаются холодной гармонией голубого и серого тонов, в то время как в Зрзе иконописец отдал предпочтение теплому охряному цвету. Кроме того, он написал в 1421/1422 г. для иконостаса названной обители большую икону Богородицы Пелагонитиссы и создал вместе с помощником деисусный чин. Видимо, его руке принадлежат также фрески “Богородицы с Христом” в нише над входом в церковь у села Зрзе и в прилепском храме пресв. Богородицы. Стилистическая манера Макария совпадает с Иоанновой, но его старший брат был явно более уважаемым и известным художником, взрастившим своих учеников. Один из них по имени Алексей, создавая фрески в пещерной церкви св. Марии близ Преспанского озера, не без гордости отметил в надписи, что он является “учеником Иоанна Зографа”.

Особенно значительным был вклад солунских мастеров, трудившихся по поручению сербских правителей. Они расписали при князе Лазаре его задужбину Раваницу, создав фрески в характерных для стенописей Солуни того времени лазурных, розоватых и сероватых тонах, с обильным использованием золота. Фрески Раваницы стали прототипом стенописей Моравской школы. Программа росписи включала изображения Пантократора в зеркале купола, в барабане – “Небесной литургии” и фигур шестнадцати апостолов, на сводах – “Великих праздников”, на стенах – сцен из земной жизни Христа и Его страстей, в среднем регистре – цикла чудес и притч, в конхе апсиды – Богоматери с младенцем и ангелами, над Ними – сцены “Причащения апостолов” и ряда медальонов с фигурами архиереев, внизу апсиды – “Поклонения жертве”.

Солунские мастера создали особую декоративную систему: окаймляющие ленты с богатым орнаментом и травными украшениями, а также специфическое цветовое оформление медальонов. Особенностью манеры солунских живописцев также является привнесение в сербское искусство духа аристократичности, сохранение традиционной иконографии, использование эффекта от контраста золотого и синего цветов. Вначале мастера из Солуни поработали для известного монаха Сысоа в монастыре Сысоевац, а затем

исполнили заказ деспота Стефана Лазаревича в Ресаве (до 1418). Кроме того, в афонской Ватопедской обители они создали фрески свв. Воинов в церкви св. Бессребреников – задужбине деспота Иоанна Углеши. Здесь живописцы еще раз применили прием декора, апробированный ими в Раванице – ленты с травным орнаментом, и придали ему особую выразительность. В христологическом цикле фресок иконописцы еще сильнее сближают мир небесный и земной, облачив сонм святых и мирян в одеяния сербских сановников. Тем самым проповеди Христа как бы актуализировались, приближались из глубины веков к современникам.

В иной тональности выполнены фрески в церкви монастыря Каленич. В манере их исполнения нельзя обнаружить парадности и аристократичности придворного искусства, присущих ресавским стенописям. От фресок Каленича веет тихой грустью и элегичностью, изображенные на них сцены освещены, словно исходящим из природного источника, умеренным светом. Движения фигур подвижников на них едва намечены, но они не производят впечатление статичности. Глаза святых чуть прикрыты, выражение их лиц смиренное и благолепное, излучающее искреннюю набожность и молитвенную самоуглубленность.

По своей художественной выразительности сербские средневековые фрески XIII – первой четверти XV столетия стоят в одном ряду с шедеврами живописи Византии и стран византийской общности. Однако приблизительно за три десятилетия до падения Смедерево в развитии сербского изобразительного искусства наметился спад, еще более усугубившийся после захвата турками Константинополя и Солуни. Эти события привели к резкому падению той огромной роли, которую два указанных центра искусства играли для всего православного мира. В период османского владычества во второй половине XV–XVII вв. в сербских землях было создано немало произведений живописи, но по своему художественному уровню они существенно уступают искусству предшествующих столетий. Творчество все еще многочисленных сербских иконописцев времени османского владычества постепенно снижается до ремесленного уровня.

Сербские художники вынуждены были искать приложение своему мастерству в соседних землях, незанятых турками – чаще всего, в Валахии и Молдавии. Два сербских изографа Давид и Радослав расписали кладбищенскую церковь в Козии. Около 1526 г. иконописец из Приморья по имени Добромир создал стенописи в епископской церкви Куртеа де Арджеш в Валахии и Бистрицы в Олтении. Скорее всего, он сделался придворным художником господаря Нягое Бессараба, тесно связанного с сербскими землями. Этот господарь был женат на сербке Деспине Бранкович, оказывал

помощь Хиландарскому монастырю, избрал домашним лекарем выходца из Дубровника. Не исключено, что в том же городе получил образование и Добромир, поскольку в Дубровнике были обнаружены подписанные его именем фрески. По поручению Деспины Бранкович изограф создал композиции с изображением Богородицы, оплакивающей мертвого Христа и Деспины, скорбеющей над телом Феодосия.

Очевидно, несколько сербских иконописцев появилось в Молдавии и Валахии благодаря покровительству Елены – дочери сербского деспота Иоанна, выданной замуж за молдавского господаря Петра Рареша (1527–1538, 1541–1545). После кончины супруга она воздвигла церковь в молдавской столице Сочаве и две церкви в Ботошанах. В Сочаве в XVI столетии существовало братство изографов, двое из которых – Фома Зограф и поп Гавриил – подписывались по-славянски. О вкладе сербских мастеров в развитие молдавской и валашской иконописи того исторического периода красноречиво свидетельствует близость художественного стиля работ сербских, молдавских и валашских изографов.

Часть иконописцев в XVI столетии продолжала трудиться в сербских землях, и среди них можно отметить имена попов Страхины, Милии, мастеров Иоанна, Николы и др. Самой крупной фигурой той эпохи считается монах-зограф Лонгин, родившийся, предположительно, поблизости от Печа и освоивший здесь азы иконописания. Лонгин начал работать в 1560-е гг., расписав приделы в печской церкви свв. Апостолов. Фрески принесли ему известность, и на протяжении последующих тридцати-сорока лет он выполнил немало заказов на создание икон и стенописи в монастырских храмах в Студенице, Грачанице, Бане (близ Прибоя), Пиве, Ломнице и Дечанах. В 1570-е гг. Лонгин написал несколько больших икон, пять из которых – двусторонние. Наиболее интересная из них – св. Стефана Дечанского с житием, созданная в год пострижения Лонгина. Святой изображен на ней в центре на престоле вместе с Христом в окружении святителей и воинов. По бокам от престола находятся два воина, вокруг расположено семнадцать сцен из жития святого в редакции, составленной Григорием Цамблаком. Кроме того, здесь имеется запись иконописца с мольбой к святому о заступничестве перед Господом и избавлении от тяжелой болезни. Использование достаточно пространственных текстов характерно и для других икон Лонгина. Так, на иконах Христа и Богородицы, написанных им для обители Милешева, читаются тексты стихир и Богородичного Акафиста.

Кроме больших икон, Лонгин писал и малые праздничные иконы по заказам различных сербских монастырей. Для обители Милешева он создал,

например, в 1573 г. иконы “Благовещение”, “Воскресение”, “Вознесение” и др. Рисунок Лонгина, как правило, выполнен уверенной рукой, фигуры подвижников несколько удлинены, линии изящны. При этом его творческая манера достаточно разнообразна. Праздничные иконы он пишет быстрыми, крупными мазками, нередко использует некоторые элементы восточного орнамента, а моделировка коня в иконе св. Стефана Дечанского говорит о хорошем знакомстве Лонгина с иконописью Афона начала XVI в.

Видный художник следующего поколения – Георгий Митрофанович. Первые работы он выполнил в 1616 г. для обители Морача, создав фрески на западной стене храма с изображениями Христа, Неопалимой купины, Иоанна Лествичника, св. Димитрия, св. Георгия и др. В некоторых из них, особенно, в изображениях всадников, чувствуется влияние западноевропейского барокко. Стенописи Георгия вначале были подражательными, но уже через пять лет он достиг творческой зрелости. Это проявилось при реализации художником заказа для церкви св. Трифона в Хиландарском монастыре. Он создал для храма много икон и росписей: иконы Вседержителя, Богородицы, св. Трифона, портреты ктиторов, цикл Богородичного Акафиста, сцены из феодосиевского жития Саввы Сербского и др.

Творческая манера Георгия Митрофановича близка искусству афонских мастеров, но, одновременно, имеет свои отличия. Головы святых он писал довольно реалистично, почти портретно. Образ Алексея человека Божия – лучший во всем поствизантийском искусстве. Творческому почерку изографа присущи точность, элегантность рисунка и богатство колорита. Георгий Митрофанович, как полагают, прожил недолгую жизнь и умер в 1622 г. Художественные идеи мастера развивались в творчестве его многочисленных учеников. Одним из них был одаренный хиландарский иконописец Иоанн, создавший в 1632 г. превосходные иконы св. Димитрия и св. Петки. Их отличает теплый, насыщенный колорит, в котором преобладают золотая охра, темно-синие, темно-зеленые и красные тона.

Другие ученики Георгия Митрофановича – хиландарские монахи Георгий и Козьма, работали в сербских землях. Первый из них написал икону св. Иоанна Крестителя в Дечанах (1620), а второй создал икону свв. Симеона и Саввы (1645), зашифровав тайнописью свое имя в надписи. Последователями “хиландарского стиля” выступили иеромонахи Симон, Онуфрий и др.

В Овчарско-Кабларском ущелье много икон и росписей для монастырских храмов написал в XVII в. изограф Митрофан. Для кабларской обители св. Троицы, в частности, он создал в 1632 г. икону “Благовещение” и праздничные иконы “Крещение”, “Воскрешение Лазаря” и “Вознесение”. По тщательности исполнения они напоминают миниатюры сербских рукописей начала XVI в.

В стенописях мастер опирался на старые художественные традиции, внося в них элементы западноевропейского барокко. Живопись Митрофана 1630-х гг. порой страдает от неуверенной моделировки и несколько небрежного рисунка. Но через полвека в конце своего жизненного пути Митрофан создал для Хиландарского монастыря икону свв. Воинов, которая считается одной из лучших сербских икон XVII столетия.

Известным сербским художником того времени являлся и Андрей Раичевич – родственник игумена обители св. Троицы в Плевалях. Это был образованный, состоятельный монах, он имел свою небольшую библиотеку, в которой находились иллюминированные рукописи. В монастыре располагался и скрипторий, где, как отмечалось выше, трудился известный писец Гавриил Троичанин, переписавший “Псалтырь” (1643) и “Шестоднев” с сочинением Козьмы Индикоплова (1649). Андрей Раичевич украсил эти рукописи превосходными миниатюрами, свидетельствующими о его знакомстве с традициями и русского, и западноевропейского искусства XVI–XVII вв. Возможно, кисти мастера принадлежит также одна из фресок 1634 г. в комплексе Печской патриархии, поскольку его имя фигурирует среди имен изографов, собранных в Пече патриархом Паисием. Кроме того, Андрей Раичевич написал икону св. Кириака Отшельника (1649), сообщив о своем авторстве в записи, выполненной тайнописью.

Обращает на себя внимание и творчество странствующего иконописца XVII в. Данилы. Он расписал по просьбе хиландарского игумена Виктора монастырскую часовню св. Николая чудотворца и создал в 1667 г. для обители икону “Свв. князь Лазарь и вмч. Георгий Новый”. Икона свидетельствует о незаурядном мастерстве художника. Моделировка ликов мучеников выполнена иконописцем искусно, производит впечатление и необычно контрастная цветовая гамма. Одежания южнославянских святых схожи с нарядами русских князей Бориса и Глеба на одной из новгородских икон XIV в., что говорит о знании изографом традиций русского иконописания.

Еще более заметной фигурой является современник Данилы изограф Радул. По всей вероятности, он играл в Печской патриархии роль придворного художника, поскольку выполнил немало заказов по поручению патриарха хаджи Максима. Так, например, в 1671 г. он создал по высочайшей воле икону для монастыря Морача, два года спустя расписал церковь св. Иоанна в Црколезе, а еще через год написал икону “Свв. бессребреники Козьма и Дамиан”. Кроме того, Радул создал иконы Богородицы в Пече, св. Николая для церкви в Белом поле (1677), ряд икон для церкви св. Николая в Подврхе в Белом поле: св. Луки, св. Георгия и св. Димитрия. Его работы близки произведениям русских мастеров XVII в.

Во второй половине XVII в. в качестве художника выступил и насельник обители Морача, иеромонах Авессалом Вуичич. Он начал поддерживать унию в надежде извлечь пользу для своего монастыря и в 1648 г. побывал в Риме по поручению конгрегации. Однако образцы барочного искусства, с которыми он познакомился в этом городе, не произвели на него большого впечатления – он остался приверженцем традиционной сербской живописи. Его руке принадлежит икона св. Луки с житием (1673) и небольшая икона свв. Саввы, Симеона Немани и короля Стефана (сына Вукана). Возможно, им также была написана икона “Неверие Фомы”, хранящаяся в обители Морача. Она обрамлена такой же резной дубовой рамкой, что и икона трех названных святителей. Кроме того, Авессалому Вуичичу приписываются иконы “Благовещение” и свв. Луки и Иоанна Богослова, находящиеся в Сараево и Париже.

Музыка. Крайне скудными сведениями наука располагает о сербской средневековой музыке. Она впитала в себя традиции музыкального фольклора, византийского и романского церковного пения. Исполнение фольклорных песен у сербов обычно сопровождалось игрой на *гусль* – смычковом инструменте овальной или грушевидной форме с навершием в виде головы животного и с лукообразным обильно орнаментированным смычком. Для пения было характерно наличие ритмов народного танца *коло*, обилие кварт или квинт и попевок с переменчивыми ладами. Кроме указанного инструмента, в качестве аккомпанемента певцы и танцоры использовали струнный щипковый инструмент *тбмбурицу*; ударный, наподобие барабана или литавр – *талбмбас* или же *тулумбас*; напоминающий волынку, – *збйду*, а также одноствольную или двухствольную флейту – *фрулу*. Эти инструменты существовали у сербов с давних времен, ибо уже в ранних средневековых памятниках в приписках к рукописям сообщается о пении и “гудении”. На одной из фресок Дечанского монастыря XIV в. изображены три музыканта, играющие на фрулах и *тапане* – разновидности барабана.

Музыкальная народная культура сербов обладала несомненным богатством, и, будучи связанной родством с общеславянской, имела и свои специфические черты. Героические песни, например, исполнялись на основе древних ладов, при отсутствии тактового деления и при частом использовании мелодий речитативного характера. Сербскому народному пению были свойственны диатоничность, двухголосие, исключительно богатая ритмика с периодически переменными размерами. В южной части сербских земель в более позднее время в результате заселившихся здесь многочисленных турецких колонистов народная песня испытала на себе воздействие культуры мусульманского Востока. Особенно красивы южносербские песни *севдблинки*,

отличающиеся большой свободой, раскованностью и декламативностью. Здесь также получили распространение плясовые танцы с прихотливыми, капризными хореографическими рисунками.

Активно развивалась и сербская церковная музыка, в особенности, в таком крупном культурном центре как афонский Хиландарский монастырь. Наибольшее влияние на нее оказывало византийское церковное пение, хотя есть свидетельства и о существовании древних музыкальных русско-сербских связей. Доказательством тому служит т. н. Есфигменский ирмолог XI–XII в. – греческий сборник песнопений с записью русских мелодий. Довольно рано появилось и особое сербское нотное письмо, однако точное время его появления не определено. История донесла до нас имена некоторых сербских средневековых композиторов, оставивших после себя музыкальные сборники с невмами – разновидностью нелинейной нотации.. Одним из них являлся уже упоминавшийся переводчик Стефан Сербин, живший в XV в. во время правления Бранковичей. Ему принадлежат два музыкальных сборника на греческом языке и музыкальные композиции с сербскими текстами, среди которых находится недавно расшифрованное сочинение “Ныне силы”.

* * *

Подведем итоги сказанному. Сербская культура начала формироваться несколько позже по сравнению со средневековыми культурами Болгарии и Руси, но довольно быстро сумела достичь зрелости и добиться впечатляющих результатов. Замечательным вкладом сербов в славянскую и европейскую культурную сокровищницу стал героический эпос, по достоинству оцененный Европой только в XIX в. Сербы создали богатую литературу с развитой системой жанров и разнообразным поэтическим арсеналом. В ней возникли неизвестные другим православным славянам литературные жанры “аренги” и династических владетельских житий. Сербские книжники стали первопроходцами в освоении нового литературного стиля “плетения словес”. Они первыми в православном мире сумели наладить книгопечатание и выпустить первую славянскую печатную кириллическую книгу еще в последней трети XV столетия.

Столь же внушительными были достижения и в области сербской средневековой архитектуры и живописи. В сербских землях появились Рашская и Моравская архитектурные школы, обладавшие своим собственным обликом и распространившие свое влияние на Молдавию и Валахию. Сербские живописцы XIII–XIV вв. сумели творчески обобщить и доразвить те художественные идеи Палеологовского Ренессанса, которые несли на север Балкан блестящие византийские иконописцы из Константинополя, Солуни и Афона.

Многие фрески Сопочан, Морачи, церкви свв. Апостолов в Печской патриархии и др. могут быть сопоставимы с лучшими работами средневековых мастеров Византии и стран византийской общности. Именно поэтому сербские иконописцы пользовались таким большим авторитетом в православном мире и часто приглашались для работы в Новгород, Старую Ладугу или Москву. То же самое можно сказать и о многих сербских писателях, строителях и музыкантах, чей талант был востребован не только на Руси, но и в других зарубежных странах. Все это свидетельствует о том, что сербский вклад в средневековую культуру Европы является бесспорным.

О высоком международном авторитете сербской культуры красноречиво говорит обращение к культурному опыту сербов в средневековой Руси. Особенно углубились культурные связи между двумя странами, начиная с XIV–XV столетий. Во второй половине XIV в. сербские мастера расписали ряд новгородских церквей, в том числе ставшую знаменитой церковь Спаса на Ковалеве. Серб по имени Лазарь построил в 1404 г. в московском Кремле часовую башню. Известный псковский подвижник Савва Крыпецкий († 1487), по преданию, был выходцем из сербских земель. Самым плодовитым агиографом на Руси в XV столетии проявил себя пришлый сербский монах Пахомий Серб († после 1484), написавший по заказу церковных и светских властей свыше сорока сочинений, среди которых числятся такие известные памятники, как оригинальные жития и переделки старых житий свв. Кирилла Белозерского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского, Алексея митрополита Московского, каноны Стефану епископу Пермскому и на Перенесение мощей митрополита Петра, Слово похвальное Знамению пресв. Богородицы в Новгороде и др. Приняв от него своеобразную эстафету, сербский писатель Лев Аникита Филолог, живший на Руси в первой трети XVI в., составил Слово похвальное князю Михаилу Черниговскому и боярину его Феодору, а позднее, возвратившись в Сербию, написал похвальные слова свв. Зосиме и Савватию Соловецким.

Культурные контакты между Россией и Сербией приобрели новое качество в XVI столетии после венчания Ивана Грозного на царство и принятия им на себя роли защитника интересов православия на славянском юге и Афоне. Особую любовь русский самодержец питал к Сербии, с властителями которой его связывало династическое родство: бабушка Ивана Грозного Анна имела сербское происхождение и приходилась дочерью сербскому деспоту Стефану Якшичу Старшему. Не случайным поэтому выглядело и создание в Москве сербского подворья близ Кремля, обособившееся “за иконным рядом” в Богоявленском монастыре (1556). Здесь останавливались многочисленные просители, регулярно приезжавшие в

Московское государство за помощью из сербских земель и афонской Хиландарской обители. Монахи последней неоднократно обращались к самому Ивану Грозному с посланиями, которые обычно не оставались без царского ответа. Именно в XVI столетии в русской земле окрепли культы известных сербских подвижников Саввы Сербского, Арсения Сербского и Стефана Дечанского. Посвященные им пространные жития все более широко распространялись в нашей рукописной традиции. В Москву из Хиландаря были доставлены иконы сербских свв. Симеона и Саввы, князя Лазаря и короля Милутина (1550). Фрески с изображениями многих сербских подвижников находились в соборах московского Кремля. Все это порождало чувство неразрывной этнической и религиозной близости между русскими и сербами.

ЛИТЕРАТУРА

Тексты:

- Антологија народних приповедака. Нови Сад-Београд, 1960.
Антологија старе српске књижевности. Београд, 1960.
Антологија народних српских песама. Т. 1-2. Избор и предговор В. Ђурић. Нови Сад-Београд, 1958.
Одабране народне приповетке. Одб. Панић -Суреп. Београд, 1956.
Песни южных славян. БВЛ. М., 1976.
Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. Составление, предисловие и примечания Ю. Смирнова. М., 1987.
Сербские народные сказки. М., 1956.
Сербский эпос. Редакция, исследование и комментарии Н.И. Кравцова. Переводы Н. Берга, Н. Гальковского и Н. Кравцова. М., 1963.
Сербский эпос. Сост. и вступит. статья Н.И. Кравцова. Пер. под редакцией М.А. Зенкевича. Т. I-II. М., 1960.
Славянский фольклор. Тексты. Сост. Н.И. Кравцов, А.В. Кулагина. М., 1987.
Србљак митрополита Михаила. Београд, 1861.
Србљак. Службе, канони, акатисти. Т. I-III. Прев. Д. Богдановић. Прир. Ђ. Трифуновић. Београд, 1970.

Общие работы:

- Богдановић Д. Историја старе српске књижевности. Београд, 1980.
Деретић Ј. Историја српске књижевности. Београд, 1983.
Дероко А. Монументална и декоративна архитектура у средњовековној Србији. Београд, 1985.
Джурич В. Византијские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М., 2000.
История литератур западных и южных славян. Т. I. / Автор глав "Сербская литература" Л.К. Гаврюшина. М., 1977. С. 188-237, 781-805.
Историја српске културе. Нови Сад, 1994.

История Югославии. Т. I. / Авт. разделов Н.И.Кравцов. М., 1963. С. 76–79; 168–174; 287–288.
Кравцов Н.И. Проблемы славянского фольклора. М., 1972.
Кравцов Н.И. Славянский фольклор. М., 1976.
 Кратак преглед југословенских књижевности средњег века. Записи са предавања *Ђорђа Трифуновића*. Београд, 1976.
Марковић В. Православно монаштво и манастири у средњовековној Србији. Сремски Карловци, 1920.
Миличевих М. Живот Срба селяка. Српски етнографски зборник. Књ. I. Београд, 1894.
Немировский Е.Л. Сербские монастырские типографии 16 века. М., 1995.
Павић А. Народне пјесма о боју на Косову. Загреб, 1877.
Павловић Л. Култови лица код Срба и Македонаца. Смедерево, 1965.
Поповић Д. О хайдуцима. Т. I. Београд,
Поповић П. Преглед српске књижевности. Београд, 1919.
Путилов Б.Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971.
Радојичић Ћ.Сп. Књижевна збивања и стварања код Срба у средњем веку и у турско доба. Нови Сад, 1967.
Радојичић Ћ.Сп. Творци и дела старе српске књижевности. Титоград, 1963.
Радојичић С. Мајстори старог српског сликарства. Београд, 1955.
 Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995.
Смирнов Ю.И. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974.
 Српска књижевност у књижевној критици. Т. I. Стара књижевност. Приредио *Трифуновић*. Београд, 1972.
Трифуновић Ђ. Азбучник српских средњовековних књижевних појмова. Београд, 1974.
 Ускоци и јуначким народним песама. Ред. *Т. Остојић*. Нови Сад, 1911.
Чиркович С. Сербия. Средние века. М., 1996.
Шупут М. Српска архитектура у доба турске власти, 1459–1690. Београд, 1984.

Отдельные проблемы:

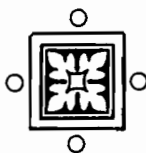
Ђурић В. О јуначкој поезији. // Антологија народних јуначких песама. Београд, 1954; Переработанное издание: Београд, 1961.
Ђуришић А. Нова Павлица. Београд, 1991.
Милић М. Srpski izvori "pletanja sloves" // AN Bosne i Hercegovine. Djela, knj. 50. Od. za knjizevnost i umjetnost. Sarajevo, 1975, kn. 2.
 Архиепископ Данило. Животи краљева и архиепископа српских. Издао *Ћ. Даничић*. Загреб, 1866; Репринтно издание: Лондон, 1972.
Даничић Ћ. Доментијан. Живот св. Симеуна и св. Саве. Београд, 1865.
 Деспот Стефан Лазаревић. Књижевни радови. Приредио *Ђ. Трифуновић* // СКЗ. Београд, 1979.
 Живот св. Саве, написао Доментијан (на самом деле – Феодосий. – *И.К.*). Издао *Ћ. Даничић*. Београд, 1860; Репринтно издание: Београд, 1978.
 Записки няычара. Написаны Константином Михайловичем из Островицы. / Введ., пер., комм. *А.И. Рогова*. М., 1978.
Кандић О. Манастир Градац. Београд, 1982.
Милошевић Д., Нешковић Ј. Ђурђеви Ступови у старом Расу. Београд, 1987.
Наумов Е.П. Южнославянский эпос и проблемы сербского средневековья. // Славянский и балканский фольклор. М., 1971.
Радојичић С. Милешева. Београд, 1983.

Трифуновић Ђ. Ка почецима српске писмености. Београд, 2001.

Нифнер С. Studien zur altserbischen dynastischen Historiographie. München, 1964.

Радојч С. Srpska umetnost u srednjem veku. Beograd-Zagreb-Mostar, 1982.

Соеренсен А. Beitrag zur Geschichte der entwicklungder serbischen Heldendichtung. // Archiv für slavische Philologie. 1893–1898.

КОНЕЦ ОРДЫНСКОГО ИГА И НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ КУЛИКОВА ПОЛЯ*

Культурный и идеологический подъем русского государства во второй половине XIV – начале XV в. Говоря о победе русских войск на Куликовом поле, следует сразу же сказать: это был не случайный успех русского оружия – он подготавливался культурным и идеологическим подъемом русского государства во второй половине XIV – начале XV в. Данный исторический период – чисто условный промежуток времени. Культура и идеология в эпоху Средневековья развивались значительно более медленно, и ученые, исследующие какой-либо период истории литературы и культуры, обычно анализируют процессы, протекавшие не на протяжении полувека, а как минимум в течение одного-двух веков. Мы создаем, что концентрация внимания на состоянии русской культуры и литературы в основном до Куликовской битвы есть некое отступление от традиционных правил.

Разумеется, истинный расцвет русской духовной жизни начался не до, а после Куликовской битвы, и анализ явлений русской культуры второй половины XV в. во многом помогает понять суть того духовного перелома, который наметился задолго до решающего сражения русских с татарами на поле Куликовом. Однако такой анализ увел бы нас далеко от центральной темы. Не случайно также, что говоря об идеологии, мы обращаемся не к истории, а к литературе. Истории в то время как отдельной науки не существовало. Не являлись тогда историческими сочинениями даже русские летописи – они были сводами хронологически расположенных литературных памятников, в которых отражалась идеология местных или общерусских культурных и политических центров Древней Руси. Поэтому для нас важно именно состояние литературы, хотя не будем, конечно, недооценивать и другие области русской культуры затрагиваемого периода. Однако это

---

* Лекция, произнесенная перед студентами и преподавателями Государственной академии славянской культуры 3 июля 2005 г., посетившими в тот день Куликово поле.

состояние не рассматривается подробно, оно намечено лишь пунктиром, как обозначение векторов новых тенденций в поступательном движении национальной духовной жизни.

В затрагиваемый период усиливаются зарубежные культурные связи Руси со славянским Югом, Константинополем и Афоном. Наши купцы и паломники совершают путешествия по святым местам, русские переводчики и переписчики трудятся в афонских обителях, из Болгарии и Сербии в связи с османским нашествием на Балканы мигрирует в русские земли часть местных феодалов и духовенства. Медленно оправившись от последствий страшного татаро-монгольского разорения, постепенно активизируются на Руси строительное дело и архитектура. Это видно по данным русских летописей, хотя бы на примерах возведения величественного Троицкого собора в Пскове (1365–1367), замечательных церквей Феодора Стратилата на Ручье и Спаса Преображения на Ильине в Новгороде. Оживляются строительные работы в Москве (о чем мы скажем чуть ниже) и в других древне-русских культурных центрах.

Дальнейшее развитие получило русское летописание. В Твери продолжает вестись великокняжеская летопись, в особенности, в 60-е–70-е годы XIV в. при тверском князе Михаиле Александровиче, активно боравшемся за великокняжеский престол во Владимире. Чуть позднее в связи с разгромом Твери в 1375 г. его соперником московским князем Димитрием Ивановичем, оно прерывается, но спустя семь лет возобновляется вновь. В 1409 г. был составлен тверской летописный свод епископа Арсения. Создаются не только новые летописные своды, но и делаются новые копии со старых. Так, например, текст русского летописного свода 1305 г. дошел до нас в списке 1377 г. и был выполнен по заказу суздальско-нижегородского князя Димитрия Константиновича при содействии епископа Дионисия Суздальского. Это известнейшая Лаврентиевская летопись, получившая свое название по имени инокана нижегородского монастыря Лаврентия – руководителя группы переписчиков.

Развивается летописание и в Москве. Первоначальный московский свод, появившийся, по мнению ученых, при Иване Калите в 40-х годах XIV в., был значительно расширен в 1392 г., дополнен новыми материалами, получив название “Летописец Великий Русский”. Позднее в начале XV в. при митрополите Киприане в него были включены новые исторические материалы, которые превратили его первый летописный свод общерусского значения. К сожалению, этот свод, датируемый 1408 (1409) г. и фигурирующий в науке под названием “Троицкая пергаменная летопись”, до нас не дошел – он погиб в московском пожаре 1812 г. Московские летописи, как

правило, основывались на древних летописных источниках, созданных в других культурных центрах. Так, при составлении Троицкой летописи были использованы летописи Твери, Нижнего Новгорода, Новгорода Великого, Ростова, Рязани и Смоленска, переработанные в Москве с учетом интересов общерусской идеологии.

В составлявшиеся летописные своды включаются произведения, созданные в домонгольской Руси. Тогдашний древнерусский читатель, по сути дела, впервые знакомился с такими памятниками XI–XIII вв., как “Повесть временных лет”, “Слово о Законе и Благодати” митрополита Илариона, “Слово о погибели Русской земли”, “Повесть о разорении Рязани Батыем”, “Житие Александра Невского” и др. Эти замечательные сочинения были для него своеобразной “античностью”, напоминали о поре русской национальной независимости. В этом смысле уместно проведение параллели с тенденцией эпохи западноевропейского Возрождения, для которого также был характерен интерес к культуре античности. Они заставляли также читателя задумываться о судьбе Русской Земли, о постигшей ее исторической несправедливости, будили в нем чувство гордости за славное историческое прошлое родины, способствовали пробуждению в нем национального самосознания.

Начавшееся умственное движение на Руси было названо акад. Д.С. Лихачевым русским Предвозрождением, которое, однако, не вылилось в Возрождение, аналогичное западноевропейскому Ренессансу. Оно было обстоятельно проанализировано в таких книгах ученого, как “Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили” (Л., 1973), “Поэтика древнерусской литературы” (М., 1979), “Человек в литературе древней Руси” (М., 1970) и др. Литература начала интересоваться психологией человека, его внутренним состоянием, эмоциональной сферой. Значительное внимание русские писатели уделяли текучести происходящего, изменчивости всего сущего, что, несомненно, способствовало пробуждению исторического сознания, а через него и обострению самосознания национального. Наиболее отчетливо новые тенденции проявились при создании агиографических сочинений (блестящим примером здесь может служить “Житие Стефана Пермского”, написанное Епифанием Премудрым в 1396–1398 гг.), летописей (усиление патриотического звучания летописных повестей) и ряда других литературных жанровых форм.

Наиболее заметным был подъем русской культуры в области религиозной живописи. В конце XIV – начале XV столетия на Руси творил замечательный мастер Средневековья Феофан Грек, расписавший Архангельский и Благовещенский соборы в Москве, церковь Спаса Преображения на Ильине в Новгороде и другие храмы. Его фрески воплотили в себе черты русского

национального Предвозрождения, они отличаются повышенным динамизмом, эмоциональной взволнованностью, проникновением в глубины человеческого духа. В это же время и чуть позднее работал великий русский художник Андрей Рублев, расписавший вместе с Феофаном Греком и старцем Прохором кремлевский Благовещенский собор (1405), Успенский собор во Владимире со своим учеником Даниилом Черным (1408) и Троицкий собор в Троицко-Сергиевом монастыре (1424–1426).

Указанные тенденции были характерны не только для работ упомянутых иконописцев, но и для всей русской религиозной живописи той эпохи в целом. “Живопись той поры, – писал акад. Д.С. Лихачев, – обогатилась новыми темами, ее сюжеты значительно усложнились, в них много повествовательности, события трактуются психологически, художники стремятся изобразить переживания действующих лиц, подчеркивают страдания, скорбь, тоску, страх или радость и экстатическое волнение. Священные сюжеты трактуются менее торжественно, интимнее, обыденнее”¹. У Феофана Грека и Андрея Рублева появились на Руси многочисленные идейные последователи, и это нередко служит причиной ожесточенных споров среди современных искусствоведов по поводу атрибуции той или иной фрески самим этим мастерам или художниками их круга.

Усиление роли Москвы и объединение вокруг нее русских земель. Наряду с подъемом русской культуры в данный период среди других русских городов начала возвышаться Москва. Этот процесс протекал благодаря наличию многих разнообразных факторов, которые, слившись воедино, сделали Москву тем, чем она стала тогда и теперь – сердцем Земли Русской. На первом месте здесь следует отметить выгодное географическое положение города, находившегося в самом центре русских земель. Москва была защищена окраинными русскими княжествами, которые в случае вторжения неприятеля принимали первый удар на себя, давали Москве собраться с силами и организовать оборону или решительное контрнаступление. Кроме того, Москва располагалась на перекрестке речных и сухопутных торговых путей, которые связывали ее с Волгой и северо-западом Руси.

Важное значение для главенства Москвы на русских землях имела постройка мощного каменного Кремля, который по своим размерам вдвое превосходил прежний кремль, возведенный из дуба. Его сооружение не осталось незамеченными русскими летописцами, посвятившими этому событию отдельную статью под 1367 г.: “Того же лета князь велики Димитрий Иванович заложи град Москву камен, и начаша делати безпрестани. И всех князей русских привожаше под свою волю, а которыя не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати”². Современников поражали не только внушительные

размеры Кремля, но и быстрота его возведения. Строительные работы велись непрерывно, буквально день и ночь, к ним были привлечены десятки тысяч мобилизованных для этой цели людей. После сооружения крепости князь Димитрий Иванович мог укрываться за ее непреступными стенами во время набегов кочевников и громить агрессоров вслед за изматыванием их психологически бесперспективностью осады. Почти сразу же после появления Московского каменного Кремля крепость его стен дважды пытался проверить литовский князь Ольгерд в 1368 и 1370 гг., но оба похода для него оказались безуспешными.

Поднятию авторитета Москвы способствовала также забота ее об увеличении численности населения посредством выкупа “полоня” у ордынцев и заселении опустевших русских земель и уделов. Часть из них нередко скупалась для этой цели у обедневших князей и таким образом Москва постепенно распространяла свое влияние на все русские земли, и в титуле московский князей вошли слова “всея Руси”.

К середине 70-х годов XIV в. Москва добилась окончательной победы над Тверью, зависимости Суздальско-Нижегородского княжества, а также лояльности Рязанского княжества. Многие князья Северо-Восточной Руси стали служебниками Московского князя, который взял в свои руки руководство общерусской политикой и превратился в главу выступавшего в поход русского войска. В интересах обороны русских земель великий князь Димитрий Иванович посылал на помощь свои отряды, в частности, в 1377 г. в Нижегородско-Суздальское княжество, а в 1378 г. – в Рязанское. В договоре, заключенном в 1375 г. Димитрием Ивановичем с Тверским княжеством говорилось: “А пойдут на нас татарове или на тебя, биться нам и тебе с одного всем противу их. Или мы пойдём на них – и тебе с нами одного поити на них”.

Усилению роли Москвы способствовало осуществление князем Димитрием Ивановичем ряда мер по закреплению организационной структуры русского войска. Он значительно увеличил численность своего “двора” – ядра русского войска, состоявшего из постоянных великокняжеских военных слуг. Были сделаны шаги и по организации общерусской мобилизации, позволявшей собрать воедино значительные военные силы, сопоставимые по численности с татарскими. На это обстоятельство обратил внимание акад. Б.А. Рыбаков, писавший, что именно при князе Димитрии Ивановиче на Руси впервые были введены разрядные книги, благодаря которым появилась подробная роспись полков и воевод, а по ним уже можно было точно представить районы мобилизации и участников походов³.

Улучшилось и вооружение русских войск. Наши ратники получили в свое распоряжение длинные копья “таранного” действия, боевые топоры,

успешно сокрушавшие легкие татарские доспехи, секиры и чеканы, боевые палицы. Сковывающие маневренность длинные миндалевидные щиты заменились небольшими легкими круглыми, треугольными и сердцевидными щитами. Внесены были изменения и в доспехи русских ратников: наборная броня и кольчуга удачно чередовались на теле с наборными пластинами, что делало воинов хорошо защищенными от прямых и боковых ударов, не сковывая при этом движения членов⁴. Все это способствовало быстрому передвижению русских полков по полю боя и скорости движений в единоборстве.

Увеличение силы Московского княжества происходило на фоне распада Золотой Орды, произошедшего в 1361 г. и ослабления Улуса Джучи, в котором за двадцать лет с 1359 по 1379 гг. сменилось более 25 ханов. Татары уже не обладали силами, достаточными для разорения всей Русской Земли, и ограничивались теперь нападениями на отдельные русские города, причем нередко терпели при этом поражения. Так, например, в 1365 г. ордынский хан Тагай был разбит на Рязанской земле, а через два года суздальско-нижегородское войско разгромило отряд Булат-Темира на реке Пьяне⁵. Силы ордынцев подтачивали и дерзкие рейды новгородских ушкуйников, проникавших вглубь вражеских земель и достигнувших низовий Камы и Волги в 1360 и 1374 гг.

Но настоящей генеральной репетицией Куликовской битвы стало сражение русских войск с татарами на реке Воже. Оно произошло в 1378 г., когда Мамай направил в русские пределы большой отряд во главе с воеводой Бегичем, поставив перед ним цель наказать строптивую Москву за сопротивление. Князь Московский Дмитрий Иванович не стал дожидаться пришествия орды под московские стены, а устремился ей навстречу. Противоборствующие стороны встретились на рязанской земле неподалеку от Переяславля-Рязанского на реке Воже. Русские раньше подошли к реке, и Бегич несколько дней не осмеливался переправиться через Вожу на глазах у неприятеля. Тогда Дмитрий Иванович пустился на хитрость: русские войска притворно отступили, освобождая место татарам для беспрепятственной переправы, и, когда те решились на это, то сразу же были стремительно опрокинуты в реку. Русские воины везде настигали ордынцев “бьючи их, секучи и колючи, и убиваша их множество, а инии в реце истопоша”⁶. В этой сече погиб сам Бегич и большая часть татарской орды. Преследование ее продолжалось до полной темноты, в руки победителей попала богатая добыча.

Таким образом, усилившаяся в военном отношении и сумевшая сплотить вокруг себя русские земли Москва уже была способна на равных бороться с татарами и одерживать над ними военные победы.

Преп. Сергей Радонежский как главный вдохновитель поднятия русского народа на борьбу с иноземными угнетателями. Огромную роль в пробуждении русского национального самосознания и поднятии русских против поработителей сыграл преп. Сергей Радонежский. Этот скромный, нешумный, ненавязчивый своим словом монах, основатель и игумен Свято-Троицкого монастыря (впоследствии Свято-Троицко-Сергиевой Лавры) незаметно превратился в законодателя дум для всего русского народа. В течение 50 лет он делал свое тихое, кроткое дело, полвека приходили к нему, принося воду от его источника по капле, и делились с другими благодатью. От преп. Сергия всем приходящим к нему передавалось чувство нравственной бодрости и духовной крепости. Подобно робким ручейкам они незримо превращались в упруго бьющие ключи, разливались быстрыми стреминами и полноводными реками.

Монастырей, основанных преп. Сергием Радонежским и его учениками, насчитывалось несколько десятков. Они составляли 1/4 всех новых обителей, появившихся на Руси во втором веке татарского ига. Увеличение числа монастырей в то время свидетельствовало не об уходе людей от мира, а о росте нравственных сил в русском обществе XIV столетия. Во многом благодаря именно преп. Сергию русский народ сумел не просто пересилить свой страх перед беспощадными иноземными угнетателями, не просто нашел в себе мужество встать, но пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там навалился на врагов несокрушимой стеной. Именно преп. Сергей, по словам В.О. Ключевского, дал почувствовать, “что не все доброе погасло и замерло”, помог заглянуть людям “в свой собственный внутренний мрак и разглядеть там еще тлевшие искры...”⁷.

Великий печальник и защитник Земли Русской не ограничивался сидением в Свято-Троицком монастыре и духовным окормлением приходившего к нему русского люда. Он и сам, несмотря на преклонные года, нередко отправлялся в далекий путь ради наставления несговорчивых, упрямых и нерадивых. Уже будучи в возрасте 70 лет, сотни верст прошагал он пешком по осенней грязи, чтобы уговорить “самого упрямого русского человека XIV в.” – рязанского князя Олега отказаться от войны с Московией. Пристыженный князь женил на дочери Димитрия Донского своего сына и держал данное преп. Сергию слово до самой своей смерти, наступившей в 1385 г. По свидетельству русских летописцев, с риском для жизни преп. Сергей Радонежский отправился по поручению Великого князя мирить двух родных братьев князей Димитрия и Бориса Константиновичей в Нижнем Новгороде – вчерашних противников Москвы.

Незадолго до смерти преп. Сергей Радонежский сумел примирить великого князя Димитрия Донского с его двоюродным братом Владимиром

Храбрым, князем Серпуховским. Ссора между ними вспыхнула из-за вопроса о престолонаследии (передача власти от брата к брату или от отца к сыну?) и сумела благополучно завершиться благодаря наступившему согласию двух властей: мирской и духовной, церковной и государственной⁸.

Связь между первым светским властителем Земли Русской – великим князем Московским Димитрием Ивановичем, и законодателем людских дум и духовным вождем всего русского народа – преп. Сергием Радонежским, была глубинная и многоаспектная. Здесь, прежде всего, можно упомянуть, что город Радонеж, откуда происходил преп. Сергей, находился в отчине Владимира Андреевича Серпуховского – брата Димитрия Ивановича. Кроме того, преп. Сергей являлся крестным отцом Великого князя, а его племянник Феодор Симоновский – духовником последнего.

Об огромном значении, которое придавали Великий князь и его окружение благословию преп. Сергия на ратный подвиг, говорит их поездка в Свято-Троицкий монастырь накануне Куликовской битвы. Она состоялась 17 (по другим данным, 23) августа 1380 г., и там Димитрий Иванович со своими приближенными отстояли литургию, удостоились разделить трапезу с преп. Сергием и получили от него благословение и окропление святой водою. Подвижник не только освятил предстоящее ратное воздвижение русских воинов на обидчиков и притеснителей Земли Русской, но и ободрил их словами о “венцах мученических, плетущихся с вечною памятию без числа многим сотрудицам” Великого князя⁹. То есть преп. Сергей прямо указал, что погибнувшие за правое дело – освобождение родной земли от чужеземного гнета, будут причислены к сонму святых мучеников. “Иди, Господине, небоязненно! – закончил он свое обращение к Великому князю. – Господь поможет тебе на безбожных врагов!” Самому Великому князю, по пророчеству преподобного, прозревшего Божию волю, суждено было выжить в страшной сече и не войти в число ее бесчисленных жертв.

Живое участие преп. Сергия в укреплении воли русского воинства накануне судьбоносного сражения проявилось в посылке на брань с иноплеменными двух монахов Александра Пересвета и Андрея Ослябю. Оба эти брата до принятия схимы проявили себя опытными ратниками, и поэтому Великий князь Димитрий Иванович обратился к преп. Сергию с необычной просьбой о дозволении указанным двум монахам взять в руки оружие и присоединиться к русскому воинству. Решиться на дозволении подобного означало пойти вразрез с традиционными церковными установлениями, но подвижник пошел на это. Его решение проистекало от осознания того, насколько участие двух черноризцев в сражении может поднять моральный дух русских ратников, столь редко ранее выигрывавших битвы у слывших

непобедимыми татар. И, действительно, появление в рядах русского ополчения двух воинов в черных схимах с изображениями Креста Господня, производило неизгладимое впечатление на окружающих и укрепляло их волю к победе.

Преп. Сергей Радонежский ни на минуту не забывал о предстоящей с татарами судьбоносной битве. Он не только непрестанно молился с монастырской братией о ниспослании Господом победы русскому воинству, но и отправил для самого ответственного момента своих иноков, которые появились на Куликовом поле 8 сентября, неся мир и благословение и еще раз укрепляя мужество готовящихся на брань ратников. Иноки принесли на Куликово поле Богородицкую просфору и грамоту с наставлением, своеручно написанную преп. Сергием Радонежским. Образно говоря, телом преп. был в монастырском храме св. Троицы, а духом находился на Куликовом поле, встав во главе защитников чести и достоинства Земли Русской. Все это сыграло огромную роль в деле укрепления морального духа нашего войска.

Соотношение противостоящих сил накануне Куликовской битвы. При Великом князе Дмитрии Ивановиче, как уже отмечалось, были предприняты разнообразные шаги, позволявшие собирать под московские стяги ратников из самых отдаленных уголков Земли Русской. Сплотившееся вокруг Дмитрия Ивановича русское войско по своему составу было федеративным. В него входили служилые бояре – представители 35 родов, стоявших затем в руководстве Московским государством на протяжении XV – XVI веков. По мнению историков, судя по происхождению павших на Куликовом поле бояр, рати для битвы с татарами послали не менее 11 – 15 русских городов. Данные о численности погибших бояр в различных исторических источниках обычно варьируются (неизменно лишь количество приводимых потерь: бояр московских – 40, суздальских – 50, и муромских – 40), и со временем летописцы постепенно расширяют круг городов, отправивших своих воинов на сечу с ордынцами. Тем не менее можно с полным основанием утверждать, что на призыв Дмитрия Ивановича дать отпор Мамаю откликнулись не только Суздаль и Муром, но и Ярославль, Владимир, Углич, Коломна, Кострома, Серпухов, Переяславль, Можайск, Ростов, Звенигород, Дмитров и другие города.

Особо следует остановиться на вопросе о численности русского войска. Ермолинская, Львовская и некоторые другие летописи называют цифру 200 тыс. человек. Никоновская летопись говорит даже о четырехстах тысячах, что является очевидным преувеличением: такой большой рати Русь в то время физически не могла выставить. Ученый А.Н Кирпичников считает, что на Куликовом поле находилось 36 тыс. русских воинов¹⁰, а военный

историк Е.А. Разин, как и большинство исследователей, пишет о 50–60 тыс. человек, что составляло около 10–15 % от численности населения Руси того времени и было пределом ее тогдашних мобилизационных возможностей¹¹.

При этом следует отметить, что косвенные доводы некоторых историков в пользу чрезмерного уменьшения численности русского войска не всегда могут считаться достаточно аргументированными. Например, рассуждение о том, что за ночь через Дон не могло переправиться очень много русских полков, исключает возможность их переправы через него не только в ночное время. Слабым выглядит и аргумент о размерах Куликова поля, якобы неспособного вместить достаточно большое количество войск. Во-первых, войска вводились в бой постепенно, а во-вторых, почти все летописцы свидетельствуют, что русские и татары дрались в страшной тесноте. Поэтому цифра 50–60 тыс. человек кажется наиболее приемлемой.

Вероятно, таким же по численности было и Мамаево войско. Не надеясь только на собственные силы, Мамай присоединил к своей орде отряды наемников, собранных с подвластных ему владений Поволжья, Крыма и Кавказа: армян, черкесов, буртасов, болгар и генуэзцев. По свидетельству известного статистика Б.Ц. Урланиса, битва двух противоборствующих сторон на Куликовом поле “превышала по своим размерам все другие битвы, происходившие в XIV–XVI вв. в Европе”¹². Надвигавшаяся на Русь огромная вражеская туча действительно была способна вселить в души ужас. Сбежавший из татарского плена русский полоняник Андрей Попов сообщал, что достигшая реки Воронеж орда Мамаева столь велика, что ее можно объехать лишь за 12 дней.

Особо следует остановиться на союзниках Мамаева, Литве и Рязани в лице князя Олега. При князе Ольгерде (1345–1377) Литва успешно сдерживала продвижение на восток немецкого Ордена. Воспользовавшись ослаблением Орды, она сумела вытеснить татар за Днепр, вышла к Черному морю и включила в свой состав Малую Подолию, то есть часть Украины (1362)¹³. Ольгерд предпринимал попытки захватить Смоленск (1356), Брянск (1359) и Москву (1368, 1370, 1372), усиливал свое влияние в Новгороде и Пскове. Вторым браком он был женат на дочери тверского князя Михаила – старого соперника Москвы за ханский ярлык на великое княжение.

Поддерживал Ольгерд и самые тесные связи с Ордой, стараясь использовать ее военный потенциал в борьбе против Ордена, причем однажды ему это удалось в 1370 г. в битве при Рудаве¹⁴. Все это в преддверии Куликовской битвы делало имя Ольгерда на Руси гораздо более известным, чем имя сменившего его литовского князя Ягайло. Поэтому в памятниках Куликовского цикла русские авторы обычно путают имена этих литовских князей, называя в качестве союзника Мамаева первого, а не второго. На самом же

деле, сыновья Ольгерда, литовские князья Андрей и Димитрий, княжившие в Полоцке и Трубачевске, выступали нашими союзниками, прикрывая от Ягайло правый фланг русского войска при его движении к Дону. Не вызывает сомнения лишь одно: литовское войско Ягайло было большим, сильным и боеспособным, и, соединись оно с татарским, – исход Куликовской битвы мог бы стать иным.

Вторым важным союзником Мамаю мог стать рязанский князь Олег. В целом его личность, по-видимому, не следует оценивать сугубо негативно, некритично повторяя заведомо отрицательное мнение о нем летописцев московского толка. Здесь можно вспомнить тот факт, что князь Олег верой и правдой служил московскому князю на протяжении 8 лет, однако это не обеспечило безопасности рязанским удельным землям. Обычно московские войска не поспевали на подмогу рязанцам во время набегов татар, устремлявшихся на север через окраинные рязанские земли. В продолжение указанного срока татарские орды четыре раза (1373, 1377, 1378, 1379) проходили через рязанские пределы, сея на своем пути разрушения и смерть. Вероятно, именно это заставило князя Олега искать союза с Мамаем в надежде уберечь свои владения от грядущего разорения. Вина Олега заключалась в том, что интересы своей удельной “отчины” он поставил выше интересов Земли Русской, и это обстоятельство побудило русских летописцев выступить с резким осуждением данного поступка. Все это еще раз свидетельствует о возросшем чувстве патриотизма русских книжников и об осознании ими Русской Земли как единого целого.

Ход Мамаева побоища и победа русского оружия. Князь Димитрий Иванович как и во время сражения на реке Воже не стал стоять на берегу Оки, пассивно ожидая неприятеля. Он отважно устремился со своим войском вперед для встречи с врагами в удобное для себя время и в наиболее подходящем месте. Русское войско двигалось очень быстро, проходя в сутки по 60-85 км, что превышало обычный маршевый темп как минимум в два раза. Такая стремительность не давала возможности татарской разведке получить своевременные сведения о точном местонахождении русских войск.

Со своей стороны, князь Димитрий Иванович имел четкое представление о том, где находится Мамай со своей ордой и какие действия он предпринимает. Для этой цели князь отправил в разведку своих “сторожей”, состоявших из самых крепких оружейников – Родиона Ржевского, Андрея Волосатого, Василия Туника и др. Они блестяще справились с поставленной задачей, захватив у татар “языка” и получив от него сведения о том, что Мамай выступил в поход и послал послов к литовскому князю Ягайло и Рязанскому князю Олегу с целью заключить с ними союз¹⁵.

5 сентября, за три дня до битвы на Куликовом поле князь Димитрий Иванович вновь послал “сторожей” под началом Карпа Олексина, которым удалось захватить татарского мужа “нарочита от сановитых царева двора”. От него и самих “сторожей” стало ясно, что Мамай стоит на Кузмине Гати – селе на правом берегу реки Цны в 20 км выше от Тамбова. Ханская орда кочевала здесь же в ожидании подхода других татарских сил и войска литовского князя Ягайло. И тогда Димитрий Иванович принял смелое решение, приказав русским воинам переправиться за Дон, чтобы не дать Мамаю соединиться с литовскими войсками.

Это решение свидетельствовало об уме, решительности и военном таланте Великого князя. Переход за Дон отрезал путь русским ратникам к отступлению, укрепляя в них решимость биться до последнего. Одновременно Дон, как водная преграда, не позволял Ягайло (если бы он подоспел к сражению) неожиданно ударить русскому войску в тыл. И, наконец, самое главное – русское войско встречало татар за Доном на Куликовом поле – месте идеальном для решительной битвы с татарской конницей, привыкшей совершать стремительные обходные маневры во время боевых действий. Куликово поле, окаймленное дубравами, с глубокими лесистыми лощинами и ручьями такой возможности татарской коннице не давало. Кроме того, один из флангов русского войска был прикрыт притоком Дона рекой Непрядвой.

Битва началась в 11 часов утра (6 часов дня по древнерусскому счету) поединком инокa Александра Пересвета и татарского багатура Челубея. Всадники пронзили друг друга копьями и оба пали замертво**. Вслед за этим разгорелась страшная сеча, продолжавшаяся три часа. Ордынцы обычно начинали битвы с посылки отрядов конных лучников, которые, приблизившись на расстояние выстрела, осыпали основное войско неприятеля тучами стрел и сразу же уносились прочь, не войдя в непосредственное соприкосновение с противником. Таким образом они наносили существенный урон врагу еще до начала главного сражения. В предвидении подобной тактики великий князь Димитрий Иванович принял мудрое решение выставить перед главными русскими силами Сторожевой и Передовой полки, которые хотя и понесли страшный урон, но не дали татарским лучникам приблизиться к полкам Большому, Правой илевой рук. Мамай

** Александр Пересвет был Любутским боярином, перешедшим вместе со своим братом Андреем Ослябей на службу к Великому князю. Позднее они приняли постриг в Троице-Сергиевом монастыре. В отличие от своего брата Андрей Ослябя (в иночестве Родион) не погиб в Куликовской битве, а сумел уцелеть и жил еще достаточно долго. В Русских летописях сохранились данные под 1397 г. о послании его Великим князем Василием Дмитриевичем к византийскому императору в Царьград, откуда он привез икону “Спаса в ризнице белой” (ПСРЛ. Т. VI. С. 130; Т. VIII. С. 71).

бросил в бой свои самые испытанные и закаленные в боях татарские “тысячи”, которые смяли и почти полностью уничтожили наш самоотверженный передовой заслон, врубившись затем в ряды главного русского войска. Началась страшная сеча, во время которой “пролилась, как дождевая туча, кровь обоих – сыновей русских и поганых; пало бесчисленное множество трупов мертвых: много русских побито было татарами и русью татар, падал труп на труп, и падало тело татарское на тело русское”.

Большой полк стоял насмерть и стойко отражал татарские удары. Основные силы Мамай, будто обнаружив слабину, ударили по полку Лево́й руки, который начал отступать, подводя ордынскую конницу под фланговый удар Засадного полка, притаившегося в Зеленой Дубраве. Таким образом татары попали в искусно расставленную русскими ловушку, и когда они поравнялись с Дубравой, то были внезапно опрокинуты страшным боковым ударом из засады. Одновременно, по сигналу, перешел в контрнаступление Большой полк и другие силы русского войска. Татары бежали, причем в их преследовании и истреблении приняли участие все русские участники сражения, способные держаться на ногах. Но и после этого русские ратники не могли себе позволить вкушать радость победы и расслабиться. Они снова построились в боевые порядки, ожидая возможного подхода мамаевых союзников Ягайло и Олега Рязанского. Но они так и не появились: первый, дойдя до Одоева, повернул вспять, а второй вообще не осмелился выступить.

Не дождавшись врага, русские ратники принялись за погребение погибших, длившееся 6 дней. В битве пало около 20 тыс. русских людей – треть всего сводного войска князя Дмитрия Ивановича. За победу было заплачено дорогой ценой, но она того стоила. Эта была великая по меркам Средневековья победа, весть о которой разнеслась в странах Западной Европы и отразилась в западноевропейских хрониках***. Она вселила надежду в сердца болгар и сербов, земли которых поглощались в то время османскими ордами. Великий князь Дмитрий Иванович Московский получил за эту победу прозвище Донской, которое стало восприниматься как титул. Огромное значение имела для русских и одержанная ими победа психологическая:

*** Некоторые зарубежные историки, пытаясь принизить значение Куликовской битвы и победы объединенного русского войска, занимались построением различного рода измышлений и домыслов. В частности, французский ученый А. Мазон писал о том, что русские якобы проиграли сражение и характеризовал его как “губительную для московитов сечу”. Однако подобные характеристики опровергаются данными таких древних немецких летописцев и хронистов, как Дитмар Любекский, Альберт Кранц и др. См. *Бегунов Ю.К.* Об исторической основе “Сказания о Мамаевом побоище”// “Слово о полку Игореве” и памятники Куликовского цикла. М.–Л., 1966. С. 477–523.

они уже твердо знали, что в случае преодоления внутренних раздоров и объединения, ни одна татарская орда с ними не справится.

Разгром Москвы ханом Тохтамышом и немеркнущий свет Куликова поля. Опасаясь за свою жизнь, Мамай пытался укрыться в Крыму, где был убит заговорщиками. Русь продолжала не выплачивать дань ордынцам, но спустя некоторое время возвысившийся в Орде хан Тохтамыш прислал в Москву послов с требованием возобновить выплаты. Послы были отпущены с богатыми дарами, но дань хану так и не поступила. Тохтамыш не сразу отправился наказывать ослушавшуюся его Москва. Пример Мамай был слишком печальным, чтобы проявлять спешку в военном соперничестве с Дмитрием Донским. Два года татарский хан вел тщательную подготовку к походу, пытаясь нащупать слабые места в коалиции русских князей. Ему удалось склонить к измене некоторых из них. Союзниками Тохтамыша стали сыновья нижегородско-суздальского князя Василий и Семен. Вновь проявилась тогда беспринципность князя Олега Рязанского. В августе 1382 г. он встретил Тохтамыша у границ своего княжества и указал татарской коннице удобные броды через Оку.

Тохтамыш продвигался к Москве скрытно и быстро, стремясь, чтобы весть о его выступлении достигла ушей москвичей как можно позже. Дмитрий Донской не сумел собрать полки и, покинув столицу, отправился в Кострому собирать подмогу. Затем вместе с другим участником битвы на Куликовом поле – князем Владимиром Андреевичем Серпуховским он поехал с указанной целью в Волок-Ламский. Оборону Москвы взяли в свои руки рядовые москвичи. Они действовали организованно и четко: выставили стражу у ворот и, чтобы пресечь панику, не позволяли черному духовенству и боярам покинуть город. Исключение было сделано только для митрополита и Великой княгини. Простой люд решил биться до последнего, полагаясь на высоту каменных стен и крепость железных ворот. Вокруг Кремля были сожжены посады, деревья и тыны (чтобы татарам негде было схорониться во время осады), на стенах были разложены камни, установлены котлы с кипящей водой, самострелы и “тюфяки” (короткие конусовидные пушки, стрелявшие каменными ядрами и картечью).

В течение трех дней татары безуспешно пытались взять город. Они дважды шли на приступы, и каждый раз неудачно. Осажденные дрались отчаянно и умело, поливали врагов кипятком, забрасывали камнями, стреляли из пищалей и “тюфяков”. Простой суконщик по имени Адам стрелой из самострела сумел смертельно уязвить сына одного из татарских ханов, что внесло в ряды осаждающих некоторое смятение. На четвертый день татары начали переговоры, причем посредниками выступили упомянутые

русские князья Василий и Семен. Они клялись на кресте, что татары не причинят вреда москвичам, а лишь войдут в город и оставят там гарнизон, чтобы вынудить Дмитрия Донского платить дань. Когда же ворота были открыты татары ворвались в Кремль и устроили там настоящее побоище. “И бяше дотоле преже видети была Москва град велик, град чуден, град многочловечен, в нем же множество людѣи, в нем же множество всякого огосподства, в нем же множество всякого узорчѣя; и паки в единомъ часе изменися видение его, егда взят бысть и посечен, и пожжен, и нечего его видети”, – горестно констатировал автор летописной “Повести о нашествии Тохтамыша”¹⁶.

Буквально растерзав город, татарские тысячи отправились в другие близлежащие города – Переяславль, Юрьев, Звенигород, Можайск, Боровск, Рузу, Дмитров. Погромам предавались преимущественно города Московского княжества как мсть Тохтамыша за поражение татар на Куликовом поле от Московского князя Дмитрия Донского. Собравшиеся русские полки кое-где сумели дать отпор татарским отрядам. Один из них был разгромлен Серпуховским князем Владимиром Андреевичем. Поэтому Тохтамыш предпочел не задерживаться более в русских землях и отступил, разорив при отступлении Коломну и княжество своего подручного Олега Рязанского.

Удачный поход Тохтамыша, разорение им Москвы и многих подчиненных ей городов вынудили русских возобновить выплату дани Орде. Ее размеры по-прежнему оставались относительно высокими (10.000 рублей по тогдашним временам, или 1.000.000 рублей в ценах XIX в.), но все-таки они были значительно меньшими по сравнению с докуликовским периодом. Татарские ханы, как и раньше, продолжали нападать на русские пределы и разорять отдельные древнерусские города, монастыри и села. В летописях зафиксированы походы и набеги на Русь орд Едигея, Улу Мухаммеда и др., но соотношение сил все больше менялось не в пользу татар. Золотая Орда вступила в заключительный этап своего политического распада: на ее месте словно грибы выростали новые государственно-политические образования – ханства Крымское (1433), Казанское (1446), Астраханское (1465) и Большая Орда (1430).

И, наоборот, Московское княжество добивалось все больших успехов в воссоединении и централизации русских земель, сумев распространить свое влияние даже на обширную Новгородскую землю (1478). После Куликовской битвы резко возрос международный авторитет Москвы, были возобновлены или впервые установлены дипломатические отношения с такими западно-европейскими странами как Испания, Молдавия, Венгрия, Австрия и Франция. В Западной Европе появились многочисленные исторические

сочинения о загадочной “Московии”, держащей в своих руках торговые пути на Восток. Это даже породило там ложное представление об открытии Европой России, подобно тому как была открыта ею Америка. (На самом же деле, Русь до татаро-монгольского нашествия в Европе достаточно хорошо знали: вспомним, хотя бы, что еще в XI в. Ярослав Мудрый выдал своих дочерей за французского, венгерского и чешского королей).

Взросшее чувство национального самосознания, ощущение собственной силы, достигнутой в результате единения русских земель вокруг Москвы, и одержанная на Куликовом поле победа над татарами стали тем фактором, который уже нельзя было перечеркнуть. Именно поэтому поднявшийся на борьбу за национальную независимость Великий князь Димитрий Донской, умирая, писал в своей духовной грамоте-завещании: “А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын возьмет дань на своем уделе, тому и есть”. Его наследник князь Василий I впервые обрел великое княжение не в результате получения ханского ярлыка, а как свою “отчину”. Такой же формулировкой стали пользоваться и другие удельные князья. Татарские ханы уже не требовали, а чуть ли не просили прислать им дань в соответствии со сложившейся традицией.

Завещание героя Куликовской битвы окончательно исполнилось только через сто лет. В 1480 г. почувствовавший свою силу князь Иван III бросил на землю ханскую золотую басму (знак полномочий ханских послов) и начал топтать ее ногами. Россия перестала платить дань угнетателям, а попытка хана Ахмеда добиться подчинения вооруженной рукой ни к чему не привела. Четырехдневное стояние русских и ордынцев на противоположных берегах реки Угры 8–11 октября упомянутого года привело к тому, что нервы у татар не выдержали и они повернули вспять. Луки, стрелы и сабли ордынского войска не могли сравниться с имевшимися в распоряжении русских воинов “ручницами” (ружьями), тяжелыми пищалями и “тюфяками”. Орде противостоял уже не конгломерат из самостоятельных русских княжеств, а централизованное государство Россия, считавшее освобождение от иноземного гнета своей общенациональной задачей. И ордынское иго пало.

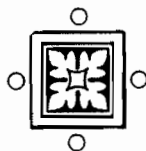
После этого начался долгий и трудный путь России к новым свершениям. Эпохальные победы чередовались на нем с горькими утратами и поражениями. Завоевание Казанского и Астраханского ханств, присоединение Сибири – разорение Москвы крымчаками, Смутное время и оккупация русских земель польско-литовскими захватчиками; освоение Дальнего Востока, Камчатки и Чукотки – нашествие войск Наполеона, сожжение Москвы... И так далее. Но весь этот сложный, величественный, а временами тяжкий и мучительный путь России озарен немеркнущим светом Куликова

поля. И какие бы испытания не преподносила ей историческая судьба, как бы не глумились над ней недруги в годы ее слабости – благодаря этому свету Россия стояла и стоять будет!

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ *Лихачев Д.С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.–Л., 1962. С. 116.
- ² ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. Никоновская летопись. С. 8.
- ³ *Рыбаков Б.А.* Военное искусство // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. I. Материальная культура. М., 1969. С. 381–382.
- ⁴ *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 20, 22, 28, 33, 44–45.
- ⁵ *Каргалов В.В.* Конец ордынского ига. М., 1980. С. 34.
- ⁶ Там же. С. 35–36.
- ⁷ *Ключевский В.О.* Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства. С. 21.
- ⁸ Сергий Радонежский. Жизнеописания, факты и гипотезы, портреты и документы в 30-ти книгах. Российские судьбы. М., 1996. С. 132.
- ⁹ Участие преп. отца нашего Сергия в событиях 1380 года, положивших начало освобождению России от татарского ига. М., 1880. С. 5, 6, 12.
- ¹⁰ *Кирпичников А.Н.* Куликовская битва. М., 1980. С. 50, 65. Прямо максимальная цифра здесь не называется, но ее легко вычислить: 6 полков по 2000–6000 чел. каждый.
- ¹¹ *Разин Е.А.* История военного искусства. М., 1957. С. 272.
- ¹² *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. С. 38–39.
- ¹³ *Пауто В.Т.* Историческое значение Куликовской битвы. // Сказания и Повести о Куликовской битве. Издание подготовили Л.А. Дмитриев и О.П. Лихачева. Л., 1982. С. 273.
- ¹⁴ Там же. С. 275.
- ¹⁵ *Каргалов В. В., Шамаро А.А.* Под московским стягом. М., 1980. С. 20.
- ¹⁶ История русской литературы в 4-х томах. Т. I. Л., 1980. С. 181.

ИЗМЕНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР (СОВРЕМЕННАЯ СИТУАЦИЯ, ДЕЗИНТЕГРИРУЮЩИЕ И ИНТЕГРИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ, ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ)*

После разрушения СССР от культурного пространства Российской Федерации были отторгнуты национальные литературы ряда народов, оказавшихся разом в так называемом “близком зарубежье”. Речь идет о литературе таджиков, киргизов, туркменов, узбеков, казахов, азербайджанцев, армян, грузинов, молдаван и прибалтов. Произведения писателей этих народов еще входят в учебные программы русских школ и гуманитарных вузов, но как только учебники будут переписаны с учетом новой геополитической ситуации, разделы об этих литературах, по-видимому, значительно уменьшатся или полностью исчезнут. Все складывается именно таким образом: если раньше подобная литература вызывала интерес у советского читателя как литература членов советской многонациональной семьи народов, сплоченных общностью национально-исторической судьбы и единством идеологии, то теперь этот интерес существенно поубавился, если вообще не пропал.

В прежние годы “Министерство литературы”, каким фактически являлся Союз писателей СССР, расходовало огромные средства для перевода на русский язык произведений национальных авторов. Планы журнала “Дружба народов” и таких издательств, как “Советский писатель”, “Советская Россия” др., постоянно корректировались ради достижения как можно более полной национальной репрезентативности. Ни один из членов многонациональной семьи советских народов нельзя было забывать или пропускать. По этой причине известные издательства нередко вынужденно выпускали в свет

---

* Данный материал был изложен в виде доклада на Международном семинаре “Современные процессы в литературе и культуре Восточной Европы (бывшем СССР)” в Тюбингене 13 - 26 августа 1995 г. На русском языке публикуется впервые.

откровенно художественно слабые произведения национальных авторов. Тем не менее, их книги не залеживались на складах из-за не востребоваемости покупателями. Благодаря административной “палочке-выручалочке” нереализованный товар расходился по многочисленным советским библиотекам, которым вменялось пополнять свои книжные фонды подобной макулатурой за государственный счет.

Структурный кризис и переход к рыночной экономике изменили ситуацию коренным образом. После потери своих подписчиков журнал “Дружба народов” стал владеть жалкое существование; издательство “Советская Россия”, публиковавшее раньше произведения авторов – представителей национальных меньшинств, трансформировалось в издательство “Русская книга”, ликвидировав национальную редакцию¹. Сокращение тиражей и состояние упадка характерно и для специализированных периодических изданий. Тираж журнала “Литературная Армения”, например, выходившего до разрушения Советского Союза на русском языке, снизился в десять раз с 10.000 до всего 1.000 экземпляров. Все они остаются в Армении за исключением, может быть, одного – двух экземпляров, которые попадают в руки русских специалистов благодаря их личным связям и усилиям. Да и кому нужен сегодня этот журнал на русском языке? Обедневшему населению Армении, которая превратилась в моноэтническое государство? Русскоязычному российскому читателю? Но его уже больше не беспокоит участь бывшего родственника, пожелавшего жить отдельно своей собственной жизнью. Или кто из русских переводчиков возьмется переводить роман, рассказ или поэму армянского писателя без государственного заказа, зная о заведомой невозможности реализовать с прибылью результат своего труда на книжном рынке?

Точно так же обстоит дело и с литературой прибалтов, украинцев, туркмен и всех прочих народов, принявших политическое решение распрощаться с Россией и двинуться своим собственным, отдельным, неизведанным путем. Без наличия общего политического и экономического пространства культурное расхождение между бывшими союзными республиками будет постепенно все более усугубляться. Ему будет способствовать и падение в бывших союзных республиках уровня знания русского языка, служившего средством культурной коммуникации между отдельными национальными культурными общностями.

Тягостная картина вырисовывается и с выпуском литературных произведений авторов из числа живущих в Российской Федерации национальных меньшинств. До Беловежских соглашений в одной только Москве издавалось около 40 произведений татарских писателей². Теперь, разумеется, такие

издания редкость. То же самое можно сказать о поэтических и прозаических произведениях авторов, принадлежащих к иным российским национальным меньшинствам. Единственно радужным штрихом в этой картине является лишь рост числа национальных культурно-творческих объединений. За несколько перестроечных лет на постсоветском пространстве возникало 142 центра, представляющих культурные интересы 50 этнокультурных обществ³. Больше всего национальных центров было создано татарами (20), немцами (17), евреями (13) и русскими (25), причем 10 из них находятся вне границ Российской Федерации.

Виды деятельности, которыми они занимаются, по большей части совершенно различны: создание библиотек с национальной литературой, осуществление театральных постановок, развитие народных промыслов, организация различных кружков, открытие всякого рода курсов. Но возложение на них особых надежд было бы слишком оптимистичным. Хотя Министерство образования Российской Федерации в 1992 г. подписало с такими объединениями протокол о сотрудничестве, объем государственной помощи им остается сравнительно невеликим. Пользу от сотрудничества с государством получают лишь 20 % объединений. Примерно половина национальных культурных центров живет за счет членских взносов, большинство из них не имеют собственных помещений, функционируя на арендованных площадях или располагаясь в частных квартирах энтузиастов. Нередко такие объединения ради собственного выживания учреждают коммерческие структуры, добываясь от государства налоговых льгот. Но было бы ошибкой думать, что подобные центры смогут содействовать расцвету и сближению национальных культур без существенных финансовых вливаний государства.

В еще более трудной историко-культурной ситуации находятся представители русскоязычной диаспоры, оказавшиеся в одночасье не по собственной воле за границей. Двадцать пять миллионов русскоязычных людей в Украине, Прибалтике, Казахстане, Узбекистане, Азербайджане и других бывших республиках Советского Союза постепенно утрачивают связь с собственной национальной культурой. Сокращается телерадиоэфирное время русскоязычных передач в республиканских студиях, уменьшается продолжительность русскоязычных передач для этих республик из Российской Федерации, иногда они полностью упраздняются. Выпуск книг на русском языке в “ближнем” зарубежье значительно уменьшился или даже прекратился, русская литература из России поставляется редко и нерегулярно, ее распространение не замирает только благодаря инициативе отдельных розничных торговцев. Сужается сфера употребления русского языка в

образовании: его изучение исключается из программ национальных школ, статус иностранного языка, он, как правило, также не получает. Все это обостряет на постсоветском культурном пространстве национальный вопрос.

Одним из дезинтегрирующих это пространство факторов служит введение в обучение учебников с националистическими тенденциями. Значение такой литературы трудно переоценить: они формируют мировоззрение подрастающего поколения и создают стереотипы, от которых затем трудно избавиться. Главную роль здесь играют учебники и учебные пособия по истории и литературе, издающиеся по рекомендации Министерств образования. Приведу лишь несколько примеров, обнаруженных мной в прессе или ставших мне известными благодаря знакомству с некоторыми книгами, вышедшими недавно в “ближнем” зарубежье. Они свидетельствуют о том, что мифы марксизма-ленинизма и положение о якобы сложившемся едином советском народе начали сменяться мифами националистическими с проповедью своей этнической исключительности. В 1992 г. в Алма-Ате был издан учебник “История дореволюционного Казахстана”, предназначенный для высших и средних учебных заведений. Его автор, некто А.К. Абилев, получил за него ученую степень доктора наук, построив свой труд на утверждении, что Россия сыграла в истории казахов негативную или даже губительную роль. По словам А.К. Абилева, русские отплатили казахам, основавшим такие города, как Тула, Елец, Калуга и др., черной неблагодарностью. Главной национальной чертой русских, по его утверждению, является стремление к захвату чужих земель, реализацией которого стало насильственное присоединение Казахстана. Так же неблагодарно проявили они себя по отношению к Золотой Орде, якобы заботившейся о развитии русской культуры⁴.

Другим примером недружественного отношения к России и неверной расстановки историко-культурных акцентов может служить учебник для вузов львовского ученого В.Т. Полек по истории украинской литературы X–XVII вв., изданный в 1994 г. в Киеве⁵. В нем просматривается преднамеренное сужение культурного пространства в угоду националистическим представлениям. Автор “ограничивает” литературу Киевской Руси перечнем литературных памятников, создававшихся в пределах границ сегодняшней Украины. Он ни словом не упоминает о богатом литературном наследстве Новгорода, Ярославля, Суздаля, Смоленска и других древнерусских городов, хотя они были связаны с Киевом теснейшим образом. Здесь достаточно вспомнить, что знаменитое “Остромирово Евангелие” середины XI столетия (которое, впрочем, фигурирует в учебнике), хотя и было написано в Киеве, но предназначалось для новгородского посадника Остромира, что русский

северный город Ярославль был основан Киевским князем Ярославом, что митрополиты Владимирские и Ростовские ставились Киевом и часто оттуда же и происходили и т.д. По недоброй воле автора учебника, Киев – мать древнерусских городов отказывается от своих детей.

Т.В. Полек умалчивает не только о важнейших, с точки зрения развития славянской культуры, северо-восточных ветвях древнерусской литературы, но и о многих трудившихся на Украине прославленных славянских книжниках, если они не являлись украинцами по крови. Автор не говорит, в частности, о деятельности московского первопечатника Ивана Федорова во Львове ни слова; издание “Острожской Библии” Иваном Федоровым в 1581 г. – событие огромной историко-культурной важности, упомянуто в учебнике лишь в связи с помещением в ее предисловии геральдических виршей Герасима Смотрицкого. Замалчиваются не только заслуги трудившихся в украинских землях “московитов”, но и других живших здесь в период Средневековья славянских книжников. Ни строчки, например, не отведено литературному творчеству болгарина Григория Цамблака, являвшегося Киевским митрополитом в первые десятилетия XV в. и составившего несколько десятков проповедей – великолепных образцов церковной ораторской прозы. В истории украинских земель XV столетие было очень трудным периодом, и местные литературные памятники того времени можно пересчитать на пальцах. Однако В.Т. Полек не считается с этим фактом, рассматривая историю украинской литературы сквозь призму национализма и исключая возможность вклада в культуру Украины авторов, не выдержавших теста на “чистоту крови”. Такой подход является антиисторическим и ведет к культурной изоляции – история украинской культуры от этого только проигрывает и выглядит беднее, чем была на самом деле.

В учебнике обнаруживается и множество других случаев искажения фактов национальной истории, интерпретируемых автором антиисторически. Так, например, факт вхождения в 1686 г. Украинской Православной Церкви в диоцез русской Патриархии трактуется автором как результат элементарного подкупа Московским правительством Константинопольского патриарха Дионисия. В.Т. Полек указывает даже точный размер мнимой взятки: 200 дукатов золота и 120 соболиных мехов. “Украинская церковь была продана России!” – патетически провозглашает автор и называет это событие беспрецедентно возмутительным в истории⁶. Тем самым В.Т. Полек демонстрирует свою полную неосведомленность в истории церковных связей между Россией и Православным Востоком в эпоху Средневековья. Начиная с XVI столетия, выдача Москвой крупных сумм денег и “поминок” в виде соболиных мехов, богослужебных книг и драгоценной церковной утвари

прибывавшим с Востока иерархам была неотъемлемой частью дипломатического протокола. Автор учебника мог бы без труда почерпнуть сведения о такого рода пожертвованиях из архивных материалов, хранящихся в ЦГАДА (“Греческие дела”, Ф. 53). Они, впрочем, давно изданы и хорошо известны специалистам⁷. После вхождения в 1654 г. Украины в состав России переход Украинской Православной Церкви под эгиду Московской патриархии был исторически закономерен, поскольку существование в одном государстве двух Православных Церквей и двух православных патриархов было бы юридическим нонсенсом. Указание на “взятку” как на причину слияния двух церквей недвусмысленно свидетельствует о научной недобросовестности В.Т. Полек.

Культурное изолирование и полное игнорирование вклада других народов в формирование собственной национальной украинской культуры методологически абсурдны. Каждая европейская культура несет в себе синтез культурных усилий предшественников, которые воспринимались, как правило, опосредованно. Предшественники иногда могли жить на расстоянии нескольких тысяч километров от нынешнего местонахождения этноса, который воспользовался их давними культурными достижениями и не подозревавших о своем щедром даре. Отрицание этого очевидного факта и спертость воздуха искусственно стесняемого национального культурного пространства ведут к другой крайности: возвеличиванию собственной роли в истории мировой культуры.

Так, например, доцент ужгородского университета Павел Чучка утверждает, что украинцы ушли вперед в своем развитии по сравнению с русскими и белорусами на 5000 лет. Киевский литератор С. Плачинда издал “Словарь древнерусской мифологии”, в котором положил конец каким-либо сомнениям по поводу истинного хода истории. В словаре утверждается, что основы европейской цивилизации были заложены западными украинцам, или точнее “русинами” и “этрусками” из Карпат и Галиции. Около 1300 лет до н.э. они поселились в Северной Италии и их культура вскормила культуры античной Греции и древнего Рима. Не обижены, впрочем, и украинцы центра. Вопрос об “ариях” решен в этом словаре окончательно и бесповоротно. Оказывается, что истинное звучание этого понятия не “арии”, а “ории”, и происходит оно от глагола “орати” – “пахать”, “трудиться”. Таким образом, “ории” – украинские пахари, которые называли так себя и весь украинский народ. Именно украинцам, по утверждению С. Плачинды, принадлежит заслуга изобретения колеса и плуга, приручения диких лошадей. Кроме того, автор словаря пишет, что язык предков украинцев есть не что иное, как древний санскрит, и сами они достигли не только северной Италии, но и Египта, которым правили затем около 100 лет и даже имели фараона из своей

среды по имени Шишак. Другой украинский патриот, профессор Львовского университета Иосиф Лось, “научно” доказал, что истинным местом рождения Иисуса Христа была не Палестина, а Западная Украина. Статья об этом была опубликована во львовской газете «За вільну Україну»/«За свободную Украину»⁸.

Указанные примеры свидетельствуют о резком росте националистических тенденций в Украине. Они полностью соответствуют линии образовательной политики, которая предусматривает преподавание предмета под названием “научный национализм”, заменившего ранее существовавший в программах высшей школы “научный коммунизм”.

В бывшем советском культурном пространстве можно наблюдать попытки восхваления не только славянского этноса, но и тюркского. Для второй тенденции характерен “тюркоцентризм”, о чем свидетельствует, например, книга Мурада Аджи с длинным заглавием “Полынь половецкого поля. Из родословной кумыков, карачаевцев, балкарцев, казаков, казахов, татар, чувашей, якутов, гагаузов, крымских татар, части русских, украинцев и других народов, ведущих свое начало от тюркского (кипчакского) корня и забывших его”⁹. Оказывается, что “кипчаки”, называвшиеся в древности “куманами” или “половцами”, были предками многих европейских и азиатских народов. Именно они заложили основы современной европейской и азиатской цивилизаций. Этот многочисленный народ степей научил Европу выплавлять железо, носить штаны и сапоги, пользоваться вилок и ложкой. Они основали Киев и много других городов, называясь затем “украинцами” или “русскими”. Украинцы являются потомками кипчаков и не имеют ничего общего со славянами, которые боязливо отсиживались в северных лесах и болотах. В Киеве славяне появились впервые в качестве рабов с деревянными колодами на шее в X в., в Новгороде в XI–XII вв., а в Москве столетием позже. Первый контакт украинцев с “москалями” состоялся в 1620 г., причем две стороны вели разговор через переводчика¹⁰.

Огромное государство народов степей, по утверждению М. Аджи, просуществовало с IV по XVIII в. Его границы простирались в древности от Иртыша до Дуная и от Крыма до Великих Булгар. Кипчак Аттила принес крест в Европу, Рим и Византия платили кипчакам дань. Кирилл и Мефодий родились в Степи, в Фанагории – столице каганата Великая Булгария; они происходили из тюркского корня и говорили на протоболгарском языке. Созданный ими для славян алфавит “глаголица” представлял собой элементарную транслитерацию кипчакских рун. В Южной Германии кипчаки находились веками, причем XIV–XVI вв. были временем их господства: германцы говорили тогда на тюркском языке. В жилах поэтов, сочинивших

“Песни о Нибелунгах” и эпическую “Вальтарию”, если судить по темпераменту, несомненно, текла кипчакская кровь.

Славяне же, по словам Аджи, были народом, который кипчаки постоянно пленяли и продавали в рабство. От этого, якобы, и произошел этноним “половец” – слово в котором “по” на тюркском значит “народ”, а “лов” – “ловить”, то есть пленять (славян). Русские, по его утверждению, по сравнению с другими народами мира обладают очень неприятными чертами: “удивительным недружелюбием, агрессивностью и неуважением к своим собратям и соплеменникам”¹¹. Эти черты, по утверждению Аджи, заложены в генах русских. Вообще, русские биологически отличаются от народов степей, ибо состав белка их мышечной и костной тканей совсем не такой, как у степняков. Эти и многие другие псевдонаучные оценки автора книги несут на себе печать фашистской идеологии. Издание этого опуса финансово поддерживалось банком “Экономическое развитие государств Европы и Азии”. В свете “евразийской” идеи перекосы этой книги представляются весьма любопытными. Если признать философию ее автора, то предложенный казахским президентом Нурсултаном Назарбаевым Евро-Азиатский Союз более правильно следует называть Азиатско-Европейским Союзом и расценивать его как своеобразный замысел повернуть колесо истории вспять, как попытку обеспечить тюркское господство сначала на востоке, а затем распространить его на Центральную и Среднюю Европу.

Еще одним дезинтегрирующим фактором является огромность географического пространства Российской Федерации. Беловежское соглашение, повлекшее за собой крушение Советской империи, возможно, является не последним, а первый этапом ее распада. Стремительный рост цен и невиданное повышение тарифов на авиа и железнодорожные перевозки ослабили экономические и торговые связи между центром и периферией. Дальнему Востоку и Сибири сегодня более выгодно торговать с Японией, Китаем и Кореей, чем с Краснодаром, Архангельском или Москвой. Скудность государственных программ по развитию Дальнего Востока, Забайкалья и других отдаленных регионов, высокие ставки налоговых отчислений Центру и тот факт, что государство не выполняет перед регионами свои финансовые обязательства, вызывают у них раздражение и ведут к их постепенной экономической изоляции. Даже те, кто стоит у экономического руля страны, начинают в такой ситуации утрачивать стойкость и мужество.

Бывший премьер-министр Е.Т. Гайдар в очередной раз заявил в прессе о невозможности эффективного управления макроэкономикой на столь большом географическом пространстве, как нынешняя Российская Федерация. По его мнению, на месте России следовало бы образовать несколько

небольших, но жизнеспособных, “дешевых” государств: Дальний Восток, Сибирь и др.¹² Схожую точку зрения выражал и советник президента Б.Н. Ельцина, историк М.Я. Гефтер, считающий Россию “страной стран” и предлагавший создать Центральнорусскую, Севернорусскую, Южнорусскую, Уральскую и др. республики¹³. Изменение политического и экономического пространства нынешней Российской Федерации неизбежно повлекло бы за собой перемены пространства культурного. Темы литературных произведений, создающихся на местах, быстро бы получили местную “почвеническую” окраску¹⁴.

Еще одним дезинтегрирующим фактором служит стремление малых этнических и национальных единиц добиться права отделения от Российской Федерации (например, республика Тува потребовала такого права вопреки российской конституции). В целом признание права народов на самоопределение, являющееся одной из главных установок ОБСЕ, трактуется иногда по-разному в зависимости от политических симпатий и антипатий. Здесь я хотел бы привести читателям ряд вопросов для обдумывания. Какие основные критерии должны применяться при реализации права на самоопределение? ¹⁵ Численность населения? Эстония имела 1,5 млн. жителей, а Татарстан – целых 4 млн. Эстония вышла из Советского Союза, а Татарстан, не может сделать этого, поскольку имеет статус республики автономной, а не союзной, как Эстония в прошлом. Значит решающим доводом является статус? Но статус отдельных национальных и этнических единиц часто изменялся: Киргизия, например, была сначала автономной областью, затем автономной республикой, а во время разрушения Советского Союза республикой союзной. Следует ли из этого, что Киргизия не смогла бы выйти из Союза, окажись она в момент его распада автономной республикой? Означает ли это, что вопрос о суверенитете Чечни не мог бы возникнуть, если бы крушение Советской империи произошло между 1944 и 1956 гг., когда насильственно депортированные чеченцы жили в Средней Азии?

Следовательно, нужно учитывать исторический фактор, историческое место жительства народа? Но как тогда должны поступить с Крымом, Восточной Украиной и Южной Украиной, которые исторически Украине не принадлежали и большую часть населения которых составляют русские? Относительно Крыма возможен ответ: он принадлежит крымским татарам. Но это сразу порождает новую проблему о соотношении коренного и некоренного населения. Ханты-мансийский национальный автономный округ имеет площадь более 0,5 млн. кв. км, то есть равняется территории Франции. Коренные жители, ханты и манси, составляют здесь 3% населения. Если они захотят реализовать право на свой национальный суверенитет, то должны ли признавать его остальные 97% населения округа, не являющегося

коренным? Должны ли они признать право господства над собой трехпроцентного меньшинства? В Крыму численное соотношение крымских татар с некоренным населением полуострова приблизительно такое же.

Внутренние границы в бывшем советском пространстве проводились советскими картографами крайне произвольно. По их воле Северная Осетия оказалась в России в качестве автономной республики, а Южная Осетия в качестве автономной области – в Грузии. Адыги живут сегодня в трех различных автономиях, имеющих различные названия и административные статусы. В некоторые союзные и автономные республики административным волеизлиянием были включены русские области. Они находятся в Чечне, Карачаево-Черкессии, Северной Осетии, Казахстане и в Украине. Спорные территории управляются совместно Астраханской областью и Калмыкией. Но если в пределах Российской Федерации улаживать территориальные споры можно цивилизованным образом, то как следует решать проблемы с находящимися в северном Казахстане русскими областями, образованными из земель Уральского Казачьего Войска и Семиреченского Казачества? Пока перспектива создания Союза трех славянских государств или Евразийского Союза (Российская Федерация + Белоруссия + Казахстан +?) остается актуальной, Россия не станет ухудшать свои отношения с Украиной и Казахстаном. Но если такая перспектива исчезнет, ситуация может существенно обостриться. Русское самосознание, например, никогда не примирится с потерей Крыма, за который было пролито столько русской крови. Никто не поручится, что три стороны (особенно несговорчивой среди них может оказаться Украина) придут к взаимному согласию и устранят противоречия мирным путем. Если в России к власти придут национальные радикалы, то конфронтация с Украиной и Казахстаном по поводу русских областей неизбежно завершится вооруженным конфликтом.

Помимо этого круга проблем, в русской прессе и публицистике периодически будируется вопрос о политическом самоопределении русского народа. В двадцатые годы специалисты со Сталиным во главе, слывшие лучшими знатоками национальных проблем, выступали против создания в Российской Федерации самостоятельной Русской Республики. Правящие круги делали ставку на постепенную русификацию всей страны. Кроме того, политическое самоопределение русского народа отодвигалось на задний план перед грандиозным замыслом раздувания в мире революционного пожара и создания всемирной Коммуны, объединяющей рабочих всех стран. После краха марксистско-ленинской идеологии и разрушения Советской империи начался новый процесс политического самоопределения народов. За последние четыре года в Российской Федерации появились новые республики.

В некоторых из них численность титульной нации составляет менее одной пятой от численности населения. В Российской Федерации ныне живут 82% русских (для сравнения: доля испанцев в Испании составляет 75%, евреев в Израиле – 90%; в Казахстане – государстве, определившего казахского народа, казахи составляют чуть больше половины жителей; 39% населения – русские, однако они не имеют до сих пор своего национально-государственного представительства), и какие, собственно, аргументы могут быть выдвинуты против подобного самоопределения?

Главным из них является то, что русским фактически отказывают в законном праве считаться независимым этносом. Самоназвание “русский” противники русского национального самоопределения трактуют не как имя существительное, а как имя прилагательное в смысле “России принадлежащий”¹⁶. Это значит, что “русским” может называться каждый, кто живет в России. Следуя этой логике, русский перестает быть русским после того, как покинул родную землю! И как это человек может принадлежать государству? Следует думать, что дело обстоит как раз наоборот: государство должно служить людям и принадлежать им. В противном случае мы имеем дело с реликтом тоталитарного сознания, сформировавшимся в коммунистическом Советском Союзе. Упомянутый консультант президента Б.Н. Ельцина по национальным вопросам М.Я. Гефтер утверждает, что русские, как народ, вообще не существуют, так как им свойственна дисперсность проживания, они рассеяны на большой территории и всегда представляют собой широкую палитру, не воплощаясь в некое единство: сибиряки – это сибиряки, казаки есть казаки... и т.д.¹⁷ Кроме того, есть, например, русские татары, русские эстонцы... Так же как нет и никакой собственно русской культуры, а имеется русскоязычная космополитичная культура в пределах России. Основное предназначение русских, по мнению М.Я. Гефтера, заключается в их содействии расцвету других этносов и культур или полного в них растворения. По его словам, русские вообще никогда не имели проблем, которые бы не были проблемами других. И также в будущем они не могут иметь никаких проблем в узко национальном смысле.

Здесь можно поставить вопрос: что Гефтер подразумевает под словом “палитра”? Разве не отличались например, друг от друга в Германии Саксония, Бавария и Швабия в плане языка, этнографии и образа жизни? Или в Италии, где различия диалектов столь велики, что жители севера не всегда понимают южан? А что означает гефтеровское утверждение об “отсутствии собственно русской культуры”? Любая европейская национальная культура есть результат синтеза, вобравшего и преломившего в себе культурные достижения многих иных народов. И почему это русские должны служить

всего лишь минеральным удобрением для расцвета других этносов? Или по какой такой причине им отказывается в праве иметь свои собственные национальные проблемы?

Подобные представления обнаруживаются и в книге упомянутого Мурада Аджи. Он также отрицает факт существования русского этноса как такового. Русские, по его словам, являются этническим недоразумением, они представляют собой смесь из кипчаков, угро-финнов, славян и нескольких других народов. Он вторит голосам своих единомышленников в Украине: в киевской газете “Просвіта”/”Просвещение“ была опубликована статья “Язык москалей в связи с их происхождением”, в которой утверждается, что русский язык не является “чисто” славянским, а сами москали происходят от чуди¹⁸. Если разговор вращается вокруг “чистоты” крови, этноса и культуры, можно не сомневаться в том, что перед нами находится фашист. В итоге получается нечто интересное: “демократ” М.Я. Гефтер оказывается в одной компании с казахскими и украинскими фашистами!

В случае политического самоопределения русского народа и провозглашения России государством самоопределившегося русского народа, национальные проблемы в Российской Федерации, вероятно бы, осложнились. Однако это не исключило бы возможности создания более крупных политических и культурных обществ на территории бывшего Советского Союза, чем сейчас. Многие бывшие советские республики сегодня практически стоят перед выбором своей будущей политической ориентации, и ситуация в них очень схожа с русскими потрясениями XIX – первых десятилетий XX в. Они породили три главные политические и культурные стратегии: “Панславизм”, “Западничество” и “Евроазийство”. Здесь я не буду подробно останавливаться на истории возникновения и эволюции данных общественных движений. Об этом имеется богатая научная литература, хорошо известная исследователям культуры. Я хотел бы привести лишь несколько обстоятельств и фактов, свидетельствующих о том, что проблема выбора между тремя этими направлениями беспокоит русских политиков, общественность и Православную Церковь. Возникают различные общественные движения с совпадающими или разняющимися идеологическими векторами.

В частности, российская партия “Консолидация”, Славянский собор “Белая Русь” и партия “Славянское единство Украины” 16 июня 1994 г. призывали правительства и народы создать Конфедерацию или другое взаимно приемлемое государственное образование¹⁹. Названные общественно-политические организации не обладают большим политическим весом в своих странах, и их призыв не имел никакого результата. Тем не менее, часть депутатов Государственной Думы РФ подняла вопрос о проведении в трех указанных

государствах референдума по поводу их потенциального воссоединения. Надежда на успех усиливается тем обстоятельством, что при проведении Горбачевского референдума о том, хотят ли населяющие СССР народы жить в такого рода государстве, 4/5 голосовавших однозначно ответили “да” и высказались за сохранение Советского Союза. В настоящее время, по мнению комментаторов, грядет сближение Украины с Россией. К этому украинцев подталкивает 80-типроцентная зависимость украинской промышленности от русской сырьевой базы (цифры названы украинским премьер-министром Масолом)²⁰.

Даже ультрарадикальные украинские националисты, как это не покажется странным, призывают к объединению с Россией. Краевой командир УНСО Львовской области Олег Витович высказался за создание большого государства с Украиной во главе. “Мы мечтаем о такой державе, – заявил он на митинге во Львове, – которая сможет сама диктовать условия всему миру”. Границы такой державы, по его словам, должны простираться от Карпат до Зеленого Клина (то есть, до Дальнего Востока)²¹. Подразумевается, что украинцы в таком государстве должны играть руководящую роль.

Кроме исторической и культурной близости двух государств, дополнительным аргументом в пользу их объединения служит наличие в России внушительной украинской диаспоры численностью около 4,5 млн. человек, причем более 400.000 из них живут в Москве и Московской области. Многие высокие чины в российских Вооруженных силах являются украинцами по происхождению. То же самое касается и высших органов государственной власти РФ. В случае объединения трех славянских государств компромиссным решением, удовлетворяющим амбиции политического руководства Украины, могло бы стать размещение украинско-белорусско-русского парламента в Киеве, а его Президиума и исполнительных органов в Москве.

Важное значение в конструировании нового “Русского дома” придается конфессиональному фактору. Крушение марксистско-ленинской идеологии и отказ от политики тотального атеизма создали в России умственный вакуум, который начал заполняться все возрастающим интересом к религии. Возрождение из руин храмов в России идет полным ходом, и, особенно, этот процесс затронул Православие, к которому в ближайшем будущем обратятся миллионы русских людей, являющихся государствообразующим этносом России. Но отношение государства к Русской Православной Церкви и ее место среди других конфессий (напомним, что в России живут представители всех четырех мировых религий: христианства, ислама, иудаизма и буддизма) зависят от того, какую геополитическую стратегию выберет

Россия или какая из них сможет реализоваться: “Панславизм”, “Западничество” или “Евразийство”.

Подвижки в том или ином направлении можно нередко наблюдать у представителей Русской Православной Церкви и в поведении отдельных общественных деятелей. В высказывании Ю. Бородея о том, что “Православие оказалось более совместимым с исламом (в его правоверной суннитской форме), чем с западным христианством – и католическим, и протестантским”²², явственно прослеживается, например, концепция “Евразийства”. Интересным представляется и утверждение Питирима, митрополита Волоколамского и Юрьевского, бывшего до недавнего времени председателем Издательского отдела Московского Патриархата. На встрече со студентами Московского Государственного университета им М.В. Ломоносова в середине июля 1995 г. он подчеркивал генетическое сходство между православием и буддизмом, заключающееся, по его словам, в “созерцательности и устремленности вглубь”²³. И, наоборот, приверженность к умонастроениям “Западничества” отчетливо сквозит во взглядах игумена Иоанна (Экономцева). Он предостерегает Россию от союза с исламским миром и убежден, что спор католиков и православных по поводу исхождения Святого Духа может быть решен положительно в пользу последних. По его мнению, подобное решение проблемы способствовало бы ослаблению современного папоцентризма и возрастанию независимости нынешних западноевропейских церквей от папского Единоначалия²⁴.

В целом вырисовываются пять основных сценариев дальнейшего развития событий:

1. *“Неопанславизм” (в его усеченной форме)*. Россия остается в сегодняшних границах и образует конфедеративный союз славянских государств вместе с Беларуссией и Украиной. При таком соотношении сил в качестве стратегической доктрины принимается концепция поэтапной интеграции конфедеративного союза в Западную Европу и противопоставления себя исламскому миру и Китаю с опорой на мощь США²⁵. У России при этом остаются территориальные претензии к Казахстану.

При такой расстановке сил Русская Православная Церковь инкорпорируется в систему официальной идеологии и вырабатывает свою собственную “неопанславистскую” православную концепцию.

2. *“Западничество” (европоцентристская идея)*. Россия остается в сегодняшних границах и вместе с конфедеративной ей Беларуссией противостоит Украине, проводя интеграцию в Западную Европу. Территориальные претензии к Украине решаются Международным судом положительно. Русская Православная Церковь стремится к конфессиональному сближению с

европейским “латинским” миром. Таким образом, возникает совместный заслон против исламской экспансии и создаются предпосылки, позволяющие проводить политическую, а затем экономическую конкуренцию с США и Японией.

3. *“Евразийство” (позднейшее ответвление славянофильского движения)*. Объединившиеся Россия и Белоруссия создают евразийский союз с Казахстаном, Киргизией и, возможно, с Узбекистаном. Происходит отдаление этого союза от Западной Европы и интегрированной в нее Украины. Противостояние Западной Европе осуществляется при поддержке США. У России остаются территориальные претензии к Украине. Русская Православная Церковь, как в первом варианте, придерживается незыблемых догматов Православия и ищет пути сближения с исламом и даже буддизмом.

4. *Дальнейший распад РФ*. Экономические трудности и задержки в конструировании нового “Русского дома” вызывают цепную реакцию разрушения. Реализуется на практике принцип “матрешки”: из больших политических национально-территориальных объединений появляются меньшие по размеру. Растущий политический регионализм, ослабление экономических и торговых связей между отдельными частями страны влекут за собой формирование нескольких русских республик по рецепту Е. Гайдара и М. Гефтера. Возникают карликовые государства, образуемые амбициозными лидерами из числа национальных меньшинств. Оставшаяся без русского “присмотра” Средняя Азия становится объектом религиозной, экономической, политической, затем и военной, экспансии фундаменталистских Ирана и Афганистана (Таджикистан и Туркменистан) и Турции (Киргизия, Узбекистан и Казахстан). За влияние в Средней Азии борется и Китай. Исламская экспансия реализуется также в Азербайджане и на мусульманском Кавказе. Армения и Азербайджан решают территориальные споры по плану П. Гобла (создание коридоров благодаря обмену Зангезура и Карабаха). Китай утверждает свое широкомасштабное военное присутствие в российском Приморье и Сибири, осуществляя одновременное движение с юга по направлению к Уралу. Япония аннексирует Курилы, Сахалин и часть Камчатки. США занимают Чукотку. В России приходят к власти национальные радикалы, готовые спасать отечество любыми средствами. “Обычная” третья мировая война перетекает в атомную, завершающуюся ядерным Апокалипсисом.

5. *Приход к власти радикалов*. На волне разочарования из-за вялотекущего хода реформ, отсутствия эффективной помощи Запада, массового обнищания населения и унижения национального достоинства русских, как за пределами России, так и внутри нее, к власти приходят национальные радикалы. Устанавливается военная диктатура, частично выправляющая

экономическое положение в стране. Кладется конец правовому бессилию, коррупции гос. чиновников, росту преступности и упадку общественной морали. Введена карточная система обеспечения продуктами питания и товарами первой необходимости. Диктатура опекает армию и ВПК, добывая дополнительные средства посредством продажи оружия мировым реакционным режимам, что вызывает на Западе острую реакцию, перерастающую в жесткую политическую конфронтацию. Действия власти, тем не менее, вызывают одобрение большинства населения благодаря их популистской окрашенности. Однако неспособность диктатуры преодолеть структурный экономический кризис и давление со стороны ультрарадикальных патриотов, подталкивают ее к силовому пересмотру границ на постсоветском пространстве. Россия быстро и без осложнений занимает Южную и Восточную Украину, Крым и Северный Казахстан – области с преобладающим русским населением. Западная Европа и США предпринимают превентивные меры, вводя через польский, чешский и венгерский коридоры силы НАТО в Прибалтику для предотвращения ее реокупации Россией. Аналогичные меры предпринимаются и в отношении Центральной и Западной Украины. На Кавказе член НАТО Турции создает защитный вал на пути российской военной машины, занимая Азербайджан и Армению. Грузия вынуждена апеллировать к русской защите. Военная экспансия России в Европе приостановлена, и центр военных действий переносится в Среднюю Азию, где в столкновения с российскими пограничниками при иранской и афганской поддержке вовлекаются Таджикистан, Туркмения и другие среднеазиатские государства. Небольшие военные стычки перерастают в локальную войну. Объявляется “джихад” – священная война мусульман против “неверных”. Афганистан, Иран, Пакистан и другие исламские страны отправляют на фронт многочисленных добровольцев. Саудовская Аравия оказывает “мусульманским братьям” материальную помощь. Война затягивается, истощая людские и материальные ресурсы России. Трудное положение последней пытается использовать Китай. Финал аналогичен финалу предыдущего сценария.

Разумеется, в приведенных сценариях некоторые события могут меняться местами или происходить одновременно. Но это не влияет на сущность самих сценариев. Распад России ведет к нарушению геополитического равновесия в мире и влечет за собой глобальную катастрофу. В настоящее время, то есть в нынешнем 1995 г., главным для России являются предстоящие выборы в Государственную Думу и выбор Президента. Создаются пакеты программных документов различных политических сил, образуются новые партийные блоки. Одним из последних таких пакетов является

“Открытый доклад” объемом 200 страниц, подготовленный центром “Стратегия” Г. Бурбулиса²⁶. Появляются также и другие программы, происходит размежевание между бывшими политическими союзниками. Ясно, что будущее России будет зависеть от исхода выборов в 1996 г. Он определит новый политический и, следовательно, культурный ландшафт как России, так и бывшего постсоветского культурного пространства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Огрызко В.* Парадоксы времени. Почему читающей России не известны проблемы национальных литератур? // “Литературная Россия”. № 24–25 от 16 июня 1995 г. С. 3.

² Там же.

³ Объединения культурно-просветительской и культурно-творческой направленности. Справочник. М., 1992. С. 43–44.

⁴ *Моисеев В.* Злые семена, или Чему учит новый казахский учебник // “Российская газета” от 1 июня 1993 г. С. 7.

⁵ *Палек В.Т.* История украинської літератури Х–ХVII століть. Кієв, 1994.

⁶ Там же. С. 69.

⁷ *Муравьев А.Н.* Сношения России с Востоком по делам церковным. Т. II. СПб., 1858–1860; ЦГАДА = РГАДА = Центральный Государственный архив древних актов; существует в Москве с 1852 г.

⁸ *Сабов А.* Хайль, хлопцы! – Зиг хайль, мужики! Возможны ли рецидивы фашизма на Украине и в России? // “Литературная газета”. № 18–19 от 9 мая 1995 г. С. 12.

⁹ Книга вышла в 1994 г. в издательстве “Пик-Контекст”; Приводимые нами измышления Аджи см. на с. 28–29, 44, 51–52, 56, 67, 69, 97, 125, 127, 135, 138, 182, 214–215, 345

¹⁰ Там же. С. 62–63.

¹¹ Там же. С. 67.

¹² Более подробно см. высказывания Е.Т. Гайдара в “Вечерней Москве” № 13 от 24 января 1994 г. и “Независимой газете” от 18 января 1993 г.

¹³ *Гэфтер М.Я.* В поисках нового “Куда?” // “Московские новости”. № 32. М., 1992. С. 15.

¹⁴ “Почвенничество” – разработанная Ф.М. Достоевским концепция о наличии в русской культуре “местных” идей, нравственных принципов и форм, имеющих важное значение и для всей Европы в целом. Как идеологическая программа она была сформулирована Достоевским в издаваемом им совместно с братом Михаилом журналом “Время” в 1861–1863 г. и сразу же вызвала бурные дебаты между “западниками” и “славянофилами”; к ней возвращались снова и снова и со временем она все более обогащалась и приобретала новые нюансы.

¹⁵ *Искандарян А.* Смелые – поводыри слепых. Почему международное сообщество оказалось неспособно помочь затушить пламя межнациональных конфликтов в Восточной Европе и бывшем СССР // “Литературная газета”. № 48 от 25 ноября 1992 г. С. 11.

¹⁶ Слово “русский” в русском языке может выступать как в роли имени существительного, так и имени прилагательного: “русский” (город, костюм и т.д.).

¹⁷ *Гэфтер М.Я.* Из тех и этих лет. М., 1991. С. 387–388.

¹⁸ *Сабов А.* Там же.

¹⁹ *Муслиенко Н.* Вперед к Киевской Руси // “Правда”. № 105 от 17 июня 1994 г. С. 1.

²⁰ “Независимая газета” от 18 июня 1994 г.

²¹ *Сабов А.* Там же.

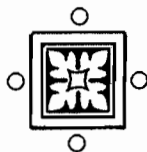
²² *Бородай Ю.* Пути становления национального единства. // “Наш современник”. № 1. М., 1995. С. 132.

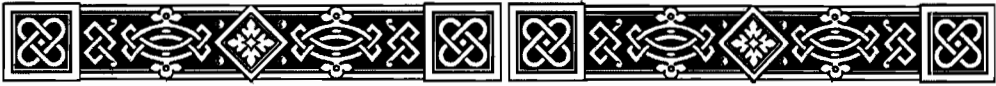
²³ *Рыжкин Э.* Митрополит Пителир о родстве православия с буддизмом. // “Сегодня”. № 144 от 3 августа 1995 г. С. 5.

²⁴ Культура и будущее России. Евразийская перспектива. М., 1994. С. 52–53.

²⁵ Можно наблюдать довольно-таки любопытное явление: несмотря на то, что западноевропейские страны, и в особенности Германия, оказывают России гораздо более существенную экономическую помощь по сравнению с США, большинство россиян считает самыми надежными и масштабными партнерами американцев. По крайней мере, именно так звучат результаты опроса газеты “We / Мы” См. “С кем связывает свое будущее Россия?” // “Известия” от 15 июля 1995 г.

²⁶ *Уключина Т.* “Идеология новой российской государственности” ждет клиентов // “Сегодня”. № 142 от 1 августа 1995 г. С. 3.

О РОЛИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВОЙ РОССИИ*

Произошедшие в России за последние десять лет изменения уготовивают особую роль РПЦ в созидании нового российского общества. Крах коммунистической идеологии и крушение прежней шкалы моральных ценностей, прежде всего, у тех россиян, кто отстранялся от Бога и Церкви, будучи оболваненным государственной атеистической пропагандой, привели к известному духовному вакууму. Ныне он стремительно заполняется при помощи СМИ, перешедших в руки частных компаний или даже отдельных лиц – финансовых олигархов, чьи интересы часто коренным образом расходятся с интересами простых россиян. Культ “золотого тельца”, проповедь наживы, добывания денег легким, нечестным или даже насильственным путем, прельщение молодежи богатством и роскошью, подталкивание ее к безудержным плотским наслаждениям – вот чем преимущественно заполнены сегодня экраны наших телевизоров, страницы прессы и эфир. Под предлогом демократического конфессионального плюрализма СМИ с готовностью предоставляются хлынувшим в Россию с Запада и Востока религиозным проповедникам, чья деятельность порождает смуту в сердцах и умах коренного российского населения. Цель здесь преследуется вполне определенная: внести разброд в души и умонастроения россиян, чтобы как можно больше удержать взвесь в мутной воде, ибо в ней, как известно, проще всего ловится желанная рыбка.

Сам трагический ход русской национальной истории уготовливает РПЦ роль оплота в духовном единении россиян, подавляющее большинство которых является православными или потомками православных, отлученных от христианской веры и Храма, благодаря изощренному государственному атеизму и тщательно продуманной системе карательных мер и наказаний.

---

* Данный материал представляет собой доклад автора на научно-богословской конференции “Церковь и гражданское общество. Свобода совести” 12–17 июля 1998 г. в Белгороде.

Возвращение людей к Богу и заповедям Христовым – одно из неперенных условий построения сильной России. Без наличия религиозных ценностей невозможно представить себе существование ни одного современного процветающего государства. Вспомним хотя бы столь ругавшийся советскими властями доллар, на котором красуется надпись “In God we trust”, то есть “Мы верим в Бога”. Эти слова появились на заокеанских банкнотах не случайно, ибо нельзя себе вообразить, чтобы президентом США или другой развитой капиталистической державы вдруг бы избрали атеиста. Придет день, когда в России на руководящие должности и на пост президента будут избираться не бывшие коммунисты, которые, отдавая дань своеобразной моде, мелькают на экранах телевизоров со свечами в руках при трансляции церемонии богослужения, свершающегося в храмах по Великим христианским праздникам, а искренне верующие в Бога люди, у которых любовь к ближним и неустанное радение об их процветании не оставят места для эгоцентричных помыслов о своем личном благополучии.

Одна из главных исторических задач РПЦ на современном этапе заключается в приобщении людей к Богу и христианским ценностям, в воспитании христоролюбивых, честных, трудолюбивых и законопослушных российских граждан. Эта миссия издревле осуществлялась РПЦ, но сегодня ее значение как никогда возрастает. На ее пути сейчас возникает немало препятствий, среди которых нельзя не выделить обливание грязью иерархов РПЦ во многих, враждебных Православию, российских печатных органах. В чем только не обвиняют они православных священнослужителей: мужеложстве, пьянстве, совершении противоречащих христианской морали торговых сделок. Можно констатировать, что даже во времена коммунистических атеистических кампаний советская послевоенная пресса соблюдала известный такт и воздерживалась от изображения личной жизни иерархов РПЦ в неприглядном свете. Можно отметить и другой любопытный факт: помои выливаются именно на православных священнослужителей, ибо мне ни разу не встречались статьи или публикации, обличающие несправедливый образ жизни хотя бы одного мусульманского муллы или иудаистского раввина.

Я не стану здесь уделять внимание подноготной авторов антиправославных публикаций, анализировать преследуемые ими цели и проводить исторические параллели с разгулом антиправославия после большевистского переворота в октябре 1917 г. Более важным мне представляется проставить акцент на том, что публикации подобного рода унижают и оскорбляют чувства православных верующих и объективно способствуют разжиганию национальных противоречий. Публикации с такой направленностью содержат подспудную мысль о превосходстве граждан по признаку их

национальной принадлежности. Ведь, если вера твоих соплеменников плоха, а моих хороша, то и сам я чище, лучше и выше, чем ты. Деятельность авторов оскорбительных антиправославных статей может пресечь статья 282 УК РСФСР, но никто пока не выступил общественным защитником РПЦ и не пытался подать в суд на захлебывающихся от ненависти писак. Не подал на них в суд и никто из поносимых ими православных иерархов. Глубокое внутреннее достоинство православных священнослужителей удерживает их от судебного выяснения отношений с ругателями и клеветниками. Ведь не станет, например, интеллигент всерьез вести полемику с разбушевавшимся скандалистом – своим соседом по коммунальной квартире.

Конечно, необходимо нейтрализовывать антиправославные провокационные публикации систематической отповедью прессе, при этом, желательно, в прессе нецерковной, и не самим деятелям РПЦ, а через сочувствующих Православию журналистов. Но в этом противостоянии не видно будет конца и края. Главные усилия следует приложить в будировании общественностью закона об охране чести и достоинства священнослужителей основных конфессий, распространенных в России: христианства (в его православном варианте), магометанства, иудаизма и буддизма. Такой закон может и должен быть принят нашим Парламентом, чтобы исключить манипулирование общественным сознанием и обострение межнациональных отношений при помощи игры на религиозных чувствах верующих. Я не случайно говорю только о четырех мировых религиозных учениях. Исповедующие их россияне составляют массы, которые могут стать критическими при обострении межнациональной неприязни на религиозной почве. В силу мировой распространенности этих четырех религий, столкновения в России на конфессиональной основе между православными, магометанами, иудеями или буддистами сразу обретут международный резонанс и могут усугубиться политическим или даже военным вмешательством извне. Закон об охране чести и достоинства священнослужителей основных конфессий, распространенных в России, мог бы предусматривать наложение на провинившиеся издания крупных штрафов в размере до 50 тысяч долларов США в пользу потерпевшей стороны или закрытие подобных изданий при совершении повторного правонарушения и привлечение авторов провокационных публикаций к уголовной ответственности.

Мне кажется, российские государственники отдают себе отчет, что укрепление Православия будет объективно способствовать усилению России через воспитание РПЦ христоролюбивых, честных, трудолюбивых и законопослушных граждан. Ведь криминализация современного российского общества объясняется не только социальными причинами (массовым обнищанием и

люмпенизацией людского сознания), но и неожиданно свалившейся свободой в сочетании с безбожием, которое прививалось в России более семи десятилетий. Интересы государства и РПЦ в этом направлении объективно совпадают.

Для успешного осуществления этой миссии РПЦ необходимо возродить ее былую экономическую мощь. До октябрьского переворота 1917 г. РПЦ являлась крупной экономической силой страны. Она складывалась из огромной недвижимости: более тысячи православных монастырей, сотни тысяч храмов, обширных земельных угодий, заводов и мастерских по производству свечей, изготовлению церковной утвари и др. РПЦ принадлежали несчетные богатства, пожертвованные ей русскими царями, императорами, боярами, дворянами, зажиточными купцами: драгоценные напрестольные кресты, посохи, оклады икон и богослужебных книг, церковные сосуды, расшитые серебром и золотом святительские ризы и др. Все эти богатства были насильственно присвоены большевиками, причем большая часть из них оказалась разграбленной или уничтоженной. Ни одному из российских конфессиональных Институтов, будь то ислам, иудаизм или буддизм, не было нанесено такого ущерба, как Православию.

Но требовать от нынешнего российского правительства возвращения этих богатств РПЦ было бы попросту безнравственно. Государственная казна не только пуста – если подвести всеобщий баланс, то в итоге получится ошеломляющий жирный минус. Внутренний долг насчитывает более 200 млрд. долларов, что составляет более двух годовых бюджетов страны. Государство фактически давно живет у своего населения в займы, годами не выплачивая заработанные деньги шахтерам, рабочим, учителям, пенсионерам и другим категориям граждан. Это гениальное изобретение российской “демократии” не имеет прецедентов в мировой истории. Не стану и дальше обрисовывать трагизм современного экономического состояния страны. Он чувствуется всеми, кто способен сострадать своим обездоленным согражданам. Шахтеры и пенсионеры перекрывают железнодорожные магистрали, объявляют сухие голодовки, пикетируют Белый Дом. Страна оказалась в экономическом тупике, который может привести ее к экономическому распаду и ее политической гибели.

К этому плачевному положению Россию привели наши доморощенные экономисты-монетаристы, вооруженные общественными формулами из вузовских учебников по экономике и безоговорочно следующие западным реформистским рецептам. У этих горе-экономистов до сих пор нет и не было ясной программы по преобразованию России и переводу ее на рельсы капиталистического хозяйствования. Экономические беды современной

России объясняются прежде всего тем, что переход к свободному рынку был у нас пущен на самотек. Наши реформисты последних лет напоминают пьяного возчика, бросившего вожжи и пребывающего в полной уверенности, что умная лошадь-рынок сама вывезет туда, куда нужно. Но рынок огромной страны не может складываться стихийно, в особенности, если эта страна много лет не знала, что такое настоящий свободный рынок. Более семидесяти лет назад Россия стала строить социализм, что не имело аналога в предшествующей мировой истории – отказ от этого неудавшегося эксперимента и возврат к нормальному, естественному капиталистическому хозяйствованию также не имеет аналога. Поэтому использование здесь каких-то готовых рецептов будет скорее вредить, чем способствовать быстрому выздоровлению.

При реформировании национальной экономики необходимо учитывать экономические уклады и национальные исторические особенности, при которых формировались эти уклады. В большинстве стран они обладают своими местными отличиями. Здесь можно вспомнить пример послевоенной Японии, которая в сжатые сроки превратилась в одно из наиболее экономически развитых государств мира. Ее успехи во многом объясняются опорой на национальные традиции, которые блестяще были использованы в новых условиях. Родовая преданность подданных феодалу-сюзерену в Японии была эффективно сублимирована в верность главе фирмы, а семейно-родовая преданность успешно заменилась верностью сотрудникам фирмы, воспринимаемых в сознании японца как одна большая семья. Японцы не гнушались чувством коллективизма – создание кружков по совершенствованию качества на послевоенных производствах учитывало национальный менталитет японца и его склонность к целенаправленным коллективным действиям. Японское “экономическое чудо” XX столетия не есть результат использования привнесенных извне западных рецептов, а преимущественно обращения к всему тому, что наложило отпечаток на сознание японца и могло быть использовано как положительные факторы для экономического преобразования страны. К этой мысли я возвращусь чуть позднее, а пока еще раз подчеркну важность учета национальной психики и национальных традиций даже в таком, казалось бы, не имеющем ничего общего с ними деле, как экономика.

Вывести Россию из состояния тяжелейшего экономического застоя сможет решение проблем ее сельского хозяйства. Концентрация внимания на промышленности не принесет ощутимых результатов. Ее реконструирование требует огромных средств, которых нет ни в государственной казне, ни даже у Международного валютного Фонда. Нельзя сказать, что российское

правительство (вернее, различные его кабинеты) не понимало, сколь кардинальное значение имеет решение давно наболевшего сельскохозяйственного вопроса. Однако попытка направить российскую деревню на фермерский путь завершилась полным провалом. Где он, тот российский фермер, который, как возвещал публицист Ю. Черниченко, сразу накормит страну? Ни одного положительного примера эффективного ведения у нас фермерского хозяйства в российской прессе за последнее время найти невозможно. Денег на покупку дорогостоящих с/х техники и минеральных удобрений у фермера нет, кредит разорителен из-за непомерно высокой банковской ставки, земли – кот наплакал из-за нежелания бывших председателей колхозов и совхозов выделять ее единоличникам. Фермера одолевают налоги и сельские рэкетеры, его решимость встать на ноги подтачивают раздражение и недоброжелательность безынициативных односельчан, готовых из зависти и озлобления запустить красного петуха под стреху добротного дома и амбара, выстроенных кровью и потом фермера.

Выведение из кризиса полуголодной и влачащей жалкое существование российской деревни я вижу в возрождении деревенской церковно-религиозной общины. Она не будет неким подобием ныне бездействующих совхозов и колхозов, а должна являть собой синтез прежних традиций дореволюционной церковно-религиозной общины и использования новых экономических рычагов. По сравнению с хозяйствами фермеров-единоличников сообщество церковно-религиозных общин обладало бы важным преимуществом – единой системой контроля, своевременной экономической помощи и экономического стимулирования со стороны РПЦ, чьи монастыри, отдельные церкви и приходы расположены во всех уголках России. Рачительная хозяйственная деятельность служителей РПЦ позволит постепенно втянуть в общины все трудоспособное население российской деревни, принимаемое на работу в качестве наемной рабочей силы. Она позволит отделить зерно от плевел и поставить во главе работ прихожан, не зараженных типичными пороками нашей сельской глубинки – разгильдяйством и пьянством. Именно из среды таких талантливых, трудолюбивых и организационно способных хозяйственников и сформировалась бы затем прослойка российских фермеров.

Организация церковно-религиозных сельских общин под эгидой РПЦ могла бы сочетаться с планомерным решением двух других проблем: современного безлюдья подавляющего большинства российских деревень и заселения их русскими переселенцами из стран СНГ. Около 25 миллионов русских после распада СССР нежданно-негаданно оказались за границей и многие из них с радостью переехали бы в Россию, но их останавливает отсутствие крова и работы на своей исторической родине, неимение средств

на дорогу и перевоз имущества, равнодушные российских чиновников к их судьбе. У государства нет денег на своих потенциально новых граждан, наши соплеменники оказались брошенными на произвол судьбы, чувствуют себя никому не нужными. В ряде новоиспеченных государств СНГ они подвергаются притеснениям, оскорблениям и национальному унижению. Забывать об этом безнравственно. Заботу о них могла бы взять на себя РПЦ, выделяя им подъемные для переезда, предоставляя им временный кров, способствуя строительству для них жилья, обеспечивая им работу в сельской местности.

Решение сельскохозяйственного вопроса в России позволило бы вывести страну из тягчайшего экономического кризиса. Средства, получаемые сегодня нами за экспорт нефти, газа и других природных ископаемых, уходят на импорт продовольствия, то есть просто проедаются. Продовольственная зависимость страны растет, и в случае дальнейшего падения мировых цен на нефть или появления новых экспортеров нефти из числа стран СНГ – Азербайджана, Туркменистана, Казахстана, возникнет опасность превращения России в государство-марионетку. Западные страны могут шантажировать ее отказом покупать российскую нефть и угрозой последующего неизбежного голода. Решение сельскохозяйственного вопроса в России не только бы устранило саму возможность возникновения подобной опасности, но и стало бы приводным ремнем, способным запустить едва работающую сейчас российскую промышленную машину. Деньги, затрачиваемые сегодня Россией на закупку продовольствия, оставались бы дома. Их систематическое поступление в бюджет в виде налогов создало бы возможность постепенно реконструировать тяжелую промышленность и провести конверсию военно-промышленного комплекса. Иного выхода из экономического российского тупика я не вижу. Не исключено, что для нашей страны это вообще единственный выход.

Три судьбоносные для России задачи – воспитание российского гражданина нового типа, поднятие сельского хозяйства и содействие возвращению на свою историческую родину из стран СНГ миллионов русских людей, РПЦ успешно выполнит только при возрождении своей былой экономической мощи. Она не может получить на это средства из государственной казны, но способна заработать их посредством предоставления ей привилегий для своей экономической деятельности. Необходим детально разработанный пакет последовательных шагов в данном направлении, включающий предоставление РПЦ права на беспошлинную торговлю определенной номенклатурой товаров, выделение ей экспортно-импортных квот, возврат ей значительной части бывших монастырских земель, обеспечение права на беспошлинный ввоз сельскохозяйственной техники и удобрений,

оборудования для перерабатывающей пищевой промышленности, строительных материалов и машин для строительства жилья, предназначенного для русских переселенцев, введение монополии РПЦ на производство и продажу кваса, меда, слабоспиртовых монастырских настоек, изготовленных по народным рецептам, издание новой и переиздание дореволюционной духовной литературы и др.; создание сети церковных банков, учреждение церковных торгово-экономических и сельскохозяйственных академий.

Рост экономической мощи РПЦ несомненно будет сопровождаться попытками криминального мира установить над ней контроль и обложить ее данью. Поэтому конечный успех здесь достигим только при мгновенном и решительном пресечении подобных попыток государственными правоохранительными органами и осознании ими того, что в данном случае они защищают не частные интересы какой-либо крупной компании, концерна или финансово-промышленной группы, а дело общенационального масштаба и значения.

После возрождения из руин сотен тысяч православных монастырей и храмов, исполнения второй и третьей задач, экономические привилегии РПЦ могут быть урезаны. Особенно важен здесь пункт о безвозмездной передаче временно возвращенных РПЦ пахотных земель, а также сельскохозяйственной техники с/х строений новым владельцам – фермерам. Они будут отбираться из числа образцовых работников и хозяйственных лидеров церковно-религиозных общин.

Роль РПЦ в экономическом строительстве новой России, разумеется, не должна быть навязана ей извне. Первые шаги по исполнению этой судьбоносной исторической миссии по поднятию нашей страны с колен и избавлению ее от унижительного положения нищенки, вымаливающей подачки у Международного валютного фонда, возможны только после благословения данной идеи и соответствующих инициатив Его Святейшества, Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Не сдвинется дело с места и без одобрения данного замысла со стороны российского Президента Б.Н. Ельцина и его последующих конкретных указов. Но сами эти два высших лица современной России примут должные положительные или отрицательные решения только в том случае, если оглашенная мной идея завладеет умами иерархов, общественности, политиков и влиятельных представителей властных структур.

Основная цель моего сегодняшнего выступления – услышать мнение присутствующих в нашей аудитории. Оно для меня имеет особую ценность, ибо в зале находятся и иерархи РПЦ, и представители российской исторической науки – специалисты, хорошо знающие не только прошлое России, но и острее других ощущающие ее возможную будущность.

НЕ ОСТАНЕТСЯ ЛИ РОССИЯ БЕЗ ИВАНОВА ВАЗОВА В XXI ВЕКЕ?*

Глубокоуважаемые коллеги, гости и участники праздника! Вначале я намеревался подготовить высказывание о некоторых поэтических приемах в творчестве Ивана Вазова и Захария Стоянова, но обратившись в мыслях к милой Болгарии – стране, которую я давно люблю, и, протянув руку к книгам упомянутых классиков, я как-то незаметно для себя погрузился в грустные размышления о том, что сейчас происходит в наших культурах.. И пришел к выводу, что сегодня вряд ли стоит сосредоточивать свое внимание на неких филологических тонкостях – следует затронуть более широкие проблемы и довести до сознания аудитории нечто более важное, следует говорить о том, что можно и должно сделать для повышения статуса болгарской культуры. Надеюсь, что вы поймете меня и не рассердитесь за то, что я не предлагаю вам какое-либо научное откровение о вазовском или стояновском творческом мастерстве. Ведь когда рухнет целый дом, разве время для наведения порядка на филологических полках в одной из его комнат?

В своем высказывании я хотел бы остановиться на теме “Иван Вазов и Россия”, рассматривая ее в несколько нетрадиционном плане. Не буду повторять хорошо известные, ставшие хрестоматийными свидетельства о горячих русофильских чувствах данного творца. Вазовские поэтические строки из стихотворения “Россия”, проникнутые любовью к русской земле и русским, столько раз цитировались болгарскими учителями, вузовскими преподавателями, литературоведами и публицистами, столько раз звучали в болгарском радиоэфире и на телевидении, что начали вызывать эффект прямо противоположный ожидаемому. Сказанное распространяется и на другие русофильские произведения Ивана Вазова, и не только этого писателя.

---

* Данное выступление прозвучало в августе 2000 г. через несколько дней после награждения автора высшей государственной наградой Болгарии для иностранцев – орденом “Стара-Планина” I степени. Оно имело место на круглом столе, посвященном жизни и творчеству классиков Ивана Вазова и Захария Стоянова, на всеболгарском соборе, который проводился под патронажем и в присутствии президента Болгарии в г. Рожен.

Утрачено было чувство меры. Официальное и официозное насаждение любви к России приобрело в Болгарии такие масштабы, что постепенно начало вызывать у людей чувство раздражения. Оно росло все сильнее еще и потому, что было вынуждено запрятано и подавлялось, не находя внешнего выхода. Чувство раздражения увеличивалось также и благодаря искусному манипулированию народом со стороны болгарского коммунистического руководства, которое вину за экономические неурядицы страны возлагало на СССР и советское давление, которое якобы мешало болгарским властным структурам принимать самые оптимальные решения. Не стану анализировать ряд других причин, усиливавших скрытое русофобство в различных слоях болгарского общества. Результат налицо – после падения коммунистических режимов в Болгарии и СССР обе страны вступили в период взаимного охлаждения, дистанцированности и едва ли не неприязни. Впрочем, последнее характерно только для Болгарии и обязано русофобскому джинну, который был выпущен из бутылки, запечатанной ранее печатью тоталитаризма.

Поэтому я не буду вспоминать здесь о восторженных чувствах болгар и их признательности русским в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., приведшей к восстановлению болгарской государственности, о русофильских проявлениях среди большинства болгар в дальнейшем и апофеозе чрезмерно раздутой “вечной болгаро-советской дружбе” в 70-е–80-е годы XX в. Подобное напоминание со стороны русских сегодня, по моему мнению, не только неуместно, а попросту неумно. Никто не может заставить другого любить себя насильно. Любовь зарождается, крепнет, достигает своей высшей точки и проходит. Если она ушла, не следует рыться в пепле – он горек и может вконец испортить отношения. Еще опаснее для русских предьявление болгарам какого-либо счета, наподобие “Россия для вас, болгар, столько сделала, а вы...”, ибо такого рода доводы завершатся неизбежной ссорой.

Думаю, что русским и болгарам сегодня более разумно поддерживать спокойные, ровные, уважительные отношения. Не исключено, что через много лет прошлое вернется, хотя оно уже не будет таким, как прежде. Древний афоризм “Нельзя дважды вступить в одну и ту же воду” будет справедливым и в нашем случае. Подчеркиваю это с самого начала, ибо не хочу быть неправильно понятым. Говоря на тему “Вазов и Россия”, я объят не желанием изрекать здесь некие заклинания ради воскрешения русофильства, а руководствуюсь интересами болгарской стороны и своей обеспокоенностью за уменьшающийся международный статус болгарской культуры. Выбор между Иваном Вазовым и Захарием Стояновым в пользу первого был сделан мной не случайно, поскольку этот писатель – эмблематичная фигура. Она является своеобразной визитной карточкой болгарской культуры в мире, как Уильям

Шекспир для Англии, Оноре де Бальзак для Франции или Лев Толстой для России. Поэтому все, что происходит сейчас с творческим наследием Ивана Вазова в России служит лакмусовой бумажкой для изменений международного статуса болгарской культуры в мире.

Здесь прежде всего следует отметить, что тема “Иван Вазов и Россия” в социалистический период трактовалась в Болгарии и России как-то одно-сторонне, с недомолвками, многоточиями и искажением фактов по идеологическим соображениям. Так, например, при издании вазовских путевых очерков “Вне Болгарии”, в которых речь идет о России, и в болгарских, и в советских изданиях 50-х–80-х годов XX века почти всегда опускалось место с похвальными словами “дедушки” Вазова о русском царе (негоже, если классик хвалит проклятое самодержавие!), или наши и ваши критики твердили, что, будучи в России, Иван Вазов не мог не обратить внимание на особые, предназначенные для каторжан вагоны (а писатель, в сущности, отметил, что лица каторжан были злыми и не вызывали никакого сочувствия) и т.д. Список подобных примеров можно легко пополнить, и это приводит к выводу, что упомянутая тема все еще нуждается в более объективном подходе и ожидает своих исследователей.

В связи со сказанным я бы хотел остановиться на одной традиционной недомолвке, допускаемой литературоведами при трактовке тех пассажей вазовских очерков “Вне Болгарии”, в которых повествуется о случайной встрече автора с русскими крестьянами, участвовавшими в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Обычно литературоведы умиленно пересказывают описание этой встречи, повторяя вслед за Вазовым слова русских солдат, которые на вопрос, что такое Болгария, отвечали, что “Болгария – это та же Россия, и народ там крещенный”. (Сейчас я думаю, уже не было ли постоянное цитирование данных слов критиками своеобразным отражением ходивших среди болгар в 60-х–80-х годах XX в. слухов о возможном вхождении Болгарии в состав СССР в качестве 16 союзной республики, или же оно было преднамеренно кем-то искажено, послужив источником упомянутых лжепророчеств). После этого литературоведы однако неизменно забывали проанализировать дальнейшие строки писателя, описывающие как эти простые крестьяне его расспрашивали, боятся ли и поныне турки генерала Дондукова, не подозревая, что он уже много лет в Болгарии не у власти и что в стране давно произошли большие изменения.

Фактически Вазов изумлен, сколь мало эти полуграмотные русские крестьяне знают о Болгарии – стране, которую они прошли с винтовками в руках, сражаясь за ее свободу. Этот эпизод очень показателен, и давайте будем держать его в уме, когда речь пойдет об актуальности темы “Вазов и

Россия”. Ее рассмотрение неизбежно раскроет обстоятельства, при которых словно в результате некоего чуда невиданно быстро рос уровень развития болгарской национальной культуры и повышался ее международный статус. Такое рассмотрение заставляет нас задуматься об истории этого статуса и о том, каким образом он может эволюционировать в ближайшие десятилетия. Как известно, путевые очерки “Вне Болгарии” были написаны во время второго пребывания писателя в России, когда он покинул Болгарию из-за гонений на русофилов, предпринятых сначала князем Александром I Баттенбергом, а затем Стефаном Стамболовым. Оно началось в январе 1887 г. после прибытия Ивана Вазова пароходом из Константинополя в Одессу и продолжалось вплоть до 1889 г., когда писатель возвратился на родину вслед за заверениями Стамболова о том, что беглецу гарантирована защита от преследований.

Встреча Вазова с бывшими русскими солдатами, малообразованными русскими крестьянами, иллюстрирует объем знаний обыкновенных русских людей о болгарской истории и культуре в конце 80-х годов XIX столетия. Не умаляя значения трудов русских ученых (ранга К.Ф. Калайдовича, В.И. Григоровича, И.И. Срезневского и др.), произведений болгарских писателей, публиковавших свои произведения на русском языке в 50-е–80-е годы XIX в. (включая и Л. Каравелова с его “Памятниками народного быта болгар”, 1861 и “Болгарами старого времени”, 1867) или пламенных статей прогрессивных русских общественных деятелей в поддержку праведной русско-турецкой войны, объявленной ради освобождения единоплеменных и единоверных братьев-болгар от чужеземного ига, я полагаю, что истинное знакомство русских народных масс с Болгарией началось только после публикации у нас вазовского романа “Под игом”. Это произведение появилось впервые не в Болгарии, а в России в 1896 г. и печаталось сначала в №№ 1–10 журнала “Мир Божий”, а затем в том же году вышло в виде отдельной книги, то есть фактически во второй раз.

До начала Первой мировой войны роман выдержал в России шесть изданий, которые выходили через очень небольшие интервалы: 1896, 1896, 1898, 1899, 1904 и 1906 гг. При этом нужно отметить не только тот факт, что произведение публиковалось достаточно большими тиражами, но и способ их распространения. Последние два из указанных изданий, тиражом 10 тысяч каждое, рассылались по распоряжению российского Министерства Народного просвещения по книжным складам земств, откуда они поступали в народные библиотеки. Это распоряжение превратило вазовский роман “Под игом” поистине в народное чтение, доступное практически любому русскому читателю-бедняку. Триумфальное шествие данного произведения по русской

земле продолжалось и позднее вместе с другими переведенными на русский язык сочинениями писателя. Можно с полным основанием утверждать, что нигде за пределами Болгарии Вазов не был столь популярен как в России. Здесь переводятся и выходят из печати романы, повести, стихи и пьесы писателя, создаются варианты новых переводов, осуществляются переиздания старых. У меня нет исчерпывающей информации о всем XX в., но хочу напомнить некоторые данные из “Биобиблиографического указателя об Иване Вазове”, составленного Л.П. Лихачевой и опубликованного в СССР в 1962 г. Список изданных на русском языке вазовских произведений занимает в нем 60 страниц и насчитывает около 600 позиций.

Россия превратилась для Ивана Вазова в настоящую вторую родину, которой, по словам писателя, принадлежала половина его сердца, и которая отвечала ему ответной любовью. Не следует, разумеется, упускать из вида и некоторые факторы политического свойства, влиявшие на российскую книгоиздательскую политику, особенно в советский период. Роман “Под игом”, например, до второй мировой войны был издан в СССР только один раз в 1928 г., но как только Болгария попала после разгрома фашизма в сферу советского влияния и двинулась по пути строительства социализма, названный роман тотчас же в продолжение одного лишь десятилетия был переиздан трижды: в 1950, 1954 и 1956 гг. Для меня, однако, в данном случае важны не причины вазовской популярности в России, а ее масштабы, то есть непосредственный результат. И здесь я не могу не сказать об огромном значении русского языка для Вазова и судьбы его творческого наследия. Вазов не был бы тем Вазовым, каким мы его знаем, не только без России, но и без посредничества русского языка.

Из биографии и творчества писателя явствует, что он испытывал пиетет к русской и французской литературам, восхищаясь как Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым, Гоголем и Шевченко, так и Гюго, Мольером, Дидро, Эженом Сю. Хорошо известно также, что Вазову, по его собственному признанию, не давались иностранные языки. В молодости он так и не сумел выучить турецкий и греческий языки, чтобы стать преуспевающим торговцем, о чем мечтал опекающий его дядя. Позднее писатель пытался овладеть немецким, румынским и французским, однако факты о хорошем знании им этих языков отсутствуют. Это обстоятельство ничуть не умаляет величие вазовского гения, ибо блеск литературного таланта того или иного творца не зависит от степени его лингвистической предрасположенности к иностранным языкам. Пейо Яворов с каким-то упоением говорил на своем безупречном турецком, а Теодор Траянов свободно писал на немецком, однако можем ли мы поставить их выше Вазова? Впрочем, я хотел бы провести

здесь иную мысль: литературная образованность Ивана Вазова была обязана прежде всего посредничеству русского языка – наиболее близкого тогдашнему болгарскому литературному языку и понятного для болгар даже без специального лингвистического обучения.

Посредством этого языка Вазов знакомился в России не только с произведениями русских творцов – он фактически получил доступ к сокровищам западноевропейской классической и современной литературы, накопленным благодаря их русским переводам. Это, несомненно, сыграло огромную роль в творческом росте и обогащении художественной палитры писателя. Переводная западноевропейская литература способствовала расширению вазовского литературного горизонта и придавала его творчеству больше международных художественных измерений. И все же даже один быстрый взгляд на творческое наследие Вазова позволяет понять, что более всего на писателя влияла не столько западно-европейская литература, сколько литература русская. Здесь очень красноречивы упреки Захари Стоянова, который обвинял Вазова чуть ли не в плагиаторстве, указывая на явное сходство вазовской повести “Митрофан и Дормидольский” с гоголевскими произведениями “Ревизор” и “Как поссорились Иван Иванович и Иван Никифорович”. Подобных параллелей между вазовскими сочинениями и произведениями каких бы то ни было западно-европейских писателей не обнаружено, хотя сам Вазов утверждал, что задумывая роман “Под иггом”, он намеревался создать что-то похожее на “Отверженные” Виктора Гюго, а свои стихотворения “Эпопея забытых” самолично характеризовал как “реминисценции Виктора Гюго”.

Посредничество русского языка сыграло первостепенную роль и в судьбе вазовского наследия после смерти писателя. Во второй половине XX в. сочинения Ивана Вазова издавались в России еще более часто и еще большими тиражами, чем в первой половине столетия. Переводом вазовских произведений занимались одни из самых лучших переводчиков и поэтов, среди которых находятся имена Н. Тихонова, Н. Асеева, С. Городецкого, М. Зенкевича и др. Русские переводы служили в Советском Союзе подстрочниками при переводе вазовских романов, повестей и стихов на армянский, грузинский, белорусский, молдавский, литовский, латышский и казахский языки. И здесь я особо хочу подчеркнуть посредническую роль русского языка в качестве языка международного. Он дает возможность многим владеющим им народам знакомиться с сочинениями, написанными на болгарском, польском, сербском, чешском и других славянских языках, благодаря русским переводам этих сочинений.

При этом речь идет не только о малых народах, живших в огромном Советском Союзе, и часть которых и сейчас продолжает находиться в составе

Российской Федерации. Я имею в виду и нечто иное. Зарубежных славистов хорошо говорящих по-болгарски в мире очень немного – в Китае или Японии, например, болгарский язык никогда не изучался и, скорее всего, никогда не будет изучаться и впредь. Очень хорошо помню, что во время международных конференций в Болгарии, болгаристами считались японские преподаватели старославянского (сиречь староболгарского) языка, которые мучительно морщились, когда им говорилось что-то по-болгарски, и сразу оживлялись как только собеседники переходили на язык русский. Такие ситуации легко объяснимы: “болгаристами”, в сущности, оказывались чистые русисты, занимающиеся преимущественно современной русской филологией, и наряду с этим – старославянским, фольклором, историей, страноведением и еще кучей предметов, которые у нас обычно преподаются более обстоятельно гораздо большим числом профессоров, доцентов и ассистентов, специализирующихся в своих областях славистики. Подобное положение характерно не только для Востока, но и для Запада. Не является секретом, что **шире всего богатства болгарской литературы и культуры открывались перед глазами “внеболгарского мира” благодаря русскому переводному посредству.**

А теперь уместно возвратиться к вопросу, вынесенному в заглавие выступления. Кульминация интереса к Вазову в России пришлось на первую половину 80-х годов XX в., когда роман “Под иггом” был издан трижды в продолжение пяти лет: 1981, 1984, 1985. Начало пиковой линии, ведущей к высшей точке этого издательского “бума”, совпадает с 1300-летним юбилеем основания болгарского государства и последующими несколькими годами. С началом “перестройки” в России, особенно с конца 80-х годов и по настоящее время, сочинения Вазова не издаются и не появляются на прилавках букинистических магазинов. **Если положение не улучшится, то в XXI в. Россия останется без Ивана Вазова, также как и без болгарской культуры вообще, потому что для нее этот писатель является эмблематичной фигурой.** Справедливость утверждения об “эмблематичности” подкрепляется элементарной проверкой каталога в Библиотеке Иностранной литературы в Москве и поисками каталожных карточек с данными о болгарских литературных произведениях, переведенных и изданных в России за последнее десятилетие. Таких карточек там за редким исключением почти не обнаруживается. То же самое происходит с российскими телевидением, театром, кино, общественно-литературными журналами и газетами, которые ничего не сообщают ни о Болгарии, ни о болгарской культуре. Это не преувеличение, а печальная констатация: **Болгария и болгарская культура почти полностью исчезли из культурно-информационного поля России.** В этом

нет ни малейшей вины Болгарского культурного института в Москве, который с чисто символическим штатом сотрудников работает буквально сверх своих возможностей. Он однако не в состоянии заменить всю прежнюю внушительную болгаро-советскую машину по пропаганде болгарских культурных достижений со времен Кирилла и Мефодия до современности. Да и Россия переживает сейчас нелегкие времена и не располагает средствами, достаточными хотя бы для развития собственной культуры. Кроме того, в условиях рыночной экономики она уже не может быть донором для Болгарии и для болгарской культуры даже в случае своего экономического преуспеяния. Думаю, что меры об улучшении положения должны приниматься в первую очередь самой болгарской стороной. Это могут быть такие, например, шаги, как включение в договора о взаимном культурном сотрудничестве пунктов об отделении определенного эфирного времени на информацию о Болгарии в теле- и радиовещании, возобновление деятельности болгарского издательства “София-пресс”, которое публиковало переводы произведений болгарских авторов на русский и другие иностранные языки, и прочие – вплоть до вручения российским туристам бесплатных буклетов со стихами болгарских поэтов (налог размером в один доллар, взимаемый на эти цели за каждого иностранного туриста с владельцев отелей, мог бы освободить болгарскую государственную казну от каких-либо расходов в этом отношении) и т.д. Можно не сомневаться, что собственник отеля всегда сумеет взять со своих гостей на один доллар больше и все будут довольны: и турист, получивший бесплатный красивый буклет, и болгарское государство, государственные расходы которого на популяризацию национальной культуры среди иностранцев не увеличатся, и собственник отеля, для которого ровным счетом ничего не изменится.

Чувствую, впрочем, что незаметно для себя я начинаю вторгаться в сферу культурной политики и поэтому опасаясь быть неправильно понятым. Поэтому должен оговориться – это не идеологическое навязывание каких-либо идей и не некие наказания болгарским государственным деятелям. Это крик души зарубежного болгариста, ужасающегося из рук вон скверным состоянием дел с представлением болгарской культуры в России, чье присутствие у нас, подобно шагреновой коже, сжалось до размеров едва различимого пятнышка. При этом я глубоко убежден, что искусственное сращение военной, торговой и культурной составляющих в некий однородный уродливый сплав, именуемый “внешней политикой”, является характерной чертой тоталитаризма. В условиях демократии как у вас, так и у нас, имеется больше возможностей для использования гибкости и лучшего дифференцированного применения трех составляющих. Китай, например,

который никто в мире не называет демократическим, ведет выгоднейшую торговлю с США – государством, обычно фигурирующим в китайской печати с ярлыком “империалистов”.

Остается только сожалеть, что Болгария не проявила своевременной расторопности и потеряла в лице России огромный рынок для своих сигарет и вина. Полагаю, что табачное производство в стране не отличается сегодня былым процветанием и Болгария теперь не входит в число крупнейших экспортеров пакетированных сигарет. Утратила она и свое высокое место в рейтинге стран-экспортеров бутылированного вина. Но самые большие опасения вызывает у меня нынешнее состояние болгарской культуры и представление ее достижений вне страны. Ведь разрушенные культурные мосты восстанавливаются много медленнее по сравнению с материальным производством и утрата высокого места в мировом культурном макрокосмосе может оказаться непоправимой. Болгарской литературе выгоднее идти вперед вместе с русской под надежной защитой ее языкового посредства даже уже по той причине, что обе они пользуются кирилло-мефодиевскими буквами. Впрочем, некий болгарский журналист недавно охарактеризовал славянскую азбуку как коварную диверсию братьев Кирилла и Мефодия – византийских шпионов из Салоник и призвал болгар отбросить кириллицу и перейти к латинице. Поэтому, молю Господа Бога, чтобы он избавил меня от кошмарного сна, как лет через двадцать встретятся китаец, американец и русский и после вопроса о том, что есть Болгария, китаец не сможет сказать о ней ни слова, а американец и русский начнут между собой спор, причем первый будет твердить, что Болгария была частью Грузии и люди там, разумеется, общаются по-грузински, а второй будет категорично уверять, что Болгария расположена где-то по соседству с Ираном, и ее жители говорят на языке турецком.

С любовью к Болгарии.

Москва–Рожен. 26 августа 2000 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Приложении к докладу публикуются переводы на русский язык текстов посланий, которыми обменялись Президент Республики Болгария Петр Стоянов и проф. И.И. Калиганов после всеболгарского собора в Рожене в 2000 г.

**Президенту Республики Болгария
Петру Стоянову**

Проф. Игорь Калиганов

Глубокоуважаемый господин Президент!

Позвольте мне еще раз выразить свою признательность за теплые слова, сказанные Вами при вручении мне ордена “Стара-Планина” первой степени в августе 2000 г., и подчеркнуть, что Ваше выступление на всеболгарском соборе в Рожене немного позднее произвело большое впечатление на присутствовавших там ученых.

Посылаю Вам свой научный труд “Георгий Новый у восточных славян”, над которым я работал с перерывами более двух десятилетий. Но это не просто жест учтивости, а своеобразное напоминание о тех идеях, которые я стремился провести во время нашего краткого разговора в Президентстве. Как болгарист я очень обеспокоен почти полным исчезновением Болгарии в культурно-информационном пространстве России. И в этом виноваты две стороны.

По моему мнению, культурная политика Болгарии могла бы не зависеть в такой степени от сегодняшней политической и военно-блоковой ориентации страны. Россия не является врагом Европы и НАТО. И упомянутый блок, согласно утверждениям западных политиков, не направлен против России. Поэтому не существует никаких оснований для отдаления болгарской культуры от русской. Содержание моей книги доказывает, что духовные связи между Болгарией и Россией имеют многовековые корни. То же самое относится и к ближайшим соседям Болгарии: Сербии и Греции. Имя Георгия Нового славили (и продолжают славить) не только болгары, но и греки, сербы, русские и украинцы.

Замалчивание фактов подобного рода по причине очередных политических предпочтений будет сужать истинное место Болгарии в культурном ландшафте Европы. А всякая страна, не ценящая и не уважающая истинные масштабы своей культуры, не будет вызывать должную оценку и уважение других стран. Точно так же всякая национальная культура, начинающая искусственно изолироваться от других, ничего не приобретает, а только теряет. Поэтому я посылаю свой научный труд не только как небольшой авторский дар большому государственному политику – мной движет надежда, что эта книга станет поводом к размышлению о будущем болгарской культуры.

24 мая 2001 г.

С Уважением.
Проф. Игорь Калиганов

**Президент
Республики Болгария**

София, 3 июля 2001 г.

Уважаемый профессор Калиганов!

Сердечно благодарю Вас за полученный мной Ваш фундаментальный труд “Георгий Новый у восточных славян”, который я с интересом прочту при первой возможности.

Выражаю Вам признательность за усилия, которые Вы как глубокий исследователь болгарской и других славянских культур прилагали в течение двадцати лет для написания этой книги. Результат просто замечательный!

На меня произвел впечатление наш, хоть и краткий, но содержательный разговор при награждении Вас орденом “Стара-Планина” первой степени – высшей болгарской государственной наградой, и я еще раз благодарю Вас за все, что Вы делаете как болгарист для известности болгарской культуры в России и для углубления научных и культурных связей между двумя нашими странами. Буду рад, если Ваше участие в Роженском соборе прошлым летом было полезным и для Вас.

Разделяю Ваше мнение, что мы никоим образом не должны допустить самоизоляции славянских культур, поскольку они станут наилучшей визитной карточкой в глобализирующемся мире.

Примите мои наилучшие поздравления и пожелания отличного здоровья, личного благополучия и успехов в Вашей благородной работе.

**ПЕТР СТОЯНОВ
ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИЯ**

СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ: КОРНИ И КРОНА*

Отказ от политических, идеологических и духовных ориентиров коммунизма в славянских странах в последние десятилетия XX в. выдвигает на передний план проблему сохранения национальной славянской идентичности. Разрушение прежней системы ценностей и замена ее новой, как правило, не проходит быстро и гладко, а представляет собой мучительно трудный процесс, чреватый различными негативными последствиями. В особенности это касается сферы культуры, которая в XXI в. обретает невиданные прежде возможности для ретрансляции и информационного воздействия на сознание отдельных людей, социальных групп или даже целых народов.

Наблюдающаяся ныне культурная глобализация сопровождается заметным усилением информационной экспансии американской поп-культуры, которая навязывается странам, регионам и всему миру посредством теле и радиовещания и через Интернет. Этот информационный вал представляется крайне опасным для оказавшихся на историческом перепутье славянских народов и их самобытных культур. Последние могут быть попросту стерты с лица земли, и это неизбежно повлечет за собой ослабление инстинкта государственно-политического самосохранения.

Во времена эпохальных перемен и глубоких идеологических кризисов славянские народы обычно обращались к зеркалу своего исторического прошлого. Тема нашего симпозиума “Славянские Культуры: Корни и Крона”, который, можно надеяться, будет проводиться ежегодно, выбрана нами не случайно. В самом его названии кроется множество вопросов, которые для славян сегодня являются животрепещущими: В какие периоды национальной истории славянские народы обращались к собственным национальным корням? Как исторически изменялось и какие формы принимало это обращение?

---

* Этот текст был зачитан в качестве вводного авторского доклада к международному симпозиуму “Славянские Культуры: Корни и Крона”, состоявшемуся 31 мая 2005 г. в Москве.

Почему та или иная форма оказывалась более предпочтительной или самодовлеющей? Когда усвоение “чужого” начинает вредить своему “домашнему” и вместо прибытка приносит убыток? Насколько велика здесь роль характера этого “чужого”? Где в культуре проходит граница между разумным консерватизмом и вредным ретроградством? Чем полезен и чем губителен глобализм культуры?

Проводимый нами симпозиум, конечно, не может (и не ставит перед собой задачу) дать исчерпывающие ответы на эти вопросы. Он призван обозначить векторы славистических исследований, организуемых созданным в ГАСК научным центром “ЭСТРИКА” (СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ: КОРНИ И КРОНА). Доклады литературоведов, лингвистов и культурологов ГАСК, которые прозвучат в нашей аудитории, писались с учетом именно этих векторов и, несомненно, будут способствовать осознанию МЕСТА ТРАДИЦИИ В РАЗВИТИИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР. Эта же тема предлагается к обсуждению во время дискуссии и круглого стола после прочтения докладов.

Разумеется, невозможно дать исчерпывающие ответы на указанные вопросы и в данном докладе. Он представляет собой своего рода объяснительную записку, является попыткой показать, почему славистам нужен центр “ЭСТРИКА” и в какое русло будет направлена его деятельность. Поэтому мне придется еще раз обратиться к тем мыслям, которые уже были высказаны мной в тезисной форме.

Слом идеологемм коммунизма у славян в последние десятилетия XX в. вызвал общественный дисбаланс, породил разброд в умах и длительную смуту. Особенно шатким остается положение в России. Размахивание знаменами демократии, увлекшее опьяненных свободой людей, оказалось лишь отвлекающим маневром, благодаря которому ушлые ловкачи прибрали к рукам природные недра и национальное богатство, созданное трудом многих поколений россиян. Ныне в СМИ много говорится о наступившей в стране стабилизации. Но ведь стабилизация бывает со знаком “плюс” и со знаком “минус”. На мой взгляд, вернее второе. Да и что хорошего в том, что больной пока жив, но состояние его стабильно тяжелое. Коренных сдвигов к лучшему, к сожалению, пока не произошло. С треском провалились все правительственные реформы, растет кричащая разнища между доходами самых бедных и самых богатых россиян, темпы прироста ВВП остаются недопустимо низкими. Рухнут сверхвысокие мировые цены на нефть – и Россия снова будет барахтаться в болотной экономической тине!

Собрав огромный стабилизационный фонд благодаря отличной конъюнктуре цен на энергоносители, Правительство, как Гобсек, не желает

выделить хотя бы ничтожную часть “заначки” для недофинансированных культуры, образования и науки. Более того, госчиновники келейно готовят реформирование образования и науки, главный смысл которого состоит в освобождении Правительства от ответственности за их развитие и сокращении на них бюджетных ассигнований. Реформирование предусматривает значительное уменьшение числа вузов и академических институтов, что создает угрозу существованию ГАСК и Институту славяноведения РАН.

Указанную угрозу нельзя недооценивать: возможно, она станет реальной, потому что имеются силы, готовые привести ее в действие. Не следует забывать, что среди 150 миллионного населения России присутствует немалая прослойка людей, желающая распада России. Ее составляют:

а) олигархи и коррумпированные чиновники, наворовавшие миллиарды, сотни или десятки миллионов долларов и укрывшие их за рубежом во избежание конфискации; им выгоден распад России как государства – после этого исчезнет юридический истец, могущий потребовать от них возврата награбленного;

б) часть российской еврейской диаспоры, породнившаяся с Америкой и Израилем через эмиграцию своих родственников и относящаяся к некогда приютившей их России как к нелюбимой мачехе; “диаспориты” с такой ментальностью жаждут стать надсмотрщиками над туземцами распавшейся страны, разумеется, если самим не удастся превратиться в колонизаторов, подсуевившись во время распада;

в) национальные сепаратисты различного толка, снедаемые неудовлетворенной жаждой власти и грезящие стать местными царьками;

г) многочисленные глобалисты – русские по происхождению “космополиты”, перебравшиеся за границу, считающие государство и национальные интересы помехой для своего большого бизнеса.

Представителям этой прослойки ненавистно все, что способствует усилению приходящей в себя после обвала России: укрепление российской армии, консолидация государственнообразующего русского народа на основе православия, рост патриотизма среди молодежи, пробуждение интереса к национальным корням и культурным традициям. Они топчут в СМИ нашу армию, глумятся над Русской Православной Церковью, поливают грязью молодежь, издеваются над русской культурой, совершают вивисекцию над русским языком, насаждая лексикон базарных торговков и попсовых тусовок, разжигают самые низменные пороки и инстинкты, сеют национальную и религиозную рознь, сталкивают лбами славянские народы. И все это под лицемерными лозунгами борьбы за демократию и плюрализм мнений!

При этом ими широко используется демагогия, передергивание, словесное “наперсточничество”. Вот вам пример! Все мы не раз слышали сакраментальную фразу “Патриотизм – последнее прибежище негодяев!” Она подсовывается нам наперсточниками как непререкаемый приговор патриотизму. Но ведь если принять такое толкование, то получится, что Америка и Израиль – страны, сплошь населенные негодьями, ибо патриотизм там поголовный: американские старушки каждое утро поднимают на мачте перед своим домом государственный флаг, а израильские девушки с удовольствием идут служить в национальную армию. На самом же деле, упомянутая фраза имеет совсем другой смысл: патриотизм – это нечто настолько большое и чистое, что за ним порой не углядишь даже черной души негодяя! Вот почему и пытается негодяй им прикрыться, когда все остальные средства уже исчерпаны. Другой пример передергивания: манипулируя понятиями, наперсточники настойчиво выстраивают в нашем сознании ложное тождество “патриот= националист= шовинист= фашист”, прекрасно понимая при этом, что без народного патриотизма России ни за что не подняться.

Они действуют словно вражеские пропагандисты в военное время, ведя против нас настоящую информационную войну. Их цель растлить и деморализовать россиян, подавить их волю к победе, ослабить инстинкт жизни. В СМИ целенаправленно рисуется искаженный облик “чернушной” России, в которой матери оставляют младенцев в мусорных баках, а дети “заказывают” киллерам своих родителей, школьники убивают одноклассников, умирают от передозировки наркотиков и кончают жизнь суицидом, мужики и бабы без конца травятся паленой водкой, а новобранцы расстреливают насилующих их “дедов”, игумены в православных монастырях лютуют почище сержантов в казарме, артисты – сплошь “голубые” и прожженные дельцы, а госчиновники – все без исключения коррупционеры и взяточники. И повсюду – пьянство, грязь, секс, деньги, насилие, ложь, предательство, подлость! Человеческие пороки всегда имели и будут иметь место в любой стране и в любом человеческом обществе. Обнажать их нужно, но для обличения, а не уверения, что такова сама жизнь, и она у нас не изменится. За всем этим слышится мстительное приговаривание наперсточников: растлевайтесь, безразборно совокупляйтесь, травитесь суррогатной водкой, спивайтесь от безработицы и нищеты, пусть родители убивают детей, а дети родителей, пусть девушки становятся путанами, а юноши убажают педерастов, не рожайте и не воспитывайте детей, уходите добровольно из жизни, чем меньше вас будет, тем лучше – тем проще будет вами управлять. А природные ресурсы на очищенной от вас “территории” смогут добывать дешевые руки из Средней Азии и Кавказа!

Прослойка давно уже сбилась в организованную “пятую” колонну. Ее представителям нет необходимости принимать общие устав и программу, в нем не обнаружишь и следа от пресловутого ЖМЗ (жидомасонского заговора). Они понимают друг друга с полуслова и объединены общей целью: привести Россию к распаду. Они действуют изоэщенно, прикрываются благими целями и стараются прямо не нарушать закон, вероятно, справляясь у юристов как можно безнаказанно нагадить, напакостить, навредить. Давайте вспомним, как будучи секретарем Совета Безопасности РФ, олигарх Борис Березовский платил чеченцам миллионы долларов из своего (фактически, из вывернутого им нашего) кармана, выкупая у них плененных людей. Вроде бы благая цель – спасение невольников от казни! Но ведь платить деньги категорически было нельзя – армия боевиков приобретала на них оружие, и масштабы работорговли после полученных ими выкупов только увеличивались. Или давайте вспомним, как наши “пятоколонники”- журналисты услужливо подсказывали террористам удобные для терактов объекты, притворно ужасаясь тому, что вентиляционные заборы воздуха в метро совсем не охраняются, как и коллекторы, через которые в метротоннели легко проникнуть незамеченным. Или до чего же злобно травят такие писаки союзную нам Беларусь, рядясь в одежды борцов против лукашенковской “тирании”. Можно подумать, что Беларусь – это один Лукашенко! Борьба, действительно, ведется, но цели у нее совсем иные.

Не приходится сомневаться, что такие учреждения как Институт славяноведения РАН и Государственная академия славянской культуры ненавистны “прослойке” уже из-за одних своих названий. Еще большую ярость, наверняка, вызывает характер их деятельности. Я не стану останавливаться здесь на работе Исл РАН, а лишь кратко напомним о том, чем занимается ГАСК. Она существует 14 лет, за которые постепенно все более выпукло очерчивается место, занимаемое ею среди российских научных и образовательных центров славистики. ГАСК не может и не ставит перед собой задачу дублирования работы Института славяноведения РАН или кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ. Сравнение с ними ГАСК было бы некорректным, тем более что у нее имеются свои собственные достоинства и отличительные признаки:

1. Она является ярчайшим примером устойчивой связи между высшей школой и академической наукой. Ученые РАН сотрудничают со многими вузами страны, но ни в одном из них нет такого широкого их представительства. В качестве ее преподавателей выступают известные ученые из академических институтов славяноведения, русского языка и философии. В этом можно легко убедиться, войдя в сайт ГАСК в Интернете;

2. Усваивая положительный опыт кафедры славянской филологии филфака МГУ, ГАСК не стремится копировать ее работу. Мы рассматриваем славянскую филологию не как некую самодостаточную ценность, а как часть единого сплава славянской культуры. Помимо филологического факультета славянской составляющей придается огромное значение и на факультетах культурологическом, изобразительного искусства, музыкального исполнительства, психологическом и в театре танца. Здесь наряду с изучением славянских языков преподаются такие славистические дисциплины, как введение в славянскую филологию, фольклор и этнография славянских народов, история культур славянских народов и история страны изучаемого языка;

3. Действенным инструментом, при помощи которого славянская составляющая интегрируется в процесс обучения студентов указанных факультетов, служит созданный в ГАСК межфакультетский Творческий центр. В нем наши студенты, будущие музыканты, художники, певцы или танцоры, обучаются песням и танцам славянских народов, знакомятся с их изобразительным искусством, создают картины со славянской тематикой во время творческих командировок в славянские страны;

4. Именно здесь и кроется принципиальное отличие ГАСК от других вузов, где преподается славистика. Она не просто обучает студентов славянским культурам в самом широком смысле этого слова (славянские языки, фольклор, музыка, изобразительное искусство и т.д.), не просто способствует “потреблению” славянских культурных ценностей, а выступает их активным репродуктором или даже полнокровным создателем. Следует подчеркнуть, что деятельность Творческого центра не есть функционирование кружка самостоятельности вузовских студентов-славистов, а работа с подрастающими мастерами своего дела. Именно эти, вышедшие из ГАСК, профессиональные певцы, художники, танцоры и музыкальные исполнители смогут быть хранителями славянских культурных традиций, не давая оттеснить их на периферию.

Исполнение данной задачи и есть главный смысл существования ГАСК, и она с ней успешно справляется. Об этом свидетельствуют многочисленные призы, завоеванные нашими студентами на различных международных и отечественных конкурсах, неоднократное награждение ГАСК грамотами ЮНЕСКО, Славянского фонда культуры, Правительства Москвы, Министерства образования РФ и других международных, государственных и общественных организаций и учреждений. Ее огромный авторитет подтверждают проведение 9-ти Международных ассамблей ректоров славянских университетов и IX-ти этапов международной творческой миссии “Юность славянского мира” (проведение очередного X-го этапа миссии подготавливается ныне в Иерусалиме).

Усилиями ГАСК осуществляется выпуск уникального трехтомного издания “История культур славянских народов” (изданы I-й и II-ой тома, подготавливается том III-й). На очереди – создание учебников с одноименным названием для вузов и школ.

Работа ГАСК приобрела бы еще большую масштабность и эффективность, если бы она обладала зданием, приличествующим ее международному авторитету, и удобными для работы помещениями. Много лет длится хождение руководства ГАСК по инстанциям с целью получения нового более просторного, представительного здания. Безрезультатно! Академия по-прежнему ютится в маленькой трехэтажке бывшего детсада, за которую стыдно перед иностранными гостями – учеными и работниками посольств. Сейчас в канун реформы образования и сокращения неэффективно работающих вузов возникает реальная возможность получения ГАСК более достойного и более вместительного здания из числа освобождающихся.

Но давайте возвратимся к нашей основной теме. Думаю, что аудитории ясна актуальность симпозиумов с подобной тематикой. Они важны не только для России, но и для других славянских стран, в том числе вступающих в ЕС. Мировое сообщество не будет уважать любую страну, не ценящую свои собственные культурные традиции. ЕС станет рассматривать такого новичка как туземный заповедник бескультурия и дешевой рабочей силы. Хочу подчеркнуть и другое. Будущие симпозиумы должны носить сугубо научный, академический характер, свободный от политической пристрастности или газетно-журнальной полемичности. Они будут открытыми для славистов всех стран и должны проводиться не ради проповеди идей панславизма или формирования неких общественно-научных движений. История славянофильства XIX в. показывает, что подобные движения постепенно приобретают ярко выраженную политическую направленность. Их время кануло в Лету, и любые попытки возродить их сегодня окажутся тщетными.

Кредо славянофилов начала III-го тысячелетия, по моему мнению, – это любовь к славянским культурам, славянской ментальности и славянской духовности. В этом смысле дефиниция “славянофильство” имеет такое же значение, как и понятие “филология” (любовь к слову), и было бы странным, если бы кто-либо из славистов – специалистов, изучающих историю, языки и культуру славян, не любил бы предмет своего исследования. Таким ученым лучше сменить профиль работы и начать заниматься другим делом. Любовь к предмету научных разысканий предполагает наличие у слависта заботы об изучении, сохранении и поддержании славянских культурных традиций. Поэтому можно надеяться, что число иностранных участников ежегодного симпозиума “Славянские культуры: Корни и Крона” будет год от года расти, также как и его международный научный авторитет.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ “СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ: КОРНИ И КРОНА”

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ

Участники симпозиума пришли к единодушному выводу о чрезвычайной важности поддержания славянских культур в наше время – период национальной истории славян, отмеченный сменой идеологических парадигм и разрушением прежней системы ценностей, убыстряющейся культурной глобализацией и появлением новых технологий для ретрансляции массовой поп-культуры. В противном случае национальные культуры славян могут быть попросту стерты с лица земли.

По мнению участников симпозиума, перспектива сотрудничества между славянскими странами напрямую связана с сохранением немногих, успешно развивающихся научных и вузовских центров, которые являются ключевыми в сохранении культурного, научного и образовательного пространства славянского мира. К этим центрам в России относятся прежде всего Институт славяноведения РАН и Государственная академия славянской культуры – единственное государственное образовательное учреждение, специализирующееся в этой области и обладающее сильным научным потенциалом.

Принимавшие участие в симпозиуме ученые также считают, что информация о симпозиуме, о прозвучавших на нем докладах и обсуждении острых проблем развития современного славянского мира должны быть доведены до представителей властных структур, до широкой общественности, до широких слоев населения. Полагаем, что славянская идея может сыграть положительную роль в процессе усиления осознания национальной идентичности трети населения Европы.

Целесообразным видится проведение международных симпозиумов “Славянские Культуры: Корни и Крона” ежегодно.

СПРАВКА О ПОМЕЩЕННЫХ В СБОРНИКЕ МАТЕРИАЛАХ

Некоторые черты литературного общения болгар, русских и сербов в эпоху Средневековья опубликовано: Литературные связи. Литературный процесс. М., 1986. С. 189–211.

Несколько соображений о методике изучения болгаро-сербско-русских средневековых литературных связей опубликовано: Старобългарска литература. Кн. 18. София, 1985. С. 58–73.

Историко-литературные проблемы южнославянского влияния на Руси опубликовано: Славянские литературы. X Международный съезд славистов. София, сентябрь, 1988. Доклады советской делегации. М., С. 51–66.

Вопросы поэтики древнеболгарской литературы и литературные связи опубликовано: Функции литературных связей. На материале славянских и балканских литератур. М., 1992. С. 120–130.

Литература православного славянского Средневековья в трудах российских ученых за 1993–1994 гг. (Обзор содержания и критические замечания) опубликовано: Recherche Slavistique. Vol. XLIII. Roma, 1996. P. 467–492.

Болгаро-русские литературные связи эпохи Средневековья (Критический обзор мнений и задачи изучения) опубликовано: Славяноведение. № 2. М., 1998. С. 27–45.

Регионализм в древних литературах ареала Slavia Orthodoxa (Вопросы терминологии и методологии исследований) опубликовано: Литература, культура, фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов (Любляна, 2003). Доклады российской делегации. М., 2003. С. 15–26.

Тысячелетние традиции болгарской литературы опубликовано: Родник Златоуструйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков. М., 1990. С. 3–34.

Жанры в болгарской литературе IX–XII вв. опубликовано: Развитие прозаических жанров в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 7–37.

Размышления о македонском “срезе” палеоболгаристики опубликовано: Македония: Проблемы истории и культуры. М., 1999. С. 32–45.

Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы опубликовано: Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное Возрождение. М., 1982. С. 171–205.

Типологические особенности балканских мучеников в XV–XVIII столетиях опубликовано: Герменевтика древнерусской литературы. XVI – начало XVIII века. М., 1989. С. 126–137.

Поэтика балканских мучеников конца XV – начала XIX в. опубликовано: История. Культура. Этнология. Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы (Салоники, сентябрь 1994). М., 1994. С. 155–167.

Книги московской печати XVII в. в библиотеке Рильского монастыря опубликовано: Славянский альманах 1997. М., 1998. С. 281–288.

Из истории болгарской литературы и культуры (Основные черты литературной жизни первых десятилетий XIX в.) опубликовано: Славянские литературы в процессе становления и развития. От древности до середины XIX в. М., 1987. С. 291–312.

Болгарская культура эпохи национального Возрождения подготовлено для “История культур славянских народов”. Т. II. От барокко к модерну. М.: ГАСК, 2005. С. 544–580.

Вена в судьбе и творчестве болгарских писателей последних десятилетий XIX – середины XX в. опубликовано на немецком языке: Wien im Leben

und Werk bulgarischer Schriftsteller von der Jahrhundertwende bis zur Mitte des 20. Jahrhunderts // Wien als magnet? Schriftsteller aus Ost-, Ostmittel- und Südosteuropa über die Stadt. Hrsg. Gertraud Marinelli-Künig, Nina Pavlova. Wien, 1996. S. 491–513.

Малоизвестные страницы из “неровного” творчества Антона Страшимирова 10-х–20-х годов XX в. опубликовано: Первая мировая война в литературах и культуре западных и южных славян. М., 2004. С. 408–431.

Национальная история в романах Димитра Талева написано в качестве доклада для Международного симпозиума “Славянские Культуры: Корни и Крона” (Москва, 31 мая 2005 г.).

Культура средневековой Сербии опубликовано: “История культур славянских народов”. М., 2003. Т. I. С. 158–210.

Конец ордынского ига и немеркнувший свет Куликова поля – лекция, произнесенная перед студентами и преподавателями Государственной академии славянской культуры 3 июля 2005 г. перед посещением Куликова поля.

Изменение культурного ландшафта на территории бывшего СССР (современная ситуация, дезинтегрирующие и интегрирующие факторы, возможные сценарии) опубликовано на немецком языке: Die Veränderung der Kulturlandschaft in der ehemaligen UdSSR (gegenwärtiger Zustand, desintegrierende und integrierende Faktoren, mögliche Perspektiven) // Veränderungsprozesse in den Literaturen und Kulturen Osteuropas (der ehemaligen UdSSR). Hrsg. von R.-D. Kluge. Skripten des Slavischen Seminars der Universität Tübingen, Nr. 31. Tübingen, 1997. S. 25–42.

О роли Русской Православной Церкви в строительстве новой России опубликовано: Научно-богословские труды по проблеме православной миссии. Белгород, 1999. С. 286–288.

Не останется ли Россия без Ивана Вазова в XXI в.? и Приложение опубликованы: Славянский альманах, 2003. М., 2004. С. 419–429.

Славянские Культуры: Корни и Крона – пленарный доклад, зачитанный на Международном симпозиуме “Славянские Культуры: Корни и Крона” в Москве 31 мая 2005 г.

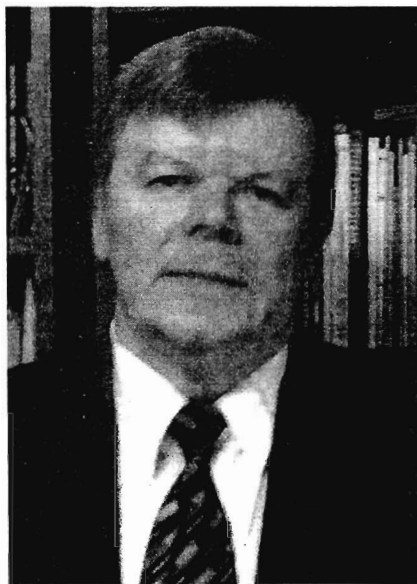
КАЛИГАНОВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ –

родился 1-го марта 1946 г. в Ленинграде в семье военного преподавателя, летчика ВМС. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета (1970) и аспирантуру при Институте славяноведения и балканистики АН СССР в Москве (1975), в котором работает и поныне, пройдя путь от младшего до ведущего научного сотрудника. Защитил кандидатскую (1976) и докторскую (1998) диссертации. Филолог-славист, специализируется в области истории литератур и культур славянских народов ареала *Slavia Orthodoxa* IX–XX вв.

Стажировался в Болгарии, Австрии и США. Автор двух книг (“Родник Злато-струйный. Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков”. М., 1990 (в соавторстве с Д.И. Польшанским); “Георгий Новый у восточных славян”. М., 2000) и более 110 других работ, в том числе свыше 30 докладов на международных форумах в России, Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, Греции, Словении и Украине.

Составитель словника статей по истории церквей Болгарии, Сербии и Македонии для Православной Энциклопедии и словника статей по истории и культуре Болгарии для Большой Российской Энциклопедии. Первый лауреат возрожденной Макариевской премии (1997), кавалер ордена “Стара-Планина” I степени (2000) – высшей государственной награды Болгарии для иностранцев, присуждаемой по указу президента страны. Член двусторонней комиссии историков России и Болгарии, член Правления “Союза друзей Болгарии”.

Более четверти века по совместительству читает лекции, ведет спецкурсы и семинары в МГУ им. М.В. Ломоносова, Институте русского языка им. А.С. Пушкина, Дипломатической академии МИД РФ, МГИМО и Государственной академии славянской культуры (ГАСК). Прошел путь от преподавателя до доцента (1992), профессора (1999), зав. кафедрой славянских языков и культур и декана филологического факультета ГАСК (с 2004). Выступал с циклами лекций в качестве гость-профессора в Италии, Болгарии, Чехии и Словакии. Директор и основатель научно-исследовательского центра “Славянские Культуры: Корни и Крона” при ГАСК (2005), главное внимание которого сосредоточено на прослеживании роли традиции в развитии славянских культур и их экологии в стремительно глобализирующемся мире.

УКАЗАТЕЛИ

В Указателях приняты следующие сокращения: австр. – австрийский, австрийская; ап. – апостол; арх. – архангел; архиеп. – архиепископ; архим. – архимандрит; архит. – архитектор; афон. – афонский; библи. – библейский; болг. – болгарский, болгарская; босн. – боснийский; валаш. – валашский; вел. – великий, великая; венг. – венгерский; виз. – византийский, византийская; власт. – властитель; вмч. – великомученик; воев. – воевода; военач. – военачальник; г. – город; гер. – германский; гос-во – государство; греч. – греческий; гр. – граф, графиня; десп. – деспот, деспотица; диплом. – дипломат; египет. – египетский; еп. – епископ; жит. – житие, жития; иг. – игумен; иером. – иеромонах; изд. – издатель; иконопис. – иконописец; имп. – император, императрица; итал. – итальянский; кирилломефод. – кирилломефодиевский; княж. – княжество, княжеский; кн. – князь, княгиня; книжн. – книжник; кнн. – князья; кор. – король, королева; кор-ич – королевич; куп. – купец; макед. – македонский; мец. – меценат; митр. – митрополит, митроп. – митрополия; миф. – мифологический; молд. – молдавский; мон-рь – монастырь; мон. – монах, монахиня; моск. – московский; новгор. – новгородский; о. – остров; обл. – область; основ. – основатель; патр. – патриарх; перевод. – переводчик; первомч. – первомученик; первопеч. – первопечатник; печат. – печатник; писат. – писатель; п-ов – полуостров; польск. – польский; похв. – похвала, похвальный; пресв. – пресвятой, пресвятая; проп. – проповедник; прор. – пророк; проф. – профессор; римск. – римский; рус. – русский, русская; с. – село; св. – святой, святая; свв. – святые; свящ. – священник; серб. – сербский, сербская; слав. – славянский; соф. – софийский; сред. – средневековый; сул. – султан; татар. – татарский; укр. – украинский; уч. – ученый; ученая; феод. – феодал, феодальный; фольк. – фольклор, фольклорный; хиланд. – хиландарский; хорв. – хорватский; худ. – художник; швейцар. – швейцарский; ц. – церковь; южнослав. – южнославянский; языч. – языческий.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

- Аарон, комитопул 210
Абегян М. 67
Абилев А.К. 486
Авалиани С.А. 80
Аверинцев С.С. 69, 75, 160
Аверкий, серб. мон., книжн. 423
Аввакум, протопоп 96–97, 123, 130, 139, 142, 232, 248–249, 256, 312
Авраам, библ. персонаж 197
Авраамий Ростовский, св. 97
Авраамий Чухломской, св. 90
Адам, библ. персонаж 155, 158, 196, 199, 234
Адам, суконщик 479
Аджи Мурад 489–490, 494
Адриан II, римск. папа 186, 407
Адрианова-Перетц В.П. 50, 88, 104
Аидин-паша, тур. феод. 248
Акилина Ардамеритская, св. 263, 274
Аксений, св. 274
Аксиох 106
Александр Дервиш, св. 273
Александр Македонский 120, 129, 175, 179, 288
Александр Невский, св., кн. 80, 89, 97, 468
Александр II, рус. имп. 383
Алексеев А.А. 107
Алексеев М.П. 75, 142
Алексей, митр. моск. 462
Алексей, серб. иконопис. 455
Алексей человек Божий, св. 287, 292–294, 300, 314, 458
Алексий II, патр. моск. 508
Алибег Анжелович, тур. власт. 435
Альберт Кранц, хронист 478
Альтенберг Петер 354
Альшиц Д.Н. 80
Амосов А.А. 35, 49
Анаксагор 302
Анастасий Александрийский 177, 200
Анастасий, иером., св. 262, 274
Анастасий Синаит 177
Ангеларий, кирилломедод. ученик, св. 157
Ангелина Бранкович, св. 421
Ангелис, св. 259, 261, 269, 274
Ангелов Б.С. 29, 51, 130–131, 205, 207, 254–255, 265, 275–277, 281
Ангелов В. 345
Ангелов Д. 207
Ангелов Х. 322

Андреаш, кор-ич 454
Андреев В. Д. 346
Андреев Леонид 377, 384
Андрей ап. 183, 354
Андрей, вел. эконом, греч. писат. 259
Андрей Критский, писат., св. 73, 420
Андрей Курбский, кн., писат. 80, 82, 232
Андрей Ольгердович, кн. Полоцкий 476
Андрей (в иночестве – Родион) Ослябя 473, 477
Андрей Пир, гимнограф 73
Андрей Рублев, худ., св. 469
Андрей Тотемский, св. 100
Андрей Юродивый, св. 102
Анна Ависсокская, св. 263, 274
Анна, бабушка Ивана Грозного 462
Анна, виз. принцесса 107
Анна (и Иоаким), св. 442, 451
Анна Кашинская 94
Антей, мифолог. герой 375
Антоний Великий, св. 177, 189
Антоний Печерский, св. 13
Антоний Рафаил, серб. писат. 415
Априлов Васил, мец. писат. 285, 292–294, 296, 301, 305, 315, 317, 319
Аргира Бруская, св. 263, 272
Аристотель 139, 153, 160, 180, 302
Армстронг Д. 204
Арнаутов И. 365
Арнаутов М. 307, 346
Арсений, архиеп. серб. св. 412, 449–450, 463
Арсений, еп. Тверской, св. 413, 467
Арсений IV, серб. патр. 281
Арсений Черноевич, патр. Печский 405–406, 423
Архангельский А.С. 204
Асеев Николай, поэт, перевод. 514
Асень, болг. феодал, царь 158, 178, 297, 328, 339
Аспарух хан 193, 339
Атанасов Алексей, изограф 340
Атанасов П. 119, 130, 255, 276, 278–279, 281–282, 307
Аттила 489
Афанасий Икийский, св. 262, 272
Афанасий книжн. 15
Афанасий Мунтанский, св. 259
Афанасий, митр. 80
Афанасий, серб. дьякон, писат. 422
Ахиллий, св. 440
Ахмед Калфа, св. 264
Ахмед, татар. хан 481

Баба-Новак, серб. воев. 436
Бакалов Г. 367
Балабанова В. 365–366
Балдуин (Бодуэн) Фландрский, имп. 158
Балша III, серб. феод. 403
Балшич, зетский феод. 419
Балшичи, серб. феод. род 402
Балчев В. 307
Бальзак Оноре де 511
Банк А.В. 128
Банович Секула, серб. фольк. персонаж 428
Банович Страхиня, серб. фольк. персонаж 428
Бар Герман 354, 359
Баранкова Г.С. 45, 50, 131
Баранович Лазарь 424
Бари Ильза 365
Баттенберг Александр, болг. кн. 348, 383, 512
Батый, татар. хан 468
Бахмайер П. 364–365
Баязид, тур. сул. 402
Бегич, татар. воев. 471
Бегичев И., стольник 96
Бегунов Ю.К. 41, 49–50, 207, 254, 475, 478
Беер Л. 366
Белинский В.Г. 327
Бельчиков Н.Ф. 49, 254
Бенедикт Нурсийский, св. 175
Берг Н. 463
Березовский Б., олигарх 524
Бернштейн С.Б. 67
Берон Петр 283–285, 292, 294, 301, 314, 318, 339
Бессонов П.А. 321
Бетховен 358
Бибииков М.В. 111, 129
Бирнбаум Х. 129
Бисмарк, гер. канцлер 376
Благоев Д. 239
Блысков Илия 324
Бобров А.Г. 86–90, 102
Богдан, протовестиарий 444
Богданов М. 81
Богданович Д. 29, 49, 412, 415, 463
Богоров Иван 253, 292–293, 317, 320
Богородица 158, 183, 197, 287, 297, 305, 314, 316, 328–329, 333–334, 336, 338, 342, 413, 416, 419–420, 439–440, 442–443, 448, 451–453, 455, 457, 459
Бодянский О.М. 205
Боева Л.И. 203–204, 255

Божидар Вукович, южнослав. первопеч. 426
Божидар Горажданин, южнослав. первопеч. 426
Божилов И. 207
Божков А. 255, 346
Божков С. 365
Бойка, гайдутка 323
Боккаччо 160
Болотов А.Т. 81
Большакова Т.Ф. 96
Бончев Нешо 320, 326
Борил, болг. царь 159
Борис I болг. кн. 54–55, 72–73, 107, 146–148, 170, 173, 185, 191, 193, 206, 297, 339
Борис II, болг. царь 156, 210
Борис, рус. кн., св. 27, 63, 78, 97, 117, 202, 409, 459
Борис Константинович, кн. Нижегородский 472
Бородай Ю. 496, 500
Бородкин Л.И. 44, 51, 78, 102, 124, 130
Ботев Христо 320, 322–323, 326, 346
Бояджиев Димитр 364
Бранк, серб. кн. 56
Бранковичи, серб. династия 416, 420, 421–422, 425, 430, 434, 461
Братке Е. 87, 103
Бубнов Н.Ю. 49
Буганов В.И. 51
Будда 158
Бужинский Гавриил, укр. историограф 238
Буланин Д.М. 104, 112, 128
Булат-Темир, татар. воев. 471
Булгаков (Макарий, митр.) 60, 67
Булгарис Евгений 313, 333
Бурбулис Г. 499
Бусилов Г. 305
Бычков В.В. 70, 75–76
Вазов Иван 5, 10, 364, 367, 377, 379, 509–515, 530
Ван-Вейк Н. 204
Варлаам Калабрийский 160
Варлаам, серб. писец 423
Варлаам, старец 158, 200
Варлаам Хутынский, св. 13, 462
Варух, прор. 22, 158, 196, 198, 234
Василев С. 364
Василева Е., актриса 327
Василиев А. 346
Василий I, вел. кн. 481
Василий I, виз. имп. 407
Василий II (Болгаробойца), виз. имп. 60, 107, 156, 214
Василий III, вел. кн. 19

Василий-Варлаам, писат. 80, 126
Василий Великий 7–71, 139, 151, 173, 175, 177, 180, 182
Василий Дмитриевич, вел кн. 477
Василий, еретик 22
Василий Калика 97
Василий, сын нижегородского кн. 479–480
Васкидович Эмануил 285–286, 291–292, 297, 314–315, 318
Вейнгартнер Феликс, австр. дирижер 356
Велев Н. 360
Велес, язык. бог 146
Величков Константин 377, 379
Велков И. 360
Велчева Б. 49
Вельтман А.Ф. 318, 339
Венедиктов Г.К. 307
Венелин Ю.И. 120, 130, 292, 296, 303, 305, 307, 316, 318, 321
Венецианов А.Г., худ. 340
Венковы, династия худ. 336
Венцлович Гавриил Стефанович, серб. книжн., перевод., писат. 424
Вергилий 302
Верлен Поль 358
Веселинов Б. 362
Веселовский А.Н. 30
Вздорнов Г.И. 29
Видосава, супруга серб. десп. Вукашина 444
Виктор, иг. хиланд. 459
Вилджан Антон 355–356
Виноградов В.В. 42, 50, 97, 205
Виноградова В.Л. 51
Виссарион, серб. книжн. 423
Вит, архит. из Котора 440
Вит, св. 431
Витановы, династия худ. 336
Витович О. 495
Вишанов Тома, иконопис. 336–337
Вишнич Филипп, серб. сказитель 438
Владимир, рус. кн., св. 57, 79, 107, 117, 202
Владимир Андреевич, кн. Серпуховской 473, 479–480
Владимир Зетский, кн., св. 57, 61, 408
Владимир Мономах 65, 122, 130, 139, 142
Владимир-Расате, болг. кн. 55, 147–148
Владимир Ярославич, кн. 79
Владислав, серб. кор. 412, 440, 449
Владислав III, польск. кор. 403
Владислав Грамматик, южнослав. писат. 22, 167, 222, 224, 228, 255, 277, 296, 419
Властимир, серб. кн. 399
Власто А. 128

Водов В. 79
Воислав, серб. кн. 400
Войников Добри 327–328
Волосатый Андрей, оружейник 476
Воробьев Л. 346
Всеволод Ярославич, кн. 80, 107
Вук Бранкович, серб. феоd. 402, 431–432
Вук Огнезмиy, серб. фольк. персонаж 428
Вукан, серб. жупан., кн. 135, 400, 440, 448, 460
Вукашин, серб. десп. 165, 402, 423, 429, 433, 438, 441, 444, 454
Гавриил архангел 81, 183
Гавриил, архиеп. серб., св. 262–263
Гавриил, архим. серб. 286
Гавриил Лесновский, св. 334
Гавриил, канонарх, св. 259, 262
Гавриил, конст. патр., св. 264
Гавриил поп, иконопис. 457
Гавриил Троицанин, писец 459
Гаврюшина Л.К. 29, 51, 463
Гайдар Е.Т. 490, 497, 499
Гандев Х. 236, 254
Ганзак Е. 205
Гауптман Г. 375–376
Гачев Г.Д. 221, 284
Гейне Г. 361
Гекторович Петар 430
Геннадий Схоларий, греч. патр. 233
Генчева П. 49
Георгиади, куп. 330
Георгиев Л. 365
Георгиев Э. 205, 207, 213, 219, 254
Георгий Амартол 179, 315
Георгий Бранкович, серб. кн. 403, 416, 418, 421, 447
Георгий Бранкович, граф, дипломат, пер., писат. 424
Георгий вмч. 24, 39, 67, 183, 235, 262, 272, 329, 343, 440, 442, 458
Георгий, иконопис. 458
Георгий Магнисийский, св. 261
Георгий-Максим, архиеп. серб. 421
Георгий, мастер 330
Георгий, милешевский иконопис. 449
Георгий Митрофанович, худ. 458
Георгий Новый, св. 39, 40, 50, 86, 103, 118, 126, 169–170, 222, 226–230, 232–234, 247, 256, 258–259, 267–269, 274, 298, 451, 459, 518–519
Георгий Одринский, св. 227, 258, 260–261
Гергий Писида 180
Георгий Скилица, виз. писат. 157, 191, 296
Георгий Хировоск, писат. 26, 177, 205

Георгий, хиланд. мон., иконопис. 449
Гераклитов А.А. 53, 103
Герз-Еляз, тур. военач. 435
Геров Найден 285, 293, 296, 305, 319–322, 336, 340, 364
Геродот 302
Герос 147
Гете Иоганн Вольфганг 361, 429
Гефтер М.Я. 491, 493–494, 499
Гизель-Гезлингер, барон 355
Гика Григорий, кн. 286
Гильфердинг А.С. 189, 206
Глеб, кн., св. 27, 63, 78, 97, 117, 409, 459
Глинка С.Н. 90
Гобл П. 497
Гоголь Н.В. 325, 377, 513
Гомер 302
Гонорий III, римск. папа 400
Гончарова Н. 137
Горазд, кирилломефод. ученик, еп., св. 157
Городецкий С., поэт, перевод. 514
Горский А.И. 29
Гофмансталь Г. 354
Гранстрем Е.Э. 205
Григорий, валаш. митр. 286
Григорий, митр. 227
Григорий, серб. мон., иконопис. 454
Григорий, серб. писец 423
Григорий, чудотворец 183
Григорий римск. папа 175
Григорий VII, римск. папа 408
Григорий Акиндин, еретик 160
Григорий Богослов 54, 151, 161, 173, 180, 186
Григорий Младший, афон. исихаст 414
Григорий Нисский 177, 180
Григорий Палама, св. 160
Григорий Пелшемский, св. 90
Григорий Пресвитер, болг. книжн. 174, 204
Григорий Синаит, св. 160, 168
Григорий Синаит Младший, исихаст, св. 417
Григорий Суздальский, книжн. 122
Григорий Цамблак, мон. митр., писат. 16, 19–21, 23, 29, 31, 49, 103, 121, 130–131, 162, 164, 167, 222–223, 226, 254, 417–418, 420, 457, 487
Григорович В.И. 207, 256, 279, 282, 306, 316, 512
Гримм Якоб 429
Груев Иоаким 318
Груица чадушко, южнослав., фольк. персонаж 436
Груич Р. 219

Грюнангер Ф., австр. архит. 349
Гудзий Н.К. 30, 106, 128, 226, 254
Гунчев Г. 387
Гуськова Е.Ю. 388
Гутенберг И. 242
Гылыбов И. 254
Гылыбов К. 254, 358, 365
Гюго Виктор 377, 513–514
Гюзелев Б. 67
Гюрг Бранкович, серб. феод. 268
Гюрджи-паша, тур. феод. 249
Гюрова Е. 335
Давид, комитопул 210
Давид, мец. 298
Давид, серб. изограф 456
Давидов А. 43, 49, 121, 130, 254
Дали Сальвадор 371
Дамаскин Студит, греч. проп., писат. 119, 168, 232, 251
Дамиан, св. 43, 453, 459
Дамиан Югович, серб. фольк. персонаж 432
Дамянов Благой, худ. 338
Дамяновы, династия худ. 337
Даниил Галицкий, кн. 98
Даниил, иг. 13, 202
Даниил, иг., мон-ря Милешева 426
Даниил, книжн. 234
Даниил, прор. 198–199, 202, 288, 409, 450
Даниил Переяславский, св. 80
Даниил Черный, иконопис. 469
Данила I Баньский, серб. архиеп. 41
Данила II, серб. архиеп., писат., св. 412, 417, 442
Данила III Баньский, серб. архиеп., писат. 416
Данила, иконопис. 459
Даничич Д. 464
Данов Христо, изд. 349–350
Дантес 137
Данчев Г. 49, 254–255
Данчов Георгий, худ. 340
Дарварис Димитр 316
Даскалов Г. 387
Даскаловы, династия худ. 336
Дед Иван (Иван Грозный), герой болг. фольк. 379, 384
Дели-Марко, южнослав. фольк. персонаж 436
Делчев Б. 364
Делчев Гоце 389
Демин А.С. 96–99, 102
Демина Е.И. 307

Демокрит 180
Демосфен 302
Демьянов В.Г. 49
Деренчин Мирко, хорв. бан 430, 435
Деретич Й. 463
Державин Н.С. 239, 254, 256
Дероко А. 463
Деспина Бранкович 456–457
Дефо Даниэль 317
Джерзелез Алия, серб. фольк. персонаж 435
Джинами, итал. род 426
Джонстон М. 365
Джура Смедеревец 435
Джураджа Горажданин, южнослав. первопеч. 456
Джураджа Черноевич 426
Джурич В. 451, 463
Джуришич А. 464
Джюра Якшич 438
Дианова Т.В. 50, 103
Дибич, генерал 382
Дидро 513
Дим, св. 271
Димарас К.Т. 255
Димитр Зограф, худ. 334–336
Димитр Кантакузин, южнослав. писат. 22, 167–168, 224, 277, 296, 307, 419–420
Димитр Новый, св. 269
Димитр Якшич, серб. десп. 420, 435, 437
Димитрий, св. 261, 267, 458–459
Димитрий, серб. мастер, печат. 426
Димитрий Донской, моск. кн. 120, 467, 469–473, 476–481
Димитрий Константинович, суздальско-нижегородский кн. 467
Димитрий, милешевский иконопис. 449
Димитрий Ольгердович, кн. Трубачевский 476
Димитрий Ростовский, св., писат. 238
Димитрий Солунский, св. 54, 81, 178, 184, 235, 288, 333, 338, 343, 420, 442, 449, 452, 458
Димитрий Торнара, св. 261
Димитров Христо, худ. 334
Диммер Ф., австр. проф. 360
Динекос П. 142, 205, 221, 225, 254–255, 284, 307, 346
Диоген 302
Диоклетиан, имп. 178
Диомидий, митр. 227
Дион Кассий, хронист 179
Дионисий, еп. Суздальский 467
Дионисий, митр. Ларисский 263
Дионисий, патр. Константинопольский 405, 487
Дионисий, серб. иером., книжн. 423

Дитмар Любекский, хронист 478
Дичо Зограф, худ. 338
Дичовы, династия худ. 337
Дмитриев Л.А. 104, 121, 130
Дмитриева Р.П. 50
Добровский Й. 296
Добромир 33
Добромир, иконопис. 456
Доброплодный Сава 327
Добротица, болг.феод., кн. 165
Дойковчето Димитр, худ. 342
Дольфус, австр. канцлер 362
Доментиан, серб. писат. 410–411, 430, 464
Дометиан, книжн. 164
Дондуков, генерал 511
Дончева-Панайотова Н. 29, 49, 85–86, 103
Дорофей, серб иг. 453–454
Досифей, валаш. митр. 248, 256, 286
Доспевский Станислав, худ. 334, 336
Достоевский Ф.М. 396, 499
Драгинов Мефодий, болг. писат. 235, 252
Драгова Н. 206, 255
Драгоманов М., перевод. 207
Драгутин, серб. кор. 412, 430
Дринов Марин, болг. просветитель 320
Друмев Васил 303, 324, 326, 328
Дуйчев И. 207, 255
Дуклянин поп 28, 136, 408
Дурново Н. 205, 370, 387
Дылевский Н.М. 28, 30, 255–256, 275–276, 281–282, 307
Дюма А. 381
Ева, библич. персонаж 155, 158, 196, 199, 234
Еврипид 302
Евсевий книжн. 15, 176
Евсевий, хронист 179
Евсеев И.Б. 204
Евстафий I, архиеп. серб., св. 412–413
Евстафий II, архиеп. серб., св. 412
Евтихий, солунский иконопис. 451
Евфимий Великий 183
Евфимий Тырновский патр. болг. 11, 16, 18–19, 21, 24, 29, 103, 121–122, 130, 142, 160, 162–164, 166–167
Егоров Е.Е. 84
Едигей, татар. хан 480
Елена Балшич, дочь кн. Лазаря, писат. 419, 425
Елена св. 163, 329, 332, 335
Елена, серб. кралица, св. 412

Елена (в мон. Евфимия), серб. кн., писат., св. 415–416, 419, 425
Елена, супруга десп. Прельсобовича 454
Елена, супруга Петра Рареша 457
Елена, супруга Уроша I 440
Ельцин Б.Н. 491, 493, 508
Енох 152, 195–196
Епифаний Кипрский 200
Епифаний Премудрый 468
Еремин И.П. 203, 206
Ефрем, книжн. 15
Ефрем Сирий 176, 281
Ефрем, болг. мон., патр. серб. 413, 416–417
Живко, свящ., южнослав. печат. 427
Живов В.М. 129
Жинзифов Райко 320, 322
Жуковская Л.П. 28, 41, 45, 50–51, 67, 127–128, 131
Загребин В.М. 35
Захариев С. 235, 336
Захариевы, династия худ. 336
Захарий Зограф, сын Димитра Зографа, худ. 334–335, 345
Захария, еп. Коринфский, св. 262–263
Захария, прор. 183
Захария, серб. писец 423
Звездич П. 366
Зверинский В.В. 68
Зевс 178, 302
Зенкевич М., поэт, перевод. 463, 514
Зимин А.А. 43, 51
Зингер Герта 365
Зиновий, писец 15
Злата Мыгленская, св. 263
Златарски В. 67–68, 207, 307
Злыднев В.И. 307
Зонара, виз. хронист 179, 205
Зосима Соловецкий, св. 462
Зотов Б.И. 79
Иаков, ап. 197, 409
Иаков, серб. архиеп. св. 412
Иаков, серб. иг., митр. Серский, писат. 413
Иаков, серб. книжн. 454
Ибрагим-назыр, тур. феод. 248
Ивайло, свинопас, царь 265
Иван III, вел. кн. 481
Иван Александр, болг. царь 164, 401
Иван Асень II, болг. царь 159, 165, 170
Иван Бегичев, стольник 93–94
Иван Грозный 19, 39–40, 50, 80, 82, 229, 278, 412, 462–463

Иван Зограф, худ. 334
Иван Калига, кн. 467
Иван Косанчич, серб. фольк. персонаж 432
Иван Рильский, св. 22, 24, 30, 63, 138, 157, 163, 168, 185, 189–192, 206, 221, 233–234, 288, 295–296, 298, 307, 334, 338–339, 340, 419
Иван Срацимир, болг. феод., царь 165
Иван Федоров, первопеч. 211, 277, 487
Иван Шишман, болг. царь 165
Иванов Й. 30, 185, 206–207, 255
Иванов С.А. 101–102
Иванова А. 255
Иванова В. 206, 346
Иванова К. 49, 51, 131, 205
Иванова-Мирчева Д. 51, 219
Иванушка-дурачок, рус. фольк. персонаж 428
Иво Сенянин (Иво Влаткович, южнослав. воев.) южнослав. фольк. персонаж 437–438
Иеремия Пресвитер, писат. 196, 409
Иеремия, митр. 227
Иероним Загурович, которский власт. 426
Иисус Навин 174
Иисус Христос 22–23, 43, 65, 145, 158, 161, 182, 196–199, 263, 267, 269, 274, 287–288, 334, 412–413, 438, 443, 450, 452, 455–458, 489
Иларион, митр. Киевский, писат. 79, 108, 409, 468
Иларион Мыгленский, св. 138, 163, 168
Илиев Стоян 365
Илиевы, династия худ. 337
Илчев И. 387
Илья, иером, писат. 86
Илья, прор. 338, 410
Ио 179
Иоаким Осоговский, южнослав. св. 138
Иоаким, патр. 93
Иоаким, афон. архим. 100
Иоаким (и Анна), св. 442, 451
Иоанн (Экономцев), иг., уч. 496
Иоанн I Цимисхий, виз. имп. 107, 156, 210
Иоанн II Комнин, виз. имп. 179
Иоанн III, римск. папа 407
Иоанн Богослов 175, 189, 199, 460
Иоанн Бранкович, серб. феод. 268, 421, 423
Иоанн Валах, св. 259, 268
Иоанн Дамаскин 16, 65, 73, 151, 153, 180, 205
Иоанн Дебырский, архиеп. 62
Иоанн Златоуст 70–71, 82, 111–112, 124, 173–178, 182, 200, 419–420
Иоанн Икийский, св. 259
Иоанн Калфа, св. 259, 262
Иоанн Кариофил, логофет, писат. 259

Иоанн Креститель 183, 197, 333–334, 439, 458
Иоанн Кукузель 297
Иоанн Малала, виз. хронист 179, 205
Иоанн Мосх 176
Иоанн Новый Белгородский, св. 121, 130
Иоанн Оливер, серб. воев. 442
Иоанн Отрок, св. 259
Иоанн Пресвитер, болг. перевод. 177
Иоанн Раифский 176
Иоанн Синайский (Лествичник) 176–177, 458
Иоанн Теорианос, греч. иконопис. 453
Иоанн Трапезундский, св. 259, 261
Иоанн Углеша, серб. десп. 456
Иоанн Урош Палеолог, серб. царь 454
Иоанн Экзарх, болг. писат. 16–17, 23, 27, 41, 43–44, 50–51, 65, 70–72, 75–76, 97, 111–112, 120, 122, 127, 129–131, 139, 142, 151–153, 187
Иоанн Янинский, св. 227, 259, 273
Иоанн, книжн. 164
Иоанн, митр. Прилепский 454
Иоанн, серб. иконопис. 457
Иоанн, серб. патр. 405
Иоанникий, серб. архиеп., патр., св. 401, 412
Иосаф, греч. мон., писат. 417
Иосаф, мец. 298
Иосаф, цар-ич 200
Иордан Новый, св. 273
Иосиф Брадатый, болг. книжн. 168, 237
Иосиф Волоцкий, писат., св. 122
Иосиф Песнописец 73
Иосиф Тронецкий, серб. историограф 238
Иосиф Хилендарский, книжн. 168
Ипполит Римский 107, 157
Иракий, виз. имп. 406
Исаакий Печерский, св. 100
Исаия, авва 176
Исаия, доместик 420
Исаия Серский, перевод., книжн. 26, 155, 414
Исаия, архим. Рильский 338
Исаия, прор. 22, 158, 196, 198–199, 202, 409
Исаия, серб. архим. 405
Исидор, еретик 22
Искандарян А. 499
Ихсмюллер И., швейцар. поэт, перевод. 356
Йовков Йордан 386–388
Йончев Д. 387
Йордаки К. 387–388
Йорданов Х. 365

Каждан А. 101
Казанджиев С. 388
Кайданов Иван 294
Калайдович К.Ф. 29, 120, 130, 213, 219, 512
Калевит, митр. 227
Калиганов И.И. 2–3, 5–10, 30, 48, 68, 102–104, 128–131, 142, 204, 206, 256, 275, 307, 347, 385, 518–519, 531
Калистрат, архим. Рильского мон-ря 338
Калоян, болг. царь 158–159, 170
Калугин В.В. 2
Калужняцкий Э. 29
Кандич О. 464
Каниц Феликс, австр. путешественник 332
Кантемир А. 93, 317
Кантемир Димитрий 313
Капальдо М. 110, 112, 129, 204
Карабинов И. 204
Караваев Н.(Л.Соколовский) 366
Каравелов Любен 320–322, 324–327, 345, 377, 512
Каравелова Лора 360–361
Караджа, воев. 379, 384
Караджа Стефан 309
Караджич Вук 304, 316, 428–429
Караджов Д., болг. композитор 356
Каракостов С. 347
Карамзин Н.М. 317
Карамфилов Эфрем 375, 378
Караславов Георги 361, 366
Каргалов В.В. 482
Карима А. 358
Касия, мон., гимнограф 73
Катранов Н. 321
Катырев-Ростовский И.М. 80
Кинан Э. 80
Кипиловский А. 289, 291, 293, 297, 304, 307, 315, 318
Кипренский Орест, худ. 340
Киприан, митр. моск., книжн. 16, 19–21, 29, 31, 50, 80, 84–85, 103, 121–122, 130–131, 137–138, 167, 223, 467
Киприан Рачанин, серб., книжн., писат. 423
Кириак Отшельник, св. 459
Кирилл III, митр. Владимирский 18–19
Кирилл Белозерский, св. 462
Кирилл Скифопольский 178
Кирилл Туровский, еп., писат. 23, 27, 79, 117, 202, 409
Кирилл, патр. болг. 68
Кирпичников А.Н. 474, 482
Киселков В.С. 213, 219, 255

Кифа, книжн. 84, 86
Клепиков С.А. 50
Климент Охридский, еп., св. 16–17, 23, 27, 43, 51, 56, 58, 73–74, 81–82, 103, 124–125, 131, 147–150, 157, 161, 170, 174, 182–184, 191, 197, 201–202, 206, 209, 212, 409, 453
Климент Римский, св. 54
Клонимир, серб. кн. 56
Клосс Б.М. 44, 51
Клюге Р.Д. 141, 530
Ключевский В.О. 9, 462, 472
Князевская О.А. 49, 142
Ковачев Янко, изд. 349–350
Ковтун Л.С. 205
Кодов Х. 51, 131
Коева М. 346
Кожухаров Г. 347
Кожухаров И. 380
Кожухаров С. 76, 206, 307
Козьма Индикоплов 459
Козьма Маюмский 73
Козьма Пражский, хронист 98
Козьма Пресвитер, болг. писат. 41, 43, 50, 155, 200, 207, 213, 219, 299, 409
Козьма, св. 43, 453, 459
Козьма, хиланд. мон., иконопис. 458
Колевски В. 366
Колесов В.В. 79
Конески Б. 217, 219
Конисский Георгий, укр. историограф 238
Конобеев В.Д. 239, 255
Константин Багрянородный, виз. имп. 398, 408
Константин Бодин, серб. кн. 400, 408
Константин Великий, виз. имп., св. 18, 163, 329–330, 335
Константин-Кирилл, первоучитель славян, св. 26, 53–54, 56, 58, 64, 68, 73, 81, 83, 97, 135, 143–146, 149–150, 157, 159, 161, 163, 168, 170, 173, 175, 178, 183–186, 188–191, 202, 206, 213, 215–216, 221, 282, 296, 332, 334, 336, 407, 489, 517
Константин Костенецкий, южнослав. писат. 20–21, 100, 162, 167, 222–223, 226, 418
Константин Манассия, виз. хронист 164
Константин Михайлович, серб. писат. 232, 419–420, 464
Константин Преславский, еп., писат. 16–17, 27, 56, 58, 64–65, 73–74, 81, 107, 147–149, 174, 182–183, 188, 194, 204, 206, 209, 212
Константин, св. 274
Константинов Алеко 350–351, 353, 364, 373, 379
Копыстенский Захария, укр. историограф 238
Корнилий Комельский, св. 90
Короленко В.Г. 84
Косев Д. 239
Косидовский З. 51
Костович Аника, актриса 327

Костюхина Л.М. 50
Коцел, кн. 186
Кравцов Н.И. 463–464
Кракра, болг. феод. 323
Кранц Альберт, хронист 478
Краус К., австр. журналист 355
Кремер М. 366
Крон, миф. бог 179
Крум, болг. хан 327, 339
Крылов И.А. 317–318
Крыстев Крыстьо 360
Крыстевич Гавриил 302
Ксения Тверская 89
Ксенофонт 302
Куев К. 51, 131, 205
Кулагина А.В. 463
Кукулевич-Сакцинский В. 213, 219
Кукушкина М.В. 80
Кулин, босн. бан 135–136, 408
Кутинчев С. 364
Кучкин В.А. 49, 85
Куюмджи-оглы, куп. 330
Кынев Генчо, зодчий 331, 346
Кырчовский Иоаким 285, 297, 304, 313
Кюркчия Пейо, пловдивский ремесленник 340
Кютель А. 355
Кюхельбекер В.К. 90
Лаврентий, инок, писец 467
Лавровский П.А. 28, 87
Лазаревичи, династия 422, 425, 454
Лазарь, библ. персонаж 183, 450, 458
Лазарь, серб. кн., св. 268, 402, 414–415, 419, 423, 431–432, 438, 443–445, 463
Лазарь Муромский, св. 90
Лазарь Мусич 444
Лазарь, серб. мастер 462
Ламартин, поэт 330
Ламбрева Д. 336
Лант Х. 128
Ларин Б.А. 75
Лев Аникита Филолог, серб. писат. 462
Лев Пафлагонский, архиеп. 62
Лев Философ, виз. имп. 194
Левочкин И.В. 49, 203
Левски Васил 309, 340
Леков Д. 284, 307, 347
Ленин В.И. 281
Леонид (Кавелин) 29

Леонтий Рус, мон., худ. 338
Леонтьев Л.А. 29
Леонтьев П.М. 282
Лермонтов М.Ю. 513
Либштекль Г., австр. журналист 355
Линчук В.В. 50
Липатов А.В. 109–110, 113, 120, 129–130
Литаврин Г.Г. 68
Лихачев Д.С. 7, 15, 26, 29–30, 34, 46, 49, 51, 54, 67, 69, 75–76, 93, 95, 98–99, 106–112, 129–130, 133, 142, 165, 182, 208, 211, 255, 344, 468–469, 482
Лихачева Л.П. 513
Лихачева О.П. 49–50, 482
Ломоносов М.В. 97, 317
Лонгин, мон., изограф 457
Лосицкий Михаил, укр. историограф 238
Лось И. 489
Лотман Ю.М. 186
Лука, ап. 329, 336, 418–419, 424, 459–460
Лукашенко А.Г., белорусский президент 524
Лукиан 303
Лурье Я.С. 50, 93
Лустиг-Прин К. 356
Львова Е.П. 347
Людевит Посавский 398
Лютница Богдан, серб. фольк. персонаж 428
Люттов, болг. куп. 331
Ляпон М.В. 49
Мавро Орбини, писат. 238, 240
Мавродинов Н. 347
Магомет, прор. 260–261, 264, 273
Мазон А. 478
Майлер, австр. проф. 361
Макарий, архиеп. новгор. 39
Макарий Великий 176
Макарий, митр. московский 80, 204
Макарий, иером., иконопис. 454–455
Макарий, иером., первопеч. 426
Макарий, патр. Печский 405
Мак-Грегор 44
Макриев Христо, худ. 338
Максим Бранкович, митр. валаш., митр. Белградский 421
Максим, патр. серб. 459
Максим Грек 50, 87
Максим Исповедник 177
Максимиан, имп. 178
Максимович К.А. 113, 129
Макушев В. 87, 103

Малакс Николай, греч. протоиререй, писат. 259
Маламир, болг. хан 55, 146
Малер Густав 356
Малый Радойца, южнослав. фольк. персонаж 436
Мамай, татар. хан 471, 474–479
Мамарчев Георгий 382
Манаф-Ибрагим, тур. феод. 248
Мандушич Вук, гайдук 437–438
Мансветов И.Д. 68
Мардарий, книжн. 277
Мардарий, печ. 426–427
Маретич Т. 429
Мареш Ф.В. 204
Марина, св. 231
Мария Бранкович, серб. кн. 298
Мария, мать первоучителя Кирилла 191
Маринели-Кениг Г. 530
Мария-Терезия, австр. имп. 351
Марк, еванг. 183
Марк, еп. Печский 417
Марк Цареградский, св. 259–260, 267
Марк, серб. жупан 400
Марко Кралевич, южнослав. фольк. персонаж 428–429, 433–434, 442, 454
Марлиан Амвросий 313
Марти Р. 129
Масол В., укр. премьер 495
Масур-ага, тур. феод. 269
Матей Грамматик (Ламбадарий), болг. писат. 222, 231, 259, 268, 271–272
Матей Властарь 410
Мауров Яков, худ. 338
Мауровы, династия худ. 337
Меджид, тур. султан 303
Мельников Г.П. 146
Мериме П. 429
Мефодий, первоучитель слав., св. 53–56, 58, 64–65, 67–68, 74, 81, 99, 113, 143–146, 150, 159, 163, 168, 170, 173–175, 178, 183, 185–186, 189, 213, 215–216, 221, 282, 296, 332, 334, 336, 407, 489, 516–517
Мехмед-паша 447
Мехмед Соколович, вел. визирь 405
Мехмед, тур. сул. 268, 403
Мечев К. 256
Мещерский Н.А. 205
Мидхат-паша 340
Миладинов Димитр 321
Миладинов Константин 320–322
Миладиновы, братья 389
Милев А. 206

Милетий Сигирийский, греч. писат. 259–260
Миличевич М. 464
Милица, серб. кн. 415, 425, 431–432, 444, 455
Милия, иконопис. 457
Милов Л.В. 2, 3, 10, 44, 51, 78–79, 82, 102, 130
Милошевич Д. 464
Милтенова А. 125, 131
Милутин, серб. кор., св. 401, 411–413, 416, 430, 442, 451–452, 463
Минков Ц. 307
Минчев Н., болг. куп. 332
Мирон Критский, св. 274
Мирослав, серб. кн. 135–136, 400, 408
Мирослав, хумский кн. 135
Мирчо Чобан, валаш. господарь 268
Митрович Илия, южнослав. фольк. персонаж 437
Митрович Стоян, южнослав. фольк. персонаж 437
Митрович Янко, южнослав. фольк. персонаж 437
Митрофан, изограф 458–459
Митрофан, мон. 39
Митусь, певец 79
Митяй, рус. иерарх 103
Михаил III, виз. имп. 83, 113, 145, 186
Михаил Александрович, тверской кн. 49, 467, 475
Михаил архангел 192, 322, 338
Михаил Воин, св. 163
Михаил Воиславич, серб. кн. 408
Михаил Вышевич, захумский кн. 399, 408
Михаил Клопский, св. 99, 101
Михаил, кн. Зетский, 448
Михаил Маврудис, св. 227, 259, 271, 273
Михаил Романов, царь 19
Михаил, серб. кн. 448
Михаил, св. 81, 183, 271, 448
Михаил, солунский иконопис. 451
Михаил Черниговский, св. 462
Михайлов А.В. 50, 254, 265, 275
Михайловский Стоян 377
Михна (Живан-бей), валаш. воев. 268
Миятев К. 360
Моисеев В. 499
Моисеева Г.Н. 50
Моисей Египетский 176
Моисей, прор. 174, 413
Моисей, комитопул 210
Молеров Георгий, внук Димитра Молерова, худ. 337
Молеров Димитр, сын Томы Вишанова, худ. 337
Молеров Симеон, сын Димитра Молерова, худ. 337

Молеровы, династия худ. 337
Мольер 513
Момчил-юнак, феод., герой болг. фольк. 374, 379
Мориц Бенедикт, австр. журналист 354
Морозов А.А. 95
Морозов Б.Н. 49
Мортон 44
Мошин В. 28, 60, 68, 413
Мркша, серб. кн. 427
Мрнявчевичи, феод. династия 454
Мстислав Владимирович, рус. кн. 28, 117
Мулич М. 464
Муравьев А.Н. 29, 282, 499
Мурад, тур. сул. 268, 402, 432
Мурдаров В. 364
Муруз-бей, тур. феод. 248
Мусиенко Н. 500
Мустафа, южнослав., фольк. персонаж 436
Муталимова М.А. 50
Мутафчиев П. 68
Мутева Элена, перевод. 318–319
Мутимир, серб. кн. 407–408
Назарбаев Нурсултан, казахстанский президент 490
Найденов Н. 359
Найденова-Стоилова Г. 365–366
Наполеон 481
Наслав, серб. феод. 28
Наум Охридский, кирилломефод. ученик, еп., писат., св. 56, 157, 174, 183, 188–189, 203, 206, 334, 453
Наумов А. 195, 207
Наумов Е.П. 28, 67, 76, 202, 464
Неберекутина Е.В. 80
Невоструев К.И. 29
Негриев Макрия, худ. 342
Негриев Марко 342
Неделя, св. 163, 343
Некрасов Н.А. 396, 513
Неманичи, династия 409–410, 444, 418, 422, 424, 448, 452, 454
Немировский Е.Л. 281, 464
Неофит Бозвели 283, 285–286, 290, 292–293, 297, 303, 315
Неофит Рильский 253, 285, 291–292, 295–296, 298, 300, 303–305, 307, 314–315, 318, 335
Нестор, летописец, св. 64, 78, 98, 102, 124, 130
Никандр Иерусалимец 419
Никанор, иером., печат. 426
Никанор, митр. Новобрдский 426
Никита, св. 451

Никифор, виз. патр. 82, 194, 339
Никифор Григора, виз. хронист 430
Никодим, ап. 22, 197, 409
Никодим, серб. архиеп., книжн., св. 411, 413, 417, 442
Никодим, поп, серб. зодчий 445
Никола (Новый) Софийский, св. 118, 169–170, 227, 231, 258–259, 267–268, 270–272
Никола Алтоманович, серб. феодал 402
Никола, серб. иконопис. 457
Николаев С.И. 92
Николай Зограф, худ. 334
Николай Кочанов, св. 101
Николай, кн. 210
Николай Мирликийский, еп., св. 24, 43, 214, 331, 343, 420, 440, 451, 459
Николай, св. 262, 267, 272, 274
Николас Софианос, греч. писат. 233
Николов Й. 68
Николов М. 319, 372, 386
Николова С. 206
Никольский Н. 29
Никольский С.В. 2
Никон Черногорец 113, 127
Нифонт II, греч. патр. 268
Новиков Н.И. 81
Новикова А.С. 50
Ногай, татар. хан 165
Нягое Бессараб, господарь 456
Обилич Милош, серб. витязь 402, 428, 431–432
Обрадович Досифей 256
Обренович Милош, серб. кн. 286
Огнянович Константин 285–288, 293–294, 299–300, 304, 313, 315, 317
Огрызко В. 499
Олег, кн. Рязанский 472, 475–476, 478–479
Олексин Карп 427
Ольга, кн., св. 58, 80, 99, 117, 202
Ольгерд, литовский кн. 470, 475
Ольстин Олексич, воев. Черниговский 79
Омуртаг, болгар. хан 55, 146, 297
Онуфрий, иером., иконопис. 458
Орест, иером., книжн. 423
Орлов А.С. 29
Остоич Т. 464
Островский Г. 347
Острогорский Г. 28, 57, 67
Остромир, новгород. посадник 164, 211, 486
Ошанец Димитр, худ. 342
Павел, ап. 338, 348

Павел Обнорский, св. 90
Павел, рус. невольник, св. 262, 267, 271
Павел, серб. кн. 56
Павич А. 464
Павлич, сын хорв. бана 435
Павлова Н. 530
Павлович Л. 464
Павлович Николай, худ. 338–339, 345
Павлович Христаки 285, 290–293, 295, 297, 299, 301, 304, 314–315, 317
Пазвант-оглу, тур. феод. 248
Паисий, серб. патр., писат., св. 423, 469
Паисий Хилендарский, иером, писат. 119, 170–171, 222, 238–244, 251–252, 280, 283, 287, 294, 299, 308, 311, 313, 335, 344
Палладий, мних 175
Панкратий, митр. 227
Панкратий Тавроменийский, св. 177, 205
Пантелеймон, св. 28, 278, 338, 453
Панченко А.М. 76, 92, 101
Папа Витан Младший, худ. 336
Папа Витан Старший, худ. 336
Парменид 180
Парфений, еп. Дристрский, писат. 259
Парфений, патр. Константинопольский, св. 259, 262–263, 274
Пастернак Б.Л. 396–397
Пахомий Серб 17, 20–21, 29, 31, 51, 80, 84–85, 462
Пачаровы, династия худ. 337
Пашуто В.Т. 482
Пейо, писат. 168, 222, 228–231, 247, 268, 270–271
Пейчинович Кирилл, писат. 313
Пелизов Анастас 292
Пенев Б. 303, 352, 364
Персей 179
Перун, языч. бог 146
Петер Х. 354, 356
Петерс У. 89
Петеры, семья 355
Петка Тырновская, св. 24, 163, 167, 233, 288, 417–418, 458
Петканова-Тотева Д. 130, 195, 197, 207, 307
Петр, ап. 338, 448
Петр I, рус. царь, имп. 299
Петр Бориславич, боярин 79
Петр, диакон 175
Петр Рареш, молд. господарь 457
Петр, болг. феод. 158, 178
Петр, болг. феод., царь 63, 154, 185, 190, 192, 198, 202, 210
Петр Коришский, св. 412, 420
Петр, кн. Муромский, св. 38, 50, 99

Петр, митр. моск., св. 20–21, 29, 84–86, 102–103, 121–122, 130, 167, 462
Петр, серб. кн. 56
Петр, серб. митр. 286
Петрарка 160
Петров З. 365
Петров Кири (Бачо Кири) 327
Петров П. 265, 275
Петров П.Н. 29
Пешаков Г. 303, 318, 321
Пиккио Р. 71, 76, 110, 129, 206
Пилат Понтий 145, 197
Пиперов А. 302
Пискарев Д.В. 84, 86, 103
Питирим, митр. Волоколамский и Юрьевский 496, 500
Пишурка Крыстья 327
Платон 180
Плачинда С. 488
Платон 180
Пляса-паша, тур. феод. 248
Погодин М.П. 84, 88, 96, 296
Подскальский Г. 79
Покровская В.Ф. 49
Полек В.Т. 219, 486–488, 299
Полосин И.И. 80
Поляков М.Я. 95
Полянская И.В. 79
Помяловский И.В. 205
Поп-Атанасов Г. 217–219
Попдимитровы, династия худ. 336
Попов Андрей, рус. полоняник 475
Попов Г. 73, 76, 130, 182, 205
Попович Д. 464
Попович Матильда, актриса 327
Попович П. 464
Попович Райно 285, 293, 300, 302, 304–305, 314–315, 318
Поповски А. 219, 242
Попски Димитр 252, 303, 318
Порфирьев И.Я. 207
Посахно Григорий, посадник 99
Посейдон 302
Потапов П.О. 205
Потебня А.А. 96
Поуп Р. 204
Прельсобович, десп. 454
Пресиан, болг. хан 55, 147
Прибеслав, серб. кн. 56
Примов Б. 213

Прин-Лустиг К. 365
Прокопович Феофан 317
Протасьева Т.Н. 103
Прохор, мон. 39
Прохор, иконопис. 469
Прохор, митр. Ростовский 84–85
Прохор Пшинский, св. 338
Прохоров Г.М. 29, 50, 76, 103
Прогоеров А., болг. генерал 369
Псевдо-Дионисий Ареопagit 26, 225
Псевдо-Каллисфен 200
Путилов Б.Н. 464
Пушкин А.С. 137, 317, 429, 513
Пыпин А.Н. 206
Пырличев Григор 321–322
Радивой, болг. феод. 254
Радиша Димитрович, серб. кн. 427
Радойич С. 465
Радойичич Д. 464
Радойичич С. 464
Радослав Мавр, болг. феод. 254
Радослав, диак 135
Радослав, изограф 456
Радослав, жупан 442
Радослав, серб. кор., св. 412, 449
Радославов В., болг. премьер 369
Радославов Цвятко 339
Раду IV Паисий Калугер, валаш. господарь 268
Радул, диак, южнослав. печат. 427
Радул, изограф 459
Разин А.Е. 475, 482
Раич Йован, серб. писат. 238, 296
Райков Б. 255
Раковский Г.С. 249, 252–253, 256, 303, 306, 309, 319, 321–323, 383
Растрелли В., архит. 349
Рейтнер И. 366
Реля Бошнянин, южнослав. фольк. герой 428
Ренье Анри 358
Ржевский Родион, оружейник 476
Ржиг В.Ф. 89, 104
Рильке Райнер Мария 355
Рифтин Б.Л. 206
Робинсон А.Н. 241, 254–255, 275, 307
Рогов А.И. 68, 464
Рода-Рода Александр 355–356
Родосский А. 282
Рождественский Н.П. 254

Розов Н.Н. 205
Роман Сладкопевец 73
Роман, сын болг. царя Петра 210
Романкова Н.В. 68, 81–82
Ромил Видинский, св. 160, 417
Ромодановская Е.К. 91, 102
Росси К, архит. 349
Ростислав, кн. 53, 83, 145, 186
Рублев Андрей, иконопис., св. 469
Рудольф II, имп. 405
Рупельмайер В., австр. архит. 349
Русев П. 254
Рыбаков Б.А. 79, 470, 482
Рыжкин Э. 500
Рыков Ю.Д. 29
Сабов А. 499–500
Савва Крыпецкий, св. 462
Савва Освященный, св. 178, 411
Савва, иером. дечанский 426
Савва, иером., печат. 426
Савва, кирилломефод. ученик, св. 157
Савва, серб. архиеп., св. 17, 24, 29, 46, 51, 97, 138, 157, 214, 400–401, 411–412, 420, 430, 448–450, 452, 458, 460, 463–464
Савва II, серб. архиеп., св. 412
Савва, серб. иером., книжн. 423
Савватий Соловецкий, св. 462
Сазонова Л.И. 92
Салтыков-Щедрин М.Е. 35
Самсон, библ. персонаж 393, 445
Самуил, иером. 338
Самуил, комитопул, болг. царь 156, 210–211, 389–390, 399, 407
Санд Жорж 359
Сантос Отеро А. де 87, 103
Сапунов Б.В. 28, 67–68
Сапунов Петр, болг. куп., перевод. 289
Сарафанова-Демкова Н.С. 130, 142
Сарафов, врач 360
Саркисова Г.И. 80, 82
Сахаров А.Н. 68
Святополк, моравский кн. 54, 146, 186
Святослав, рус. кн. 13, 60, 68, 107–108, 205, 210, 318
Севериан Гавальский 70, 139, 180
Седов В.В. 67
Седова Р.А. 84–86, 88, 90, 102, 130
Сезомен 175
Семен, сын нижегородского кн. 479–480
Семячко С.А. 89–91, 102

Серапион, еп. Владимирский 23
Серафим, еп. Фанарийский и Неохорский, св. 262–263
Серафим, книжн., перевод. 289
Сергий, книжн. 15
Сергий Радонежский, св. 157, 462, 472–474
Сергий, патр. 73
Сергий, серб. митр. 286
Серенсен А. 429, 465
Сивкова А. 29, 130–131
Силуан, серб. писат. 413–414
Сильвестр, свящ. 80
Симеон I, болг. кн., царь 11, 13, 44, 70, 72, 106–108, 111–112, 120, 135, 148, 151, 154, 158, 173–174, 177, 180–181, 185, 187–188, 194, 198, 202, 204, 226, 240, 297, 390, 399, 407
Симеон Бекбулатович, татар. ц-ич 229
Симеон Эмесский, виз. св. 102
Симеон, книжн. 164
Симон, иером., иконопис. 458
Симони П.К. 28
Синап-паша 447
Синицына Н.В. 50
Синтипа Философ 250, 301, 313
Сичан-Николов Христодул 299, 317
Скилор 302
Скупский Б.И. 50
Славейков Петко Рачев 305, 321–323, 326, 328
Смилянич Илия, южнослав. фольк. персонаж 437–438
Смедеревский проповедник, анонимный серб. писат. 418
Смирнов И.П. 204
Смирнов Ю.И. 429, 463–464
Смольянинова (Чемоданова) М.Г. 347
Смотрицкий Герасим, укр. писат. 487
Снегаров И. 28, 254, 276, 281
Соболевский А.И. 204
Сократ 302
Соловьев П. 254, 258, 265, 275
Соловьев С.М. 9
Соломон, царь 186, 204
Соммер Лепольд, изд. 349
Сосипатр 106
София, св. 450
Софокл 302
Софроний Врачанский (Стойко Владиславов), еп., писат., св., 222, 244–252, 255–256, 271, 275, 283, 285–287, 290, 294, 300, 307, 311–314, 318
Софроний, патр. Иерусалимский 73
Спасский Ф.Г. 30, 76
Спиридон, иером. 311
Спиридон, св. 338

Спространов Е. 255
Срезневский И.И. 76, 429, 512
Сталин 492
Стамболийский А. 370
Стамболов Стефан 322, 512
Стамматий, св. 262
Станевич Никола, воев. 454
Станислав Зограф, худ. 334
Станислав, книжн. 164
Станишев Антон, худ. 342
Станишев Димитр, худ. 342
Станчев К. 59, 76, 87, 103, 130–131, 205–206
Старина Новак, серб. фольк. персонаж
Стефан (Симеон) Неманя, серб. кн., основ. династии Неманичей, св., 17, 135, 138, 400–401, 410–413, 430, 448, 452, 458, 460, 462–464
Стефан Бранкович, серб. феод. 268, 421
Стефан Вук, серб. феод., брат Стефана Лазаревича 416
Стефан Дечанский, серб. кн., св. 20, 24, 49, 401, 412–413, 417, 431, 451, 457, 463
Стефан Душан, серб. кн., царь, св. 390, 401–402, 412–414, 430–431, 440, 451–453
Стефан Лазаревич, серб. кн., десп., св. 20, 24, 100, 168, 413, 415–418, 444, 455
Стефан Мусич, серб. феод. 431–432, 444
Стефан Новгородец 97
Стефан Новый, св. 230
Стефан Первовенчаный, серб. кн., кор., св. 400–401, 410–411, 413, 423, 430, 440, 460
Стефан Пермский, еп., св. 462, 468
Стефан Сербин, перевод. 419, 461
Стефан Урош III Дечанский, серб. кор., св. 440
Стефан Фивейский 176
Стефан Штилянович 421
Стефан Якшич, серб. десп. 420, 462
Стефан, пресвит., св. 229
Стефан, св., первомчн. 273, 443
Стефан, свящ. 229
Стефан, серб. иером., писат. 422
Стефанов С. 388
Стипчевич Б. 217, 219
Стойчевска-Антич В. 210, 218
Стоянов Захари 509–510, 514
Стоянов М. 255, 307
Стоянов Петр, болг. президент 9, 518–519
Стратеман 287
Страхиня, иконопис. 457
Страцимир, серб. кн. 400
Страшимиров Антон 4, 367–388, 530
Стрешнев С.Т., боярин 96
Строев П.М. 29, 280, 282
Султанов С. 364

Сумароков А.П. 317
Сырку П. 204, 265, 275
Сысой, серб. мон., иг. 444, 455
Сю Эжен 513
Табаков А. 365
Тагай, ордынский хан 471
Такайшвили Е.С. 104
Талев Димитр 4, 389–397, 530
Тамерлан 402
Тангра (Тенгри) 147
Тарле Е.В. 9
Татищев В.В. 79
Татомир, южнослав. фольк. персонаж 436
Творогов О.В. 45, 52
Твртко Котроманич, босн. бан., кор. 402, 416
Теладур Атанас, худ. 342
Теодор, иконопис. 449
Теотоки Никифор, греч. проп. 312
Тик Л. 327
Тимофей книжн. 15
Тирол Димитр 296
Тихомир, серб. кн. 400
Тихомиров М.Н. 34, 48, 67, 96, 205
Тихонов Н., поэт, перевод, 514
Тихонравов Н.С. 30
Тодоров Т. 204
Тодорова Мина 359
Толстой Л.Н. 129, 377, 511
Толстой Н.И. 205
Толстой Ф.А., гр. 29, 282
Томов Э. 131
Томова Э. 347
Томпсон Е. 101
Томсон Ф. 87, 103, 105, 108, 128–129
Топалов К. 347
Топоров В.Н. 103, 186
Тохтамыш, татар. хан 479–480
Трайков В. 255
Трауцшен К. 304, 317, 327
Траянов Асен, сын Т. Траянова 356–357, 364–365
Траянов Васил, сын Т. Траянова 355
Траянов Крум 365
Траянов Теодор, поэт 353–358, 361, 513
Траянова Иванка, дочь Т. Траянова 356–357
ТрEDIAKовский В.К. 97
Третьяков Н. 90
Триандафил, св. 259

Трифон, св. 458
Трифонов Ю. 213, 219
Трифонович Д. 135–136, 142, 206, 415, 463–465
Тропинин В.А., худ. 340
Трубецкой Е. 101
Труфешев Н. 364
Туник Василий, оружейник 476
Турилов А.А. 30, 103, 107–108, 116–119, 124
Тынянов Ю.Н. 95
Тэзи А. 366
Тяпинский В. 50
Уайльд Оскар 256
Уитман Р. 128
Углеша, серб. десп. 165, 402, 454
Углеша Деспотович 416
Угринова-Скаловска Р. 217, 219
Узунов А. 327
Уключина Т. 500
Улу Мухаммед, татар. хан 480
Улунян А.А. 347
Ундольский В.М. 86, 103
Урланис Б.Ц. 67, 475, 482
Урош, серб. кн., св. 412, 423, 440
Утешенич Якша 436
Фалалей 81
Фалес 180, 302
Фандыков Стойчо, худ. 342
Феврония, кн. Муромская, св. 38, 50, 130, 205
Федер У. 71, 76, 123
Федор, боярин, св. 462
Федор Иоаннович, рус. царь 278
Федоров Иван, первопеч. 119, 130
Феллнер 349
Фекелджиев И. 206
Фенелон 302, 317
Феодор, болг. юродивый 100
Феодор, иг. Симоновский 273
Феодор Горажданин, южнослав. первопеч. 426
Феодор Новгородский, св. 101
Феодор Новый, св. 267, 270–272
Феодор Песнописец, св. 259
Феодор Стратилат, св. 235, 467
Феодор Студит 73
Феодорит Кирский 139, 179–180
Феодосий, иером., серб. писат. 411, 420, 430, 464
Феодосий, мон., печ. 426
Феодосий, серб. книжн. 17, 46

Феодосий Печерский, св. 207, 408
Феодосий Тырновский, болг. исихаст 160, 168
Феофан Грек 468–469
Феофан, афон. мон. 84, 86
Феофан, греч. пресвитер, писат. 259
Феофан, мец. 298
Феофан, св. 267
Феофилакт Охридский, архиеп., писат., св. 94, 157, 183, 191
Фердинанд Сакс Кобург Готский, болг. кн., царь 348, 360, 369
Филарет Черниговский, митр. 206
Филипп, болг. книжн. 24
Филипов-Гарка Петр, худ. 342, 346
Филипов Марко, худ. 342
Филофей, иг. Троянского мон-ря 338
Филофей Коккин, патр. Константинопольский, писат. 420
Филофея, св. 163
Фичев Никола (Колю Фичето), зодчий 331–332, 346
Флоря Б.Н. 67, 206
Фома, ап. 22, 450, 460
Фома Зограф, иконопис. 457
Фомина М.С. 76, 204
Фонвизин Д.И. 78, 81, 102, 124, 130
Фонкич Б.Л. 123, 130
Фотий, патр. 73
Фотинов Константин 253, 292–293, 301, 316–317
Франц Иосиф, имп. 356
Фрачковы, династия худ. 337–338
Фукидид 302
Фундер Ф. австр. изд. 355
Фух, австр. проф. 361
Хаджи Димитр 309, 324, 327
Хаджидимов Иван 361–363, 366
Хаджидимова Д. 366
Хаджиконстантинов-Джинот Йордан 319
Харитон, поп 256
Хафнер С. 465
Хворостинин И.А. 80
Хелмер и Феллнер, архит. дом 349
Хранич, босн. воев. 419
Хреле, протосеваст 160, 190
Христина 335
Христов Кирил 364–365, 367
Христовул, серб. книжн. 423
Цапенко М.П. 347
Цезарь Бароний, кардинал римск., писат. 238, 241
Цокев Христо, худ. 340–341, 345
Цонев Б. 326, 254, 281

Цончева М. 347
Чавдар, гайдук 323
Чаврыков Г. 254
Чайковский М. 382
Часлав Клонимирович, серб. кн. 399
Челубей, татар. багатур 477
Чернев Иван 339
Черниченко Ю. 506
Черноевичи, династия 430, 434
Черноризец Храбр, болг. книжн. 16, 46, 51, 150, 184, 197, 202, 206, 213, 299
Чернышевский Н.Г. 325, 327
Черторицкая Т.В. 29, 45, 51
Чеслав, серб. кн. 56
Чешко Е.В. 142
Чиркович С. 464
Чинтулов Добри 319, 322
Чуванов М.И. 29
Чучка П. 488
Шамаро А.А. 482
Шатобриан 377
Шафарик П.Й. 88, 296, 316
Шахматов А.А. 51
Шаховской С.И. 80
Швайпольт Фиоль 281
Шевченко Т.Г. 377, 513
Шевырев С.П. 203
Шекспир Уильям 510–511
Шербан Кантакузин, валаш. господарь 405
Шишак, египет. фараон 489
Шишич Ф. 28
Шишманов И.Д. 276, 281
Шкундин Г.Д. 387
Шмеллинг Макс 363
Шмидт Христофор 304, 317
Шницлер Артур 354
Штерн И. 366
Штраус Иоганн 362
Шуневельд С.Н. ван 204
Шупут М. 464
Шустрович Э.М. 205
Щеголев П.Е. 87–88, 104
Щепкина М.В. 128
Эзоп 250, 301, 313, 318
Элин Пелин 387
Эренталь, австр. барон 355
Эро, серб. фольк. персонаж 428
Эсхил 302

Юг-Богдан, серб. фольк. персонаж 432
Юговичи, серб. феод. род 432
Юлий Африкан, древн. истор. 179
Юлий Цезарь 149
Юрданов Ю. 364
Юрченко А.И. 103
Юстиниан, имп. 178–179
Юфу И. 29
Яблански Димитр, соф. мэр 349
Яблонский В. 29
Яворов Пейо 358–361, 365–366, 513
Яворский Стефан, писат. 97
Ягайло, литовский кн. 475–478
Яков, митр. 227
Яков-Святослав, кн. 18–19
Якшичи, династия 416, 420, 422, 430, 434–435, 437
Ян Собесский, польск. кор. 405
Янакиев М. 44, 51
Янош Хуньяди, полководец 403
Ярослав Мудрый, кн. 62, 120, 481, 487
Ярослав, тверской кн. 89
Яхве, евр. Бог 392
Яцимирский А.И. 29, 96.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ

(включая названия мон-рей, церквей, скитов, часовен)

Ависсок 263
Австрия 238, 240, 253, 287, 314–315, 339, 348, 351, 405, 480, 531
Австро-Венгрия 289, 310, 357, 360, 368
Адрианополь 260, 474, 386, 402
Адрианопольская обл. 379
Адриатика 148, 359, 407
Адриатическое побережье 57, 400–401
Азербайджан 485, 497–498, 507
Азия 120, 295, 490
Акарнания, обл. 401
Албания 147, 210, 369, 401–402
Алма-Ата 486
Америка 481, 523
Амстердам 36
Англия 310, 349, 351, 370, 511
Ангора (Анкара) 402
Апеннинский п-ов 448
Апулия, г. 441

Ардамеритская епархия 263
Арджеш, река 456
Армения 67, 484, 497–498, 445
Архангельск 490
Асеновград, г. 330
Астраханская обл. 492
Афганистан 497–498
Афины 405
Афон (Афонская гора, Святая гора) 13–14, 18–21, 31, 87, 100, 110, 115–116, 118, 139, 160, 166, 212, 229, 232, 237, 239, 249, 265, 275, 277, 279, 286, 291, 298, 302, 311, 314, 319, 333–334, 337, 342–344, 382, 410–411, 413, 417, 422, 443, 448, 453, 458, 461–462, 467
Ахтамар 445
Бавария 493
Балканы 11, 13, 18, 57, 60, 106, 141, 143, 145, 167, 171, 224, 257, 264, 266, 275, 279, 291, 294, 310, 318, 322, 330, 337, 349, 368, 372, 388, 401–403, 461, 467
Балканский п-ов 260–261, 291, 398, 406
Банат, обл. 404–405, 435–436
Банско 333, 337
Бар, г. 57, 400, 407
Бари, г. 24, 441, 451
Батак, г. 310
Бачка, обл. 404
Беласица, гора 156
Белгород 501, 530
Белград, 103, 285, 306, 338–339, 349, 403–405, 407, 418, 436, 454, 446–447
Белковица 248
Белое поле 459
Беломорская обл. 378–380
Беломорская равнина 337
Белоруссия 492, 496–497, 524
Бельведер 358
Берестье, с. 67
Берковица, г. 329
Берлин 103
Битоля, г. 379
Болгария (НРБ, РБ) 7, 9, 11, 13, 16, 23–25, 31, 33, 43, 53–57, 60–61, 63, 66, 73, 87, 100, 105–108, 110, 112–115, 117, 120, 122, 133–134, 136–139, 143, 145, 150, 158–159, 164–165, 168–170, 172, 176–181, 184–185, 192–193, 196, 199–200, 203, 209–212, 221–224, 228–229, 232, 234, 240, 242–243, 247, 250–253, 255, 276–277, 279, 283–284, 286, 288, 293–296, 298, 303–304, 318–319, 322, 327, 339–340, 343, 345, 350, 356, 359, 361–362, 364, 367–372, 375–376, 379, 382, 390, 399–402, 406–408, 418–419, 461, 467, 509–513, 515, 517–519, 531
Боровск 480
Босния 155, 210, 398, 400, 404, 437
Босфор 310
Ботошаны (Ботошань), с., г. 457
Бояна, с. 160

Браила, г. 320
Браничево, обл. 403
Братислава 129
Брацигово, г. 310
Брашов, г. 292
Брегальница, река 191
Бруса 263–264
Брянск 475
Будапешт 285, 338
Будва, г. 406, 411
Бургас, г. 351, 378
Бухарест 248–249, 251, 256, 285, 292, 303, 314, 320, 327, 332, 349
Бухарестская митрополия 193
Бяла Черква, г. 327–328
Бяла, г. 332
Валахия (Валашская земля) 18, 164, 166, 220, 224, 226, 247–248, 253, 263, 268, 281, 283, 286–287, 424, 445, 456–457, 461
Валево, г. 427
Вардар, река 441
Варна 226, 298
Васильев, г. 67
Веймар 357–358
Велеград 145
Великая Булгария 215, 489
Великая Морава, река 414
Великая Моравия 53–57, 73, 113–114, 143, 145, 182, 185, 203, 408
Велико Тырново 381
Великобритания 33
Вельбужд (Кюстендил), г. 401
Вельбуждский предел 296
Вена 292, 338, 348–352, 356–366, 369, 405, 429
Венгрия 316, 400, 403, 405, 420, 424, 435, 480
Венеция 400, 403, 405, 426, 435, 437
Видин (Видинская креп.), г. 18, 164–166, 248–249, 338, 348, 406, 417
Видинская епархия 214
Византия 14–15, 54–57, 60–61, 72, 101–102, 105, 112, 115, 136, 143, 145, 156, 158, 160, 162, 181, 210, 228, 233, 399–400, 402, 406, 456, 462, 489, 441, 448
Вильно, г. 20
Витоша, гора 190, 360
Владимир 84, 115, 215, 278, 469, 474, 445
Воден, г. 401
Водица 445
Воеводина 446
Вожа, река 471, 476
Волга 469, 471
Волок-Ламский, г. 479
Воронеж, река 475

Восток 213, 266, 275, 330, 352, 406, 413, 440, 445, 448, 481, 487–488, 499, 501, 515
Восточная Болгария 60, 107, 156, 214
Восточная Европа 483
Восточная Украина 491, 498
Восточная Фракия 158
Восточно-франкское королевство 145
Враня, г. 338
Врачанская митроп. 227
Враца 311
Вроцлав 358
Вршац, г. 405
Вышеград, креп. 447
Габрово 253, 289, 292, 315, 332, 342
Галац 320
Галиция 488
Гелинджик, с. 381, 385
Германия 295, 310, 314–315, 339, 368, 370, 375–376, 387, 423, 493, 500, 531
Герцеговина 398, 404, 437, 446
Голландия 35
Горажде 426
Градешница (Граденичи) 281
Граница, с. 296
Грац 348
Греция 33, 220, 232–233, 279, 294–295, 299–300, 306, 315, 346, 371, 390, 488, 518, 531
Грузия 445, 492, 498, 517
Гюргево 327
Далмация 398, 405
Дальний Восток 481, 490–491, 495
Дамаск 198
Дарданеллы 165
Дебыр, г. 337
Дедеагачский треугольник 379
Диарбекир 340
Димитров 474, 480
Дивля, с. 338
Димотика 374, 379
Днепр 475
Добрич, г. 381–382, 385, 388
Добруджа, обл. 165, 368–369, 381, 388
Дон 475–477
Драма, г. 369
Драмская обл. 377, 379
Драч, г. 399
Дрина, река 398, 423, 446
Дряново, с., г. 331, 342
Дубровник 399, 407–408, 430, 457
Дукля (Зета), обл. 56, 210, 398–399, 402–403, 440

Дуклянское гос-во 400
Дунай 146, 193, 339, 358, 369, 402, 406–408, 422, 447, 489
Дунайская Болгария 369
Европа 120, 133, 159, 235, 246, 298, 316, 321, 345, 348–349, 386, 404, 428–429, 461–462, 475, 481, 489–490, 499, 518
Египет 488
Елец 486
ЕС 526
Женева 359
Забайкалье 490
Загорье, обл. 373
Загреб 321
Задунавье 198
Заклиеври, с. 263
Зангезур 497
Запад 213, 358, 406, 413, 497, 501, 515
Западная Болгария 60, 156–157, 204, 317, 407
Западная Европа 159, 478, 480, 496–497
Западная Македония 433
Западная Морава, река 398, 401, 414
Западная Украина 489, 498
Захумье 56, 210, 398–400
Звенигород 474, 480
Звечан, креп. 447
Златени, с. 263
Золотая Орда 165, 471, 475, 479–481, 486
Ибар, река 398, 401, 440, 447
Иерусалим 525
Израиль 493, 523
Иллирик 162
Индия 175
Инсбрук 359
Иоаннополис 156
Иран 497–498, 517
Иртыш 489
Испания 33, 480, 498
Италия 33, 155, 233, 295, 316, 407, 426, 438–441, 531
Кавала, г. 369, 374, 379
Кавказ 104, 369, 475, 497–498, 523
Казанлык, г. 341–342
Казахстан 485–486, 492, 496–498, 507
Калифорния 381, 387–388
Калмыкия 492
Калофер, г. 253, 289, 328, 332, 342
Калуга 486
Кама, река 471
Камчатка 481, 497

Каппадокия 39
Карабах 497
Карачаево-Черкессия 492
Карей 410
Карлово, г. 291, 314, 328, 330, 342
Карлсруе, г. 377
Карпаты 488, 495
Кидония 292, 314
Киев 13, 20, 62, 214–215, 296, 320, 344, 486–487, 489, 495
Киевская Русь 11, 58–63, 67, 114, 132, 214–215, 254, 486, 500
Килифарево, с. 343
Киргизия 491, 497, 515–516
Китай 490, 496–498
Кишинев 320
Клиса, г. 437
княжества:
Болгарское, 310, 371
Захумье, 56
Зета (Дукля), 56–57
Конавли, 56
Молдавское (см. Молдавия)
Московское, 471, 480
Пагания, 56
Рашка, 57
Рязанское, 470, 480
Сербское, 56
Суздальско-Нижегородское, 470
Тверское, 470
Травуня 57
Кобург, г. 377
Козия 456
Коломна 474, 480
Константинополь 13, 15, 21, 61, 83, 106–107, 110, 113, 118, 147, 158, 160, 168, 186, 191, 210, 224, 233, 248, 253, 257, 260–262, 266, 291–292, 314, 316, 320, 327–328, 336, 340, 344, 346, 351, 369, 401–403, 407, 414, 417, 448–449, 451, 453, 456, 461, 467, 512
Констанца 369
Копривштица, г. 253, 294, 325, 328–331, 333
Корея 490
Косиерече, местечко близ Ужице 427
Косово, обл. 369, 380, 387–388, 414, 443
Косово поле 166, 402, 414–415, 426, 431–432, 434, 444, 447
Косовска Митровица 449
Кострома 474, 479
Котел, г. 245, 289, 291, 314, 341
Котор, г. 400, 403, 406, 437, 440
Крагуевац 285, 290
Кралево, г. 444, 447

Краснодар 490
Кратово 441
Крбавское поле 435
Кремль 15, 462–463, 469–470, 479
Крит 297
Крушевац, г. 403, 414, 444, 454
Крым 369, 382, 475, 479, 489, 491–492, 497
Ксанти 379, 387
Кубань 369
Кузмина Гать 477
Кула, г. 338
Куликово поле 9, 466, 474–475, 477, 479–481, 530
Куманово, г. 338, 453, 455
Курилы 497
Кутмичевица, обл. 73, 147
Кучевиште 442
Кюстендил (Вельбужд), г. 141
Ладога 58
Ларна, остров 271
Латинская империя 400
Лейпциг 292, 316
Ленинград, (Санкт-Петербург) 531
Леопольдсберг 358
Леш, г. 403
Ливан 297
Лим, река 398
Линц, г. 357
Лион, г. 375
Литва (Литовское княжество) 215, 475
Ловеч, г. 289, 333
Лом, г. 327
Ломбардия 441
Лондон 454
Любляна 132, 528
Львов 32, 495
Львовская обл. 495
Маглич, креп. 447
Македония 132, 147, 159, 189, 208–213, 216, 218–219, 295, 310, 368, 370, 377–378, 389–390, 401–402, 406, 408, 430, 441–443, 451, 531
Малая Азия 166, 224, 257, 400
Малая Подолия 475
Малая Святая гора в Овчарско-Кабларском ущелье 422, 446
Марица, река 369, 402, 414–415, 443, 454
Мачва, обл. 403
Мелник, г. 401
Места, река 337, 369, 378, 480
Метохия, обл. 387, 414, 443–444

мечети:

Айя-София в Константинополе, 262
Байракли-Джамия в Белграде, 447
Гази-Мехмед паша в Нови-Пазаре, 447
Синап паша в Нови-Пазаре, 447
в Самокове, 346
в Русе 332
Мидье 369
Мизия, обл. 339, 373
Милан 105
Миры Ликийские 24
Митилина 272
Младо Нагоричино, г. 168
Можайск 474, 480
Молдавия (Молдавское княжество) 18, 121, 164, 166, 220, 224, 226, 277, 456–457, 461, 480

монастыри:

Араповский, 340
Арильский, 440
Архангельский близ Призрена, 413
Архангельский в Иерусалиме, 419
Архангельский у Охридского озера, 189
Баньский, 449, 457
Бачковский, 335
Белопольский, 459
Бигорский, 342
Бистрецкий, 338, 456
Богоявленский в Москве, 462
Ватопедский, 456
Великая Ремета, 446
Велучский, 444
Владычный Серпуховской, 90
Вознесенский (Великая Матора), 454
Высокие Дечаны, 418, 440
Георгиевский в Руйно, 426
Георгиевский в Старо Нагоричино, 442
Градацкий, 440, 443
Грачаницкий, 387, 422, 442–443, 451–452, 457
Дечанский, 418, 451, 457–458
Драгалевский, 254, 360
Жеглиговский, 168, 419–420
Житомисличский, 441
Жичский, 401, 440, 450–451
Земенский, 160
Зографский, 14, 107, 164, 190, 298, 311, 333–334
Зрзе, 455
Иоанна Предтечи на Патмосе, 105

Иосифо-Волоколамский, 103, 422
Каленичский, 444, 456
Киево-Печерский, 13, 298
Килифаревский, 164
Климентовский в Охриде, 453
Кремиковский, 254
Крушедольский, 421, 446
Ксилургу, 107
Кукленский, 164
Купиновский, 421
Куриловский, 190
Кузя, 456
Лесновский, 164, 342, 442–443, 453
Лисицкий, 88
Ломницкий, 457
Лопушанский, 338
Любостыньский, 444–445
Марков, 453
Матейче, 452–453
Милешевский, 411, 416, 422, 426, 440, 449–450, 457
Морачский, 450, 458–460, 462
Мркина Црква, 427
Ново-Павлицкий, 444
Нямецкий в Румынии, 311
Оранский, 90
Пантелеймонов на Афоне, 14, 278, 289
Парорийский, 160
Пивский, 446, 457
Преображенский, 335–336
Раваницкий, 414–415, 417, 422–423, 455
Рачский, 423
Ресавский (Манасия), 444, 456
Рильский, 8, 15, 23, 141, 160, 164, 168, 185, 190, 221, 277–282, 296, 298, 314, 328–329, 334–338, 342, 345, 420, 529
Руденицкий, 444
св. Лавры на Афоне, 297
Сопочанский, 423, 440, 449–450, 462
Студеницкий, 422, 440, 444–445, 449, 451, 454, 457
Сысоевацкий, 455
Тврдошский, 446
Тисмана, 445
Топлицкий, 214
Троце-Сергиева Лавра, 65, 471, 473, 477
Троцкий близ Тырнова, 162
Троцкий в Плевалях, 459
Троцкий Устьшехонский, 90
Троношский, 446

Троянский, 334–335, 338
Хиландарский, 14, 17, 136, 238, 333–334, 410–411, 413, 416, 423, 444, 451, 453,
457–459, 461, 463
Хоповский, 446
Черепишский, 338
Чудовский, 86
Шпиштовацки 421, 446
Монре 356
Морава, река 402
Моравица, река 440
Моравия, обл. 189
Моравская Сербия 414
Морача, река 440
Морея, обл. 405
Москва 84, 103, 133, 208, 211, 215, 234, 278, 305, 320–321, 340, 344, 349, 361, 363, 367,
405, 435, 462, 467–472, 475, 479–481, 484, 487, 489–490, 495, 499, 515–517, 520, 530–531
Московская обл. 495
Московская патриархия 488
Московское гос-во 17, 19, 119, 263, 277–278
Мохач, г. 404
Мршинац, река 424
Муром 474
Мыглен, г. 138
НАТО 498, 518
Непрядва, река 477
Неретва, река 399
Несебыр, г. 378
Нижний Новгород 468, 472
Нижняя Паннония 407
Никея 401
Никейская патриархия 401
Николаев 320
Нильская равнина 378
Ниш, г. 403, 447
Нишская епархия 214
Новгород Великий 15, 58, 62, 101–102, 132, 211, 462, 467–468, 486, 489
Нови-Пазар 447
Нови-Сад 446
Ново Брдо, г. 168, 402, 404, 419–420
Ново Село, с., г. 334
Новосибирск 84, 102–103
Нью-Йорк 103
Овчарско-Кабларское ущелье 422, 446, 458
Овчарско-Кабларские мон-ри:
Введенский, 446
Вознесенский, 446
Ильинский, 446

Никольский, 446
Предтеченский, 446
Сретенский, 446
Троицкий, 458, 446
Успенский, 446
Одесса 285, 292, 305, 315–316, 319–320, 332, 339, 344, 512
Одоев, г. 478
Одринская Фракия 368
Ока, река 476, 479
Олтения, обл. 456
Орлица, подворье Рильского мон-ря 298–299
Ортакейский район 379
Островица 420–421
Оттоманская (Османская) империя 23, 169, 227, 257, 264, 294, 301, 308–309, 316, 320, 339, 402, 404–406, 421, 391
Охрид 73, 157, 174, 182, 209, 212–213, 322, 379, 401, 409
Охридская архиепископия 235, 195, 214, 254, 370, 401
Охридское озеро 189
Павел, с. 339
Пагания, обл. 56, 398
Пазарджик, г. 327–328, 330, 333, 336
Пакистан 498
Палестина 158, 237, 291, 489
Панагюриште, г. 323, 341
Паннония 54
Паннонская епископия 407
Париж 283, 292, 359–360, 460
Патмос, о. 105
Пенковцы, с. 229, 268
Переяславль-Залесский 278, 474, 480
Переяславль-Рязанский 471
Перник, г. 190, 323
Перуштица, г. 310
Петербург 299, 349, 449–450
Петрич, г. 338
Печ 342, 422, 440, 452, 459
Пехово, с. 338
Печская патр. 141, 257, 405, 422, 440, 459, 462
Пештаны. с. 453
Плевен, г. 248, 327
Пива, река 446
Плиска 73, 147–148, 174, 182, 211–212, 409
Пловдив (Филиппополь) 60, 166, 253, 327–328, 336, 342, 350
Плочник 166
Повардарье, обл. 454
Поволжье 475
Подврх 459

Подгорица 426
Полоцк 58, 476
Польша (ПНР) 33, 143, 403, 419–420
Поморавье 439
Пониква, гора 426
Посавье 435
Преслав 73, 107, 147–148, 156, 174, 182, 209, 211–212, 408
Преспа, г. 210, 392, 408
Преспа, озеро 455
Прибалтика 485, 498
Призрен 346, 369, 387, 404, 412, 442, 447, 451, 453
Прилеп, г. 337, 401, 434, 454
Приморье 440–441, 448, 497
Приморье сербское 135, 456, 448
Приморье хорватское 435
Прислоп, с. 445
Приштина 369, 402, 442
Провадия 298
Псков 58, 467
Пьяна, река 471
Радомир, г. 338
Радонеж 473
Рас, г. 439–440, 448
Рашка, обл. 210, 398–400, 407, 414, 440, 443
Ресава, река 444
Республика Македония 216
Речица, с. 453
Речь Посполитая 215
Рила, с. 299
Рильская пустынь 157, 190
Рим 55, 145, 186, 191, 400, 406–407, 460, 488–489
Ровины 433
Родопская обл. 331, 377
Родопы, горы 374, 379
Родопы Восточные 374
Рожен, г. 379, 509, 517
Россия (СССР, Советский Союз, РФ) 9–10, 31, 33, 78, 84, 86, 90, 120, 316–318, 320–322, 326, 336, 340, 344, 349, 370–371, 376, 382–383, 405, 481, 484–485, 490–494, 496–498, 501–527, 530
Ростов Великий 58, 67, 132, 278, 468, 474
Рудава, река 475
Рудник, обл. 402
Руен, гора 190
Руза, г. 480
Руйно, местечко близ Ужице 426–427
Румелийское бейлербейство 23, 169
Русе (Рушук), г. 268, 289, 332, 348

Русенски Лом, река 160
Русь 7–8, 11–13, 15–16, 23–25, 43, 46, 53, 66, 87, 96, 98, 100, 105–106, 111–115, 122–124, 128, 133, 138–139, 155, 157, 165, 167, 203–204, 412, 461, 467, 469–470, 474–475, 480
Рымник, г. 312
Румыния 252, 279, 314–316, 320, 325, 346, 369, 381, 388
Рязань 468, 475
Сава, река 436, 447
Саксония 493
Самоков 141, 166, 289, 327–330, 334, 346
Сан-Стефано, с. 371
Сент-Андре, г. 424
Сараево 460
Саудовская Аравия 498
Сахалин 497
Свиштов 289, 291–292, 329, 332, 339, 348
Северная (Северо-Восточная) Болгария 60, 113, 150
Северная Добруджа, обл. 369, 387–388
Северная Италия 488
Северная Македония 168, 370
Северная Осетия 492
Северная Сербия 405
Севлиево, г. 332
Сень, г. 437
Сер, г. 369, 401, 413–414
Сербия 7, 11, 18–21, 23–24, 31, 43, 53, 56–57, 66, 87, 108, 113–115, 132–134, 139, 155, 157, 165–167, 220, 224, 226, 232, 277, 281, 287, 298–299, 309, 316, 320, 325, 346, 371, 387, 390, 401–405, 407–408, 410, 417–418, 430–431, 435–436, 441, 449, 451, 462, 463, 518, 530
Себская деспотовина 403
Сербская патриархия 414
Сербское архиепис. 401, 449
Сереская обл. 379
Серпухов 474
Сибирь 16, 481, 490, 497
Ситница, река 429, 432–433
Скадар, г. 400, 403, 406
Скадарское озеро 419
Скрино, с. 190
скиты:
Дечанский, 413
Ждрелский, 413
Пчелино (Рильского мон-ря), 337
св. Луки в Рильском мон-ре 336
Скифия 302
Скопская Черная гора 442
Скопье 342, 451, 453–455

Словакия 9
Словения 531
Славония, обл. 403, 405, 437
Сливен, г. 331
Смедерево, г. 167, 403, 406, 418, 435–436, 447, 454, 456
Смирна, г. 301, 316
Смоленск 458, 475, 486
соборы:
Архангельский в Кремле, 468
Благовещенский в Кремле, 468
Вознесенский в Жиче, 448
Георгиевский в Юрьеве-Польском, 445
Димитриевский во Владимире, 115, 445
Дмитриевский в Прилепе, 454
св. Софии в Киеве, 62
Рождества Богородицы в Рильском мон-ре, 329
Троицкий в Пскове, 62
Троицкий в Троице-Сергиевой Лавре, 469
Успенский во Владимире, 469
Соловецкие острова 16
Солунская епархия 263
Сопот, г. 328
София (Средец) 7, 130, 164, 166, 169, 220, 266, 268, 276, 331, 342, 349–350, 353, 364–366, 528
Сочава, г. 457
Спасово, с. 340
Сплит 408
Средецкая (Софийская) епархия 214
Средиземноморье 295
Средняя Азия 491, 497–498, 523
Средняя Европа 490
Срем, обл. 404, 435–436
Стара-Загора, г. 166, 339
Стара-Планина (Балканы), гора 323, 381
Старая Ладога 462
Старо Нагоричино, г. 442, 451
Стон 448
Странджа, гора 374
Струга, г. 379
Струма, река 190, 337, 369, 380
Струмица, г. 191, 237, 401
Суздаль 67, 278, 474, 486
СФРЮ (Югославия) 33
США 496–498, 500, 502–503, 517, 531
Таджикистан 497–498
Тамбов 477

Татарстан 491
Тверь 104, 215, 467–468, 470
Тетевен, г. 292
Тироль 359
Тисман 445
Травуния (Требинье), обл. 210, 398–400
Трансильвания 404–405
Треска, река 454
Трубачевск 476
Трявна 328–329, 341
Тувимская респ. 491
Тула 486
Туркменистан 497–498, 507
Турция 298, 309, 348, 368, 497–498
Тырговиште, г. 328
Тырново 18, 22, 138, 159, 162, 164–167, 211, 298, 323, 327–329, 332, 342, 417, 419
Тырновская патриархия 223
Тырновское архиеп. 214
Тюбинген 483, 530
Углич 474
Угра, река 481
Ужице, г. 426
Ужице, обл. 402, 405, 427
Узбекистан 485, 497
Украина 119, 132, 211, 232, 242–243, 475, 485–489, 492, 494–497, 499, 531
Улус Джучи 471
Улцинь, г. 403, 406
Урал 497
Фавор, гора 161
Фанагория 489
Фессалия, обл. 210, 401–402
Фессалоники (Салоники, Солунь) 130, 143, 157, 178, 198, 266, 314, 316, 330, 344, 346, 369, 451, 443, 448–449, 455–456, 461, 529
Фракия 295, 388
Франция 33, 155, 349, 351, 358, 370, 375, 480, 491, 511
Фрушка гора 421, 426
Ханты-Мансийский национальный автономный округ 491
Харьков 320
Хеб, г. 424
Хиос, о. 272
Хорватия 399, 407, 437
Царевец 159
Цареград 386, 434, 477
Центральная Европа 387, 490, 529
Центральная Украина 498
церкви:
Банская кладбищенская, 337

Бистрицы в Олтении, 456
Благовещения в Грачанице, 442
Благовещения в Градаце, 440
Боянская, 160
в Ботошанах, 457
в с. Дивля, 338
в с. Спасово, 340
в Свиштове, 339
в Стара-Загоре, 339
Введения Богородицы в Велуче, 444
Введения Богородицы в Кучевиште, 442
Введения Богородицы в мон-ре Каленич, 444
Введения Богородицы в мон-ре Нова Павлица, 444
Вознесения в Жиче, 440, 448
Вознесения в Милешево, 440, 449
Вознесения в Раванице, 443
Карлова в Вене, 358
Кладбищенская в Козици, 456
Куртеа де Арджеш в Валахии, 456
митрополичья в Самокове, 329
Пантократора в Высоких Дечанах, 440
Покрова Богородицы в Рильском мон-ре, 329, 336
Преображения в Берестье, 67
Преображения в Васильеве, 67
Преображения в Сыроевацком мон-ре, 444
пресв. Богоматери в с. Пештаны, 453
пресв. Богородицы Челницы в Охриде, 453
пресв. Богородицы Болецелительницы в Охриде, 453
пресв. Богородицы в Габрово, 332
пресв. Богородицы в Петриче, 338
пресв. Богородицы в Пече, 342
пресв. Богородицы в Прилепе, 454
пресв. Богородицы в Скадарском озере, 419
пресв. Богородицы (Десятинная) в Киеве, 67
пресв. Богородицы Левинской, 439, 442–443, 449, 451
пресв. Богородицы Перивлетос в Охриде, 451–452
пресв. Богородицы-Одигитрии в Пече, 442
Рождества пресв. Богородицы в Рильском мон-ре, 329
Рождества пресв. Богородицы в Суздале, 67
Русская в Париже, 359
св. Андрея близ Скопье, 454
св. архангела Михаила в Калофере, 322
св. Василия в Киеве, 67
св. Георгия в Георгиевском мон-ре в Старо Нагоричино, 451
св. Георгия в Киеве, 67
св. Георгия в Трявне, 342–343
св. Георгия в Ямболе, 329

- св. *Димитрия в Марковом мон-ре*, 442
 св. *Димитрия в Пече*, 442, 452
 св. *Димитрия в с. Килифарево*, 343
 св. *Димитрия в Солуни*, 449
 св. *Ивана Рильского в Рильском монастыре*, 279
 св. *Ильи в мон-ре Руденица*, 444
 св. *Иоанна в Црколезе*, 459
 св. *Луки в Рильском мон-ре*, 329
 св. *Луки в Сент-Андре*, 424
 св. *Марии близ Преспанского озера*, 455
 св. *Марины в Софии*, 231
 св. *Михаила в Стоне*, 448
 св. *Недели в Софии*, 343
 св. *Никиты в Скопье*, 451
 св. *Николая в Бари*, 451
 св. *Николая в Дебыре*, 451
 св. *Николая в Куманово*, 338
 св. *Николая в Подврхе*, 459
 св. *Николая в Топлице*, 440
 св. *Николая в Тырново*, 332, 343
 св. *Николая Старого в Софии*, 334
 св. *Николая в Тырново*, 343
 св. *Пантелеймона в Видине*, 338
 св. *Пантелеймона в мон-ре Климента Охридского*, 453
 св. *Софии в Охриде*, 453–454
 св. *Софии в Константинополе*, 450
 св. *Спаса в Призрене*, 442
 св. *Спаса в Приштине*, 414
 св. *Спаса в Скопье*, 342
 св. *Спаса на Ковалева*, 462
 св. *Спаса Преображения на Ильине в Новгороде*, 467–468
 св. *Стефана (Лазарица) в Крушеваце*, 444
 св. *Трифона в Хиланд. мон-ре*, 458
 св. *Троицы в Ресаве (Манасии)*, 444
 св. *Троицы в Свиштове*, 329, 332
 св. *Троицы в Севлиево*, 332
 св. *Троицы в Сопочанах*, 338
 св. *Троицы во Вране*, 338
 св. *Феодора Стратилата на Ручье в Новгороде*, 467
 свв. *Апостолов в Константинополе*, 449–450
 свв. *Апостолов в Пече*, 440, 449–452, 457, 462
 свв. *Апостолов близ с. Рила*, 298–299
 свв. *Архангелов близ Призрена*, 440, 453–454
 свв. *Архангелов в Иерусалиме*, 419
 свв. *Архангелов в Лесново*, 442
 свв. *Бессребреников* 456
 свв. *Иоакима и Анны (Кралева црква) в Студенице*, 442, 449, 451
 свв. *Кирилла и Мефодия в Свиштове*, 332

свв. Козьмы и Дамиана в Охриде, 453
свв. Константина и Елены в Пловдиве, 335
свв. Константина и Елены в Тырново, 329, 332
свв. Петра и Павла в Куле, 338
свв. Петра и Павла в Пехово, 338
свв. Петра и Павла в Расе, 448
свв. Сиона и Саввы Иерусалимского в Иерусалиме, 450
свв. Феодора и Феофана Песнописцев в Константинополе, 259
Успения пресв. Богородицы в Любостыни, 444
Успения пресв. Богородицы в Мораче, 440, 459
Успения пресв. Богородицы в Ново Село близ Штипа, 334
Успения пресв. Богородицы в Ростове Великом, 67
Успения пресв. Богородицы в Самокове, 328–329, 342
Успения пресв. Богородицы в Студенице, 440, 448
Успения пресв. Богородицы в Хиланд. мон-ре 333

ханства:

Астраханское, 480–481
Большая Орда, 480–481
Казанское, 480–481
Крымское 480
Центральная Европа 307
Центральная Украина 498
Цетинье 426
Цна, река 477
Црколез 459
Чарноводы (Чарноводэ), г. 369

часовни:

Рождества Иоанна Предтечи в Зографском мон-ре, 333
св. Димитрия в Хиланд. мон-ре, 333
св. Николая в Хиланд. мон-ре 459
Черногория 132, 398–399, 404, 446
Черное море 310, 475
Черномен, река 165
Черноморское побережье 165
Чехия 531
Чехословакия (ЧССР) 33, 143
Чечня 113–114, 143, 491–492
Чипровцы 389
Чирпан, г. 340, 342, 359
Чукотка 481, 497
Шар-планина, гора 441
Швабия 493
Швейцария 356, 358, 378
Швеция 33
Шенбрюнн 351, 358
Штип, г. 334, 337
Шумадия, обл. 436

Шумен, г. 69, 220, 253, 289, 327
Эгейская Македония 379–380, 387
Эгейская обл. 378
Эгейское море 149, 310, 369
Элена, г. 341, 381
Элефтеровский залив 384
Эльдорадо 378
Энез 369
Эпир, обл. 401
Эстергом, г. 164
Эстония 491
Юго-Восточная Европа 227, 307, 387, 401, 529
Югославия (СФРЮ) 132, 279
Южная Германия 489
Южная Добруджа, обл. 368–369
Южная Осетия 492
Южная Украина 491, 498
Южная Фракия 310
ЮНЕСКО 525
Юрьев, г. 480
Юрьев-Польский, г. 278, 445
Ямбол, г. 329
Янево 423
Янтра, река 332
Япония 490, 497, 505, 515
Ярославль 132, 278, 474, 486–487
Рах Latina 110
Рах Orthodoxa 110, 113
Slavia Orthodoxa 8, 70, 72, 75, 99–100, 112–114, 180, 201, 528, 531
Slavia Christiana 110.

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ, ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Автопортрет

- Г. Данчова, 340
- Захария Зографа, 335
- Макрия Негриева, 342
- Марко Филипова, 342
- Н. Павловича, 339
- П. Филипова-Гарки, 342;

Апокрифы:

- Болгарская апокрифическая летопись, 158, 198, 202

Видение Исаево, 22, 158, 196, 409
Видение пророка Даниила, 198, 409
Вознесение Анастасиево, 234
Детство Иисусово, 22, 158, 196
Записки об Иисусе Христе, 197
Катарский требник, 199
Книга Еноха, 152, 195
Легенда о Тивериадском озере, 199
Никодимово Евангелие (Евангелие от Никодима), 197, 409
Откровение Варухово, 22, 158, 196, 198, 234
Протоевангелие Иакова, 197, 409
Сказание Афродитиана, 86-89
Сказание Исаии о грядущих годах, 199, 202
Сказание о крестном древе, 22, 197, 409
Сказание о Соломоновой чаше, 186
Слово об Адаме и Еве, 158, 196, 199, 234
Солунская легенда, 157, 198, 202
Сошествие Иисуса во ад, 197
Тайная книга, 199
Толкование Даниилово, 199, 202
Успение Кириллово, 190–191
Фомино Евангелие (Евангелие от Фомы), 22
Хожение Богородицы по мукам, 22, 158, 197;

Аренги:

Дечанская, 413
Карейская, 413
Святостефанская, 413
Стефана Душана, 413;

Библия и библ. книги:

Бытие, 50
Деяния и послания апостолов, 137, 145, 175, 204
Евангелие, 41, 181
Евангелие апракос 113, 155, 215
Книга Руфь, 174
Книга Судей, 174
Книги Иисуса Навина, 174
Острожская Библия, 211, 486
Откровение Иоанна Богослова, 199
Пятикнижие Моисея, 174;

Гадальные книги:

Коледник, 197
Месяцеслов, 197
Трепетник, 197;

Гравюры:

Рильский мон-рь, 338
Св. Богородица, 338
Св. Иван Рильский, 338;

Грамота

- бана Кулина, 408
- Дечанская, 413
- Карейская кор. Милутина, 413
- Стефана Дечанского, 413
- Стефана Душана, 413;

Графика и рисунки:

- Крестьяне из с. Павел, 339
- Сбор винограда, 339;

Диалоги:

- Общесоборный .... советный разговорлюбомудрых, 319
- Просвещенный Европеец, Полумертвая Мати Болгария и Сын Болгарин, 303, 319
- Разговорлюбородный, 303;

Житие

- протопопы Аввакума, 96, 123, 139, 248, 250–251, 256
- Софрония Врачанского (“Автобиография”) 222, 244–252, 256, 271, 283, 287, 306, 312
- св. Авраамия Ростовского, 97
- св. Авраамия Чухломского, 90
- св. Акилины Ардамеритской, 263, 274
- св. Аксения, 274
- св. Александра Дервиша, 273
- св. Алексея, митр. Московского, 462
- св. Алексея человека Божия, 177, 287, 292–294, 300, 304, 314
- св. Анастасия Нового, 274
- св. Ангелиса, 259, 262, 269, 274
- св. Андрея Тотемского, 100
- св. Анны Ависсокской, 263, 274
- св. Антония Великого, 177, 189
- св. Аргирь Брусской, 263, 272
- св. Арсения I, архиеп. Сербского, 412, 463
- св. Афанасия Икийского 262, 272
- св. Ахмеда Калфы, 264
- св. Бенедикта Нурсийского, 175
- св. Варлаама Хутынского, 462
- св. Владислава, кор. Сербского, 412
- св. Гавриила, еп. Сербского, 412
- св. Гавриила, патр. Константинопольского, 264
- св. Георгия Магнисийского, 261
- св. Георгия Нового (Софийского), 118, 126, 169, 222, 227–231, 233–234, 242, 258, 267, 269, 270, 274
- св. Георгия Одринского, 227, 258, 260, 261
- св. Георгия Победоносца, 235
- св. Григория Пелшемского, 90
- св. Григория Синаита, 168
- св. Данилы I Баньского, 41
- св. Данилы I, архиеп. Сербского, 412

- св. Данилы II, архиеп. Сербского, 412
- св. Дима, 271
- св. Димитра Нового, 269
- св. Димитрия Солунского, 178, 235, 288
- св. Димитрия Торнары, 261
- св. Драгутина, кор. Сербского, 412
- св. Евстафия I, архиеп. Сербского, 412
- св. Евстафия II, архиеп. Сербского, 412
- св. Елены, крал. Сербской, 412
- св. Ефрема, патр. Сербского, 417
- св. Захарии, еп. Коринфского, 262
- св. Златы Мыгленской, 263
- св. Иакова, архиеп. Сербского, 412
- св. Ивана Рильского, 30, 157, 163, 168, 185, 189, 191–192, 233, 288–289, 295, 298
- св. Илариона Мыгленского, 163
- св. Иоанна Бранковича, 421
- св. Иоанна Валаха, 259, 268
- св. Иоанна Златоуста, 177
- св. Иоанна Икийского, 259
- св. Иоанна Калфы, 259, 262
- св. Иоанна Лествичника, 176
- св. Иоанна Нового Белгородского, 121, 130
- св. Иоанна Отрока, 259, 261
- св. Иоанна Трапезундского, 259, 261
- св. Иоанна Янинского, 227, 259, 273
- св. Иоанникия I, архиеп. Сербского, 412
- св. Иордана Нового, 273
- св. Исаакия Печерского, 100
- св. канонарха Гавриила, 259, 262
- св. Кирилла Белозерского, 462
- св. Кирилла, первоучителя слав., 54, 82–83, 168, 185–186, 420
- св. Климента Охридского, 157, 191
- св. кн. Александра Невского, 80, 468
- св. кн. Бориса Болгарского, 185
- св. кн. Владимира, 117
- св. кн. Владимира Зетского, 412
- св. кн. Всеволода Псковского, 80
- св. кн. Ольги, 117, 202
- св. Константина Нового, 274
- св. Корнилия Комельского, 90
- св. Лазаря Муромского, 90
- св. Максима, архиеп. Сербского, 421
- св. Марка Цареградского, 259–260, 267
- св. Мефодия, первоучителя слав., 99
- св. Милутина, кор. Сербского, 412

- св. Мирона Критского, 274
- св. Михаила Клопского, 99
- св. Михаила Маврудиса, 227, 259, 271, 273
- св. Наума Охридского, 157, 188–189, 203
- св. Николая муч., 267, 274
- св. Николы Нового (Софийского), 118, 169, 227, 231, 258–259, 267–268, 270–271, 273
- св. Павла, невольника Русского, 262–263, 271
- св. Павла Обнорского, 90
- св. Панкратия Тавроменийского, 177
- св. Парфения, патр. Константинопольского, 259, 262, 274
- св. Петки Тырновской, 24, 163, 233, 288
- св. Петра Коришского, 412, 420
- св. Петра, митр. Московского, 20–21, 84–86, 122
- св. Петра, царя Болгарского, 185
- св. Радослава, кор. Сербского, 412
- св. Ромила Видинского (Бдинского), 417
- св. Саввы, архиеп. Сербского, 17, 24, 46–47, 51, 97, 411–412, 420, 463
- св. Саввы II, архиеп. Сербского, 412
- св. Саввы Освященного, 178
- св. Серафима, еп. Фанарийского, 262
- св. Сергия Радонежского, 462
- св. Стамматия, 262
- св. Стефана Бранковича, 421
- св. Стефана Дечанского, 24, 167, 412, 417, 463
- св. Стефана Душана, кор. Сербского, 412
- св. Стефана Лазаревича, 24, 100, 417
- св. Стефана-Симеона Немани, 410
- св. Стефана Пермского, 467
- св. Уроша, кор. Сербского, 412, 423
- св. Феодора Нового, 267, 270, 272
- св. Феодора Стратилата, 235
- св. Феодосия Печерского, 27, 408
- св. Феодосия Тырновского, 168
- св. Феофана Нового, 267
- св. Филофеи, 163
- свв. кнн. Бориса и Глеба, 27, 117, 202, 409
- свв. Петра и Февронии Муромских, 38, 50, 99
- свв. Тивериупольских мучеников, 97, 191
- Чтение о свв. кнн. Борисе и Глебе, 63;

Иконы:

- Благовещение, 458, 460
- Богородица, 338
- Богородица и Христос, 457
- Богородица, оплакивающая Христа, 457
- Богородица на троне, 338
- Богородица Пелагонитисса, 455
- Вознесение, 334, 458

Воскресение, 458
Воскрешение Лазаря, 458
Вседержитель, 458
Крещение, 458
Неверие Фомы, 460
Св. Алексей человек Божий, 458
Св. арх. Михаил вынимает душу у богача, 338
Св. Димитрий, 458-459
Св. Иоанн Креститель, 334, 458
Св. Кириак Отшельник, 459
Св. кн. Лазарь, 463
Св. Лука, 459
Св. Лука с житием, 460
Св. кор. Милутин, 463
Св. Николай, 459
Св. Петка, 458
Св. прор. Илья, 338
Св. Прохор Пшинский, 338
Св. Спиридон, 338
Св. Стефан Дечанский, 457
Св. Трифон, 458
Свв. Воины, 459
Свв. Климент и Наум Охридские, 453
Свв. кн. Лазарь и вмч. Георгий Новый, 459
Свв. Козьма и Дамиан, 459
Свв. Лука и Иоанн Богослов, 460
Свв. Савва, Симеон Неманя и Стефан Сербские, 460
Свв. Симеон и Савва Сербские, 458, 463
Успение Богородицы, 334
Христос Великий Архиерей, 334
Христос и Богородица, 457
Христос Спаситель и Жизнедавец, 454;

Канон:

— архистр. Михаилу, 183
— Богородице покаянный, 413
— за царя, 413
— Перенесению мощей митр. Петра, 462
— св. ап. Андрею, 183
— св. Афанасию Мунтанскому, 259
— св. Димитрию Солунскому, 54, 178
— св. Евфимию Великому, 183
— св. Стефану, еп. Пермскому, 462
— свв. Симеону и Савве Сербским, 412
— Христу, 412
— Христу покаянный, 413;

Картины:

Беженцы, 341

Воины приносят хану Круму голову виз. имп. Никифора, 339
Голова русской девушки, 340
Девушка в профиль, 340
Запруда, 341
Крещение Преславского двора, 339
Курильщик, 341
Лес, 341
Мельница, 341
Монах, 340
Переправа хана Аспаруха через Дунай и установление его в Мизии, 339
Подавление боярского бунта царем Борисом I, 339
Резня, 341
Убийство ребенка, 341
Хан Аспарух с дружиной на пути к Дунаю, 339
Читающая монахиня, 341;
Кормчая:
Рязанская, 18
Софийско-новгородская, 18;
Летописи:
Галицко-Волынская, 97–98
Грабовачская, 421
Дуклянская (Барский родослов, Летопись попа Дуклянина), 28, 136, 408
Ермолинская, 474
Иоакимовская, 28, 93
Ипатьевская, 79
Киевская 1037–1039 гг., 63
Лаврентиевская, 467
Летописец Великий Русский, 467
Летописная статья 1015 г., 78
Летописный свод 1305 г., 467
Лицевой летописный свод, 93
Львовская, 474
Младшая (Сербская), 415
Мстиславова, 79
Никоновская, 93, 482
Свод митр. Киприана 1409 г., 467
Старшая (Сербская), 415
Троицкая, 467
Холмогорская, 96;
Литографии:
Несколько слов об Асене I, 339
Портрет Мидхат-паши, 340
Райна, княгиня болгарская, 340
Русалки, 340;
Молитва
— Азбучная, 65, 149–150, 187–188
— Богородице, 168, 420

- Григорию Богослову, 161, 186
- Молитва, 79
- Отче наш, 155
- св. митр. Петру, 84, 86
- свв. новым русским чудотворцам, 122
- Моление Господу Иисусу Христу, 416
- Символ веры, 113;

Ода

- на смерть Юрия Венелина, 318
- Петру Берону, 318
- Софронию Врачанскому, 252, 318
- Юрию Венелину, 318;

Памятники письменности:

- Архангельское Евангелие, 64
- Ассеманиево Евангелие, 144
- Вуканово Евангелие, 135
- Грамота бана Кулина, 135–136
- Добромирово Евангелие, 33
- Евангелие воев. Станевича, 454
- Евангелие иг. Дорофея, 454
- Евангелие патр. Саввы, 454
- Есфигменский ирмолог, 461
- Зографское Евангелие, 144
- Изборник 1073 г., 108, 203
- Клоцов сборник, 408
- Куманское Евангелие, 454
- Мариинское Евангелие, 408
- Мирославово Евангелие, 135–136, 408
- Мстиславово Евангелие, 28
- Норовская Псалтырь, 33
- Остромирово Евангелие, 64, 211, 486
- Псалтырь митр. Киприана, 138
- Псалтырь Томича, 164
- Саввина книга, 50
- Синайская Псалтырь, 144
- Синайский Требник, 144
- Софийский Песнивец, 164
- Темничская надпись, 135
- Успенский сборник, 33
- Учительное Евангелие Константина Преславского, 107
- Четвероевангелие царя Ивана Александра, 164;

Патерики:

- Азбучно-Иерусалимский, 175
- Египетский, 175
- Палестинский, 175
- Римский, 175
- Скитский, 175

Синайский, 176;

Песни:

Болгары-юнаки, 322
Дележ Якшичей, 435
Джурова Ерина, 435
Воззвание, 322
Восстань, восстань, юнак балканский, 322
Как Савва пошел в монахи, 430
Кто лучший юнак? 433
Малый Радойца, 436
Мы не хотим богатства, 322
На Балканах, 322
Невеста Иво Сенянина, 438
- о Нибелунгах, 490
Певец, 322
Прекрасен ты мой лес, 322
Сейчас или никогда, 322
Смерть бана Деренчина, 435
Смерть Иво Сенянина, 437
Смерть матери Юговичей, 432
Смерть Смилянича Илии 438
Старина Новак и кнез Богосав, 436
Царь Лазарь и царица Милица, 432
Якшичам дворы разорили, 437;

Повести:

Бедное семейство, 325
Благочестие, 317
Богатый бедняк, 325
Болгары старого времени, 325
Виновата ли судьба, 325
Воевода, 324
Здесь ему конец, 325
Как поссорились Иван Иванович и Иван Никифорович, 514
Маменький сынок, 514
Митрофан и Дормидольский, 514
Мученик, 325
На чужой могиле без слез плачут, 325
Наказал ее Бог, 325
Неда, 325
Несчастливая Кристишка, 324
Несчастное семейство, 324
Отверженные, 514
Отмщение, 325
После отмщения, 325
Потерянная Станка, 324
Потерянное дитя, 304, 317
Радуга, 317

Райна, королевна болгарская, 318

Сока, 325

Три картины из богарской жизни (трилогия), 325

Ученик и благодетели, 324

Что делать? 325;

Повесть

— Временных Лет, 63–64, 78, 97, 468

— Задонщина, 97

— известно сказуема на память вмч. благоверного цар-ча Димитрия, 80

— книги сея от прежних лет, 80

— о Вараама и Иоасафе, 94, 158, 200

— о взятии Царьграда, 434

— о Дмитрии Басарге, 95

— о зачале Владычного Серпуховского мон-ря, 90

— о зачале Оранского мон-ря, 90

— о зачале Троицкого Устьшехонского мон-ря, 90

— о кор-че Валтасаре, 95

— о нашествии Тохтамышша, 479–480

— о некоем мнихе, 80

— о Перенесении мощей св. Луки в Смедерево из Рогоса, 419

— О Перенесении мощей св. Николая из Мир Ликийских в Бари, 24

— о разорении Рязани Батыем, 468

— о разуме, 92

— о Савве Грудцыне, 93, 95

— о Тверском Отроче мон-ре, 89–91

— о Фроле Скобееве, 93

— о царе Газие, 92

— о царе Льве, 93, 96

— о царице и львице, 95

— об Акире Премудром, 158, 200

— об Индийском царстве, 93

— об иноке, снявшем иноческий образ, 96

— Печерская, 78

— ради Страшного и Второго Пришествия, 288

— Рильская (Рассказ о Перенесении мощей св. Ивана Рильского из Тырнова в Рилу), 419

— Стефанит и Ихниллат, 93–94, 99, 158, 200;

Портрет

— Васи́ла Левского, 340

— Домники Ламбровой, 336

— Екатерины Гюровой, 335

— Ивана Чернева, 339

— Мужчины с орденами, 340

— Найдена Герова, 336

— Неофита Рильского, 335

— Пейо Кюркчии, 340

— Старца, 340

- Стефана Захариева, 336
- Христины, 335
- Цвятко Радославова, 339;

Послание

- Андрея Курбского, 82
- Великому кн. Василию III, 19
- вельможе Иоанну о смерти князя, 122
- Елены Балшич, 419
- Евфимия Тырновского, 19
- Ивана Грозного, 82
- Иоанна Лествичника, 176
- Иоанна Раифского, 176
- кн. Александру Борисовичу, 80
- о рае, 97
- стольника Ивана Бегичева, 93–94
- царю Ивану Васильевичу, 80
- царю Михаилу Романову, 19;

Поучение

- Владимира Мономаха, 65, 122, 139
- к брату столпнику, 79
- Кирилла Философа, 97
- на Пасху, 43
- наказание от отца сыну, 80
- о Великом Четверге, 43
- о Неделе мясопустной, 43;

Похвала

- вел. кн. Василию III, 80
- общая свв. Кириллу и Мефодию, 81
- св. Димитрию Солунскому, 81
- св. кн. Владимиру, 79
- св. кн. Лазарю, 415
- царю Симеону, 154, 187–188
- свв. Симеону и Савве Сербским, 17, 412;

Поэмы:

- Бойка-воевода, 323
- Гайдуки, 323
- Дигенис Акрит, 201
- Илиада, 177
- Источник Белоногой, 323
- Кракра из Перника, 323
- Лесной путник, 322–323
- Одиссея, 177
- Стоян и Рада, 285, 319;

Пьесы:

- Велизарий, 304, 317, 327
- Велислава, княгиня болгарская, 327
- Восшествие на престол Крума Страшного, 327

Все на войну!, 385–386
Злая жена, 328
Иванко, убийца князя Асена I, 328
Крещение Преславского двора, 327
Ложно понятая цивилизация, 328
Малакова, 328
Мать и скверно воспитанная дочь, 328
Михаль, 327
Многострадальная Геновева, 327
Отец и непослушный сын, 328
Профессор, 359
Райна, княгиня болгарская, 327
Ревизор, 514
Стоян-воевода, 328
Хаджи Димитр Ясенов, 327
Цветко-воевода, 327;

Рассказ

— о выборе веры кн. Владимиром, 96
— о Перенесении мощей св. Ивана Рильского из Тырнова в Рилу, 168
— о Перенесении мощей св. Петки из Тырнова в Сербию, 167, 417
— о смерти Олега, 96
— о чуде св. Георгия с болгаринном, 24
— об отуречивании чепинских болгар, 252;

Рассказы:

В Добриче, 388
На Северный фронт!, 384, 388
Нешо, 325
Первая встреча с русскими, 384–385, 388
По небу и по земле, 384
Стоян, 325;

Романы:

Александрия (средн.), 23, 93, 115, 200, 288
Вихрь. С шопами к Цареграду, 386
Доктор Живаго, 396–397
Железный светильник, 389, 397
Об Оттоне и Олунде (средн.), 95
Под игом, 512, 514–515
Преспанские колокола, 389, 397
Приключения Робинзона Крузо, 317
Приключения Телемаха, 302, 317
Слышу ваши голоса, 389, 397
Хоро, 368;

Сборники:

Адрианты, 420
Анфологион, 281
Великий требник, 281
дамаскины, 119, 168, 222, 232–235

Деревенское Зерцало (Общенародная книга), 81
Диоптра, 15
Жезл правления, 281
Загребский сборник 1469 г., 228, 419
Златая цепь, 65
Златоструй, 76 148, 174–175, 177
Золотая матица, 88
Изборник царя Симеона, 112, 123, 177
Измарагд, 16
Историческая паляя, 26
Кириакодромион, сиречь Недельник, 250, 285–287, 290
Книга Великих пастырей, 281
Книга, нарицаемая мытарства, 288, 298
Книга о вере, 281
Краткий катехизис, 287, 290
Лаврентиевский, 164
Лествица, 176
Лимонис, 176
Луг духовный, 176
Меч духовный, 424
Мифология Синтипы Философа, 313
Молитвы и акафисты, 424
Небеса, 65, 153, 180
Новый завет, 289–290,
Номоканон, 26, 178, 193, 201
Октоих (Осьмогласник), 180, 426, 427
Отечник, 175
Поучения Ефрема Сирина, 281
Поучения и слова различные, 424
Поучений и словосказаний, 249
Поучение и словосказание на Праздники Господни, 313
Поучения от Евангелия, 287, 289
Псалтырь с воследованием, 426
Псалтырь с Часословом, 426
Пределы, 168
Пчела, 117
Различные поучительные наставления, 287, 293
Рильский Панегирик, 168, 420
Служебник, 249, 424
Требник, 426
Священное цветообращение, 287, 289, 297
“Сокровище” Дамаскина Студита, 168
Супрасльский, 178
Торжественник, 17
Триодь, 174
Триодь Цветная, 204, 427
Учтав церковный, 281

- Учительное Евангелие, 174, 188
 Феатрон, политикон, сиречь Гражданское Позорище, 248–249, 287
 Физиолог, 26, 94, 164
 Христоития или Благонравие, 300
 Часослов и Богородичник, 249, 307, 424
 Четвероевангелие, 289, 426–427
 Чудеса пресв. Богородицы, 287, 297–298, 313–314
 Чудовский сборник, 16;
Сборники рассказов и очерков:
 Болгары, греки и сербы, 375
 В Германии, 375
 В южных землях, 377–378
 Вне Болгарии, 511
 Войны и освобождение, 372, 379, 383–385
 Книга о болгарях, 372
 Красные страницы, 381, 383.
 Наш народ, 372
 Песни и стихотворения, 322
 Сегодняшние болгары, 372;
Сборники стихов:
 Бессоница, 359
 Гимны и баллады, 355–356
 Силуэт, 359
 Das Rosenland, 356
 Regina mortua, 355;
Сказание
 — о Вавилонском царстве, 88
 — о Даниле Переяславском, 80
 — о древе, злате и златом попугае, 92
 — о князьях Владимирских, 50
 — о Мамаевом побоище, 478
 — о письменах, 46, 150, 184, 202, 299
 — о чудесах св. митр. Петра, 84, 86
 — об Индийском царстве, 99
 — разъясненное о письменах, 162, 418;
Сказки:
 Божье правосудие, 192
 Монах и арх. Михаил, 192;
Слово
 — в Великий Петок, 122
 — Ипполита папы римск. об Антихристе, 107
 — на память Герасима и Евгении, 417
 — на Перенесение мощей св. Климента Римского, 54
 — на Перенесение мощей св. митр. Петра, 84
 — на Преставление св. митр. Петра, 86
 — надгробное Георгию Бранковичу, 418
 — надгробное св. митр. Киприану, 19, 122, 167

- надгробное св. кн. Лазарю, 415
- о благочестивом царе Михаиле, 92
- о Вавилоне, 97, 99
- о вмч. Георгии, 183
- о Законе и Благодати, 78–79, 108, 139, 409, 468
- о зачатии пустыни Дедовского острова, 90
- о любви, 416
- о погибели Русской Земли, 65, 75, 139, 142, 468
- о полку Игореве, 43, 79–80, 88, 96, 201, 478
- о пришествии Антихриста и Страшном суде, 234
- о св. Григории чудотворце, 183
- о св. еванг. Марке, 183
- о св. кн. Лазаре, 415
- о св. неделе, 183
- о светопреставлении, 234
- обличительно Максима Грека против Афродитиана, 87–88
- против ариан, 200;
- Слово похвальное**
- арх. Михилу и Гавриилу, 81, 183
- Вознесению, 23
- Воскрешению Лазареву, 183
- Димитрию Солунскому, 184, 420
- Евфимию Тырновскому, 122, 162, 164, 167
- Зачатию Иоанна Крестителя, 183
- Знамению пресв. Богородицы в Новгороде, 462
- Кресту, 65
- Пасхе, 43, 184
- Преображению, 23
- прор. Захарии, 183
- Рождеству Христову, 23, 43
- св. Ивану Поливотскому, 163
- св. Ивану Рильскому, 168
- св. Кириллу, 149, 161, 184
- св. Клименту Римскому, 183
- св. Михаилу Воину, 163
- св. неделе, 183
- св. Николаю Мирликийскому, 43, 420
- св. Петру, митр. Московскому, 103, 122
- св. Стефану Штиляновичу, 421
- свв. Зосиме и Савватию Соловецким, 462
- свв. Кириллу и Мефодию, 168
- свв. Козьме и Дамиану, 43
- свв. Константину и Елене, 18, 163
- свв. Михаилу Черниговскому и боярину его Федору, 462
- свв. Симеону и Савве Сербским, 16
- Успению Богородицы, 183;

Служба

- на Обретение мощей св. Стефана Первовенчанного, 423
- общая (апостолу), 183
- общая (мученику), 183
- общая (мученице), 183
- общая (пророку), 183
- общая (святителю), 183
- св. Ангелине Бранкович, 421
- св. Арсению Сербскому, 413
- св. Георгию Бранковичу, 421
- св. Георгию-Максиму, архиеп. Сербскому, 421
- св. Георгию Новому (Софийскому), 103
- св. Евстафию Сербскому, 413,
- св. Ефрему, патр. Сербскому, 416
- св. Иоанну Бранковичу, 421
- св. Иоанну Рильскому, 168, 298–299
- св. Кириллу, первоуч. слав., 183
- св. Клименту Охридскому, 157
- св. Мефодию, первоуч. слав., 183
- св. Милутину, 416
- св. Никодиму, архиеп. Сербскому, 417
- св. Петру Коришскому, 412
- св. Петру, митр. Московскому, 20–21, 84, 86
- св. Петру, царю Болгарскому, 185
- св. Савве, архиеп. Сербскому, 410–411
- св. Симеону Немане, 411
- св. Стефану Бранковичу, 421
- св. Стефану Дечанскому, 417
- св. Стефану Штиляновичу, 421
- св. царю Урошу Сербскому, 423
- свв. Борису и Глебу, 202
- свв. десп. Бранковичам, 421
- свв. Кириллу и Мефодию, первоуч. славян, 183
- свв. седмочисленникам 157;

Стенописи:

- Ангел у гроба Господня, 449
- Богородица, оплакивающая Христа, 457
- Богородица с Христом, 455
- Великие праздники, 455
- Видение Небесного Иерусалима прор. Даниилом, 450
- Вознесение, 450
- Воскрешение Лазаря, 450
- Встреча Марии и Елизаветы, 448
- Даниил во рву львином, 450
- Жены мироносицы, 448
- Лоза Неманичей, 452–453
- Мытарства души, 337

Небесная литургия, 455
Неопалимая купина, 458
Пантократор, 455
Поклонение жертве, 455
Причащение апостолов, 455
Рождество Христово, 448
Св. Георгий, 458
Св. Димитрий, 458
Св. Иван Рильский, 339
Св. Иоанн Лествичник, 458
Сошествие Св. Духа на апостолов, 450
Сретение, 448
Тайная вечеря, 450
Три отрока в печи огненной, 450
Уверение Фомы, 450
Христос Ветхий деньми, 450
Христос, 450
Явление Христа апостолам по Воскресении, 450;

Стихиры:

— Крестобогородичные, 413
— Неопалимой Купине, 413
— покаянные Богородице, 413
— покаянные Христу, 413
— Предпразднеству Богоявления, 182
— Предпразднеству Рождества Христова, 182
— св. десп. Иоанну Бранковичу, 423
— св. кн. Лазарю, 423;

Стихотворения:

Благовещенье, 359
Богач бедняк, 326
Борьба, 323
В знойный день, 322
Волшебница, 359
Град, 358
Дева, не люби меня, 365
Матери, 323
Моей первой любви, 324
Моя молитва, 324
На ниве, 358
На прощанье, 324
Охрид, 322
Песня моей монетке, 326
Прекрасен ты мой лес, 322
Преслав, 322
Прощание с родиной пламенного болгарского патриота, 322
Силен лишь тот..., 326
Тоска по югу, 322

Ты будешь в белом, 359

Хаджи Димитр, 324

Эпопея забытых, 514

Via dolorosa, 354;

Типики:

Иерусалимский, 411

Карейский, 410

Студеницкий, 410

Студийский, 411

Хиландарский, 410;

Учебники:

Арифметика, или наука числительная, 315

Болгарская грамматика, 305

Букварь, 292

Взаимоучительные таблицы, 315

Грамматика славяноболгарская, 293, 315

Разговорник греко-болгарский, 297, 315

Краснописание, 315

Краткое начертание по всеобщей истории, 294

Краткое политическое землеописание, 287, 290, 298

Краткое ясное начертание... письмен греческого языка, 295

Письмовник, 290–291, 299

Рыбный букварь, 284, 292, 301, 314–315

Славяноболгарский предручный послательник, 293

Славяноболгарское детоводство, 297, 302–303, 315;

Хроника

— Георгия Амартола, 179, 315

— Диона Кассия, 179

— Евсевия, 179

— Зонары, 179, 205

— Иоанна Малалы, 179, 205

— князей сербских, 57, 408

— Козмы Пражского, 98

— Константина Манассии, 164

— славяносербская, 424

— Турецкая (Записки янычара), 420

— Юлия Африкана, 179;

Хронографы:

Белопольский, 422

Верхобрезничский, 422

Житомислический, 422

Пивский, 422

Русский 1512 г., 422

Русский 1617 г., 422;

Шестодневы:

Василия Великого, 139, 180

Георгия Писиды, 180

Иоанна Экзарха, 43, 65, 97, 120, 139–140, 153–154, 187

Севериана Гавальского, 139, 180;

Литературные произведения иных жанров:

Беседа против богомилов, 43, 155, 200, 299

Большой Апологетик, 83

Вальтария, 490

Гистория о Франце Мемзонзилиусе, 95

Домострой, 80

Жалобница попа Сильвестра, 80

Житие и владычество св. кн. Лазаря, 415

Житие и жительство королей и царей сербских, 415

Закон Судный людем, 178, 201

Зографская история, 311

Именник болгарских ханов, 193–194

Исповедание православной веры, 79, 313

Историкии, 148, 194

История во кратце о болгарском народе словенском, 311

История животных, 139

История о начале Русской Земли, 96

История славяноболгарская, 119, 170–171, 223, 237–245, 251, 283, 299, 308–309, 312–313, 335

Источник знания, 180

Молебствие о царе Стефане Сербском, 413

Моление Господу Иисусу Христу, 416

Мудрость доброго Рихарда, 302

Написание о правой вере, 83

О восьми частях речи, 26

О материи и мире, 139

О мистическом Богословии, 414

О народах Индии и брахманах, 175

О Небесной иерархии, 414

О образех, 26

О Церковной иерархии, 414

Об именах Божиих, 414

Об управлении империей, 398

Описание событий, последовавших за хатти-шерифом, изданным султаном Меджидом... 303

Отписка утешительная, 80

Пандекты Никона Черногорца, 113, 127

Панчатантра, 158

Паренесис, 176

Переписка Грозного и Курбского, 82

Письма Сосипатра Аксиоху, 106

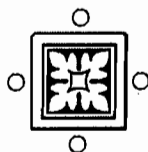
Письма Фалалею, 81

Плач об Углеше, 416

Последования молебных песен, 288

Представление о жизни общества, 313

Премудрости Соломоновы, 204
Притчи Соломоновы, 186
Проглас к Евангелию, 65, 149, 187–188
Пролог к “Шестодневу”, 139, 152, 154, 187
Родослов Сербский, 416
Священная церковная история из Ветхого и Нового Завета, 287
Синтагмы Матая Властаря, 410
Система или состояние мухаммеданской религии, 313
Словеса дней и царей, и святителей московских, 80
Смотрение вселенной, 418
Степенная книга царского родословия, 80
Толковое Евангелие Феофилакта Болгарского, 94
Троянская притча, 164
Устав чтения Псалтыри, 410
Хождение игумена Даниила в Иерусалим, 202
Хождение Стефана Новгородца, 97
Цароставник, 412
Чудеса, 80
Энхиридион, 106
Эпистолия кир Силуановы, 414.

Научное издание

И.И. Калиганов

ВЕКОВ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ
(вопросы истории и поэтики славянских литератур и культур)

Подписано в печать 16.01.06. Формат 70x100 1/16
Уч.-изд. л. 37,7; усл. печ. л. 48,9. Тираж 500 экз.

Лицензия ИД № 06234
Государственная академия славянской культуры
Москва, ул. Героев Панфиловцев, д. 39, к. 2
Тел. 725-32-98

Научно-издательский центр «Инженер»
119034, Москва, Курсовой пер., д. 17

Изготовлено фирмой «Ин-кварто»
Тел. / факс 111-87-88, 291-85-06

ДЛЯ ЗАМЕТОК

И.И. КАЛИГАНОВ **ВЕКОВ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ**